

1196.

1881

ВСКРАМ
ПЫЛ.

ИЮНЬ

Оставшееся небольшое количество полныхъ экземпляровъ «РУССКОЙ РЪЧИ» за 1880 годъ можно выписать черезъ редакцію журнала по 10 р. безъ пересылки и по 13 р. съ пересылкой. Экземпляры за 1879 годъ распроданы всѣ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА
„РУССКАЯ РЪЧЬ“
 въ 1881 году.

Журналъ „РУССКАЯ РЪЧЬ“ выходитъ въ С.-Петербурѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 листовъ и болѣе, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ: князя А. И. Васильчикова, Н. А. Вроцкаго, профессора А. Д. Градоговаго, Н. И. Краснова, А. В. Круглова, Евгенія Маркова, Л. К. Попова, А. Шардина и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ.	16 >
съ пересылкой	17 >
За границу: въ Европу, ...	} 18 >
Сѣверную Америку и Египеть.	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА ПЛАТЫ ПО ТРЕТЯМЪ:

	При подпискѣ	въ 1 Мая.	въ 1 Сентября
безъ доставки.	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 >	5 >	4 >
съ пересылкой.	9 >	5 >	4 >

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ исполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или послали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію „Русской Рѣчи“ съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, причемъ, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, жалоба должна быть заявлена не позже какъ¹ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

РУССКАЯ РѢЧЬ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

РУССКАЯ РѢЧЬ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И НАУКИ.

І ю н ъ, 1881.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція „Русской Рѣчи“ и Главная Контора журнала:

Прачешный пер., № 5.

1881.

Δ
P Slav 605.15 $\left(\frac{1881}{6}\right)$
V

Kellard

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ 1881.

	Стр.
I. НАТАША.—Разсказъ.—Алексѣя Смирнова	1
II. СРАВНЕНІЕ РУССКАГО ТАРИФА СЪ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКИМЪ И НАШИ НУЖДЫ.—Ф. Журова	39
III. БНЯЗНА ВЛАДИМИРСКАЯ ИЛИ ЗАЦѢПИНСКІЕ КАПИТАЛЫ.— Историческій романъ.—Часть вторая, глава I-III.—А. Шардина.	60
IV. ПАРИЖЪ ВЪ ПЕРІОДЪ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ.—Новые очерки изъ дѣйствительной страны, миллиардовъ, Манса Нордау.—(Пе- реводъ съ нѣмецкаго)	127
V. ОСНОВЫ МОЛЕКУЛЯРНОЙ БИОЛОГИИ.—VI. Возможно ли само- зарожденіе.—VII. Происхожденіе жизни.—Л. Н. Попова . . .	176
VI. *.*.—Стихотвореніе.—Ал. Львовой.	220
VII. СУМЕРКИ.—Повѣсть.—Часть вторая.—А. П. Львовой	221
VIII. ЭТЮДЫ О ФРАНЦУЗСКОМЪ РОМАНѢ.—I.—Бульть плоти.— Евгенія Марнова.	270
IX. ПОЗДНО.—Повѣсть.—(Окончаніе).—А. В. Круглова	298
X. САМОДЕРЖАВІЕ И КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЪ.—А. Н.	357
XI. КОНФИДЕНЦІАЛЬНЫЙ АГЕНТЪ.—Романъ Джемса Пайна.— Глава I-IV.—(Переводъ съ англійскаго).	378

XII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Высочайшій манифестъ 29 апрѣля. —Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ начальникамъ губер- ній отъ 6 мая.—Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія попечителямъ учебныхъ округовъ.—По поводу назначенія но- выхъ министровъ: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и государ- ственныхъ имуществъ.—Еврейскій погромъ	1
XIII. НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.—Метеорическое происхожденіе града.— Пыль и дождь.—Примѣненіе электрическаго свѣта въ освѣще- нію внутренностей живаго организма.—Эльпе	44
XIV. МЕЖДУ ДѢЛОМЪ.—(Фельетонные очерки и рассказы).—Я	55

Н А Т А Ш А.

(РАЗСКАЗЪ).

Рязановъ возвратился домой поздно вечеромъ. Въ квартирѣ уже не было огня, всѣ спали. Онъ отворилъ дверь своимъ ключемъ, снялъ шубу и калоши, ощупью дошелъ до своей комнаты, хотѣлъ было зажечь огонь, но передумалъ, и въ темнотѣ добравшись до дивана, сѣлъ на него, откинулъ назадъ свои волосы и глубоко вздохнулъ. Вздохнулъ онъ не отъ горя, не отъ печали; въ эту минуту онъ даже забылъ, что горе и несчастія существуютъ на свѣтѣ, такъ полно было его сердце молодымъ искреннимъ чувствомъ.

Передъ нимъ, съ мельчайшими подробностями, воскресъ только что пережитый вечеръ. Онъ провелъ его, какъ это нерѣдко бывало, у своихъ знакомыхъ, Бахмачевыхъ. Явился онъ туда довольно поздно; тамъ уже было нѣсколько человѣкъ гостей; старики играли въ карты, а молодежь собралась въ залѣ и весело, оживленно разговаривала. Рязановъ поздоровался съ хозяевами, мелькомъ просмотрѣлъ новый номеръ французскаго журнала, лежавшій въ гостиной на столѣ, потомъ вышелъ въ залу и присоединился къ кружку молодежи. Лидія, вторая изъ барышень Бахмачевыхъ, встрѣтила его привѣтливою улыбкою, граціозно протянула ему руку, спросила, почему онъ пришелъ такъ поздно, и усадила его около себя. Онъ вслушался въ ихъ разговоръ, заговорилъ самъ и такъ хорошо чувствовалъ себя

въ ея присутствіи: при ней даже рѣчь его текла какъ-то плавно, шутки были болѣе мѣткі.

Послѣ чаю всѣ пристали къ ней съ просьбою сыграть чтонибудь на фортепіано; она сначала не хотѣла, долго отказывалась, но, наконецъ, согласилась, поднялась съ мѣста и пошла къ роялю. Рязановъ разсѣяннo слушалъ веселый споръ, поднявшійся между его сосѣдями; онъ обернулся къ ней и слѣдилъ за ея стройною, граціозною фігурою. Она остановилась у рояля и начала перебирать лежавшія тамъ ноты.

— Николай Дмитриевичъ, вдругъ позвала его она:—подите сюда, помогите мнѣ найти ноты.

Онъ торопливо всталъ и подошелъ къ ней.

— Я не знаю, что мнѣ сыграть, тихонько сказала она:—ужасно не люблю, когда меня слушаетъ столько народу.

— Такъ и не играйте, замѣтилъ Рязановъ;—видите, какъ они увлеклись этимъ споромъ.

Она взглянула на гостей и снова стала перебирать ноты.

— Вы слышали, вполголоса начала она, — папа опять нанялъ прошлогоднюю дачу.

Онъ отвѣтилъ, что уже слышалъ объ этомъ отъ ея сестры.

Она достала толстую тетрадь нотъ и наклонилась, пробѣгая глазами первую страницу.

— Вы снова поѣдете съ нами? какъ-то вскользь спросила она.

— Не знаю еще навѣрное; вѣроятно, однако, что нѣтъ. Думаю найти практическія занятія; можетъ быть на югъ поѣду.

Она взглянула на него.

— Какъ? а кто же съ Колей будетъ заниматься?

Въ ея голубыхъ глазахъ мелькнулъ не то страхъ, не то удивленіе; она словно дѣйствительно была увѣрена, что никто кромѣ Рязанова не можетъ учить ея брата.

— Найдется кто-нибудь... такой кондіціи всякій будетъ радъ.

— Но развѣ вы недовольны?—она остановилась на секунду, —развѣ вамъ было скучно у насъ?

— Вы знаете, что нѣтъ... Но не въ этомъ дѣло Лидія Павловна: годы уходятъ, а я долженъ на практикѣ знакомиться съ хвоею будущею дѣятельностью.

— Что же... хорошія намѣренія... съ ироніею произнесла она и снова наклонилась надъ нотами. — Только, знаете, прибавила она, помолчавъ, —вѣдь Коля будетъ очень скучать безъ васъ, онъ такъ привыкъ къ вамъ.

— Что же дѣлать? посмучаетъ и забудеть; далекихъ друзей недолго вспоминають...

— Вы думаете? съ какимъ-то особымъ удареніемъ прозвучаль ея вопросъ.

Онъ промолчалъ; только его рука, машинально перебиравшая тетрадь старинныхъ вальсовъ, слегка дрогнула.

— Что же ты намъ сыграешь? спросила, подходя къ нимъ, одна изъ родственницъ Бахмачевыхъ.

Лидія разсѣянно назвала ей какую-то пьесу и торопливо начала отерывать роаль.

Рязановъ остался на мѣстѣ, приводя въ порядокъ разбросанныя ноты.

Лидія взяла акордъ и заиграла. Она любила бравурныя пьесы и теперь, какъ всегда, изъ-подъ ея быстро замелькавшихъ пальчиковъ понеслась блестящая, полная игривости и прихоти мелодія. Рязановъ слушалъ, поражаясь богатствомъ и силою звуковъ; они такъ и неслись, такъ и скользили мимо его ушей; но какъ-то не проникали въ сердце, не просились въ душу. Лидія играла холодно, хотя техникою обладала въ совершенствѣ.

Пьесы она не докончила и, капризно оборвавъ ее на звучномъ пассажѣ, быстро поднялась съ мѣста.

— Я положительно не могу сегодня играть, замѣтила она, нервно тряхнувъ кудрями, — меня пальцы не слушаются.

Гости окружили ее съ благодареніями и комплиментами, но она ловко увернулась отъ нихъ и пошла положить ноты на мѣсто.

— Послушайте, вполголоса сказала она Рязанову, — еще времени много... Вы передумаете, не правда-ли?

Во весь вечеръ имъ не удалось больше поговорить особо. Когда онъ, уходя, подошелъ къ ней проститься, она, горячо пожавъ ему руку, тихонько сказала:

— Вы передумаете? да? я хочу... я прошу васъ объ этомъ...

И столько искренности, столько чувства было въ тонѣ ея голоса, такимъ нѣжнымъ приказаніемъ звучала ея мольба, что у него замерло сердце. Едва помня себя отъ восторга, онъ одѣлся и вышелъ на улицу.

«Она меня любитъ», думалъ онъ, не замѣчая январскаго холода, не замѣчая вѣтра, сухимъ снѣгомъ поросившаго ему въ лицо. Онъ боялся повѣрить себѣ, что не одинъ Коля сталъ бы скучать безъ него, и въ то же время чувствовалъ, что это

правда.— «Она меня любитъ»... повторялъ онъ чуть не вслухъ, и восторженное, счастливое настроеніе овладѣвало его душою.

И теперь, въ темнотѣ своей комнаты, онъ видѣлъ эту красивую, стройную фигуру, бѣлокурныя кудри, блестящія глаза; онъ слышалъ ея голосъ. «Вы думаете?» спрашиваетъ она, словно упрекая за сомнѣнія, словно негодуя на то, что онъ не вѣритъ своему счастью. «Она меня любитъ, какое блаженство!» шепчетъ онъ, прикладывая къ горячему лбу свою похолодѣвшую руку, и безконечною вереницею встаютъ передъ нимъ чудные образы, розовыя мечты.

Наконецъ, онъ взялъ спички и зажегъ свѣчу; онъ слѣдилъ за тѣмъ, какъ ярче и ярче разгоралось пламя, какъ освѣтилась его небольшая комнатка. «Пора спать», подумалъ онъ, машинально взглянувъ на часы. Глаза его опустились на письменный столъ, гдѣ лежало запечатанное письмо. — «Отъ кого это еще?» задалъ онъ себѣ вопросъ, лѣниво протягивая къ столу руку. Письмо было на его имя, адресъ былъ написанъ женскимъ почеркомъ. Рязановъ долго всматривался въ этотъ почеркъ, глубокая морщинка легла между его бровями, щеки слегка поблѣднѣли.

«Ахъ, Господи! это отъ нея»... болѣзненно прошепталъ онъ, нервнымъ движеніемъ срывая конвертъ и развертывая письмо, подписанное «Наталья Васильева».

Давно уже, очень давно знакома была Рязанову эта Наталья Васильева. Образъ сиротки Наташи, внучки его няни, былъ для него неразрывно связанъ съ воспоминаніемъ о раннихъ дѣтскихъ годахъ; она была любимымъ товарищемъ его игръ, съ тѣхъ поръ, какъ ее, только что потерявшую родителей, привезли изъ деревни къ бабушкѣ. Онъ помнилъ еще, какъ, въ одинъ осенній вечеръ, въ его дѣтскую привели маленькую, четырехлѣтнюю Натяшу и какъ онъ, самъ пятилѣтній мальчюкъ, внимательно осматривалъ и ея деревенскій костюмъ, и ея загорѣлыя рученки; онъ не забылъ, какъ она дичилась, какъ мало говорила, съ какою смѣшною солидностью поправляла платочекъ, повязанный на ея шеѣ.

Дѣвочка росла въ домѣ Рязановыхъ до девяти лѣтъ. Съ этого возраста ее отдали въ пріютъ и она стала приходить къ бабушкѣ только на праздники. Придетъ, бывало, чистенькая, причесанная, въ бѣломъ передничкѣ, темномъ платицѣ, худенькая такая, скромная. Николай, который былъ всего годомъ

съ небольшимъ старше ея, всегда радовался ея приходу, приводилъ ее въ комнаты, игралъ съ нею по-прежнему; ему праздникъ былъ не въ праздникъ, если Наташа почему либо не приходила.

Время шло незамѣтно и быстро росло молодое поколѣніе. Дѣвочкѣ было уже одиннадцать лѣтъ, когда умерла старушка-няня, оставивъ ее круглою сиротою. Мать Николая взяла на себя заботы о ребенкѣ и Наташа продолжала ходить къ Рязановымъ по праздникамъ. Николай, поступившій уже въ гимназію, частенько спрашивалъ ее о пріютѣ, смѣялся надъ строгостью ихъ порядковъ; дѣлалъ ей экзамены.

— Полноте, Николай Дмитриевичъ, говорила она ему, бывало, когда онъ звалъ ее изъ людской въ комнаты, — вѣдь вы — баринъ, а я — простая мужичка.

— Ну, перестань, иди, просилъ онъ, таща ее за руку. — Вотъ лучше расскажи мамашѣ, какъ тебя сѣкли за то, что ты дѣленія дробей не знала.

— Никогда этого не было, у насъ не сѣкутъ, защищалась она, и ея румяныя щеки вспыхивали до самыхъ ушей.

— А вотъ ты, профессоръ, вмѣсто того, чтобы смѣяться, взялъ бы, да и объяснилъ ей дѣленіе дробей, замѣчала, слышавшая этотъ разговоръ, мать.

— Да у нихъ, мама, какъ-то невѣрно, совсѣмъ не по-человѣчески учатъ.

А ты ей покажи, какъ надо.

И они усаживались за ариметику, и Николай, довольный своею ролью, начиналъ толковать ей менторскимъ тономъ; но математика не давалась Наташѣ, не помогали ей ни старанія, ни слезы, ни даже уроки Николая, и дѣленіе дробей такъ и осталось для нея навсегда какимъ-то святилищемъ, предѣломъ человѣческой мудрости.

Наташа вскорѣ вончила курсъ въ пріютѣ. Не смотря на свои пятнадцать лѣтъ, она выглядѣла уже взрослою; красотою она не отличалась; только цвѣтъ лица былъ у нея великолѣпный, да глаза такіе добрые-предобрые. Рязанова сама хлопотала о томъ, чтобы пристроить ее; она нашла ей мѣсто швеи у одной знаменитой въ то время портнихи и сама свезла дѣвочку къ новой хозяйкѣ. Наташа сильно скучала первое время; съ подругами она не сошлась, онѣ были такія веселыя, нарядныя; ихъ интересы, ихъ разговоры были ей чужды, казались предосудительными, странными; она дичилась и держалась въ сторонѣ. Онѣ относились къ ней равнодушно, хотя и цѣнили ея

тихій, ровный характеръ. Дѣвушка изъ нея вышла работающая, и хозяйка очень ею дорожила.

Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Наташа кончила курсъ въ пріютѣ. Николай Рязановъ былъ уже третій годъ студентомъ, когда его постигло большое несчастье: въ одинъ годъ потерялъ онъ и отца, и мать. Послѣ ихъ смерти, состояніе Рязановыхъ, когда-то довольно солидное, осталось въ очень печальномъ видѣ. Когда всѣ дѣла были устроены, Николай увидѣлъ, что ему едва хватитъ средствъ на самое необходимое; онъ сократилъ, по возможности, свои расходы, нанялъ себѣ небольшую комнату, старался найти занятія. Ему посчастливилось; онъ вскорѣ нашелъ уроки и такимъ образомъ могъ жить, не нуждаясь.

Однажды, это было осенью, мѣсяца черезъ полтора послѣ похоронъ отца Рязанова, въ воскресенье, утромъ, онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и, попивая кофе, читалъ газету. Стояла обыкновенная петербургская осенняя погода: грязь, сырость, легкій туманъ и непріютное, низкое, свѣрое небо.

Кто-то постучался въ дверь.

— Войдите, сказалъ онъ, поворачиваясь въ ту сторону.

Вошла молодая женщина въ скромномъ черномъ платьѣ. Рязановъ положилъ газету и всталъ съ мѣста. Онъ не съ разу узналъ Наташу, которую не видалъ съ похоронъ отца.

— Наташа! сказалъ онъ наконецъ:— какъ я радъ тебя видѣть! какъ это ты вспомнила про меня?

Онъ, по обыкновенію, пожалъ ей руку.

— Извините, Николай Дмитриевичъ, что я васъ побеспокоила, начала было она.

— Полно! что за извиненія, прервалъ онъ, — я такъ радъ тебѣ... Садись, пожалуйста.

Она, всегда стѣснявшаяся сидѣть при «господахъ», конфузливо присѣла на кончикъ стула.

— Хочешь кофе?

Она отрицательно покачала головою.

— Нѣтъ, благодарю васъ!

— Какая ты церемонная! воскликнулъ онъ:— впрочемъ вѣдь ты всегда такъ. Ну, да я тебѣ налью; нужно же погрѣться— вѣдь вонъ на улицѣ сырость какая.

Онъ налилъ и поставилъ чашку передъ ней; она робко оглядывала комнату.

— Видишь, какъ я устроился... комнатка хоть и небольшая, за то чистая, свѣтлая. Я одинъ жилецъ, хозяйка старушка. Конечно нѣтъ ни лакеевъ, ни шелковъ, ни бархатовъ—ужь не взыщи. За то по крайней мѣрѣ, хоть на трактиръ непохоже, какъ во всѣхъ ѣтихъ меблированныхъ комнатахъ.

— У васъ хорошо, уютно... прислуга тоже такая почтенная; а вѣдь сперва у ней посидѣла, къ вамъ-то войти боялась.

— Ахъ, Наташа, какая ты право! И чего это ты стѣсняешься? Вѣдь прежде мы каждый праздникъ видѣлись, а теперь ты меня словно и знать не хочешь. Заходи почаще и—главное—не стѣсняйся. Въ праздникъ я постоянно свободенъ и всегда радъ тебя видѣть. Вѣдь я теперь таковой же сирота, какъ и ты.

Онъ вздохнулъ, а она опустила голову.

— Ну, какъ же ты поживаешь? По-прежнему ли въ милости у хозяйки? Много ли еще денегъ накопила? Веселишься ли?

Она съ упрекомъ подняла на него глаза; онъ взглянулъ на ея траурное платье, вспомнилъ какъ сильно привязана была эта дѣвушка къ его матери, понялъ неумѣстность своего вопроса и замолчалъ.

Мало-по-малу Наташа перестала смущаться. Тихонько рассказывала она Николаю различные эпизоды изъ своей жизни, просила его разрѣшить нѣкоторые ея сомнѣнiя; наконецъ, заговорила объ умершихъ родителяхъ Рязанова, о старушкѣ нянѣ, и съ тихою, снисходительною улыбкою припоминала дѣтскiя игры и шалости.

Просидѣвъ у него съ небольшимъ часъ, она встала и начала прощаться.

— Куда же ты? Посидѣла бы еще.

— Нѣтъ, какъ бы васъ не задержать; да и мнѣ-то домой пора. И она направилась къ двери.

— Смотри же, не забывай... заходи.

Уже изъ сосѣдней комнаты послышалось ея «благодарствуйте».

«Славная дѣвушка, подумалъ онъ про нее—какъ она мнѣ напомнила нашу прежнюю жизнь». Ему вспомнилась горячая привязанность Наташи къ ихъ семьѣ; вспомнилось, что и она осиротѣла вмѣстѣ съ нимъ, что онъ остался теперь ея единственнымъ защитникомъ и покровителемъ.

Съ тѣхъ поръ по праздникамъ она нерѣдко стала его

посѣщать; придетъ, посидитъ, выпьетъ чашку кофе, расскажетъ ему какуюнибудь свою заботу. Замѣтитъ ли, бывало, въ его комнатѣ какойнибудь беспорядокъ, или небрежно стертую пыль, мигомъ достанетъ щетку, тряпку, и черезъ минуту незагѣйливое помѣщеніе Николая глянетъ чище, уютнѣе, веселѣе. Даже ворчливая Антиповна, старушка горничная, сквозь пальцы смотрѣла на эти вторженія въ свою сферу. Наташа очень любила ея своею внимательностью; ей нравилось, что она никогда не забудетъ забѣгать къ ней, старухѣ, сказать ей доброе слово, а если не застанетъ Николая дома, если онъ занятъ, или куда либо торопится, то и подольше посидитъ у ней на кухнѣ, поболтаетъ съ ней, разспроситъ о здоровьѣ своего патрона: не скучаетъ ли онъ, не слишкомъ ли много занимается. Рязановъ привыкъ къ ея посѣщеніямъ; она была чуть ли не единственною личностью, съ которою онъ могъ поговорить о покойныхъ родителяхъ, о быломъ житьѣ-бытьѣ; ей такъ хорошо были извѣстны всѣ подробности ихъ прежней домашней жизни.

Въ одинъ изъ такихъ визитовъ она, усѣвшись у окна, пришивала ему оторвавшуюся отъ сюртука пуговицу; онъ наклонился надъ чертежной доской, вычерчивая какія-то мудренныя зубчатыя колеса.

— Знаете, Николай Дмитриевичъ, какая у меня новость есть? заговорила Наташа:—меня женихъ сватаетъ.

— Вотъ какъ! Кто же такой? Рязановъ даже не взглянулъ на нее и осторожно отгѣривалъ что-то циркулемъ.

— Писаремъ служить въ какой-то канцеляріи, жалованье получаетъ; не пьющій.

— Молодой?

— Лѣтъ тридцати съ небольшимъ.

— А тебѣ-то сколько?

— Да вѣдь и я-то старуха: ужъ и мнѣ двадцать минуло. У меня вѣдь и раньше женихи были, не безъ нѣкоторой гордости прибавила она.

— Ну такъ какъ же теперь-то, честнымъ пирекомъ, да и за свадьбу? Меня шаферомъ зови или посаженнымъ.

Наташа помолчала.

— Нѣтъ, я не пойду замужъ, серьезно выговорила она.

— Отчего же, коли женихъ подходящий?

Онъ посмотрѣлъ на нее; она покраснѣла и иголка быстрѣе замелькала въ ея рукѣ.

— Отчего же? напомнилъ онъ ей о своемъ вопросѣ.

— Стало быть—женихъ не по-сердцу, тихо сказала она не поднимая головы.

Онъ по-своему понялъ ея смущеніе.

— Можеть быть уже завелся миленькій дружочекъ... вполголоса замѣтилъ онъ.

Лицо ея вспыхнуло еще больше, даже уши ея покраснѣли; но она вдругъ подняла голову и съ упрекомъ сказала ему:

— Неужели вы такъ про меня думаете? Слезы заблестѣли въ ея глазахъ и долго просидѣла она, закрывъ лицо руками; сюртукъ скатился на полъ съ ея колѣнъ.

Николаю было неловко; онъ бросилъ циркуль и всталъ съ мѣста.

— Полно, Наташа, ласково сказалъ онъ ей:—вѣдь я пошутилъ, ей-богу пошутилъ! Увѣряю тебя, я никогда и не думалъ о тебѣ ничебъ дурнаго.

Онъ говорилъ правду. Слова эти вырвались у него какъ-то печально; онъ вовсе не желалъ сказать ей чегонибудь рѣзкаго, ему просто пришло въ голову, что ей кто либо нравится.

Слыша его ласковый, искренній тонъ, она мало-по-малу успокоилась.

Прощаясь съ нею, онъ спросилъ ее еще разъ:

— Ты не сердись на меня, Наташа?

— Что вы? съ удивленіемъ сказала она и такъ свѣтло и весело на него взглянула, что онъ сейчасъ же подумалъ:

«Экая добрая душа, она и сердиться-то не умѣетъ!»

На порогъ двери Наташа обернулась.

— Скажите правду, вы совѣтуете мнѣ идти за него? спросила она и съ видимымъ волненіемъ ждала отвѣта.

Мысль о томъ, что онъ ея защитникъ и покровитель, мелькнула въ головѣ Рязанова; онъ принялъ серьезный видъ, съ какимъ въ дѣтствѣ, бывало, толковалъ ей дѣленіе дробей, и отвѣчалъ не сразу.

— Это важный вопросъ, Наташа. Вѣдь это такой рѣшительный шагъ, который разъ сдѣлаешь и потомъ уже не вернешь, не поправишь. Нужно все взвѣсить, со всѣхъ сторонъ обсудить. Такъ, не обдумавши, не зная подробностей дѣла, на твой вопросъ отвѣчать невозможно.

— Что правда, то правда, съ веселою улыбкою сказала она.— Подумать нужно... Помолчавъ немного, она прибавила:—я уже думала, думала—и отказала. Съ этими словами она вышла изъ комнаты.

— Какая она странная! невольно промолвилъ онъ ей вслѣдъ. Въ серединѣ Великаго поста Наташа вдругъ перестала ходить въ Рязанову. Въ первое воскресенье онъ даже не замѣтилъ ея отсутствія; случалось, впрочемъ, и прежде, что она не являлась двѣ недѣли. Черезъ двѣ недѣли онъ также не обратилъ на это вниманія, но когда она не явилась въ третье воскресенье, онъ подумалъ, не случилось-ли съ ней чего-нибудь, и даже рѣшилъ съѣздить, узнать отъ ея хозяйки. Сборъ его продолжались, однако, цѣлую недѣлю. «Она навѣрно зайдетъ въ слѣдующій праздникъ», старался онъ оправдать свою медленность. Но прошло четвертое воскресенье, а ея все не было. «Надо-же узнать»... думалъ онъ и наконецъ собрался во вторникъ на страстной недѣлѣ.

Хозяйка Наташи занимала цѣлый бельэтажъ около Литейной. Рязановъ издали увидѣлъ выставленныя на окнахъ платья и смѣло подкатилъ въ подъѣзду. Быстро взбѣжалъ онъ по лѣстницѣ и позвонилъ; дѣвочка лѣтъ двѣнадцати отворила ему дверь.

— Здѣсь живетъ мастерица Наталья Васильева? спросилъ Рязановъ.

Дѣвочка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на него и ничего не отвѣчала; подождавъ немного, онъ уже хотѣлъ повторить вопросъ.

— Нѣтъ, здѣсь такой нѣтъ, сказала наконецъ дѣвочка.

— Какъ нѣтъ?! раздался въ сосѣдней комнатѣ громкій голосъ и уже не молодая, но красивая еще дама показала на порогъ. — Ты вѣчно путаешь! строго замѣтила она дѣвочкѣ и прибавила, обращаясь къ Рязанову: — Извините, *monsieur*, *Nathalie* Васильева живетъ здѣсь, но она больна.

— Больна? что съ ней? съ участіемъ спросилъ онъ.

— Я вѣроятно имѣю честь говорить съ сыномъ покровительницы *Nathalie*? задала она ему вопросъ.

— Да, Наташа выросла у насъ въ домѣ...

— Я такъ и думала. Она чрезвычайно привязана ко всему вашему семейству... но, пожалуйста, зайдите, *monsieur*. Она жестомъ указала ему на дверь, изъ которой только что вышла. Онъ поспѣшно сбросилъ пальто и вслѣдъ за нею вошелъ въ большую комнату, заставленную шкафами и витринами съ искусственными цвѣтами; на зеркальных окнахъ красовались модныя платья, словно фигуры женщинъ, лишенныя головы и рукъ. Въ комнатѣ царствовалъ беспорядокъ: на полу валялись обрѣзки матерій, опрокинутая коробочка съ булавками. Спут-

ница Рязанова подошла къ небольшому диванчику, стоявшему въ углу, и, убравъ съ него картонку и длинные куски коленкору, попросила Николая сѣсть.

Я хозяйка этого магазина и очень люблю Nathalie, откомендовалась она.

— Вы говорите, она больна? спросилъ Рязановъ.

— Теперь она уже поправляется... бѣдняжка вынесла ужасную болѣзнь: у нея было воспаление легкихъ, она умирала. Конечно, виноватъ этотъ воздухъ—се *vilain climat de Pétersbourg*... У меня для нея есть особый уголокъ, une *toute petite chambre, mais tout-à-fait à part*, и потому я не отослала ее въ больницу, хотя вотъ уже мѣсяцъ какъ она больна. Конечно, это мнѣ стоило—oh, ça m'a joliment coûté—нынче все такъ дорого...

— Вѣроятно она простудилась? прервалъ ее Рязановъ.

— Она давно уже кашляла, жаловалась на головную боль. Я не знаю, гдѣ она могла простудиться; но разъ ночью ей сдѣлалось такъ нехорошо, что пришлось послать за докторомъ. И потомъ докторъ посѣщалъ ее, теперь онъ уже не ѣздитъ—elle n'en a plus besoin, она уже внѣ опасности, ей сказано только беречь себя. Конечно докторъ, лекарства—все это лишніе расходы, mais, vous comprenez bien, не могла-же я оставить бѣдняжку безъ помощи.

Рязанову было неловко; какъ желалъ бы онъ въ эту минуту взять всѣ эти расходы на себя. Въ это время, къ счастью, у него были лишнія деньги и онъ рѣшилъ предложить ихъ хозяйкѣ, только не зналъ, какъ-бы это сдѣлать половчѣе.

— Я теперь не обладаю большими средствами, сконфуженно началъ онъ:—но все-таки, я желалъ-бы сдѣлать для Наташи что нибудь.

— Vous êtes trop bon, monsieur... но я думаю у Nathalie есть все необходимое, а роскоши въ ея положеніи допускать не слѣдуетъ. Притомъ я вовсе не жалею на эти расходы; докторъ и лечение обошлись мнѣ недорого, une *vingtaine de roubles*, это меня не разорить; конечно, и двадцать рублей деньги...

— Я былъ бы вамъ очень благодаренъ, опять началъ Рязановъ,—если-бы вы, хоть эти издержки по ея леченію позволили мнѣ принять на свой счетъ. Конечно, это пустяки, смущенно прибавилъ онъ, доставая изъ бумажника лиловую бумажку.

Хозяйка съ граціознымъ полупоклономъ приняла деньги; Рязановъ сконфузился еще больше.

— Вы такъ великодушны, monsieur, что мнѣ право совѣстно... Nathalie будетъ вамъ очень, очень благодарна...

— Нѣтъ ужъ я попрошу васъ устроить такъ, чтобы она ничего не знала объ этомъ.

— Oh que c'est noble... какъ это благородно! воскликнула она и даже прослезилась.—Хорошо же... пусть это останется тайною между нами, entre nous deux. Она достала тонкій батистовый платокъ и на минуту приложила его къ глазамъ.—Однако не желаете-ли вы видѣть вашу protégée? ей это будетъ очень пріятно, оправившись спросила она.

— Я былъ бы весьма радъ повидаться съ ней.

— Я сейчасъ узнаю, можетъ ли она принять васъ, сказала она вставая и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Рязановъ также поднялся съ мѣста и, подойдя къ витринѣ, сталъ разсматривать выставленные тамъ цвѣты. Его мучила совѣсть.

«Она всегда такъ заботится обо мнѣ, о моемъ здорově, думалъ онъ,—а я то хорошъ... нечего сказать, цѣлый мѣсяцъ откладывалъ. Она умереть могла».

Прошло нѣсколько минутъ. Встрѣтившая Николая дѣвочка съ удивленіемъ выглянула изъ передней и снова спряталась. Откуда-то доносился звонкій женскій говоръ, прерываемый порой дружнымъ смѣхомъ.

Наконецъ, хозяйка показалась въ дверяхъ.

— Пожалуйте, monsieur, сказала она. Рязановъ вышелъ за нею въ сосѣднюю комнату, гдѣ сидѣло за работою нѣсколько дѣвушекъ, съ изумленіемъ его оглянувшихъ. Затѣмъ, по длинному коридору, они дошли до каморки, занимаемой Наташей.

Въ чистой бѣлой кофтѣ, сидя на постели, вся сіяющая счастливою улыбкою, встрѣтила она гостя. Сильно похудѣла она; всегда румяныя щеки ея поблѣднѣли, глаза сдѣлались еще больше.

— Не смѣла я и ждать-то васъ, радостно сказала она, пожимая его руку.

— Что это ты хворать вздумала? ласково сказалъ онъ, садясь у ея изголовья.—И даже знать мнѣ не дала... хоть-бы написала...

— Зачѣмъ васъ беспокоить,—и она опустила глаза:—умерла-бы—узнали... Она машинально начала сгибать въ складки свое одѣяло.

— Нѣтъ ужъ я прошу тебя, если въ другой разъ что нибудь случится, сейчасъ-же дай мнѣ знать.

— Я ей предлагала написать вамъ, замѣтила хозяйка, стоявшая въ ногахъ больной,—не хотѣла; а какъ худо ей сдѣлалось—въ бреду васъ вспомнила, проститься хотѣла.

Яркій румянецъ, признакъ возвращающейся жизни, разлился по блѣднымъ щекамъ Наташи, руки ея еще быстрѣй начали сгибать одѣяло.

— Ахъ, Магдалина Ивановна, мало ли что въ бреду говорится, застѣнчиво замѣтила она.

Наступило молчаніе. Рязановъ осматривалъ каморку Наташи. Комната была маленькая, но чистенькая; комодъ, два стула, кровать и подлѣ нея маленькій столикъ составляли все ея убранство. На комодѣ небольшое зеркало и въ рамкѣ кабинетный портретъ матери Николая.

— Принимала ли ты лекарство? прервала молчаніе хозяйка, взглянувъ на часы.

— Нѣтъ еще, отозвалась больная.

Хозяйка взяла небольшой графинъ, стоявшій на столикѣ у кровати.

— Да не беспокойтесь, Магдалина Ивановна, я сама приготовлю,—и Наташа протянула руку къ стеклянкѣ съ лекарствомъ.

Магдалина Ивановна налила въ стаканъ воды и, поднявъ его, посмотрѣла на свѣтъ.

— У тебя вода не свѣжая, замѣтила она:—что же ты не скажешь перемѣнить?

— Кажется ее мѣняли, отвѣчала дѣвушка.

Хозяйка взяла графинъ и подошла къ двери.

— Кто тутъ есть? громко спросила она. Никто не отзывался и Магдалина Ивановна вышла, притворивъ за собою дверь.

Едва захлопнулась дверь, Наташа схватила руку Рязанова и не успѣлъ онъ опомниться, какъ ужъ она припала къ ней своими горячими губами.

— Не забыли меня... вспомнили... шептала она и крупныя слезы заканалы ей на одѣяло. Онъ отнялъ руки, взялъ ее за голову и ласково, по-отечески, поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Полно, Наташа, услокойся, смущенно говорилъ онъ, не зная что ему дѣлать.

Она вытерла слезы и обѣими руками взяла его руки. Они молчали.

— Не нужно ли тебѣ чего-нибудь? спросилъ онъ наконецъ:—удобно ли тебѣ, хорошо ли здѣсь?

— Хорошо, хорошо... прошептала она, горячо сжимая его

руку и жадно глядя на него счастливыми, полными слезъ глазами.

Черезъ минуту хозяйка съ графиномъ въ рукѣ вошла въ комнату; она дала больной лекарство и старалась завязать разговоръ, но разговоръ не клеился. Наконецъ Рязановъ всталъ и простился. Наташа еще разъ горячо его поблагодарила, хозяйка проводила его до дверей.

— Черезъ двѣ недѣли ей можно будетъ выходить, говорила Магдалина Ивановна, пока Николай надѣвалъ пальто.— Можетъ быть вы еще зайдете къ намъ въ это время. Vous avez remarqué sans doute, comme votre arrivée lui a fait du bien. La petite ne pense qu'à votre famille.

Выйдя на улицу, Рязановъ долго думалъ о Наташѣ; ему вспомнилось внезапное проявленіе ея горячей привязанности.

«Немудрено, что она такъ любитъ меня, думалъ онъ:—вѣдь въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ у ней никого близкаго, никого, кто бы относился къ ней съ участіемъ. Она любила мою мать, теперь эта привязанность по наслѣдству перешла ко мнѣ... Да и привыкла она, вѣдь мы выросли вмѣстѣ. И какъ горячо выражается у нея благодарность, какъ она обрадовалась мнѣ... Онъ со стыдомъ вспомнилъ, что цѣлый мѣсяцъ прособирался въ ней, что она чуть не умерла безъ него.—Только нужно ей сказать, чтобы она мнѣ руку не цѣловала. Это еще няня повойница приучила ее».

Черезъ недѣлю Николай снова захотѣлъ навѣстить больную. Она видимо поправлялась, уже румянецъ снова показался на ея щекахъ; силы ея значительно окрѣпли; она уже нѣсколько дней встала съ постели, даже работала, но еще не выходила. Ему она обрадовалась, упрекнула въ баловствѣ за привезенные гостинцы, но вообще была сдержанна и ничего не случилось похожего на сцену, происшедшую во время его перваго посѣщенія.

Съ этихъ поръ по-прежнему стала Наташа ходить въ нему по праздникамъ, по-прежнему пила у него кофе, бесѣдовала съ нимъ и порою чистила и приводила въ порядокъ его холостую квартиру. Въ ней самой онъ замѣтилъ однако большую перемѣну: она какъ будто больше дичилась его, говорила мало и медленно, словно обдумывая и взвѣшивая каждое слово; пропала ея прежняя беззаботность и веселость. Она была обыкновенно грустна, тревожна; чаще краснѣла, смущалась, даже слезы чаще наворачивались ей на глаза. Не разъ случалось ему поймать ея глубокой взоръ, не то съ грустью, не то съ сожалѣніемъ на него устремленный.

«Вѣрно она слышала про меня чтонибудь дурное, думаль онъ, — ее это волнуетъ, а высказать не рѣшается. Надо спросить ее.... Нѣтъ ли у нея горя, заботы какойнибудь, приходило ему въ голову въ другой разъ: — отчего только она никогда не выскажется, не довѣряетъ мнѣ?»

Приближался конецъ апрѣля. Снѣгъ давно стаялъ и мостовая начала просыхать. Въ садахъ наливались и распухали почки, между желтой прошлогодней травой проглядывала свѣжая зелень; птицы неутомно чирикали и въ воздухъ чуялся тотъ неопредѣлимый, обаятельный запахъ весны, отъ котораго вольнѣе дышетъ грудь, воскресаютъ силы и энергія, становишься моложе и веселѣе.

Стояли длинныя весеннія сумерки. Не смотря на воскресный день Рязановъ сидѣлъ дома и занимался, пользуясь послѣднимъ свѣтомъ догорающаго дня. Форточка его окна была открыта и свѣжій весенній воздухъ доносилъ къ нему и чирикание птицъ, и чей-то громкій говоръ, и дребезжаніе извожичьихъ дрожекъ на мостовой.

— Можно войти? звонко раздался за дверью голосъ Наташи.

— Милости просимъ, отвѣтилъ Рязановъ, закрывая книгу и вставая съ мѣста. — Я думаль, что ты уже не придешь сегодня; боялся, не захворала ли опять.

Онъ привыкъ, чтобы Наташа приходила утромъ, послѣ обѣдни.

— Нѣтъ, я здорова, слава Богу! У насъ передъ лѣтомъ всегда работы много; вотъ и сегодня даже работали до сумерекъ... Я вамъ, кажется, помѣшала... впрочемъ, вѣдь я, на минутку — узнать только здоровы ли вы?

— Зачѣмъ же на минутку? Посиди, у меня дѣло не спѣшное.

Онъ посадилъ ее около себя на диванъ.

— Знаешь, Наташа, заговорилъ онъ: — я уѣзжаю на лѣто.

Она встрепелась.

— Далеко? тревожно спросила она.

Рязановъ улыбнулся.

— Нѣтъ, не бойся, недалеко; я буду жить въ Петербургской губерніи, въ деревнѣ. Меня приглашаютъ учителемъ въ одно семейство, съ которымъ я нынче познакомился — къ Бахмачевымъ.

— И вы поѣдете?

— Отчего же не ѣхать; условія выгодныя, занятій немного; накоплю за лѣто и денегъ, и здоровья.

Она молчала.

— Ну, а ты какъ? въ городѣ останешься?

— Еще не знаю. Магдалина Ивановна зоветъ съ собой въ Парголово, да я отказаться хотѣла.

— Отчего же?

— Да такъ, просто, не хотѣлось... впрочемъ, можетъ быть и надумаюсь.

Они замолчали, прислушиваясь къ доходившему до нихъ съ улицы говору. Рязановъ первый прервалъ молчаніе.

— Я хотѣлъ серьезно поговорить съ тобой, сказалъ онъ.

Въ полумракѣ сумерекъ съ недоумѣніемъ глянули на него ея большіе, добрые глаза.

— Меня удивляетъ, продолжалъ онъ:—что съ нѣкоторыхъ поръ ты совершенно перемѣнилась ко мнѣ; дичишься, говоришь мало, неоткровенно, словно сердиться на меня. Положимъ, ты всегда относилась ко мнѣ холодно, даже называла «баринномъ»; но вѣдь мы выросли вмѣстѣ, Наташа, я люблю тебя какъ сестру. Ты чѣмъ-то огорчена, тебя заботитъ что-то, отчего же ты не хочешь повѣрить мнѣ этой заботы, какъ старшему брату; мое участіе облегчило бы тебя. Можетъ статься, а тебя чѣмъ нибудь обидѣлъ, тогда скажи мнѣ объ этомъ прямо; я, по крайней мѣрѣ, буду знать за что ты сердиться. Или у тебя дома неприятности? тогда подумаемъ вмѣстѣ—что дѣлать, какъ быть. Не скрывай отъ меня ничего; помни, что я твой братъ, который тебя любитъ.

Онъ взялъ ее за руки и взглянулъ ей въ глаза, но она быстро отворотилась и стала смотрѣть въ другую сторону.

— Что же, Наташа, развѣ я не стою твоей откровенности?

Она не повернула головы, но заговорила взволнованнымъ, слегка дрожащимъ голосомъ:

— Господь съ вами, Николай Дмитріевичъ... что это вы говорите. За что же мнѣ сердиться на васъ?.. Я—круглая сирота, ближе васъ у меня никого нѣтъ. Если-бы я къ вамъ перемѣнилась, я была бы неблагодарною.

— Все это не то, грустно сказалъ онъ:—искренности въ этихъ словахъ не хватаетъ. Нѣтъ, ты не довѣряешь мнѣ.

— Перестаньте! съ мольбою промолвила она:—не говорите такъ... Не спрашивайте меня...

— Я не хочу навязываться на откровенность, сказалъ онъ:—я думалъ, что ты охотно раздѣлишь со мною свое горе. Вижу, что не сумѣлъ еще заслужить твоего довѣрія, съ грустью прибавилъ онъ:—что ты боишься, не любишь меня...

Она вдругъ порывисто повернулась къ нему; онъ едва раз-

глядѣлъ въ сумеркахъ ея разгорѣвшееся молодое лицо, ея блестящія, полныя слезъ глаза.

— Я не люблю васъ!?! повторила она тихо, почти шепотомъ; голосъ ея прерывался отъ волненія:— да кого же любить-то мнѣ? Она остановилась на секунду, словно старалась успокоиться, но вмѣсто того, вдругъ горько, горько заплакала.

— Вѣдь васъ... твердила она плача:— васъ однихъ... я люблю... безъ ума, безъ памяти...

Схвативъ его руку, она горячо цѣловала ее. Онъ былъ такъ пораженъ, что даже руки не отнялъ.

— Боже мой!.. Наташа... что ты? беззвучно лепетали его уста.

Она вдругъ подняла голову.

— Господи! заговорила она, отирая слезы:— что это я говорю... не слушайте... простите, я уйду... Она рѣшительно поднялась съ мѣста, съ отчаянною поспѣшностью сдѣлала нѣсколько шаговъ, но вдругъ бессильно опустилась въ стоявшее у дверей кресло и съ неудержимымъ, истерическимъ рыданьемъ припала къ его ручкѣ.

Онъ подбѣжалъ къ ней и остановился блѣдный, растерянный, бессмысленно глядя, какъ она всѣмъ тѣломъ вздрагивала отъ истерическихъ рыданій.

— Опомнись, Наташа... робко проговорилъ онъ наконецъ, наклоняясь надъ нею,

Она вдругъ повернулась, и ея руки горячимъ объятіемъ обхватили его шею.

— Одинъ разъ... въ послѣдній... раздался ея слабый шепотъ и вся она замерла въ поцѣлуй, полнымъ безумной страсти.

У Рязанова въ глазахъ потемнѣло; какое-то неудержимое чувство охватило его опяняющею, могучею волною; кровь бросилась ему въ голову, въ виски заколотило и, не помня себя, онъ обнялъ ея станъ своими сильными руками...

Весенняя свѣтлая ночь плыла надъ столицей и чулась въ ея немолчномъ шепотѣ новая, просыпающаяся жизнь природы.

Проснувшись на другой день, Рязановъ потянулся, окинулъ комнату полусоннымъ взглядомъ и вспомнилъ вчерашній вечеръ.

«Какъ она меня любитъ!» прошепталъ онъ, снова закрывая глаза, и долго пролежалъ, утѣнувшись въ подушку лицомъ и думая о Наташѣ; сознание, что онъ любимъ, приятно щеко- тало его самолюбіе.

«Вотъ такъ и устроиться, думалъ онъ:—тихо, счастливо, такъ и всю жизнь прожить... Да, но вѣдь не могу же я жениться на ней, это уже слишкомъ романтично... а между тѣмъ, иначе какъ-то не честно, словно я обманываю ее... Кабая тутъ путаница! если я не могу жениться, то, стало быть, недостаточно люблю, а между тѣмъ... Боже мой, что я надѣлалъ... Хорошо братъ, хорошо защитникъ, покровитель... Впрочемъ, вѣдь все это случилось такъ быстро, такъ неожиданно... Жениться—невозможно: мы оба стали бы страдать отъ неравенства этого брака; да и неужели нельзя какънибудь иначе выбраться изъ этой путаницы?»

И долго напрягалъ онъ свой умъ, отыскивая другой, болѣе подходящий исходъ. Наконецъ, ему показалось, что будетъ такъ же честно, если онъ прямо явится къ Наташѣ и откровенно скажетъ ей, что не можетъ на ней жениться и что не хочетъ ее обманывать.

«Она пожалуй огорчится, заключилъ онъ свои размышленія:—упревать, плавать будетъ; но чѣмъ же я виноватъ, съ какой стати я стану себя связывать; вѣдь я не просилъ ея любви, не давалъ обѣщаній. Наконецъ, надо же быть немножко эгоистомъ».

Онъ рѣшился въ тотъ же день переговорить съ Наташею и, чтобы не откладывать въ долгій ящикъ, тотчасъ же, напившись чаю, отправился въ магазинъ. Ему открыла дверь та же дѣвочка, что и въ прошлый разъ; онъ попросилъ ее вызвать Наташу.

Счастливая, беззаботная, какъ весенняя птичка, выпорхнула она въ переднюю.

— Мнѣ надо потолковать съ тобою, сказалъ онъ ей.—Не можешь ли ты отпроситься, хоть ненадолго у хозяйки?

Легкая тѣнь пробѣжала по ея лицу.

— Не пустить, работы много... развѣ вы попросите, живо прибавила она:—скажите, что дѣло важное.

Сверхъ ожиданія, хозяйка скоро согласилась отпустить Наташу и черезъ какихънибудь десять минутъ, она, въ своей простой шляпкѣ и бурнусикѣ, выходила на улицу, рядомъ съ Николаемъ. Она словно похорошѣла, такъ шло ей спокойное, счастливое выраженіе лица. Рязановъ замѣтилъ это и жалъ стало ему огорчить ее, однимъ прикосновеніемъ, однимъ словомъ разбить ея спокойствіе.

«Однако, нужно же сказать ей, думалъ онъ,—и лучше теперь же, пока мы на улицѣ; здѣсь по крайней мѣрѣ сценъ

не будетъ, а то, пожалуй, начнутся слезы, истерики... Лучше сразу». Но онъ долго еще не могъ рѣшиться, и они нѣсколько минутъ шли молча.

— Наташа, началъ онъ наконецъ: — я долженъ тебѣ сказать, что не могу на тебѣ жениться.

Она съ удивленіемъ подняла на него глаза; онъ, подъ вліяніемъ своей рѣшимости, не переводя духа, торопился высказать все, что было у него на умѣ.

— Я говорю тебѣ это прямо и откровенно; обманывать тебя было бы безсовѣстно... Рязановъ хотѣлъ было прибавить еще что-то, но остановился, пораженный ея непритворнымъ изумленіемъ.

— Полноте, Николай Дмитриевичъ, что это вы говорите... будто и серьезно... Да развѣ я гожусь вамъ въ жены, развѣ вамъ такую жену надо? Она даже съ безповойствомъ на него посмотрѣла — здоровъ-ли? до такой степени нелѣпа показалась ей его мысль.

Понялъ ли Рязановъ всю глубину, всю безавѣтность привязанности этой дѣвушки, которая даже и не думала о взаимности, которая была такъ счастлива уже только тѣмъ, что ея не оттолкнули.

Онъ молчалъ, а она шла румяная, беззаботная, и такъ хорошо было ей идти рядомъ съ нимъ.

Прошелъ еще мѣсяць — мѣсяць полный жизни и счастья для Наташи. Она часто видѣлась съ Николаемъ; ей не нужно было больше лгать, скрывать, притворяться. Онъ такъ ласково относился къ ней, съ такою тихою, хотя и грустною улыбкою выслушивалъ ея слова, такъ робко отклонялъ ея ласки. Наташа не замѣтила, какъ пролетѣло время, она была какъ въ бреду, какъ въ угарѣ...

Въ концѣ мая Бахмачевы собирались ѣхать въ деревню; Рязановъ также началъ свои сборы.

Вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, онъ сидѣлъ на полу своей комнаты и, при свѣтѣ стоявшей на стулѣ лампы, укладывалъ въ небольшой чемоданъ свои вещи. Бѣлье, платье и книги грудю лежали на полу. Наташа, только что пришедшая, бережно снимала шляпку.

— Такъ это уже рѣшено, что вы уѣзжаете завтра? съ тихою грустью спросила она.

— Да, рѣшено, завтра утромъ, отвѣтилъ онъ, старательно втискивая какую-то толстую книгу, никакъ не влѣзавшую въ уголокъ чемодана.

— Хорошо, значить, что я хоть проститься-то пришла, задумчиво произнесла она и невольно улыбнулась, глядя на его старанія съ толстою книгою.— Смотрите, вѣдь вы ѣтакъ чемоданъ разорвете. Она присѣла рядомъ съ нимъ на полъ.— Пустите я вамъ уложу, а то вы совсѣмъ не умѣете.

Онъ хотѣлъ было протестовать, но смущавшая его книга уже исчезла въ углу чемодана, ровно и гладко улегся и кое-какъ скомканный имъ скюртукъ. Она такъ ловко и такъ быстро принялась за укладку, что въ какіе нибудь полчаса все было окончено.

— Вотъ, что значить сноровка! говорилъ онъ, любуясь на плотно и хорошо уложенный чемоданъ. — Спасибо, Наташа; теперь хоть въ Америку ѣхать можно.

— Вы утромъ выѣзжаете? спросила она.

— Да, утромъ, съ девяти-часовымъ поѣздомъ.

— Ну, стало быть, уже больше не увидимся, до августа... тихо сказала она и опустила голову.

— Можетъ быть даже до половины сентября, поправилъ онъ.

Она нагнулась еще ниже и слезы показались на ея глазахъ.

— Полно, Наташа, не плачь, утѣшалъ онъ ее, — вѣдь это ребячество; какихъ нибудь три—четыре мѣсяца, и мы снова будемъ вмѣстѣ.

Все сильнѣе и сильнѣе лились ея слезы и съ тихимъ, подавленнымъ всхлипываніемъ, горячо сжимала она его руки. Долго не могъ онъ утѣшить ее.

Петербургская свѣтлая ночь стояла уже на дворѣ, когда она уходила отъ него, взволнованная, едва удерживая слезы. Проводивъ ее, онъ подошелъ къ окну, выходявшему на широкій, чистый дворъ, и прилегъ на подоконникъ. Дворъ былъ пустъ; легкіе шаги Наташи, спустившейся съ лѣстницы, звонко раздались въ тишинѣ.

— Прощай, Наташа, негромко сказалъ онъ, когда она поравнялась съ его окномъ.

Дѣвушка вздрогнула и, остановясь, подняла голову; въ сумеркахъ она разглядѣла эти дорогія для нея черты.

— Прощайте... промолвила она и дупившія ея слезы снова подступили къ ея горлу. Но она преодолѣла себя и торопливо пошла къ воротамъ; тамъ она еще разъ оглянулась, снова обинула его отуманеннымъ слезами взглядомъ и посиѣпно вышла въ калитку.

Когда ея темная фигура исчезла изъ глазъ Рязанова, онъ поднялъ голову и сталъ слѣдить за легкими, быстро бѣгущими

облавами; онъ еще ребенкомъ любилъ глядѣть на ихъ затѣйливныя, измѣнчивыя очертанія, и это всегда дѣйствовало на него примиряющимъ, успокоивающимъ образомъ. Онъ думалъ о Наташѣ объ ея любви къ нему, объ ея всепрощающей добротѣ; онъ думалъ о томъ, какъ она будетъ скучать безъ него, какъ часто будутъ плавать эти кроткіе глаза, въ которыхъ таеь много свѣтится безграничной привязанности. Но Наташа недолго занимала его мысли; ея образъ постепенно блѣднѣлъ, расплывался, наконецъ исчезъ совершенно; передъ Рязановымъ, бойкая, красивая, стояла его недавняя знакомка Лидія Бахмачева, сверкали ея золотистыя кудри, ея голубые глаза. Она успѣла уже заинтересовать Николая; онъ полюбилъ говорить съ нею, полюбилъ ея веселый характеръ, красивую наружность, кокетливое обращеніе, и радостно билось его сердце при мысли, что все лѣто онъ будетъ съ нею въ деревнѣ. Сколько картинъ, сколько сценъ рисовало ему воображеніе, какъ пріятно было ему мечтать о предстоящемъ лѣтѣ.

А Наташа шла въ это время домой одна по пустой, полу-свѣтлой улицѣ.

«Почти четыре мѣсяца!» думалось ей и грудь ея волновалась отъ сдерживаемыхъ рыданій.

Быстро, какъ сонъ, пролетѣло для Рязанова это лѣто. Онъ полюбилъ Лидію всѣмъ своимъ молодымъ, горячимъ сердцемъ; прогулки, катанья, тихая деревенская жизнь—все способствовало ихъ сближенію. Онъ скучалъ, не видя ея; при ней сильнѣе билось его сердце, легче жилось ему. Онъ отзывался о ней съ восторгомъ и, когда не былъ съ нею, стремился говорить о ней. Она никогда не выказывала ему своей симпатіи, но вообще держала себя неровно: то относилась къ нему ласково и внимательно, даже нѣжно; то мучила его небрежностью, ледяною холодностью, мелочными придирками. Онъ глубоко страдалъ отъ этихъ переменъ, ломалъ себѣ голову—чѣмъ вызваны ея поступки и всегда безусловно обвинялъ себя во всемъ. Какъ онъ томился во время ея немилости, какъ болѣзненно врѣзывалась въ сердцѣ ея холодная насмѣшка, какъ мучительно отзывалась на немъ ея невнимательность! Онъ бродилъ какъ въ воду опущенный, не спалъ ночей, мучился. Но горе быстро забывалось послѣ одного ласковаго слова, благосклоннаго взгляда; чего не готовъ былъ онъ сдѣлать изъ-за одного этого взгляда? Лидія инстинктивно сознавала свою власть надъ нимъ; она гордилась

своимъ могуществомъ и злоупотребляла имъ; ей нравилось распорядиться имъ, мучить его. Иногда за все это она дарила ему нѣсколько минутъ своего участія, своей нѣжности, и долго-долго ходилъ онъ счастливый, полный своимъ чувствомъ и своимъ блаженствомъ.—Я люблю распорядиться, люблю, чтобы всѣ меня слушались, какъ балованный ребенокъ говорила она иногда, и онъ молчаливымъ согласіемъ признавалъ ея власть, ея силу. Высказаться ей, признаться въ своемъ чувствѣ, онъ не рѣшался. а между тѣмъ ревновалъ ее ко всѣмъ и каждому; подъ вліяніемъ ревности онъ не разъ говорилъ ей рѣзости, и такимъ образомъ первый начиналъ размолвку; она сердилась—и не легко было ему послѣ этого добиться примиренія, но за то какъ хорошо было это примиреніе.

Среди этихъ волненій, этого упоенія молодымъ чувствомъ, Наташа была забыта. Сначала онъ все собирался написать ей, но письмо откладывалось со дня на день, съ недѣли на недѣлю, да такъ и не было написано. Отъ нея писемъ не приходило, и такимъ образомъ онъ не имѣлъ о ней никакихъ извѣстій.

Только въ сентябрѣ, на возвратномъ пути въ Петербургъ, онъ вспомнилъ о подругѣ своего дѣтства. «Какъ-то встрѣтить меня она?» подумалъ онъ.

Она явилась къ нему въ первое же воскресенье, послѣ обѣдни. Съ выраженіемъ живой радости бросилась она въ открытыя имъ объятія, да такъ и замерла, обхвативъ его шею. Потомъ подняла голову и долго съ нѣмымъ восторгомъ, со слезами вглядывалась въ дорогія черты.

— Попопдѣли, похорошѣли... сквозь слезы шептала она.

Онъ чувствовалъ себя неловкимъ, сконфуженнымъ. «Зачѣмъ это не она—не Лидія», шевелилось даже въ его голоѣ.

Наташа сильно измѣнилась за лѣто; она похудѣла, поблѣднѣла; ея добрые глаза глядѣли какъ-то глубже, серьезнѣе. Одѣта она была въ скромное темное платье; черная мантилья широкими складками покрывала ея станъ.

— Здорова ли ты, Наташа? спросилъ онъ, усадивъ ее взволнованную давно ожидаемою встрѣчею.—Ты такъ измѣнилась.

Она опустила свое вспыхнувшее лицо, сквозь слезы озаренное счастливою улыбкою.

— Ничего, здорова... прошептала она и черезъ минуту тихо прибавила:—Я жду...

Онъ понялъ съ полуслова и взволнованный всочилъ съ мѣста.

— Боже мой, зачѣмъ же ты не сказала мнѣ этого раньше?

не дала знать? спрашивалъ онъ въ волненіи, быстрыми шагами ходя по комнатѣ.

— Я не хотѣла васъ беспокоить, да и зачѣмъ? начала было она.

— Какъ зачѣмъ? нетерпѣливо прервалъ ее онъ;—надо же было подумать, что дѣлать, какъ быть?

— Время еще есть... она робко подняла на него глаза и, подъ влияніемъ его озабоченнаго, нахмуреннаго лица, пропала ея счастливая улыбка.

— Я объ этомъ думала, помолчавъ, несмѣло начала она:—и хотѣла оставить его у себя.

Онъ остановился передъ нею.

— А чѣмъ же вы жить будете? спросилъ онъ, и его самого неловко кольнуло это «вы».

— Я буду работать... онъ не будетъ знать нужды, не беспокойтесь.

Его снова кольнуло; въ этомъ просто, безъ всякой задней мысли сказанномъ «не беспокойтесь», ему послышался упрекъ. Онъ опять зашагалъ по комнатѣ.

— Но вѣдь тебя попрекать, позорить будутъ, высказалъ онъ еще одно соображеніе.

Она серьезно посмотрѣла на него.

— Ну такъ что же? Неужели вы изъ-за этого бросили бы вашего ребенка? Онъ нервно передернулъ плечомъ, но она не замѣтила и продолжала:—Если это будетъ мальчикъ—вы мнѣ позволите назвать его Николаемъ?

— Ахъ, Боже мой! называй его какъ хочешь! сорвалось у него съ языка.

Она съ такимъ удивленіемъ посмотрѣла на него, что ему стало совѣстно; онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Прости, Наташа, сказалъ онъ:—но я разстроены, еще не отдохнулъ съ дороги... не сердись на меня, прошу тебя...

— Богъ съ вами... я и не сержусь, и она хотѣла поцѣловать его руку, но онъ судорожно отдернулъ ее.

— Пожалуйста, строго произнесъ онъ:—не дѣлуй никогда моихъ рукъ.

Они молчали нѣсколько минутъ.

— Вы устали, вамъ отдохнуть нужно... робко замѣтила она наконецъ, встала и начала собираться.

Онъ ее не удерживалъ; она торопливо простилась и вышла. Рязановъ не легъ отдыхать, онъ подошелъ къ столу и сѣлъ, подперши голову руками. Тяжело давила его мысль объ этомъ

ребенкѣ; она назойливо напоминала ему о случайномъ, минутномъ увлеченіи, которое онъ такъ искренно желалъ забыть. Какъ встрѣтить этого пришельца? Въ какія встать къ нему отношенія? Какъ держать себя съ его матерью? Вотъ вопросы, въ мучительномъ безпорядкѣ кружившіеся въ его головѣ. Напрасно старался онъ разрѣшить ихъ, приискивая самые разнообразныя отвѣты; даже мысль о женитьбѣ, о возможности дать имя ребенку, промелькнула у него, но тутъ же, въ какой-то неразрывной связи, представилось ему презрительное удивленіе Лидіи, при извѣстіи о его свадьбѣ; онъ оттолкнулъ эту мысль, а Наташа и ея ребенокъ вдругъ показались ему какими-то надоедливыми препятствіями, удалившими его отъ Лидіи.

«Нѣтъ! съ ожесточеніемъ думалъ онъ:— нужно этого ребенка подальше куда нибудь, съ глазъ долой, чтобы не видѣть его, не встрѣчаться съ нимъ. Да вотъ, чего же лучше, отдать его въ воспитательный домъ и всѣ нити порваны, и онъ потерянтъ изъ виду, и даже живъ онъ или умеръ неизвѣстно... Право, это было бы хорошо, и ей лучше; не пришлось бы трудиться такъ усиленно... даже все это скрыть можно будетъ. Я поговорю съ ней объ этомъ, быть можетъ, она и согласится». На этой мысли онъ остановился и рѣшилъ передать ее Наташѣ.

Въ первый же визитъ ея онъ нерѣшительно, полупонамекомъ сообщилъ ей свою идею. Она только что рассказала ему, что то смѣшное и весело смѣялась; но при его словахъ улыбка ея пропала и она серьезно, даже строго посмотрѣла на него.

— Вы не шутите? спросила она измѣнившимся голосомъ.

— Нисколько... да ты подумай сама..

Она вся впыхнула и глаза ея заблестѣли.

— Полноте! громко и быстро заговорила она: — не хочу и думать... Грѣхъ какой!.. у матери ребенка отнять! да не отдамъ я его.

Онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на ея поблѣднѣвшее отъ волненія лицо, на сурово сдвинутыя брови. Онъ слышалъ въ первый разъ, чтобы эта тихая женщина такъ энергически возставала, съ такимъ увлеченіемъ отстаивала свои права; онъ почувствовалъ какъ мелочны, какъ блѣдны передъ этой силой материнской любви его эгоистическія мысли и соображенія; ему въ первый разъ пришло въ голову, что нехорошо, нечестно отнимать у матери ея ребенка. Онъ замѣтилъ, что вѣдь это только предположеніе; что, конечно, въ дѣйствительности его нельзя исполнить, и что можно будетъ устроиться какъ нибудь иначе, оставивъ ребенка у нея.

Онъ говорилъ, а она долго еще смотрѣла на него сомнѣвающимся, недовѣрчивымъ взглядомъ.

Дни проходили за днями. Рязановъ все чаще и чаще бывалъ у Бахмачевыхъ; иногда ему казалось, что Лидія любитъ его, и тогда онъ былъ счастливъ и весь міръ казался ему такимъ прекраснымъ, такимъ сіяющимъ. Иногда, напротивъ, онъ возвращался домой не въ духѣ, разстроенный, молча бросался на кровать и цѣлыми часами лежалъ, уткнувшись лицомъ въ подушку. Послѣ этого, нѣсколько дней, угрюмый, нервный, онъ сидѣлъ дома и нигуда не выходилъ.

Чѣмъ глубже разрасталось въ немъ чувство къ Лидіи, тѣмъ тяжелѣе становилось ему видѣть Наташу. Когда она говорила, ему слышались упреки въ ея словахъ; если ему случалось поймать ея глубокой взоръ, съ нѣмой любовью устремленный на него, онъ думалъ, что она вспоминаетъ пережитое счастье или догадывается объ его любви, ревнуетъ его къ Лидіи.

— Что съ вами, Николай Дмитриевичъ? робко спросила она однажды, заставъ его нервнымъ и раздражительнымъ. — Здоровы ли вы?

— Ахъ, Господи! нетерпѣливо отвѣтилъ онъ: — не камень же я, чтобы вѣчно быть одинаковымъ! У всякаго могутъ быть свои непріятности.

Наташа хотѣла было спросить его: какія у него непріятности, но не посмѣла и только глубоко вздохнула.

«Еще вздыхаетъ! раздражительно думалъ онъ: — полюбуйтеся, дескать, какая я несчастная... О, Господи! какое мученіе!»

Подобныя сцены стали повторяться нерѣдко и она не могла не замѣтить въ немъ перемѣны. Сколько разъ вспоминала она знакомыя ей обстоятельства его жизни; думала, не утомляютъ ли его уроки? не нуждается ли онъ? и все-таки не могла найти причины его дурнаго расположенія духа. Частенько плакала она, сидя въ своей каморѣ и перебирая заготовленное собственными руками дѣтское приданое.

«Отчего онъ такъ перемѣнился? съ глубокою грустью спрашивала она себя — За что онъ сердится на меня?» И мучительно ныло ея сердце, и горячія слезы капали на крошечные чепчики и рубашечки.

Наконецъ, дошло до того, что онъ, безъ нервнаго раздраженія, не могъ видѣть эту кроткую женщину. Его холодныя, рѣзкія слова не разъ доводили ее до слезъ, а слезы еще болѣе раздражали его. Онъ сталъ по воскресеньямъ съ утра уходить изъ дому и Наташа обыкновенно не заставляла его дома.

«Я сегодня не въ духѣ, старался онъ оправдать свое отсутствіе:—я могу сказать ей рѣвкость, огорчить ее. Ужь лучше не встать меня дома, чѣмъ выслушивать непріятности, плавать, или молча смотрѣть на мою хандру».

Такимъ образомъ они не видѣлись довольно долго. Онъ водновался и былъ влюбленъ по-прежнему; она грустила не видя его, мучалась, не зная его гора.

Январь подходилъ къ концу, когда однажды Рязановъ, счастливый и довольный, далеко за полночь вернулся домой отъ Бахмачевыхъ. Это было какъ разъ въ тотъ достопамятный вечеръ, когда онъ въ первый разъ догадался о любви Лидіи, когда она яснѣе прежняго высказалась ему. Найденное имъ на столѣ письмо Наташи охладило его восторгъ и вывело изъ міра розовыхъ грезъ, въ которомъ онъ виталъ.

«Многоуважаемый Николай Дмитриевичъ, писала ему она:—извините, что безпокою васъ своимъ письмомъ. Мнѣ хотѣлось сообщить вамъ свой новый адресъ; я переѣхала къ повивальной бабушкѣ, такъ какъ сегодня ночью нехорошо себя чувствовала; теперь мнѣ лучше, могу даже писать вамъ. Бабушка говоритъ, что самое большее, если мнѣ придется ждать до завтрашняго утра, а можетъ быть и раньше все кончится. Прощайте. Богъ знаетъ, доживу ли и до завтра. Будьте счастливы. Ваша Наталья Васильева».

Въ письму приложенъ былъ адресъ.

Какое-то тяжелое чувство проснулось въ душѣ Рязанова при чтеніи этой записки; онъ подумалъ о своемъ обращеніи съ Наташею, вспомнилъ, какъ старательно избѣгалъ свиданія съ нею, какъ давно не видалъ ея.

«Можетъ быть она умираетъ, мелькнуло у него въ головѣ:—а я то совсѣмъ забылъ ее. Это безсовѣстно... Надо ѣхать къ ней, вдругъ рѣшилъ онъ,—хоть проститься, хоть ребенка взять, если она умретъ».

Пропалъ изъ его воображенія стройный образъ блѣнокурой Лидіи и съ поразительною ясностью встала передъ нимъ картина бѣднаго, можетъ быть холоднаго угла и кроткая, больная дѣвушка, которую онъ оттолкнулъ.

«Ѣхать.... Ѣхать надо!» машинально повторялъ онъ, поспѣшно надѣвая шапку и выходя въ сѣни.

Второпахъ онъ едва отыскалъ шубу и калоши, едва не за-

былъ запереть выходную дверь. Быстро сбѣжалъ онъ съ лѣстницы и выбѣжалъ на улицу.

Ночь стояла морозная; фонари, за своими замерзшими стеклами, тускло мерцали среди пустыхъ улицъ.

«Извозчика бы поскорѣе», болѣзненно думалъ онъ; но извозчика, какъ на зло, не попадалось.

Наконецъ, за угломъ онъ разбудилъ спавшаго подъ пологомъ ваньку, сѣлъ въ сани и свободнѣе вдохнулъ, когда пологья заскрипѣли по твердому снѣгу.

«Боже мой! думалъ онъ, кутаясь въ теплый воротникъ своей шубы,—а я то цѣлый мѣсяцъ не хотѣлъ видѣть ее, да и въ послѣдніе разы, когда видѣлъ, какъ обращался съ нею... Бѣдная! что она вынесла, что выстрадала за это время... какъ она любила меня... И теперь она умираетъ; умерла, можетъ быть... Нужно торопиться... Ахъ, какъ тихо ѣдетъ извозчикъ!»

— Да поѣзжай же скорѣе, братецъ! торопилъ онъ вслухъ своего возницу.

Тотъ повернулъ къ нему свое широкое, бородатое лицо.

— Лошадкѣ то, баринъ, тяжело, сказалъ онъ,—она вѣдь у меня не кованная.

«Скорѣе! скорѣе! шепталъ про себя Рязановъ, безнадежно вглядываясь въ длинную вереницу фонарей, далеко, далеко тянувшихся вдоль пустынной улицы.—Что если я ужъ не застаю ее?»

Наконецъ, они доѣхали. Николай поспѣшно сунулъ извозчику деньги, торопливо высочилъ изъ саней и пошелъ отыскивать по номеру домъ.

Домъ былъ найденъ довольно скоро. Рязановъ разбудилъ спавшаго у воротъ дворника, далъ ему двугривенный и спросилъ:

— Гдѣ тутъ живетъ акушерка?

Дворникъ проснулся не сразу.

— Акушерка? повторилъ онъ, протирая, наконецъ, заспаные глаза,—т. е. бабушка?

— Да, да, да! нетерпѣливо отвѣтилъ Николай.

— А вотъ пожалуйста во дворъ, медленно, словно на зло, говорилъ его собесѣдникъ,—и на правой, значить, рукѣ, по второй лѣстницѣ, въ самомъ верху.

Николай устремился въ ворота.

— Да вы, баринъ, по лѣстницѣ-то осторожнѣе, а то она у насъ слизкая такая. Можетъ, огня не нужно ли? говорилъ дворникъ, выходя за нимъ во дворъ въ своей длинной овечьей шубѣ.

— Нѣтъ, не надо огня, я и такъ найду. И Николай горопливо побѣжалъ черезъ дворъ.

— Вишь ты, у ней и огонекъ есть—не спить, значить, замѣтилъ вслѣдъ ему дворникъ.

Николай взглянулъ на верхъ; дѣйствительно, въ самомъ верхнемъ окнѣ свѣтился одинокій огонекъ.

«Что-то освѣщаетъ этотъ огонекъ?» мелькнуло въ его разгоряченной головѣ.

Онъ вошелъ въ подъѣздъ и началъ быстро подниматься по грязной, залитой подмерзшими помоями, лѣстницѣ. Нѣсколько разъ поскользнувшись, добрался онъ до верху и осторожно постучался.

Долго ждалъ онъ въ тишинѣ, чувствуя, какъ бьется его сердце; очевидно, его не слышали. Онъ постучался немного погромче, но глубокое молчаніе снова отвѣчало ему; только часы гдѣ-то мѣрно пробили четыре. Онъ ощупью напелъ ручку колокольчика и слегка дернулъ ее; колокольчикъ звякнулъ чуть слышно, но громко, невыносимо громко отдался его звукъ на напряженныхъ нервахъ Николая. На этотъ разъ послышались шаги и кто-то вполголоса спросилъ за дверью:

— Кто тутъ?

— Бабушка здѣсь живетъ? спросилъ Рязановъ.

— Здѣсь... только она занята, не можетъ идти, отвѣчала голосъ за дверью.

— Да мнѣ ее и не нужно; я къ вамъ... у васъ больная Наталья Васильева? ее утромъ привезли, нетерпѣливо говорилъ Рязановъ, — впустите меня...

— Погодите, сейчасъ! послышалось за дверью и Николай услышалъ шумъ удаляющихся шаговъ.

Онъ стоялъ на темной лѣстницѣ, нетерпѣливый, взволнованный. Черезъ минуту, которая ему показалась часомъ, онъ снова услышалъ шаги; стукнулъ крючекъ, щелкнула задвижка, дверь отворилась и на порогѣ, со свѣчею въ рукахъ, встрѣтила его совершенно рябая, среднихъ лѣтъ женщина.

— Войдите, батюшка! сказала она.

Онъ вошелъ въ грязную переднюю, отдѣленную отъ кухни стеклянною перегородкою.

— Что? какъ она? нетерпѣливо спросилъ онъ, сбрасывая шубу.

— Ничего еще, отвѣтила встрѣтившая его женщина, съ ногъ до головы его оглядывая.

Онъ вздохнулъ свободнѣе.

— Пожалуйте въ комнаты! прибавила она, отворяя передъ нимъ дверь.

Онъ вошелъ. Комната была небольшая, съ какою-то тяжелою, затхлою атмосферою; освѣщалась она стоявшею на столѣ лампою подъ зеленымъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ прожженнымъ абажуромъ. Тяжелый, болѣзненный стонъ донесся изъ сосѣдней комнаты. Николай вздрогнулъ; мучительною болью отозвался этотъ стонъ въ его сердцѣ, онъ узналъ голосъ Наташи; онъ успѣлъ забыть этотъ голосъ, онъ такъ давно не слышалъ его и ему казалось, что онъ звучитъ горькимъ, слишкомъ заслуженнымъ упрекомъ за это забвеніе.

Положивъ свою шляпу на неуклюжій, старинный комодъ, съ такимъ же неуклюжимъ маленькимъ туалетнымъ зеркаломъ на немъ, Николай сѣлъ на жествій, покрытый ковромъ диванъ съ деревянною спинкою. Онъ оглядѣлъ комнату, не отличающуюся особенною чистотою, замѣтилъ запачканныя мухами фотографическія карточки, просто, безъ затѣй гвоздями прибитыя къ стѣнѣ; взглянулъ на полусохшій китайскій розанъ на окнѣ, на жирнаго сѣраго кота, сладко дремавшаго въ креслѣ, и снова сталъ прислушиваться къ доносящимся изъ сосѣдней комнаты стонамъ Наташи, и снова поднялось въ его душѣ сознание своей вины передъ нею.

Кругленькая, добродушная женщина, лѣтъ пятидесяти, въ темномъ платьѣ и бѣломъ чепцѣ, выплыла изъ дверей. Она подошла къ Рязанову и поздоровалась съ нимъ.

— Пока все благополучно, сказала она, даже не спрашивая, кто онъ таковой, — къ разсвѣту я надѣюсь...

— Она въ памяти? прервалъ Николай старушку.

— Да, но страданія уже начались, отвѣтила она; — впрочемъ, если хотите, ее еще можно видѣть.

Ему и хотѣлось видѣть Наташу, и до боли стыдно было передъ нею; онъ колебался. Старушка спокойно ожидала его отвѣта. Наконецъ, онъ пробормоталъ что то и торопливо пошелъ за своею собесѣдницею.

Сосѣдняя комната была не велика и освѣщалась только теплившеюся у образовъ лампадкою. На большой постелѣ, покрытая бѣлымъ одѣяломъ, лежала Наташа; лицо ея было повернуто къ стѣнѣ и глухіе стоны волновали ея грудь; рука ея выснулась изъ-подъ одѣяла и порою судорожно вздрагивала. Долго смотрѣлъ Николай на эту похудѣвшую, бѣлую руку и, наконецъ, движимый Богъ знаетъ какимъ чувствомъ, наклонился и горячо поцѣловалъ ее. Наташа тихо, со стономъ повернула

къ нему свое, уже искаженное муками лицо; она разглядѣла его при тускломъ свѣтѣ лампадки, и такую чудною, такую блаженною улыбкою свергнули ея глаза.

Она снова застонала; потомъ, повидимому, пересиливъ себя, тихо произнесла:

— Если я умру, не оставьте хоть его то!

Глубокое, до ужаса ясное пониманіе своего одиночества, своихъ отношеній къ нему слышно было въ этихъ короткихъ словахъ; въ нихъ, можетъ быть противъ ея воли, высказалась вся боль этого пониманія и страшнымъ упрекомъ прозвучали они.

Тяжело было Рязанову; горькое, невыносимое чувство давило ему грудь, подступало къ самому горлу.

— Уйдите лучше! тихо сказала ему старушка.

Онъ повиновался и вышелъ; неровными шагами дошелъ онъ до дивана, тяжело опустился на него, припалъ своею горячею головою къ его жесткой спинкѣ и вдругъ зарыдалъ. Первые его были разстроены; онъ такъ много пережилъ въ этотъ вечеръ.

Рябая женщина принесла ему стаканъ воды.

— Перестаньте, батюшка, говорила она ему, — вѣдь вы беспокоите больную.

Онъ выпилъ воду и собралъ всѣ свои силы, чтобы успокоиться. Это ему удалось; онъ овладѣлъ собою и сидѣлъ молча, прислушиваясь къ стонамъ Наташи и къ однообразному щелканью мялки въ кухнѣ. Рябая ушла и онъ снова остался одинъ.

«Вотъ, думалось ему, — совершается важное событіе: маленькое существо, человѣкъ, явится скоро на свѣтъ... и я, отецъ этого человѣка, сижу и жду, а она, бѣдная, мучается, страдаетъ. Ахъ, какъ все это северно вышло! Если она умретъ, ребенокъ останется у меня на рукахъ; я долженъ буду заботиться о немъ, жалкомъ, слабомъ; выростить его. А можетъ ли онъ уважать меня, если узнаетъ, что я не былъ женатъ на его матери, что я даже не любилъ ее... Да полно, честный ли я человѣкъ?» И Рязановъ задумывался надъ этимъ вопросомъ. — «Ребенокъ будетъ незаконный... Какое глупое слово «незаконный»! Точно клеймо какое то. Французы мягче называютъ: «enfant naturel»... а «le bâtard» вѣдь тоже они выдумали. Однако, какіе пустяки лѣзутъ мнѣ въ голову въ такую минуту... Что если она умретъ, такая молодая?»

Онъ вспомнилъ Наташу дѣвочкою, когда она ходила къ нимъ изъ пріюта; вспомнилъ дѣтскія игры, уроки ариметики. Мельчайшія подробности этого времени воскресли передъ нимъ. Но усталость брала свое: мало-по-малу онъ пересталъ слышать

стоны больной и надоѣдливое шелканье маятника; комната и сѣрый котъ въ креслѣ отодвинулись куда то далеко; надъ Рязановымъ тихо наклонилась Лидія Бахмачева и, задѣвая его лобъ своими шелковистыми вудрами, шептала: «Вы передумаете?.. я прошу васъ...» Онъ задремалъ.

Громкій, ужасный стонъ разбудилъ его. Онъ поднялъ свою голову съ жесткой ручки дивана и оглядѣлся. Начиало свѣтать; уже видѣны были желтоватый цвѣтъ увядающаго китайскаго розана на окнѣ; лампа съ уменьшеннымъ пламенемъ едва горѣла слабымъ синимъ огонькомъ. Рязановъ вспомнилъ все.

Раздирательный, мучительный стонъ повторился. Казалось, больше страдать было уже не въ силахъ человѣческихъ. Долгое, безконечное молчаніе послѣдовало за этимъ стономъ.

Весь блѣдный поднялся Рязановъ съ дивана и совершенно машинально перекрестился.

«Все кончено!» съ ужасомъ подумалъ онъ.

Вдругъ раздался слабый, едва слышный крикъ ребенка.

«Ребенокъ...» мелькнуло у него въ головѣ отдѣльное слово, безъ связи, безъ смысла.

И опять молчаніе, безконечное, томительное молчаніе.

Этого молчанія Рязановъ не могъ вынести; онъ всталъ, на ципочкахъ вышелъ въ переднюю и, заложивъ руки назадъ, нетерпѣливо сталъ ходить по ней. Въ передней и въ соединенной съ нею кухнѣ никого не было, только надоѣдавшій Николаю маятникъ шелкалъ такъ же однообразно, какъ ночью.

Наконецъ, послышались шаги; онъ остановился и съ нетерпѣніемъ глядѣлъ на дверь. Вошла рябая прислуга.

— Ну что? живо спросилъ онъ.

— Благополучно, сказала она, — сына Богъ далъ.

Взявъ что-то съ холодной плиты, она снова ушла. Николай глубоко вздохнулъ, какъ будто у него камень свалился съ души.

Черезъ полчаса къ нему вышла бабушка.

— Ребеночекъ очень слабъ, сказала она, — едва ли живъ останется. Роды были не легкіе.

— Можно войти туда? спросилъ онъ. — Я желалъ бы видѣть ребенка.

— Нѣтъ, ужъ лучше не ходите, не беспокойте ее; а ребенка я сейчасъ могу вынести показать.

Она вышла и черезъ минуту воротилась съ ребенкомъ на рукахъ. Рязановъ увидѣлъ что то маленькое, красное; сморщенное личико, узкіе глаза. «Зачѣмъ я родился? Кому я нуженъ?» казалось спрашивало это крошечное существо. Тѣ же вопросы,

смѣшанные съ чувствомъ глубокой жалости, промелькнули и въ головѣ Николая.

— А что она? спросилъ онъ.

— Она чувствуетъ себя бодрѣе, чѣмъ я ожидала; можно надѣяться, что она скоро поправится.

— Я зайду навѣстить васъ сегодня же, сказалъ Николай, прощаясь съ старухою. — Если-бы случилось чтонибудь, сейчасъ же дайте мнѣ знать. Вотъ мой адресъ.

Бессонная ночь давала себя знать: у него жестоко болѣла голова, во всемъ организмѣ ощущалась тяжесть, сухость какая то. Онъ успѣшно одѣлся и вышелъ; оставаться долѣе въ затхлой атмосферѣ этой квартиры было ему не подъ силу.

Стояло утро яснаго, морознаго дня. Столица просыпалась; дымъ тяжелыми клубами валилъ изъ трубъ, дворники чистили и скребли панели. Николай съ наслажденіемъ вдыхалъ морозный, утренній воздухъ; ему казалось, что онъ очнулся отъ тяжелаго сна.

«Слава Богу, никто не умеръ, думалъ онъ, снова очутившись въ своей комнатѣ и ложась въ постель. — А что дальше будетъ, какъ все это устроится, — объ этомъ еще есть время подумать».

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сладко заснулъ.

Проснулся онъ уже въ сумерки и тотчасъ же поѣхалъ къ Наташѣ. Она не спала и радостно, гордо улыбнулась, когда онъ вошелъ къ ней. Спящій младенецъ лежалъ рядомъ съ нею. Въ этой обстановкѣ, подлѣ этой женщины, Рязановъ чувствовалъ себя какъ будто другимъ человѣкомъ, ощущалъ какую-то торжественность; съ такимъ чувствомъ вѣрующій входитъ въ святилище.

— Поздравляю тебя съ новорожденнымъ, сказалъ онъ, цѣлуя молодую мать.

— Благодарю васъ, съ тихою улыбкою отвѣчала она; показавъ на ребенка, она прибавила: — вотъ мой сынъ... Благословите его!

Онъ неумѣло перекрестилъ спящаго младенца.

— Его зовутъ Николаемъ. Батюшка былъ, молитву читалъ, сказала она.

— Не утомляйте ее разговоромъ, она еще слишкомъ слаба, тихонько замѣтила бабушка.

Онъ сѣлъ у постели, а Наташа замолчала и только смотрѣла на него долгимъ, спокойнымъ взоромъ. Черезъ нѣсколько времени онъ всталъ и ласково простился съ нею; она снова

улыбнулась ему своею свѣтлою улыбкою и, приподнявъ руку, силилась благословить его.

У себя дома Рязановъ засталъ своего ученика, Колю Бахмачева.

— Меня сестры послали за вами, сказалъ онъ своему учителю, — онѣ ѣдутъ въ оперу, у нихъ есть мѣсто въ ложѣ и онѣ поручили мнѣ привести васъ.

«Ѣхать или не Ѣхать? мелькнуло въ головѣ Рязанова. — Нѣтъ, не поѣду... развѣ я могу веселиться въ такой день?.. А Лидія будетъ ждать меня... притомъ неловко отказать отъ такого любезнаго приглашенія. Наконецъ, зачѣмъ же мнѣ сидѣть дома... вѣдь Наташа внѣ опасности, а былъ у неа...»

Онъ переодѣлся и уѣхалъ съ Колею.

По уходѣ Николая, Наташа выразила желаніе уснуть; бабушка, собиравшаяся ко всеобщей, — это былъ канунъ какого то праздника, — охотно согласилась на это и, поправивъ лампаду, вышла изъ комнаты. Она надѣла салопъ, платокъ на голову и, уходя, сказала своей рабой прислугѣ:

— Смотри, Софья, ужь не убѣгай изъ дому-то, а то ей неравно что нибудь понадобится.

Наташа проспала съ часъ. Проснувшись, она взглянула на ликъ Божіей Матери, ярко озаренный теплившеюся передъ образами лампадкою, и повернула голову къ ребенку. Сынъ ея спокойно спалъ среди подушекъ, въ большомъ креслѣ, рядомъ съ ея кроватью. Какъ дорого было ей это крошечное созданіе; съ какою любовью глядѣла она на него, стараясь рассмотреть въ полумракѣ его личико, его темные, мягкіе какъ пухъ волосики. Она сравнивала эти сморщенные, неопредѣленные черты съ мужественнымъ лицомъ Рязанова.

«Да, это его лобъ», думалось ей и при невѣрномъ, колеблющемся освѣщеніи она находила въ сынѣ все большее и большее сходство съ любимымъ человѣкомъ.

Маленькая рученка малютки, какъ-то выбившись изъ пеленокъ, лежала поверхъ одѣяльца и мать нѣжно взяла ее въ свою руку.

«Спи, милый... однако у него ручка холодная, онъ худо закрытъ», подумала она и не безъ усилія наклонилась, чтобы потеплѣе закутать ребенка.

При полусвѣтѣ лампы какъ-то странно глянули на нее

его полузакрытые глаза. Сердце ее упало подъ впечатлѣніемъ этого тусклаго взгляда.

— Господи, что это съ нимъ?

Она тревожно прижалась къ сыну; изъ его слипшихся, синѣлыхъ губокъ уже не раздавалось дыханія, маленькое тѣльцо было холодно.

Она, за минуту едва двигавшаяся, вдругъ сѣла на кровати.

— Доктора, доктора скорѣе! крикнула она, что было силы.

Отчаянный крикъ ее замеръ въ пустой квартирѣ... Снова настала тишина, мертвая, безучастная. Наташа чувствовала, что мысли ее путаются; ей казалось, что присутствіе врача еще могло спасти все. Она поспѣшно вскочила съ постели и, какъ была, въ одномъ бѣльѣ, босикомъ выбѣжала въ сосѣднюю комнату; тамъ было темно, лишь узкая полоска свѣта падала на полъ изъ дверей въ кухню. Наташа бросилась туда и, вся дрожащая отъ холода и отъ волненія, остановилась въ надеждѣ найти, наконецъ, кого нибудь.

Никого. Коптящая лампа горѣла на столѣ, яркая струя огня высоко вырвалась изъ стекла отъ струи набѣжавшаго воздуха, часы стучали однообразно, большой чернѣй тараканъ торопливо бѣжалъ по бѣлому столу.

— Боже мой, да гдѣ же это онѣ? съ отчаяніемъ воскликнула она.

Голова ее кружилась, въ глазахъ прыгали огненные круги, оги подгибались.

Она сильно дернула ручку выходной двери, дверь не была заперта; бѣлые клубы пара ворвались въ тепло съ холодной лѣстницы. Недолго думая, Наташа, neodѣтая, выбѣжала въ этотъ холодъ, горячею рукою схватилась за желѣзные перила.

— Доктора!.. ради Бога, доктора!.. крикнула она раздирающимъ голосомъ.

Тутъ силы ее оставили и она какъ снопъ повалилась на обледѣнныя ступени...

Воротаясь изъ театра, Рязановъ узналъ отъ неснавшей еще хозяйки, что за нимъ два раза уже присылали.

«Вѣрно ребенокъ умираетъ», холодно подумалъ онъ и, не переодѣваясь, поѣхалъ къ Наташѣ.

Онъ былъ еще весь подъ впечатлѣніемъ оперы и обаятельнаго присутствія Лидіи.

«Оно даже лучше, мелькнуло у него въ головѣ, когда

онъ уже ѣхалъ въ извозничьихъ санкахъ по свѣже выпавшему снѣжку.—Конечно матери тяжело; но вѣдь сколько хлопотъ прежде, чѣмъ онъ выростетъ, а тамъ, можетъ быть, выйдетъ изъ него какой-нибудь негодяй, возись съ нимъ... Нѣтъ, право, такъ оно лучше».

Рябая Софья встрѣтила его раньше, чѣмъ онъ успѣлъ постучаться; она очевидно ждала его.

— Что у васъ случилось? спросилъ онъ, снимая шубу и мелькомъ взглянувъ на ея распухшіе отъ слезъ глаза.

— Ребеночекъ-то отошелъ, жалостливо отвѣтила она.

— Давно? Онъ направился въ комнаты, хладнокровно поправляя свою прическу.

— Поймай, батюшка, робко замѣтила Софья,—обогрѣйся... ей и безъ того немного жить осталось... со слезами въ голосѣ прибавила она.

Рязановъ остановился.

— Кому? Наташѣ? съ изумленіемъ спросилъ онъ.

— Да, батюшка, такъ вмѣстѣ и похоронять...

Онъ поблѣднѣлъ.

— Что ты врешь? Да что у васъ случилось?

Душившія ея слезы помѣшали ей отвѣтить. Онъ бросился было въ комнату, но она успѣла загородить ему дорогу.

— Нельзя... побереги ее... выговорила она.

— Да что-же это?.. умерла она?.. да? Рязановъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ.—Говори-же скорѣе, что случилось... вѣдь видишь каково мнѣ...

Вдругъ Софья тяжело грохнулась ему въ ноги.

— Мой грѣхъ... недосмотрѣла... прости, голубчикъ; не гнѣвайся, желанный...

Перепуганный, недоумѣвающимъ поднялъ ее Николай, глядя на ея слезы, ручьемъ катившіяся по рябымъ щекамъ и тщетно утираемая грязнымъ передникомъ.

— Полно, сказалъ онъ наконецъ,—успокойся... расскажи, что такое... вѣдь я съума сойду...

«Выбѣжала... Барыня-то въ церкви была, а я то, дура старая, убѣжала къ кумѣ, къ дворничихѣ за нитками... и гдѣ у меня умъ-то былъ...

— Ну, что-же?..

— Ребеночекъ-то началъ отходить, она и выбѣжала на лѣстницу... сосѣдъ слышалъ, доктора звала... Услыхала я снизу, ровно кричатъ, прибѣжала; она-то, голубка, въ бѣльѣ одномъ,

на ступенькахъ лежитъ, какъ мертвая... у насъ ступеньки слизкія, не скалываютъ дворники-то, а жильцы всякую дрянъ плешутъ... Ну, тутъ я свѣта не взвидѣла, какъ закричу сама... сосѣди сбѣжались, подняли ее, снесли; насилу ожила... Не гнѣвайся, соколинь, на меня, глупую... каюсь, недоглядѣла...

И она снова повалилась ему въ ноги.

Закрывъ лицо руками, онъ все еще стоялъ у дверей и только судорожное вздрагиваніе рукъ выдавало его волненіе. Наконецъ, онъ поднялъ свое лицо—блѣдное, съ озабоченно сдвинутыми бровями.

— Встань... Богъ съ тобой... не мнѣ тебя судить... Ей не лучше? прибавилъ онъ помолчавъ.

— Какое лучше... все безъ памяти...

Николай осторожно вошелъ въ комнату. Опять та же неопытная обстановка, та же затхлая атмосфера, тѣ же болѣзненные стоны, острою болью проходившіе по его сердцу... Передъ образами горѣла лампада, на ломберномъ столѣ, подъ одѣяльцемъ, въ рубашкѣ съ розовою ленточкою лежалъ первенецъ Наташи; она сама приготовила эту рубашку для крестинъ... Рязановъ перекрестился, но къ столу не подошелъ. Акушерка выглянула изъ комнаты больной и, увидя Николая, вышла къ нему.

— Докторъ былъ? спросилъ онъ ее.

— Былъ.

— Ну, что-же? нетерпѣливо произнесъ онъ.

— Сказалъ, что плохо. Завтра утромъ еще разъ хотѣлъ заѣхать.

— Пошлите еще за другимъ, за третьимъ... пускай будетъ консилиумъ. Пошлите сперва вотъ по этому адресу (онъ вспомнилъ адресъ одного изъ лучшихъ докторовъ), попросите его прійхать.

Онъ въ нетерпѣннн зашагалъ по комнатамъ.

— Ну, какой тутъ докторъ поможетъ, ворчала старуха запирая двери за ушедшей Софьей,—ужь я знаю, дай Богъ, чтобы хоть сутки прожила. Хлопоты однѣ!

Рязановъ усѣлся на знакомый уже ему жесткій диванъ и долго сидѣлъ неподвижно, напряженно прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ.

«Хоть-бы скорѣе онъ прійхалъ», думалось ему, а время ползло такъ медленно...

Больная громко стонала, произносила въ бреду отрывочныя

фразы. У него, съ ужаснымъ однообразіемъ, шевелилась въ головѣ только одна мысль: «Можетъ быть еще можно спасти». Больше онъ ни о чемъ не могъ думать.

Наконецъ, пріѣхалъ докторъ. Рязанова была лихорадка, пока онъ ждалъ его возвращенія изъ комнаты больной.

— Что? хотѣлъ спросить Николай, когда врачъ показался въ дверяхъ, но голосъ ему не повиновался.

— Плохо, сказалъ докторъ, въ отвѣтъ на его вопросительное лицо:—она едва ли проживетъ нѣсколько часовъ.

Рязановъ словно не понялъ его словъ; онъ отдалъ ему за визитъ, проводилъ до дверей, потомъ вернулся въ комнату и снова неподвижно усѣлся на диванъ.

— Вы не посидите ли у больной, батюшка, говорила ему акушерка:—а я бы заснула немножко. Третью ночь не сплю, такъ и клонить... Если ей хуже будетъ, разбудите меня.

Онъ очнулся, вивнулъ головою, всталъ и прошелъ осторожно въ комнату больной; тамъ онъ сѣлъ у ея изголовья и всю ночь просидѣлъ такимъ образомъ.

Много онъ передумалъ, много онъ пережилъ въ эту длинную, безконечно длинную ночь...

Ужасно было видѣть это слабое существо, въ безпамятствѣ метавшееся по постелѣ. Нѣсколько разъ поправлялъ онъ ея распустившіяся волосы, поддерживалъ ея свѣсившуюся голову.

Наташа бредила, металась, въ бреду звала его, сына; плакала, молилась. Наконецъ, на разсвѣтъ она замолкла, успокоилась. Рязановъ все сидѣлъ задумавшись, глядя, какъ блѣдный сѣрый день заглядывалъ въ окно, сквозь полинялую зеленую стору.

— Воды... пить... раздался слабый голосъ Наташи.

Онъ поспѣшно обернулся; она лежала на спинѣ, съ широко открытыми глазами. Онъ подаль ей питье, и она жадно припала губами къ краю стакана, а онъ весь встрепенулся отъ надежды, мгновенно охватившей его сердце. Ему показалось, что жизнь и сознание блеснули въ этихъ глазахъ.

«Приходить въ себя... поправится...» радостно подумалъ онъ и робко, вполголоса прошепталъ:

— Наташа... милая...

Какъ много хотѣлъ онъ сказать ей въ эту минуту!.. Богъ вѣсть, слышала ли она, узнала ли его. Губы ея сложились въ улыбку, глаза закрылись, она словно начала засыпать.

Внезапная радость Рязанова въ одно мгновеніе смѣнилась

глубокимъ испугомъ. Онъ отчаянно схватилъ ея руку. Наташа не пошевелилась... Рязановъ вдругъ понялъ все и, уже не сдерживая своего волненія, горько зарыдалъ.

— Боже мой! прошептала онъ, цѣлуя ея холодѣющія руки:— что это была за кротость, за доброта безконечная...

А она, все улыбалась спокойною, невыразимо-ясною улыбкою.

.... На лѣто Рязановъ поѣхалъ съ Бахмачевыми...

Алексѣй Смирновъ.

СРАВНЕНІЕ РУССКАГО ТАРИФА СЪ СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКИМЪ И НАШИ НУЖДЫ.

«Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ; да поидѣте княжить и володѣть нами», такъ нѣкогда изрѣкли наши предки, обращаясь къ иноземцамъ варягамъ. И пришли варяги, и начали княжить и володѣть нами. Давно это было. Уже слишкомъ тысяча лѣтъ прошло столь горькому изрѣченію, но давно ли оно потеряло свой смыслъ въ приложеніи въ нашему отечеству, да и потеряло ли, подно... Конечно теперь немислимо обратиться вновь къ варягамъ: «да поидѣте княжить и володѣть нами»; но припомнить первую половину изрѣченія: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ», далеко не лишне. Хотя у насъ нѣтъ того безначалія, которымъ страдали наши предки, и родъ на родъ въ междоусобной брани не возстаеъ, но есть другія болѣзни, положимъ не столь тяжкія, а все-таки болѣзни. Лучше, если-бы ихъ не было; лучше, если-бы не пришлось повторять: «а порядка нѣтъ». Голодаеъ нашъ бѣдный народъ. Чистый хлѣбъ считаеъ за лакомство, не ѣстеъ его, а болѣе довольствуеъ хлѣбомъ, такъ называемымъ, пушнымъ, о которомъ въ Европѣ и понятія не имѣютъ, отъ того страдаеъ, болѣеъ, умираеъ, а мы, въ то же время, лучший хлѣбъ десятками миліоновъ четвертей увозимъ за границу питать иноземцевъ! Порядокъ ли это? Скопилъ крестьянинъ долговременнымъ сбереженіемъ сотню рублей. Крѣпко заперъ ихъ въ коробку и спряталъ подъ печку на черный день. Бережеъ,

хранить ихъ какъ зеницу ока. Но вдругъ узнаеть, что, по щучьему велѣнью, по вражьему хотѣнью, изъ его сотни сдѣлалось только 62 рубля. Осталась послѣ смерти мужа вдова съ малолѣтними дѣтьми. Положила она сбереженные ей мужемъ тысячу рублей въ банкъ, дабы они были надежно сохранны— въ нихъ заключается ея жизнь и смерть. Прошло нѣсколько лѣтъ и изъ ея тысячи, крѣпко хранимой, нивѣтъ нетронутой, убавилось, по какому-то стороннему для нея случаю, 380 рублей. Заслужилъ чиновникъ долголѣтнею, неприглядною службой пенсію въ 300 рублей. Думаетъ, что теперь старость его обезпечена; кусокъ хлѣба есть; но вотъ въ одинъ несчастный день слышитъ, что его триста-рублевая пенсія превратилась въ 186 рублей! Порядокъ ли это? Нѣтъ! Давно ли мы пережили разорительный для насъ финансовый кризисъ. На нашей памяти, въ 1839 году, правительство раздѣляло насъ лишь по 28^{1/2} копѣекъ за рубль, отобравъ у насъ прежнія екатерининскія асигнаціи въ обмѣнъ на новыя кредитныя ¹⁾, выдавая 1 рубль новыхъ за 3^{1/2} рубля старыхъ, которые, нужно сказать, были выпущены тоже на серебро, или, все одно, на звонкую монету. Но вотъ теперь и новыя асигнаціи, кредитки, идутъ по тому же роковому, старому пути, быстро упадая, и люди, живущіе прежними сбереженіями или опредѣленнымъ жалованьемъ, съ замираніемъ сердца слѣдятъ за ихъ упадкомъ и съ трепетомъ представляютъ себѣ, что вотъ-вотъ упадутъ онѣ еще больше, до той горькой цифры, 28^{1/2} копѣекъ за рубль, какъ это случилось послѣ войны, веденныхъ Павломъ I и Александромъ I, разорившихъ государство почти до основанія.

Не избалованы мы и удобными путями сообщенія. Здѣсь фабрикантъ, или землевладѣлецъ, платитъ за провозъ своихъ произведеній по первобытнымъ дорогамъ въ пять и десять разъ дороже, чѣмъ платится на дорогахъ желѣзныхъ. Тутъ путешественникъ, отправляясь въ лѣтнее время на 50 верстъ, на тройкѣ лошадей, не можетъ доѣхать до мѣста назначенія: то онъ вязнетъ въ грязи со всей своей тройкой лошадей и его насилу вытаскиваетъ цѣлая деревня; далѣе—останавливаетъ разлившійся ручей и опять его перетаскиваетъ деревня, едва не утопивъ; еще далѣе—мостъ на ручѣ снесенъ и путешественникъ возвращается. А тамъ горожанинъ, выѣхавъ за городъ въ кабрио-

¹⁾ Первоначально, до 1843 г., старыя асигнаціи были вымѣняваемы не на кредитныя, а депозитныя билеты но это не измѣняетъ сути дѣла.

летѣ, заѣхалъ въ лужу и—утонулъ! Порядокъ ли это! Вѣдь такія дороги ничѣмъ не отличаются отъ дорогъ Азіи, существующихъ для кочующихъ народовъ.

Конечно и у насъ есть желѣзныя дороги, но много ли ихъ. О количествѣ нашихъ рельсовыхъ путей безъ ироніи даже и говорить нельзя. Вотъ что сказалъ о нихъ уважаемый профессоръ Совѣтовъ въ собраніи императорскаго вольнаго экономическаго общества ¹⁾. «Въ Россіи рельсовыхъ путей приходится 1 километръ на 4,5 кв. мили, а въ Англіи на 0,2, во Франціи на 0,4, въ Германіи на 0,36 кв. мили. По отношенію же къ пространству Россія имѣетъ меньше чѣмъ даже европейская Турція, а по отношенію къ народонаселенію мы опередили только два государства: Турцію и Португалію. Если же сравнить Россію съ Америкою, то оказывается, что американцы на пространствѣ, равномъ европейской Россіи, при числѣ жителей вдвое меньшемъ, построили 127,000 верстъ рельсовыхъ путей, а у насъ ихъ построено только 21,000, т. е. слишкомъ въ 6 разъ меньше». «Но Америка конечно на этомъ не остановится. Сѣверо-Американскіе Штаты въ дополненіе къ своимъ 127 тыс. верстъ желѣзныхъ дорогъ приступили уже къ постройкѣ новыхъ 15,000 миль, равныхъ по длинѣ всей нашей сѣти дорогъ. Въ Европѣ тоже не откладываютъ этого дѣла. Французское правительство въ 1879 году утвердило три заказа съ асигнованіемъ, втеченіи 12 лѣтъ, капитала въ 5,8 миллиардовъ франковъ (около 1,450 мил. мет. рублей), на которые предполагается устроить и улучшить 10,000 вил. водяныхъ сообщеній и увеличить и исправить всѣ приморскіе порты Франціи. Англія въ послѣднюю парламентскую сесію утвердила 52 била о новыхъ рельсовыхъ путяхъ, для которыхъ потребуется капиталъ въ 11 мил. фунт. стерлинговъ (около 70 мил. мет. руб.). Въ Индо-Британскихъ владѣніяхъ строится 7,000 верстъ. Италія разрѣшила постройку на 3,177 килом. Австрія проектируетъ цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ въ восточной Румелии, Сербіи и Болгаріи, долженствующую связать политически эти страны съ нею, и предполагаетъ построить цѣлую сѣть дорогъ второстепенныхъ. Между тѣмъ у насъ въ высшихъ рѣшающихъ сферахъ думаютъ, что въ Россіи желѣзныхъ дорогъ уже достаточно, хотя въ самомъ центрѣ есть пространство въ 160,000 кв. верстъ совершенно лишенное рельсовыхъ путей. Азіятская Рос-

¹⁾ Труды императорскаго вольнаго экономическаго общества, 1880 г. Октябрь.

сія еще и до сихъ поръ не соединена съ европейской. Съверъ вовсе не имѣетъ желѣзныхъ дорогъ, а о путяхъ второстепенныхъ пока нѣтъ и рѣчи. Тоже должно сказать и о дорогахъ шоссейныхъ. Количество ихъ: въ Россіи 13 т., въ Пруссіи 32 т., во Франціи 281 т., въ Англіи 198 т. верстъ. На 1,000 кв. верстъ пространства приходится: въ Россіи 0,3, въ Пруссіи 105, въ Англіи 686 верстъ».

Не больше порядка и въ нашей государственной экономіи. Въ 5 годовъ мы увеличили государственные долги съ 2,000 мил. до суммы болѣе 3,500 мил. рублей. Т. е. мы безо всякаго права навѣшали на шею нашихъ потомковъ ежегодно до 300 мил. рублей. За эти долги мы въ 1881 году обязаны заплатить до 182 мил. руб. процентовъ и погашенія. Это почти третья часть всѣхъ нашихъ государственныхъ доходовъ, собираемыхъ съ такимъ трудомъ и строгостью. Не бѣда, если-бы мы задолжали вслѣдствіе затратъ на предметы производительныя, напримѣръ: на желѣзныя дороги, на заведеніе торговаго флота, на школы, челоувѣколюбивыя заведенія и т. п.; но въ несчастію займы наши, по большей части, израсходованы на предпріятія, чуждыя народному благосостоянію.

Посмотримъ, не лучше-ли порядокъ по призрѣнію бѣднаго деревенскаго люда. Ищемъ сельскихъ общественныхъ богадѣленъ для призрѣнія престарѣлыхъ одинокихъ бѣдныхъ людей и не находимъ.

Престарѣлые бѣдные люди питаются Христовымъ именемъ, ходя по міру, отъ окна въ окну, изъ деревни въ деревню, и въ дождь, и въ морозъ, одѣтые въ рубищахъ, въ лохмотьяхъ, босые или полуобутые, въ растрепанныхъ лаптяхъ и онучахъ, потерявшіе видъ челоувѣка, сотвореннаго «по образу и подобию Божию». А ночуютъ они, гдѣ Богъ приведетъ. Спрашиваемъ: есть-ли гдѣ общественный уголь для дѣтей, оставшихся послѣ бѣдныхъ родителей круглыми сиротами? Говорятъ: нѣтъ. Круглыхъ сиротъ разбираютъ или родственники, если есть таковыя, или чужіе люди. И живутъ эти сироты и въ холодѣ, и въ голодѣ, подъ именемъ «пріемышей». Любопыствуемъ: удовлетворяютъ ли сельскихъ жителей земскія больницы? Нисколько! Таковыхъ больницъ очень мало, да и медикаментовъ въ нихъ крайне недостаточно, вслѣдствіе чего врачи лечатъ больныхъ не тѣми лекарствами, которыми бы слѣдовало, а тѣми, которыя подъ рукою. Естественно, результатъ получается неудовлетворительный.

И приходится опять припомнить горькое изрѣченіе: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ».

Нѣтъ порядка, нѣтъ денегъ, нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, нѣтъ хлѣба, нѣтъ всего, что здѣсь переименовано и еще болѣе, что не переименовано; отчего же нѣтъ всего этого? Отвѣтъ будетъ очень простъ: отъ бѣдности. Бѣдность наша столь велика, что мы своихъ нуждъ въ скоромъ времени никакъ не можемъ исправить, сколь бы велико наше усердіе ни было.

«Скуденъ, бѣденъ, хлѣба нѣтъ у меня, сироты твоего, ни куса, кормлюся по міру, а скотины у меня нивакія нѣтъ и курицы, въ домѣ одна кляченка и та умираетъ», такъ, въ 1674 г., писалъ крестьянинъ Артюшка Романовъ своему помѣщику Гундорову ¹⁾. Нѣтъ-ли и теперъ у насъ такихъ крестьянъ?

Отсюда естественнымъ образомъ возбуждается вопросъ: какія же причины произвели въ нашемъ отечествѣ столь непреодолимую бѣдность?

Причинъ этихъ много, «наипаче песка морскаго», но всѣ онѣ почти ничего не значатъ въ сравненіи съ тремя, наиболѣе выдающимися и наитяжелѣе ложающимися на народныя плечи.

Первая причина изъ числа выдающихся есть: наши частыя войны. Чтобы не быть голословнымъ и убѣдить читателя въ нашемъ войнолюбіи, не считаю лишнимъ показать въ краткомъ видѣ число войнъ, веденныхъ нами съ нашими сосѣдями и не сосѣдами въ настоящемъ столѣтіи. Начиваю съ войны, начавшейся хотя въ столѣтіи прошломъ, но окончившейся въ нынѣшнемъ.

1) 1799—1801 гг. война съ Франціею. Она ведена Павломъ I въ интересахъ Англіи и Австріи. Послано было двѣ арміи: одна, подъ начальствомъ Суворова, въ сѣверную Италію; другая, подъ начальствомъ Германа, въ Голландію. Суворовъ разбилъ одну за другою арміи французовъ, но, покинутый своею союзницею Австріею, долженъ былъ возвратиться въ Россію. Въ то же время и лондонскій кабинетъ не сдержалъ своего слова, не прислалъ Герману вспомошествованія. Вслѣдствіе чего Германъ, съ большею частію войска, взятъ былъ французами въ плѣнъ. Павелъ остался недоволенъ и объявилъ Англіи, бывшей своей союзницѣ, войну. Но эта война не была начата. Этому воспрепятствовала смерть Павла.

2) 1805 г. война съ Франціею. Объявилъ Александръ I

¹⁾ «Описаніе г. Шуи», Борисова, стр. 460.

въ союзъ съ Австріею, въ интересахъ послѣдней, дабы вытѣснить французовъ изъ сѣверной Италіи. Здѣсь русскія войска, подъ начальствомъ Кутузова, были обмануты Австріею, не призвавшею ихъ помощи, и оставлены на жертву французамъ. Но Кутузовъ спасъ армію, обманувъ Мюрата мнимыми переговорами о мирѣ. Въ болѣе опасной былъ арьергардъ, но и его спасъ храбрый Багратионъ, пробившись съвозомъ непріятельскую армію. Однако этимъ русская армія не отдѣлалась. Въ Моравіи нагналъ ее самъ Наполеонъ и разбилъ при Аустерлицѣ на голову.

3) 1806—1807 гг. война съ Франціею. Она объявлена Александромъ I, въ союзъ съ Англіею и Прусіею, за интересы Прусіи. Наполеонъ разбилъ прежде прусаковъ, а потомъ, при Фридландѣ, и русскихъ, бывшихъ подъ командою слабаго старика Каменскаго. Александръ заключилъ съ Наполеономъ тильзитскій миръ, очень выгодный для Франціи и очень убыточный для Россіи, вслѣдствіе установленной притомъ континентальной системы.

4) 1807—1809 гг. война съ Швеціею. Объявилъ ее Александръ I за то, что Густавъ IV не согласился на предложеніе Александра вступить въ континентальную систему. Война была выгодна. Мы приобрѣли всю Финляндію съ Алландскими островами.

5) 1806—1812 гг. война съ Турціею. Эта война начата Турціею по настоянію Наполеона, дабы развлечь наши военныя силы, ибо, въ то время, наши войска дѣйствовали противъ французовъ за Прусію. Война продолжалась болѣе 5-ти лѣтъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ. Наконецъ, Кутузовъ побѣдилъ турокъ и заключилъ выгодный миръ, доставившій намъ Бессарабію.

6) 1812—1814 гг. война съ Франціею. Объявилъ Наполеонъ за нарушеніе Россіею континентальной системы. Французы взяли Москву, русскіе—Парижъ. Крови пролито много... Но объ этой войнѣ распространяться не будемъ. О ней писано уже очень много.

7) 1826—1828 гг. война съ Персіею. Она начата за порубежныя владѣнія. Вслѣдствіе побѣд Паскевича, Россія приобрѣла ханства Эриванское и Нахичеванское и получила 20.000,000 р. контрибуціи.

8) 1828—1829 гг. война съ Турціею. Объявлена Россіею за грековъ. Приобрѣтенъ нами восточный берегъ Чернаго моря. Греція признана независимою.

9) 1830—1831 гг. Война съ поляками. Они взбунтовались

и были покорены. По покореніи, отнята у нихъ конституціонная хартія, данная имъ Александромъ I въ 1815 году, и Польша уравнена въ правахъ съ русскими областями.

10) 1849 г. война съ венгерцами. Объявлена Россіею въ защиту австрійскаго императора. Кончилась нашею побѣдою. За помощь мы ничего не получили.

11) 1853—1855 гг. война съ Турціею и ея союзниками.

Начата Россіею за интересы восточныхъ славянъ. Мы потерпѣли поражение и лишились нѣкоторыхъ выгодъ.

12) 1863 г. война съ поляками. Поляки опять возстали и были покорены.

13) 1877 г. война съ Турціею. Объявлена нами въ защиту болгаръ. Мы, хотя много пролили крови, но побѣдили. «Горе побѣжденнымъ».

И такъ, въ 78 лѣтъ мы вели 13 войнъ, въ продолженіи которыхъ воевали не менѣе 22-хъ лѣтъ, не считая войны на Кавказѣ, продолжавшейся 41 годъ, и трехъ войнъ съ бухарцами, хивинцами и коканцами, около 4-хъ лѣтъ. Такъ, что если всѣ года, проведенные въ войнѣ, сложить, то окажется, что мы, въ продолженіи означеннаго 78-лѣтняго періода воевали 67 годовъ! Изъ слѣдующихъ цифръ видно, что мы вели:

4	войны съ Франціею,
4	» » Турціею.
2	» » полякамъ.
1	» » Персіею, и
1	» » венграмъ.

Но, къ сожалѣнію, мы не можемъ видѣть, сколько мы, «побѣдая супротивныхъ», пролили русской крови, сколько храбрыхъ положили въ мать-сыру землю, сколько послѣ этихъ храбрыхъ осталось безъ призрѣнія дѣтей, вдовъ и престарѣлыхъ родителей!.. Нельзя тоже исчислить, какое количество рукъ отвлекли мы отъ производительнаго труда на трудъ непроизводительный, передѣлавъ мужиковъ, какъ говорятъ сами же мужики, въ солдаты. «А, батюшки, кричитъ баба, увидя полеъ солдатъ, — сколько солдатиковъ-то! А вѣдь это все были люди!» заканчиваетъ она печально.

Столь же трудно сдѣлать исчисленіе и того количества народныхъ денегъ, которое для веденія этихъ войнъ израсходовано. Въ прежнее время счета этимъ расходамъ не велось. Израсходованы, нѣтъ въ «мошнѣ», и конецъ. Только въ послѣднюю войну наши контролеры не сочли излишнимъ вести

нѣкоторый счетъ народнымъ деньгамъ и, по временамъ, заглядывать въ сундуки къ расходчикамъ, не завалился-ли тамъ казенный алтынъ. Благодаря такому порядку, расходы послѣдней войны въ нѣкоторой степени обозначились.

Изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1879 годъ видно, что на военныя потребности поступило 4 займа, сумма которыхъ составляетъ . . . . . 700.000,000 р.

Послѣ того сдѣланъ еще заемъ, третій восточный, тоже для покрытiя военныхъ расходовъ . . . . . 300.000,000 >

Кромѣ того кредитные билеты, занимаемые государственнымъ казначействомъ у государственнаго банка тоже поступаютъ на военныя надобности, что видно изъ того же всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, которыхъ теперь, къ 24 ноября, за государственнымъ казначействомъ . . . . . 373.000,000 >

Затѣмъ изъ всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ о росписи на 1880 годъ видно, что долги по неоконченнымъ счетамъ еще не уплачены, и количество ихъ неизвѣстно. Предположимъ . 127.000,000 >

Такимъ образомъ, вся сумма, употребленная на военныя потребности, составитъ . . . . . 1.500.000,000 .

Здѣсь не прибавляются военные матеріалы, заготовленные раньше въ мирное время и израсходованные во время войны. А ихъ, вѣроятно, не мало; но опредѣлить хотя бы приблизительно нѣтъ возможности.

Однако, и безъ того найденная цифра составляетъ довольно солидную сумму. Не вдумавшись хорошенько, произнося цифру 1.500.000,000 р., мы неполнѣ представляемъ себѣ ея громадность. Чтобы выразить яснѣе, переведемъ ее на вѣсъ золота. Принявъ стоимость пуда золота въ 18,000 р. кредитными билетами, мы найдемъ, что на сумму 1.500.000,000 р. потребуется золота 83,333 п., или 3,333 вѣса, полагая на вѣсъ по 25 пудовъ! Такого количества золота не доставила намъ наша богатая Сибирь съ самаго начала открытiя тамъ золотоносныхъ приисковъ по сіе время, впродолженiи 150 лѣтъ. Буде мы пожелаемъ узнать, во сколько лѣтъ можно добыть это количество драгоцѣннаго металла въ Сибири, то найдемъ, что для этого потребуется 34 года, если будемъ добывать въ нынѣшнемъ размѣрѣ, по 2,400 п. въ годъ.

И эта громадная сумма израсходована только для одной войны.

Мнѣ могутъ возразить, что мы расходовали на военныя потребности не золото, а кредитные билеты и другія бумаги не металлическаго свойства. Положимъ такъ; но вѣдь въ этомъ раз-

ницы почти нѣтъ. Нужно помнить, что кредитные билеты и другія бумаги, напримѣръ, восточныхъ займовъ, суть не что иное, какъ векселя, выданные правительствомъ на себя съ обязательствомъ заплатить по нимъ по предъявленіи или въ назначенный срокъ звонкою монетою по номинальной цѣнѣ. А вѣдъ векселя должны быть оправданы. Купецъ, не заплатившій по своимъ векселямъ, считается банкротомъ.

Въ такой мѣрѣ прибѣгаютъ иногда и правительства, но это не похвально. Кромѣ того, правительства отъ такихъ мѣръ могутъ быть поставлены въ неприятое положеніе. Въ 1656 году Алексѣй Михайловичъ по недостатку серебра выпустилъ мѣдныя деньги одной величины съ серебряными, и одной цѣны. Черезъ 7 лѣтъ эти мѣдныя деньги упали до того, что ихъ стали давать по 12 р. за одинъ серебряный. Вслѣдствіе этого упадка и за пятинную деньгу народъ возропталъ, произошло волненіе и Алексѣй приказалъ уничтожить эти деньги немедленно¹⁾.

Послѣ этого, спрашивается, какія мы въ эти 78 лѣтъ сдѣлали приобрѣтенія, чтобы вознаградить народъ за пренесенныя имъ тяжелыя жертвы людьми и деньгами? Мы прибрѣли Финляндію, Бессарабію, Кавказъ, часть Польши, нѣсколько ханствъ въ средней Азійи и Батумъ для порто-франко. Положимъ, что прибрѣтенія хорошія, но вотъ бѣда, онѣ приносятъ намъ не пользу, а убытокъ, доходящій до 28.000,000 р. ежегодно.

Слѣдовательно, мы золотымъ крючкомъ копѣчную рыбу ловили.

Но это еще хорошо. А бѣлая часть войнъ, веденныхъ нами за интересы чуждые нашему народу, не доставили ему и копѣчной рыбки. Вотъ что говоритъ Н. Я. Данилевскій въ своемъ сочиненіи «Россія и Европа»: «Войны, веденныя Россіею въ 1805, 1807, 1813 и 1814 годахъ, были ведены въ интересахъ Германіи и Пруссіи». «И самый 12-й годъ былъ борьбою-за интересы Европы». Двѣнадцатый годъ былъ великою политическою ошибкою, обращенною духомъ русскаго народа въ великое народное торжество».

Тоже за чуждые намъ интересы вели мы и три послѣднія турецкія войны, изъ которыхъ въ одной потерпѣли поражение физическое, а въ другой—нравственное, каковыхъ не претерпѣвали отъ начала восемнадцатаго столѣтія. Конечно, Россія сдѣ-

¹⁾ «Исторія Россіи», С. Соловьева. Т. XI, стр. 234 и 237.

дала хорошее дѣло: въ первую войну освободила изъ-подъ ига Турціи грековъ; во вторую никого не освободили; въ третью дала свободу болгарамъ. Греки въ послѣднее время отплатили намъ за добро неблагодарностью; посмотримъ, помянуть ли болгары наше добро. Неоспоримо, что мы сдѣлали доброе дѣло, освободивъ болгаръ; но вѣдь добрыхъ дѣлъ можно надѣлать много, особенно не на свой счетъ. Дѣлая ихъ, нужно избирать наиболѣе полезныя, наиболѣе ближайшія для своего народа. Выше было исчислено, что въ послѣднюю войну, для освобожденія болгаръ, мы израсходовали денегъ 1.500.000,000 р. Не лучше ли было бы, если-бы эту сумму мы издержали на выкупъ земельныхъ надѣловъ нашихъ помѣщичьихъ крестьянъ, и избавили бы ихъ отъ тяжелыхъ платежей казнѣ или землевладѣльцамъ за эти надѣлы? Вѣдь дѣло тоже было бы доброе. И тѣмъ болѣе доброе, что наши крестьяне ближе намъ, да притомъ много и бѣднѣе болгаръ, живущихъ, какъ извѣстно, на землѣ плодороднѣйшей, чѣмъ наши крестьяне. Однимъ словомъ, войны отвлекаютъ насъ отъ дѣлъ болѣе полезныхъ и растрачиваютъ средства, необходимыя намъ для исправленія собственныхъ нуждъ.

Екатерина II воевала много счастливѣе насъ, но и то писала: «Миръ доставитъ намъ больше значенія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной». «Мы нуждаемся въ населеніи, а не въ опустошеніяхъ» ¹⁾.

Вторая причина нашей бѣдности есть: народное пьянство.

Народъ ежегодно пропиваетъ болѣе 225.000,000 р., добываемыхъ трудною, мускульною и далеко не дорогою работою, и лишается чрезъ это не менѣе 50.000,000 п. разнаго хлѣба и 22.000,000 п. картофеля, употребляемыхъ на добычу виннаго спирта, которые естественнымъ образомъ остались бы въ народѣ на покрытіе нуждъ по пропитанію какъ его самого, такъ и принадлежащаго ему скота, кормимаго всю зиму буквально одною соломкою, вслѣдствіе чего онъ едва-едва доживаетъ до весны, дабы поправиться на подножномъ корму. Но это еще не главное зло. Главное же заключается въ развращеніи народа. Народъ и самъ это понимаетъ, и съ перваго времени свободной винной торговли много разъ и во многихъ мѣстностяхъ дружными протестами заявлялъ противъ распространенія этого зла, составляя мірскіе переговоры къ высшимъ властямъ объ ограниченіи

¹⁾ «Исторія Россіи». С. Соловьева. Т. XXVI, стр. 234.

числа питейныхъ заведеній; но всѣ эти приговоры не согласовались съ высшими воззрѣніями начальства и оставались «преданными волѣ Божіей». Народъ замолчалъ. Однако, терпѣнію его видно не стало силъ; онъ вновь началъ заявлять протесты противъ застарѣлаго зла. Вотъ одинъ изъ вновь явившихся его протестовъ, помѣщенный въ № 2 газеты «Русь». Считаая оный интереснымъ, привожу его безъ сокращенія:

«1880 г., іюня 1 дня. Мы, нижеподписавшіеся, крестьяне Московской губерніи, Серпуховскаго уѣзда, Семеновской волости, имѣли совѣщаніе, по предмету улучшенія нашего быта, вслѣдствіе появившейся у насъ бѣдности, и главнымъ образомъ отъ пьянства, которое растеть вмѣстѣ съ вовводимыми питейными заведеніями, почти въ каждомъ селеніи, а въ нѣкоторыхъ есть по два и болѣе. Мы убѣдились на самомъ дѣлѣ, что крестьяне все бѣднѣютъ, кабаки же богатѣютъ.

«Учащенныя питейныя заведенія являютъ намъ и другое зло,—молодое наше поколѣніе, видя старшихъ своихъ семейныхъ очень часто пьяныхъ, забывшихъ страхъ Божій и семью свою, впадающихъ въ разные пороки,—теряютъ къ нимъ любовь и уваженіе, и дурной примѣръ пьянства общать можетъ молодому поколѣнію въ близкомъ ихъ будущемъ, одну погибель.

«Неуспѣшный сборъ повинностей, уменьшеніе запасевъ, даютъ намъ поводъ предполагать, что и въ данныхъ случаяхъ, питейныя заведенія суть главные виновники, ибо крестьяне часто продаютъ что либо изъ хозяйства своего, всегда для нихъ не лишнее, а вырученныя деньги, болшею частію, идутъ въ кабаки. А потому, желая предотвратить всякое зло, мы постановили ходатайствовать чрезъ благодѣтельныхъ лицъ предъ высшимъ правительствомъ, чтобы всевозможныя питейныя заведенія допускались къ открытію въ селеніяхъ не иначе, какъ въ разстояніи 15 или 10 верстъ одно отъ другаго, и всякія условія, заключенныя содержателями заведеній съ крестьянами на нѣсколько лѣтъ впередъ, ходатайствовать, чтобы были уничтожены, и въ особенности явленныя у городскихъ нотаріусовъ, а не въ волостномъ правленіи.

«Кромѣ того, ходатайствовать о примѣненіи такого же порядка построенія питейныхъ заведеній на извѣстномъ разстояніи и для лицъ, купившихъ себѣ землю и торгующихъ виномъ въ своихъ домахъ, находящихся въ чертѣ селенія. Все это послужить намъ твердымъ задаткомъ къ улучшенію крестьянскаго быта».

И здѣсь зло, производимое на народъ виномъ, не все из-

черпано. Приговоръ коснулся его только слегка, поверхностно. Корень этого зла гораздо глубже и развился обширнѣе. Крестьянамъ нужно бы прибавить, что почти не бываетъ проступковъ и тяжелыхъ преступленій, которые были бы произведены безъ помощи виновныхъ паровъ. Ссоры, драки, воровства, грабежи, разбои, убійства, поджоги и прочія преступленія, почти всегда производятся людьми, подготовленными къ тому болѣе или менѣе виномъ, — «для смѣлости», какъ говорятъ преступники, «чтобы рука не дрожала». И дѣйствительно! Когда человѣку мѣшаетъ совѣсть сдѣлать что либо дурное своему ближнему, — онъ заглушаетъ ее виномъ, и становится готовымъ на каждое преступленіе, дѣлается жестовимъ, звѣроподобнымъ. «Умножаетъ пьянство ярость безумнаго», говоритъ Иисусъ, сынъ Сираховъ. Затѣмъ, сколько вино губитъ людей, отправляя преждевременно въ «жизнь вѣчную». Одинъ Богу душу отдалъ, — выпивши простудился, другой — ушибся, третій — замерзъ, четвертый — утонулъ, а пятый, прискорбно сказать, просто умеръ отъ чрезмѣрнаго приѣма губительнаго напитка. «Многихъ бо погуби вино», прибавляетъ вышеупомянутый старозавѣтный пророкъ. Къ сожалѣнію, вино дѣйствуетъ на организмъ человѣка, подобно опиуму, обаятельно, такъ что человѣкъ, съ организмомъ къ нему предрасположеннымъ, становится къ этому напитку въ положеніе страдательное; привыкнувъ разъ, онъ не можетъ уже отъ него воздержаться, дѣлается нетерпѣливо-пристрастнымъ, больнымъ и погибаетъ смертью, заслуживающею собогѣзнованія. Къ нашему прискорбію, современная медицинская наука не нашла еще средства спасать несчастныхъ отъ этой губительной болѣзни, — не нашла, да, грустно сказать, — кажется и не ищетъ. Молодые врачи пренебрегаютъ ею, говоря, что эта болѣзнь «не есть болѣзнь, а охота, своя добрая воля»... Какъ будто человѣкъ можетъ желать себѣ погибели по доброй волѣ! Но если врачи, какъ частныя лица, пренебрегаютъ здоровьемъ людей, то не должно пренебрегать имъ правительство. Въ Китаѣ преслѣдуется же опиумъ; почему же не сдѣлать ограниченія въ пьянствѣ и намъ, хотя бы изъ подражанія жителямъ Небесной имперіи, какъ старожиламъ на земномъ шарѣ?

Кромѣ того и средства ограниченія, изложенныя въ вышеозначенномъ приговорѣ крестьянъ, нельзя считать достаточными. Недостаточны также средства и министерства финансовъ, принимаемыя иногда съ этою же цѣлью въ смыслѣ нѣкоторыхъ стѣсненій виноторговцевъ. Это все мѣры слабыя и притомъ производящія ворчемство и другія злоупотребленія. Есть луч-

шая мѣра и гораздо дѣйствительнѣйшая, но которой министерство почему-то избѣгаетъ, это—возвышеніе акциза на винный спиртъ. Говорятъ, что возвышеніе акциза можетъ превзойти границу должнаго, вслѣдствіе чего уменьшится потребленіе вина, а затѣмъ уменьшится и размѣръ питейнаго дохода. Противъ того, что потребленіе вина можетъ уменьшиться спорить нѣтъ основанія, этого-то и должно желать; но что уменьшится размѣръ дохода, противъ этого говорятъ цифры сбора прошедшаго времени. 1863 годъ, въ которомъ, при акцизѣ въ 4 к. съ градуса виннаго спирта, сборъ былъ очень великъ, до 130 мил., въ расчетъ не должно принимать, потому что онъ былъ произведенъ двумя сторонними причинами искусственно, именно: вдругъ удешевленнымъ виномъ, съ повсемѣстной его продажей, и опубликованіемъ, что съ 1 января 1864 г. акцизъ будетъ повышенъ до 5 к.; эти двѣ причины способствовали выбору вина и оплатѣ его до 1864 г. еще неповышеннымъ акцизомъ, въ большемъ, чѣмъ должно, количествѣ, почти до 29 миліоновъ ведеръ безводнаго спирта, чего никогда не бывало. Поэтому мы посмотримъ на потребленіе вина и доходовъ отъ него съ 1864 года.

Потребленіе спирта и питейный доходъ:

	Акцизъ съ гра- дуса.	Потребленіе безводнаго спирта въ годъ.	Весь питей- ный доходъ.
	Копѣйки.	Ведр.	Рубл.
1) Въ періодъ 1864—68 гг.	5	24.000,000	124.000,000
2) > > 1869—72 >	6	26.500,000	161.500,000
3) > > 1873—80 >	7	26.750,000	202.000,000
Если же взять послѣдній 1880 г. отдѣльно отъ прочихъ, то доходъ ождается въ немъ по государствен- ной росписи	—	—	225.000,000

Изъ этого видно, что акцизъ не дошелъ еще до границы своего повышенія, при каждомъ его увеличеніи онъ давалъ излишекъ доходовъ и даже не мѣшалъ увеличиваться размѣру потребленія, слѣдовательно, и новое повышеніе на 1 к. съ градуса можетъ возвысить доходъ до 26 мил. рублей, если потребленіе спирта не сократится. Но желательно именно сокращенія потребленія спирта, а не увеличенія дохода, получаемаго въ ущербъ нравственности, здоровья и благосостоянія народа. А для этого и самое лучшее и безубыточное средство—увеличить акцизъ не на 1 к., какъ говорилось выше, а на 3, т. е. постановить его въ размѣрѣ 10 к. съ градуса спирта.

Это повышение акциза действительно могло бы уменьшить пьянство, не причинивъ ущерба питейнымъ сборамъ. Положимъ, что при такомъ повышеніи потребление спирта уменьшится на $\frac{1}{6}$ часть, т. е. его выпустится изъ подваловъ въ потребление около $21\frac{1}{2}$ мил. ведръ, что, при акцизѣ 10 к. съ градуса, или по 1 р. съ ведра безводнаго спирта, дастъ казнѣ доходъ въ 215 мил. Къ этому прибавится сборъ съ патентовъ, который въ 1877 году превышалъ 18 мил. Но имѣя въ виду уменьшеніе потребления крѣпкихъ напитковъ, должно предположить, что уменьшится и патентный сборъ. Предположимъ его въ 15 мил. Кроме того должно прибавить доходъ отъ пиво-медоваренія слишкомъ 3 мил., потому что эта сумма включается въ общій «питейный доходъ». Такимъ образомъ вся сумма питейнаго дохода составитъ въ 233 мил. рублей, слѣдовательно, она не только не уменьшится отъ уменьшенія потребления спирта, но даже увеличится—результатъ благоприятный. Достигаются двѣ цѣли: и увеличеніе дохода, и уменьшеніе потребления вина, слѣдовательно, пьянства. О первой цѣли не стоитъ заботиться. Богъ съ нимъ, съ этимъ увеличеніемъ дохода, когда онъ идетъ изъ такого нечистаго источника; забота наша должна обращаться преимущественно для достиженія второй цѣли—сокращенія народнаго пьянства. Къ этому, какъ видится, склоняется и само правительство, но какъ-то нерѣшительно, колеблясь, принимая мѣры самыя мелочныя, недѣйствительныя и, конечно, недостигающія цѣли. Напримѣръ, могутъ ли уменьшить пьянство распоряженія министерства финансовъ, чтобы въ кабакахъ не было перегородокъ, чтобы не было лавокъ и стульевъ и чтобы закуска состояла не болѣе какъ изъ трехъ блюдъ, чтобы дверь изъ кабака выходила на улицу и запиралась снаружи и, непременно, висячимъ замкомъ... Эти мѣры напоминаютъ намъ распоряженія прежняго блаженнаго времени. Въ сороковыхъ годахъ, во избѣжаніе частыхъ и большихъ пожаровъ, вышло обязательное постановленіе: имѣть въ городахъ на крышѣ каждаго дома и каждаго отдѣльнаго надворнаго строенія, крытыхъ тесомъ, по кадѣмъ съ водой и въ каждой кадѣ по метелемъ или по мочалкѣ, навязанной на палку. И конечно это постановленіе не достигло своей цѣли: дома сгорали вмѣстѣ съ кадями ¹⁾).

¹⁾ Такъ какъ кадья лѣтомъ рассыпались и вода въ нихъ не держалась, нивать же ее было нелегко, то одинъ мой сосѣдъ втащилъ на свой довольно высокой домъ, съ мезониномъ, чугунный котель; но воды въ немъ все-таки и :

Третья причина нашей бѣдности — невыгодный нашъ международный торговый балансъ.

Невыгоденъ онъ не потому, чтобы отпускались наши произведенія за границу даромъ, нѣтъ, мы тоже оттуда получаемъ въ обмѣнъ тамошнія издѣлія, но гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ отпускаемъ. Казалось бы, что за бѣда, когда мы получаемъ больше отпускаемаго, хотя и доплачиваемъ нѣкоторую часть золотомъ. Вѣдь мы все-таки получаемъ вещи и не всегда безполезныя. О пользѣ вещей не будемъ спорить. Всякій трудъ, говоритъ политическая экономія, производителенъ, когда за него платятъ деньги, поэтому и всякая наипустѣйшая вещь имѣетъ свою цѣнность; если ее покупаютъ. Но дѣло въ томъ, что мы покупаемъ изъ-за границы товаровъ болѣе, чѣмъ отпускаемъ, не по вѣсу, не по объему, а лишь по качеству, присоединенному искусственно, по нарицательной, а не натуральной ихъ стоимости; т. е. мы болшую часть получаемъ въ нихъ труда высшаго, самаго дорогаго, на промѣнъ труда низшаго, самаго дешеваго. Другими словами: мы отпускаемъ единицу труда недѣльнаго, а получаемъ за нея единицу труда однодневнаго, поэтому мы никакъ не можемъ оплачивать своими произведеніями (въ 7 разъ низшаго труда) произведенія иностранныя, и волей-неволей недостатокъ должны доплачивать золотомъ, трудомъ скопленнымъ раньше, или долговыми обязательствами — векселями. Но такъ какъ векселя тоже нужно оплачивать, то и прибѣгаемъ опять къ тому же, скопленному труду, золоту. А вѣдь, естественно, что кто болѣе покупаетъ, чѣмъ добываетъ и продаетъ, тотъ долженъ доплачивать прежними сбереженіями, слѣдовательно, бѣднѣетъ. Что приложимо къ частному человѣку, то безошибочно можно приложить и къ цѣлому народу. Отсюда ясно, что мы, постоянно оплачивая иностранныя покупки золотомъ, постепенно бѣднѣемъ.

Здѣсь конечно нѣтъ рѣчи о томъ, если затрачивается золото на выписку изъ-за границы предметовъ производительныхъ, напримѣръ: сырыхъ матеріаловъ для нашихъ фабрикъ, машинъ, пока еще нѣтъ у насъ своихъ машиностроительныхъ заведеній, рельсъ для дорогъ и т. п.; здѣсь преимущественно рѣчь идетъ о затратахъ на предметы непродительные.

водилось. Это было въ г. Шуѣ, Владимирской губерніи. И нужно прибавить, что сколь ни курьезно это постановленіе, но оно исполнялось съ большою строгостью. Такъ, напримѣръ, въ Шуѣ городничій Дорогинъ за непостановку въ назначенный срокъ однимъ купцомъ, Тихомировымъ, на своемъ дому кадки, посадилъ Тихомирова въ черную. Личности вынѣ объ уже умершія.

Посмотримъ, сколько мы переплатили за границу золота и серебра въ послѣднія два десятилѣтія.

Съ 1857 по 1876 годъ включительно вывезено изъ Россіи за границу драгоцѣнныхъ металовъ болѣе чѣмъ привезено на 350.000,000 руб. ¹⁾ Да въ послѣдніе четыре года, по 4 декабря, 1880, не менѣе 23.000,000 руб. Весь вывозъ составляетъ 373.000,000 руб.

Между тѣмъ, звонкая монета есть необходимѣйшій предметъ для каждаго государства, ибо она служитъ мѣриломъ всѣхъ цѣнностей, обращающихся въ народѣ.

Отпустивъ оный за границу до 370.000,000, мы естественно ею обѣдѣли, и принуждены были взамѣнъ ея прибѣгнуть къ выпуску бумагъ, процентныхъ и безпроцентныхъ, въ большомъ количествѣ, что уронило ихъ цѣнность и сдѣлалось причиною вздорожанія всѣхъ предметовъ потребленія; отсюда трудное положеніе многихъ частныхъ лицъ и даже государственнаго казначейства.

Вздорожанію всѣхъ предметовъ поспособствовалъ также неурожай хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи и очень большой вывозъ ихъ въ послѣдніе года за границу.

Въ періодъ 1860—1869 годовъ вывозилось изъ Россіи хлѣбныхъ продуктовъ среднимъ числомъ ежегодно по 8.250,000 четв.

Въ періодъ	1870—79 гг.	по	26.500,000	четв.
>	>	1877—79	>	37.000,000

Изъ этого можно видѣть, что мы въ послѣднее десятилѣтіе отпустили хлѣбовъ втрое болѣе предшествовавшаго десятилѣтія. А взявъ послѣдніе три года отдѣльно, найдемъ, что отпустили болѣе въ $4\frac{1}{2}$ раза. Такой усиленный отпускъ, происшедшій, кромѣ упадка денегъ, и отъ военной тягости, истощилъ наши запасы и, конечно, не могъ не повліять на повышеніе цѣнъ хлѣбныхъ продуктовъ; а дороговизна хлѣбныхъ продуктовъ не могла, въ свою очередь, не повліять и на другіе не хлѣбные предметы русскаго произведенія, вслѣдствіе дорогаго содержанія мастеровыхъ и вообще рабочихъ людей.

Можно ждать возраженія, что вздорожаніе всѣхъ предметовъ потребленія, въ особенности отечественнаго производства,

¹⁾ См. «Русскую Рѣчь», 1879 г. кн. 4, 5 и 6, статью о «внѣшней торговлѣ 1876 г.», О. Журова.

произошло недавно, тогда какъ упадокъ кредитныхъ билетовъ существуетъ уже слишкомъ три года, слѣдовательно, причиною вздорожанія не могъ быть упадокъ курса.

Это возраженіе можно опровергнуть слѣдующимъ: курсъ упалъ быстро, почти вслѣдъ за большимъ выпускомъ бумажныхъ денегъ, потому что онъ опредѣляется иностранными биржами при нашемъ съ ними сношеніи; а иностранныя биржи тотчасъ поняли значеніе и достоинство выпускаемыхъ бумагъ и одновременно опредѣлили ихъ стоимость. Между тѣмъ масса нашихъ соотечественниковъ и понятія не имѣла о курсѣ, да и растолковать ей этого было невозможно, поэтому наши продукты и продавались долгое время по цѣнамъ прежнимъ или мало повысившимся, тогда какъ бумажныя деньги, которыми уплачивалось за товаръ, упали болѣе чѣмъ на 20% противъ ихъ стоимости, бывшей до начала послѣдней войны; слѣдовательно, товары продавались въ убытокъ противъ прежнихъ цѣнъ. Это какъ нельзя лучше подтверждаетъ отпускъ хлѣбовъ 1877 года.

Въ этомъ году отпущено изъ Россіи хлѣбныхъ продуктовъ 30.500,000 четвертей на сумму 264.000,000 руб. При сравненіи цѣнъ этого отпуска, съ цѣнами отпуска предшествовавшаго 1876 года, оказалось, что въ 1877 году хлѣбъ былъ проданъ дороже предшедшаго года на 10 $\frac{1}{4}$ %. Это найдено было выгоднымъ. Но въ то же время обнаружился фактъ противоположнаго свойства, именно: получая за товаръ бумажными деньгами, упавшими въ то время на 21 $\frac{1}{4}$ % противъ 1876 г., мы получили отъ денегъ въ такомъ же размѣрѣ 21 $\frac{1}{4}$ % убытокъ. По сравненіи небольшого барыша (10 $\frac{1}{4}$ %), съ большимъ убыткомъ (21 $\frac{1}{4}$ %) оказалось, что въ концѣ концовъ русскіе хлѣботорговцы, вмѣсто пользы, потерпѣли 11% ущерба¹⁾.

Гораздо труднѣе отвѣчать на другой вопросъ, именно: вслѣдствіе чего всѣ предметы не только хлѣбныя, но и другихъ родовъ русскаго происхожденія, на которые нисколько не могъ вліять недостаточный урожай хлѣбовъ, вздорожали на высшій процентъ, чѣмъ на какой упали наши бумажныя деньги?

Для разрѣшенія этого вопроса можно принять только одно предположеніе, что трудъ народный оцѣненъ у насъ былъ низко и, не имѣвъ ни съ какой стороны толчка, оставался въ такомъ

¹⁾ См. «Труды» императорскаго вольнаго экономическаго общества», т. I, В. I. II 1880 г. статья «Вліаніе послѣдней войны на внѣшнюю торговлю Россіи» О. Журова.

положеніи до предпоследняго времени. Но какъ только онъ получилъ толчокъ, и очень сильный толчокъ, чрезъ упадокъ денегъ, неудовлетворительный урожай и большой вывозъ хлѣбовъ за границу, то быстро началъ подниматься и, не имѣвъ на пути своего повышенія препятствій, поднялся уже до того, что превзошелъ свою дѣйствительную стоимость въ отношеніи къ звонкой монетѣ, какъ-бы вслѣдствіе инерціи или подобно водѣ, поднимающейся отъ бури далеко выше своего постоянного уровня.

Но зло отъ невыгоднаго торговаго баланса по вѣншей торговлѣ Россіи заключается не только въ томъ, что онъ подрываетъ нашу монетную систему, которая, мимоходомъ сказать, сама виновата, но главнѣйше въ томъ, что большой ввозъ къ намъ товаровъ запруживаетъ наши рынки и тѣмъ выбиваетъ изъ рукъ народа работу, потому что русскіе рабочіе и мастера, даже фабриканты, не могутъ состязаться въ дешевизнѣ издѣлія съ иностранными производителями по многимъ причинамъ, большею частью отъ народа не зависящимъ. Перечислимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

1) Въ Россіи суровѣе климатъ, чѣмъ во всей западной Европѣ, откуда мы получаемъ почти всѣ издѣлія, не исключая и самой Англіи ¹⁾. Вслѣдствіе этого русскіе фабриканты должны устраивать свои фабрики прочнымъ образомъ, вводя стѣны въ 5 кирпичей, и отоплять ихъ впродолженіи семи мѣсяцевъ, тогда какъ въ западной Европѣ, особенно въ ея южной половинѣ, фабричные корпуса строятъ въ одинъ кирпичъ, ставя его ребромъ между деревянныхъ брусковъ, поставленныхъ косымъ крестомъ, а иногда вмѣсто стѣнъ ставятъ только стеклянныя рамы, покроятъ тоже стеклянными рамами, — фабрика и готова; отопленія же тамъ вовсе не требуется.

2) Въ Россіи нѣтъ машинныхъ заведеній, которыя могли бы снабжать отечественныя фабрики машинами. Вслѣдствіе чего русскіе фабриканты всѣ машины выписываютъ изъ-за-границы, буквально въ три-дорога.

3) Неимѣніе нами машинныхъ заводовъ заставляетъ фабрикантовъ выписывать изъ-за-границы въ запасъ, на случай поломки, множество машинныхъ частей на большія суммы, которыя

---

¹⁾ Хотя Англія немного южнѣе центральной Россіи, гдѣ преимущественно гнѣздятся русскія фабрики, но въ климатѣ ея большая разница. Напримѣръ: зима въ Лондонѣ 2,4° тепла, а зима во Владимірѣ 8,3° мороза. См. «О климатѣ Россіи», академика Веселовскаго.

и лежать долгое время непроезвительно. Но и это не всегда помогаетъ. Случаются поломки главныхъ машинныхъ приводовъ, которыхъ въ запасъ не можетъ быть, и тогда фабрика останавливается, пока не вышлютъ изъ-за-границы нужныхъ частей, что продолжается отъ 3 до 6 мѣсяцевъ.

4) У насъ дороже топливо для нагрѣванія паровыхъ котловъ. Разница въ этомъ очень большая, такъ что наше топливо становится вдвое, втрое и болѣе дороже, чѣмъ топливо иностранное.

5) Въ Россіи дороже деньги. Въ Европѣ онѣ стоятъ 3%, а у насъ 8%, между тѣмъ русскіе фабриканты затрачиваютъ ихъ: на свои фабрики, на запасъ дровъ, на выписные матеріалы и проч. во много разъ болѣе иностранныхъ фабрикантовъ¹⁾.

6) Въ Россіи нѣтъ достаточнаго количества ученыхъ техниковъ, обладающихъ практическими знаніями наравнѣ съ иностранными, поэтому наибольшая часть таковыхъ выписывается изъ Европы, за дорогія цѣны; недостаточно также и хорошихъ рабочихъ, могущихъ сравняться съ иностранцами. Но оба недостатка, какъ техниковъ, такъ и рабочихъ, происходятъ не какъ не отъ способностей русскаго народа, а единственно отъ неимѣнія возможности изучить дѣло практически, по недостатку для того въ Россіи многихъ фабричныхъ заведеній.

7) Тягость у насъ многихъ налоговъ на промышленныя заведенія, чего въ Европѣ нѣтъ.

8) Колебаніе и упадокъ въ Россіи монетной единицы, подрывающіе всѣ расчеты фабриканта, сколь-бы онъ предусмотрителенъ ни былъ.

9) Недостаточность многихъ нашихъ законоположеній, до-

¹⁾ Въ доказательство того, какою невыгодою ложатся на товаръ русскаго произведенія одни проценты, вслѣдствіе дороговизны устройства фабрикъ и займа капиталовъ, пишущимъ эти строки, бывшимъ членомъ тарифной комисіи 1868 г. былъ внесенъ въ оную слѣдующій расчетъ, нигдѣмъ въ комисіи неопровергнутый:

«Въ Россіи устройство бумагопрядильной фабрики на 20.000 веретенъ стоитъ 400,000 р. Годовые проценты на этотъ капиталъ, по 1%⁰/₀, стоятъ 40,000 р.

Фабрика сработаетъ пряжи 20,000 п., слѣдовательно, проценты падутъ на пудъ въ размѣръ 2 р.

Въ Англіи такая фабрика стоитъ, если не менѣе, то никакъ не болѣе 200,000 р. Годовые проценты на нее, полагая по 5%⁰/₀, 10,000 р.

Фабрика сработаетъ такое же количество пряжи 20,000 п.; слѣдовательно, проценты падутъ на пудъ только по 50 к. Разница къ нашей невыгодѣ въ 1½ р. на пудъ».

биться исправленія которыхъ очень трудно, или совсѣмъ не возможно.

Этимъ перечнемъ причинъ, тяготящихъ нашихъ фабрикантовъ и не дающихъ имъ возможности состязаться съ иностранными производителями въ дешевизнѣ издѣлій, я кончаю, хотя можно продлить его чуть не до безконечности.

При такомъ невыгодномъ положеніи отечественной промышленности, но въ то же время безспорной полезности ея развитія для доставленія народу наибольшихъ средствъ къ своему пропитанію и отбыванію государственныхъ повинностей, становится необходимымъ охранить ее отъ внѣшней конкуренціи строгимъ охранительнымъ тарифомъ. Намъ нечего смотрѣть на западныхъ сосѣдей. Они далеко опередили насъ по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, а въ томъ числѣ и промышленности, что могутъ не бояться внѣшнихъ конкурентовъ, и обходиться совсѣмъ безъ охранительныхъ пошлинъ. Намъ лучше смотрѣть на сѣверную Америку, по своему положенію нѣсколько подходящую къ нашему отечеству, но въ понятіи политической экономіи далеко насъ опередившую. Она тоже, какъ и мы, претерпѣла кровопролитную войну, тоже, какъ и мы, задолжала до 3.000.000,000 дол.¹⁾ и также, какъ и наше правительство, прибѣгла къ большому выпуску бумажныхъ денегъ, которыя, вслѣдствіе своего излишка, не приминули упасть въ своей цѣнности, подобно нашимъ кредитнымъ билетамъ, и въ паденіи своемъ даже превзошли размѣръ паденія русскихъ бумагъ, упавъ, въ 1864 году, болѣе чѣмъ на 60%. Но правительство Соединенныхъ Штатовъ не дремало. Видя такое бѣдственное положеніе страны, оно не встало въ тупикъ, что ему дѣлать, не подчинилось, какъ наше отечество, ученію фритредеровъ, проповѣдующему свободную торговлю, не стѣснилось предъ пресловутою фразою: «а что скажутъ тамъ, въ западной Европѣ», но смѣло и быстро прибѣгло къ самой дѣйствительной помощи—строжайшему охранительному тарифу, наложивъ на привозные товары наивысшія пошлины, доходившія до 50 и болѣе процентовъ. Это постановленіе возымѣло свою силу. Вслѣдствіе его, таможенный доходъ поднялся до цифры болѣе 200.000,000 дол. и сталъ составлять чуть не половину всѣхъ государственныхъ доходовъ; привозъ товаровъ уменьшился до 467.000,000, а вывозъ увеличился до 708.000,000 дол.

¹⁾ Доларь = 1 р. 33 к. звонкою монетою.

(1878 г.); промышленность развилась и бюджетные доходы начали превышать таковыя же расходы, такъ что, въ 1879 году, остатокъ доходовъ, за расходами, былъ 66.000,000, а въ 1880 году — 90.000,000 дол.; государственный долгъ съ 3.000.000,000 уменьшился, въ 1878 году, до 2.000.000,000 дол., курсъ бумажныхъ денегъ, упавшій болѣе чѣмъ на 60%, возстановился до номинальной ихъ цѣны (al-pari), и онѣ, съ 1 января 1879 года, стали безпрепятственно размѣниваться на звонкую монету. Таковъ результатъ строго охранительной системы.

(Окончаніе бюджета).

Ө. Журовъ.

КНЯЖНА ВЛАДИМІРСКАЯ
или
ЗАЦЪПИНСКІЕ КАПИТАЛЫ.
ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Зимній дворець.

Уже нѣсколько дней прошло послѣ переворота, сдѣлавшаго Екатерину II царствующею государынею Россіи, но она съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидала вѣстей изъ Ропши, куда скрыли увезеннаго императора Орловъ, Тепловъ и ихъ сотоварищи.

Государыня сидѣла въ комнатѣ за кабинетомъ, которую называла своею рабочею, потому что въ ней стояли пяльцы, за которыми иногда удавалось ей сдѣлать нѣсколько стежковъ. Подлѣ нея сидѣла Дашкова, старавшаяся подъ разными предлогами быть съ нею почти неразлучно и надѣждавшая ей страшно непрерывными напоминаніями о своихъ заслугахъ въ день переворота, прежде и послѣ. Послушать ее, такъ выходило, что

она не только возвела Екатерину на престоль, но что и жить, и дышать-то она на бѣломъ свѣтѣ, только благодаря милости княгини Дашковой. Между тѣмъ на дѣлѣ было совсѣмъ не такъ. Молоденьбая, кипятаяся женщина не могла занимать видной роли среди желавшихъ низложенія Петра III; ей не довѣряли, какъ по ея молодости, такъ и по родству съ ближайшею любимицею государя, ея родною сестрою. Недовѣріе это было настолько сильно, что руководители заговора, когда узнали объ арестѣ Пассека, одного изъ главныхъ ихъ участниковъ, и рѣшили послать Алексѣя Орлова въ Петергофъ уговорить государыню пріѣхать въ Петербургъ и объявить низложеніе императора, то, узнавъ, что о рѣшеніи этомъ извѣстилась и Дашкова, такъ какъ Панину было оно сообщено при ней, поручили третьему брату, Федору Орлову, ѣхать къ ней, взглянуть, что дѣлаетъ сестра фаворитки, и если возможно, увѣрить ее, что Алексѣй Орловъ не посланъ, а главное, удостовѣриться, нѣтъ ли съ ея стороны какой измѣны.

Измѣны никакой не было. Но какое вліяніе могла имѣть на ходъ дѣла такая особа, при которой боялись говорить и

которая главныхъ дѣателей переворота, кромѣ Григорія Орлова и Ласунскаго, почти никого не знала въ лицо, а если кого и знала, какъ Барятинскихъ, то даже и не подозрѣвала, что они принадлежали къ той же партіи, что и она.

Правда, въ день переворота она была подлѣ Екатерины въ виду всѣхъ, въ преображенскомъ мундирѣ старой формы, который взяла у Пушкина. Она хлопотала, прискивая единомышленниковъ среди сослуживцевъ своего мужа, семеновскаго офицера, уклонившагося однакожъ отъ принятія въ переворотѣ дѣятельнаго участія.

«Но противъ этого никто ничего и не говорить, думала Екатерина, слушая ея болтовню,—никто не отвергаетъ, что она желала мнѣ помочь. — Но не все же сдѣлала она, нужно же отдавать сколько нибудь справедливости и другимъ!»

А Дашкова продолжала рассказывать, какъ она хлопотала о мундирѣ.

Екатерина слушала, казалось, внимательно, хотя мысли ея были далеко. Онѣ были заняты однимъ: что это значить, нѣтъ вѣстей, нѣтъ вѣстей?

Въ эту минуту вошла Шкурина.

— Ваше величество, сказала она, — въ комнату передъ уборной, съ внутренняго подъезда, пришелъ братъ Григорія Григорьевича, поручикъ Алексѣй Григорьевичъ, и просилъ безъ разглашенія доложить вамъ. Ему крайне нужно васъ видѣть.

— Ну, слава Богу! сказала Екатерина. — Что такое?.. Зови, зови! Мнѣ нужно поговорить съ нимъ, прибавила она, обращаясь къ Дашковой.

И какъ ни хладнокровна была Екатерина, въ какой степени ни владѣла она собою и своими ощущеніями, но въ эту минуту она поблѣднѣла, такъ поблѣднѣла, что, взглянувъ случайно въ простѣлочное зеркало, сочла нужнымъ подойти къ рабочему столику, достать спрятанную тамъ коробочку и положить себѣ на щеки нѣсколько румянъ.

Дашкова будто не слыхала или не поняла словъ государыни. Она сѣла къ пальцамъ и начала вдѣвать въ иглу шелкъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ Орловымъ, внягиня, сказала Екатерина съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

Не смотря на такое повторительное и достаточно ясное указаніе, Дашкова и не думала уходить.

— Что-жъ, ваше величество, отвѣчала Дашкова, — я надѣюсь, отъ меня это не секретъ и я не буду помѣхою.

Екатерина взглянула на нее за этотъ отвѣтъ даже съ ненавистью, но Дашкова не смутилась и сповойно перебирала канву.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, если-бы Екатеринѣ пришлось повторить въ третій разъ, но этого ей не пришлось. Вошелъ Орловъ.

. . . . .

Черезъ день послѣ похоронъ Петра III, у императрицы Екатерины II былъ назначенъ офиціальный приѣмъ, и въ новый зимній дворецъ съѣхалось множество народа. Императрица сидѣла въ своемъ кабинетѣ, который уже успѣла устроить съ такимъ изяществомъ, комфортомъ и разумностью, о какихъ едва-ли могла дать понятіе интеллигентность тогдашняго петербургскаго общества. Войдя въ него, чувствовалось присутствіе изящной женской

руки, которая въ своей любимой комнатѣ умѣетъ расположиться такъ, что во первыхъ, все подъ руками, а во вторыхъ, все кругомъ представляется въ столь изящномъ видѣ, что тѣшитъ глазъ, создаетъ наслажденіе самымъ своимъ расположеніемъ. Притомъ, нельзя было не замѣтить, что это было не мѣсто отдохновенія, не мѣсто пріятной бесѣды и развлечения; напротивъ, было видно, что это комната труда, мысли,—комната, въ которой долженъ работать умъ и въ которой поэтому нѣтъ мѣста ничему лишнему, ничему пустому.

Три швапа книгъ, въ великолѣпныхъ переплетахъ краснаго сафьяна, украшенныхъ императорскимъ гербомъ, составляли кабинетную бібліотеку государыни. Она состояла изъ нѣсколькихъ сочиненій ея любимыхъ авторовъ, большею частью философскаго и соціального содержанія, между которыми одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ занимали труды Монтескье и Бекаріи, критико-историческій словарь Беля, полное собраніе сочиненій Вольтера и энциклопедистовъ, сочиненія Гельвеція и Скюдери. Далѣе шли большею частью справочныя книги по всѣмъ отраслямъ знанія.

Кромѣ этихъ книгъ, подлѣ письменнаго стола стояла еще этажерка, уставленная настольными книгами и приготовленными для занятій дня. Подлѣ этажерки стоялъ особый столикъ, приспособленный для храненія и разсматриванія на немъ альбомовъ, таблицъ, рисунковъ, картъ и разныхъ выписокъ, между которыми красовались хронологическія таблицы російской исторіи и геральдическія замѣтки о происхожденіи многихъ русскихъ и иностранныхъ домовъ.

Государыня сидѣла въ креслахъ передъ письменнымъ столомъ. Передъ ней лежала дѣсть чистой бумаги; слѣва нѣсколько приготовленныхъ къ прочтенію и утвержденію бумагъ; справа бумаги уже прочитанныя и или утвержденныя, или возвращаемыя съ замѣчаніями.

Въ ногахъ у государыни, по разостланному ковру, которымъ была обтянута вся комната, лежалъ еще мѣхъ изъ ангорской козы, а подлѣ бархатная подушка, на которой покоилась маленькая англійская собачка государыни, прозвищемъ «Томъ».

Напротивъ государыни черезъ столъ, въ мундирѣ, башмакахъ и чулкахъ и въ андреевской звѣздѣ и лентѣ, также въ креслахъ, неуклюже подгибая подъ нихъ свои длинныя ноги, сидѣлъ Никита Ивановичъ Панинъ и какъ-то тупо смотрѣлъ на государыню, которая перестала работать.

— Я понимаю ваше нетерпѣніе и ваше страстное желаніе поговорить со мной вполне откровенно, мой милый тайный совѣтникъ, говорила ему Екатерина ласково.— Я вполне сознаю, что все совершившееся здѣсь, вамъ можетъ казаться какою-то мистификаціею, казаться шуткою. Очень вѣрю, что вы можете быть думаете, что я васъ обманула и никогда даже не думала о томъ, что вамъ обѣщала.

Государыня проговорила эти слова симпатичнымъ, но твердымъ голосомъ, смотря на Панина своими ласкающими, мягкими глазами, и встрѣчая его мутный взглядъ тою нѣжною и веселою улыбкою, которой такъ умѣла къ себѣ располагать.

— Признаюсь, государыня, я нахожусь въ дѣйствительномъ недоумѣніи, отвѣчалъ Панинъ, стараясь по возможности смягчить свой грубоватый, хриплый голосъ и не выеязать того тона неудовольствія, который самъ собою обозначался въ его словахъ. Ему хотѣлось сказать, все сказать, что онъ думалъ, но такъ сказать, какъ говорятъ дипломаты, т. е. насколько можно позолачивая подносимыя пилюли.— Вы изволили согласиться, что все, что теперь дѣлается, говорится и пишется, продолжалъ онъ, въ такой степени далеко отъ того, что ваше величество изволили предполагать и что я отъ вашего имени долженъ былъ передавать всѣмъ, приглашая ихъ къ содѣйствію, что теперь право я не знаю что и думать, что и говорить. Всѣ считаютъ и имѣютъ полное право считать меня, если не обманщикомъ, то по крайней мѣрѣ такимъ болтуномъ, который даже и не думалъ, о чемъ говорилъ; между тѣмъ, ваше величество, сами изволите знать...

— Что я не то обѣщала, что теперь выходитъ; но я развѣ виновата въ этомъ? Когда отдаешься на произволъ волнъ, то поневолѣ поддаешься ихъ силѣ. А народъ, войско, это то же что морская волна; куда и какъ она вынесетъ, никто не угадаетъ, и всякій, кто отдается на ея произволъ, поневолѣ долженъ ей подчиниться. Я теперь нахожусь подъ влияніемъ стихійной силы и сама не знаю куда плыву и чего достигну. Я знаю, что стремлюсь къ тому, чтобы всѣмъ было хорошо, чтобы я могла разлить возможно большее количество счастья; но какимъ образомъ это должно произойти, я не знаю! Вотъ когда стихійная

сила исчезнетъ и теченіе дѣлъ войдетъ въ свое русло, когда станутъ преобладать разумность, логика, тогда... тогда мы увидимся, обсудимъ, поговоримъ! Я надѣюсь, тогда никто не скажетъ, чтобы я отказалась въ чемъ либо содѣйствовать тому, что можетъ клониться къ благу моихъ подданныхъ. И я надѣюсь, что тогда вы, мой милый тайный совѣтникъ, будете мнѣ въ этомъ, по силамъ вашимъ, помогать?

Панина перекосило отъ такой дипломатической тирады. Онъ невольно мигнулъ нѣсколько разъ своими длинными, рѣдкими рѣсницами и вытянулъ одну ногу изъ-подъ кресла, гдѣ ей было такъ неудобно.

Екатерина, проговоривъ свою фразу, улыбнулась ласково, но самодовольно. Она подумала: «Онъ понимаетъ, что я его провела, ну чтожь: на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ! Но онъ мнѣ нуженъ, въ Воронцова я не вѣрю!»

— Но, государыня, возразилъ Панинъ, чувствуя, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ.—Есть вещи, которыя не передѣлываются, покрайней мѣрѣ трудно передѣлываются. Какъ мнѣ объяснить это самодержавное вступленіе на престолъ, когда рѣчь была только о регентствѣ? Какой отвѣтъ могу я держать передъ своимъ питомцемъ, истиннымъ наслѣдникомъ? Что скажу я, когда онъ спроситъ: «зачѣмъ же ты не заявлялъ моихъ правъ?» Вѣдь на воспитателѣ, государыня, какъ я понимаю, лежитъ обязанность заботиться о малолѣтнемъ питомцѣ во всѣхъ развѣтвленіяхъ его будущаго положенія.

Екатерина выслушала это возраженіе съ нѣкоторымъ отвѣтникомъ досады. Тѣмъ не менѣе она отвѣчала ласково и весело:

— Э! что касается моего сына, то напрасное безпокойство! Пока онъ еще такъ молодъ, что не можетъ предлагать подобныхъ вопросовъ. Къ тому же времени, когда наступитъ пора ему думать о себѣ, я надѣюсь оставить ему наслѣдство далеко въ болѣе устроенномъ видѣ, чѣмъ въ какомъ принимаю сама. Ему останется только благодарить. Да и кто предприметъ на себя смѣлость быть судьей между сыномъ и матерью, и гдѣ прецедентъ такого суда? За поступки противъ сына я отвѣчаю только передъ нимъ! Всякое постороннее вмѣшательство тутъ неумѣстно!

Проговоривъ это частью шутливо, частью строго и холодно, Екатерина прибавила, останавливая на Панинѣ опять свой ласковый взглядъ:

— Къ тому времени, какъ сыну моему будетъ возможно принять на себя, какъ говорятъ, бразды правленія, я нацар-

ствуюсь, мнѣ надоѣсть и я сложу съ себя тяжесть, которую теперь принимаю только для него...

Прервавъ затѣмъ опять свой шутливый и ласковый тонъ, она продолжала тономъ завзятой доктринерки:

— Опять нельзя не замѣтить вамъ, мой тайный совѣтникъ, что относя названіе наслѣдника къ великому князю, моему сыну, вы выразились совершенно невѣрно. Петръ Великій отмѣнилъ законъ о наслѣдованіи по праву первородства и установилъ наслѣдованіе по избранію царствующаго государя; а великаго князя никто еще на право наслѣдованія не избиралъ. Отецъ—вы знаете, какую онъ ему, вмѣстѣ со мною, готовилъ участь; мнѣ же не было еще времени, да и нужно прежде осмотрѣться. А вы не забыли, что по распоряженію покойной тетюшки императрицы Елисаветы, въ случаѣ смерти моего мужа бездѣтнымъ, я должна была вступить на престолъ не какъ регентша, а какъ царствующая государыня. Тетюшка не любила регентства; она насмотрѣлась на нихъ, будучи цесаревною. Притомъ наслѣдованіе послѣ мужа женою вовсе не противорѣчитъ характеру русскихъ обычаевъ. Оно совпадаетъ съ народнымъ духомъ и понятіями, особливо во время малолѣтства дѣтей. Не говорю о простомъ людѣ: тамъ всегда по смерти мужа въ главу дома становится жена; но вы лучше моего знаете, въ какой степени обычай этотъ удерживается даже въ знатныхъ, родовыхъ семействахъ. Не разъ мнѣ случалось слышать и читать, что мать распредѣляла, по своей волѣ, между дѣтьми отцовское имѣніе; даже выдѣляла изъ него часть своимъ дѣтямъ отъ другаго мужа. Этотъ порядокъ вполне соотвѣтствуетъ православному понятіямъ о нерасторжимости брака и совершенномъ слитіи въ бракѣ мужа и жены въ одно лицо. Да и въ царскихъ семействахъ... не вдаваясь въ отдаленное прошлое, когда, напримеръ, при Темномъ дѣйствительно княжила его мать; не говоря о Еленѣ Глинской, правившей всѣмъ государствомъ, можно указать на значеніе матери Михаила Феодоровича, обширное вліяніе на дѣла Натальи Кириловны, матери Петра. А потомъ, примѣръ прямой: послѣ Петра Великаго, за малолѣтствомъ наслѣдника-внука, вступила на престолъ не регентшею, а прямо царствующею государынею, его жена, не смотря на то, чѣмъ она была прежде. А тутъ подумайте: я не Марта. Мнѣ не придется отыскивать своихъ Самойловичей по разнымъ захолустьямъ и награждать ихъ графскими титулами. Стало быть вопросъ не въ моемъ сынѣ, и не во мнѣ! Съ сыномъ оставьте насъ считаться самимъ, какъ мы умѣемъ, и я надѣюсь,

что подь вашимъ руководствомъ, онъ будетъ воспитываться такъ, что станетъ истиннымъ и сыномъ отечества, и моимъ сыномъ.

Екатерина замолчала, смотря Панину прямо въ глаза и какъ-бы вызывая на вопросы, которыхъ она отъ него ожидала.

Панинъ чувствовалъ себя весьма неловко. Онъ понималъ, что ему нужно спрашивать, нужно требовать объясненія, но какъ? Правда, онъ привыкъ довольно свободно и откровенно говорить съ Екатериною, сперва великою княгинею, а потомъ и императрицею; но онъ слишкомъ хорошо понималъ, что между великою княгинею, а потомъ императрицею, безъ вѣса, вліянія, опоры, поставленною въ ложныя и даже враждебныя отношенія къ своему мужу, царствующему императору, и самодержавною, абсолютною монархинею—разность безконечная. И то, что легко сходило съ языка тогда, невольно проглатывалось теперь

Однакожь спросить было нужно, и онъ нерѣшительно, и какъ-то особо мигая глазами и отдуваясь, проговорилъ:

— Но съ регентствомъ, государыня, предполагались другіе вопросы; предполагалось даже измѣнить образъ правленія, отмѣнить абсолютизмъ, противный вашему милостивому взгляду, вашимъ правиламъ, наконецъ, вашему обѣщанію..

— Да, я обѣщала подвести свое правленіе подь шведскій образецъ, чтобы такимъ образомъ гарантировать личность и собственность противъ произвола и насилія. Но, видите ли, первое противорѣчіе регентству заключалось въ томъ, что, принявъ регентство, я уже не имѣла бы права отказываться отъ того, что мнѣ не принадлежитъ. Я могу сложить свои самодержавныя права, уменьшить ихъ различными условіями и ограниченіями, предоставить часть ихъ пользоваться сословіямъ, но въ такомъ только случаѣ, если я сама самодержавная государыня, абсолютная монархиня, которая имѣетъ право, для блага государства, ту или другую изъ своихъ прерогативъ власти передать народу. Какъ регентша я не имѣла бы права этого сдѣлать. Но прежде всего, я обѣщала всю себя посвятить развитію народнаго благосостоянія, стремиться къ возможно полному народному счастью. И видитъ Богъ, ни одной минуты не колеблюсь я въ этомъ отношеніи...

Панинъ молчалъ; молчала нѣсколько секундъ и Екатерина. Но потомъ она продолжала опять, тономъ доктринерки.

— Вопросъ народнаго благоденствія, прямой вопросъ моего личнаго благополучія. Я не только готова дать народу шведскую конституцію, но даже, если это нужно, далеко расши-

рять ее, довести ее по возможности до народнаго главенства. Дѣло только въ томъ: поведеть ли шведская или какая другая конституція у насъ къ народному благополучію? Разольеть ли она въ народѣ довольство, обезпеченность, счастье? Разсмотримъ это вмѣстѣ, мой тайный совѣтникъ. Я приму и сдѣлаю все, что мы съ вами признаемъ дѣйствительно полезнымъ для народа. Прежде всего, въ Швеціи есть сенатъ—у насъ тоже сенатъ; но у насъ члены сената назначаются абсолютною властью, а тамъ по избраніи кандидатовъ сословіями, самимъ сенатомъ. У насъ законы утверждаются высочайшею властью, а тамъ четырьмя камерами, лучше сказать, одной камерой въ четырехъ отдѣленіяхъ народныхъ представителей. Представители дѣлятся по сословіямъ: дворянство, среднее сословіе или городскія общества, духовенство и крестьяне. Существуютъ ли такого рода сословія и могутъ ли выслать своихъ независимыхъ представителей у насъ? Начинаю съ духовенства. У насъ, правда, есть святой жизни, высокаго образованія, нѣсколько іерарховъ церкви; за то сельское духовенство стоитъ на столь низкой степени развитія, что можно сказать оно то же крестьянство. Вы знаете лучше меня, что есть священники, которые служатъ обѣдню наизусть, за неумѣніемъ пройти ее по книгамъ. Спрашиваю: что же это будутъ за представители, разрѣшающіе государственные вопросы и составляющіе государственную законодательную власть?

Вы скажете: выборъ падеть на тѣхъ іерарховъ, которые сдѣлали бы честь всякой церкви. Во первыхъ, ихъ очень мало; а во вторыхъ, мы сейчасъ же ударились бы въ еоократію; а не мнѣ рассказывать вамъ вредъ, который происходитъ отъ вмѣшательства еоократическаго элемента въ гражданскія дѣла!

Теперь среднее сословіе. Но гдѣ оно у насъ? Не эти ли нѣсколько учителей и чиновниковъ изъ духовнаго званія, или протоколистовъ судовъ, въ жизни своей не издавшихъ ничего, кромѣ примѣровъ рѣшеній, которыя они списываютъ дословно при другихъ рѣшеніяхъ? Торговли, у насъ нѣтъ, мануфактуръ тоже, стало быть нѣтъ и того высоко-образованнаго класса, который, въ другихъ странахъ, является представителемъ труда и капитала. А лавочники всегда останутся лавочниками. Не имъ управлять государствомъ.

Теперь крестьяне? Да вѣдь большая часть ихъ крѣпостные, рабы. Какое же свободное слово хотите вы слышать отъ крѣпостнаго человѣка? Остается полуобразованное, полуграмотное дворянство, до сихъ поръ бѣгающее отъ службы, проводящее

время среди мелкаго разврата своей домашней челяди. Въ нихъ ли хотите вы видѣть спасителей отъ произвола и насилія?

Въ Швеціи другое дѣло. Тамъ образованное протестантское духовенство; тамъ крестьяне, тоже благодаря протестантству, почти всѣ грамотные и свободные отъ всякой зависимости; наконецъ, тамъ среднее сословіе, самостоятельное и укрѣпившееся вѣдшими сношеніями и всесвѣтнымъ мореходствомъ. Да и тамъ, вы знаете, какое вліяніе имѣютъ иностранцы, благодаря тому, что дворянство и другія сословія, изъ личныхъ интересовъ, часто жертвуютъ пользами отечества. Спрашиваю: что же будетъ у насъ?

Представителями явятся, нѣтъ сомнѣнія, дворяне и ими же назначенные крестьяне, попы и лавочники, которые будутъ продавать свои голоса чуть не на рынкѣ. Затѣмъ сила управленія ясно перейдетъ къ пяти-шести богатымъ фамиліямъ, въ родѣ польскихъ магнатовъ, которые позаботятся не объ улучшеніи быта народа, а о его возможно большемъ закрѣпощеніи. Того ли вы хотите, Никита Ивановичъ? подумайте! вспомните хоть верховниковъ царствованія Анны!

Панинъ выслушалъ весь этотъ монологъ молча. Онъ былъ слишкомъ потрясенъ, узнавъ, что то, что онъ считалъ несомнѣннымъ, подлежитъ еще обсужденію, а при обсужденіи, оказывается, что существуютъ шансы далеко не въ пользу того, что онъ такъ горячо отстаивалъ.

— Если бы еще можно было быть увѣреннымъ, продолжала Екатерина, будто не замѣчая затруднительнаго положенія Панина, — что мелкіе землевладѣльцы, привезя своихъ поповъ, лавочниковъ и крестьянъ, не войдутъ въ соглашеніе съ крупными землевладѣльцами, то можно было бы надѣяться на болѣе или менѣе безпристрастное разрѣшеніе хотя нѣкоторыхъ вопросовъ, не касающихся собственно дворянства. Они составили бы оппозицію крупному землевладѣнію. Правда, вопросы разрѣшались бы только въ смыслѣ закрѣпощенія, въ смыслѣ усиленія помѣщичьей власти; но по крайней мѣрѣ общій строй государства не рушился бы отъ противоположности личныхъ интересовъ. Естественное право человѣка было бы нарушено, но не нарушалось бы право государственное. Но, скажите, можно ли въ Россіи думать, можно ли ожидать, чтобы мелкое дворянство, не всегда грамотное, могло устоять противъ соблазна, который съ такою охотою предложится ему богатыми фамиліями? А тогда Россія обратится въ Польшу по своему олигархическому устройству и полному государственному ничтожеству; будетъ то, что

я называю боярское правленіе. Этого ли вы хотите? Не забудьте, абсолютизмъ, въ самыхъ даже злоупотребленіяхъ своихъ, всегда единиченъ. Онъ можетъ быть жестокъ, можетъ безсердечно относиться къ личностямъ, можетъ быть развратенъ,—но абсолютизмъ всегда справедливъ въ массахъ, всегда стоитъ за народъ противъ олигархіи. Онъ не можетъ не желать государству преуспѣянія, какъ его глава. Русскіе крѣпостные крестьяне, какъ ни тяжело, ни безправно они поставлены, благоденствуютъ, сравнительно съ польскими крестьянами. Отчего? Только потому, что въ Россіи, хорошо ли, худо ли, а въ Россіи есть власть; а власть въ Польшѣ—воля магнатовъ! Хотите ли вы, мой тайный совѣтникъ, чтобы я тѣ бѣдствія, ту слабость, то безправіе, которыми отличается теперь Польша, перенесла въ любимую нами Россію? Хотите ли, чтобы я объявила конституцію, до которой мы не дозрѣли, которая будетъ отравою нашего государственнаго организма? Нѣтъ, вы не хотите этого! Я понимаю въ важныхъ вопросахъ земскій соборъ, понимаю выборные совѣты; во всемъ этомъ незрѣлость выказывается не столь ярко, не столь рельефно; но конституція, чистая, общая, постоянная, при нынѣшнемъ положеніи Россіи? Если-бы она и была, то нужно было скорѣй ее уничтожить, выбравъ диктатора.

Панинъ разумѣется могъ только молчать при этомъ потокѣ словъ государыни. Онъ чувствовалъ, что во многомъ и многомъ она права, хотя ему и не хотѣлось въ этомъ сознаться. При послѣднихъ словахъ императрицы, онъ слегка и чуть замѣтно улыбнулся.

Ему пришло въ голову: выбрать диктатора, съ тѣмъ, чтобы выборъ палъ непременно на нее, иначе она перевернула бы всѣ выборы. Отличное признаніе правъ гражданской свободы!..

Какъ ни тонка была улыбка Панина, государыня однакожь ее замѣтила и нѣсколько разгорчилась.

— Вы смѣтаетесь; вы думаете, не нужно было обѣщать. Но я и теперь обѣщаю, обѣщаю все, что будетъ нужно для счастья моихъ народовъ! И васъ приглашаю быть моимъ сотрудникомъ, быть судьей... Нужна конституція,—я дамъ и конституцію... Повѣрьте, мой другъ Никита Ивановичъ, что у меня самая республиканская душа; что я не стою ни за какія прерогативы власти и менѣе всего считаю себя способною къ абсолютизму. Но нужно же узнать, что нужно, нужно осмотрѣться... Вотъ мы въ томъ или другомъ видѣ соберемъ земскій соборъ, комисію, посмотримъ, послушаемъ народныхъ желаній. Мы оцѣнимъ способности представителей, ихъ требованія и силу,

посудимъ и тогда, тогда... Я желаю только, чтобы вы мнѣ помогли... Вы общаете?

— Государыня, долгъ подданнаго всегда возлагаетъ обязанность... Но...

— Что же вы хотите, когда я вамъ общаю, согласно вашимъ же замѣчаніямъ, исправить все; что въ настоящее время не соотвѣтственно, когда я предоставляю это дѣло вашему суду? Вы хотѣли, чтобы я дала конституцію; я говорю: я дамъ ее, если обстоятельства укажутъ, что она будетъ вѣлониться къ пользѣ усыновившаго меня отечества, поведетъ къ благоденствію вѣранныхъ мнѣ народовъ... И вы сами будете судья...

Панинъ упорно молчалъ.

Императрица, которая передъ тѣмъ разгорячилась и говорила съ нѣкоторою страстностью, вдругъ звонко засмѣялась.

— Вы сегодня не въ духѣ, мой тайный совѣтникъ. Вы сегодня не хотите ни совѣтовать мнѣ, ни разсуждать, хотя сегодня-то особенно и нужны были политическія наставленія опыта вашей безтолковой ученицѣ. Я говорю откровенно. Воронцовы... положимъ они отличные люди, но мнѣ не по двору. Вонъ одинъ изъ нихъ, юноша, хотѣлъ противъ меня драться и былъ арестованъ съ оружіемъ въ рукахъ. Я разумѣется велѣла его освободить. На Михайлу Ларивонича я тоже смотрю другими глазами, чѣмъ покойная тетусьва... Я хотѣла бы призвать васъ... Но вы сегодня не въ духѣ; вамъ кажется, что я васъ обманула. Мы поговоримъ объ этомъ другой разъ! Идите и подумайте! Вы увидите, что ваша ученица не кривитъ душою, что она маленькая республиканка даже въ то время, когда объявляетъ себя самодержавною монархиней, и такая республиканка, которая души бы своей не пожалѣла, чтобы сдѣлать всѣхъ счастливыми...

Съ этими словами она встала. Панину пришлось откланяться.

«Что дѣлать, сказала себѣ Екатерина, провожая глазами уходящаго Панина—нужно выдерживать себя. Мнѣ жаль его потерять, нужно убѣдить... Вѣдь я никогда не думала, что царствовать значить только ломить... Нужно поучиться и у Макавеля... Кстати мнѣ принесли новый переводъ».

Она замолчала, потому что по ея приглашенію явился новгородскій архипастырь, старшій членъ синода и проповѣдническая знаменитость того времени, преосвященный Дмитрій Сѣменовъ.

Государыня пошла къ нему на встрѣчу, приняла благосло-

веніе и поцѣловала руку, предоставивъ и ему поцѣловать свою.

— Надѣюсь, вы довольны, отецъ преосвященный. Домовныя переви открыты. Образа разнесены по церквамъ, требованіе духовныхъ въ военную службу отминено. Вездѣ отслужены молебны о ниспосланіи благадати и оставленіи на насъ милости Божіей. Надѣюсь, что вы удостовѣрились и въ томъ, что никакимъ боярскимъ затѣямъ я ходу не дамъ; что эти затѣи ихъ останутся только затѣями; что никакихъ верховныхъ совѣтовъ, никакихъ боярскихъ думъ съ ограниченіемъ власти государя, никакого боярскаго царствованія не будетъ и не можетъ быть! Я буду милостива ко всѣмъ, одинаково отдамъ каждому должное...

— Да благословить Богъ начало и да утѣшитъ Россію вашимъ продолжительнымъ и славнымъ царствованіемъ, ваше императорское величество, государыня императрица. Да продлитъ Онъ дни ваши на многія лѣта. Теперь, государыня, православное духовенство, молясь ежечасно о вашемъ здравіи и преуспѣяніи, надѣется на отмину тѣхъ огорчительныхъ мѣропріятій, которыми послѣднее царствованіе такъ стѣснило церковныя имущества, предоставивъ ихъ свѣтской власти!

— Непремѣнно, непремѣнно, св. отецъ! Я уже повелѣла разсмотрѣть тѣ затрудненія, которыя вызывались положеніемъ церковныхъ имѣній и которыя заставили обратиться къ мѣрамъ, столь неприятнымъ духовенству. Какъ тѣ, такъ и другія основанія будутъ мнѣ представлены и я сейчасъ же передамъ дѣло въ комисію...

Архіепископа передернуло отъ этихъ словъ. Менѣе всего онъ ожидалъ и болѣе всего боялся услышать о комисіи, а тутъ-то ее и подносятъ.

Государыня замѣтила, какъ онъ перекоксился, и улыбнулась.

— Подъ вашимъ предсѣдательствомъ, св. отецъ! прибавила она, стараясь въ свою очередь позолотить пилюлю: — вы сами намѣтите тѣ пункты, о которыхъ особо захотите со мною говорить, и мы обсудимъ, обдумаемъ вмѣстѣ...

Золоченая пилюля показалаь немножко веусяѣе знаменитому проповѣднику, не настолько однакожъ, чтобы разгладить морщины, набѣжавшія на его чело.

— Вѣдь не могу я иначе разрѣшить законодательный и столь важный вопросъ, какъ разсмотрѣвъ его въ законодательномъ порядкѣ, продолжала Екатерина сдержанно, но дидактически. — Вы, св. отецъ, сами вѣроятно пожелаете внимательно обсудить основанія, требовавшія преобразованія этой части, чтобы

избѣжать этихъ требованій въ будущемъ? Вы, вѣроятно, захотите обсудить возможность соглашенія настоятельной необходимости съ желаніями духовенства? Тутъ не будетъ ни моего произвола, ни несправедливыхъ и несоотвѣтственныхъ притязаній. Духовенство сохранить весь престижъ любомудрія, нестяжанія, правды, а государство приметъ на себя обязанность заботливости о правосудномъ отстраненіи всякой нужды, всякой студи и правосудномъ возстановленіи всякой справедливости. Надѣюсь, тогда будутъ довольны и духовенство, и пожертвованные для его обезпеченія труженики, притомъ сохранятся и государственные интересы. Надѣюсь, что вы и не полагаете, чтобы я иначе могла поступить въ столь важномъ дѣлѣ; думаю, что вы вполне раздѣляете...

Архипастырь вышелъ изъ кабинета какъ ошпаренный. Правда, онъ былъ успокоенъ относительно притязаній и обрядности, которыхъ касался Петръ III, успокоенъ за порядокъ въ церквахъ, неприкосновенность внѣшности; но слишкомъ полтора миліона душъ крестьянъ, монастырскихъ имѣній, также исчезали у него изъ рукъ, какъ начали исчезать еще въ предпрошлое, богомольное, благочестивое царствованіе и совершенно пропали въ прошлое. Онъ надѣялся воротить ихъ, ему обѣщали. А тутъ вдругъ — комисія; знаетъ онъ, что такое комисія!..

Въ это время вошла въ государынѣ одна изъ ея старшихъ камеръ-фрау, Шкурина.

— Ваше величество, княгиня Дашкова хочетъ войти чрезъ уборную. Я не рѣшилась ее остановить и обошла, чтобы вы изволили знать...

Екатерина нахмурилась, но въ ту же минуту, съ сіяющею и ласковою улыбкою, пошла на встрѣчу княгинѣ.

— Моя юная подруга и воинъ, весело проговорила государыня, встрѣчая княгиню Дашкову, выходящую изъ внутреннихъ комнатъ въ кабинетъ, — съ какими вѣстями являетесь вы ко мнѣ?

— Я хотѣла спросить васъ, государыня, не могу ли я чѣмъ нибудь помочь вамъ, быть вамъ полезной? Тамъ такъ много народа...

— Развѣ такъ много?

— Полны залы, государыня: и Разумовскій гетманъ, и Минихъ, и Трубецкой, Шереметьевъ, Савронскій, Неплюевъ, Волконскій, Нарышкины, Строгоновы; — всѣ, всѣ... Я хохотала до упаду, взглянувъ, какъ Трубецкой столкнулся съ Неплюевымъ, посмотрѣли другъ на друга, какъ два пѣтуха, и раскланялись низко, окидывая въ то же время одинъ другаго какимъ-то осо-

бымъ маслянымъ взглядомъ. Дворъ, право, та же комедія! Можно видѣть и учиться исполненію всевозможныхъ ролей.

— Ты пришла весьма кстати, моя милая. У меня до тебя просьба! Уговори нашего медвѣдя,—какъ онъ тебѣ приходится, право не знаю... Ну, да вѣдь у русскихъ все родня! Ну дядя что ли названный, горячій поклонникъ своей милой племянницы, Никита Ивановичъ. Уломай его, чтобы онъ не упрямылся. Не могу же я все разомъ... а ему вынь, да положи! Убѣди, чтобы онъ меня не оставлялъ. Скажи, что потомъ, самъ увидитъ, все сдѣлается! Уговори, милая, и привези отъ него прошеніе, что онъ желаетъ быть употребляемъ по конференціи иностранныхъ дѣлъ. Мнѣ это нужно! Ты для меня это сдѣлаешь?

— Государыня, я буду счастлива! Вы знаете, а жизни готова не жалѣть для васъ...

— Я увѣрена, увѣрена, мой молодой другъ! Вотъ, говорятъ, женская дружба не крѣпка; мы имъ докажемъ, какъ крѣпка она. Не правда ли? Вѣдь ты не разлюбишь меня отъ того, что я царствующая императрица?

— Княгиня Дашкова поцѣловала руки государыни. Императрица поцѣловала ее въ голову.

— Какъ молода еще, какъ свѣжа и какъ мила, сказала государыня, лаская ее.—Кстати ты говорила о денежныхъ затрудненіяхъ твоего мужа. Я сейчасъ подписала о выдачѣ тебѣ 24,000 въ уваженіе твоихъ особыхъ заслугъ; о пансіонѣ въ 12,000 ты, надѣюсь, уже знаешь. Я вчера еще велѣла отвезти. Скажи, ты довольна?.. Не благодари, не благодари! это только начало... Теперь, пока мое казначейство такъ бѣдно, я не могу раскидываться! Но надѣюсь, Богъ дастъ, мы все исправимъ! Поѣзжай же, милая, къ Никитѣ Ивановичу, переломи этого упрянца и привези его прошеніе. Я буду тебя ждать!

Дашкова исчезла, сопровождаемая государыней уже не во внутреннія комнаты, а въ выходныя залы.

«Добрая и не глупая! подумала государыня.—Но самолюбію и тщеславію нѣтъ предѣловъ. Она въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что, если что сдѣлалось, такъ это только благодаря ея милости. И какъ наивны эти люди, прости ихъ Господи!.. Но чего терпѣть не могу въ Дашковой,—это дерзость до нахальства. Какъ это вздумать и рѣшиться пройти безъ доклада. Еще хотѣла ли я ее видѣть!..»

Государыня приказала Шкуриной провести къ ней сперва черезъ уборную Григорія Орлова, а потомъ сказать Строгонову, что она проситъ къ себѣ гетмана Разумовскаго.

— Садись, Грегуаръ, и будь какъ дома! сказала государыня, когда Орловъ вошелъ, — постарайся не обращать ни на что вниманія и разсматривай вотъ хоть эти чертежи и рисунки. Я хочу ограничить нѣкоторыя претензіи и для того мнѣ нужно, чтобы твое значеніе при мнѣ опредѣлилось рельефнѣе.

Орловъ не заставилъ себя просить другой разъ. Онъ снялъ шлягу, бросилъ ее на диванъ, шляпу и перчатки положилъ на бумаги, а самъ, развалясь въ креслахъ, сталъ разсматривать поданные ему чертежи, дѣлая изрѣдка замѣчанія и пересыпая ихъ шутками.

Вошелъ гетманъ.

Разумовскому въ это время было тридцать семь лѣтъ, стало быть онъ былъ старше государыни пятью, шестью годами. И онъ былъ еще красивый мужчина, хотя въ этомъ отношеніи далеко не могъ сравниться съ братомъ Алексѣемъ, когда тотъ былъ въ этихъ же годахъ. Пожалуй многіе и теперь пятидесятидвухлѣтняго Алексѣя предпочли бы тридцати-семилѣтнему Кириллу. Но это уже вопросъ личнаго вкуса. Во всякомъ случаѣ онъ былъ эlegantнѣе, развитѣе и легче, чѣмъ его братъ Алексѣй, такъ что сказать нечего: гетманъ Кириллъ Григорьевичъ могъ еще очень и очень нравиться женщинамъ.

Притомъ нельзя не сказать, что много украсила молодцоватую фигуру Разумовскаго исключительная характеристика его гетманскаго мундира. Красиво вышитый золотомъ и украшенный брилліантами, этотъ мундиръ самымъ повроемъ составлялъ совершенную противоположность общему французскому востюму того времени, который, своею формою, какъ-бы указывалъ на изнѣженность, роскошь и барство. Мундиръ Разумовскаго придавалъ ему видъ мужественности, зрѣлости, самостоятельности и рѣзко отличалъ отъ всего, что ступшевывалось до ничтожества самымъ востюмомъ. Черные глаза и черные волосы, которые онъ какъ-то искусно подстригалъ подъ хохлацкій типъ, въ отличіе отъ всѣхъ бѣлыхъ пудренныхъ головъ, — парика безъ особой нужды онъ не носилъ, — придавали его фигурѣ такую оригинальность и выразительность, что многія и многія на него засматривались. Между женщинами онъ вообще еще имѣлъ успѣхъ, хотя былъ безъ мала уже пятнадцать лѣтъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной и имѣлъ въ это время отъ нея одинадцать человѣкъ дѣтей.

Женитьба его состоялась по инициативѣ и настоянію государыни Елисаветы Петровны вскорѣ по возвращеніи его изъ Парижа съ Тепловымъ, подъ руководствомъ котораго онъ слу-

шалъ тамъ курсъ военныхъ и политическихъ наукъ, учился свѣтскому обращенію и вообще переработывался изъ хохлацкаго дьячка во французскаго петиметра. Екатерина Ивановна Нарышкина была скромная, тихая, но невзрачная особа, за то богатѣйшая наслѣдница во всемъ государствѣ. Государыня, желая сблизить Разумовскихъ съ родовыми фамиліями и до возможной степени увеличить ихъ богатство, устроила этотъ бракъ, когда Кириллу Григорьевичу не было еще 22 лѣтъ; бракъ безъ любви, по расчету, но бракъ вполнѣ счастливый по совершенной безответственности жены и полной сдержанности и уваженія къ ней мужа, хотя и любящаго иногда пошалить, но никогда не нарушавшаго границъ приличія.

Впрочемъ, нарушать эти границы ему не было повода... Екатерина Ивановна, если не была красавицей, то была моложе его пятью годами; по образованію своему она вполнѣ соотвѣтствовала нахватавшему вершковъ въ Парижѣ хохлацкому петиметру; по своему нравственному свойству была преданной, вѣрной женой, истинной подругой жизни, которая, относясь къ мужу снисходительно, не можетъ не удерживать при себѣ постоянно его душевнаго чувства. Она дарила ему по ребенку чуть ли не каждый годъ, и Кирилль Григорьевичъ ни въ какомъ случаѣ не могъ жаловаться на то, что по неплодородію супруги, можетъ исчезнуть съ лица земли его вновь испеченный графскій родъ.

Онъ, впрочемъ, и не жаловался. Допуская, съ своей стороны, весьма нерѣдко, постороннія развлеченія, то дешеваго домашняго разврата, то дорогаго, утонченнаго французскаго сладострастія съ наѣзжавшими изъ Парижа прелестницами, онъ душою и сердцемъ принадлежалъ семьѣ. Любитъ женщину какъ женщину, но не исключительно матеріально, не только плотски, со стороны одной чувственности, но любитъ душой, сердцемъ, воображеніемъ,—ему не случалось никогда, даже тогда, когда его друзья сожалѣли о разрывѣ какихъ-то его близкихъ отношеній, которыя, они полагали по внѣшности, должны его весьма огорчать. Съ хохлацкимъ хладнокровіемъ онъ выслушивалъ извѣстія объ измѣнѣ своей любовницы, хотя до того казалось, что онъ такой измѣны не перенесетъ. Дѣло въ томъ, что ни тогда, когда онъ, еще юный, вѣнчался онъ съ своею невѣстою, по волѣ государыни, едва сознавая что дѣлаетъ, ни послѣ, когда шалость и легкомысліе бросали его изъ стороны въ сторону, онъ не зналъ и едва ли даже понималъ, что такое любить. Пожалуй слово любовь онъ опредѣлилъ бы понятіемъ о пріят-

номъ развлеченіи отъ супружескихъ обязанностей. А можетъ быть онъ бы связалъ: любить женщину значить имѣть отъ нея дюжину дѣтей... Въ томъ и другомъ отвѣтѣ свѣтилась бы его мысль о женщинѣ, какъ о самкѣ, съ которою дѣйствительно и время приятно провести можно, и дѣтей имѣть... Мягкость ли его характера, быстрая ли переменна въ его судьбѣ, охватившая все его вниманіе внѣшностью положенія, только никакое глубокое чувство не волновало никогда его малороссійскаго юмора, и онъ не волновался ничѣмъ и ни отчего. 'Вдругъ онъ почувствовалъ, что все это не то, что онъ можетъ истинно и глубоко любить...

Императрица Елисавета, послѣ одного изъ тяжелыхъ припадковъ, случившихся съ нею въ Москвѣ, по своей религіозности, дала себѣ обѣтъ сходить изъ Москвы пѣшкомъ въ Троице-Сергіевскую лавру. Она совершала этотъ подвигъ исподоволь. Пройдетъ верстъ пять и возвращается назадъ въ каретѣ; на другой день доѣзжаетъ до того мѣста, гдѣ вчера остановилась и опять идетъ сколько достанетъ силъ. Когда путь ея былъ близокъ къ половинѣ, то дворъ расположился въ Тайницкомъ и Раевѣ, гдѣ былъ старый загородный дворецъ.

Разумовскій съ женою жили въ петровскомъ превосходномъ подмосковномъ нарышкинскомъ имѣніи, полученнымъ Разумовскимъ за женою. По обязанности камергера, разумѣется, онъ долженъ былъ нерѣдко бывать въ Раевѣ.

Еще тогда, молоденькая великая княгиня, съ свѣтлымъ взглядомъ, необыкновенно приятною улыбкою и обдуманно любезною рѣчью, произвела на него впечатлѣніе. Его тянуло невольно въ Раево и онъ бывалъ тамъ чуть-ли не каждый день. Но все это было еще не то. Ему было отрадно слушать ее, было приятно смотрѣть. Ему казалось, что и солнце яснѣе при ней, что и цвѣты душистѣе, — но все не то... Но вотъ нѣсколько лѣтъ назадъ его пригласилъ къ себѣ на сепаратный вечеръ англійскій посланникъ баронетъ Вильямсъ. Это было во время самой отчаянной дипломатической борьбы англичанъ и австрійцевъ за влияніе при петербургскомъ дворѣ. Австрійцы стремились всѣми мѣрами сблизить Россію съ Франціею, съ которою уже заключили союзъ, для совмѣстнаго дѣйствія противъ прускаго короля Фридриха II. Англичане хотѣли во что бы то ни стало такого сближенія не допустить, и для того старались убѣдить русскій дворъ отказать принять французскаго посланника, пугая, что со стороны этого посланника явятся интриги, клонящіяся къ отстраненію отъ наслѣдства великаго князя Петра Θεодоровича, по извѣстному его расположенію къ прусскому королю. Англи-

Чѣне только что заключили союзный договоръ съ Пруссіей, а какъ у нихъ былъ субсидный договоръ и съ Россіей, то они желали соединить общіе интересы и сдѣлать Россію для Пруссіи, по крайней мѣрѣ, безопасною.

Естественно, что указывая главнѣйшимъ основаніемъ недопущенія французскаго посланника въ Петербургъ вѣроятность его интригъ противъ молодаго двора, сэръ Вильямсъ долженъ былъ стремиться всѣми мѣрами къ сближенію съ великимъ княземъ и великою княгиніею. Въ видахъ этого сближенія, зная, что великая княгиня весьма любитъ умственныя занятія, сэръ Вильямсъ давалъ литературно-музыкальный вечеръ для самаго интимнаго кружка, среди котораго красовалось и имя великой княгини.

Разумовскій, проводя время свое большею частью при дворѣ въ Петербургѣ и Москвѣ и считая одною изъ самыхъ непріятнѣйшихъ и сквернѣйшихъ обязанностей своихъ по гетманству необходимость ѣздить въ Малороссію, вѣроятно, видѣлъ до того великую княгиню и проводилъ съ нею время у государыни, у ней самой, у разныхъ высшихъ лицъ, по меньшей мѣрѣ сто разъ. Не разъ онъ имѣлъ счастье даже принимать ее у себя и, мало-по-малу, весь отдавался тому влиянію, которое, какъ умная женщина, она умѣла распространять на всѣхъ въ чемъ либо нужныхъ ей людей.

Но ни съ его стороны, ни съ ея не было сдѣлано ни одного шага для болѣе короткаго сближенія. Она, какъ женщина, разумѣется понимала впечатлѣніе, ею производимое, но молчала, можетъ быть, потому, что, съ своей стороны, вовсе не увлекалась Разумовскимъ. Онъ молчалъ уже и потому, что слишкомъ идеализировалъ чувство, къ которому признавалъ себя до того неспособнымъ, поэтому сомнѣвался, робѣлъ, терялся въ ея присутствіи. Понятовскаго давно не было. Сплетня, которая любила касаться всѣхъ, особенно въ періодъ тогдашняго общественнаго легкомыслія, успѣла смолкнуть. Впрочемъ, она, эта сплетня, впоследствии не производила на Разумовскаго никакого впечатлѣнія. Онъ зналъ, что кто чѣмъ выше, тѣмъ сплетня касается того чаще. Великая княгиня, съ вечера Вильямса, на которомъ она сумѣла высказать и свое знаніе, и свою начитанность, и свой умъ, казалась ему идеаломъ, передъ которымъ все должно было склоняться; онъ и склонился передъ нею, и боготворилъ въ ней свой идеаль.

Но вотъ, въ одинъ изъ припадковъ болѣзни государыни, за который весьма боялись, что онъ окончится катастрофою, Екатерина подошла къ нему и сказала:

— Графъ Кириллъ Григорьевичъ, государыня-тетушка опасно больна. Я опасаюсь, въ случаѣ несчастія, за мою жизнь, за жизнь моего сына! Могу-ли я на васъ разсчитывать?

— Государыня, отвѣчала Разумовскій, полный восторга отъ оказываемой ему, видимо, предпочтительно передъ всѣми довѣренности.— Моя жизнь—это самая ничтожная и едва-ли къ чему нибудь пригодная жертва, которую я могу принести на защиту вашу; но мое состояніе и мой измайловскій полкъ... Разумовскій числился подполковникомъ измайловскаго полка и распоряжался его хозяйствомъ, такъ какъ полковникомъ всѣхъ трехъ полковъ гвардіи считалась сама государыня.— Мой полкъ и мое состояніе будутъ во всякую минуту готовы, чтобы защищать васъ до послѣдней капли крови.

Екатерина бросила благодарный взглядъ и подала ему руку.

— Я не забуду этого, графъ, повѣрьте, разсчитывайте и на меня!

Тогда императрица Елисавета выздоровѣла и не потребовалось ничего. Но вотъ прошло нѣсколько лѣтъ и государыня умерла. Ея наслѣдникъ, великій князь, теперь императоръ, не только не отстранилъ опасность отъ своей жены и сына, но явно угрожалъ имъ. Екатеринѣ понадобилась та преданность, о которой заявлялъ когда-то Разумовскій. И въ этой преданности она не обманулась. Разумовскій привезъ ей миліонъ, далъ ей Теплова и отвѣчалъ за измайловскій полкъ. Она пріѣхала въ этотъ полкъ и встрѣтила первую опору, которая дала основаніе всему дальнѣйшему.

— Я ваша! говорила она Разумовскому передъ тѣмъ, какъ она колебалась въ своемъ рѣшеніи. Она рѣшилась—и успѣхъ былъ полный. Теперь нужно было благодарить и наградить.

Разумовскій вошелъ съ тою хохлацкою неуклюжестью въ походкѣ, отъ которой никакъ не могъ освободиться, не смотря на все стараніе въ изученіи танцевальныхъ позицій, поклоновъ и *pas de glissade*, преподаваемыхъ французскими балетмейстерами и балеринами, и изученіе всевозможныхъ минуэтовъ, матрадуровъ, алегеровъ и кадрилей, долженствовавшихъ служить въ граціозному развитію движеній. Эта неуклюжесть походки, которой, какъ мы сказали, младшій Разумовскій побѣдить никакъ не могъ, въ послѣднее кратковременное царствованіе доставила ему множество огорченій. Она служила постояннымъ предметомъ шутки бывшаго императора, который умышленно заставлялъ нѣсколько лишнихъ разъ проходить мимо себя измайловскій полкъ, чтобы посмѣяться надъ гетманомъ-фельдмаршаломъ, долженство-

вавшимъ идти впереди, какъ его подполковникъ. При этомъ государь и кричалъ на него, и передразнивалъ, и вслѣски унижалъ.

— Убратъ брюхо, вытянуть носки, грудь впередъ! кричалъ государь. — Стой! Что это? Первымъ учебнымъ шагомъ! Ра-а-а-зъ!

И начиналась тиранія, которой долженъ былъ подчиняться весь полкъ. Но это уже все ушло. Теперь, не смотря на свою неуеуюжестъ, Разумовскій вопель особенно свободно, вопель съ нѣеоторымъ даже апломбомъ. Въ самомъ дѣлѣ, данный имъ Тепловь былъ чуть-ли не главнымъ дѣйствующимъ лицомъ втеченіи всего переворота, во всѣхъ его перипетіяхъ. Онъ и писалъ, и говорилъ, и сражался. Наконецъ, онъ помогаль Орлову, Бярятинскому и Баскакову въ Ропшѣ. Измайловскій полкъ доказаль на дѣлѣ, что Разумовскій свое дѣло болѣе чѣмъ сдѣлаль; да и миллионъ, разумѣется, не помѣшаль. Наконецъ, развѣ можно не оцѣнить его самопожертвованія, что онъ, можно сказать, слиль свою участь съ ея предпріятіемъ, явившись у самой заставы къ ея отряду, если не въ дѣйствительности имъ предводительствовать, то дать предводительству свое имя русскаго фельдмаршала и малороссійскаго гетмана, и такимъ образомъ сталь во главѣ возмущенія, когда же? когда семейство свое, по требованію императора, онъ отправиль къ нему въ Ораніенбаумъ прямо съ дороги изъ Гостилицъ, гдѣ настигло его это требованіе.

«Благодарность будетъ, должна быть! думаль Разумовскій, входя. — Какую только форму дадутъ этой благодарности?»

Онъ шель съ нѣеоторымъ, какъ мы сказали, апломбомъ и весьма изумилься, найдя государыню не одну.

Екатерина рѣшила въ своемъ умѣ придать форму благодарности своей Разумовскому самую искреннюю, самую задушевную, но такую, въ которой онъ видѣль бы, что именно онъ можетъ ожидать отъ нея.

Она пошла къ нему на встрѣчу, подала ему обѣ руки, высказывая въ самыхъ симпатичныхъ словахъ свое сознаніе, какъ она много ему обязана и какъ благодарна; вмѣстѣ съ тѣмъ она обратилась къ Орлову, какъ человѣку домашнему, человѣку ея интимной жизни, и проговорила:

— Грегуаръ, уступи свое кресло графу, мы съ нимъ хотимъ поговорить по сердцу, по душѣ; перейди вонъ на диванъ, если хочешь; я буду исповѣдывать графа, чтобы онъ мнѣ высказаль свои мысли, свои желанія, и я бы знала, чѣмъ я могу быть ему полезной, чѣмъ могу выразить ему свою глубокую благодарность.

Орловъ, послѣ вѣжливаго и почтительнаго поклона гетману,

перешелъ на диванъ, но не думалъ уходить. Онъ видимо былъ свой; отъ него не было секретовъ и онъ зналъ, что и о чемъ государыня хочетъ съ Разумовскимъ говорить.

Сознаніе этого убило все самодовольствіе Разумовскаго, съ которымъ онъ входилъ, думая, что онъ будетъ одинъ на одинъ и можетъ быть высказать... Присутствіе Орлова измѣнило смыслъ самыхъ нѣжныхъ, самыхъ задушевныхъ фразъ.

— Я не въ силахъ доказать вамъ мою преданность и благодарность матеріально, какъ бы я хотѣла. Мое казначейство, благодаря затѣямъ моего супруга, такъ бѣдно, что я въ настоящую минуту даже не въ силахъ немедленно возвратить то, что подлежитъ вамъ къ возврату; тѣмъ не менѣе я сдѣлаю все... вмѣстѣ съ другими, вамъ назначена пенсія, хотя, разумѣется, вы не подумаете, чтобы этою пенсіею я желала скольконибудь выразить вамъ свое сознаніе, сколько я вамъ обязана. Нѣтъ, нѣтъ! Я хотѣла только, чтобы вы видѣли, что о васъ думаютъ! И я надѣюсь, вы убѣдитесь, что имя Разумовскихъ, какъ по ихъ отношенію къ покойной тетушкѣ, такъ и ко мнѣ, будетъ всегда однимъ изъ самыхъ близкихъ моему сердцу.

Когда она это говорила, Орловъ обратился къ ней безцеремонно съ вопросомъ по поводу какого-то чертежа и назвалъ ее не государыня, не ваше величество и даже не именемъ и отчествомъ, а именемъ, полнымъ нѣжности и любви.

У Разумовскаго кровь бросилась въ голову. Онъ видѣлъ, что между ними все кончено, и раскланялся.

«Что онъ? Она выйдетъ за него замужъ? подумалъ онъ, уходя.—Ничего нѣтъ удивительнаго, прибавилъ онъ, вспоминая изящную профиль Григорія Орлова, его стройность, ловкость и выразительные глаза.—Что-жъ тутъ удивительнаго? Вѣдь брату удалось же, а Григорій Орловъ—это Атены по граціи и красотѣ».

Онъ ухалъ огорченный, но чувствовалъ, что мысли и сердце его лежатъ у ногъ государыни, что отдѣлать себя отъ нея, забыть ее, онъ не въ состояніи.

Пока онъ садился въ экипажъ, чтобы ѣхать въ аничкинъ дворецъ къ брату,—къ государынѣ, уже съ общей половины, вошла Дашкова. Она нашла уборную запертою, поэтому не могла пройти такъ, какъ прошла утромъ, и должна была обойти кругомъ.

Она вошла блѣдная, съ помутившимся взглядомъ и дрожащими губами.

Не обращая вниманія на Орлова,—ей отношенія были извѣстны,—она подошла къ императрицѣ и сказала:

— Вотъ, государыня, прошеніе, которое вы желали получить отъ Никиты Ивановича.

Государыня обрадовалась.

— Новая услуга, милая, добрая! Переломила-таки упрянца. Я была увѣрена...

— О, государыня, не говорите! Мое самоотверженіе и преданность вашему величеству заставили меня зайти такъ далеко, какъ...

И она какъ-то несмѣло подняла глаза; но увидѣвъ, что Орловъ въ это время взглянулъ на нее, сейчасъ же потупилась.

— Онъ подписалъ, подписалъ! Какъ мнѣ благодарить тебя? продолжала императрица, не придавая словамъ княгини Дашковой особаго значенія, будто не понимая ихъ.—Кстати ты говорила, что у тебя нѣтъ дома въ Петербургѣ. Знаешь домъ, что Петръ хотѣлъ подарить Мельгунову послѣ розогъ, которыми онъ его отпотчивалъ, переѣзжай въ него, онъ твой!

— Государыня, милости ваши выше всѣхъ ожиданій! и Дашкова горячо начала цѣловать ей руку, потомъ чрезъ минуту полусутоливо прибавила вполголоса, смотря Екатеринѣ прямо въ глаза.—Если-бы вы знали, государыня, какой онъ неловкій, гадкій!

— Ну, ну, смѣясь отвѣчала государыня, затушевывая ее слова.—А на новоселье я пришлю тебѣ тотъ серебряный сервизъ, который мнѣ, помнишь, подарила императрица Елисавета и которымъ ты такъ восхищалась.

Дашковой вновь пришлось благодарить.

— Ну что говсрятъ въ городѣ? спросила государыня.

Начался перечень новостей. Дашкова болтала безъ умолку. Всѣмъ было весело, и казалось больше всѣхъ Екатеринѣ, тогда какъ въ дѣйствительности мысли ее были слишкомъ далеко отъ веселыхъ разсказовъ и городскихъ анекдотовъ. Потомъ на мысль ей пришелъ Панинъ. «Его нужно привлечь къ себѣ непременно, думала Екатерина.—Онъ мнѣ дѣйствительно будетъ полезенъ... Она, прибавила про себя Екатерина, думая о Дашковой, —она была хороша для перваго шага, далѣе она не годится. Панинъ слишкомъ уменъ, чтобы ее не раскусилъ. Лучшее средство сойтись съ нимъ, въ самомъ дѣлѣ собрать депутатовъ, для комисіи какой, что ли?» Въ эту минуту къ ней впервые пришла эта мысль; она начала обдумывать ее, и плодомъ такой думы оказался въпослѣдствіи ея знаменитый навазъ.

II.

Не всё предположенія исполняются.

Въ Парижѣ, по минованіи Сентъ-Жерменскаго предмѣстья, въ направленіи къ Лувру и Тюльери, почти противъ самаго Лувра, стало быть пройдя уже Пале-Рояль, отдавался въ наймы небольшой отель вдовствующей герцогини Праленъ.

Почему и зачѣмъ старой герцогинѣ, ни съ того, ни съ сего, вздумалось вдругъ отдавать свой отель въ наймы, хоть за какуюнибудь цѣну, а если найдется покупатель, то и продать, — такъ и было написано къ общему управляющему имѣніями Праленовъ, герцога и графовъ, — къ общему удивленію всей дворни, не только въ продаваемомъ отелѣ, но и въ большемъ, стоявшемъ въ Сентъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, такъ называемомъ праленовскомъ дворцѣ, никто не зналъ. Всѣ толковали, разсуждали, но никто ничего не могъ сказать опредѣлительнаго, ибо не было ничего, чтобы указывало на какое либо измѣненіе дѣлъ въ семействѣ Праленовъ, или какое нибудь обстоятельство, которое могло бы оправдать столь чрезвычайную мѣру.

Старая герцогиня была очень богата, очень стара и втеченіи всей жизни своей очень любила свой маленькій отель, въ которомъ, кромѣ парадныхъ комнатъ и комнатъ, занимаемыхъ ею при пріѣздѣ въ Парижъ и совершенно недоступныхъ въ ея отсутствіе, жили еще старая кормилица ея старшаго сына, убитаго подъ Прагою въ первой силезской войнѣ, пикардійская крестьянка, лѣтами немного моложе самой герцогини, съ дочерью и внукомъ, здоровеннымъ малымъ, нанимавшимся теперь для разноски воды; затѣмъ привратникъ съ семействомъ, изъ разорившихся фермеровъ герцогини, сынъ котораго занималъ теперь важное мѣсто камердинера при второмъ сынѣ герцогини, графѣ Праленъ, статсъ-секретарѣ иностранныхъ дѣлъ христіаннѣйшаго короля.

Глава дома, Жозефъ-Баптистъ герцогъ де-Праленъ, сынъ убитаго, былъ еще, какъ говорила герцогиня, совершенный мальчишъ, но съ задатками быть столь же храбрымъ, какъ его отецъ, столь же красивымъ, какъ его дѣдъ, и столь же знаменитымъ, какъ его прадѣдъ, — по крайней мѣрѣ его бабушка отъ души тому вѣрила и съ совершенно покойною совѣстью увѣряла въ томъ другихъ. «Теперь онъ ребенокъ, повторяла герцогиня, рассказывая о немъ, — совѣмъ еще дитя, не знающій

даже того, что его положеніе дозволяетъ ему смотрѣть на свѣтъ не совсѣмъ монастырскими глазами; но дитя, что же вы хотите, совершенное дитя!» И герцогиня плакала отъ умиленія, разсуждая о молодости и будто бы полной наивности своего внука, въ то время какъ забавы молодого герцога, какъ будетъ видно ниже, ни въ какомъ уже случаѣ не могли относиться къ разряду дѣтскихъ.

Третій сынъ герцогини былъ абать; но абать, надѣявшійся быть кардиналомъ, большой пріятель съ маркизой Помпадуръ и всѣми бывшими и вѣроятно могущими быть въ будущемъ королевскими любимицами. Онъ дѣлалъ видъ, будто руководить воспитаніемъ молодого герцога Пралена, долженствовавшаго быть главою дома, хотя въ сущности ничѣмъ до него не касался. По его протекціи, въ отелѣ матери, кромѣ семейства привратника и старой пикардійки, жила еще особа, вѣроятно довольно скромнаго происхожденія, такъ какъ она подписывалась просто Эмилія Трей, не присваивая себѣ столь существенной въ то время и столь завидной частицы *de*. У ней было четверо дѣтей, какъ двѣ капли воды похожихъ на милаго абата, который вѣроятно принималъ въ ней горячее участіе, такъ какъ изъ большаго отеля заѣзжалъ къ ней непременно каждый день.

— Теперь, разсуждали привратникъ съ женою и старую пикардійвою, — если отдавать отель въ наймы, какъ онъ есть весь, куда же дѣнутся прежде всего они: Жанъ-Фу и его супруга, которые по мѣсту, занимаемому ихъ сыномъ при графѣ министрѣ, имѣютъ право на вниманіе; потомъ старая пикардійка, которой герцогиня обѣщала уголь по смерти; наконецъ, мадамъ Эмилія съ своими дѣтьми, такъ напоминающими абата, и которыхъ старая герцогиня, при пріѣздѣ въ Парижъ, всегда призываетъ къ себѣ, никогда не допуская до себя ихъ маменьку, — всегда много ласкаетъ и обдариваетъ. Наниматель, тѣмъ болѣе покушникъ какой бы онъ ни былъ, пояснялъ Жанъ Фу, — не захочетъ держать въ своемъ домѣ всю эту ораву и непременно выгонитъ всѣхъ насъ на улицу. Если же нанимать для насъ особое помѣщеніе, то придется пожалуй заплатить дороже, чѣмъ можно получить за отель.

Всѣ эти разсужденія однако-жъ оказались праздными. Отель былъ снятъ и никто не выгнанъ. Дѣло въ томъ, что предписаніе объ отдачѣ въ наймы или продажѣ отеля было то, что называется празднословіемъ. Оно должно было служить доказательствомъ, что старая герцогиня ничего не знаетъ о составленныхъ проектахъ и не имѣетъ никакихъ предположеній. Она

просто по хозяйственнымъ соображеніямъ рѣшила продать или отдавать въ наймы. свой совершенно излишній парижскій домъ, такъ какъ, по своимъ лѣтамъ, прїѣзжаетъ въ Парижъ весьма рѣдко и можетъ останавливаться въ большомъ праленовскомъ дворцѣ, который за несовершеннолѣтіемъ внука и помѣщеніемъ втораго сына въ отелѣ министерства, стоялъ совершенно пустой, такъ какъ абать и молодой герцогъ жили во флигель.

И такъ, предписаніе было дано съ цѣлью удостовѣрить каждаго, чему всѣ вѣрить и должны были, что герцогиня изволила приказать отдавать въ наймы свой отелъ безъ всякой задней мысли и что она не знаетъ, ни кто найметъ его, ни зачѣмъ найметъ, ни какія послѣдствія могутъ быть изъ такого найма; тогда какъ въ сущности отдача отела въ наймы обуславливалась совершенно иными соображеніями.

Въ концѣ 1748 года отношенія Франціи къ Россіи были весьма натянуты. Послѣ того, какъ раскрылись всѣ нити интригъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ д-Амелота, черезъ бывшаго послѣ въ Россіи маркиза Шетарди, и положительномъ неуспѣхѣ его преемника, графа Дальона, и послѣ того, какъ смерть князя Кантемира оставила французскій дворъ при одномъ русскомъ повѣренномъ, что заставило и Францію отозвать своего посла, а французская политика, сблизясь съ прусскою, становилась къ намъ въ явно враждебныя отношенія, — императрица Елисавета, подчиняясь вліянію своего канцлера, начала склоняться къ сторонѣ Маріи Терезіи. Правда, въ Россіи была довольно значительная партія, готовая отдать преимущество союзу съ Франціей противъ союза съ Австріей. Къ этой партіи принадлежалъ и Воронцовъ. Но эта партія была, во первыхъ, видимо слаба; а во вторыхъ, удерживалась въ своемъ принципѣ скорѣе изъ вражды къ канцлеру Бестужеву, чѣмъ изъ дѣйствительнаго сочувствія Франціи. Въ это время въ головѣ одного изъ хитрѣйшихъ представителей знаменитаго Лойоли, абата Флавіо д'Аржанто, созрѣлъ и окрѣпъ довольно хитро придуманный планъ.

Онъ придумалъ, чтобы молодаго герцога де-Праленъ, которому тогда минуло 22 года и который признавался представителемъ одного изъ знаменитѣйшихъ именъ Франціи, женить на долженствовавшей выйти изъ колегіума семнадцатилѣтней княжнѣ Владимірской-Зацѣпиной, какъ на дѣвушкѣ, происхождение которой весьма легко могло предоставить ей политическое значеніе.

Онъ рассуждалъ такъ. «Родовое имя княжны принадлежить

династіи, 750 лѣтъ управлявшей Россіей. Теперь, по родству, она родная племянница покойной императрицы Анны. Правда, въ настоящее время царствуетъ дочь Петра Великаго, стало быть престолонаслѣдіе укрѣпляется за другой, младшей линіей дома Романовыхъ, составляющей потомство Петра. Но, во первыхъ, потомство это разъ уже было отстранено отъ престолонаслѣдія совѣтомъ вельможъ; а во вторыхъ, все оно заключается только въ двухъ дочеряхъ, изъ коихъ одна уже умерла, оставивъ послѣ себя только одного сына, а другая, по крайней мѣрѣ въ виду свѣта, остается дѣвицею. Стало-быть весь вопросъ заключается въ молодомъ принцѣ, о которомъ говорятъ мало хорошаго. Говорятъ, что онъ не любимъ народомъ, и что впрочемъ и самъ онъ, этотъ принцъ, не любитъ и презираетъ русскій народъ, гордясь своимъ нѣмецкимъ происхожденіемъ. Какъ истинный кнехтъ, — рассказываютъ про него, — онъ не можетъ представить себѣ ничего выше нѣмецкаго капрала, который рассчитываетъ, что если ему, за неисправность часоваго, дали 12 фухтелей, то по смѣнѣ этого часоваго, онъ долженъ отпустить ему по крайности 18, на томъ основаніи, что во первыхъ, полученные имъ капраломъ фухтеля дороже солдатскихъ, а у него кожа капральская, а не солдатская; во вторыхъ, потому что онъ не передаточная машина какая нибудь, а настоящій нѣмецкій капраль, и если онъ изъ-за неисправности этой шельмы часоваго терпѣлъ, то долженъ заставить терпѣть его съ процентами.

«Такой принцъ, рассуждалъ про себя Флавіо д'Аржанто, — съ такими понятіями, правилами, идеалами, не можетъ приобрести народную любовь, не можетъ вызвать себѣ симпатію. А при такомъ положеніи весьма легко, что престолонаслѣдіе опять перейдетъ къ старшей линіи дома Романовыхъ, потомству старшаго брата Петра, Ивана Алексѣевича. Правда, представителемъ этой линіи долженъ быть признанъ императоръ; уже объявленный, принцъ Иванушка, какъ его называютъ русскіе, сынъ принца Антона Брауншвейгскаго. Но во первыхъ, гдѣ онъ и живъ ли еще? А если и живъ, то воспитанный въ каменномъ мѣшкѣ, какъ называютъ русскіе свои страшныя тюрьмы, можетъ ли онъ быть способенъ къ царствованію? А если нѣтъ, то единственная и послѣдняя отрасль династіи Романовыхъ будетъ она, княжна Владимірская, родная племянница царицы Анны и внука царя Ивана Алексѣевича.

«Положимъ, рассуждалъ отецъ Флавіо, — что нынѣшній наследникъ, великій князь, сойдется съ народомъ; положимъ, что

у него могутъ быть дѣти; положимъ, наконецъ, что и Иванушка выйдетъ изъ мѣшка вполне способнымъ и любимымъ; но какова гроза-то на всѣхъ у насъ будетъ въ рукахъ? Прямая наследница! Недовольные всегда есть и будутъ! У насъ всегда въ рукахъ есть средство разжечь ихъ недовольство, а опора ему будетъ. Прямая и законная наследница. Это будетъ далеко подтверже, чѣмъ спасшійся будто чудомъ отъ убійства царевичъ; а и съ царевичемъ мы таки надѣлали дѣлъ; теперь пожалуй поведемъ эти дѣла удачнѣе... «Опять и то, рассуждалъ про себя іезуитъ, — малолѣтній императоръ, Іоаннъ V, разумѣется возбуждаетъ къ себѣ жалость; но его никто не видалъ, никто не знаетъ, затѣмъ никто о немъ и не думаетъ. Другое дѣло — рѣдкая красавица, умная, сдержанная, воспитанная... Одно жаль — не знаетъ по-русски; но что дѣлать? Въ условіи воспитанія, полученіе денегъ особо обуславливалось незнаніемъ русскаго языка. Теперь воспитаніе кончено и она можетъ заняться имъ; это прежде всего. Да теперь впрочемъ въ Россіи уже многіе говорятъ по-нѣмецки и по-французски, такъ что незнаніе ею русскаго языка едва-ли будетъ препятствіемъ къ полученію ея партіи тамъ преобладающаго значенія. А тогда, тогда?»

Флавіо д'Аржанто думалъ обо всемъ этомъ не одинъ мѣсяцъ; наконецъ, рѣшился написать къ своему бывшему питомцу, князю Петру Никитичу Трубецкому, сыну Никиты Юрьевича, шифрованное письмо тѣмъ ключемъ, который ему когда-то показывалъ. Петръ Никитичъ былъ еще молодъ, но по лѣтницѣ чиновъ шель быстро. Онъ былъ уже капитаномъ гвардіи, камергеромъ и членомъ юстицъ-колегіи. Недолго задумаются, надобно полагать, при покровительствѣ батюшки, чтобы сдѣлать его и сенаторомъ. Отецъ Флавіо жилъ въ домѣ Трубецкихъ около трехъ лѣтъ, для обученія цѣлаго пансіона изъ дѣтей Трубецкаго отъ его двухъ женъ, пасынковъ и взятыхъ имъ племянниковъ, и могъ рассчитывать на нѣкоторое къ себѣ вниманіе, не только дѣтей, но и отца, самого Никиты Юрьевича.

Петръ Никитичъ показалъ разумѣется письмо тонкаго іезуита отцу и по его совѣту отвѣчалъ не шифромъ, а просто по-французски, но отвѣчалъ такъ, что какъ говорилъ отецъ: «комару негдѣ было поточить носа».

Іезуитъ понялъ интригана и между ними началась переписка самая простая, самая невинная, какъ между учителемъ и ученикомъ, его уважающимъ. Въ отвѣтахъ Петра Никитича разумѣется была замѣтна рука Никиты Юрьевича; но іезуитъ

и вида не подавалъ, что онъ подозрѣваетъ, что письма его читаются не однимъ только его ученикомъ.

Вотъ на основаніи этой-то переписки, Флавіо и составилъ свой планъ. По этому плану, сама не зная того, наша княжна Анастасія-Елисавета попала въ отель герцогини Праленъ. По этому плану къ ней въ покровительницы или дуэньи попала вдова генерала изъ старинной хорошей фамиліи, Марія де-Куртней; по этому плану обстановка, жизнь и отношенія русской княжны Владимірской начались такъ прилично, такъ роскошно и такъ нравственно, по крайней мѣрѣ съ внѣшней, газовой стороны, что, благодаря усердному распространенію слуховъ отцами іезуитами, тогдашній Парижъ могъ только разѣвать ротъ. Притомъ-же нельзя было не замѣтить, что все это обходилось княжнѣ относительно столь дешево, что нельзя было и думать, что княжна можетъ захотѣть что нибудь перемѣнить...

— Разумѣется, ваша свѣтлость, десять миліоновъ франковъ не Богъ знаетъ какое состояніе, говорилъ абать Флавіо д'Аржанто герцогинѣ де-Праленъ. — Но я вамъ докладываю, что состояніе это болѣе чѣмъ удесатерится при выполненіи нѣкоторыхъ условій, въ завѣщаніи прописанныхъ. Условія эти легко могутъ быть измѣнены. Въ Россіи, при надлежащихъ хлопотахъ, все можетъ быть измѣнено. А тогда состояніе это, именно состояніе царское. Болѣе ста пятнадцати миліоновъ франковъ, дающихъ по высокости процентовъ на капиталъ въ Россіи, болѣе десяти миліоновъ франковъ дохода. Покажите мнѣ на нѣмецкаго государя, который имѣлъ бы таковой доходъ, безъ обязанности нести соотвѣтственный расходъ. Это положительно царское состояніе, герцогиня!

— Это такъ! отвѣчала лѣнливо старая герцогиня. — Но я какъ то не вѣрю въ эти отдаленныя богатства на концахъ свѣта; не люблю я ни американскихъ, ни индѣйскихъ, ни русскихъ приданныхъ. Очень вѣрю, что онѣ существуютъ; но какъ-то, знаете, для глаза невидимы, такъ поневолѣ сомнительны. А герцогъ де-Праленъ, такое имя... Къ тому-же вы говорите, что еще нужно отстранить условія...

— Нашъ орденъ, ваша свѣтлость, распространяетъ свои дѣйствія по цѣлому міру, поэтому онъ ближе всего можетъ ознакомиться, чему можно вѣрить и что представляется однимъ миражомъ. Вашъ внукъ, герцогъ, многолюбимый и вѣрный сынъ церкви, поэтому не можетъ не быть предметомъ заботливости ея преданнѣйшихъ служителей, и они не могутъ допустить, чтобы онъ могъ подвергнуться обману. Здѣсь, въ разсужденіи

состоянія, обмана нѣтъ. Но я веду свою рѣчь, ваша свѣтлость, не собственно о состояніи. Высшіе интересы слишкомъ важны, чтобы имъ можно было предпочитать даже сотню миліоновъ. Княжна, не считая убогихъ, больныхъ и неразвитыхъ принцовъ, изъ коихъ одинъ запертъ гдѣ-то, какъ говорятъ, въ каменномъ мѣшкѣ, а другой хотя и объявленъ наслѣдникомъ, но видимо не способенъ не только царствовать, но и свободно располагать своей волей, причемъ его поступки до того дикы, что могутъ быть признаны невѣроятными,—за этими принцами, остается единственной представительницей царствующаго дома Романовыхъ, прямой наслѣдницей русскаго престола.

— Что такое? переспросила старая, честолюбивая герцогиня.— Какъ наслѣдницей?

— Такъ, престолъ можетъ достаться ей по наслѣдству. Въ Россіи женщины не отстраняются отъ престолонаслѣдія, а она единственная представительница...

— И вы думаете, что она можетъ быть русскою императрицей?

При этихъ словахъ герцогиня даже вздрогнула. Честолюбивыя стремленія рисовали уже передъ ней ея внука въ коронѣ и порфирѣ, рисовали владѣтелемъ четырехъ царствъ.

— Да! Она приходится родной племянницей царствовавшей передъ тѣмъ государынѣ Анны Іоанновны. Притомъ, родовое имя князей Владимірскихъ-Защѣпныхъ составляетъ одну изъ старшихъ линій прежней династіи царей московскаго дома. А вы знаете, герцогиня, Божья воля высказывается въ происхожденіи. Къ тому-же, русскіе весьма привязаны къ своей старинѣ. Одно имя Владиміра Равноапостольнаго Мономаха приводитъ ихъ въ восторгъ, хотя по бывшимъ тогда безпорядкамъ, они должны были поручить себя татарскому царевичу, родоначальнику нынѣшней династіи...

Невѣжественный французъ думалъ, что Владиміръ Равноапостольный и Владиміръ Мономахъ были одно лицо, что они оба были цари московскаго дома, что династія эта прекратилась избраніемъ татарскаго царевича Бориса Годунова, потомство котораго и царствуетъ до сихъ поръ, не смотря на свое, будто-бы китайское происхожденіе.

Видимо, что французъ вралъ безъ милосердія; но разумѣется не герцогинѣ де-Праленъ было указывать ему на историческія несообразности. Она, напротивъ съ удивленіемъ думала: «какъ эти люди все знаютъ!» и слушала его чуть не съ благоговѣніемъ.

— Теперь, продолжалъ хитрый иезуитъ,—пути Божіи неисповѣдимы. Если волей Промысла, при содѣйствіи всѣхъ силъ нашего ордена, свѣтлѣйшая княжна Владимірская, какъ представительница обѣихъ династій, займетъ мѣсто на прародительскомъ престолѣ своихъ предковъ, то можетъ быть на нее и ея благочестиваго супруга будетъ возложенъ тотъ великій подвигъ воссоединенія церквей, который привлечетъ къ стопамъ св. отца миліоны вѣрующихъ, погибающихъ теперь въ схизмѣ, и спасетъ такимъ образомъ цѣлыя страны отъ конечной гибели. Какое величіе, какая заслуга передъ Господомъ? Герцогъ Праленъ, руководя царствующей государыней какъ супругъ и истинно вѣрующій, приведетъ въ умиленію сердца ея подданныхъ и будетъ родоначальникомъ новой династіи великихъ христіаннѣйшихъ королей востока, столь-же великихъ, столь-же славныхъ, какъ и нашъ христіаннѣйшій король запада. Не завиднѣйшая ли доля, какъ для этой жизни, такъ и для будущей?..

— Да она, кажется, даже не католичка?

— Это не имѣетъ значенія! Господь Богъ избираетъ различныя орудія для достиженія своихъ божественныхъ цѣлей, иногда даже непостижимыя нашимъ слабымъ человѣческимъ разумомъ. Княжна, если и не просвѣтилась еще свѣтомъ истины, то не менѣе видимо способна воспріять благодать, ей ниспосланную. Внимательность ея къ нашимъ поученіямъ, ея скромность и сдержанность выше всякой похвалы. Весьма можетъ быть, что Господу угодно, чтобы высшая благодать осѣнила ее въ то время, когда она свое славное схизматическое имя сольетъ съ не менѣе славнымъ, но и любезнымъ для всего католическаго православія именемъ герцоговъ де-Праленъ, и когда станетъ думать о томъ, чтобы великому роду своему предоставить знаменитость не только царственную, но и духовную... Повѣрьте, герцогиня, и въ совпаденіи условій, и въ той случайности, что ея воспитаніе направилось въ нашему коллегіуму, видѣнъ перстъ Божій, которымъ указывается великое будущее, великая слава вашему потомству... великая слава имени герцоговъ Праленовъ, будущихъ императоровъ и царей, будущихъ просвѣтителей востока во славу истины...

— Я покоряюсь, св. отецъ, вашимъ словамъ. Вѣрю въ премудрость Божію. И если Богу угодно, чтобы мой внучекъ...

— Былъ великъ и славенъ! прервалъ ее иезуитъ,—былъ той звѣздой востока, которою Богъ благословилъ быть Людовику

Святому на западѣ, то вручите же судьбу его въ руки нашего ордена. Мы озаботимся имъ, какъ возлюбленнѣйшимъ и дражайшимъ сыномъ церкви, соединяя его съ невѣрною пока, но обращаемою уже на истинную стезю нашею приеменною дочерью, близкое, хотя и тайное обращеніе которой, будетъ пріятнѣйшимъ приношеніемъ небу...

Но останавливаясь на объясненіяхъ и предположеніяхъ довкаго іезуита, закружившаго славолубивую голову старой герцогини де-Праленъ, мы должны отъ себя сказать, что предположенія его были крайне ошибочны. Княжна Владимірская, по своей молодости, сдержанности и осторожности, дѣйствительно всегда весьма внимательно слушала наставленія отцовъ іезуитовъ, къ которымъ чувствовала глубокую благодарность за воспитаніе, тѣмъ болѣе, что въ продолженіи этого воспитанія они обходились съ ней очень мягко и сдержанно, но вмѣстѣ съ тѣмъ она стояла твердо на своей религіозной почвѣ полного и истиннаго православія. Правда, она не спорила и рѣдко вставляла даже свое замѣчаніе; но, во первыхъ, споръ былъ не въ ея натурѣ. Воспитанная внѣ семьи, она любила обдумывать свои слова и прежде всегда спрашивала къ чему поведетъ, если я стану доказывать имъ то, или то? Во-вторыхъ, замѣчанія ея, если когда она и рѣшалась ихъ вставить, всегда произносились весьма мягко, будто вскользь, и хотя заключали въ себѣ иногда столько мѣткости, а подчасъ даже и насмѣшки, что должны бы наводить на мысль, что обращеніе ея не такъ легко, какъ могла думать іезуитская самонадѣянность; тѣмъ не менѣе эти замѣчанія казались такими случайными, идущими такъ вскользь, что отцы іезуиты могли легко относить ихъ къ молодости и необдуманности. Афонскій монахъ, грекъ, преподававшій ей законъ Божій, былъ человѣкъ умный, и зная, какому вліянію подвернется его ученица, сдумѣлъ противъ этого вліянія снабдить ее достаточно сильнымъ оружіемъ. Такъ, однажды, когда отецъ Флавіо объяснялъ ей о передаваемой волей Божіей св. отцу безгрѣшности, она вдругъ спросила: а что, если не смотря на святость свою, онъ вдругъ согрѣшитъ, напримѣръ, увлечется местию, злобой или другимъ чувствомъ, останется ли онъ и послѣ того безгрѣшнымъ?

Но что было правда, то правда. Она увлекалась весьма часто внушеніями іезуитовъ, но въ какомъ смыслѣ? Въ томъ, когда іезуиты старались ей представить, что она имѣетъ высшее

предназначеніе, что ея судьба — совершеніе великихъ подвиговъ, направленныхъ ко благу человѣчества. Этихъ внушеній она заслушивалась. И это естественно. Она еще была молода, а кто же, будучи молодъ, не полагалъ себя въ числѣ избранниковъ, предназначенныхъ къ чему-то высшему, къ чему-то особому, въ чемъ скрывается благо человѣчества?.. А княжнѣ было 18 лѣтъ. Она была красавица и совершенно независима. Обезпеченное состояніе, общій за нею уходъ и встрѣчаемая всюду предупредительность, невольнымъ образомъ поддерживали и укрѣпляли въ ней мысль, что она не то что другіе; что для нея другое предназначеніе, другая цѣль; что она должна быть выше того, чѣмъ могутъ быть заняты и отягчены другіе. Удивительно ли, что при такомъ настроеніи, княжна внимательно слушала іезуитскія объясненія о своемъ высшемъ предназначеніи. Только слушая отца Флавіо и другихъ ему сподручниковъ, она думала совершенно другое, что предполагали они. Они думали, что наведутъ ее на мысль стремленія къ соединенію церквей на лонѣ католическаго признанія непогрѣшимости святѣйшаго отца; а она думала о томъ, что проникнетъ и раскроетъ тѣ тайны разумности, тотъ источникъ правды, которыя помогутъ ей открыть въ человѣческой жизни истинный путь къ достиженію общаго счастья и благоденствія.

Самымъ частымъ гостемъ въ ея гостиной былъ, разумѣется по тому же вліянію іезуитовъ и подъ покровительствомъ разыгрывающей роль старшей хозяйки, м-ше Куртней, молодой, двадцатидвухлѣтній перъ Франціи, герцогъ де-Праленъ.

Молодой герцогъ былъ совершеннѣйшій типъ знатной французской молодежи того времени. Нахватавшійся вершковъ въ образованіи, умѣющій остро и красно говорить обо всемъ, но незнакомый ровно ни съ чѣмъ основательно; прочитавшій новую Элоизу и начавшій Эмиля, но бросившій его потому, что онъ показался ему весьма скучнымъ; запомнившій нѣсколько скандальныхъ стиховъ изъ Орлеанской дѣвственницы, но не осилившій прочтеніемъ даже ее до конца, — онъ былъ именно петиметръ и ничего болѣе какъ петиметръ, завитый, напомаженный, раздушенный, готовый во всякую минуту драться на смерть и распѣвать памфлеты на дуэлистовъ; толковать о естественныхъ правахъ человѣка и въ то же время давить своихъ васаловъ правами охоты; онъ былъ блестящій болтунъ, острякъ, не вѣрующій казалось ни во что святое, а боящійся остаться въ темной комнатѣ или ступить съ постели

лѣвою ногою, и каждую недѣлю по часу проводящій въ исповѣдальнѣ у своего духовника. Хотя герцогиня, его бабка, называла его еще совсѣмъ ребенкомъ, чуть не дитятей, но онъ уже былъ извѣстенъ двумя скандальными похождениями, въ которыхъ его роль, даже въ тогдашнее время общаго разврата, нельзя было признать блестящею. Въ одномъ, онъ увезъ жену у какого-то чиновника и проживъ съ нею недѣлю привезъ къ мужу обратно, предложивъ ему на выборъ или драться съ нимъ на шпагахъ, или получить семь тысячъ франковъ, съ тѣмъ, чтобы не уворять уже жену ея поступкомъ, а забыть о немъ. Мужъ, какой-то клеркъ, думавшій съ ужасомъ о тѣхъ господахъ, которые вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ныряютъ другъ въ друга шпагами, разумѣется выбралъ послѣднее. Тогда онъ, подавая билетъ въ десять тысячъ, заявилъ, что онъ сдачи не беретъ, а продержитъ за то у себя его жену еще три дня.

Другое похождение было еще скандальнѣе. Узнавъ, что одного мужа часто по ночамъ не бывало дома и онъ возвращался иногда домой часу въ пятомъ утра, онъ поддушил людей и пришелъ къ женѣ, подъ видомъ мужа, въ его халатѣ и туфляхъ. Обманутая женщина, не подозрѣвая обмана, рассыпалась въ упрекахъ и жалобахъ на поздній возвратъ домой, тѣмъ не менѣе отдалась вполнѣ его мужнинымъ правамъ. Вдругъ въ минуту его самыхъ нѣжныхъ ласкъ, раздался сильный хозяйскій звонокъ. И знатный проходимецъ долженъ былъ уносить ноги и прятаться въ какомъ-то чуланѣ, оставивъ обманутую имъ жертву въ полномъ недоумѣннн...

За то съ внѣшней стороны, нечего говорить, онъ былъ безукоризненъ. Онъ былъ ловокъ, красивъ, вѣчно въ д'алансонскихъ кружевахъ и брилліантахъ, въ богатомъ мундирѣ герцога и пера Франціи. Любезный, веселый, онъ производилъ впечатлѣніе и, по расчету іезуитовъ, весьма легко могъ увлечь такую еще неопытную монастырку, какова была княжна Владимірская.

Кромѣ герцога бывали еще у м-ше Куртней двѣ-три дамы, принадлежавшія къ клерикально-аристократическому свѣту, съ дочерьми и племянницами, да два-три товарища молодого Пралена, не пользовавшіеся впрочемъ столь блестящимъ положеніемъ, какъ онъ, поэтому безмолвно уступавшіе ему дорогу; бывали еще два-три сановника, одинъ писатель, изъ самыхъ впрочемъ благонамѣренныхъ; тѣмъ не менѣе вечера и приемы, организованные м-ше де-Куртней, были весьма пріятны. Блестящій, полный

любезности, а иногда и мысли разговоръ, легкое занятіе музыкою, иногда пропѣтый художественно романсъ, всегда оживленная какая нибудь *petit jeu*, затѣмъ, легкій, но хорошій ужинъ съ бокаломъ шампанскаго, дѣлали вообще салонъ княжны весьма привлекательнымъ, хотя онъ и не принадлежалъ къ числу тѣхъ блестящихъ салоновъ, о которыхъ тогда много говорилось и писалось.

Во всякомъ случаѣ княжна Владимірская не скучала. Правда, серьезное настроеніе ея ума скорѣе скользило по всей этой легкой болтовнѣ, которою ее кругомъ осыпали, чѣмъ принимало въ ней участіе; но самое это серьезное настроеніе давало ей пищу для движенія ея мысли. Она полюбила чтеніе и начала учиться по-русски. Чтеніе, которое въ то время почти исключительно обращалось въ сферѣ понятій энциклопедистовъ, разумѣется было бы проклято отцами іезуитами, если-бы они могли о немъ знать. Но имъ и въ голову не приходило, что ихъ питомица живетъ давно уже своею жизнію, думаетъ своею мыслию, совершенно внѣ того круга, который подчинялся вліянію м-ше де-Куртней. Англійскій языкъ и англійская литература давали ей исходъ изъ того круговорота, въ которомъ обращалась тогдашняя жизнь французскаго высшаго общества.

Это происходило именно тогда, когда англійскія колоніи въ Америкѣ, оскорбленные парламентомъ своею метрополію за произвольное наложеніе на нихъ гербовой пошлины, прислали свое посольство ходатайствовать объ отѣннѣ этой мѣры, какъ несправедливой и произвольной. Посольство это, представивъ свое прошеніе, въ ожиданіи разрѣшенія, изъ любопытства ли, а можетъ быть и съ расчетомъ, въ видахъ подготовки себѣ почвы, на случай могущаго быть столкновенія, вздумало посѣтить Парижъ.

Посольство находилось подъ главенствомъ извѣстнаго уже повсемѣстно Веніамина Франклина, ученой знаменитости, естествоиспытателя, философа, которымъ по справедливости новый свѣтъ могъ гордиться.

Прибытіе этого посольства перевернуло вверхъ дномъ всѣ понятія парижскаго общества. Передъ нимъ вдругъ явились не завитые и напудренные петиметры, не раззолоченныя и разукрашенныя кузлы, съ вѣчною болтовнею и любезностями, — передъ нимъ явились просто люди, люди какъ ихъ создалъ Богъ, съ разумомъ, душею и чувствомъ.

Въ черномъ простомъ платьѣ, безъ всякихъ вычуръ и прикрасъ, съ рѣчью полной искренности и убѣжденія, полной ра-

зумности и сознанія человѣческаго достоинства, но далеко не щеголяющей ни остроюй, ни каламбурами, они показались Парижу столь новыми и оригинальными, что вся знать Парижа захотѣла ихъ видѣть, съ ними говорить.

Во главѣ всѣхъ, разумѣется, представлялся Франклинъ, семидесятилѣтній старикъ, съ умнымъ лицомъ, свѣтлымъ взглядомъ, густыми сѣдыми волосами, знаменитый своими *учеными открытіями, объясняющій все такъ просто, такъ ровно, и снисходительно слушающій всякаго. Передъ тѣмъ имя Франклина прогремѣло, какъ челобѣка, отерывшаго новую, совершенно непонятную тогда силу природы—электричество. Онъ, какъ говорили тогда, благодаря своему открытію оковалъ громъ и молнію. Въ обществѣ нерѣдко обращались къ Франклину съ вопросами по его открытіямъ, просили разясненій. Онъ не отказывался, объяснялъ, показывалъ, дѣлалъ иногда опыты, обращая изящные салоны болтовни въ ученую аудиторію. Но эти опыты и разясненія были такъ занимательны, что этого никто не замѣчалъ.

Всѣ заслушивались умнаго старика, который умѣлъ соединять философію слова съ философіей жизни. Впечатлѣніе имъ производимое было неизобразимо; оно можно сказать освѣтило собою и его спутниковъ, которые впрочемъ, каждый съ своей стороны, были замѣчательны.

За Франклиномъ слѣдовалъ Динъ, сухой мужчина среднихъ лѣтъ, но замѣчательнаго ума и энергіи. Онъ былъ то, что въ настоящее время обозвали бы представителемъ отрицанія. Онъ отрицалъ все, что во французскомъ обществѣ того времени считалось несомнѣннымъ кодексомъ жизни, какъ-бы даннымъ самимъ Провидѣніемъ. Начиная съ католической святости папы и оканчивая выраженіемъ воли Провидѣнія въ происхожденіи, все подвергалось ѣдимымъ нападкамъ Дина, все подвергалось силѣ его сарказма. Но его нападки были такъ мѣткі, такъ умны, что вызывали повтореніе отъ тѣхъ, кого касались. Герцоги сами смѣялись надъ тѣмъ, что какъ они ни богаты, все же не могутъ достать себѣ яйца лучше того, какое ѣсть простая коровница, получивъ его прямо отъ курицы. Впрочемъ, французское общество и особенно аристократическое, въ то время, можно сказать, питалось отрицаніями. Вольтеръ былъ его идолъ, которому поклонялись короли. Оно какъ-бы предрѣкало себѣ будущія свои отрицанія въ залѣ «потерянныхъ шаговъ». Правда, оно скорѣй болтало, чѣмъ думало. Но мо-

жетъ быть поэтому-то рѣзкія выходки Дина и останавливали на себѣ его особое вниманіе.

За Диномъ слѣдовалъ молодой Ли. Этотъ Ли былъ въ свою очередь личность замѣчательная. Онъ былъ очень хорошъ собою. Средняго роста, но рѣдкой стройности и ловкости, смугловатый, съ черными какъ смоль волосами и глубокими, блестящими черными глазами, молодой Ли останавливалъ на себѣ вниманіе уже самымъ своимъ видомъ. Прибавьте къ этому необыкновенную сдержанность, необыкновенное уваженіе къ своему слову и чувству, и притомъ рѣчь—живую, простую, энергическую, и передъ вами явится молодой Ли, американскій красавецъ, въ каждомъ словѣ котораго было видно желаніе добра, свободы, разумности всему существующему, — желаніе, высказываемое со всею энергіею, но и съ американскою скромностью и простотою. Вообще Ли былъ молчаливъ, но когда онъ говорилъ, то заставлялъ себя заслушиваться, столько теплоты было въ его словѣ, столько было въ немъ задушевности и силы.

Княжна, увлекаясь разказами о посольствѣ, нашла случай пригласить ихъ къ себѣ и сразу оцѣнила Ли. Его искренность и добросердечность, столь противоположныя петиметрству, ее очаровали. Его мнѣнія показались ей столь оригинальными, что возбудили любопытство. Она невольно захотѣла ознакомиться ближе, захотѣла узнать. А это естественно вело къ сближенію, разъясненію, разказу... Ли разумѣется охотно разъяснялъ, описывая и источникъ своихъ взглядовъ и мнѣній—американскую жизнь, столь не похожую на жизнь тогдашней Франціи.

Онъ описывалъ борьбу съ природою, съ краснокожими, объяснялъ трудъ, равенство передъ закономъ, силу самоуправленія; онъ говорилъ о взаимныхъ отношеніяхъ, простотѣ жизни, піонерствѣ цивилизаціи. Всѣ заслушивались его съ удовольствіемъ. Французскому обществу казалось, что оно вновь открыло Америку.

Герцогъ де-Праленъ, который до того, не смотря на всѣ внушенія іезуитовъ, относился къ княжнѣ довольно легкомысленно, хотя нельзя было сказать, чтобы она ему не нравилась, въ это время вдругъ совершенно влюбился въ нее.

Ему начало вазаться, что краше ея и въ мірѣ нѣтъ, что она единственная дѣвица, которую достойно почтить титуломъ герцогини де-Праленъ. Но самая страсть и страстность молодаго герцога, при тогдашней сентиментальности и

фразерствѣ, которой онъ подражалъ, ставили его передъ княжною въ весьма невыгодное положеніе. Во первыхъ, онъ напоминалъ ей ея кузена Андрея Васильевича, съ тою только разницею, что въ томъ она видѣла самобытность, видѣла нѣчто свое, характерное и самостоятельное, а въ герцога не видѣла ровно ничего, что сколько нибудь отличало бы его отъ другихъ. Она видѣла въ немъ только куклу, только манекенъ, копію съ сотни другихъ петиметровъ, съ тѣмъ же поворотомъ головы, тою же манерою говорить, даже тѣми словами и движеніями, которыя она видитъ у всѣхъ. Подражаніе его въ костюмѣ, въ манерѣ говорить, даже во многихъ приемахъ герцогу д'Эгриньону, первому *maitre de salon* того времени, добившемуся впоследствии своею свѣтскостію и ловкостію званія перваго министра и перваго любимца короля и ставшему дѣйствительно вельможею, именно только потому, что онъ былъ *maitre de salon*, — заставили ее прозвать его обезьяною. Когда же она привыкла называть его про себя этимъ именемъ, то, не смотря на то, что герцогъ Праленъ былъ вообще красивый молодой человѣкъ, онъ началъ представляться ей чуть-ли не дѣйствительно похожимъ на обезьяну.

«Какая разница этотъ американецъ, этотъ Ли, безъ блесковъ, безъ расшитыхъ кафтановъ и кружевъ, но съ разумнымъ словомъ. Онъ человѣкъ, и прямо видно, что человѣкъ. Слушать его и пріятно, и полезно. Онъ не каламбуритъ, не заставляетъ задумываться надъ игрою словъ, а говорить серьезно, умно; все сказанное имъ заключаетъ мысль, заслуживаетъ изученія. Но правъ ли онъ, отвергая родъ? Едва-ли! Что такое родъ? Уваженіе, заслуженное предками и передаваемое ими преемственно потомству... А если потомство не заслуживаетъ уваженія? Правда, это можетъ быть! Но все же кажется, я не могу сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ была какая нибудь торговка, которая, вотъ описываютъ, спрятала своего ребенка въ какое-то тряпье и онъ отъ того задохся. Ну развѣ это можно? Развѣ это простиительно? Развѣ нельзя было положить его въ люльку, а чтобы онъ не озябъ завернуть одѣяломъ, хоть изъ бурдесау. Теперь же превосходныя люльки съ постелькою и одѣяльцемъ продаются такъ дешево, всего триста франковъ».

Такъ разсуждала княжна, разсуждала еще почти дѣтски и слушала Ли.

— Если вы говорите, что у васъ ничего не значить, кто былъ отецъ человѣка и что всѣ люди равны, то кто же у васъ управляетъ провинціями, охраняетъ порядокъ, производитъ

расчисленіе податей и дѣлаеть все то, что дѣлають у насъ губернаторы, префекты и вообще начальство подъ разными наименованіями?

— То же начальство, но по выбору народа, который признается единственно самодержавнымъ и великимъ повелителемъ всего. Державство народа исходитъ изъ мысли, что государство, какъ и всякое общество, есть народъ. Для чего образуется государство? Для общей самозащиты, для общаго устройства. Ясно, что и самозащита и устройство должны быть представлены народу.

Сближеніе ея съ Ли кончилось тѣмъ, что въ одинъ день княжна вдругъ заявила отцу Флавію, что она ѣдетъ въ Америку.

У того разумѣется вытянулась физиономія.

Но она не обратила на это ни малѣйшаго вниманія, высказавъ, что ея покойный отецъ, присылая свои 5.000,000 франковъ, заявилъ, что онъ не желаетъ, чтобы она мѣшалась въ политику, и что она хочетъ въ точности выполнить эту волю отца, почему и сходитъ съ политической арены свѣта, отказываясь и отъ рода и отъ имени. — Правда, прибавила она, — мой двоюродный братъ, умирая, въ противоположность своему собственному заявленію, хотѣлъ заставить меня вступить въ права рода словами и условіями своего завѣщанія; но я этого завѣщанія не приняла, условіями его игнорирую, признавая совершенно для себя достаточнымъ тѣ 10.000,000 франковъ, которые мнѣ оставлены, и не желая ничего большаго.

Для бѣдной страны, какова была въ то время сѣверная Америка, дѣйствительно сумма въ 10.000,000 франковъ была громадная, и княжна имѣла полное право думать, что она можетъ, не стѣняя себя ничѣмъ, воспользоваться своею свободою.

Это было еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ въ помощь вооружившейся Америкѣ, маркизъ де-Лафайетъ вооружилъ на свой счетъ корабли и снарядилъ значительный отрядъ войска; но такъ какъ первое фактическое заявленіе сочувствія возникающей Америкѣ, было со стороны княжны, то оно вызвало чрезвычайно теплый отвѣтъ со стороны всѣхъ американцевъ. Самъ Франклинъ благословилъ нашу княжну, а Ли отправился ее сопровождать.

Отцу Флавію пришлось только преклониться передъ совершившимся фактомъ и признать расчеты свои ошибочными, говоря, что перстъ Божій нашель ея незаслуживающею той вели-

кой роли, для которой она была предназначена, и придумывая способы, которые могли бы его расчеты возстановить.

Въ это самое время Али-Эметэ, сопровождаемая своимъ вторымъ любовникомъ барономъ Шенкъ, подъ именемъ г-жи Тремуль пріѣхала въ Парижъ. Тамъ къ ней явился ея прежній раззорившійся любовникъ Ванъ-Тоуэрсъ, подъ именемъ барона Эмбса.

Али-Эмете сидѣла, поджавши подъ себя ножки, на мягкомъ широкоемъ диванѣ, покрытомъ турецкою шалью, и пересыпала бурмиція зерна, бирюзу, яхонты и рубины, выломанные изъ оправы, рассчитывая, что она можетъ за нихъ выручить. Дѣло въ томъ, что въ четыре мѣсяца состояніе и новаго любовника г-жи Тремуль настолько укоротилось, что, довезя свою подругу до Парижа, онъ долженъ былъ признаться, что у него остается одна надежда—продать свой родовый замокъ въ богемскихъ горахъ.

— Все это прекрасно, мой милый, отвѣчала ему Эметэ,—но жизнь въ Парижѣ требуетъ денегъ немедленно, денегъ сейчасъ. Вотъ сегодня я хочу ѣхать въ оперу, нужно взять ложу, а денегъ у меня нѣтъ. Да и кучеръ, ты думаешь, долго станетъ ѣздить, не прося денегъ? Шалишь, мой милый! А не могу же я, въ своихъ фижахъ, какъ какая нибудь торговка, обметать своимъ шлейфомъ улицы.

Баронъ Шенкъ признался, что у него тоже нѣтъ ни одной копѣйки.

Впрочемъ, посмотримъ, сказалъ онъ и выворотилъ свой кошелекъ, откуда выпалъ одинъ проверченный лундоръ, который никто не бралъ за то, что онъ просверленъ, и нѣсколько полуфранковиковъ и мѣдныхъ су.—Вотъ мое богатство! проговорилъ онъ,—кромѣ замка. Въ четыре мѣсяца въ Лондонѣ мы прожили ни болѣе, ни менѣе, какъ четыре тысячи фунтовъ, т. е. по здѣшнему, около ста десяти тысячъ.

— И прекрасно, что прожили, мой другъ; за то было весело! Надѣюсь, ты не раскаяваешься, что эти деньги ты прожилъ со мной. Ну къ тому же мы и здѣсь обставили себя нѣсколько, хотя много еще, очень много нужно. Но что же дѣлать? Теперь думать нечего, поѣзжай къ здѣшнимъ бриллианщикамъ,—приходится продать свои камни, хоть и жаль. Ну да мы купимъ ихъ опять, когда будутъ деньги... вотъ когда ты продашь свой замокъ, а пока, пока...

Онъ ушелъ, а она сидѣла и ждала пріѣзда бриллианщиковъ, когда ей доложили: баронъ Эмбсъ!

— Кто?

— Баронъ Эмбсъ!

— Никогда не слыхала такого барона. Кто онъ такой?

— Онъ говоритъ, что вашъ старый знакомый.

— Никогда у меня такого знакомаго не было. Ну зови!

Вошелъ Ванъ-Тоуэрсъ.

— А, это ты, мой мордашка, вскрикнула Али-Эмете обрадовавшись, — а тутъ докладываютъ о какомъ-то глупомъ баронѣ Жемсѣ или Джемсѣ.

— Я называюсь баронъ Эмбсъ. Ты не забыла меня, Али?

— Глупый, да развѣ я могу тебя забыть? Ты у меня первый, самой дорогой...

— А я слышала, что ты выбрала себѣ другаго.

— Какой ты, да развѣ меня отъ того убилъ? Подойди ко мнѣ поближе, дай себя поцѣловать! И она приподнялась на колѣняхъ, охватила его шею и горячо начала цѣловать. Ванъ-Тоуэрсъ позабылъ всѣ свои ревнивыя мысли, забылъ всѣ упреки, которыми полагалъ осыпать свою Али-Эметѣ.

Черезъ четверть часа онъ сидѣлъ съ ней нѣжно рядомъ, на диванѣ, и обсуждалъ настоящее положеніе дѣлъ.

— У него нѣтъ ничего болѣе, какъ божескій замокъ! говорила она.

— Северно! отвѣчалъ Ванъ-Тоуэрсъ или баронъ Эмбсъ, цѣлуя ея щеку. — Я думала, что если ты выберешь себѣ кого нибудь, то выберешь по-богаче!

Въ четыре мѣсяца въ Лондонѣ мы прожили болѣе четырехъ тысячъ фунтовъ!

— То есть по тысячѣ слишкомъ фунтовъ на мѣсяць, недурно! Это хоть-бы и со мною. Но что же дѣлать теперь? На брилліанты долго не проживешь. Разумѣется, они были заплачены дорого, но теперь не выручишь и трети цѣны.

— Но все же, я думаю, тысячь двадцать пять франковъ я получу! Вѣдь это только цвѣтные камни, брилліантовъ я еще не трогала, а у меня есть довольно крупныя, — припомни, ты мнѣ ихъ дарилъ.

— Ну что такое 25 тысячь франковъ — мѣсяць жизни! Когда ты въ Лондонѣ проживала тысячу фунтовъ, то здѣсь Парижъ представляетъ побольше развлеченій и побольше способовъ промотаться. Да брилліанты тебѣ и самой будутъ нужны. Обидно будетъ, если вѣтмъ чуднымъ глазкамъ съ косинкою и съ какою-то поволокою, отъ которой я съ-ума сходилъ и схожу, не будетъ на головкѣ соперницы, моей фероньерки, которую

по справедливости называютъ шахскою! За одну эту фероньерку я заплатилъ тогда 10 тысячъ талеровъ, а теперь 10 тысячъ едва-ли выручишь за всѣ брилiанты. Это не дѣло. Вотъ что лучше по моему. У твоего друга въ Богемiи есть замокъ. Чего онъ стоитъ? Тысячъ триста-четыреста австрiйскихъ гульденовъ. Мы обратимъ этотъ замокъ въ векселя. Тамъ пускай замокъ продають, а пока мы подъ векселя достанемъ деньги. Выгода будетъ та, что денегъ будетъ не какiя-то несчастныя 25 или 30 тысячъ франковъ, такъ какъ за векселя, обеспеченные замокомъ, мы выручимъ бѣдно, на франки, тысячъ триста. Какъ не мотай, тебѣ все мѣсяцевъ на десять хватить, и ты останешься съ брилiантами. А въ десять мѣсяцевъ мало ли что можетъ случиться? Пожалуй и опять дядюшка покажется, а то онъ совсѣмъ забытъ.

— Да, странно, послѣ щедрого воспитанiя и назначенiя круглой суммы на выходъ, вдругъ приходятъ раза два ничтожныя деньги—и конецъ. Нужно бы узнать, допытаться. Всего бы лучше съѣздить въ Персiю.

— Чтобы попасть тамъ въ гаремъ; хорошо какъ въ нашѣ, а пожалуй въ какому нибудь мелкому торговцу, и сидѣть цѣлую жизнь въ заперти. Ну, по моему, глупѣе ничего нельзя выдумать!

— Признаюсь, и я боюсь; но...

— Ничего не «но»; вотъ сперва поживемъ на счетъ замка...

Въ это время торопливо вбѣжала горничная.

Ловкая французская субретка того времени, замѣтивъ, что ея барыня, хотя и заявила, что вовсе не знаетъ барона Эмбса, однако приняла его весьма нѣжно, бѣжала, чтобы предупредить, что баронъ Шенкъ воротился и уже идетъ по лѣстницѣ. Она полагала разумѣется, что ея барыня или удалить прибывшаго пришельца, или по крайней мѣрѣ заставить его принять болѣе приличное положенiе.

Но Али-Эметъ не подумала пошевелиться; напротивъ, она даже ближе подвинулась на диванъ и крѣпче охватила голову Ванъ-Тоуэrsa.

— Пусть войдетъ! сказала она.

— Ну, другъ, что новаго? спросила она, обнимая Ванъ-Тоуэrsa, когда баронъ Шенкъ, совершенно пораженный представившейся ему картиною, будто окаменѣлый стоялъ въ дверяхъ.

— Брилiанщикъ будетъ завтра, отвѣчалъ Шенкъ;—впрочемъ, сегодня я досталъ 500 франковъ подъ залогъ моей цѣпи.

— Милый, милый, иди и поцѣлуй меня! Вотъ рекомендую, тоже другъ мой, Ванъ-Тоуэрсъ, теперь баронъ Эмбсъ, о кото-

ромъ я столько разъ тебѣ говорила. Если вы меня любите, то должны быть дружны!

Бароны Эмбсъ и Шенкъ оба смотрѣли другъ на друга выпуча глаза, какъ два пѣтуха, которыхъ, кормя въ темнотѣ крапивнымъ сѣменемъ недѣли полторы, вдругъ выпустили передъ молодою курицею.

— Куда-жъ ты? садись ближе! сказала она Ванъ-Тоуэрсу; — кажется мы слишкомъ знакомы другъ съ другомъ, чтобы еще церемониться. А ты, продолжала она, обращаясь къ Шенку, — что же меня не поцѣлуешь и не садишься подлѣ?

И она протянула къ нему свою милую головку, которую Шенкъ, какъ ни крѣпился, не могъ не поцѣловать.

Она обняла его другою рукою и посадила подлѣ себя.

— Ну вотъ, друзья мои, начала она, — я это говорю, потому что вы дѣйствительно мои единственные и истинные друзья, вы оба знаете мое положеніе, поэтому и я прошу совѣта и помощи, — что дѣлать?

Ванъ-Тоуэрсъ началъ излагать свой вексельный планъ. Шенкъ безмолвно соглашался, охватываемый ласкою и привѣтомъ Али-Эметѣ, которая въ заключеніе поцѣловала и Ванъ-Тоуэрса.

— Ты у меня геній, а всегда это говорила. Геній рѣшительно! Намъ бы и въ голову не пришло. Гдѣ же ты живешь въ Парижѣ?

Ванъ-Тоуэрсъ сказалъ ей адресъ.

— Я бы просила тебя переѣхать ко мнѣ, да въ Парижѣ говорятъ это неловко, особливо при небольшомъ помѣщеніи, которое я должна была занять. Онъ тоже не живетъ у меня. Расположился здѣсь, по близости. Но я надѣюсь, что вы у меня ежедневные гости, только съ тѣмъ, чтобы не ссориться. Какъ хотите, друзья, а я терпѣть не могу ссоръ!

III.

Среди степей и дѣвственныхъ лѣсовъ.

Въ это время княжна Владимірская, на превосходномъ морскомъ купеческомъ суднѣ, плыла по волнамъ океана.

Путешествіе шло благополучно, хотя, разумѣется, не могло не встрѣчаться различныхъ случаевъ морской жизни, которые

несколько не смущая моряковъ, болѣе или менѣе безпоявили тѣхъ, которые видѣли море первый разъ.

Шивалы, противные вѣтры, мертвый штиль, ураганы, смерчи, столь привычныя въ жизни моряка, для княжны казались не только ужасными, но даже роковыми, особенно при сильной качкѣ, отъ которой у нея кружилась голова и она чувствовала симптомы начинавшейся морской болѣзни.

Но въ эти трудныя для нея минуты, подлѣ нея былъ другъ, опора, надежда. Онъ успокоивалъ ее, занималъ, развлекалъ. Молодой Ли былъ хорошій морякъ; качка не производила на него ни малѣйшаго вліянія. А какъ, въ качествѣ пассажира, онъ не былъ занятъ ничѣмъ, то и могъ все свое время посвящать сопровождаемой имъ спутницѣ.

Княжнѣ, незнакомой вовсе съ морскою жизнью и обычаями, приходилось обращаться къ нему непрерывно. Она поневолѣ должна была, то просить его разъясненія и указанія, то помощи. Они были почти неразлучны. Безпрерывное обращеніе одной къ другому естественно вызвало между ними взаимную короткость, тѣмъ болѣе близкую, что Ли, помогая и содѣйствуя княжнѣ во всемъ, нерѣдко долженъ былъ принимать на себя нѣкоторыя обязанности ея горничной, такъ какъ, похвываясь съ ней за большія деньги французенка, при всякой, даже небольшой качкѣ, лежала, какъ говорятъ, безъ заднихъ ногъ.

Но княжна была настолько неопытна и настолько доверчива, что даже не замѣчала неловкости своего положенія. Ей и въ голову не приходило, что изъ этого можетъ что-нибудь произойти. Она думала: «Что-жъ? Вѣдь я люблю его, я его невѣста, стало быть ни въ моемъ обращеніи къ нему, ни въ его услугахъ мнѣ, не можетъ быть ничего страннаго, ничего неловкаго. Я сама готова была бы ему всячески услуживать, если-бы морская болѣзнь не лишила меня послѣднихъ силъ». Скажутъ—монастырская неопытность, непониманіе дѣйствительной жизни! Да! Но никакая монастырская неопытность, никакое непониманіе, не спасли бы ее отъ оболъщенія, а можетъ быть и разврата, если-бы съ ней ѣхалъ, на примѣръ, герцогъ Праленъ...

Но молодой Ли, американецъ-стоиць, съ твердыми убѣжденіями и правилами, былъ слишкомъ далекъ отъ того, чтобы воспользоваться неопытностью и наивностью дѣвушки, отдавшейся подъ его покровительство. Онъ считалъ обязанностью своей чести доставить свою невѣсту въ домъ своей матери въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она ему ввѣрилась, не разбивая

ея иллюзіи дѣвственности и чистоты. Ни однимъ намекомъ, ни однимъ взглядомъ, онъ не далъ повода думать, что она можетъ сколько нибудь опасаться его, хотя этотъ подвигъ, эта побѣда надъ самимъ собой, въ иные часы стоили ему дорого.

Случалось, что взглядъ на нее доводилъ его до апогея страсти, доводилъ до изступленія. Ему иногда казалось, что онъ горитъ отъ силы представленій своего воображенія. Онъ доходилъ въ нихъ до галлюцинацій, до самозабвенія, особливо, когда она, неопытная и любящая, въ порывѣ благодарности и чувства, видя въ немъ друга и опору, инстинктивно обращалась къ нему съ нѣжностью, и когда, подъ вліяніемъ непонимаемыхъ ею желаній, ея ясные, холодные глазки бессознательно для нея самой, сверкали особымъ блескомъ, а розовыя, горячія губки мѣли въ томленіи...

И все это было въ тѣсной кактѣ купеческаго корабля, въ удаленіи отъ цѣлаго міра, подъ кровомъ взаимной и страстной любви...

Но Ли осилилъ себя. Не смотря на свои 25 лѣтъ, вѣрпкое тѣлосложеніе, воздержную жизнь и страстную, охватывавшую все его существо любовь, онъ себя выдержалъ, и они прибыли въ Бостонъ, какъ два воркующіе голубка, между которыми не было и намека на что-нибудь, что бы низводило взаимную любовь ихъ на степень матеріализма. Но любовь ихъ не была и сентиментальностью, не вдавалась въ отвлеченность платонизма. Нѣтъ, она была сознательна и глубока; она только прикрывалась взаимнымъ уваженіемъ къ обоюдному чувству. Оба они стремились другъ къ другу и душою, и тѣломъ, любили другъ друга всѣмъ существомъ; оба видѣли въ себѣ дополненіе одного другимъ; видѣли другъ въ другѣ небо, рай, радость; но оба, смутно чувствуя что имъ чего-то не достаетъ, говорили себѣ: «будетъ все, но— въ свое время. Ждать этого времени мы должны; это обязанность нашего взаимнаго другъ къ другу уваженія».

Въ Бостонѣ первый разъ поразило княжну то равенство отношеній, которое обуславливается республиканскими понятіями, столь рѣзко противоположными понятіямъ тогдашняго французскаго аристократическаго общества, среди которыхъ росла и воспитывалась княжна. Она долго, на примѣръ, не могла помириться съ тѣмъ, что прислужникъ или горничная, подавъ требуемые ею кушанье или напитки, вообще исполнивъ ея желаніе, вдругъ садилась подлѣ нея и начинали разговоръ о новостяхъ, всего чаще о политикѣ, которая въ ту минуту въ

англійскихъ колоніяхъ въ Америкѣ, по преимуществу, занимала всѣхъ.

Гербовыя пошлыны, вывозной тарифъ, обложеніе акцизомъ чая, составляли тогда интересъ дня, даже для трактирнаго слуги; но они очень смущали княжну, когда обсуждались передъ ней именно этимъ слугою, садившимся рядомъ съ ней, будто въ салонѣ послѣ танцевъ, когда провожающій свою даму кавалеръ считаетъ себя обязаннымъ или желаетъ продолжать разговоръ, начатый имъ во время танца.

Она сказала объ этомъ своему жениху.

— Послушай! Вѣдь ты сама признаешь всѣхъ людей равными тебѣ по человѣчеству, отвѣчалъ Ли. — Отчего-же ты не хочешь допустить въ нихъ желанія обмѣна мыслей съ тобой?

— Но лакей, горничная...

— Да, но они исполнили передъ тобой свою обязанность, какъ лакей или горничная, и исполнили не хуже, чѣмъ исполняютъ ихъ европейскіе собраты. Вотъ другое дѣло, если-бы они не сдѣлали своего дѣла. Ты могла бы жаловаться, была бы вправѣ сѣтовать, такъ какъ ты платишь за то, чтобы тебѣ было то или то подано, то или другое сдѣлано. Но когда этого нѣтъ, когда обязанность ихъ къ тебѣ ими выполнена, то они равноправны съ тобою люди и могутъ пользоваться всѣмъ наравнѣ съ тобой. Если этого нѣтъ въ Европѣ и если это тебя теперь даже шокируетъ, то это потому, что рабство въѣлось въ Европѣ въ плоть и кровь, и что, не смотря на напускной либерализмъ и нынѣшнее модное фразерство, тамъ каждый считаетъ себя не тѣмъ, что онъ въ дѣйствительности есть... Подумай и согласишься...

— Думаю и соглашаюсь, хотя признаюсь, что мнѣ не легко въ этому привыкнуть. Со стороны логики ты несомнѣнно правъ, хотя, хотя... Впрочемъ я и сама не знаю, что слѣдуетъ за этимъ хотя. Вопросъ мнѣ кажется разрѣшенъ невѣрно, потому что разрѣшеніе это приводитъ къ одному—къ деньгамъ...

Не могла тоже наша княжна долго привыкнуть ни къ задиранію ногъ при сидѣніи, ни во всеобщему строганію обрубка дерева между дѣломъ, ни къ отрывочной рѣчи, ни къ той общей лихорадочной дѣятельности, которая, казалось, никому изъ американцевъ ни минуты не даетъ покоя. Она была совершенно поражена, когда разъ нечаянно увидѣла, что ея идоль, другъ, надежда, идеаль, тоже сидитъ съ пріятелями и куритъ, положивъ ноги на столъ. Это сидѣніе въ креслахъ съ ногами на столѣ и съ

обрубкомъ дерева въ рукахъ такъ ее поразило, что она не могла выдержать себя, чтобы не подтрунить надъ изящной картиной падающихъ внизъ полъ и фалды и поднятыхъ кверху ногъ. Это было тѣмъ естественнѣе, что Ли во все время своего путешествія, уважая европейскія привычки своей невѣсты, никогда не позволялъ себѣ никакого нарушенія приличій по ея европейскимъ понятіямъ.

Но когда княжна уже достаточно поострила свой язычекъ надъ милыми привычками янки и надъ представившейся ей изящной картиной, то Ли объяснилъ ей основанія этой общей привычки и доказалъ, что такая привычка разумна и хороша, потому что по меньшей мѣрѣ удваиваетъ скорость отдыха ногъ. Онъ въ тотъ день обѣгалъ болѣе двадцати верстъ по разнымъ дѣламъ, вечеромъ ему нужно было сходить еще довольно далеко—поэтому естественно было желать дать ногамъ своимъ возможно скорый и большій отдыхъ...

Княжна опять должна была согласиться, но опять не могла помириться съ обычаемъ, нарушающимъ всякое понятіе о приличіи и изяществѣ.

— Душа моя, говорилъ ей Ли, — ты говоришь объ изящныхъ формахъ европейскаго общества. Но вѣдь это общество тунеядцевъ, другъ мой,—общество людей, которые не дѣлаютъ ничего и за стыдъ почитаютъ себѣ что нибудь дѣлать. У насъ тунеядцевъ нѣтъ. Всякій работаетъ изо всѣхъ силъ, смотря по тому, кто къ чему способенъ; а главное, не въ томъ, что работаетъ, но въ томъ, что считаетъ себя обязаннымъ думать, чтобы работа была; въ прямой разрѣзъ общественному устройству Европы, гдѣ даже работники о работѣ не думаютъ, а становятся на работу рутинно. О доставленіи работы даже работникамъ въ Европѣ заботятся другіе и, разумѣется, пользуются этимъ. Отсюда ясно, что паралель между обычаями въ Европѣ и Америкѣ, которую ты проводишь, невѣрна. Обычаи дѣйствительныхъ работниковъ, истинныхъ тружениковъ, въ Европѣ несравненно грубѣ нашихъ и несравненно болѣе анти-изящны; но ты ихъ не видала... Ты хочешь сравнивать спующихъ отъ нечего дѣлать и болтающихъ расфранченныхъ и раззолоченныхъ петиметровъ съ людьми дѣла. Согласись, что это не придаетъ твоимъ замѣчаніямъ особой точности?..

Мать Ли принадлежала къ числу переселившихся въ Америку, по разнымъ обстоятельствамъ, аристократическихъ семействъ и поэтому жизнь у нея въ домѣ не представляла столь рѣзкаго отличія противъ обычной жизни княжны Владимірской

въ монастырѣ и въ отелѣ старой герцогини, какому она должна была подвергаться, останавливаясь въ гостинницахъ Бостона и другихъ городовъ; тѣмъ болѣе, что князю ничѣмъ не стѣсняли и старались по возможности ей угождать. Жили они въ прелестной долинкѣ, на берегу чудной рѣки, въ превосходномъ и здоровомъ климатѣ.

Ароматъ дѣвственныхъ лѣсовъ, шумъ падающаго невдалекѣ водопада, растительность свѣжей, душистой зелени, необыкновенное богатство цвѣтовъ, не могло не занимать и не увлекать князю, привыкшую къ чахлымъ акаціямъ парижскихъ садовъ и блѣднымъ подражаніямъ природѣ въ окрестныхъ Парижу дачахъ. Отца у Ли не было; онъ умеръ, когда тотъ былъ еще ребенкомъ. Устройство дома, порядоки жизни и внутренніе обычаи были заведены и установлены его матерью и были почти тѣ же, что и обычаи въ неособенно богатыхъ семействахъ средней Европы. Впрочемъ, зная Ли въ Европѣ какъ одного изъ важныхъ членовъ посольства, княжна весьма удивилась, когда разъ по утру увидѣла, что онъ надѣлъ на себя кожаный фартукъ, самъ расковалъ лошадь, запрягъ ее въ косулю или орало и самъ распахалъ небольшую поляну въ саду передъ ея окномъ.

Она не могла не высказать передъ нимъ своего удивленія.

— Мы не стыдимся труда, въ чемъ бы онъ ни состоялъ, отвѣчала ей Ли.—Хотя мое положеніе не настолько стѣснено, чтобы мнѣ было необходимо самому поднимать землю, но я бы стыдился, если бы не умѣлъ сдѣлать это. Изъ полянки, которую я сегодня поднялъ, я хочу устроить для тебя цвѣтникъ на европейскій ладъ и не считалъ нужнымъ отвлекать кого-нибудь отъ другой работы, чтобы сдѣлать то, что мнѣ пріятно сдѣлать самому.

Отвѣтъ этотъ затронулъ ея чувство.

— Благодарю, милый, очень благодарю, отвѣчала она.— Ты предупреждаешь всякій вопросъ мой своей нѣжностью. Но что же я сдѣлаю для тебя? Повѣрь, другъ мой, что и я, не смотря на всѣ мои, какъ говорить твоя мать, княжескія привычки, съ удовольствіемъ готова бы учиться хоть приготовить твое бѣлье...

— Ты ничѣмъ не обидишь меня больше! отвѣчалъ Ли.— Наша гордость въ томъ, чтобы покоить, беречь, лѣлывать и уважать любимыхъ нами женщинъ. Поэтому мы хотимъ дѣлать для нихъ все, отстраняя отъ нихъ даже всякій поводъ къ безпокойству; съ тѣмъ, чтобы у нихъ было собственно одно дѣло—заботиться о своей красотѣ для нашего счастья.

— Если я не спорю, то это не значитъ, что я соглашаюсь! Мнѣ кажется, что совершенное равенство во взаимныхъ отношеніяхъ мужчины и женщины и взаимное желаніе въ чемъ можно одинъ другому угодить и услужить, есть самый вѣрный путь къ взаимному счастью. Разумѣется я такъ еще слаба и сознаюсь, такъ избѣжена и избалована, что поневолѣ должна чаще опираться на тебя, чѣмъ служить тебѣ опорой; но, надѣюсь, отъ тебя зависить заставить меня сбросить всѣ эти навѣянные на меня воспитаніемъ недостатки...

— А если я люблю эти недостатки, люблю тебя только какъ ты есть, то захочу ли я... Нѣтъ, я буду тебя умолять: не исправляйся ради Бога ни отъ чего... Послушай! Вѣдь ты не хотѣла бы, чтобы я былъ похожъ на этихъ избѣженныхъ, расфранченныхъ господчиковъ? Если-бы ты хотѣла, то не выбрала бы меня, а предпочла бы хоть этого красавчика воздыхателя Пралена. Но ты хотѣла видѣть въ моемъ другѣ мужчину, который... ну который былъ бы способенъ и землю поднять, и въ морѣ на марсѣ сбѣгать, и на конгресѣ покричать, и съ перомъ повозиться, а придетъ нужда, хоть на кулачкахъ подраться. Ну, а если мужчина можетъ и дѣлаетъ все это, то удивительно ли, что у него и мозоли на рукахъ будутъ, и лицо загорить, и голосъ охрипнеть. Неужели ты бы хотѣла, чтобы я, въ подругѣ моей жизни, въ дополненіи души моей, любилъ также и мозоли на рукахъ, и грубую загорѣлую отъ работъ на солнцѣ кожу, и голосъ, охрипшій отъ крика и брани. Согласись, что это было бы дико; что для меня непременно должно представляться отраднымъ, когда, возвратясь домой, я буду отдыхать отъ трудовъ, держа въ своей грубой мозолистой рукѣ твою нѣжную, мягкую, пухленькую ручку, которая, самою своею нѣжностью, дастъ отраду чувству моего осязанія; когда къ моей грубой, обросшей бородою щекѣ коснется твоя очаровательная головка, твоё милое личико, и вмѣсто моего сиплаго голоса, я услышу твой твой симпатичнымъ и задушевнымъ голоскомъ ропотъ, который успокоитъ мои нервы, заставитъ забыть вѣшныя столеновенія, ввести въ свои границы разлившуюся желчь и дастъ отраду, успокоеніе, счастье, — самое высокое счастье домашнего очага. Неужели ты захочешь отказать дать мнѣ это счастье, хотя-бы при помощи тѣхъ недостатковъ, которые, ты говоришь, хочешь бросить?..

Такого рода разговоры не мѣшали однако дѣлу. Ли вмѣстѣ съ матерью и своею невѣстою поѣхали въ Бостонъ искать православнаго священника для выполненія священнаго обряда.

Тогда Бостонъ и даже Нью-Йоркъ, какъ и другіе города сѣверной Америки, были далеко не столь великолѣпными городами, каковы они стали теперь. Даже нельзя было и ожидать, что они когда нибудь могутъ сдѣлаться таковыми. Эти города были скорѣе города только по названію, или потому, что въ нихъ помѣщались или склады провіанта, или таможня, или англійская крѣпость, или, наконецъ, существовали два-три каменныхъ зданія, въ которыхъ производились судъ, соляная продажа, помѣщалась общественная школа, или что нибудь въ этомъ родѣ. Въ сущности же это было нѣсколько болѣе обыкновеннаго сгущенное скопленіе нѣсколькихъ десятковъ плантацій, огородовъ и садовъ, которые, пользуясь центральностью мѣстности, расположились здѣсь по удобству сбыта своихъ произведеній. Для объясненія того, какъ слаба была тогда сѣверная Америка, довольно сказать, что возстаніе тринадцати провинцій Англія полагала потушить, кромѣ ничтожнаго числа войскъ своего гарнизона, не превышающаго пятнадцати тысячъ человекъ, наймомъ 20 тыс. гессенцевъ, и дѣйствительно она потушила бы его, если-бы не встрѣтила желѣзной воли и безконечнаго самопожертвованія въ Вашингтонѣ, принявшемъ на себя руководство возстаніемъ, и если бы отвоевываемая американцами идея свободы не встрѣтила себѣ участія и помощи со стороны.

Первое слово дѣятельнаго сочувствія возстанію было высказано княжною Владимірскою. Она предоставила своему жениху, съ согласія его матери, распорядиться ея капиталомъ, и тотъ, по настоянію княжны, отъ своего, а не отъ ея имени, внесъ въ комитетъ возстанія заимообразно нѣсколько миліоновъ франковъ, съ тѣмъ, чтобы на деньги эти платились только проценты, а капиталъ же выплатился бы только по устройствѣ самостоятельнаго правленія. Она настаивала даже, чтобы онъ отдалъ всѣ 10 миліоновъ, и вовсе не заимообразно, а какъ жертву ея искренняго сочувствія; но практикъ жизни, американецъ Ли, не допустилъ до этого. Онъ сказалъ: Я вѣрю будущности Америки, поэтому могу позволить тебѣ ее кредитовать. Въ подарокъ же она не нуждается! Притомъ шансы достовѣрности не дозволяютъ рисковать всѣмъ...

Княжна, полагаясь вполне на своего жениха, не позволила себѣ возражать ему.

— Какъ тебѣ угодно, мой другъ, сказала она.— Я хотѣла только выразить, что твоя родина—мое отечество.

Помощь, оказанная княжной, была существенна въ высшей

стенени; она положила начало, на которомъ основалась потомъ дѣйствительная сила, предоставившая свободу миллионному населенію. Но ни женихъ ея, ни она сама о томъ не думали. Они искренно вѣрили въ будущность Америки и готовы были ради этой будущности отдать ей все. Они больше были заняты приискиваніемъ православнаго священника, котораго въ Америкѣ въ то время не легко было отыскать.

— Странное дѣло, говоритъ Ли, — мы съ тобой почти одной вѣры, ибо одинаково вѣримъ въ премудрость Божію, спасеніе человѣчества силою любви и страданій Его Единороднаго Сына, и одинаково отвергаемъ возможность святости и непогрѣшимости живущаго человѣка, въ чемъ хотятъ увѣрить католики. Не смотря на то, вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ мы не можемъ найти человѣка, который благословилъ бы насъ на брачную жизнь.

Навонецъ, священникъ нашелся, и еще какой священникъ, не грекъ, а русскій, и таковой, который собирался ѣхать въ Россію. Правда, священникъ не говорилъ ни слова ни по-гречески, ни по-англійски, ни по-французски, а княжна, какъ читатели знаютъ, не говорила по-русски. Но, по счастью, они могли сойтись на почвѣ нѣмецкаго языка, и священникъ могъ ей рассказывать о Россіи, ея славѣ, необъятности, богатствѣ и увы — вѣчной неурядицѣ. Княжна дала себѣ слово учиться русскому языку; а тутъ будто нарочно прибылъ въ Америку учитель русскаго языка, вывезенный изъ Россіи графомъ Головкинымъ, старшимъ братомъ графа Михаила Гавриловича, Александромъ Гавриловичемъ, бывшимъ русскимъ резидентомъ въ Голандіи и не возвратившимся въ Россію при вступленіи на престолъ Елисаветы и началѣ гоненій на Головкиныхъ. Учитель этотъ, окончивъ занятія съ молодыми Головкиными, не смѣя также явиться въ Россію, рѣшился исвать счастья въ Америкѣ. Княжна наняла себѣ старика учителя и продолжала то, что начала еще подъ руководствомъ іезуитовъ, но что прекратилось тогда само собой за отъѣздомъ ея въ Америку.

Священникъ обвинчалъ ихъ, и началась для нихъ жизнь полная любви, полная нѣги и взаимнаго счастья. Онъ любилъ и дорожилъ только тѣмъ, что любила она; она любила только то, чѣмъ дорожилъ онъ. Согласіе въ мысляхъ, въ ощущеніяхъ, въ образѣ жизни, создавали имъ обоюдную полноту, обоюдную радость, и они оба именно сами въ себѣ видѣли рай. Мать Ли, умная, осторожная англичанка, родомъ изъ французскихъ протестантовъ, бѣжавшихъ отъ ужасовъ варолюмеевской ночи

и нантскаго эдикта, умѣла сознать и оцѣнить счастье своихъ дѣтей, поэтому только любовалась ими, а никакъ не становилась поперегъ ихъ молодыхъ, пылкихъ стремленій. Она посвятила всю себя, чтобы оградить ихъ счастье отъ всякаго внѣшняго вліянія. И они были дѣйствительно счастливы, такъ счастливы, какъ рѣдко кому удается на землѣ.

У княжны Владимірской, въ настоящемъ мистрисъ Ли, были дѣти, сынъ и дочь. Дѣти эти были ихъ общимъ утѣшеніемъ и радостью. Бывшая княжна выучилась уже недурно говорить по-русски; началъ говорить по-русски и ея мужъ.

— Меня смущаетъ мысль, чѣмъ должны быть мои дѣти, говорила она. — Отрицаніе родовыхъ началъ не слишкомъ располагаетъ меня къ американскому гражданству; но, вспоминая розсказни вѣнчавшаго насъ священника, я не очень стою и за русское гражданство. Знаешь, другъ, я бы хотѣла съѣздить въ Россію, чтобы посмотреть...

— Я нисколько не прочь сопровождать тебя, милая, отвѣчалъ мужъ: — но разумѣется тогда, когда дѣла нашего отечества примутъ сколько нибудь опредѣленный видъ. Но неужели ты и теперь, уже сроднившись съ идеями американской жизни, можешь еще стоять за родовыя начала?

— Какъ же мнѣ не стоять за нихъ, мой милый? отвѣчала она. — Всѣ явленія жизни даже здѣсь, въ Америкѣ, указываютъ на нихъ, подтверждаютъ ихъ. Ну подумай, вотъ теперь вы прославляете Вашингтона, его разумность, сдержанность, самопожертваніе. Но чѣмъ вы можете наградить его, чѣмъ можете, по вашимъ правиламъ, выказать ему свою общую, народную благодарность?

— Какъ чѣмъ? Поднесемъ ему отъ всего сѣверо-американскаго народа почетную шпагу; выберемъ въ президенты; поставимъ его портретъ въ залѣ собраній, статую въ народномъ капитолѣ, который учредимъ въ память его, какъ спасителя отечества. Улицу, въ которой онъ живетъ, самый даже городъ назовемъ его именемъ; опредѣлимъ, чтобы въ празднованіи дня освобожденія постоянно изъ вѣка въ вѣкъ прославлялось его имя; наконецъ, соорудимъ памятникъ...

— Все для честолюбія и ничего для чувства! Между тѣмъ Вашингтонъ можетъ быть человѣкъ вовсе даже и нечестолюбивый. Можетъ быть самая дѣятельность его на пользу роднаго края, самое его самопожертваніе, исходятъ прямо изъ чувства? А тогда, если онъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ чувства, то, отдавая себя отечеству, онъ всего болѣе думаетъ о семьѣ. По-

думай, милый другъ, если-бы на твою долю выпало жертвовать собою въ этой войнѣ за свободу, то будешь ли ты доволенъ перспективой статуй, памятниковъ, празднованій, когда послѣ тебя остались бы, не говоря обо мнѣ, а вотъ они, два милыхъ ангела, необезпеченныхъ въ своемъ положеніи. По вашимъ законамъ, сынъ Вашингтона, да и самъ онъ... говорятъ, онъ богатъ, это другое дѣло; ну а если-бы не былъ богатъ, тогда что-же? Подобно Цинцинату—отъ президентства за плугъ и за пашню?

— Ну ужъ это слишкомъ; нація обезпечить его пенсіей, отводомъ земли, или предоставленіемъ опредѣленной синекуры.

— То есть заслугу отплатить деньгами. Но тогда естественно будетъ представляться вопросъ: что выгоднѣе—заслуга ли передъ отечествомъ, или забота о своей наживѣ? И этотъ вопросъ явится насущнымъ для каждаго, кто только думаетъ о своей семьѣ.

— Но, другъ мой, опять согласишься же, что заслуга отца не можетъ и не должна предоставлять какихъ либо особыхъ правъ сыну. Само собой разумѣется, что если сынъ будетъ хорошъ, то общество скорѣе возьмется за него, чѣмъ за другаго; имя отца будетъ гарантіей его популярности. Но права по происхожденію... Эти маркизы, графы, шевалье, которымъ стоило только родиться, чтобы повелѣвать... Послушай, это такая аномалія челоувѣчества, что по моему о ней грѣшно даже говорить.

— Сознаюсь только въ томъ, что практическое примѣненіе права наслѣдственности создавало столько злоупотребленій, что возбудило общую ненависть противъ самаго права. Но злоупотребленія могутъ быть вездѣ и во всемъ. Отрицать же право передачи дѣтямъ части уваженія, которое заслужилъ отецъ, значить вызывать поклоненіе капиталу. А поклоненіе капиталу, возведеніе капитала на пьедесталъ идола, поклоненіе золотому тельцу, пожалуй, поведетъ къ такимъ злоупотребленіямъ, которыя заставятъ пожалѣть о тиранствѣ рода. Знаешь, нѣтъ ничего безсердечнѣе, ничего злѣе капитала, когда онъ въ силѣ и знаетъ, что, благодаря этой силѣ, онъ вѣдъ преслѣдованія. Я не одинъ разъ имѣла случай въ этомъ убѣдиться, даже бывши въ монастырѣ, особенно слушая сестру моей первой воспитательницы о дѣлахъ ея умершаго мужа. Да и справедливо ли? Вотъ положимъ Вашингтонъ трудится, бьется, ни себя, ни силъ своихъ не жалѣетъ. Въ то же время, положимъ работаетъ ктонибудь другой, хоть по поставкѣ чегонибудь арміи. Положимъ рабо-

таеть честно, но не забываетъ и себя. А можетъ быть и не честно работаетъ, даже снабжаетъ ту и другую армію, смотря потому, которая въ данный моментъ выгоднѣе платитъ. Ясно, что Вашингтонъ не наживетъ и не можетъ нажить ничего. Если онъ былъ бѣднякомъ, онъ и умретъ бѣднякомъ. А тотъ, другой, явится богачемъ, и можетъ быть какимъ еще богачемъ, именно представителемъ капитала. Справедливо ли: если сынъ Вашингтона долженъ будетъ по бѣдности улицы мостить, а сынъ этого новаго богача, котораго, можетъ быть и не повѣсили только потому, что онъ не попался, будетъ благодушествовать и наслаждаться,—пожалуй еще будетъ давить бѣдняка, добывающаго себѣ пропитаніе трудомъ.

— Что дѣлать! Въ дѣлахъ человѣческихъ..

— Должно быть стремленіе къ справедливости. Если я имѣю право нажитые моимъ трудомъ капиталы передать своимъ дѣтямъ, то нужно, чтобы я могла передать имъ и часть заслуженнаго моими трудами уваженія. Въ противномъ случаѣ, капиталъ получить преобладаніе и, уничтоживъ родъ, станетъ подавлять собою трудъ. Все будетъ принесено въ жертву золотому тельцу, все подавлено бездушнымъ эгоизмомъ капитала. А такой гнетъ, въ свою очередь, не можетъ не вызвать ропота, не возбудитъ протеста со стороны труда. Не забудь, другой мой, что если родъ и обижаетъ трудъ презрѣніемъ, невниманіемъ, разсѣянностью и пустотою, то никогда не давитъ его сознательно, никогда не допускаетъ умирать съ голоду. Абсолютные монархи, не забудь, всегда стоятъ за народъ. Капиталъ — другое дѣло, онъ не презираетъ, онъ давитъ. Съ поклономъ и ласкою онъ готовъ уморить за грошъ цѣлую провинцію. Отецъ Флавіо много разъ объяснялъ мнѣ эту сторону вопроса. Онъ говорилъ, что съ правами рода естественно сближаются и права капитала, и одинъ уравниваетъ другой. Но когда права рода уничтожаются, а передается отъ отца къ сыну только капиталъ, то въ концѣ концовъ все начинаетъ стремиться только къ наживѣ, не думая ни о Богѣ, ни о людяхъ. Я не люблю иезуитскихъ выводовъ. Они всегда будто не досказываютъ, будто что-то подразумеваютъ. Но въ этомъ отношеніи, мнѣ кажется, отецъ Флавіо былъ правъ. Онъ говорилъ: пройдетъ много ли, мало ли лѣтъ, но за уничтоженіемъ вопроса о родѣ, возникнетъ вопросъ труда; возникнетъ можетъ быть негѣно, дико, такъ какъ никто не изучаетъ и не рассматриваетъ этихъ отношеній съ научной точки зрѣнія, никто не посвящаетъ себя ихъ изученію со стороны математически точнаго, логическаго ана-

лиза. Всѣ фразерствуютъ, а фраза не есть изученіе! И вотъ, говорилъ отецъ Флавіо,—рабочій вопросъ возникнетъ непременно и выразится ужасными послѣдствіями, потому что въ основѣ его будетъ озлобленіе. Въ этомъ, по моему, іезуитъ правъ. И когда я раздумываю объ этомъ, то очень колеблюсь относительно своихъ дѣтей. Должны ли они быть непременно американцами, идеаломъ которыхъ долженъ быть только капиталъ, или отправить ихъ въ Россію, гдѣ, при небольшомъ ходатайствѣ, они получаютъ большія или меньшія родовыя права? Хотѣла бы я, признаюсь, знать, что теперь дѣлается въ Россіи?

Но ни разсуждать объ этомъ, ни узнавать нашей бывшей княжнѣ, теперь мистрисъ Ли, не удалось. Практическая жизнь охватила все семейство своею силою и привлекла къ себѣ все ихъ вниманіе. Начало войны, не смотря на всѣ усилія Вашингтона, оказалось весьма неудачнымъ. Англичане заняли уже Бостонъ и двигались внутрь страны. Нашъ молодой супругъ Ли былъ вынужденъ на защиту отечества. За нимъ послѣдовала и преданная ему супруга, оставивъ дѣтей на рукахъ бабушки. Положеніе Вашингтона было ужасное. На него съ фронта наступала англійская армія, незначительная по силамъ, но стоявшая высоко по своему искусству, стойкости и хладнокровію. Она была открыта торжествомъ побѣды и не сомнѣвалась въ томъ, что раздавить сопротивлявшіеся остатки разбитой и необученной арміи инсургентовъ. Съ фланга подвигались гесенцы. Они шли съ гордымъ презрѣніемъ къ сволочи, которую были призваны разбить. Они не знали, да и знать не хотѣли, за что дерутся, за кого дерутся. Они были призваны, чтобы разбить. И откормленные, какъ быки, удовлетворенные всѣмъ, чѣмъ только можно было ихъ удовлетворить, они шли на вѣрную побѣду, особенно когда узнали, что начало побѣды положено, и что возставшая сволочь уже бѣжитъ. А въ тылу Вашингтона формировался англичанами вспомогательный канадскій корпусъ, который долженъ былъ отрѣзать Вашингтону всякое отступленіе. Корпусъ этотъ уже давалъ себя чувствовать, начавъ движеніе.

И такъ, съ трехъ сторонъ Вашингтонъ долженъ былъ быть смятъ, разбитъ, раздавленъ. Ему не было спасенія. А въ это время собранная милиція, по случаю истеченія 12-ти-мѣсячнаго срока, на который была сформирована, не смотря ни на какія убѣжденія, разошлась по домамъ, оставивъ своего главнокомандующаго чуть не одного, съ его штабомъ, на полный произволъ судьбы.

Не смотря на полное хладнокровіе и находчивость, не смотря

на совершенное самоотрицаніе и готовность на все, Вашингтонъ не находилъ исхода. У него не оставалось и 3,000 штывовъ волонтеровъ, деморализованныхъ пораженіемъ и оставленіемъ своего знамени товарищами; а на него шло пятнадцать тысячъ хорошо устроеннаго и опытнаго войска англичанъ, 20,000 гесенцевъ, да 8,000 готовилось въ тылу. Что тутъ было дѣлать?

Но благотворность дѣли, образуемой самою идеею борьбы за свободу, вызывала къ себѣ общее сочувствіе. Сочувствіе это обозначалось непрерывно матеріальными и нравственными знаками выраженія. Волонтеры, желавшіе сражаться подъ поднятымъ знаменемъ свободы, являлись непрерывно; со всѣхъ сторонъ стараго и новаго свѣта присылались пожертвованія, со всѣхъ сторонъ готовилась помощь.

Какъ въ первыя минуты, когда, можно сказать, идея вооруженнаго сопротивленія была только въ предположеніи, когда не имѣлось въ виду еще почти никакихъ средствъ, кредитъ, открытый Ли изъ капиталовъ своей невѣсты, далъ первыя силы мысли о вооруженномъ возстаніи, такъ и тутъ вдругъ въ самую отчаянную минуту явилась неожиданная помощь.

Мысль о борьбѣ за свободу, вызывавшая къ себѣ полное сочувствіе во Франціи, особенно смутила молодую, мечтательную голову маркиза де-Лафайета, только что получившаго громадное наслѣдство послѣ своего отца, одного изъ первыхъ банкировъ Франціи. Общая народная ненависть французовъ къ англичанамъ, униженіе Франціи, вынужденной заключить передъ тѣмъ парижскій миръ, и свойственное французамъ стремленіе къ лихорадочной политической дѣятельности увлекли молодого человека, и онъ на свой собственный счетъ снарядилъ восемь небольшихъ кораблей и сформировалъ отрядъ въ семь тысячъ отборнаго войска. Съ этимъ-то отрядомъ онъ неожиданно-негаданно явился на помощь Вашингтону.

Разумѣется, онъ былъ принятъ, какъ спаситель жизни и чести. Да онъ и дѣйствительно спасъ и жизнь, и честь, даже болѣе, онъ спасъ свободу и все будущее сѣверной Америки.

Его отрядъ отъ шести до семи тысячъ храбрецовъ-французовъ, превосходно обученныхъ и снаряженныхъ, въ соединеніи съ четырьмя или пятью тысячами волонтеровъ, которыхъ Вашингтону удалось набрать, помогли остановить напоръ англичанъ. Фланговое движеніе спасло Вашингтона отъ нападенія гесенцевъ и онъ могъ занять брѣвную позицію въ ожиданіи, пока идущіе со всѣхъ сторонъ на помощь своему главнокомандующему отряды, между прочимъ и подъ начальствомъ Ли, уси-

дать его настолько, что онъ будетъ въ состояніи начать наступательное движеніе противъ соединившихся непріятелей.

Во все это время мистрисъ Ли слѣдовала за своимъ мужемъ, окружая его неусыпными попеченіями, образуя около него и среди военныхъ тревогъ ореолъ безмятежнаго и тихаго счастья. Ея самоотрицаніе, готовность къ самопожертвованію, забота о всемъ и о всѣхъ, кто имѣлъ въ ея мужу хоть какое нибудь отношеніе, были безпримѣрны. Всѣгда веселая, съ живымъ участіемъ ко всякому страданію, неутомимая въ трудахъ и заботахъ о мужѣ, она была общою отрадою, общою радостью даже въ то время, когда все колебалось, когда все находилось въ сомнѣніи. Мужъ ея чувствовалъ, что она не только не мѣшаетъ, но положительно оживляетъ, восстанавливаетъ его въ самомъ себѣ, образуетъ въ его груди ту энергію, которая создаетъ побѣду.

Тутъ только онъ понялъ, какъ глубоки, какъ сильны эти, казалось, холодные, спокойные глаза, сколько въ нихъ могущества, жизни. Онъ начиналъ боготворить жену свою, какъ боготворилъ ее весь его отрядъ.

Однажды, послѣ сильнаго аванпостнаго дѣла, въ которомъ особенно отличился Ли, напавъ съ фланга на подвигавшагося впередъ непріятеля, привели весьма много плѣнныхъ. Въ числѣ этихъ плѣнныхъ наца бывшая княжна, къ великому своему изумленію, прочитала имя священника, который ее вѣнчалъ. Что это значитъ? Какимъ образомъ русскій священникъ попалъ къ англичанамъ? Вѣдь онъ уѣхалъ тогда въ Россію? Она сама его провожала, сама видѣла его на купеческомъ кораблѣ, конечная цѣль плаванія котораго была Венеція, откуда онъ считывалъ черезъ Вѣну и Варшаву прибыть въ Петербургъ, и вдругъ онъ здѣсь, въ числѣ плѣнныхъ англичанъ. Какъ это случилось, и былъ ли онъ въ Россіи?

Священникъ, разумѣется, былъ обласканъ, снабженъ всемъ нужнымъ и приглашенъ въ помѣщеніе, занимаемое начальникомъ отряда. Тамъ встрѣтили его мистеръ и мистрисъ Ли.

Онъ вспомнилъ молодую чету, которую благословлялъ и которая потомъ такъ радушно его принимала и ухаживала, помогая во всемъ, въ чемъ онъ встрѣчалъ нужду, возвращаясь въ отечество. Онъ видѣлъ, что благословеніе его привело ихъ къ полному, безпредѣльному счастью, и изумился, что они оба могли довольно свободно говорить по-русски.

— Какимъ образомъ, отецъ Василій? вскрикнула мистрисъ Ли, обрадовавшись видѣть священника, когда тотъ вошелъ. — Я

вѣрить не хотѣла, прочитавъ ваше имя въ числѣ взятыхъ англичанъ. Вѣдь вы вѣхали отсюда съ непремѣннымъ намѣреніемъ быть въ Петербургѣ и просить всеильнаго временщика Ивана Ивановича Шувалова перевести васъ изъ вашей епархіи. Вы видите, не смотря на столько лѣтъ, я ничего не позабыла о Россіи.

— Привелъ Богъ опять свидѣться! Былъ и въ Петербургѣ, и изъ епархіи перевели, а все опять сюда попалъ, матушка княжна, или княгиня теперь, не знаю какъ и назвать...

— Никакъ, никакъ, отецъ Василиій! Я просто гражданка великаго сѣвернаго союза Америки и не хочу быть ничѣмъ другимъ. Какое чудо опять принесло васъ въ намъ?

— Воля Божія, матушка, судьба такая выпала! Она отговариваю, вотъ и попалъ сюда.

— Какъ сына? Что такое? Расскажите, отецъ Василиій! Пойдите, я приважу дать вамъ чего нибудь освѣжающаго; не прикажете ли хоть этой травы, изъ-за которой началась наша война, не прикажете ли чая?

Отецъ Василиій поблагодарилъ и началъ рассказывать.

— Вы помните, матушка, что я хотѣлъ просить, чтобы перевели меня изъ епархіи. Ну меня и перевели, только не въ Петербургъ, куда мнѣ хотѣлось, а въ Малороссію, въ Черниговъ, а со мною перевели и сына въ тамошнюю семинарію. Сынишка у меня былъ одинъ, да такой шустрый, разумный, латынь всю проиозшелъ. Экзаменъ въ семинаріи сдалъ отлично, похвальный листъ получилъ, и утѣшеніемъ мнѣ подъ старость обѣщаль быть. На обѣду голосъ его понравился архіерею. Онъ и взялъ его къ себѣ въ иподіаконъ. А архіерей у насъ былъ у—какой нравный! Чуть что, бывало, не по немъ, хоть въ алтарѣ, передъ престоломъ Божиимъ, хоть гдѣ, не говоря дурнаго слова, такъ въ зубы и наровить. А сынъ мой тоже былъ нетерпѣливъ, молодъ. Только вотъ какъ-то во время служенія сынъ позабылъ орла ему подъ ноги подать, какъ надлежало по чину. А у архіерея свѣча въ рукахъ горящая была. Онъ свѣчею то, да прямо сына въ бороду. Борода вспыхнула. А сынъ, самъ не помни себя отъ страха и боли, возьми да и зауши его... Во время служенія-то и въ полномъ облаченіи!.. Ну за это смертная казнь, и говорить нечего... Только сынъ-отъ долго не думалъ. Стихарь положилъ подъ жертвенникъ въ придѣлѣ, а самъ, пока владыка-то ошеломленный еще не сообразилъ что дѣлать, и всѣ предстоящіе стояли, какъ очумленные, взялъ да въ боковыя двери и убѣжалъ, а тамъ и слѣдъ простылъ.

— Почему же вы думаете, что онъ въ Америкѣ? спросила мистрисъ Ли.

— Я не думаю, а знаю. Прошлый-то разъ, какъ я здѣсь былъ... съ англичаниномъ Гордономъ прѣѣзжалъ. Ему наша статсъ-контора порученіе дала, узнать, не выгодно ли будетъ здѣсь, чѣмъ въ Лондонѣ, для двора бразильскіе самоцвѣты покупать. Ему нуженъ былъ русскій, чтобы переписываться съ конторою. Гордонъ по-нѣмецки хорошо говорилъ, ну и я по-нѣмецки-то маракую, онъ меня и взялъ; а чтобы повадѣе мнѣ ѣхать было, обѣщала, коли дѣло устроится, кое-какую выгодинку предоставить. А я съезжала любить въ чужія земли ѣздить и на чужой порядокъ смотрѣть. Такъ вотъ, какъ былъ-то я здѣсь, сдружилса очень въ Бостонѣ съ нѣмцемъ Шмидтомъ и о немъ много говорилъ, расхваливая передъ домашними и здѣшнюю живнѣ, и здѣшніе порядки и обычаи. Мой сынъ, какъ уѣѣгъ-то, такъ добралса до Америки и прямо въ нему. Шмидтъ ко мнѣ самъ писалъ; пишетъ: «очень, моль, убивается, что родную сторону на вѣѣв оставить долженъ, да и трудно ему здѣсь работу достать. Выучилъ онъ хорошо латынь, ну а куда ему здѣсь съ латынью?» Ну да что дѣлать-то было? Пока синодскииъ оберъ-прокуроромъ, а потомъ и генераль-прокуроромъ былъ князь Яковъ Петровичъ Шаховской, выпросить прощѣнія и думать было нечего. Ну, а какъ его смѣнили и князь Никита Юрьевичъ Трубецкой опять взял силу, мы и выпросили, чтобы сыну-то только годъ подъ началомъ быть, благо архіерей-то нашъ померъ и жаловаться было некому. Вотъ какъ выпросили прощѣніе, я и побѣхалъ; думаю: самъ посмотрю, урезоню и уговорю. Вѣѣдъ одинъ, вѣѣкомъ назнать... Прѣѣхалъ въ Бостонъ, а онъ уже занятъ англичанами; жители разбѣжались вто куда, съ Шмидтомъ и сынъ уѣхалъ. Хотѣлось за нимъ, англичане не пускаютъ. Что было дѣлать? Нанялся при отрядѣ переводчиномъ съ нѣмецкаго и попалъ въ плѣнъ; надѣюсь, отпустить теперъ сына искать.

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, отецъ Василій; но вы сутеи, другія, у насъ погостите, отдохните. Мы постараемся и о сынѣ вашемъ свѣдѣнія собрать.

Отецъ Василій благодарилъ.

Задумалса княжна послѣ разсказа отца Василія. Не понравилса ей порядокъ, въ которомъ зажженою свѣчею въ бороду суютъ; не понравилось и то, что при одномъ генераль-прокурорѣ—смертная казнь, а при другомъ за одно и то же—легкое наказаніе.

«Оно такъ, думала мистрисъ Ли,—нельзя поклониться исклю-

чительному преобладанію капитала, но похвалить и самодурный произволъ тоже какъ-то сердце щемить. Что же такое? Гдѣ же справедливость, гдѣ же истина?»

И она начала спрашивать отца Василія о Россіи, о томъ, что было тамъ втеченіи всего времени, какъ она, уѣхавъ изъ Парижа, не имѣла о своемъ отечествѣ никакихъ свѣдѣній.

Священникъ началъ ей рассказывать. Онъ рассказывалъ ей о семилѣтней войнѣ, о томъ, какъ русскія войска, не смотря на то, что завѣдываніе, управленіе и командованіе ими было изъ рукъ вонъ дурно, довели прусскаго короля до того, что онъ хотѣлъ покончить съ собою самоубійствомъ; навъ вся Пруссія уже была завоевана, Берлинъ взятъ и тамъ чеканилась уже русская монета. И какъ въ ту самую минуту, какъ онъ думалъ уже наложить на себя руи, онъ вдругъ узналъ, что императрица Елисавета скончалась.

— Извѣстіе о послѣдней побѣдѣ нашей, взятіи Румянцевымъ крѣпости Кольберга, пришло въ самый день смерти государини, рассказывалъ священникъ. — Она едва успѣла обрадоваться, наша матушка; велѣла въ петропавловской крѣпости въ пушежь паличь, благодарственный молебенъ служить, народу обѣщать. Вѣдь она была наша русская, кровная, Великаго Петра дочь, такъ радость-то народная была и ея радостью. Только послѣдніе-то выстрѣлы радостные не успѣли еще смолкнуть, какъ загудѣлъ похоронный колоколь въ церкви св. Спиридонія въ адмиралтействѣ, куда на время перестройки перенесли престоль придворнаго исавіевскаго собора. Матушка-то наша скончалась и теперь на томъ свѣтѣ Богу молится за землю нашу православную.

Священникъ говорилъ это, а у самого слезы сверкали на глазахъ.

— Ну и что-жь? Вѣдь у нея наследникомъ былъ ея родной племянникъ.

— Да. Только племянникъ этотъ былъ какой-то межеумокъ, прости Господи! Будто и не русскій. Перво-на-перво надъ обрядомъ христіанскимъ смѣяться началъ; православную церковь не взлюбилъ. Не говоря о томъ, что священническихъ и дьяконскихъ дѣтей въ рекрутчину записать велѣлъ, что всѣ имѣнія монастырскія, богобоязненными людьми и благочестивыми древними царями пожертвованныя на поминъ души ихъ и прославленіе имени Божія, у монастырей отнялъ; но началъ самныя церкви закрывать. Домовныя церкви, почитай, всѣ закрылъ. Изъ приходскихъ церквей образа велѣлъ повывосить и, говорятъ,

преосвященнѣйшаго архіепископа новгородскаго и петербургскаго хотѣлъ самъ своими руками остричь и обрить, да ужь государыня-императрица, вотъ, пожалуй, и нѣмца по роду-то, а на дѣлѣ-то настоящая наша, православная, такъ она какъ-то отмолила.

Да и государыню-то саму и съ сыномъ своимъ великимъ княземъ онъ погубить задумалъ, продолжалъ священникъ, видимо возмущаясь рассказываемымъ.—Видите, сошелся онъ тутъ съ фрейлиной какой-то и выбралъ-то, говорить, что: ни на есть хуже, да съ ней вотъ самой и стоворился, чтобы жену-то съ сыномъ въ вѣрѣсть; а тамъ въ монастырь захотѣтъ, такъ въ монастырь, а вѣтъ такъ, говорить, рѣшилъ въ куль, да въ воду. Это онъ рѣшилъ о государынѣ-то и о своемъ собственномъ родномъ дѣтищѣ, послѣдней, можно сказать, отрасли Великаго Петра, а все для того, чтобы на фрейлинѣ-то этой самой обвинчатся.... Волосы дѣбкомъ становятся, какъ послушавешь, что онъ тамъ наговорить хотѣлъ, да Богъ не попустилъ...

— А что?

— Съ королемъ прускимъ сейчасъ же миръ заключилъ и всѣ земли, что у него завоевали, даромъ отдалъ. А потомъ велѣлъ, говорить, на своихъ же союзниковъ идти. Гвардію изобидѣлъ въ пражѣ, а все черезъ своихъ голштинцевъ. Съ Даніею войну сочинилъ. Видите, какой-то принцъ, дѣдъ ему или прадѣдъ, былъ Даніею обиженъ, такъ онъ за него отомститъ хотѣлъ. Наконецъ и въ жизни-то такъ чудить началъ, что только ахать, да дивиться приходилось. Вотъ матушка государыня видитъ, что такое чудовство до добра не доведетъ,—а какъ онъ велѣлъ уже ее арестовать, то она вняла, да и пошла на него войною сама...

— И что-жь?

— А ужь тутъ не знаю, что и сказать. Въ самомъ ли дѣлѣ на душѣ чьей грѣхъ, или ужь точно Божеское попущеніе,—онъ же все вешунствовалъ надъ милостію Божіею,—только вдругъ, ни съ того, ни съ сего, приключился съ нимъ ударъ, и онъ Богу душу отдалъ...

— Какъ? умеръ?

— Да. На престолъ вступила, по малолѣтству сына, матушка государыня Екатерина Алексѣевна. Ну про эту сказать нечего; царица добрая, умная и сдержанная. Только какъ Богъ ее поддержитъ и укрѣпитъ!

— Какъ! такъ теперь въ Россіи царствуетъ...

— Государыня Екатерина Алексѣевна, Екатерина II, какъ

ее называютъ. И какъ она, матушка, все въ рукахъ держать, издали посмотрѣть любо. Только трудно же ей, матушкѣ, зѣло трудно!

— Отчего же ей труднѣе, чѣмъ комунибудь другому?

— Да отъ того, что все же она не своя; а бояре наши напуганы ужь нѣмецкимъ-то царствомъ. И что грѣха таить, любятъ таки покрамольничать. Вотъ теперь они и подпускаютъ разнымъ каверзамъ. Сперва было Иванушку поднять хотѣли, ну— не удалось, такъ въ другую игру бросились; сочинили новую смугу. Вдругъ на Дону явился разбойникъ и объявилъ, что Петръ же умеръ; что онъ явится народу и пойдетъ на бояръ, всѣхъ, дескать, перевѣшаетъ, а народу окажетъ милость, пожалуетъ его бороною и волею... И что-жъ вы думаете, вѣдь нашелся таковой, явился...

— И народъ повѣрилъ?

— Повѣрилъ ли, не повѣрилъ, а пошелъ за нимъ. Вѣдь воля-то больно соблазнительна. Пошелъ, да еще какъ, чуть не къ самой Москвѣ подступилъ, Казань, почитай, всю выжегъ, только крѣпость одна отсидѣлась... Кажется чего бы еще? Такъ и тутъ нѣтъ. Бояре придумали какую-то княжну Владимірскую...

— Владимірскую! всерянули разомъ и мужа, и жена.— Это что такое?

— Да, Владимірскую! Сочинили, что она близкая родня покойной государынѣ, кто говорилъ племянница, а кто и дочь,—и что вотъ ей-то и слѣдуетъ царствомъ править, коли ужь ни Иванушки, ни Петра нѣтъ! Говорятъ, что и къ разбойнику-то тому, что себя Петромъ называлъ, писали,—послали ему голштинское знамя и старались, чтобъ обоихъ ихъ вмѣстѣ сладить. Одинъ, дескать, племянникъ, а другая дочь, двоюродные братъ и сестра, за одно дѣло стоятъ противъ узурпаторства... т. е. противъ государыни-то. Вотъ тутъ и понимаешь, какъ знаешь... Однимъ словомъ, такую путаницу ведутъ, что ни дай, ни вынеси...

— Позвольте, батюшка, однакожъ, спросила мистрисъ Ли.— Что вы говорите? Княжна Владимірская—это я, одна въ цѣломъ мѣрѣ. Другой княжны Владимірской нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ старшей представительницей рода князей Владимірскихъ и Суздальскихъ избрана я и по роду, и по завѣщанію, утвержденному покойною государынею. Если же явилась какая другая, то это подлогъ, обманъ...

— Какъ вы? спросилъ священникъ съ изумленіемъ.— Сколько

помнится... Священникъ вѣнчалъ ее подъ именемъ княжны Анастасіи Андреевны Зацѣпиной, дочери князя Андрея Дмитриевича, поэтому невольно остановился въ сомнѣніи.

— Да, я—Владимірская-Зацѣпина, родная племянница покойной императрицы Анны Ивановны, отъ ея сестры Парасковьи Ивановны. Князья Зацѣпины—наше родовое прозвище—теперь старшіе представители московскаго дома, бывшаго князьями Владимірскими, а потомъ и царями Москвы. Мой кузень, за отстраненіемъ въ наслѣдованіи правъ его братьевъ, былъ послѣднимъ мужскимъ представителемъ этого рода, за нимъ осталась я. Но онъ передавалъ мнѣ свои права и свое наслѣдство съ тѣмъ, чтобы я вышла замужъ непременно за одного изъ боковыхъ потомковъ этого рода. А я вотъ царству надъ цѣлымъ міромъ предпочитаю его... и она поцѣловала своего мужа тѣмъ же чистымъ и страстнымъ поцѣлуемъ любви, который когда-то, въ присутствіи того же священника, дала ему передъ престоломъ Божиимъ.

Ласка жены вызвала въ отвѣтъ нѣжность мужа.

— Кто же однакожъ смѣетъ злоупотреблять твоимъ именемъ, мой другъ? спросилъ Ли, лаская жену.—Такого злоупотребленія допустить нельзя! Оно можетъ нанести глубокой вредъ. Нужно раскрыть, непременно нужно раскрыть.

— Да, мой милый, нужно раскрыть! И я тебя прошу, какъ только кончатся твои здѣшнія обязанности, съѣздить со мною въ Россію. Этого требуетъ не только моя любовь къ родной странѣ, которую я хоть и не видала, но все же люблю, все же ей обязана... Притомъ, выяснитъ обманъ, разоблачитъ злоупотребленіе—это моя обязанность, этого требуетъ честь моего имени, требуетъ честь рода... Вѣдь ты принесешь мнѣ эту жертву?

И она прильнула къ мужу, склонивъ свою голову на его плечо.

Картина была такъ нѣжна и такъ искренна, что священникъ невольно ею залюбовался. Ему невольно пришло въ голову: «Имъ и въ самомъ дѣлѣ не нужно царскаго вѣнца. Они не позавидуютъ трону Екаторины. Счастливы! Вотъ оно единственное, истинно завидное счастье на землѣ»...

Но на землѣ видно счастьемъ не суждено быть продолжительнымъ. Въ тотъ же день супруги получили письмо отъ матери, коимъ извѣщались, что оба малютки ихъ, играя раннимъ утромъ въ саду, должно быть простудились и захворали оспою.

Мужъ былъ связанъ обязанностью, онъ стоялъ лицомъ въ лицу противъ непріятеля; а мистрисъ Ли, наша бывшая милая княжна, не медля ни минуты, была вынуждена оставить лагерь мужа и лѣтъ, чтобы ходить за больными дѣтьми.

Весь лагерь провожалъ ее съ глубокимъ сочувствіемъ...

— Она была нашимъ ангеломъ, нашей радостью, говорили солдаты, — да хранить ее Господь!

А. Шардинъ.

(Продолженіе будетъ).

ПАРИЖЪ ВЪ ПЕРИОДЪ ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ.

НОВЫЕ ОЧЕРКИ ИЗЪ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ ОТРАНЫ МИЛЛАРДОВЪ,

СОЧИНЕНІЕ МАЦСА НОРДАУ.

Отъ церкви *Madeleine* до площади *Настилин*.

Четыре часа пополудни. Съ безоблачнаго, чудно-голубаго неба сіяетъ ясное солнце и, не смотря на довольно позднее время года, таин порядочно припекаетъ гуляющихъ. Это одинъ изъ изъ тѣхъ великолѣпныхъ осеннихъ парижскихъ дней, которые положительно могутъ быть названы запоздалыми лѣтними днями. Какая жизнь кипитъ по всѣмъ улицамъ. Какъ весь этотъ людъ торопится насладиться этими грѣющими солнечными лучами, этимъ мягкимъ воздухомъ, этою дивною небесною лазурью. Мы находимся съ вами, читатель, прямо передъ церковью *Madeleine*, отсюда направо и направо разбѣгаются на необозримую даль разные бульвары; впереди у насъ *Rue Royale*, *Place de la Concorde*, далекая, воздушная перспектива которой заканчивается колоннадой *Palais Bourbon*. Осени и каштанн бульваровъ, лавазшіеся какъ-бы поблекшими и высокими впро-долженіи знойнаго лѣта, теперь снова покрылись молодою, чисто весеннею, свѣжемъ, свѣтло-зеленою листвою, посреди которой мелькаютъ кое-гдѣ даже цвѣточныя почки. Для нихъ какъ-будто наступила вторая весна. *Rue Royale* биткомъ набита

изящными экипажами, которые тянутся въ нѣсколько непрерывныхъ рядовъ и въ которыхъ обладатели ихъ отправляются въ Bois, или возвращаются оттуда. Снующіе по тротуарамъ мушкетеры-пѣшеходы, одѣты по большей части въ лѣтніе костюмы, въ свѣтлыхъ панталонахъ и въ сюртукахъ на распахву, причемъ у всякаго въ петлицѣ маленькій букетъ живыхъ цвѣтовъ. Въ дамскихъ туалетахъ хотя и преобладаютъ темные цвѣта, но встрѣчается также еще очень много болѣе свѣтлыхъ платьевъ, которыя осмѣлились еще въ послѣдній разъ показаться при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, пока не отправятся въ шкафы на зимній отдыхъ.

Здѣсь обыкновенно останавливаются всѣ omnibuses, отправляющіеся отъ Madeleine до Place de la Bastille. Я не знаю болѣе пріятной прогулки по парижскимъ бульварамъ въ теплый осенній день, какъ проѣхать на имперіалѣ этихъ omnibuses. И такъ, мѣшать нечего, нужно поскорѣе забраться на верхъ.

Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ здѣсь завели новый типъ общественныхъ экипажей; это чудовищныхъ размѣровъ вагоны, везомые тремя сильными, рослыми лошадьми и заключающіе въ себѣ сорокъ покойныхъ мѣстъ для пассажировъ; имперіалъ, куда ведетъ весьма покойная лѣстница, доступенъ также и для дамъ, между тѣмъ какъ такое отдѣленіе въ omnibusaxъ прежняго устройства было невозможно для личностей, не обладающихъ особенною цѣпкостью, и потому предоставлено исключительно лишь въ распоряженіе мушкетеровъ. По лѣстницѣ отъ Madeleine - Bastille теперь не ходятъ болѣе никакіе другіе omnibuses, кромѣ вышеупомянутыхъ вагоновъ - monstres.

Вы видите, что теперь тутъ стоятъ одинъ за другимъ въ рядъ три вагона. Первый уже совсѣмъ полонъ и сію минуту тронется въ путь. На имперіалѣ втораго есть еще нѣсколько мѣстъ свободныхъ, и я спѣшу занять одно изъ нихъ. Мой сосѣдомъ съ правой стороны оказывается, по всей вѣроятности, англичанинъ, который, съ своимъ разложениемъ на колѣняхъ гидомъ, очевидно предпринимаетъ революціонную поѣздку по Парижу. Слева около меня сидитъ молодой человѣкъ, одѣтый весьма вульгарно, но съ явными претензіями на элегантность: пестрый галстукъ, красныя лайковыя перчатки съ продольными вышивками чернымъ шелкомъ съ наружной стороны, бросечная шляпа, свѣтлый жилетъ подъ сюртукомъ съ расходящимися фалдочками, — по всей вѣроятности какой нибудь сошникъ изъ моднаго магазина; сосѣдъ его представляетъ собою полнѣйшую противоположность: толстый, краснолицый, старо-

можно одѣтый, въ широкихъ, неуклюжихъ башмакахъ, въ короткихъ панталонахъ, въ долгополомъ голубовато-стального цвѣта сюртукѣ, съ фуляромъ на шеѣ, и въ такомъ удивительномъ цилиндрѣ, который вѣроятно былъ свидѣтелемъ появленія кометы въ 1836 году. Оба перекидываются между собою нѣкоторыми фразами самымъ дружелюбнымъ образомъ. Молодой говоритъ весело, развязно, а старикъ, напротивъ, серьезно, почти торжественно. Оказывается, что это дядюшка, пріѣхавшій изъ дальняго провинціального захолустья, которому пристроившійся въ Парижѣ племянникъ показываетъ городъ. Наконецъ, позади меня, спиною къ спинѣ къ нашей сторонѣ, помѣстились двое людей, служащихъ при кассѣ какого нибудь банка, которыхъ всегда можно узнать по ихъ костюму: синему фраку съ металлическими пуговицами, треугольной шляпѣ и большимъ, пузатымъ портфелемъ, прицѣпленнымъ на мѣдной цѣпочкѣ къ пуговицѣ сюртука.

— Ну, что же? Скоро мы, наконецъ, двинемся отсюда, или еще насъ долго заставятъ здѣсь считать воронъ? ворчливымъ тономъ спрашиваетъ почтенный провинціалъ.

— Попробуйте написать кондуктору любовную записку, можетъ быть этимъ способомъ вы, наконецъ, тронете его желѣзное сердце! отвѣчаетъ молодой человѣкъ со смѣхомъ. Онъ по всей вѣроятности полагалъ, что сказалъ нѣчто удивительно остроумное.

Я положительно не постигаю, какъ можно соскучиться здѣсь въ продолженіи тѣхъ немногихъ минутъ, которыя приходится ждать. Нужно быть или въ высшей степени нетерпѣливымъ, или сосредоточеннымъ лишь единственно въ самомъ себѣ человѣкомъ. Потому что, куда вы не обернетесь, всюду передъ вашими глазами открывается великолѣпнѣйшая панорама, а подъ ногами вашими снуетъ пестрая, ежеминутно смѣняющаяся толпа, среди которой выдѣляется множество молодыхъ дѣвушекъ, продающихъ гуляющимъ букеты изъ живыхъ фіалокъ. Около васъ цѣлые десятки разнощиковъ радикальныхъ газетъ выкрикиваютъ на всевозможные голоса и съ разными модуляциями заглавіе продаваемыхъ ими листовъ и положительно осаждаютъ пассажировъ отъѣзжающихъ omnibusовъ, поднося экземпляры своего товара на длинныхъ шестахъ почти въ самому носу помѣстившихся на имперіалѣ, что вызываетъ восторженное одобреніе со стороны провинціального дядюшки, который въ восхищеніи восклицаетъ:

— Прекрасно, нечего сказать! Хитрая выдумка! И потомъ

помолчавъ немного, съ благоговѣйнымъ вздохомъ прибавляетъ:— Да, на такія вещи мастеръ только одинъ Парижъ!

Черезъ дорогу, на противоположномъ тротуарѣ поставленъ цѣлый рядъ желѣзныхъ стульевъ, которые всѣ заняты сидящими на нихъ разряженными, пожилыми дамами, съ сѣдыми, тщательно взбитыми буклями на вискахъ. Эти дамы, въ хорошую погоду, постоянно приходятъ сюда послѣ полудня, чтобы часокъ-другой поглотить уличной пыли и подышать насыщенною аміакомъ атмосферою водосточныхъ трубъ, посмотрѣть въ свой, оправленный въ золото бинокль на элегантный людъ и повидаться съ своими друзьями, которые, проходя здѣсь въ извѣстный часъ, подходятъ къ нимъ, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе. Это своего рода салонъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ нѣкоторыя изъ этихъ почтенныхъ habituées устраиваютъ нѣчто похожее на пріемные дни, не требующіе никакихъ особенныхъ расходовъ и никакихъ угощеній. Такимъ образомъ, подъ этимъ чуднымъ голубымъ небомъ идутъ веселые разговоры; весь этотъ людъ сплетничаетъ, жеманится, критикуетъ, а мужчины порхаютъ между стульями этихъ, не смотря на свой пожилой возрастъ, съ большимъ оживленіемъ жестивулирующихъ дамъ, что намъ, сидящимъ на имперіалѣ вагона, представляетъ собою весьма занимательное зрѣлище.

Стоявшій впереди насъ вагонъ уже уѣхалъ и слѣдующая очередь будетъ за нами. Вотъ лѣзетъ вверхъ по лѣстницѣ молодой рабочій, одѣтый въ синюю блузу и въ шелковой фуражкѣ съ козырькомъ, съ глиняною трубкою въ зубахъ, и намѣревается занять мѣсто, рядомъ съ англичаниномъ, который сидитъ, вытянувъ ноги и загораживая ими проходъ, и совсѣмъ не думаетъ убрать ихъ прочь, между тѣмъ какъ рабочій все стоитъ передъ нимъ и, прикладывая руку къ козырьку своей фуражки, произноситъ вполголоса: «D'mande pardon!» Англичанинъ не обращаетъ на него никакого вниманія. Тогда тотъ, уже значительно возвысивъ голосъ, снова и настойчивѣе повторяетъ свою фразу: «J'd'mande pardon, m'sieur!», но англичанинъ и не думаетъ перемѣнять своего положенія, вслѣдствіе чего, рабочій, безъ дальнихъ церемоній, шагаетъ черезъ его ноги, задѣвая за нихъ, и грузно садится на свободное мѣсто, растопыривъ локти и пихая ими въ бока своихъ сосѣдей.

Вотъ пріѣхалъ встрѣчный вагонъ и мы сейчасъ должны тронуться въ путь. Въ эту самую минуту изъ бюро омнибусовъ выходитъ чиновникъ и обращается ко всѣмъ намъ съ вопросомъ: «Pas de correspondance?» Дѣло въ томъ, что если кто

хочетъ обратиться по двумъ пересѣкающимъ линіямъ омнибуснаго сообщенія, тотъ долженъ за эту же самую цѣну получить особенный билетъ, дающій право пересадки въ другой омнибусъ. Но такъ какъ никому изъ насъ не понадобилось такого особеннаго билета, то чиновникъ и подаетъ кондуктору знакъ къ отъѣзду, а самъ опять возвращается въ бюро. Въ эту самую минуту къ вагону быстро подбѣгаетъ молодая дѣвушка, съ кожанкою сумкою въ рукахъ, и поспѣшно спрашиваетъ кондуктора:

— Есть еще мѣсто?

— Только одно, на имперіалѣ, отвѣчаетъ тотъ.

Дѣвушка почти бѣгомъ взобралась по лѣстницѣ на верхъ, между тѣмъ какъ явившійся слѣдомъ за ней возлѣ вагона пожилой господинъ, нѣсколько озадаченный такою быстротою, обходитъ вагонъ кругомъ и дѣлаетъ дѣвухѣ знаки головою, какъ-бы приглашая ее сойти и сѣсть въ слѣдующій вагонъ. Дѣвушка слегка краснѣетъ, но отворачивается въ противоположную сторону, оставляя такое приглашеніе безъ отвѣта. Вагонъ трогается съ мѣста и пожилой господинъ нѣсколько времени смотритъ ему вслѣдъ съ видомъ какой-то смѣшной нерѣшительности. Вдругъ онъ скорыми шагами отправляется къ ближайшему мѣсту, гдѣ обыкновенно стоятъ извозчики экипажи, садится въ одинъ изъ нихъ и очевидно приказываетъ кучеру ѣхать вслѣдъ за омнибусомъ.

Вокругъ меня раздается говоръ всѣхъ моихъ сосѣдей, не умолкающій ни на минуту. Сидящіе за моею спиною служители кассы сообщаютъ другъ другу адреса своихъ виноторговцевъ. Племянникъ принимается объяснять дядюшкѣ достопримѣчательности бульваровъ; англичанинъ перелистываетъ свою книгу и повѣряетъ заключающіяся въ ней указанія; молодая дѣвушка время отъ времени посматриваетъ на фіакръ, ѣдущій за омнибусомъ слѣдомъ, и потомъ отворачивается, видимо желая показать свое полнѣйшее равнодушіе.

— Что стоитъ здѣсь такой домъ? вдругъ совсѣмъ неожиданно спрашиваетъ дядя, указывая на большое каменное зданіе, находящееся на углу улицы Caumartin. Озадаченный такимъ вопросомъ племянникъ сначала молчитъ, а потомъ, какъ-бы заикаясь, отвѣчаетъ:

— Право, не могу вамъ сказать навѣрное.

— Какъ, не можешь сказать навѣрное? возражаетъ дядя строгимъ тономъ.—А еще хвастаешься, что знаешь Парижъ, какъ свои пять пальцевъ!

Самолюбіе молодого человѣка сильно уязвлено этими словами, и потому онъ, нисколько не задумываясь, съ истинно геройскою смѣлостью, брякнулъ слѣдующее:

— Извините меня пожалуйста, дядюшка! Это была съ моей стороны маленькая разсѣянность; теперь я вспомнилъ, что этотъ домъ недавно былъ купленъ одной банкирской конторой за 1.615,000 франковъ.

— Oh! la, la! восклицаетъ дядюшка, видимо довольный удовлетвореннымъ отвѣтомъ.

Тингъ! тингъ! тингъ! послышалось вверху. Это кондукторъ отмѣчаетъ количество пассажировъ: онъ прижалъ пуговицу звонка, причемъ въ маленькомъ оконцѣ, находящемся у самыхъ дверей вагона, выскакиваетъ соотвѣтствующій этому количеству номеръ. Затѣмъ онъ появляется на имперіалѣ и звонкимъ голосомъ произноситъ: «Passez vos places!» Молодая дѣвушка прежде всѣхъ положила свои три су въ мозолистую ладонь кондуктора. Я съ своей стороны дѣлаю тоже. Молодой человѣкъ, мой сосѣдъ, начинаетъ рыться въ карманѣ своего жилета, причемъ дядя съ видомъ собственнаго достоинства говоритъ:

— Вотъ еще какія глупости выдумалъ, и, вынимая свой портъ-монъ, съ важностью спрашиваетъ кондуктора:

— Что сидитъ?

— Да что вы развѣ изъ Китая пріѣхали?» спрашиваетъ его кондукторъ, съ удивленной фізіономіей отступая шагъ назадъ; всѣ сосѣди, сидѣвшіе на другой сторонѣ скамейки, съ любопытствомъ оглядываются, племянникъ краснѣетъ какъ піонъ и торопливо шепчетъ несчастному провинціалу вполголоса:

— Я уже говорилъ вамъ, дядюшка, что за насъ двоихъ слѣдуетъ заплатить шесть су; развѣ вы забыли объ этомъ? Дядюшка вынимаетъ изъ кармана одинъ франкъ и, подавая его кондуктору, настоятельнымъ тономъ произноситъ:

— Будьте однакожь повѣжливѣе! Но послѣдній принялъ это замѣчаніе весьма равнодушно и даже насмѣшливо оскалилъ зубы. Рабочій уже приготовилъ свои три су и держитъ ихъ почти передъ самымъ носомъ англичанина, такъ какъ здѣсь заведено, чтобы деньги передавались изъ рукъ въ руки сосѣдами, для врученія кондуктору. Англичанинъ не знаетъ этихъ порядковъ и, вопросительно смотря на своего сосѣда, совсѣмъ и не думаетъ брать у него изъ рукъ деньги. Я поспѣшилъ придти на помощь рабочему, который, передавъ мнѣ свои деньги, снова тяжело отводитъ глаза на спинку скамейки

и смотреть на англо-сакса съ выраженіемъ величайшаго презрѣнія.

Между тѣмъ кондукторъ окончилъ свой сборъ и вручаетъ провинціальному дядюшѣ четырнадцать су сдачи съ полученнаго отъ него франка. Но когда тотъ, повѣряя мелкія деньги, увидалъ въ числѣ ихъ монету въ 50 сантимовъ, то крикнулъ какимъ-то отчаяннымъ голосомъ:

— Кондукторъ! кондукторъ! вѣдь это итальянская монета и она ровно ничего не стоитъ! Кондукторъ и самъ знаетъ это отлично, но надѣялся сбыть ее незамѣтнымъ образомъ; онъ ворча беретъ монету обратно и, отсчитывая дядюшѣ десять су мѣдною монетою, грубо говоритъ:

— Ну, вотъ вамъ хорошія деньги! А я такъ былъ бы радъ, чтобы у меня водились и такія, отъ которыхъ вы отказались. Вотъ вы увидите, что этотъ господинъ сейчасъ возьметъ ихъ и слова не скажетъ! И съ этими словами, онъ вручилъ вышеупомянутую монету англичанину, который очевидно не понималъ смысла предшествовавшаго разговора, потому что взялъ серебряную монету и, не смотря на нее, опустилъ въ свой жилетный карманъ, что возбудило насмѣшливое хихиканье у его сосѣдей.

— Кондукторъ! кондукторъ! вдругъ раздается снизу рѣзкій, пронзительный голосъ. Вслѣдъ за вагономъ бѣжитъ какая-то жирная, задыхающаяся и обливающаяся потомъ дама, которая, сопя и пытая, дѣлаетъ рукою и зонтикомъ какія-то странныя движенія, очевидно желая этимъ обратить на себя вниманіе вучера, правящаго лошадьми.

— *Est elle bête!* восклицаетъ послѣдній со смѣхомъ, причемъ стягиваетъ кнутомъ своихъ лошадей, а кондукторъ, стоя на задней платформѣ кричитъ ей:

— Все полно!

— Нѣтъ, я вижу еще одно свободное мѣсто на имперіалѣ! уже какимъ-то скрипучимъ голосомъ протестуетъ жирная дама и, напрягая остатокъ своихъ силъ, пускается бѣжать за вагономъ чуть не въ галопъ.

— Можетъ быть для васъ есть мѣсто въ раю, только не здѣсь, на имперіалѣ; остритъ кондукторъ, причемъ провинціальный дядюшка раздражается страшнымъ хохотомъ, заставившимъ даже вздрогнуть сидѣвшую рядомъ съ нимъ молодую дѣвушку, которая съ видомъ упрека смотритъ на него и говорить:

— Ахъ! какъ вы меня испугали!

Подобно гордой галерѣ, прокладывающей себѣ путь между множествомъ рыбчыхъ лодокъ, мѣрно плыветъ нашъ вагонъ

посреди массы экипажей и фіакровъ, пересѣкающихъ во всѣхъ направленіяхъ широкое полотно улицы. Какой шум! какой гулъ кричащихъ голосовъ! какая толкотня, путаница экипажей и людской толпы! Сколько выставочныхъ оконъ магазиновъ, сколько стоящихъ одинъ возлѣ другаго кафе-ресторановъ, сколько великолѣпныхъ домовъ, имѣющихъ положительно видъ дворцовъ, этажи которыхъ выведены на такую высоту, что улицы, не смотря на свою ширину, кажутся какими-то глубокими коридорами, въ концѣ которыхъ, какъ въ подзорную трубу, виднѣется какая-нибудь церковь и во всѣхъ этихъ поперечныхъ улицахъ такая же толкотня, такое же движеніе, какъ на самомъ бульварѣ. Вотъ теперь мы поравнялись съ зданіемъ оперы. Отсюда расходятся: rue de la Paix, перспектива которой заключается Вандомской колоной; новая avenue de l'Opera, примыкающая къ Тюльери, и rue du 4 Septembre, съ зданіемъ биржи на заднемъ фонѣ. Позолота украшеній фасада оперы блеститъ и какъ жаръ горитъ на солнцѣ; танцующія вакханки Карпо какъ будто вращаются на своемъ пьедесталѣ, причемъ такъ и ждешь, что вотъ онѣ сейчасъ очутятся на землѣ, посреди этой шумной толпы, гдѣ будутъ продолжать свою бѣшеную пляску. Племянникъ гордымъ и неподражаемымъ жестомъ молча указываетъ на эту группу и лицо его принимаетъ такое выраженіе, какъ будто онъ хочетъ сказать: А! Каковъ? Онъ очевидно ожидаетъ выслушать отъ своего дядюшки восторженный возгласъ, но тотъ однакожь довольствуется приэтомъ самымъ обыкновеннымъ вопросомъ:

— А что стоитъ въ этомъ театрѣ хорошее мѣсто?

— Девятнадцать франковъ.

— Oh! la! la! У насъ, въ Oisq-le-Mouillé, за самое лучшее мѣсто мы никогда не платимъ дороже двухъ франковъ.

— Да, но вѣдь это у васъ, гдѣ далеко вѣтъ такого chic!

— Это правда, отвѣчаетъ дядюшка и погружается приэтомъ въ молчаливое раздумье.

Между тѣмъ англичанину это зданіе бросилось въ глаза; онъ торопливо начинаетъ рыться въ своемъ гидѣ. Очевидно, онъ хочетъ знать, что именно находится теперь передъ нимъ. Рабочій вырываетъ его изъ затруднительнаго положенія.

— Вы не знаете, что это такое, сударь? спрашиваетъ онъ съ коварною предупредительностью и ласковостью въ голосѣ. Англичанинъ не сразу понимаетъ его и тотъ повторяетъ свой вопросъ. Англичанинъ, наконецъ, понялъ и на ужаснѣйшемъ французскомъ языкѣ заявляетъ, что былъ бы очень благодаренъ

за поясненія. Озерникъ-парень только и ждалъ этого и вотъ громкимъ голосомъ, который можетъ быть слышанъ не однимъ англичаниномъ, но всѣми, сидящими на имперіалѣ, онъ начинаетъ отчеканивать каждое слово своихъ поясненій.

— Зданіе, которое теперь находится передъ вами, это Тюльерійскій дворецъ, сударь.

— Тюльерійскій дворецъ? А, о! Я полагалъ, что онъ сгорѣлъ...

— Да, старый дворецъ; это совершенно вѣрно. Но это новый дворецъ, въ которомъ живетъ господинъ Гамбетта.

— Господинъ Гамбетта? А, о! Но гдѣ же зданіе Оперы? вѣдь оно также должно быть здѣсь.

— Да оно передъ вами! продолжаетъ проказникъ, указывая на театръ Vaudeville, мимо котораго мы проѣзжали въ ту минузу.

— А, о! Такъ это зданіе Оперы? какое маленькое!

— Маленькое, да красивое, сударь! Впрочемъ все великолѣпіе заключается въ его внутренней отдѣлкѣ.

— Въ его внутренней отдѣлкѣ? Да, это правда! Такъ «здѣсь сказано», произноситъ какъ бы про себя невинная жертва потѣхи и углубляется въ чтеніе заключающихся въ книгѣ подробностей, причемъ молодой рабочій лукаво подмигиваетъ намъ всѣмъ на своего собесѣдника.

Вотъ мы доѣхали и до rue Tailbout. Племянникъ указываетъ дядѣ на Café Tortoni и съ видомъ знатока говоритъ:

— Это самый шикарный кафе-ресторанъ во всемъ Парижѣ. Здѣсь кружка пива стоитъ 75 сантимовъ.

— Oh! la! la! отозвался дядя своимъ обычнымъ восклицаніемъ и уставился какъ на диковинку на этотъ дорогой кафе-ресторанъ.

Англичанинъ, порывшись въ своемъ гидѣ, замѣчаетъ, что тутъ показана также достопримѣчательность и обращается къ своему сосѣду за новыми поясненіями. На его бѣду, тамъ, гдѣ начинается rue Tailbout происходила въ настоящее время перестилка мостовой. Рабочій опять воспользовался этимъ случаемъ, чтобы потѣшиться надъ англичаниномъ, и потому, безъ малѣйшей запинки, отвѣчалъ:

— Здѣсь, сударь, началась іюльская революція, такъ вотъ теперь собираются поставить на этомъ мѣстѣ памятникъ. Хотятъ сдѣлать изъ камня громадный столбъ, со знаменемъ на верху.

— Громадный столбъ изъ камня, со знаменемъ на верху?

почти механически повторяетъ англичанинъ, потомъ съ какимъ-то безповойствомъ начинаетъ рыться въ своей книгѣ и бормочетъ про себя: — Странно, очень странно! въ книгѣ объ этомъ ровно ничего не сказано!

— Что же въ этомъ удивительнаго? Всѣ эти книжные путешеводители нигуда не годятся. Спрячьте-ка лучше книгу въ карманъ и послушайте то, что я буду вамъ рассказывать. Ужь я все объясню вамъ, какъ слѣдуетъ.

Нѣкоторые пассажиры уже начинаютъ подсмѣиваться при видѣ этой сцены. Но англичанинъ добросовѣстно слѣдуетъ данному совѣту, прячетъ свою книгу въ карманъ и отдается со всѣмъ съ головой на посмѣшище своему мистификатору.

А омнибусъ между тѣмъ все ѣдетъ, да ѣдетъ впередъ и остановился лишь на самое короткое время передъ однимъ бюро на boulevard des Italiens, гдѣ сошли оба кассовые служители. Но едва только слѣдовавшій за омнибусомъ господинъ въ фіакрѣ замѣтилъ порожнее мѣсто на имперіалѣ, какъ онъ стремительно высочилъ, бросилъ кучеру какую-то монету и въ одну минуту очутился возлѣ омнибуса, собираясь взобраться по лѣстницѣ на верхъ—однако-жь увы! онъ опоздалъ: его предупредили двое работниковъ въ блузахъ и въ шелковыхъ фуражкахъ; эта неудача страшно разозлила пожилаго господина и онъ сталъ отыскивать глазами свой прежній фіакръ, чтобы въ немъ продолжать свою дальнѣйшую таинственную погоню за омнибусомъ. Молодая дѣвушка разумѣется замѣтила этотъ эпизодъ и улыбнулась; но на этотъ разъ она уже не покраснѣла, по всей вѣроятности потому, что ей показалось очень лестнымъ для самолюбія, быть предметомъ такой упорной борьбы съ постоянными препятствіями.

Разговоры вокругъ меня становятся все болѣе и болѣе оживленными. При соединеніи rue Montmartre съ бульваромъ, племянникъ замѣчаетъ:

— Смотрите сюда, дядюшка! Вотъ здѣсь, на этомъ мѣстѣ, казнятъ обыкновенно почти всѣхъ парижскихъ преступниковъ.

— Да, очень интересно, отвѣчаетъ на это дядя, съ особеннымъ любопытствомъ разсматривая мѣстность и очевидно внутренно сожалея о томъ, что ему не представляется случая посмотреть на происходящее здѣсь зрѣлище казни. Онъ даже предался по этому поводу серьезному раздумью, отъ котораго его оторвали дальнѣйшія указанія его неистощимаго въ своихъ свѣдѣніяхъ племянника.

— Глядите сюда, дядюшка! Вотъ въ этой маленькой нишѣ

стѣны, возлѣ театра Variétés, продають самыя лучшія brioches въ Парижѣ.

Дядюшка какъ будто смакуетъ ихъ и облизывается.

А словоохотливый племянникъ между тѣмъ продолжаетъ:

— Дѣло это кажется само по себѣ очень неважное. А между тѣмъ заведеніе это недавно было продано за 150,000 франковъ, послѣ того какъ его прежній хозяинъ въ десятилѣтній срокъ нажилъ себѣ капиталъ вдвое больше этой суммы.

— 150,000 франковъ! съ чувствомъ какого-то особеннаго благоговѣнія произноситъ дядюшка, косясь на крошечную, узкую ему нишу въ стѣнѣ.

Кафе-рестораны по обѣимъ сторонамъ улицы начинаютъ показываться рѣже, на тротуарахъ видно менѣе народа, въ числѣ снующихъ мимо насъ экипажей почти совсѣмъ не замѣтно принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Здѣсь уже менѣе думаютъ о весельѣ. Здѣсь уже нѣтъ праздно разгуливающей толпы, а всѣ ѣдутъ или идутъ куда нибудь по дѣлу.

Но вотъ показался въ виду фасадъ театра Guypase, по направленію котораго англичанинъ тычетъ пальцемъ въ воздухъ и вопросительно смотритъ на своего сосѣда.

— А! вы хотите знать, что это такое? спрашиваетъ работникъ.—Это военное министерство.

Англичанинъ киваетъ головой, съ довольнымъ видомъ.

Мастеровой, ободренный этимъ, продолжаетъ:

— Здѣсь хранится тѣло великаго Наполеона въ чугунномъ гробѣ, изъ того самаго металла, изъ котораго льютъ пушки. Стѣить посмотреть!

Англичанинъ, почти вскакиваетъ съ своего мѣста:

— Наполеона? А—о! Да вѣдь онъ похороненъ въ инвалидномъ домѣ.

Мастеровой корчитъ на своемъ лицѣ какъ бы улыбку сожалѣнія надъ незнаніемъ иностранца.

— Былъ похороненъ, сударь, былъ! А куда его перенесли только нѣсколько недѣль тому назадъ, потому что государство намѣревается обратить инвалидный домъ въ сигарную фабрику.

Англичанинъ поддается и на эту ловушку, между тѣмъ какъ мастеровой поглядываетъ на всѣхъ насъ съ дьявольской усмѣшкой.

Въ это самое время, племянникъ, мой сосѣдъ съ лѣвой стороны, начинаетъ обнаруживать нѣкоторое безпокойство, при-

чемъ, указывая на булочную возлѣ театра Gymnase, въ которой, по его словамъ, пекутся самыя лучшія brioches во всемъ Парижѣ, онъ вполголоса произноситъ:

— Извините, дядюшка, я ошибся. Вотъ та самая булочная, которая продана была за 150,000 франковъ, послѣ того какъ ея прежній владѣтель и т. д.

Дядя бросаетъ на него уничтожающій по своей презрительности взглядъ и говоритъ:

— Ah, са! Чтожъ ты вздумалъ смѣяться надо мной. Вѣдь это не какое нибудь пустячное дѣло, о которомъ можно говорить, не имѣя о немъ ни малѣйшаго понятія. Потомъ, какъ бы про себя, онъ раздосадованнымъ голосомъ прибавляетъ:— И эдакій молокососъ воображаетъ, что знаетъ Парижъ, какъ свои пять пальцевъ.

Тѣмъ временемъ мы доѣхали до Porte St.-Denis, посвященной «Ludovico magno». Двое, сидящіе позади меня рабочихъ, поворачиваются въ эту сторону, причеиъ одинъ изъ нихъ говоритъ другому:

— А какъ ты думаешь, товарищъ? Вѣдь потѣшились здѣсь порядкомъ?

— Да, отвѣтилъ тотъ,—за то порядочно таки пришлось поскучать въ «La nouvelle» (просимъ читателя подразумѣвать подъ этимъ названіемъ Каледонію). И приэтомъ оба смѣются какимъ-то злобнымъ смѣхомъ. Свидѣтелемъ сколькихъ событій самаго противоположнаго характера пришлось быть этимъ каменнымъ, триумфальнымъ воротамъ. Первоначально этотъ монументъ воздвигнутъ былъ въ честь могущественнаго короля, а въ настоящее время онъ представляетъ собою памятникъ всѣхъ междоусобныхъ войнъ, свирѣпствовавшихъ на улицахъ Парижа; боковыя стороны этой арки снизу доверху пронизаны дырами или покрыты углубленіями, какъ оспинами; это глубокіе слѣды, оставленные въ каменныхъ стѣнахъ ружейными пулями во время уличной борьбы. Мои сосѣди по омнибусу по всей вѣроятности также способствовали увеличенію числа этихъ отмѣтинъ на Porte St.-Denis въ маѣ 1871 года.

— Boulevard de Strasbourg! возвѣщаетъ кондукторъ. И вотъ передъ нами на необозримое пространство тянется длинная, предлинная улица, идя замѣтною для глазъ живописною показностью, въ верхней, какъ бы воздушной перепективѣ которой виднѣтся страсбургскій желѣзно-дорожный вокзалъ, а внизу, на противоположномъ концѣ, мелькаютъ неясныя очертанія фасада зданія комерческаго суда. Здѣсь царитъ оглушительный шумъ

отъ стука колесъ омнибусовъ, сливающегося со ржаніемъ лошадей и звукомъ кучерскихъ рожковъ отъѣзжающихъ съ вокзала, присланныхъ отъ разныхъ отелей, каретъ. Экипажей, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, здѣсь уже совсѣмъ не встрѣчается, и вмѣсто нихъ вся улица положительно загроужена лишь одними, тяжело нагруженными фурами. Нашъ омнибусъ останавливается, молодая дѣвушка сходитъ съ имперіала, предварительно окинувъ быстрымъ взглядомъ всю мѣстность, какъ бы желая убѣдиться въ томъ, ѣдетъ ли по-прежнему вслѣдъ за омнибусомъ извѣстный ей фіакръ. Но нанявшій его пожилой господинъ очевидно не терялъ изъ вида своей цѣли, потому что, въ тотъ самый моментъ, когда молодая дѣвушка, выбравшись изъ толпы, вышла на противоположный тротуаръ, мы увидали, что около нея, какъ изъ земли выросъ пожилой господинъ, который тотчасъ же вступилъ съ нею въ оживленный разговоръ.

— *Ca y est!* замѣчаетъ приэтомъ дядюшка, лукаво подмигивая. Племянникъ раздражается громкимъ смѣхомъ, но вдругъ моментально умолкаетъ, будучи не въ состояніи овладѣть чувствомъ безпокойства, которое выразилось во всей фізіономіи молодого человѣка. Теперь мы подъѣзжали къ углу *rue St. Martin*, гдѣ несчастный племянникъ опять увидалъ булочную, въ которой пекутъ бриоши, и видъ которой произвелъ на него такое же странное впечатлѣніе, какъ будто бы передъ нимъ появилось привидѣніе. Онъ протягиваетъ руку въ этомъ направленіи и лепечетъ прерывающимся, чуть слышнымъ голосомъ:

— Извините, дядюшка, виноватъ; я въ тотъ разъ также ошибся; но теперь, увѣряю васъ, что именно вотъ эта булочная была продана за 150,000 франковъ, послѣ того, какъ ея прежній владѣлецъ и т. д. Нужно было видѣть какимъ полнымъ справедливаго негодованія взглядомъ смѣрилъ его дядя! Я до конца дней моихъ не забуду этого взгляда. Въ немъ было и презрѣніе, и гнѣвъ, и обида. Затѣмъ дядя поворачиваетъ къ племяннику-неучу свою широкую спину и въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ не произноситъ ни одного слова. Но въ концѣ концовъ здравый интересъ къ факту такого важнаго экономического значенія беретъ верхъ надъ чувствомъ негодованія, и онъ спрашиваетъ глухимъ, сердитымъ голосомъ: *décidément*, скажи же наконецъ толкомъ, которая именно изъ этихъ трехъ булочныхъ продана за 150,000 франковъ, послѣ того, какъ ея прежній владѣтель и т. д. Племянникъ съ радостью хватается за данную ему дядею возможность

выйти изъ затруднительнаго положенія и какимъ-то восторженнымъ голосомъ произносить:

— Последняя, дядюшка, клянусь Богомъ, последняя!

Онъ можетъ быть не ограничился бы только этими увѣреніями и сталъ бы продолжать, если-бы новый предметъ не привлекъ на себя вниманія провинціала. Мы находились въ ту минуту на Place de la République, обширное пространство которой поражаетъ дядю и онъ любитъся на множество безконечныхъ улицъ, расходящихся отсюда въ разныя стороны, въ видѣ лучей. Англичанинъ смотритъ, выпуча глаза, на казармы, на выставленную модель новаго монумента, наobeliski, еще окруженные подмостками для рабочихъ, и очевидно внутренно наслаждается находящимся передъ нимъ зрѣлищемъ, между тѣмъ omnibusъ остановился передъ своимъ бюро. Мастеровой, разыгрывавшій съ иностранцемъ роль Мефистофеля, встаетъ съ своего мѣста и собирается уходить; англичанинъ, замѣтившій его движеніе, спѣшитъ обратиться къ нему еще съ однимъ вопросомъ:

— Что это, вотъ здѣсь?

— Бастилія, бойко отвѣчала мастеровой.—Здѣсь уже нужно выходить.

— Бастилія? А іюльская колона?

— Ахъ ты Господи! Да у васъ видно какая-то старинная справочная книга, которая помнитъ царя Гороха. Да развѣ вы не знаете, что іюльская колона была разрушена въ 1871 году?

Въ самомъ дѣлѣ? Вы точно знаете, что это была іюльская колона?

— Доподлинно знаю. Ее еще не успѣли возобновить, а тѣмъ временемъ предпочли выстроить здѣсь это зданіе, напоминающее своимъ видомъ Бастилію. И приэтомъ онъ указываетъ на казармы для пѣхотныхъ полковъ, занимающія одну сторону площади.—А монументъ, который находится посерединѣ площади, задуманъ въ республиканскомъ стилѣ. Онъ весь сдѣланъ просто изъ гипса, досокъ и холста. Теперь уже рѣшили на будущее время дѣлать всѣ монументы такимъ способомъ; оно, знаете ли, такимъ образомъ выходитъ демократичѣе.

Съ этими словами, мастеровой раскланивается, проворно сходитъ внизъ и скрывается изъ глазъ въ faubourg du Temple. Англичанину послѣднее сообщеніе показалось сомнительнымъ. И вотъ онъ спускается съ лѣстницы, подходитъ къ монументу, ощупываетъ его и въ недоумѣніи покачиваетъ головою. Про-

провинціальный дядюшка заливается приэтомъ громкимъ смѣхомъ и кохочеть до слезъ до тѣхъ поръ, пока отъѣзжающій далѣе, другой омнибусъ не увезъ легковѣрнаго иностранца прочь.

Почти не вѣрится, что мы находимся все въ томъ же городѣ, въ которомъ мы были двадцать минутъ назадъ. Дома по обѣимъ сторонамъ улицы становятся все невзрачнѣе, магазины имѣютъ болѣе банальный видъ, кафе-рестораны значительно проще. У воротъ домовъ играютъ грязныя дѣти, на тротуарахъ стоятъ растрепанныя, неопрятныя женщины и черезъ улицу ведутъ другъ съ другомъ разговоры о своихъ домашнихъ дѣлахъ; улицы постепенно стихаютъ и принимаютъ болѣе пустынный характеръ. Cirque d' Hiver является уже послѣднимъ монументальнымъ, видѣннымъ нами на своемъ пути зданіемъ, а за нимъ уже тянется бульваръ своею длинною, монотонною линіею. Провинціальный дядюшка сначала впадаетъ въ состояніе какой то задумчивости, а потомъ начинаетъ дремать, глаза его слипаются и онъ, забывъ легкомысленные отвѣты своего племянника, погружается въ сладкій сонъ, грезы котораго по всей вѣроятности переносятъ его къ любезнымъ его сердцу навознымъ кучамъ его роднаго Oison le Mouillé. Вдругъ онъ очнулся и, уставившись сонными глазами на первый попавшійся домъ, какъ то торопливо спрашиваетъ:

— А что стоитъ этотъ домъ?

Племянникъ, уже понявшій совершенно свою роль, не задумавшись отвѣчаетъ:

— 646,000 франковъ.

И дядя, видимо довольный его отвѣтомъ, одобрительно, раза два, киваетъ ему головою.

Вотъ наконецъ и площадь Бастиліи. По ту сторону его раскинулся страшный faubourg St. Antoine, это грозное ущелье, откуда такъ часто начиналась буря съ громомъ и молніею и бушевала по улицамъ Парижа въ видѣ революціи. Посрединѣ площади стоитъ стройная іюльская колона, на которой длинные ряды начертанныхъ, но уже почти стертыхъ рукою времени, именъ изображаютъ собою лишь то безсмертіе, которое безвѣстные герои стяжали себѣ своею мученическою смертію въ борьбѣ за свободу. Нашъ омнибусъ уже доѣхалъ до конца своей линіи и всѣ пассажиры выходятъ одинъ за другимъ. Приэтомъ племянникъ показываетъ дядѣ на голаго ангела, стоящаго на самомъ верху монумента, и что-то шепчетъ ему, послѣ чего оба хохочутъ во все горло. Все еще продолжая смѣяться, идутъ они въ ближайшій кабачокъ, гдѣ добродушный старикъ, за ста-

каномъ ordinaire, будетъ повѣрять всѣ свои свѣдѣнія о Парижѣ, почерпнутыя имъ во время проѣзда по большимъ бульварамъ. Но я снова забрался на имперіаль другаго отъѣзжающаго омнибуса, чтобы подъ чуднымъ голубымъ небомъ, при мягкомъ, ласкающемъ вѣяніи вѣтерка, выѣхать изъ мрачнаго, рабочаго квартала Парижа и черезъ полчаса очутиться опять въ блестящей части Парижа, гдѣ царствуетъ элегантная праздность.

Уличные промыслы.

Какое множество живыхъ существъ самыхъ разнообразныхъ породъ и видовъ кишитъ въ этомъ вѣчно волнуемомъ океанѣ, который носитъ названіе Парижа! Населяющая его фауна, по разнообразію, количеству и странности составляющихъ ее особей, можетъ положительно поспорить въ этомъ отношеніи съ морскою фауною. Прогулка наблюдательнаго фланера по парижскимъ улицамъ доставитъ ему такую же обильную добычу, какъ экскурсія любителя зоологіи, достающаго себѣ экземпляры рѣдкихъ породъ со дна Средиземнаго моря. Во всемірномъ городѣ, какъ въ обтекающемъ всю вселенную океанѣ, происходитъ та же самая дикая борьба за существованіе, та же самая давка вытѣсняющихъ другъ друга чудовищъ, то же стремленіе и та же погоня за ежедневною добычею, то же самое спасаніе бѣгствомъ и то же преслѣдованіе, та же самая жадность и ненасытность большихъ и сильныхъ, та же самая беззащитность слабыхъ и трусливыхъ жертвъ. Въ Парижѣ, какъ и въ океанѣ, масса живыхъ существъ дѣлится на двѣ группы: на группу смиренныхъ, которые, никого не обижая, довольствуются отбросками питательныхъ матеріаловъ и растеніями, и на группу притѣснителей, которые дѣйствуютъ, или какъ хитрые похитители, или какъ грубые пожиратели чужихъ существованій. Первая группа въ натуральной исторіи парижскаго животнаго царства извѣстна подъ собирательнымъ именемъ «Gogo», а другая подъ общимъ, также коллективнымъ названіемъ «искателя счастья». Гогд терпѣливо работаетъ въ разныхъ мастерскихъ, завертываетъ въ бумажныя трубочки отпускаемый изъ мелочныхъ лавочекъ товаръ, кроитъ перчатки, примѣриваетъ заказчикамъ жилеты, ни день, ни ночь не даетъ себѣ покоя изъ-за того, чтобы по грошамъ, медленно, въ потѣ лица своего сколотить капиталаецъ,

процентами котораго онъ могъ бы существовать впоследствии, оторотивъ себѣ жирное брюхо; а искатель счастья, иначе прохода, тѣмъ временемъ караулитъ свою жертву, съ наслажденіемъ видѣть, какъ она постепенно жирѣетъ, и въ одинъ, наиболѣе удобный для себя моментъ, бросается на нее и проглатываетъ ее цѣликомъ, съ кожей, костями, волосами и отъѣвшимъ брюхомъ. Имя такимъ породамъ легионъ. Они бываютъ всякихъ величинъ и снабжены природою самыми разнообразными оружіями для нападенія; между ними есть хищныя акулы: въ видѣ биржевыхъ тузовъ, людей, стремящихся сдѣлать себѣ политическую карьеру, коктовъ à la mode, театральныхъ свѣтилъ; всѣ эти чудовища, производящія такія страшныя опустошенія въ вышеупомянутой массѣ «Gogo», всякій разъ, когда завидятъ лакомый кусокъ, отгрызаютъ свои крѣпкія челюсти, вооруженныя острыми зубами; за ними слѣдуютъ уже не столь значительныя по своей силѣ, но не менѣе жадныя макрели: въ видѣ справочныхъ конторъ, комисионныхъ агентовъ, сводчиковъ всякаго рода, которые намѣчаютъ своихъ жертвъ въ средѣ болѣе мелкихъ породъ, пожираемыхъ ими по одиночкѣ, такъ какъ иначе это было бы невозможно; за ними идутъ уже наконецъ, пестрыя, морскія анемоны, которыя вечеромъ на тротуарахъ улицъ приводятъ въ дѣйствіе свои подвижныя щупальцы, посредствомъ которыхъ присасываются къ неосторожнымъ прохожимъ и т. д. Натуральная исторія этой послѣдней породы уже была описана безчисленное множество разъ. Поразительныя по своему сходству портреты ихъ фигурируютъ въ парижскихъ романахъ и театрахъ, этихъ атласахъ парижской фауны; поэтому я считаю совершенно излишнимъ распространяться о нихъ здѣсь и полагаю, что будетъ гораздо полезнѣе заняться вылавливаніемъ со дна этого моря тѣхъ микроскопическихъ существъ, которыя ищутъ себѣ средствъ пропитанія на улицѣ, причемъ природа не надѣлила ихъ никакимъ другимъ оружіемъ, кромѣ расторопности или терпѣнія. Онѣ встрѣчаются во множествѣ почти на каждомъ шагѣ; ихъ присутствіе придаетъ улицѣ совсѣмъ особенную, характеристическую фізіономію; ихъ странное ремесло, ихъ свойства, ихъ способъ добыванія себѣ хлѣба, представляютъ собою въ высшей степени интересный предметъ для наблюденія.

Между ними есть такія, которыя, подобно морскимъ полипамъ, крѣпко приросли къ какому нибудь, однажды навсегда избранному мѣсту, гдѣ ждутъ своей добычи, которую безпрестанно приносятъ имъ, протекающая мимо, рѣка человеческихъ

волнь; а другія, напротивъ, свободно двигаются въ этихъ волнахъ, отыскивая себѣ поживу. Къ разряду крѣпко приросшихъ къ одному мѣсту существъ, прежде всего, нужно отнести женщинъ, продающихъ газеты. Кіоски, въ которыхъ онѣ сидятъ, представляютъ собою нѣчто въ родѣ кораловыхъ рифовъ на океанѣ Парижа. И вотъ сидятъ онѣ, въ этихъ кое-какъ сколоченныхъ изъ досокъ со стеклами домиковъ, на подобіе кораловыхъ полиповъ, выглядывающихъ изъ своихъ трубочекъ, такъ что при этомъ, въ оконное отверстіе, видна бываетъ только верхняя часть ихъ тѣла. Газетные кіоски, это исключительно парижское изобрѣтеніе, теперь уже распространены по всему міру и всюду составляютъ отличительную черту фізіономіи всякаго большаго города. Въ Парижѣ на всѣхъ, самыхъ широкихъ улицахъ они расположены вдоль тротуаровъ, а ночью, когда зажигаемые внутри ихъ газовые рожки освѣщаютъ также верхнюю, стеклянную часть ихъ постройки, на которой написаны цвѣтными буквами разныя объявленія, при неумолкаемомъ уличномъ шумѣ массъ публики бросаются въ глаза эти рекламы, превозносящія до небесъ достоинства какойнибудь горчицы или какогонибудь шоколаднаго производства. Жизнь этихъ женщинъ-продавицъ, сидящихъ въ кіоскахъ, очень трудная и весьма незавидная. Онѣ похожи на средневѣковыхъ «*gecluses*», этихъ странныхъ фанатичекъ, которыя, ради искупленія своихъ грѣховъ, добровольно закладывали себя до половины въ наружную стѣну какогонибудь зданія, гдѣ сострадательные прохожіе кормили и поили этихъ беспомощныхъ затворницъ. Въ семь часовъ утра, а въ иныхъ мѣстахъ даже въ шесть, отпираетъ продавщица газетъ свой кіоскъ и не раньше какъ въ полночь повидаетъ свою тюрьму. Лѣто и зиму проводитъ она цѣлый день въ этой, кое-какъ сдѣланной клѣткѣ, которая нисколько не защищаетъ ее ни отъ солнечнаго зноя, ни отъ сильнаго холода; сидитъ, скорчившись, въ такомъ крошечномъ пространствѣ, которое едва даетъ ей возможность выпрямиться во весь ростъ и гдѣ она не можетъ сдѣлать положительно ни одного шага, усталая, безучастная ко всему уличному шуму, безцѣльно смотря на снующую мимо толпу, или дремля за прилавкомъ, на которомъ систематически разложены газеты. Это мучительное сидѣніе въ газетныхъ кіоскахъ, впрочемъ, вознаграждается для ихъ обладательницъ хорошою, прибыльною продажей на большихъ бульварахъ, по близости Оперы или самыхъ извѣстныхъ отелей. Въ этихъ мѣстахъ содержательницы газетныхъ кіосковъ наживаютъ себѣ ренту; здѣсь онѣ ведутъ свое дѣло уже на

широкую ногу, выписываютъ иностранныя газеты изъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ, рискуя даже приэтомъ, что большая часть товара останется у нихъ на рукахъ, на что требуется капиталъ въ нѣсколько тысячъ франковъ, и которыя уже настолько богаты, что могутъ позволить себѣ роскошь завести помощницу, обязанную каждое утро и каждый вечеръ заниматься сортировкой газетъ. Но рядомъ съ аристократками этой отрасли торговли, разумѣется вся остальная масса подобнаго рода женщинъ далеко не такъ счастлива въ этомъ отношеніи; онѣ должны довольствоваться ежедневною выручкою въ пять, много-много въ десять франковъ и никогда не могутъ даже и мечтать о томъ, чтобы когда нибудь переселиться изъ своего кіоска въ богатую виллу, какъ это посчастливилось недавно одной изъ такихъ продавщицъ газетъ, торговавшей на Boulevard de Capucines.

Насколько газетные кіоски представляютъ собою какъ бы необходимую принадлежность всѣхъ модныхъ и элегантныхъ бульваровъ въ новыхъ улицахъ, настолько прочіе, осѣдлые, уличные промыслы составляютъ характеристичную черту старыхъ улицъ и болѣе бѣдныхъ кварталовъ. Тамъ, въ стѣнныхъ нишахъ, или подъ воротами, или у самаго подъѣзда какого нибудь стараго, закопченаго дома пристроиваются продавцы галетъ, *roshes frites*, или какой нибудь чеботарь, занимающійся починкою старой обуви. Для занятія такого рода торговлею нужно самое незатѣйливое приспособленіе. Небольшая жаровня съ углями и жестяной листъ, вотъ все, что нужно для устройства заведенія пекаря галетъ. Одѣтый въ традиціонный поварской костюмъ, въ фартуѣ сомнительной бѣлизны и въ несомнѣнно грязной, но первоначально спитой изъ блага каленкора четвероугольной шапочкѣ, стоитъ пекарь передъ своею жаровнею, имѣя возлѣ себя подъ рукою доску, на которой насыпано немного муки и положенъ кусочекъ масла. На жаровнѣ лежитъ гладкій жестяной листъ, который при появленіи покупателя быстро намазывается масломъ и посыпается легкимъ слоемъ муки. Ваше обоняніе ощущаетъ запахъ прогорѣлаго масла, которое шипитъ и трещитъ на жестяномъ листѣ; пекарь проворно переворачиваетъ деревянною лопаткою поджарившійся слой тѣста на другую сторону, потомъ еще одно вращательное движеніе, приданное листу ловкою рукою пекаря, и вотъ готовая галета шлепается плашмя на доску, съ которой ее получаетъ покупатель, прямо съ жаровни, пропитанную жиромъ, и почти въ тягучемъ видѣ отправляетъ ее въ ротъ. Эти

галеиты совсѣмъ не вкусны и еще менѣе удобоваримы для желудка; но онѣ однакожь пользуются большимъ почетомъ: у парижской молодежи и рабочаго населенія, а для дѣтей это положительно праздникъ, когда они цѣлою гурьбою собравшись передъ нишею пекаря, съ благоговѣніемъ и восхищеніемъ слѣдятъ за движеніями этого великаго мастера, который, съ такою ловкостью, приготовляетъ для нихъ лакомое кушанье, и взаи́мъ скромной платы въ одинъ су, справляютъ настоящую галетную оргію, послѣдствіями которой являются: боль подъ ложечкою, вымазаннаго жиромъ лицо и руки, обожженный языкъ и сальные, ничѣмъ невыводимыя пятна на платьѣ.

Наравнѣ съ пекаремъ галетъ пользуется особенною благосклонностью молодежи также торговецъ-харчевникъ, занимающійся приготовленіемъ *rommes frites*. У этого жаровня уже гораздо больше, чѣмъ у перваго, и вмѣсто жестянаго листа—сковорода, на которой постоянно шипитъ распущенный, горячій, сомнительнаго происхожденія жиръ. Хозяинъ такого заведенія сидитъ на скамейкѣ и занимается очисткою отъ кожи картофеля, стоящаго около него въ корзинѣ, что онъ дѣлаетъ чрезвычайно проворно и ловко. Очищенный такимъ образомъ картофель рѣжется на самыя тоненькія ломтики, которые бросаются въ кипящій на сковородѣ жиръ, гдѣ тотчасъ же падаютъ на дно, а черезъ нѣсколько минутъ всплываютъ на поверхность уже вздутые, аппетитно подрумяненные. Оттуда ихъ вылавливаютъ чумичкою и кладутъ на плоскую тарелку, гдѣ они ожидаютъ потребителей, которые являются тотчасъ же; вотъ уже и теперь стоитъ покупатель, желающій запасти́сь этимъ, такъ вкусно пахнущимъ лакомствомъ, которое онъ съѣстъ гдѣ нибудь послѣ. За одинъ су получается полная горсть этихъ жареныхъ въ жирѣ картофельныхъ ломтиковъ, которые дѣйствительно очень вкусны; торговецъ кладетъ ихъ въ чистую бумагу, свернутую въ трубочку, и посыпаетъ хорошею щепотью соли. Парижскіе уличныя мальчишки предпочитаютъ *rommes frites* всякому другому лакомству и непременно купятъ его всякій разъ, когда у нихъ найдется въ карманѣ хотя одна мѣдная монета. Но этимъ дешевымъ кушаньемъ не брезгаютъ также и взрослые люди, такъ что оно служитъ завтракомъ почти для всѣхъ безчисленныхъ, работающихъ женщинъ Парижа.

Чоботарь, занимающійся починкою старой обуви и который отправляетъ свое ремесло также на открытомъ воздухѣ, гдѣ нибудь подъ навѣсомъ, однакожь не пользуется такою осяза-

тельною по своимъ результатамъ симпатією народонаселенія, какъ вышеупомянутые промышленники. Неблагодарное человечество очевидно болѣе цѣнитъ дѣятельность человѣка, угрожающаго его мамонѣ, чѣмъ тихіе труды скромнаго мастера, который возвращаетъ инвалидной обуви новую молодость и новую жизнь. Но если дѣти и легкомысленные люди проходить мимо его безъ вниманія, за то онъ привлекаетъ къ себѣ умъ философа. Въ судьбѣ парижскаго чеботаря, занимающагося починкою старой обуви, кроется что-то таинственное и необъяснимое, что проявляется главнымъ образомъ, напримѣръ, въ томъ загадочномъ обстоятельстве, что онъ всегда помѣщается въ сосѣдствѣ какого нибудь угольщика. Чеботари, занимающіеся починкою старой обуви, и угольщики такъ же неразлучны между собою, какъ собаки и блохи. Гдѣ-бы ни поселился какой нибудь честный сынъ Оверни, для того, чтобы къ своей торговлѣ углемъ присоединить еще торговлю виномъ (въ Парижѣ торговецъ углемъ считаетъ себя обыкновенно компететнымъ судьей относительно достоинства горючаго матеріала, не только по внѣшнему, но даже и по внутреннему его употребленію), тамъ навѣрное появится чеботарь, занимающійся починкою старой обуви, который къ углу лавки угольщика пристроить также свое помѣщеніе, состоящее изъ сколоченныхъ гвоздями досокъ, гдѣ и поселяется съ своими неразлучными товарищами, канарейкою и кошкою. Въ чемъ кроется причина той таинственной, притягательной силы, влекущей чеботаря, занимающагося починкою старой обуви, къ угольщику? Не представляютъ ли они собою остатка какого нибудь первообраза арійскаго человечества? Не проявляется ли въ этомъ странномъ сближеніи этихъ двухъ арханческихъ типовъ можетъ быть какая нибудь отдаленная форма мифа, относительно перемѣнъ времени года? Тутъ нашлась бы весьма благодарная и обширная тема для тѣхъ острымныхъ изслѣдователей, которые оповѣстили міру о сдѣланномъ ими открытіи, что ярмарочный паяцъ есть ничто иное, какъ простонародная форма, въ которую облеченъ мифъ солнца. Не мѣшало бы имъ поторопиться изучить вышеупомянутый предметъ, иначе они легко могутъ опоздать. Видъ существа, которое олицетворяетъ собою чеботарь, занимающійся починкою старой обуви, угрожаетъ въ скоромъ времени совершенно исчезнуть съ лица земли. Культура—его врагъ и отъ нея-то именно онъ удаляется постепенно. Въ новыхъ городскихъ кварталахъ его уже больше нѣтъ; лишь изрѣдка можно встрѣтить его кое гдѣ по правому берегу Сены, и только на лѣвомъ бе-

регу ея, но въ самыхъ старинныхъ улицахъ латинскаго квартала, онъ существуетъ еще до сихъ поръ, имѣя всѣ задатки къ продолженію своего существованія еще на много лѣтъ.

За осѣдлыми уличными промыслами слѣдуютъ несравненно болѣе многочисленные представители подвижныхъ промысловъ, которые съ утра до ночи неустанно ходятъ по улицамъ или попеременно останавливаются на всѣхъ свободныхъ отъ движенія мѣстахъ. Самымъ рѣзко бросающимся въ глаза типомъ между ними представляется «*marchand de quatre saisons*». Онъ двигается передъ собою высокую, имѣющую видъ сундука телѣжку на колесахъ, гдѣ навалена цѣлая куча зелени, овощей, сыра и рыбы, причемъ оглашаетъ улицы своимъ неумолкающимъ ни на одну минуту крикомъ. Если Парижъ, наравнѣ съ Неаполемъ, считается самымъ шумнымъ городомъ во всемъ мірѣ, то этимъ онъ обязанъ именно никому другому, какъ «*marchand de quatre saisons*». Съ семи часовъ утра начинается его невыносимое выкликаніе и нѣкоторые отчаянные крикуны умоляютъ лишь около полуночи. Пока не привыкнешь къ этимъ оглушающимъ звукамъ, что возможно не прежде, какъ по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, то такъ и кажется, что отъ этого крика непременно сойдешь съ ума. Разнообразіе этихъ криковъ доводитъ мучительное раздраженіе слуха до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Одни пищатъ дискантомъ, другіе орутъ басомъ; этотъ скрипитъ, какъ намазанное колесо, тотъ трубитъ точно въ охотничій рогъ; одинъ жалобно завываетъ, какъ озябшій воть, другой декламируетъ воинственнымъ тономъ, какъ главнокомандующій, держащій рѣчь къ своей арміи. Но какъ выкричались однакожь, какъ охрипли эти несчастные, надорванные голоса! Вамъ кажется, что у васъ у самого въ горлѣ скребутъ кошки, когда вы станете прислушиваться къ этимъ усталымъ, ослабѣвшимъ выкликаньямъ, которыя раздаются точно изъ разбитаго горшка.

«*Marchand de quatre saisons*» покупаетъ свой товаръ рано утромъ, часу въ шестомъ, на большихъ рынкахъ, откуда медленно отправляется въ путь въ свой городской кварталъ, куда онъ приходитъ, смотря по разстоянію, или въ семь часовъ, или въ половинѣ девятаго. У каждаго есть свой опредѣленный кварталъ, въ предѣлахъ котораго онъ вращается и за границы котораго онъ никогда не переступаетъ. Пока онъ не пришелъ туда, то везетъ свою телѣжку молча, ни однимъ возгласомъ не привлекая случайнаго покупателя на свой товаръ. Его неумолкаемый ревъ начинается только тогда, какъ уже онъ пришелъ

въ тотъ самый кварталъ, гдѣ находится главное, обычное поприще его торговой дѣятельности. У каждаго разнощика свой особенный крикъ, который хорошо знакомъ парижанамъ и по звукамъ котораго они уже умѣютъ различать продаваемый товаръ. Для нихъ нѣтъ никакой необходимости понимать выкликаемая слова; они уже знаютъ по интонаціи и ритму, что именно продается. Всякій приѣтомъ выкликается по своему: картофельный продавецъ кричитъ на одинъ ладъ, а продавецъ бобовъ—на другой; опытные люди уже никогда не смѣшаютъ крика продавца сыра съ кривомъ зеленщика, крика рыбнаго продавца макрели отъ крика торгующаго другою рыбою. Такъ что когда эти различные крики смѣшиваются въ одинъ общій гулъ, то изъ этого выходитъ такой раздражающій уши концертъ, отъ ужасающихъ диссонансовъ котораго можетъ стать дыбомъ вся шерсть на спинѣ даже у кота.

Крикъ «*marchand de quatre saisons*» дѣлаетъ улицы невыносимыми, главнымъ образомъ, съ одиннадцати часовъ утра до трехъ часовъ пополудни; но какъ только онъ замолкаетъ, начинаются выкликанья «*marchand de coco*», который рассказываетъ по городу въ самые жаркіе часы дня и зазывающимъ тономъ, при помощи другихъ акустическихъ приѣмовъ, предлагаетъ всѣмъ тотъ ужасный напитокъ, который, вслѣдствіе положительно ничѣмъ необъяснимыхъ причинъ, парижанинъ предпочитаетъ свѣжей водѣ, и который, представляя собою настой изъ солодковаго корня, уже только своимъ отвратительнымъ, мутнымъ, зеленовато-желтымъ цвѣтомъ въ состояніи былъ бы у всякаго другаго человека возбудить тошноту. Эта ужаснаго вида жидкость находится въ маленькомъ жестяномъ чанѣ, который «*marchand de coco*» носитъ на своей спинѣ. Этотъ сосудъ составляетъ предметъ самыхъ нѣжнѣйшихъ заботъ своего владѣльца. Онъ обиваетъ его снаружи краснымъ бархатомъ, съ продольными мѣдными полосами, которыя какъ жаръ горятъ на солнцѣ; кромѣ того, сверху его онъ прикрѣпляетъ еще или султанъ изъ перьевъ, или букетъ искусственныхъ цвѣтовъ, или маленький колокольчикъ; однимъ словомъ, онъ желаетъ придать ему самый кокетливый видъ и держать его снаружи необыкновенно чисто и опрятно, такъ что просто залюбоваться можно. «*A la fraiche! A la glace! Qui veut boire?*» монотоннымъ голосомъ выкликается «*marchand de coco*» въ своихъ нескончаемыхъ странствованіяхъ и сопровождаетъ ихъ или звономъ колокольчика, за который онъ дергаетъ лѣвою рукою, или постукивая желѣзною палочкою въ тактъ по дну своего чана. Если кто нибудь по-

желаетъ утолить свою жажду предлагаемымъ имъ нектаромъ, то онъ беретъ одинъ изъ металлическихъ стаканчиковъ, висящихъ на гвоздихахъ вокругъ чана, подставляетъ его подъ кранъ и наполняетъ его наравнѣ съ краями. «A la fraîche! A la glace!» опять вопить онъ. Боже милосердый! Жидкость, которая льется изъ крана, до того тепла, что отъ нея только что не идетъ парь. Да и какъ же ей не быть теплою, когда палящiе лучи солнца впродолженiи нѣсколькихъ часовъ накаливали жестаной чанъ и когда ее подогрѣвала еще горячая спина самого разнощика! Однакожь количество потребителей продаваемого «marchand de coto» прохладительнаго напитка, съ каждымъ днемъ все уменьшается, и по всей вѣроятности уже недалеко та минута, когда послѣднiй «marchand de coto», наполнивъ изъ своего чана послѣднiй стаканъ настоемъ лаврицы, долженъ будетъ бросить свой металлическiй стаканъ въ воду, на подобiе египтскаго короля, бросившаго въ море свой кубокъ. Вотъ и сюжетъ для трогательной балады, котораго не должны упускать изъ вида патетическiй Corréе и страстнiй Banville, эти записные поэты уличной парижской жизни.

Впрочемъ, если переведутся совершенно всѣ «marchand de coto», за то никогда не умретъ «camelot», который будетъ постоянно размножаться. «Camelot» — это торговецъ всякимъ мелочнымъ, бракованнымъ товаромъ и даже всякимъ хламомъ. На день онъ занимаетъ пустыя, незанятыя лавки и тамъ сваливаетъ на полъ свой товаръ, или располагается съ своимъ столикомъ гдѣ нибудь посерединѣ вновь сдѣланной асфальтовой мостовой, по которой запрещено ѣздить экипажамъ, прежде чѣмъ она не отвердѣетъ совершенно. Товаръ его чрезвычайно разнообразенъ. Онъ продаетъ подмоченную или запачканную бумагу, дрянное мыло, грязныя зубныя щетки, жестыя подсвѣчники, войлочные стельки, чернила, перочинныя ножички, штопоры; все это невообразимо северное, но въ то же время невообразимо, баснословно дешевое. Специальность «camelot» заключается въ пропагандированiи новыхъ изобрѣтенiй. Сегодня онъ продаетъ беросиновую лампу въ родѣ свѣчи, завтра — инструментъ, который въ одно и то же время служитъ и ножомъ для взрѣзыванiя крышекъ у коробокъ съ сардинками, и крючкомъ для застегиванiя перчаточныхъ пуговицъ; потомъ у него появляется «американская головоломка», затѣмъ магическiя чернила, которыя остаются невидимыми, пока ихъ не разогрѣешь. Для «camelot» положительно необходимо обладанiе крѣпкими легкими и здоровеннымъ, неутомимымъ горломъ. Онъ не долженъ умол-

вать ни на одну минуту; изъ усть его долженъ литься потокъ неумоляемыхъ восклицаній своему товару, потому что какъ только его явиль, ворочающійся на подобіе мельничнаго колеса, перестаетъ дѣйствовать хотя бы на одну секунду, чтобы только перевести духъ, толпа собравшихся около его лавочки любопытныхъ гввакъ тотчасъ же расходится въ разныя стороны и онъ остается одинъ, какъ проповѣдующій въ пустынѣ. То, что онъ тутъ мелеть, есть нелѣпѣйшая галиматья, но которая, будучи произносима быстро, безъ остановки и съ накальнымъ видомъ, непремѣнно оказываетъ свое дѣйствіе на всякихъ «gogo».

Двое или трое почтеннаго вида людей, которые съ важною миною ученыхъ стоятъ возлѣ своихъ телескоповъ на Place de la Concorde или du Châtelet и за плату двухъ су читаютъ желающимъ изъ прохожихъ популярный курсъ астрономіи; фокусникъ на Pont des Saints Pères, который простою тростью продѣлываетъ въ воздухѣ разныя странныя движенія, показываетъ разныя штуки съ колодою картъ, а если находится въ хорошемъ расположеніи духа, то даже глотаетъ зажженные хлопки; шарлатаны, которые въ одеждѣ индѣйскихъ кациковъ стоятъ на вырощенныхъ въ красный цвѣтъ телѣгахъ и при свѣтѣ смолянхъ факеловъ продаютъ слабительныя пилули и порошокъ для точенія ножей,—все это отдѣльные типы, встрѣчающіеся не на всѣхъ улицахъ, а только въ какихъ нибудь опредѣленныхъ пунктахъ города. За то очень распространенъ тотъ типъ темнаго, честнаго человѣка, который съ первыхъ послѣобѣденныхъ часовъ ходитъ по всѣмъ большимъ бульварамъ, собирая окурки сигаръ, разбросанные около желѣзныхъ столиковъ возлѣ кафе-ресторановъ. Этотъ родъ уличнаго промысла послужилъ поводомъ въ тому, что въ фантазіи народа сложилось много разныхъ рассказовъ, изъ которыхъ, между прочимъ, могу указать на слѣдующій: одинъ собиратель сигаръ являлся будто бы въ видѣ элегантно одѣтаго француза, который, съ сигарою въ зубахъ, какъ-бы совсѣмъ безцѣльно прохаживался взадъ и впередъ по бульварамъ, и потомъ вдругъ на нѣкоторое время останавливался, съ видомъ человѣка, которому жметъ ногу его обувь, причемъ онъ хватался за ногу; весь секретъ такого рода процедуры заключался будто бы въ томъ, что въ каблукѣ его сапога находился крошечный, заостренный гвоздикъ, которымъ онъ наступалъ на огурокъ сигары; наклонившись вышеупомянутымъ образомъ, онъ снималъ его и, пройдя нѣсколько шаговъ, преспокойно вкалъ его къ себѣ въ карманъ, выручая этимъ способомъ ежедневно отъ тридцати до сорока франковъ и ни-

сколько не теряя притомъ своего джентльменскаго вида. Я самъ никогда не видалъ такой личности, но не разъ встрѣчалъ одного уже довольно пожилаго господина, съ тщательно завитыми усиками и съ орденскою ленточкою въ петлицѣ сюртука, который собиралъ окурки сигаръ въ *café de la Paix* и въ *café Riche*, причемъ ему даже помогали вельнеры, очевидно проникнутые чувствомъ уваженія къ такой элегантнои и внушающей почтеніе особѣ.

Собиратели окурковъ сигаръ принадлежать къ тому разряду уличныхъ промышленниковъ, которые выходятъ на работу уже подъ вечеръ. Окончивъ свой ежедневный сборъ, они уходятъ домой, въ свои темные углы, и какъ только они скрылись, тотчасъ же начинается дѣятельность ночныхъ промышленниковъ этого разряда, т. е. ветошниковъ. Вотъ уже наступила полночь и улицы начинаютъ пустѣть. Послѣдній *«marchand de quatre saisons»*, продавъ за безцѣнокъ остатки своихъ апельсиновъ на театральныхъ площадяхъ, медленно катитъ домой свою телѣжку, съ краснымъ бумажнымъ фонаремъ наверху; *«marchand de pommes frites»* тоже заперъ свою лавочку, помѣщающуюся въ нишѣ стѣны; пекаръ галетъ, хотя и не покидаетъ еще своего поста, потому что въ возвращающейся изъ театра толпѣ могутъ найтись потребители изготовляемой имъ закуски, но запасъ масла у него уже почти совсѣмъ истощился и его хватить не болѣе какъ на десятокъ галетъ; кіоски также заперты; *«camelots»* умоляли; собиратели окурковъ сигаръ также исчезли изъ опустѣлыхъ ресторановъ. Въ этотъ самый моментъ на всѣхъ углахъ улицъ мелькають свѣтлыя точки; эти темныя фигуры, съ фонаремъ въ рукѣ, тихо идутъ вдоль мусорныхъ ямъ, то останавливаясь, то опять продолжая идти далѣе, кое-гдѣ нагибаясь или направляя лучъ своего фонаря на какой нибудь предметъ, какъ-бы желая лучше разсмотрѣть его, неутомимо переходя изъ одной улицы въ другую, до тѣхъ поръ, пока первый проблескъ утренняго разсвѣта не стонитъ ихъ прочь. Это крабы парижскаго океана, живущіе отбросами разныхъ веществъ; но улица даже и имъ доставляетъ достаточное пропитаніе, и если не врутъ тѣ, кому знакомы всѣ современныя стороны парижской жизни, то улица кормитъ этихъ труженниковъ въ такой степени хорошо, что многіе изъ нихъ даже наживаютъ себѣ порядочное состояніе.

Празднoсть въ Парижѣ.

Monsieur Dugand празднуетъ завтра пятьдесятъ пятый годъ своего рожденія и этотъ день составляетъ эпоху въ его жизни. Завтра monsieur Dugand уже оставляетъ свое торговое дѣло, которое онъ съ честью и достоинствомъ велъ въ продолженіи тридцати лѣтъ. Онъ нажилъ себѣ ренту въ 10,000 франковъ, о которой мечталъ еще въ златые дни своей юности, и выдалъ свою дочь съ приличнымъ приданымъ замужъ за своего главнаго соперника, который беретъ лавку за себя, такъ что теперь остатокъ дней monsieur Dugand потечетъ тихо и гладко до тѣхъ поръ, пока они мирно притекутъ въ тихую пристань океана вѣчности, гдѣ находятъ себѣ предѣлъ всякое существованіе. Канунъ этого великаго дня онъ проводитъ, умиленно настроенный, въ своей старой лавкѣ, которая была свидѣтельницею его начинающейся торговой дѣятельности; взоръ его увлажняется слезою при взглядѣ на ящикъ съ кофеемъ; сердце его учащенно бьется при видѣ ряда сахарныхъ головъ, которыя стоятъ на почетномъ мѣстѣ régala и которыя какъ-бы привѣтствуютъ его своимъ внушительнымъ, занимаемымъ ими положеніемъ; руки его слегка дрожатъ, когда онъ поглаживаетъ ими листы желтой, сдѣланной изъ соломы, бумаги, въ которую онъ всегда заворачивалъ отпускаемый покупателямъ товаръ, и онъ внутренно укоряетъ себя за то, что позволилъ себѣ въ такой степени трогаться при видѣ всѣхъ этихъ предметовъ. Нѣтъ, это негодится! мужчина долженъ быть твердымъ! Вѣдь не онъ ли самъ въ продолженіи всей своей жизни готовился къ этому моменту и заранѣе радовался ему? И monsieur Dugand героически выпрямляется и бодрымъ шагомъ выходитъ изъ лавки, порогъ которой онъ будетъ переступать уже не въ качествѣ ея хозяина, а какъ покупатель. Но мы однакожъ считаемъ недобросовѣстнымъ умалчивать о томъ, что послѣдніе часы его завѣдыванія торговымъ дѣломъ были омрачены небольшою семейною размолвкою по поводу формы, въ которой фирма должна была продолжать свои торговыя операціи. Monsieur Dugand, хотя и возвысившійся до почетнаго положенія «gentier», за предѣлами котораго уже не должно по настоящему быть мѣста для земныхъ человѣческихъ слабостей, тѣмъ не менѣе оказался человѣкомъ, не лишеннымъ своего рода честолюбія. Онъ хочетъ непременно, чтобы вывѣска лавки по прежнему возвѣщала міру о славномъ имени Dugand. Но и зять также себѣ на умѣ; онъ, въ свою очередь, желаетъ

тоже сдѣлаться извѣстнымъ. Онъ хочетъ, чтобы и его имя заняло также почетное мѣсто въ исторіи временъ и настойчиво требуетъ, чтобы уже заявившее себя имя «Dugand» уступило на вывѣскѣ свое мѣсто многообѣщающему въ будущемъ имени «Dupont». Съ минуту казалось даже, что это обстоятельство поведетъ за собою серьезное столкновеніе между этими людьми, которые оба были движимы одинаково сильнымъ и одинаково благороднымъ чувствомъ честолюбія. Но, къ счастью, этотъ споръ случился въ присутствіи madame Dupont, которая, будучи дочерью одного и супругою другаго, близко принимаетъ къ сердцу интересы и честь обоихъ, и со свойственною женщинамъ находчивостью видитъ возможность примирить противниковъ, подавъ мысль соединить оба имени въ одной фирмѣ, чтобы на вывѣскѣ красовалась слѣдующая надпись: «Dupont, преемникъ и зять monsieur Dugand». Такъ на этомъ и порѣшили. Monsieur Dugand ерѣвно пожалъ monsieur Dupont обѣ руки и поспѣшно вышелъ, желая скрыть овладѣвшее имъ волненіе.

И вотъ наступилъ этотъ великій день. Monsieur Dugand просыпается свободнымъ, незанятымъ, не имѣющимъ никакихъ обязанностей человѣкомъ. Какъ пріятно понѣвиться до девяти часовъ въ теплой постелѣ, послѣ того, какъ въ продолженіи тридцати лѣтъ нужно было покидать ее съ шести часовъ утра! Теперь для monsieur Dugand начинается новая жизнь. Наконецъ то онъ можетъ насладиться всѣми прелестями Парижа, этой земли Ханаанской, которую онъ, въ продолженіи цѣлой человѣческой жизни, постоянно видѣлъ передъ собою, но на которую онъ не могъ ступить. Читатель крайне ошибется, если вообразить, что Парижъ, восхищающій собою иностранцевъ, Парижъ бульваровъ, монументовъ, музеевъ, театровъ, существуетъ также и для парижскаго лавочника. Monsieur Dugand никогда въ жизни не бывалъ ни въ одномъ музеѣ. Въ театрѣ онъ былъ всего только два раза: въ первый разъ, въ 1850 году, вскорѣ послѣ своей свадьбы, когда онъ повелъ madame Dugand въ галерею театра Château d'Euau, чтобы доставить ей преисполненныя добродѣтельными свойствъ впечатлѣнія какой-то мелодрамы; а въ другой разъ, пятнадцать лѣтъ спустя, въ день тезоименитства Наполеона, когда онъ, поручивъ свою лавку попеченіямъ старшаго commis, отправился съ madame Dugand въ часъ пополудни къ Théâtre de l'Opera, гдѣ онъ простоялъ нѣсколько часовъ въ «queue», благополучно добрался до партера и присутствовалъ на этомъ даровомъ представленіи, полный восхищенія, которое однакожъ омрачено было высказываемымъ вполголоса негодованіемъ та-

дame Dugand на тѣснившую ее толпу, сильно помявшую ея шляпку. Что же касается другихъ достопримѣчательностей, то онъ знаетъ ихъ только по названію. Онъ слышалъ, какъ о нихъ разсказывали, онъ часто чувствовалъ большое желаніе посмотреть на нихъ, но никогда не могъ найти возможности сдѣлать этого.

Но вотъ наступило время, когда онъ можетъ вознаградить себя за эти лишенія прошлаго. Monsieur Dugand теперь только живетъ и наслаждается; каждый часъ приносить ему вмѣстѣ съ собою какое нибудь новое, еще неизвѣданное удовольствіе; онъ цѣлый день проводить въ праздности, о поучительномъ переходѣ къ которой отъ труда и о новизнѣ представляемой ею прелести можетъ себѣ составить понятіе единственно лишь человѣкъ, никогда не выѣзжавшій изъ Парижа. Однакожь, позвольте, я сказалъ такое слово, которое можетъ подать поводъ къ обидному и ошибочному на счетъ monsieur Dugand заключенію. Надѣюсь, вы не полагаете, что monsieur Dugand бросился въ объятія дорого стоящей и порочной праздности, которая въ конецъ разоряетъ богатыхъ людей, живущихъ въ Парижѣ, убивая въ то же время ихъ тѣло и душу? Это было бы совершенно несправедливымъ и крайне обиднымъ подозрѣніемъ. Въ Парижѣ праздность бываетъ двоякаго рода. Праздность великихъ міра сего разнится отъ праздности маленькихъ людей въ такой же степени, какъ партія въ «baccarat» съ ставкою въ 100,000 франковъ и партія въ «beuigue» по одному су. Знатные сибариты превращаютъ ночь въ день. Они встаютъ около полудня, завтракаютъ, дѣлаютъ нѣкоторые визиты, ѣдутъ кататься въ Bois, потомъ одѣваются къ обѣду, снова переодѣваются, чтобы отправиться въ театръ, ѣдутъ въ оперу, а оттуда въ какой нибудь cercle, гдѣ сидятъ до утра за карточнымъ столомъ. Зимой къ этому присоединяются еще разные soirées и балы; во всѣ времена года всевозможныя художественныя выставки; лѣтомъ морскія купанья; осенью охота; а кромѣ того еще гонки, регаты, прогулки, устраиваемыя яхтъ-клубами,—однимъ словомъ, во всѣ двадцать четыре часа сутокъ и во всѣ 365 дней года эти господа до такой степени бываютъ заняты, какъ любой труженникъ-письменосецъ, и потому, въ концѣ года, пресыщенный всеякими наслажденіями человекъ чувствуетъ себя такъ утомленнымъ, какъ будто онъ въ продолженіи всего этого времени рубилъ дрова. Каждая минута у него распредѣлена такъ, что онъ едва успѣваетъ перевести духъ; его фешенебельное ничего-недѣланіе положительно является его тираномъ, потому что каждую секунду дня

и ночи требуетъ отъ него, не смотря на усталость, исполненія его свѣтскихъ обязанностей, которыя увлекаютъ его въ этотъ вихрь празднаго времяпровожденія, потому что онъ будетъ тотчасъ же исключенъ изъ среды избраннаго общества, если не исполнитъ хотя одной изъ нихъ, которыя возложены на него праздностью, принятою въ средѣ элегантнои знати.

Но праздность monsieur Dugand совсѣмъ другаго свойства. Его ничего-недѣланіе имѣетъ кроткій, поучительный, просвѣщающій умъ и сердце характеръ; оно дѣлаетъ его мудрѣе и лучше, а главнымъ образомъ не стоитъ ему ни одного пфенига. О, съ деньгами monsieur Dugand шутить не любить! Развѣ онъ для того втеченіи тридцати лѣтъ торговалъ сахаромъ и кофе, чтобы расточать такимъ образомъ трудомъ и пѣтомъ скопленную имъ ренту? Онъ не прочь доставить себѣ удовольствіе, но такое, которое бы стоило ему дешево, и онъ положительно приходитъ въ восторгъ, если можетъ пользоваться имъ бесплатно. Къ счастью, ему не зачѣмъ противиться своимъ наклонностямъ къ экономіи. Тотъ самый Парижъ, который разоряетъ всѣхъ знатныхъ, стремящихся къ наслажденіямъ жизнью людей, гдѣ каждый шагъ, каждый кусокъ, каждое необходимое для дыханія количество воздуха продается на вѣсъ золота, гдѣ нельзя сдѣлаться видною личностью, если не тратишь на свой прожитокъ по меньшей мѣрѣ 100,000 ливровъ получаемаго годоваго дохода, или если не имѣешь ума чуть-ли не вдвое противъ этой суммы,—тотъ самый, недостижимый по своей дороговизнѣ Парижъ представляетъ безчисленныя развлеченія, какими таковой благоразумный и умѣренный въ своихъ желаніяхъ буржуа, какъ monsieur Dugand, можетъ пользоваться даромъ.

Благодаря методическому складу ума monsieur Dugand, его нисколько не затрудняетъ выборъ между этими неистощимыми ресурсами столицы, и поэтому онъ подраздѣляетъ свои развлеченія по отдѣламъ, смотря по времени года. Лѣтомъ, онъ съ самаго ранняго утра отправляется въ елисейскія поля и любитъ на красивыхъ верховыхъ лошадей, которыхъ проѣзжаютъ группы. Въ этомъ незамѣтно проходятъ иногда два, иногда три съ половиною часа времени, и тогда уже пора отправляться въ тюльерійскій садъ посмотреть, какъ старыя дамы и дошедшіе до послѣдней степени размягченія мозга старички кормятъ воробьевъ крошками принесеннаго ими изъ дома пирога. Одно время у monsieur Dugand явилась даже мысль самому присоединиться къ такому пріятному проведению времени, однакожь

онъ тотчасъ же отказался отъ него. Хотя удовольствіе, испытываемое при кормленіи птицъ, когда дѣлаешь это самъ, доставляетъ несравненно болѣе наслажденія, чѣмъ смотрѣніе на то, какъ ихъ кормятъ другіе, но вѣдь тутъ выйдетъ по крайней мѣрѣ на два су хлѣба, если хочешь обратить на себя чье-либо вниманіе или подольше насладиться зрѣлищемъ подбирающихъ крошки воробьевъ.

Такой моціонъ возбудилъ алетить monsieur Dugand и онъ снѣшить домой, къ завтраку, чтобы подкрѣпить порядочнымъ количествомъ пищи свои силы и потомъ заснуть немного, чтобы приготовиться къ новымъ, полезнымъ для здоровья, послѣ-обѣденнымъ экскурсіямъ. Освѣжившись такимъ образомъ, онъ просыпается въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и тотчасъ же отправляется на берегъ Сены, гдѣ находитъ цѣлую массу самыхъ занимательныхъ развлеченій. То онъ подойдетъ къ парапету Pont des Arts и забавляется веселымъ зрѣлищемъ стрижи и купанья пуделей, зрѣлищемъ, постоянно привлекающимъ большую толпу, которая слѣдитъ за этой процедурой съ видимымъ интересомъ; то онъ обратитъ свое вниманіе на мѣсто, отведенное на противоположномъ берегу для купанья лошадей; то спустится къ самой рѣкѣ, взойдетъ въ привязанную къ берегу лодку и тамъ, втеченіи всего послѣобѣденнаго времени, вкушаетъ тихія радости, доставляемыя уженьемъ рыбы. Это идиллическаго рода занятіе въ большомъ почетѣ у monsieur Dugand и его товарищей по общественному положенію. Въ ясные дни этихъ господъ можно видѣть сидящихъ цѣлыми рядами по обѣ стороны рѣки, начиная отъ Genelle до Bergu. И сидятъ они такимъ образомъ неподвижно, въ своихъ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями и съ удочкой въ рукѣ, то въ сладкой дремотѣ, то въ раздумьѣ созерцая разнообразную картину набережной или слѣдя глазами за весело плывущими по рѣкѣ лодочками, въ которыхъ сидитъ пестрая компанія катающихся; и продолжается это удовольствіе до поздняго вечера, когда они, съ выраженіемъ кроткой ясности души на лицѣ и съ сознаніемъ хорошо проведеннаго дня, возвращаются къ своему домашнему очагу. Недавно въ газетахъ помѣщенъ былъ даже рассказъ одного изъ членовъ комунъ, который сообщалъ, что когда онъ, 24 мая 1871 года, возвращался изъ объятаго пламенемъ Тюльери, то, къ величайшему своему удивленію, замѣтилъ нѣсколькихъ удивщивовъ, которые, посреди общаго хаоса и ужасовъ охватившаго весь Парижъ смущенія, съ невозмутимымъ спокойствіемъ сидѣли на своихъ обычныхъ мѣ-

стахъ, закинувъ свои удочки въ обгащенные кровью воды рѣки. Я впрочемъ всегда былъ убѣжденъ, что удильщики народъ способный на всякое геройство. Ну, не героизмъ ли, я васъ спрашиваю, сидѣть впродолженіи цѣлаго дня на одномъ мѣстѣ неподвижно и совершенно безуспѣшно, не имѣя утѣшенія ожидать даже самаго малѣйшаго поощренія къ дальнѣйшему продолженію своего занятія? И въ этомъ случаѣ не представляется положительно никакихъ поводовъ къ самообольщенію, потому что еще не было примѣра, чтобы парижскій удильщикъ когда нибудь вытащилъ хотя одну рыбу. Городской рѣчной сторожъ, въ качествѣ должностнаго лица, подтвердилъ во мнѣ это убѣжденіе передачею мнѣ со всѣми подробностями такого рода факта: что нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе какой то, ничѣмъ необъяснимой случайности въ Сенѣ вдругъ показалась одна рыба, на пространствѣ между Pont de la Concorde и Pont Neuf и это появленіе привело всѣхъ удильщиковъ, обыкновенно погруженныхъ въ молчаливое созерцаніе, въ такое необычайное волненіе, что нѣкоторые изъ нихъ чуть не лишились разсудка, такъ что правительство, въ предупрежденіе еще болѣе несчастныхъ послѣдствій, нашлось вынужденнымъ принять самыя быстрыя и рѣшительныя мѣры къ удаленію этого врага, нарушителя душевнаго спокойствія мирныхъ гражданъ.

Кромѣ береговъ Сены, monsieur Durand осчастлививаетъ своимъ посѣщеніемъ также и тѣ публичные сады, въ которыхъ съ четырехъ часовъ пополудни играетъ военная музыка, или даютъ свои концерты другіе оркестры. Одинъ день онъ отправляется въ тюльерійскій садъ, на другой день въ пале-рояльскій, на третій въ люксембургскій. Но пріятно, онъ однакожъ нисколько не хлопочетъ о томъ, чтобы протискаться въ первые ряды, поближе къ оркестру; напротивъ, онъ всячески избѣгаетъ поставленныхъ вокругъ послѣдняго стульевъ, за пользованіе которыми нужно заплатить два су. Онъ находитъ, что музыку всегда пріятнѣе слушать въ нѣкоторомъ отдаленіи, потому что звуки отдѣльныхъ инструментовъ сливаются тогда въ одну общую гармонию, и поэтому считаетъ болѣе удобнымъ расположиться гдѣ нибудь на городской скамейкѣ, за мѣсто, на которой платить не нужно.

Но особеннымъ благосклоннымъ вниманіемъ monsieur Durand пользуется Jardin des Plantes. Правда, идти до него далеко, но за то какое полнѣйшее вознагражденіе за утомительный путь получается тамъ! Это безчисленное множество дикихъ звѣрей, которые одинъ другаго страшнѣе, вся эта пропасть попугаевъ,

всѣ эти противныя обезьяны, за погаными играми которыхъ monsieur Dugand слѣдитъ, хотя и возмущенный внутренно ихъ неприличіемъ, но все же съ большимъ интересомъ, всѣ эти аппетитныя породы разныхъ утокъ и гусей—служатъ для него неисчерпаемымъ источникомъ развлечения и поученія. Онъ обходитъ такимъ образомъ весь садъ нѣсколько разъ, вслѣдствіе чего до такой степени ознакомился со всѣми его дорожками и закоулками, что во всякое время готовъ явиться совсѣмъ неожиданно, какъ благодѣтельный геній, на помощь стоящимъ въ недоумѣніи группамъ дѣтей или солдатъ, отыскивающимъ безуспѣшно какого нибудь тигра или медвѣдя, и провожаетъ ихъ съ пріятною улыбкою къ тому или другому изъ отыскиваемыхъ ими звѣрей, чтобы, возбудивъ такимъ образомъ удивленіе принятыхъ имъ подъ свое покровительство, быстро скрыться отъ нихъ, во избежаніе выраженія благодарности.

По воскресеніямъ monsieur Dugand доставляетъ себѣ еще одно лишнее удовольствіе. Онъ отправляется, разумѣется по обыкновенію пѣшкомъ, на «Place de l'Europe», на которой находится дебаркадеръ западной желѣзной дороги, становится у периль обкружающей площадь загородки и смотритъ на рельсы, по которымъ безпрестанно приходятъ и уходятъ поѣзды, наблюдаетъ какъ выдвигаютъ изъ сараевъ вагоны, какъ одни локомотивы свиста переѣзжаютъ съ одного пути на другой, какъ желѣзно-дорожные сторожа подають сигналы и махаютъ маленькимъ краснымъ флагомъ, какъ потомъ эти сигналы условленнымъ образомъ появляются на сигнальныхъ фонаряхъ, и вообще какую все это представляетъ оживленную картину. Monsieur Dugand не чувствуетъ ни малѣйшаго утомленія зрѣнія при этомъ постоянномъ мельканіи предметовъ и его пріятное созерцаніе нисколько не нарушается даже ни постояннымъ шумомъ, ни рѣзкими свистками машины, ни залахомъ выбрасываемаго изъ трубъ коксваго дыма. При подобныхъ обстоятельствахъ, вся глубина поэзіи, стыдливо скрывающейся на днѣ души monsieur Dugand, выплываетъ наружу. Читатель можетъ быть полюбопытствуетъ узнать, что же собственно нравится ему въ зрѣлищѣ этихъ приходящихъ и уходящихъ желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ? Стремленіе вдаль, къ чему-то неизвѣстному! Такъ что если-бы только monsieur Dugand зналъ нѣмецкій языкъ, то въ подобные моменты онъ, по всей вѣроятности, непременно прогѣлъ бы съ особеннымъ выраженіемъ сладкой истомы: «Wenn ich ein Vöglein wär!» (Ахъ! Если бы я былъ птичка!).

Всѣ вышепоименованныя развлечения, при частыхъ вечер-

нихъ экскурсіяхъ въ Елисейскія поля, гдѣ monsieur Dugand, стоя вѣвъ загородки, окружающей Cafés Chantants, и гдѣ онъ, не платя ни гроша, слушаетъ всѣ пѣсенки и произведенія григуазной поэзіи, чѣмъ менѣе разсчетливая публика наслаждается за три или за пять франковъ, составляютъ собою почти весь репертуаръ его лѣтнихъ удовольствій. Но съ наступленіемъ осени, когда погода уже дѣлается холоднѣе и мѣшаетъ продолжительному пребыванію на открытомъ воздухѣ, начинаются другія развлеченія, уже болѣе высшаго разряда. Зиму monsieur Dugand всю исключительно посвящаетъ искусствамъ и наукамъ, такъ какъ въ Парижѣ публикѣ открытъ свободный входъ на всѣ лекціи, читающіяся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тамъ всякій можетъ явиться въ аудиторію, причемъ сторожъ никогда не спроситъ у него: имѣетъ ли онъ право на посѣщеніе лекцій? Этимъ либеральнымъ распоряженіемъ университетскихъ властей Monsieur Dugand пользуется крайне добросовѣстно. Съ ранняго утра забирается онъ въ хорошо натопленную аудиторію и сидитъ тамъ неподвижно вплоть до того часа, когда онъ имѣетъ привычку завтракать. Онъ впрочемъ неохотно посѣщаетъ лекціи тѣхъ профессоровъ, которые считаются краснобаями, какъ на примѣръ слащавый философъ, господинъ Баро, котораго всегда окружаетъ, въ видѣ вѣника, цѣлая масса въ высшей степени элегантно-одѣтыхъ дамъ, экипажи которыхъ, украшенные гербами, стоятъ цѣлыми рядами у воротъ Сорбонны, пока онъ самъ упиваются изящными и пріятно-мистичными лекціями профессора, отъ времени до времени прерывая потокъ его сладкаго краснорѣчія или движеніемъ своихъ раздушенныхъ, приводимыхъ въ движеніе, вѣровъ, или сдержанными выраженіями своего, проносящагося какъ легкій вѣтеръ, одобренія. Особеннымъ предпочтеніемъ monsieur Dugand пользуются медицинскія науки, и онъ ставитъ ихъ несравненно выше философій и всѣхъ прочихъ научныхъ специальностей, которымъ молодежь обучается въ Сорбоннѣ, и предпочтеніе это по всей вѣроятности основано на томъ, что во всякомъ французѣ есть задатки врача, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ нѣтъ ни одного «concierge», который бы смѣло не взялся за пользованіе всякой болѣзни безъ разбора, при самомъ ея началѣ.

Monsieur Dugand и ему подобные, впродолженіи цѣлой зимы, бываютъ постоянными посѣтителеми амфитеатровъ большихъ госпиталей и ихъ нисколько не смущаетъ, что профессора и студенты смотрятъ на такое постороннее присутствіе не совсѣмъ благосклонно. Такъ, на лекціи профессора X. акуратно являлся

какой-то старикъ, который садился на самую переднюю скамью и во все время непріязненно смотрѣлъ на лектора, выпуча глаза, причѣмъ иногда улыбался совсѣмъ какъ идиотъ. Эта поразительно глупая улыбка и очевидный, полнѣйшій идиотизмъ субъекта производили на профессора такое впечатлѣніе комизма, что онъ положительно не могъ удержаться отъ смѣха, когда случайно обращалъ глаза въ его сторону. Разумѣется, смѣхъ профессора сообщался также и намъ, студентамъ, причѣмъ иногда аудиторія въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ оглашалась громкимъ взрывомъ хохота. Наконецъ, это уже принимало видъ непозволительнаго скандала и не могло долѣе быть терпимымъ; но тѣмъ не мѣнѣе профессоръ совѣстился выгнать изъ аудиторіи такого въ сущности безобиднаго посѣтителя, и потому онъ придумалъ слѣдующій способъ. Однажды утромъ, взойдя въ аудиторію и увидавъ съ каедръ эту вѣчную дурацкую улыбку старика, усѣвшагося на своемъ обычномъ мѣстѣ, онъ прямо подошелъ къ нему, поклонился и въ изысканно вѣжливыхъ выраженіяхъ обратился къ нему съ такими словами:

— Милостивый государь, я чувствую себя въ такой степени польщеннымъ, что такой почтенный человѣкъ, какъ вы, оказываетъ мнѣ честь постояннымъ посѣщеніемъ моихъ лекцій, что считаю своею обязанностью поворнѣйше просить васъ занять мѣсто, болѣе достойное васъ, чѣмъ эта школьная скамья. И поэтому позвольте предложить вамъ всегда садиться на будущее время со мною рядомъ.

Старикъ снялъ шляпу (я забылъ оговориться, что въ Парижѣ всѣ присутствуютъ на чтеніи лекцій въ шляпахъ), поблагодарилъ и безъ всякихъ возраженій тотчасъ же принялъ приглашеніе профессора. Съ этого самаго дня, онъ, съ необыкновенно важнымъ видомъ, возсѣдалъ на каедрѣ, рядомъ съ профессоромъ, который, не видя передъ собою этой комической личности идиота, могъ, уже не смущаясь его присутствіемъ, спокойно продолжать свою лекцію.

Другой, такого же рода слушатель посѣщалъ амфитеатръ геспиталя Hôtel Dieu, гдѣ читалъ свои лекціи профессоръ С. Когда мы, по окончаніи нашей утренней визитаціи клиническихъ больничныхъ палатъ, приходили туда, то всегда заставали на одной изъ верхнихъ скамеекъ постоянно на одномъ мѣстѣ сидящаго человѣка, который оставался тамъ до самаго конца лекціи. Это былъ какой-то весьма жалкаго вида господинъ, лѣтъ около шестидесяти, совсѣмъ лысый, съ длинною бородою и съ повязаннымъ вокругъ шеи теплымъ краснымъ платкомъ. Возлѣ него

на скамейкѣ всегда стояла его шляпа, а рядомъ съ нею лежалъ какой-то весьма не аппетитнаго вида мѣшокъ для провизіи. Но самымъ отличительнымъ его свойствомъ былъ невыносимый, распространяемый имъ вокругъ себя запахъ чеснока, который заставлялъ всѣхъ его сосѣдей, какъ можно дальше отодвигаться отъ него. А такъ какъ на лекціи профессора С. всегда собиралась масса слушателей, которые съ трудомъ могли помѣститься въ залѣ, то студентамъ, пришедшимъ нѣсколько позднѣе, нужно было уже поневолѣ выносить вонючее сосѣдство этого господина. Наконецъ, всѣ стали жаловаться на присутствіе такого непріятнаго посторонняго посѣтителя и мы стали совѣщаться между собою однажды, какъ бы намъ, не обижая, выпроводить его. Сторожъ, услышавшій нашъ разговоръ, вмѣшался въ него и сказалъ:

— Господа, вы кажется говорите о томъ старикѣ, который всегда завтракаетъ въ аудиторіи?

— Какъ? что такое? спросили вдругъ десятка два голосовъ. И Жанъ рассказалъ намъ, какъ этотъ престарѣлый посѣтитель лекцій каждый день является къ дверямъ аудиторіи въ десять часовъ утра, терпѣливо дожидается пока отопрутъ двери, потомъ садится всегда на одно и то же мѣсто, вынимаетъ изъ широкихъ и глубокихъ кармановъ своихъ штановъ бутылку съ виномъ, хлѣбъ и нѣсколько штукъ сосисокъ съ чеснокомъ, и съ видимымъ удовольствіемъ сѣдаетъ эту простонародную закуску, не торопясь опоражниваетъ бутылку съ виномъ и затѣмъ владеть ее въ небольшой, всегда находящійся при немъ, мѣшокъ; закусивъ, онъ откидывается на спинку скамьи и сосредоточенно ожидаетъ той минуты, когда профессоръ явится въ залу, въ сопровожденіи 150 человекъ студентовъ.

Загадочный запахъ чеснока наконецъ объяснился: господинъ этотъ имѣлъ особенную слабость къ сосискамъ съ чеснокомъ. Мы тотчасъ рѣшили какъ намъ избавиться отъ него: мы сочинили этому заразителю атмосферы въ нашей аудиторіи адресъ, въ которомъ просили его завтракать всегда уже по окончаніи лекцій, подкрѣпляя нашу просьбу убѣдительными и научными доказательствами, что легкій завтракъ, въ родѣ чашки кофе съ булкою, несравненно здоровѣе для человѣческаго организма, чѣмъ такія неудобоваримыя и тяжелыя для желудка вещи, какъ сосиски, колбасы и вино; мы особенно приотомъ напирали на вредное вліяніе чеснока, который, дѣйствуя возбуждающимъ образомъ, производитъ остроту соковъ, причиняетъ приливы крови къ мозгу и нарушаетъ гармонію перистальтическаго движенія

киншекъ. Мы нарочно употребили при этомъ какъ можно больше самыхъ мудреныхъ и темныхъ медицинскихъ терминовъ, и при этихъ жестокихъ, ужасныхъ словахъ оговаривались тѣмъ, что по всей вѣроятности это хорошо должно быть извѣстно ему самому изъ слушанныхъ имъ лекцій. Этотъ адресъ, подписанный цѣлою согнею именъ, на слѣдующее же утро былъ торжественно врученъ любителю сосисокъ съ чеснокомъ, при соответственномъ случаю изустномъ привѣтствіи. Старикъ, который судя по окружающей его атмосферѣ, въ этотъ день вѣроятно позавтракалъ съ еще большимъ аппетитомъ, принялъ поднесенный ему адресъ и нашу выходку весьма дружелюбно; онъ добродушно улыбнулся и сказалъ, что подумаетъ о томъ, что мы ему совѣтуемъ. Подумалъ ли онъ серьезно объ этомъ, воротясь домой, или его жена растолковала ему смыслъ нашего адреса, но только вскорѣ, вмѣсто того, чтобы послѣдовать нашему совѣту, онъ совсѣмъ пересталъ являться на лекціи.

Однакожъ, возвратимся опять къ monsieur Dugand. Проведя свое дообѣденное время такимъ назидательнымъ и полезнымъ образомъ въ какой нибудь аудиторіи, онъ послѣ обѣда по очереди посѣщаетъ всѣ общественные музеи. Одинъ день его можно видѣть сидящимъ на несовсѣмъ новойныхъ содоменныхъ креслахъ въ естественно-историческомъ музеѣ; на другой день, гдѣ нибудь на деревянной скамейкѣ въ залѣ публичной бібліотеки, гдѣ происходятъ общественныя чтенія; но чаще всего онъ возсѣдаетъ на покойной, роскошной, обитой краснымъ бархатомъ мебели Лувра, который имѣетъ самъ по себѣ множество другихъ преимуществъ передъ прочими музеями. Залы тамъ выше и прохладнѣе, топка печей производится тамъ равномернѣе, такъ что посѣтитель не рискуетъ схватить простуды, при рѣзкомъ переходѣ отъ сильнаго комнатнаго жара въ уличному холоду. Погруженный въ мягкія подушки дивана, сидитъ monsieur Dugand въ прелестнѣйшей «salle capitée», то механически смотря на какого нибудь копирующаго живописца, а чаще занявшись разговоромъ о всякой всячинѣ со сторожемъ, съ которымъ онъ состоитъ уже совершенно на дружеской ногѣ, но по большей части, предаваясь сладкому и покойному сну, какой возможенъ только въ такомъ помѣщеніи, какъ Лувръ. Въ четыре часа музеи запираются, и вотъ monsieur Dugand встаетъ съ своего мягкаго ложа. Соответственно уличной атмосферѣ, онъ отправляется, ускоряя или замедляя шагъ, въ отель Друдъ, чтобы тамъ провести остальное, послѣобѣденное время. Съ ловкостью, которая приобрѣтается только послѣ продолжительной практики, онъ

всегда умѣть, не смотря на переполненную народомъ залу, пробраться впередъ и заполучить себѣ стулъ, гдѣ онъ усаживается и съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за ходомъ аукціона. Сонливость, одолевавшая его въ Луврѣ, теперь совершенно исчезла, и онъ весь превратился въ слухъ и зрѣніе. Онъ восхищается какими нибудь столовыми часами, приходитъ въ восторгъ отъ роскошныхъ каминныхъ принадлежностей, и положительно не въ силахъ удержать возгласовъ удивленія передъ богатою «garniture de salon». Но я слышу засвидѣтельство, что восторги эти съ его стороны чисто платоническіе. Monsieur Durand самъ никогда не принимаетъ участія ни въ какомъ аукціонѣ. Онъ не изъ тѣхъ людей, которые, слѣдуя страстному возбужденію чувствъ, способны бросать деньги, чтобы покупать вещи, которыя имъ не нужны, собственно потому только, что онѣ нравятся. Онъ довольствуется лишь критическими замѣчаніями, передаваемыми имъ на ухо сосѣдямъ на счетъ выставленныхъ для аукціонной продажи предметовъ, подмигиваніемъ и плутовскою улыбкою, обращенною къ опѣнщику вещей, а относительно пріобрѣтшаго вещь покупателя, дружескимъ похлопываніемъ послѣдняго по животу и громкимъ возгласомъ, соединеннымъ съ веселымъ смѣхомъ:

— Вотъ такъ покупца! Знай нашихъ, гдѣ денежки-то водятся! если только тотъ, къ кому обращается такого рода пріѣхавшій, съ недовольнымъ видомъ не отстранитъ отъ себя monsieur Durand рукою.

Въ семь часовъ аукціонъ въ отель Друд обыкновенно кончается и monsieur Durand возвращается домой, чтобы со вкусомъ насладиться своимъ, вполне заслуженнымъ, обѣдомъ. Онъ чувствуетъ себя усталымъ, но это какая-то пріятная усталость, потому что его душа полна новыхъ и хорошихъ впечатлѣній. Онъ сталъ еще богаче опытомъ, не сдѣлавшись отъ того бѣднѣе ни на грошъ; а когда онъ собирается предаться ночному покою, то съ чувствомъ внутреннего довольства говоритъ себѣ: «voilà encore une journée bien remplie!»

La Première.

Первое представленіе новой пьесы на парижской театральной сценѣ имѣетъ большое значеніе не исключительно для одного только закулиснаго міра. Важность этого событія для са-

мага автора, а въ иныхъ случаяхъ даже еще въ большей степени для театральнаго директора, который можетъ быть спасенъ или разоренъ въ одинъ вечеръ, не требуетъ никакихъ поясненій; она понятна и очевидна сама по себѣ; но «la Première» играетъ столь важную роль въ существованіи не однихъ только прямо заинтересованныхъ ею лицъ, но даже въ жизни всего парижскаго общества; она постепенно складывалась въ нѣкотораго рода социальное учрежденіе, съ которымъ оказывается связанымъ множество интересовъ, не имѣющихъ, впрочемъ, ничего общаго съ театромъ. Она, во первыхъ, не представляетъ собою литературнаго праздника, а есть по преимуществу праздникъ фешенебельной «badauderie». Ancien Régime имѣлъ свой салонъ; различныя монархіи нѣмѣшняго вѣка имѣли свой дворъ, а въ періодъ республики существуетъ только одна рамка, которая, исполняя роль салона и двора, можетъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, вмѣщать въ себѣ все, что только есть во всемъ Парижѣ извѣстнаго, выдающагося изъ общаго уровня, и эта рамка есть именно «la Première».

Разумѣется все это относится не во всякомъ первомъ представленіи безъ исключенія. Тутъ существуетъ громадная разница. Нѣкоторые театры находятся совершенно въ сторонѣ отъ теченія парижской жизни и потому первыя представленія дающихся на ихъ сценахъ пьесъ не могутъ заинтересовать положительно никого; слѣдовательно, ни одному парижанину не придется въ голову толковать о какой нибудь «Première» въ театрахъ de la Porte St. Martin, du Château d'Eau, du Châtelet, de Cluny, или даже въ Ambigu Comique. Въ театрѣ Odéon только при особенныхъ, исключительныхъ обстоятельствахъ собирается та публика, которая обыкновенно посѣщаетъ первыя представленія. А напротивъ особенной привилегіей пользуются большая и итальянская опера и всѣ театры большихъ бульваровъ, какъ-то: Vaudeville, Gymnase, Bouffes, Variétés, Renaissance, и даже въ извѣстной степени Folies dramatiques, затѣмъ Théâtre du Palais Royal и преимущественно Comédie Française, гдѣ первыя представленія составляютъ собою великіе моменты въ существованіи высшаго парижскаго общества.

Ничего нѣтъ любопытнѣе, какъ общій видъ, представляемый театальною залю въ дни такихъ торжествъ. Въ партерѣ собрались всѣ представители журналистики, искусства и литературы. Тутъ опытный глазъ съ перваго взгляда можетъ отличить присяжнаго критика, который пришелъ не съ тѣмъ, чтобы испытать пріятное впечатлѣніе, но ради того, чтобы подмѣтить всѣ

слабыя мѣста пьесы, и чтобы на слѣдующее утро излить весь яд своей жолчи какъ на самого автора, такъ и на актеровъ, которыхъ, подъ видомъ пріязни и расположенія, онъ увѣрялъ, что непременно желаетъ быть свидѣтелемъ ихъ успѣха; но въ сущности онъ питаетъ затаенную злорадственную надежду, что ему придется быть свидѣтелемъ полнѣйшаго паденія пьесы. Ложи и балконъ заняты «обществомъ», хорошимъ и второстепеннаго разряда. Тутъ извѣстный адвокатъ сидитъ рядомъ съ членомъ жюрей-клуба, крупный биржевикъ рядомъ съ какимъ нибудь докторомъ à la mode, посланникъ рядомъ съ какимъ нибудь прѣзжимъ, прожигающимъ жизнь иностранцемъ, находящимся на пути къ полнѣйшему разоренію и который долженъ будетъ въ скоромъ времени навсегда проститься съ своею, въ настоящее время даже въ Парижѣ замѣтною элегантною; жена министра сидитъ рядомъ съ всѣмъ извѣстной перворазрядной кокеткой, знаменитая актриса рядомъ съ знаменитой портнихой, своей кредиторшей. Только верхніе ярусы предоставлены неполюзуемой никакою извѣстностью публикѣ, которая съ полудня образуетъ передъ театральною кассою хвостъ для того, чтобы имѣть возможность пріобрѣсти себѣ северное мѣсто въ галереѣ для представленія, самыя интересныя сцены котораго происходятъ не позади занавѣса, а по сю сторону рампы.

Я присутствовалъ на многихъ, чуть-ли не сдѣлавшихся историческими представленіяхъ, и для меня какъ въ первый разъ, такъ до сихъ поръ осталось необъяснимою загадкою, какимъ образомъ возможно, чтобы первое представленіе пьесы, при подобныхъ обстоятельствахъ, могло имѣть полный успѣхъ или положительный фiasco. Эта «пресловутая публика, присутствующая на первыхъ представленіяхъ», пользующаяся репутаціей тонкаго пониманія и оцѣнки, быстро схватыванія смысла каждаго налету пойманнаго слова, отгадыванія всякаго самаго тонкаго намека на какую нибудь мысль, наэлектризованія къ чуткому отклику на всякое поэтическое выраженіе—есть положительный мнѣ. Я не буду оспаривать того, что эта публика дѣйствительно представляетъ собою цвѣтъ всего талантливаго и образованнаго; но она въ то же время есть масса людей самыхъ неблагодарныхъ, и автору слѣдовало бы въ сущности болѣе обратить вниманія на воскресную публику, состоящую изъ башмачниковъ и куаферовъ, чѣмъ на эту публику «избранныхъ», которая болѣе занята собою, чѣмъ смысломъ пьесы и тѣмъ, что происходитъ на сценѣ.

Посѣтители «Première» въ этотъ вечеръ считаютъ театръ

какъ-бы домою какаго нибудь хорошаго знакомаго, въ которму они приглашены. Они являются въ парадныхъ туалетахъ, стараясь прїѣхать попозднѣе, чтобы не быть первыми, раскланиваются съ присутствующими друзьями, отвѣчаютъ на поклоны прїѣхавшихъ послѣ нихъ, пожимаютъ направо и налево руки знакомымъ, глазѣютъ по сторонамъ и проводятъ весь вечеръ въ томъ, чтобы по возможности быть на виду и поболтать со всѣми, сидящими неподалеку. Профессиональный критикъ злобно шепчетъ что-то на ухо своему сосѣду, а прїятель автора забавляется тѣмъ, что заранѣе указываетъ своимъ сосѣдямъ на каждую предстоящую сцену, на каждую долженствующую появиться остроу и такимъ образомъ парализуетъ весь эффектъ пьесы; мужчины отправляются съ визитомъ къ сидящимъ въ ложахъ дамамъ, сообщаютъ новости дня или сказанную кѣмъ нибудь эпиграму; между тѣмъ какъ публика, сидящая въ галереѣ и непринадлежащая къ обществу, съ завистливымъ видомъ смотритъ внизъ въ театральную залу, не отводя биновля отъ глазъ, чтобы разглядѣть хорошенько всѣ эти знаменитости, какъ тѣ жестикулируютъ, какъ улыбаются, какъ ѣдятъ конфеты, съ кѣмъ они разговариваютъ, съ кѣмъ они вѣжливы, съ кѣмъ дружески знакомы, что составляетъ предметъ постоянного шушуканья, перешептыванья и хихиканья, которое иногда, въ моментъ какаой нибудь трагической сцены, вдругъ переходитъ въ громкій, нескромный смѣхъ, и наоборотъ, какаая нибудь уморительная по своему сценическому эффекту и въ высшей степени комическая фраза встрѣчается иногда цѣлымъ рядомъ зрителей съ мрачнымъ выраженіемъ лица, потому что въ эту самую минуту кто нибудь сообщилъ о чьей либо серьезной болѣзни или смерти; однимъ словомъ, всѣ заняты лишь собою и другими, чтобы въ самомъ выгодномъ свѣтѣ и съ полнымъ достоинствомъ предстать передъ глазами любопытныхъ, чтобы держать себя соотвѣтственно своему положенію, такъ что занавѣсъ падаетъ при полнѣйшемъ равнодушіи, за исключеніемъ только одного критика, всей публики, которой ровно никакаго дѣла не было до того, что дѣлалось и говорилось на сценѣ.

Въ антрактахъ, эти представленія, совершающіяся въ средѣ всей, самой избранной публики, принимаютъ еще болѣе образный характеръ. Одна толпа тѣснится въ фойе или въ гардеробныхъ актеровъ и актрисъ, другая стремится въ общій фойе, который она какъ будто хочетъ взять приступомъ. Публика изъ галереи бываетъ въ подобные вечера только терпима, и потому она, какъ-бы чувствуя свою ничтожность, скромно тѣснится по

угламъ, откуда съ почтеніемъ и удивленіемъ взираетъ на знатное общество, которое занимаетъ собою всю средину пространства, усаживаясь группами на креслахъ и диванахъ, становясь съ заложеными за спину руками къ камину, прислоняясь головою къ стоящимъ на немъ ванделябрамъ и держась вообще настолько непринужденно, какъ-бы въ гостяхъ въ домѣ своего самаго близкаго пріятеля. Продолженіе представленія принимается всѣми, какъ непріятная помѣха; только сильный и продолжительный звонъ колокольчика заставляетъ ихъ, наконецъ, рѣшиться возвратиться въ залу, чтобы продолжать занимательную, начатую въ фойе, болтовню на своемъ покойномъ креслѣ въ ложѣ или въ партерѣ, что, разумѣется, нисколько не льститъ самолюбію автора, который съ нервною, затаенною злостью въ душѣ смотритъ изъ-за кулисъ или изъ угла ложи на всю эту, наполняющую залу публику, занимающуюся не его новою пьесою, а разсказываніемъ другъ другу разныхъ анекдотовъ. Александръ Дюма-сынъ однажды жаловался на одного, одержимаго кашлемъ господина, въ высшей степени типичнаго посѣтителя партера, который непремѣнно, какъ будто нарочно, приберегаетъ свои заболѣванія насморкомъ къ днямъ первыхъ представлений, заглушая самыя лучшія мѣста какого нибудь діалога энергичнымъ чиханьемъ и громкимъ отхаркиваніемъ мокроты, сопровождая то и другое сильнымъ стономъ; я же, съ своей стороны, полагаю, что тѣ неоспоримо умные шептуны, которые такъ усердно вполголоса разговариваютъ между собою во время перваго представленія, едва-ли окажутся болѣе симпатичными драматическому автору, чѣмъ вышеупомянутый нарушитель тишины въ театральной залѣ.

Немаловажный предметъ въ общемъ образованіи всякаго истаго парижанина составляетъ знаніе публики, посѣщающей «les ргеміѳес», за исключеніемъ, конечно, публики, занимающей мѣста на галереѣ, знаніе по именамъ, званію, характеру, по возможности какое у кого состояніе и какого рода у кого политическія убѣжденія. Всякій boulevardier внутренно устыдился бы себя самого, если-бы на вопросъ какого нибудь иностранца или провинціала относительно имени той или другой личности, сидящей въ ложѣ или въ партерѣ, не сумѣлъ бы отвѣтить положительно. Разумѣется, въ подобныхъ случаяхъ представляется извѣстный якорь спасенія, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, но который нужно предоставить уже только однимъ глупцамъ; такъ, напримѣръ, не умѣя отвѣтить по поводу какой нибудь личности, иногда говорятъ: «А, вы спрашиваете вонъ

объ этомъ лысомъ господи́нѣ? Это не Богъ знаетъ кто такое! Это пріятель автора!» Такого указанія на пріятеля автора, который обыкновенно не принадлежитъ къ постояннымъ посѣтителемъ первыхъ представленій, состоящимъ изъ избранной публики, и бываетъ обязанъ только особенному расположенію своего друга, когда получить какое нибудь невидное мѣсто въ этомъ блестящемъ собраніи, истый парижанинъ никогда не проститъ себѣ, потому что оно изблѣчило бы его полнѣйшее невѣжество по этой части.

Послѣ всего вышесказаннаго, читатель пойметъ общественное значеніе «la première». Въ Парижѣ есть безчисленное множество людей, которые поставили себѣ главною цѣлью своей жизни добиться того, чтобы всѣ ихъ знали, и достиженіе этой цѣли считается величайшею побѣдою въ этой всемірной столицѣ при борьбѣ за существованіе. Но если однажды кому нибудь удалось занять свое мѣсто въ числѣ «habitues des premières», то онъ уже можетъ считать свою цѣль достигнутою и побѣду обезпеченною. Тогда человѣкъ уже вышелъ изъ ничтожества; онъ уже сдѣлался личностью. Я могъ бы сію минуту, не затрудняясь, назвать болѣе десятка людей, которые принадлежатъ къ разряду извѣстныхъ въ Парижѣ личностей, но которые обязаны этою извѣстностью ни чему другому, какъ своему постоянному посѣщенію первыхъ представленій. Хорошіи тонъ и общественный обычай налагаютъ на каждого обязанность признавать, на ряду съ дѣйствительно извѣстными людьми, также и этихъ паразитовъ извѣстности, которыхъ газетные репортеры, пишущіе о первыхъ представленіяхъ, обыкновенно называютъ по именамъ; эти вышеупомянутые господа знакомы со всѣми выдающимися личностями Парижа, по крайней мѣрѣ шапочно, и мнѣ самому не разъ случалось получать отъ какого нибудь писателя или депутата на мой вопросъ: «кто этотъ господинъ, съ кѣмъ вы сейчасъ раскланялись?» такой отвѣтъ: «Это такой то. Я знаю его въ лицо очень хорошо. Онъ постоянно бываетъ на всѣхъ первыхъ представленіяхъ. Кажется, это какой-то фотографъ, или врачъ; не умѣю вамъ сказать навѣрное, но что-то одно изъ двухъ». Постоянное мѣсто при первыхъ представленіяхъ является, такимъ образомъ, самою лучшею рекламою, которая гораздо прямѣе и вѣрнѣе достигаетъ своей цѣли, чѣмъ всѣ газетныя и уличныя объявленія, и которая бываетъ необходима для людей извѣстнаго сорта профессій. Слѣдовательно, весьма естественно, что всѣ такъ страстно и съ такою жадностью стремятся попасть на первыя представленія, и что соб-

ственно нисколько не доказываетъ, чтобы эти люди интересовались собственно литературою; но въ виду такого всесторонняго спроса, при такомъ относительно ограниченномъ предложеніи, весьма натурально, что занять мѣсто въ этой привилегированной кучкѣ людей бываетъ нелегко.

Чтобы сдѣлаться «habitué des premières», нужно имѣть или положеніе, или очень много денегъ, или очень вѣскую протекцію. При нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, впрочемъ, и не представляется слишкомъ большой трудности къ приобрѣтенію одного мѣста на одно какое нибудь первое представленіе; но это еще не доставляетъ тѣхъ выгодъ, съ которыми бываетъ сопряжено постоянное присутствіе на *всѣхъ* первыхъ представленіяхъ. Эти выгоды и преимущества обезпечены человѣку лишь тогда, когда имя его занесено во всѣхъ фешенебельныхъ театрахъ на ихъ «feuille du service des premières». Это такого рода списокъ, гдѣ находятся имена всѣхъ особъ, имѣющихъ право на присутствіе при первыхъ представленіяхъ. Эти избранные онятъ-таки подраздѣляются на категоріи. Въ то время, когда одни получаютъ свои обычные, присланные имъ билеты у себя на дому, другіе должны сами являться за ними и платить за нихъ, а третьи имѣютъ возможность получить билеты на первое представленіе лишь тогда, если кто нибудь изъ обычныхъ посѣтителей не пожелаетъ воспользоваться своимъ билетомъ и возвращаетъ его въ кассу. Театральный «feuille de service» — это золотая книга парижскаго общества. Быть занесеннымъ въ этотъ списокъ считается большою честью. Тотъ, кому удалось хотя на одну минуту заставить говорить о себѣ весь Парижъ, можетъ считать для себя обезпеченнымъ обладаніе постояннымъ билетомъ на первыя представленія. Разумѣется, какой нибудь членъ de l'Institut, ученый, сдѣлавшій замѣчательное открытіе, извѣстный путешественникъ, писатель, книга котораго надѣлала шума, адвокатъ, защищавшій кого либо въ сенсационномъ процессѣ, архитекторъ, соорудившій большой монументъ, живописецъ или скульпторъ, получившій «grand prix» въ «Salon», политикъ, котораго современныя событія выдвинули на первый планъ, военный человѣкъ, отличившійся какимъ нибудь боевымъ подвигомъ, — не имѣютъ нужды хлопотать о приобрѣтеніи билета на первыя представленія, потому что онъ будетъ имъ предложенъ самимъ директоромъ театра, который лично заинтересованъ тѣмъ, чтобы собрать у себя въ театрѣ побольше знаменитостей, «se composer une belle salle», какъ это тамъ говорится. Что же

касается другихъ личностей, присутствіе которыхъ въ театрѣ директоръ не считаетъ для себя за особенную честь, то онѣ не останутся ни передъ какими жертвами, если питаютъ самолюбивыя мечты о занесеніи ихъ въ списокъ постоянныхъ почитателей первыхъ представленій; для этого имъ приходится волочиться за актрисами и угощать ужинами актеровъ; ихъ не пугаетъ даже мысль о томъ, что для пріобрѣтенія расположенія этихъ вышеупомянутыхъ талантливыхъ людей пришлось бы деликатнымъ образомъ предложить имъ денегъ въ займы, съ тѣмъ, чтобы никогда ни однимъ словомъ не заикнуться объ ихъ отдачѣ; а главнымъ образомъ нужно подружиться съ театральнымъ секретаремъ.

Секретарь этотъ олицетворяетъ собою апостола Петра, такъ какъ, подобно ему, держитъ въ своей рукѣ ключи рая, который для парижанина заключается въ возможности присутствовать на всѣхъ первыхъ представленіяхъ. Занимаемая имъ должность дѣлаетъ его человѣкомъ весьма важнымъ, а положеніе его въ высшей степени вліятельнымъ и завиднымъ. При встрѣчѣ на улицѣ, съ нимъ раскланиваются съ величайшею предупредительностью и съ видомъ болѣе почтительности, чѣмъ передъ лицомъ каковаго нибудь министра, причемъ онъ заставляетъ дожидаться у себя въ прихожей пожалуй не меньше всякаго государственнаго сановника. Онъ всегда окруженъ толпою льстецовъ, которые удивляются каждому связанному имъ слову и унижаются передъ нимъ, какъ рабы. Всѣ безъ исключенія относятся къ нему любезно и гордятся его благосклонностью. Герцогини пишутъ къ нему ласковыя, раздушенныя записочки, въ которыхъ называютъ его: «mon cher monsieur N». Генералы, говоря съ нимъ, называютъ его: «mon très cher ami», такъ какъ вѣдь можетъ когда нибудь встрѣтиться необходимость въ экстренномъ полученіи ложи на какое нибудь первое представленіе. Протекція секретаря всякаго большого театра можетъ служить серьезною и крѣпкою опорой тому, на кого она обращается. Мнѣ извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, что одно простое рекомендательное письмо такого темнаго великаго человѣка доставляло, на примѣръ, какому нибудь юношѣ прекрасное мѣсто въ перворазрядной банкирской конторѣ, врачу—многочисленную практику въ средѣ знатнаго общества, писателю—сотрудничество въ большомъ журналѣ, бѣдной вдовѣ—возможность открыть табачную лавочку, маленькому чиновнику—быстрое повышеніе по службѣ. Общественная власть театральнаго секретаря въ Парижѣ такъ велика, что претендентовъ на его должность яв-

дается даже больше, чѣмъ на должность префекта перваго класса. И все это ради того «prestige», какой имѣеть для всѣхъ «habitué» первое представленіе новой пьесы.

Мы уже упоминали выше, какъ трудно попасть въ «feuille du service des premiers». Но, если это удалось комунибудь однажды, тотъ можетъ быть покоенъ навсегда, потому что возможность быть вычеркнутымъ изъ этого списка представляется положительно вещь почти невысказанною. Въ сердцѣ каждаго француза глубоко вкоренилось уваженіе къ однажды приобретеннымъ правамъ и онъ съ трудомъ рѣшится посягнуть на то преимущество, обладатель котораго придаетъ ему большую цѣну. Постоянный билетъ на мѣсто при каждомъ первомъ представленіи есть собственность, приобретаемая съ большимъ трудомъ; въ иныхъ случаяхъ она стоила крупныхъ денежныхъ затратъ, въ другомъ она приобретена заслугами, достиженіе которыхъ требовало также усилій, и плодовъ послѣднихъ невозможно похитить у человѣка безъ нарушенія справедливости. Директоръ театра не одинъ разъ подумаетъ прежде чѣмъ рѣшится сдѣлать какую-нибудь перемѣну въ своемъ «feuille de service». Этотъ списокъ представляетъ собою въ нѣкоторомъ родѣ святиню, которую новый директоръ съ подобающимъ почтеніемъ и благоговѣніемъ принимаетъ отъ своего предшественника, безъ всякихъ возраженій и критической повѣрки, чтобы въ свою очередь въ такомъ-же видѣ и положеніи передать его своему преемнику. Въ подтвержденіе этого обстоятельства приводятъ одинъ смѣшной разговоръ, который тѣмъ забавнѣе, что онъ не вымышленный.

Одинъ бульварный театръ, отличавшійся своимъ особеннымъ «chic», перешелъ въ руки новаго владѣльца. Новый директоръ потребовалъ списокъ посѣтителей первыхъ представленій и сталъ просматривать его вмѣстѣ съ секретаремъ. Большинство внесенныхъ въ него именъ было знакомо директору; но тамъ, гдѣ память измѣняла ему, секретарь являлся къ нему на помощь съ своими поясненіями, а тѣ немногія имена, которыхъ не могли припомнить ни тотъ, ни другой, оказывались знаковыми нѣкоторымъ изъ старѣйшихъ членовъ труппы; всѣ эти имена оставляли въ книгѣ безъ всякихъ помятокъ, пока директоръ и секретарь не наткнулись на одно загадочное имя, какого-то Жана-Жака Mathieu, о которомъ не имѣлъ даже никакого понятія ни одинъ человѣкъ изъ всей труппы актеровъ. Стали припоминать, наводить справки, но все оказалось напрасно. Никто не могъ сказать, кто этотъ господинъ Mathieu и какимъ

образомъ онъ получилъ право на такую привилегію. Это очень заинтриговало директора, который былъ человѣкъ крайне услужливый, но который однакожъ не желалъ раздавать такіе билеты кому попало и потому онъ испыталъ всѣ средства, чтобы разузнать объ этомъ дѣлѣ обстоятельно. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ контролера и спросилъ его: знаетъ ли онъ господина Mathieu.

— Какъ не знать! отвѣчалъ тотъ. — Это маленькій ростомъ старичекъ, который аккуратно является на всѣ первыя представленія. Его впрочемъ всѣ знаютъ въ театрѣ.

— А давно онъ сталъ ходить на первыя представленія? продолжалъ допытываться директоръ.

— О да, очень давно. Я нахожусь въ должности контролера уже шестнадцать лѣтъ, а когда я поступилъ на это мѣсто, то мой предшественникъ указалъ мнѣ на него, какъ на самаго давнишняго habitué.

— Не знаете ли вы, можетъ быть, кто онъ такой и какимъ образомъ онъ получилъ право на постоянный билетъ для всѣхъ первыя представленій?

Контролеръ немного смутился.

— Навѣрное не могу вамъ сказать, но кажется отъ кого-то слышалъ, что онъ драматическій писатель.

— Ну, такъ и должно быть, подтвердилъ секретарь. — Въ нашемъ театрѣ даже кажется играли какъ-то пьесу его сочиненія.

Но директоръ все еще сомнѣвался. Онъ отъ роду никогда не слыхивалъ о драматическомъ писателѣ, по фамиліи Mathieu, и потому рѣшился во что бы то ни стало добиться открытія этой тайны. Онъ перерылъ весь театральнй архивъ, но, не смотря на всѣ старанія, нигдѣ не оказывалось ни малѣйшаго слѣда драматическаго автора, по фамиліи Mathieu. Осталось испробовать еще одно послѣднее средство. Онъ послалъ справиться въ «Обществѣ музыкальныхъ композиторовъ и драматическихъ писателей», нѣтъ-ли тамъ какого нибудь господина Mathieu, откуда получилъ отвѣтъ такого рода, что этотъ господинъ имъ неизвѣстенъ, но что это по всей вѣроятности анонимный сотрудникъ какого нибудь другаго, писавшаго для театра, автора.

Тогда секретарь посоветовалъ просто вычеркнуть это имя изъ списка, на что директоръ однакожъ не согласился, такъ какъ собственно никто не зналъ, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ господинъ Mathieu приобрѣлъ свое право на билетъ, а однажды

приобрѣтенныя права должны оставаться ненарушимыми; правда, что въ этомъ случаѣ дѣло какъ будто нечисто, но все-таки благоразумнѣе будетъ оставить все постарому и т. д.

Послѣ этого прошло нѣсколько мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ господинъ Mathieu по обыменованію получалъ свой билетъ и съ привычною ему акуратностью посѣщалъ первыя представленія. Однажды утромъ въ прихожую секретаря явились двое господъ и требовали, чтобы ихъ впустили, чему пооджительно противился театральнй сторожъ, говоря, что секретарь въ настоящее время очень занятъ; но одинъ изъ посѣтителей, принявъ начальнической тонъ, сразу положилъ конецъ всякимъ возраженіямъ, сказавши:

— Ступайте сейчасъ-же, молодой человекъ, и скажите, что пришелъ господинъ Mathieu. Для меня-то у секретаря уже всегда найдется свободное время.

Сторожъ исполнилъ данное ему приказаніе и едва успѣлъ доложить секретарю о господинѣ Mathieu, какъ тотъ, видимо обрадованный, вскричалъ:

— Зовите его сейчасъ сюда! Онъ даже всталъ съ своего мѣста и встрѣтилъ пришедшаго посѣтителя у самыхъ дверей съ величайшею предупредительностью. Наконецъ-то, онъ теперь узнаетъ, кто этотъ таинственный господинъ Mathieu.

— Очень радъ съ вами познакомиться, monsieur Mathieu! Чѣмъ могу служить вамъ?

Monsieur Mathieu ухмыльнулся, сѣлъ и началъ такъ:

— Господинъ секретарь, я пришелъ къ вамъ съ просьбой: не откажите сдѣлать мнѣ одно одолженіе.

— Для такого давнишняго, усерднаго посѣтителя нашего театра, мы охотно готовы сдѣлать все, что отъ насъ зависитъ.

Monsieur Mathieu снова ухмыльнулся и продолжалъ:

— Это очень любезно съ вашей стороны, господинъ секретарь; но и я самъ также подумалъ, что такой давнишній «habitué», какъ я, заслуживаетъ, чтобы къ его просьбѣ отнеслись съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Однимъ словомъ, вотъ въ чемъ дѣло: я собираюсь въ скоромъ времени переселиться въ провинцію и хочу просить васъ передать право на мой билетъ этому господину, которому я передаю мое торговое заведеніе.

— Ваше торговое заведеніе? у васъ есть торговое заведеніе? переспросилъ его пораженный удивленіемъ секретарь.

— Какъ? да развѣ вы этого не знали? Ну да, у меня есть торговое заведеніе, я портной и имѣю магазинъ готоваго платья, который принадлежитъ мнѣ болѣе тридцати лѣтъ...

— Портной, имѣющій магазинъ готоваго платья! Да какимъ-же образомъ вы могли получить право на билетъ для всѣхъ первыхъ представленій?

— О, это старая исторія! Одинъ изъ вашихъ предшественниковъ, мой прежній покупщикъ и заказчикъ, нашелъ возможнымъ сдѣлать мнѣ эту маленькую любезность.

— И въ этомъ заключается ваше единственное право на пользованіе билетомъ?

— Я полагаю, что и этого достаточно, отвѣчалъ monsieur Mathieu нѣсколько обиженнымъ тономъ. Секретарь, оставивъ недоумѣвающего monsieur Mathieu съ будущимъ преемникомъ его торговаго заведенія, вдругъ опрометью бросился изъ своего кабинета въ директору, чтобы рассказать ему исторію легендарнаго monsieur Mathieu, который въ продолженіи столькихъ десятковъ лѣтъ пользовался постоянно билетомъ на всѣ первыя представленія, единственно лишь потому, что когда-то сшилъ прежнему секретарю театра фракъ; и даже теперь, по прошествіи трехъ лѣтъ, въ этомъ бульварномъ театрѣ не могутъ безъ смѣха вспомнить о вышеупомянутомъ monsieur Mathieu, который былъ занесенъ въ «feuille de service des premières».

(Переводъ съ нѣмецкаго).

ОСНОВЫ МОЛЕКУЛЯРНОЙ БИОЛОГИИ.

VII.

Возможно ли самозарождение?

Вопросъ этотъ относится къ числу самыхъ существенныхъ, основныхъ вопросовъ биологiи. Онъ обнимаетъ собою группу явленiй, составляющихъ переходъ отъ неорганическаго міра къ органическому, отъ безжизненности къ жизни. Возможенъ ли такой переходъ и каковы условiя его, условiя происхожденiя жизни?

Само собою разумѣется, что съ точки зрѣнiя, усматривающей жизнь всюду, не только среди растительнаго или животнаго царства, но и среди минеральнаго, — съ точки зрѣнiя, считающей возможнымъ, на основанiи однѣхъ лишь внѣшнихъ аналогiй, приписывать тѣламъ неорганической природы волевой импульсъ, инстинктъ и т. п. проявленiя психической жизни, и въ этомъ волевомъ импульсѣ, въ этомъ инстинктѣ искать объясненiя космической гармонiи ¹⁾, — само собою разумѣется, говоримъ мы, что съ этой точки зрѣнiя, вопросъ о происхожденiи жизни равносильнъ, въ сущности, вопросу о началѣ

---

¹⁾ Какъ это дѣлаетъ, между прочимъ, Феликсъ Геманъ въ своей, во многихъ отношенiяхъ весьма интересной книгѣ: «De l'instinct et de l'intelligence». Paris, 1880.

началь. Не смотря однако на то, послѣдователи даннаго, мнимо-научнаго ученія трактуютъ объ этомъ вопросѣ, и даже считаютъ его рѣшеніе возможнымъ, упуская, повидимому, изъ вниманія, что тѣмъ самымъ рушится основное положеніе ихъ теоріи, взаимнѣй которой на первый планъ выступаетъ признаніе обособленности жизненныхъ явленій. Обособленность эта, какъ мы видѣли, не представляетъ ничего абсолютнаго, но это не даетъ нивакого права отрицать характерныя признаки жизненности. Они существуютъ, и происхожденіе ихъ требуетъ объясненія. Теперь именно, когда намъ уже извѣстно, чѣмъ характеризуются эти признаки и каковы основныя условія, ихъ опредѣляющія, вопросъ объ условіяхъ происхожденія жизни рождается самъ собою.

Въ самомъ дѣлѣ, если жизнь, согласно основному положенію молекулярной біологіи — есть высшая и самая сложная форма движенія, если она выражаетъ собою дальнѣйшее усложненіе тѣхъ простѣйшихъ формъ движенія, которыми характеризуются явленія неорганическаго міра, то уже à priori необходимо признать возможность перехода отъ этихъ послѣднихъ явленій къ болѣе сложнымъ, именуемымъ жизнью.

Но какимъ путемъ могъ совершиться такой переходъ? Вотъ этимъ именно вопросомъ намъ и надлежитъ теперь заняться, съ цѣлью выяснитъ возможно обстоятельнѣе существенныя стороны относящихся сюда явленій. Это тѣмъ болѣе необходимо, что опредѣленное рѣшеніе даннаго вопроса дозволить намъ устранить весьма существенныя недоразумѣнія по одному изъ основныхъ предметовъ біологіи, — недоразумѣнія, служившія и продолжающія еще служить причиною крайне ошибочныхъ представленій о «сущности» жизненныхъ явленій. Къ числу такихъ именно недоразумѣній относится ученіе о самозарожденіи, а потому намъ прежде всего необходимо обстоятельно ознакомиться съ этимъ ученіемъ и рассмотреть, на сколько это ученіе отвѣчаетъ основнымъ положеніямъ біологіи, можетъ ли оно быть признано научнымъ, другими словами, представляетъ ли оно дѣйствительно научную попытку рѣшенія вопроса о происхожденіи жизни или, напротивъ, переноситъ этотъ вопросъ на такую почву, на которой научное его рѣшеніе становится невозможнымъ.

Повторяемъ, намъ необходимо обстоятельно ознакомиться въ данномъ отношеніи съ ученіемъ о самозарожденіи, потому что прежде чѣмъ обратиться къ вопросу, какъ могла произойти жизнь, весьма важно знать, какъ она не могла произойти — это единственный путь установить строго-научную

точку зрѣнія на занимающей насъ вопросъ, и критическій обзоръ только что названнаго ученія представляетъ къ тому всѣ необходимыя данныя.

Обращаясь къ ученію о самозарожденіи, замѣтимъ прежде всего, что начало его относится къ весьма отдаленному прошлому. Древніе философы, напримѣръ, считали несомнѣннымъ фактомъ, что низшія животныя формы—насъкомыя, черви,—происходятъ сами собою прямо изъ навоза, земли, дождевой воды, гнѣющаго мяса. И самобытное зарожденіе допускалось не только для низшихъ организмовъ, но и для высокоорганизованныхъ, какковы: мыши, крысы, змѣи, лягушки, рыбы. Самъ Аристотель полагалъ, что угри прямо зарождаются изъ рѣчнаго ила.

Прошло болѣе полуторы тысячи лѣтъ прежде, чѣмъ это общераспространенное заблужденіе было обнаружено флорентинскимъ ученымъ Реди, современникомъ знаменитаго Гарвея. Въ 1638 г. Реди сообщилъ флорентинской академіи о результатахъ своихъ опытовъ, именно, онъ покрылъ кисеею кусокъ мяса и въ немъ не появилось при гнѣеніи ни одного червя, тогда какъ кисея снаружи оказалась усѣянною массою яичекъ, положенныхъ мухами. Отсюда Реди совершенно основательно заключилъ, что «черви, появляющіеся въ мясѣ, развиваются изъ яичекъ мухъ, а не прямо изъ мяса» и что, стало быть, о самобытномъ ихъ зарожденіи не можетъ быть и рѣчи. Дальнѣйшія изслѣдованія названнаго ученаго привели его къ общему заключенію, что «во всѣхъ случаяхъ кажущагося зарожденія живыхъ существъ изъ мертваго вещества, истинную причину ихъ появленія составляетъ введеніе живыхъ зародышей въ это вещество извнѣ». Такимъ образомъ сложилась знаменитая фраза «*Omne vivum ex vivo*» (все живое изъ живаго), сдѣлавшаяся съ того времени стереотипною, и ученіе о самозарожденіи (*generatio spontanea s. aequivoca*), въ томъ видѣ, какъ оно признавалось древними, рушилось уже окончательно.

Но съ дальнѣйшимъ расширеніемъ біологическаго знанія, послѣ того именно, когда болѣе обстоятельныя микроскопическія изслѣдованія познакомили ученыхъ съ малоизвѣстнымъ до первой половины XVIII столѣтія міромъ микроскопическихъ существъ,—ученіе Реди подверглось сомнѣнію. Англійскій физикъ, членъ лондонскаго королевскаго общества, Нидгемъ (Needham) первый возсталъ въ 1745 г. противъ основнаго положенія *omne vivum ex vivo*¹⁾. Признавая вполне справедливыми

¹⁾ Needham: «Nouvelles recherches, sur les decouvertes microscopique». Paris, 1768.

отрицательные выводы Реди, относительно такихъ организмовъ, какъ наѣвоя, онъ не считалъ однако возможнымъ придавать этимъ выводамъ универсальное значеніе. Тотъ фактъ, что въ настоѣ изъ органическихъ веществъ появляются микроскопическія существа, фактъ вовсе неизвѣстный современникамъ Реди, привелъ названнаго физика къ признанію самозарожденія для простѣйшихъ существъ, именно наливочныхъ животныхъ или инфузорій. Къ этому ученію применилъ и знаменитый въ то время французскій естествоиспытатель Бюффонъ, считавшій самозарожденіе простѣйшихъ организмовъ «не только наиболее частымъ и общимъ, но и древнѣйшимъ, примитивнымъ» способомъ размноженія ¹⁾ «non-seulement la plus fréquente, et la plus générale, mais la plus ancienne c'est à-dire la première...»

Такимъ образомъ, ученіе о самозарожденіи вновь получило право гражданства, но на этотъ разъ въ совершенно обновленномъ видѣ, неимѣющемъ повидимому ничего общаго съ ученіемъ древнихъ о произвольномъ зарожденіи высшихъ беспозвоночныхъ животныхъ, не говоря уже о позвоночныхъ. Это зарожденіе допускалось исключительно для простѣйшихъ организмовъ.

Не смотря однако на авторитетное имя Бюффона, раздѣлявшееся имъ ученіе Нидгема было подвергнуто сомнѣнію итальянскимъ абатомъ Спаланцани: «убійство красивой гипотезы безобразнымъ фактомъ», — эта великая прелюдія науки, столь постоянно разыгрывающаяся на глазахъ философовъ, была очень скоро сыграна въ ущербъ Бюффону и Нидгему. Еще разъ итальянецъ, абатъ Спаланцани, достойный преемникъ и представитель Реди въ его проникательности и учености, подвергъ тщательной провѣркѣ опыты и заключенія Нидгема. Онъ думалъ: «Можетъ быть и правда, что опыты Нидгема дали описанные имъ результаты, но дѣйствительно ли они подтверждаютъ его аргументы? Во первыхъ, не возможно ли то, что онъ не совсѣмъ удалилъ доступъ къ резервуару, заключавшему органической настой воздуха, своею пробкою и мастикою; и во вторыхъ, не возможно ли и то, что онъ недостаточно нагрѣлъ настой и находившійся надъ нимъ воздухъ. Спаланцани убѣдился въ справедливости обѣихъ своихъ предположеній и показалъ, что если: во первыхъ, стеклянные сосуды, содержащіе на-

---

¹⁾ Приведено у Пеннетъ: «L'origine de la vie». Préface par F. A. Pouchet, Quatrième édition, Paris, 1868.

стой, были закрыты герметически посредствомъ запаиванія ихъ горла и если, во вторыхъ, они въ продолженіи трехъ четвертей часа были подвергнуты температурѣ кипѣнія воды, то животныя въ нихъ никогда не появляются» (Гексли¹⁾).

На основаніи подобныхъ опытовъ, Спаланцани пришелъ къ заключенію, что появленіе микроскопическихъ организмовъ въ настоѣ, приготовленномъ изъ животныхъ или растительныхъ веществъ, исключительно обязано зародышамъ или спорамъ, плавающимъ въ воздухѣ и попадающимъ отсюда въ настою, и что, стало быть, о произвольномъ зарожденіи инфузорій изъ настоя не можетъ быть и рѣчи²⁾. Того же мнѣнія держался и знаменитый французскій ученый прошлаго столѣтія Бонне³⁾

Такимъ образомъ почти одновременно возникли два совершенно противоположныхъ ученія: одно, допускавшее самозарожденіе простѣйшихъ организмовъ (Гексли называетъ это ученіе абіогенезисомъ) и другое, отвергавшее его (по терминологіи Гексли—біогенезисъ, т. е. ученіе, по которому все живое происходитъ изъ живаго).

Эти два противоположныхъ ученія, завѣщанныя прошлымъ столѣтіемъ XIX вѣку, раздѣлили естествоиспытателей первой половины нашего столѣтія на два лагеря. Одни изъ нихъ — Ламаркъ, Кабанисъ, Овенъ, Бремсе, Тидеманъ, Мюллеръ, Тревиранусъ, Дюма и Дюжарденъ применили къ ученію о самозарожденіи; другіе и въ томъ числѣ Жерве, Шваннъ, Шульце и Эренбергъ—къ противоположному ученію. Изъ числа названныхъ ученыхъ нѣкоторые основывали свои заключенія исключительно на теоретическихъ соображеніяхъ, какъ на примѣръ, знаменитый Ламаркъ, полагавшій, что простѣйшіе организмы происходятъ путемъ самозарожденія «при содѣйствіи теплоты, свѣта, электричества и влажности»⁴⁾; а другіе, напротивъ, рядомъ экспериментальныхъ изслѣдованій, доказывали несостоятельность доводовъ Спаланцани и крайнее несовершенство его опытовъ. «Присутствіе кислорода составляетъ одно изъ необходимыхъ условий жизнеспособности, говорили приверженцы абіогенезиса, а между тѣмъ вотъ это-то именно существенное

¹⁾ Гексли «Самозарожденіе» (Сборникъ «Природа», 1875, кн. 2).

²⁾ Spalanzani: «Observations et expériences sur les animalcules». 1787.

³⁾ Ch. Bonnet: «Lettre sur les animalcules, adressée à Spalanzani». Paris, 1771.

⁴⁾ Lamarck. «Philosophie zoologique». Paris, 1809.

обстоятельство и не принято во вниманіе въ опытахъ Спаланцани. Если же опытъ произведенъ въ указанныхъ условіяхъ — результатъ получается положительный, вполне подтверждающій самобытное зарожденіе инфузорій изъ настоя.» Нѣкоторые ученые пытались даже доказать путемъ опыта, что различныя инфузоріи происходятъ изъ различныхъ настоевъ (Тревиранусъ) ¹⁾

Но и противники произвольнаго зарожденія не оставались въ долгу. Такъ, въ тридцатыхъ годахъ Шваннъ и Шульце ²⁾ произвели рядъ весьма обстоятельныхъ опытовъ, при которыхъ старательно были устранены всѣ тѣ неточности, въ которыхъ обвинялись экспериментальныя изслѣдованія Спаланцани. Въ-мѣсто того, чтобы совершенно устранять доступъ воздуха къ органическому настою, какъ это дѣлалъ Спаланцани, названные ученые тщательно фильтровали его, заставляя воздухъ, притекающій къ настою, проходить черезъ раскаленные докрасна металлическія трубки, причемъ микроскопическіе зародыши, находящіеся въ воздухѣ, разлагались. Полученные результаты показали, что во всѣхъ случаяхъ, когда опыты производились въ указанныхъ условіяхъ, животныя въ настоѣ не появлялись. Тогда какъ въ томъ же самомъ настоѣ, но подвергнутомъ дѣйствию обыкновеннаго, непрофильтрованнаго воздуха, развивалась масса микроскопическихъ организмовъ. Подобныя же опыты были произведены и другими сторонниками биогенезиса и дали тѣ же результаты: присутствіе споръ въ воздухѣ считалось необходимымъ условіемъ мнимаго самозарожденія простѣйшихъ существъ. Такимъ образомъ достаточно было надлежаще очистить воздухъ отъ плавающихъ въ немъ зародышей, чтобы въ органическомъ настоѣ не появилось ни единой инфузоріи.

Не смотря однако на всѣ подобныя заявленія противниковъ произвольнаго зарожденія, сторонники этого ученія не сдавались. Напротивъ, борьба только начиналась и апогея своего достигла лишь въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Къ этому именно времени относятся надѣлавшіе такъ много шума дебаты, въ которыхъ главное участіе принимали Пуше, Жоли Мюссе и Мантегацца въ качествѣ сторонниковъ самозарожденія, и знаменитый французскій химикъ Пастеръ, какъ противникъ этого ученія. Въ этомъ неравномъ бою неутомимый Пастеръ вышелъ

¹⁾ Treviranus. «Biologie», Göttingen, 1822.

²⁾ «Experiences sur les generations equivoques». An. s. nat. Zool. t. VIII; а также въ Annales de Poggendorf. 1837.

въ концѣ концовъ побѣдителемъ, хотя побѣда эта стоила ему громадныхъ усилій. Онъ имѣлъ дѣло съ противниками не только энергическими, но и сильно вооруженными.

Начиная съ 1859 года, послѣдователи ученія о самозарожденіи, имѣя во главѣ Пуше, открыли правильную атаку противъ біогенистовъ. Они не только повторили всѣ опыты предшественниковъ, но и пытались опредѣлить условія, наиболѣе отвѣчающія требованіямъ рациональнаго производства опытовъ по данному вопросу. Они именно доказывали, что въ случаѣ соблюденія условій, внѣ которыхъ проявленіе жизни невозможно, микроскопическіе организмы, не только простѣйшіе, но и высшіе, всегда развиваются изъ настоя, независимо отъ того, содержатся ли въ воздухѣ зародыши, или нѣтъ. Мало того, приверженцы произвольнаго зарожденія пытались даже выяснитъ самый процессъ этого зарожденія. Такъ, между прочимъ, Пуше ¹⁾ утверждалъ, что непосредственно изъ органическаго настоя происходятъ только низшія инфузоріи, но затѣмъ эти инфузоріи сливаются вмѣстѣ и образуютъ особую пленку, зародышевую пленку, какъ называетъ ее Пуше (*Membrana prolifera*), изъ которой затѣмъ уже развиваются высшія, рѣсничныя инфузоріи.

Вмѣстѣ въ тѣмъ доказывалось также, что на количество и породу инфузорій сильно влияетъ, помимо внѣшнихъ условій, и состояніе самаго настоя. Такъ, Мантегацца утверждалъ, что появленіе тѣхъ или другихъ микроскопическихъ организмовъ въ настоѣ зависитъ отъ того, отличается ли настоѣ кислой или щелочной реакціей; въ первомъ случаѣ, изъ настоя обыкновенно развиваются низшія животныя, во второмъ — преимущественно низшіе растительные организмы ²⁾. Въ противоположность біогенистамъ, защитники произвольнаго зарожденія утверждали, что происхожденіе низшихъ существъ зависитъ не отъ содержанія въ воздухѣ споръ, а отъ количества настоя; что образованіе простѣйшихъ инфузорій прямо пропорціонально кубу той массѣ жидкости, изъ которой онѣ зарождаются, а развитіе высшихъ, рѣсничныхъ инфузорій обратно пропорціонально квадрату поверхности этой жидкости; что нахожденіе споръ низшихъ организмовъ въ воздухѣ — грубѣйшая иллюзія и что споры эти не могутъ образоваться иначе, какъ путемъ са-

¹⁾ F. Pouchet: «Hétérogénéité traité de la generation spontanée». Paris, 1859. См. также его работы въ Comptes rendu de l'Academie des Sc. de Paris. 1860—62.

²⁾ Приведено у Пеннетъ: «L'origine de la vie», стр. 91.

мозарождения ¹⁾). И все это не только утверждалось, но и доказывалось рядом многочисленных опытов и подробных микроскопических наблюдений.

Не смотря однако на всё подобныя изслѣдованія, учение о произвольномъ зарожденіи оказалось построеннымъ на очень шаткомъ фундаментѣ. Это показала Пастеръ рядомъ замѣчательныхъ изысканій, навсегда прославившихъ его имя, — изысканій, которыя другой, не менѣе знаменитый ученый нашего времени считаетъ «образцомъ тщательнаго опытнаго изслѣдованія и логическаго разсужденія» ²⁾).

Аргументація, которою руководствовался Пастеръ въ своихъ изысканіяхъ, въ сущности было таже, что и его предшественниковъ біогенистовъ, но самыя опыты его отличались такою строгою точностью, какъ никогда прежде. ³⁾ Во первыхъ, онъ показалъ, что если въ сосудъ, содержащій прокипяченный настой органическихъ веществъ, воздухъ проходитъ черезъ хлопчатую бумагу, то въ настоѣ вовсе не появляются микроскопическія организмы, тогда какъ на самой хлопчатой бумагѣ, служившей фильтрою, микроскопъ открывалъ, въ числѣ твердыхъ частицъ, осѣвшихъ изъ воздуха, зародыши или споры, которые, будучи перенесены въ жидкость, благоприятную для ихъ развитія, размножились въ простѣйшіе микроскопическіе организмы. Само собою разумѣется, что въ данномъ случаѣ не могло быть и рѣчи о произвольномъ зарожденіи.

Но Пастеръ не довольствовался этими результатами. Онъ произвелъ и другой еще болѣе убѣдительный опытъ; именно, онъ показалъ, что присутствіе хлопчатой бумаги не составляетъ необходимаго условія, что воздуху можно дать свободный доступъ внутрь сосуда, содержащаго органической настои, и тѣмъ не менѣе получаютъ тѣ же отрицательные результаты. Для этого достаточно было горло сосуда оттянуть въ тонкую трубку, загнуть послѣднюю въ низу и, тщательно прокипятивъ жидкость, сильно нагрѣть трубку, такъ чтобы убитыя зародыши, могущихъ попасть въ приборъ вмѣстѣ съ воздухомъ, входящимъ въ него, пока остываетъ жидкость. Понятно, что въ устроенный такимъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 282.

²⁾ Гексли: см. названную выше въ примѣчаніи его статью: «Самозарожденіе».

³⁾ Pasteur: «Mémoire sur les corpuscules organisés, qui existent dans l'atmosphère. Examen de la doctrine des générations spontanées». Paris, 1862; а также «Expér. relatives aux génération dites spontanées». (Comptes rendus des sc. de l'Acad. de Paris, 1860, t. I.).

образомъ приборъ, — хотя воздухъ внутри сосуда, освобожденный отъ споръ, и соприкасался непосредственно съ наружнымъ воздухомъ, — плавающіе въ атмосферѣ зародыши не могли проникнуть въ настой, и по весьма простой причинѣ: оттянутая книзу трубка не позволяла имъ осѣсть на поверхности жидкости, а устройство самого прибора устраняло всякое теченіе воздуха, которое могло бы увлечь зародышей внутрь сосуда. Теперь спрашивается: возможно ли при такихъ условіяхъ появленіе въ жидкости живыхъ существъ? Согласно ученію о произвольномъ зарожденіи, отвѣтъ несомнѣнно долженъ быть положительный, ибо устранено только одно условіе — доступъ зародышей изъ воздуха, т. е. то именно условіе, которому данное ученіе не придаетъ никакого значенія. А между тѣмъ опытъ даетъ совершенно противоположные результаты, именно, показать, что жидкость въ сосудѣ можетъ оставаться неопредѣленное время и въ ней не появляется ни малѣйшихъ признаковъ жизни, ни одного живаго существа, хотя бы самого простѣйшаго. Напротивъ, стоило только отбить у того же сосуда загнутую книзу трубку и тѣмъ доставить плавающимъ въ атмосферѣ зародышамъ свободный доступъ къ органической жидкости — и послѣдняя втеченіи нѣсколькихъ дней изъ прозрачной становилась мутною и наполнялась микроскопическими организмами.

Почти одновременно съ этими работами, совершенно опровергавшими основное положеніе абиогенезиса, т. е. ученія о самозарожденіи, тотъ же Пастеръ опубликовалъ рядъ важныхъ изслѣдованій относительно явленій ферментации и бродильныхъ процессовъ, — изслѣдованій, доказывавшихъ, что простѣйшіе микроскопическіе организмы, развивающіеся при броженіи, составляютъ не результатъ бродильнаго процесса, какъ ошибочно полагали абиогенисты ¹⁾, а причину этихъ процессовъ ²⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ появились также микроскопическія изслѣдованія другихъ ученыхъ, доказывавшія ошибочность описываемаго абиогенистами процесса образованія высшихъ инфузорій изъ вышеупомянутой зародышевой пленки. Такъ, одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ

¹⁾ Такъ напримѣръ Пеннетъ прямо говоритъ: «... la fermentation... produit la levûre qui, une fois germée s'offre quelquefois à nos yeux sous forme de grains» (L'origine de la vie, стр. 32).

²⁾ См. его работы по данному вопросу въ Comptes-rendu des Sc. de l'Academie de Paris, 1861, 62, 63 и 64 года.

французскихъ эмбриологовъ, Костъ ¹⁾, показали, что рѣсничныя инфузоріи появляются въ настоѣ ранѣе образованія пресловутой зародышевой пленки, изъ которой, согласно Пуше, якобы зарождаются эти инфузоріи.

Однимъ словомъ, ученіе о самозарожденіи было совершенно разрушено и вопросъ о происхожденіи жизни остался открытымъ. Попытка абіогенистовъ разорвать заколдованный кругъ: все живое изъ живаго—оказалась неудачною. Но почему? Потому ли, что самая попытка неосновательна, что міръ неорганическихъ явленій не можетъ быть источникомъ жизни, или эта неудача доказываетъ нѣчто иное?

Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ согласить отрицательное свидѣтельство фактовъ относительно возможности самозарожденія съ научно-философскимъ міросозерцаніемъ о единствѣ явленій органическаго и неорганическаго міра. Одно изъ двухъ—или это единство несомнѣнно, т. е. несомнѣнно, что начало жизни вѣ въ жизни, и тогда основное положеніе біогенистовъ—все живое изъ живаго—не можетъ быть признано; или дѣйствительность на сторонѣ послѣдняго и въ такомъ случаѣ ученіе о единствѣ явленій должно быть отброшено, какъ совершенно ошибочное, и съ тѣмъ вмѣстѣ должна быть признана ошибочною и основная идея современнаго біологическаго знанія, идея развитія.

Очевидно, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ существенныхъ противорѣчій, которыя требуютъ возможно обстоятельнаго разъясненія. Не слѣдуетъ ли искать это противорѣчіе въ самомъ ученіи о произвольномъ зарожденіи. Дѣйствительно ли данное ученіе отвѣчаетъ идеѣ развитія; дѣйствительно ли съ устраненіемъ самозарожденія мы должны отвергнуть и основное положеніе современной біологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность происхожденія жизни инымъ путемъ помимо *omne vivum ex vivo*? Приверженцы произвольнаго самозарожденія насколько не сомнѣвались въ этомъ, чѣмъ, между прочимъ, и объясняется то ожесточеніе, съ какимъ они вели борьбу съ своимъ могучимъ противникомъ; не всѣ, повидимому, и понинѣ еще думаютъ иначе. Такъ, на примѣръ, по мнѣнію г. Ціона, «появленіе дарвинизма, стремящагося къ сведенію всѣхъ сложныхъ организмовъ на нѣкоторыя простыя формы, придавало особенный интересъ ученію (имѣется въ виду ученіе о самозарожденіи),

¹⁾ Coste: «Developement des infusoires ciliés dans une macceration de foin» (Comptes-rendu, juillet, 1864).

которое, объяснивъ образованіе этихъ простыхъ формъ, какъ бы составляло вѣнецъ системы Дарвина ¹⁾).

Однако подобное толкованіе совершенно ошибочно. Ученіе о произвольномъ зароденіи только прикрывалось идеей развитія, на самомъ же дѣлѣ оно шло въ разрѣзъ съ этой идеей и всецѣло покоилось на признаніи такихъ началъ, которыя не могли имѣть ничего общаго съ основными положеніями біологическаго знанія, съ ученіемъ о постепенномъ, преемственномъ развитіи низшихъ органическихъ формъ въ высшія. «Не только истины біологіи, но и установившіяся истины науки вообще отвергають предположеніе, что организмы съ строеніемъ настолько опредѣленнымъ, чтобы признать ихъ принадлежащими къ извѣстнымъ родамъ и видамъ, могутъ возникнуть при отсутствіи зародышей, происходящихъ отъ предшествующихъ организмовъ тѣхъ же родовъ и видовъ» ²⁾). Всякое усложненіе въ организаціи, какъ бы ни казалось оно ничтожнымъ, составляетъ результатъ развитія предшествующаго, простѣйшаго состоянія организаціи, необходимо предполагаетъ это простѣйшее состояніе, а потому самозарожденіе его составляло бы такое же чудо, какъ любого высокоорганизованнаго позвоночнаго животнаго.

Обращаясь съ этой точки зрѣнія къ ученію о самозарожденіи, мы, на первыхъ же порахъ, сталкиваемся съ такими фактами, которые весьма мало говорятъ въ пользу послѣдовательности приверженцевъ этого ученія. Они, какъ мы видимъ, признавали возможнымъ самобытное происхожденіе не только низшихъ микроскопическихъ организмовъ, но и высшихъ инфузорій, извѣстныхъ подъ именемъ рѣсничныхъ. А между тѣмъ всѣ эти инфузоріи отличаются весьма хорошо специализированными формами и если-бы даже, какъ справедливо полагають нѣкоторые ученые ³⁾, рѣсничныя инфузоріи въ свою очередь относились къ числу одноклѣточныхъ организмовъ, это нисколько не подрывало бы только что сдѣланнаго замѣчанія относительно специализаціи ихъ формы. Напротивъ, оно еще болѣе говорило бы въ пользу этой специализаціи.

¹⁾ И. Ф. Ционъ: «Научныя бесѣды». Т. I, стр. 87. С.-Петербургъ, 1880.

²⁾ Гербертъ Спенсеръ: «Основанія біологіи». Пер. подъ ред. А. Герда. С.-Петербургъ, 1870. Т. I, стр. 360.

³⁾ Въ пользу принадлежности рѣсничныхъ инфузорій къ одноклѣточнымъ организмамъ, см. у О. А. Гримма: «Къ ученію о простѣйшихъ животныхъ». С.-Петербургъ, 1877.

И действительно, ближайшее знакомство съ строеніемъ организаціи этихъ инфузорій показываетъ сравнительно сложное дифференцированіе частей; онѣ снабжены органами передвиженія, именно, рѣсничками, представляющими собою специализированное видоизмѣненіе протоплазмы¹⁾; внутри ихъ тѣла помѣщается одно или нѣсколько ядеръ и пульсирующей пузырькѣ, имѣющей своимъ назначеніемъ прогнать питательную жидкость. Наконецъ, нѣкоторыя инфузоріи, какъ напримѣръ, вортицеллы, извѣстныя также подъ именемъ сувоевъ, отличаются еще большимъ обособленіемъ типическихъ признаковъ, еще большимъ дифференцированіемъ организаціи. Не говоря уже о томъ, что инфузоріи эти отличаются весьма своеобразною формою, онѣ снабжены ротовымъ отверстіемъ, втягивающимся и поднимающимся въ видѣ крышки; на краю этого отверстія или заворота помѣщается одинъ, а иногда и нѣсколько рядовъ большихъ тонкихъ рѣсничекъ; вмѣстѣ съ тѣмъ у основанія тѣло этихъ инфузорій заканчивается весьма длиннымъ стебелькомъ, съ помощью котораго онѣ прикрѣпляются къ постороннимъ предметамъ и который обнаруживаетъ такую степень чувствительности, что отъ малѣйшаго прикосновенія къ животному моментально закручивается спиралью; внутри этого стебелька, въ продольномъ направленіи, микроскопъ отсрываетъ тонкую нить, — протоплазматическое образованіе, выполняющее роль мускульнаго волокна. Такимъ же образомъ у нѣкоторыхъ свободно плавающихъ инфузорій, помимо волоконъ, тѣло покрыто твердыми щетинками, острыми иглами или загнутыми крючками, которые «замѣняютъ этимъ животнымъ конечности; на нихъ онѣ ползаютъ, ими цѣпляются, гребутъ, осязаютъ»²⁾.

Словомъ, организація рѣсничныхъ инфузорій обнаруживаетъ такую специализацію въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ, которая несомнѣнно указываетъ на раздѣленіе физиологическаго труда между этими частями; мы находимъ у этихъ микроскопическихъ животныхъ органы, приспособленные къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ физиологическимъ отправленіямъ. Но всякое такое приспособленіе, всякая такая специализація, могли сложиться только постепенно, рядомъ послѣдовательнаго накопленія со-

¹⁾ Ernst Haeckel: «Biologische Studien». Erstes Heft. Leipzig, 1870. См. главу: «Die Identität der Flimmerbewegung und d. amoeboiden Protoplasma-Bewegung».

²⁾ Клаусъ: «Основы зоологіи». Русск. пер., стр. 129.

отвѣтствующихъ измѣненій, т. е. тѣмъ именно путемъ, который не имѣетъ ничего общаго съ произвольнымъ зарожденіемъ. Какимъ образомъ въ данномъ случаѣ характерныя, типическія признаки организаци, ея дифференцированіе, выраженное въ раздѣленіи фیزیологическаго труда, могли сложиться изъ веществъ какого бы то ни было органическаго настоя, стало быть, независимо отъ преемственнаго развитія предшествующихъ поколѣній, тогда какъ подобное же состояніе, подобныя же признаки въ организаци высшихъ животныхъ, разсматриваются, какъ результатъ постепенныхъ измѣненій, выработанныхъ послѣдовательно, шагъ за шагомъ, цѣлымъ рядомъ предшествующихъ поколѣній? Очевидно, это двѣ совершенно несомѣстимыя вещи, и попытка совмѣстить ихъ неминуемо вела къ ошибочнымъ заключеніямъ. Необходимо было совершенно извратить самыя основныя истины біологіи, чтобы не видѣть, въ какихъ противорѣчіяхъ вело признаніе произвольнаго зарожденія высшихъ инфузорій. И не однѣхъ только высшихъ инфузорій; то же справедливо и относительно наименѣе совершенныхъ, одноклѣточныхъ растительныхъ или животныхъ организмовъ.

Всѣ эти организмы, хотя и уступаютъ рѣсничнымъ инфузоріямъ въ сложности своей организаци, тѣмъ не менѣе обнаруживаютъ весьма опредѣленное дифференцированіе протоплазматическихъ образованій; нѣкоторые изъ нихъ снабжены жгутиками, служащими имъ органами передвиженія; другіе, хотя и состоятъ изъ простой клѣточки, безъ всякихъ специальныхъ придатковъ, но самая эта клѣточка имѣетъ ядро, оболочку, пульсирующійся пузырекъ, т. е. отличается такими образованіями, которыя свидѣтельствуютъ о нѣкоторомъ раздѣленіи фیزیологическаго труда и появленіе которыхъ предполагаетъ, стало быть, предшествующее, еще менѣе сложное состояніе организаци.

Въ виду этого легко судить, въ какую крупную ошибку впадали приверженцы произвольнаго зарожденія, утверждая, будто вещество органическаго настоя при извѣстныхъ условіяхъ приобретаетъ организующую способность, подъ вліяніемъ которой превращается въ живую клѣточку¹⁾. Надѣлять вещество образовательною способностью, которая, какъ мы видѣли въ двухъ предыдущихъ главахъ, составляетъ характерный признакъ жизненности, значить само по себѣ предрѣшать вопросъ о происхожденіи жизни; но присвоивать веществу образовательную

¹⁾ Georges Pannetier: «L'origine de la vie», стр. 272.

способность клѣточки, т. е. способность, которая является продуктомъ борьбы за жизнь предшествующихъ поколѣній,—значитъ идти въ разрѣзъ съ элементарными положеніями ученія о развитіи.

Мы не говоримъ уже о томъ, какъ мало общаго съ этимъ ученіемъ представляетъ утвержденіе, будто не только самозарожденіе низшихъ организмовъ, но и признаки ихъ растительной или животной природы всецѣло опредѣляются состояніемъ или свойствомъ настоя, изъ котораго они происходятъ; будто изъ настоя кислой реакціи зарождаются низшія растенія, а изъ настоя щелочной реакціи—низшія животныя. Это такъ же невозможно, какъ тѣ превращенія, о которыхъ не далѣе конца прошлаго столѣтія училъ Кирхеръ, утверждавшій самымъ серьезнымъ образомъ, будто тонкія вѣточки различныхъ растеній, попадая въ воду, перерождаются въ змѣвидныхъ и червеобразныхъ животных¹⁾, и не болѣе послѣдняго ученія сопрячастны идеѣ развитія.

И такъ, мы видимъ, что ученіе о произвольномъ зарожденіи простѣйшихъ микроскопическихъ организмовъ, опровергаемое фактами, идетъ въ разрѣзъ и съ основнымъ положеніемъ биологии, съ идеею развитія. Только отождествленіе этой идеи съ примитивнымъ представленіемъ о противоестественныхъ превращеніяхъ могло дать поводъ разсматривать ученіе о самозарожденіи, какъ необходимое дополненіе къ теоріи развитія. Такимъ образомъ разъясняется одно изъ существенныхъ недоразумѣній. Самозарожденіе простѣйшихъ организмовъ не отвѣчаетъ свидѣтельству фактовъ вовсе не потому, что вопросъ о происхожденіи жизни неразрѣшимъ, а потому, что «къ правильной гипотезѣ относительно происхожденія органической жизни долженъ привести какой нибудь другой путь, а не тотъ, который даютъ опыты надъ отваромъ сѣна и экстрактомъ мяса²⁾».

Не смотря, однако, на это, несоотвѣтствіе гипотезы самозарожденія съ фактами подало поводъ къ заключенію, что «жизнь происходитъ отъ жизни и ни отъ чего болѣе, какъ отъ жизни» (Томсонъ). Но, если это заключеніе вѣрно, какимъ же образомъ въ такомъ случаѣ началась жизнь на нашей планетѣ? «Восходя до начала физической исторіи земли, на основаніи строгихъ

¹⁾ Kircher: «Mundus subterraneus. Cap. de Panspermia rerum». Amsterdam 1778. Приведено у Пеннетте.

²⁾ Гербертъ Спенсеръ: «Основанія биологии», русскій переводъ, т. I, стр. 360.

динамическихъ законовъ мы доходимъ до раскаленнаго до-красна и расплавленнаго шара, на которомъ никакая жизнь не была возможна. Поэтому, когда земля сдѣлалась впервые способною поддерживать жизнь, жизни на ней не было» (Томсонъ).

И такъ, съ одной стороны, жизнь происходитъ отъ жизни и ни отъ чего болѣе; съ другой стороны, физическая исторія земли свидѣтельствуетъ о томъ начальномъ ея состояннн, при которомъ жизнь на нашей планетѣ необходимо должна была отсутствовать. Какимъ же образомъ согласить эти два положенія? Повидимому, одно изъ нихъ уничтожаетъ другое. Но Томсонъ, извѣстный англійскій физикъ, принимающій оба эти положенія, слѣдующимъ образомъ пытается примирить ихъ:

«Если, говорить онъ,—возможно найти вѣроятное рѣшеніе вопроса, согласное съ обыкновеннымъ теченіемъ вещей въ природѣ, то мы не должны прибѣгать къ сверхъестественному вмѣшательству творческой силы. Когда потокъ лавы стремится въ склону Везувія или Этны, то онъ скоро охлаждается, твердѣетъ и по простествіи немногихъ недѣль или лѣтъ покрывается растительною и животною жизнью, которая появляется на немъ вслѣдствіе переноса сѣмянъ и яичекъ и переселенія отдѣльныхъ живыхъ существъ. Когда возникаетъ среди океана вулканическій островъ и чрезъ небольшое количество лѣтъ одѣвается растительностью, мы, не колеблясь, рѣшаемъ, что сѣмена занесены въ него воздухомъ или волнами. Не возможно ли, и если возможно, то не имѣетъ ли вѣроятія подобное же объясненіе возникновенія растительной жизни на землѣ? Каждый годъ тысячи и можетъ быть миліоны обломковъ твердаго вещества падаютъ на землю; откуда они? Какова ихъ предъидущая исторія? Не были ли они вначалѣ времени созданы въ видѣ аморфной массы? Эта идея такъ мало имѣетъ данныхъ для того, чтобы быть принятою, что каждый или молча, или голословно, отвергаетъ ее. Часто предполагаютъ, что всѣ и, съ достовѣрностью, что нѣкоторые метеорологическіе камни представляютъ обломки большихъ массъ, свободно разбросанныхъ въ пространствѣ. Весьма вѣроятно, что столкновенія между большими массами, двигающимися въ пространствѣ, могутъ случаться точно такъ же, какъ между кораблями, неосторожно управляемыми, которые не могутъ перерѣзывать въ продолженія цѣлыхъ тысячелѣтій Атлантическій океанъ по всѣмъ направленіямъ безъ опасности столкнуться между собою. Когда двѣ большія массы сталкиваются въ пространствѣ, то, по всей вѣроятности, значительная часть ихъ расплавится; но также весьма вѣроятно и то, что большія

количества обломковъ должны разбрасываться по всѣмъ направленіямъ, и что многіе изъ этихъ обломковъ при этомъ подвергаются насилію и поврежденіямъ не болѣе значительнымъ, чѣмъ скалы при обвалахъ или при взрывахъ порохомъ. Если-бы земля, въ настоящемъ ея видѣ, т. е. покрытая растеніями и населенная животными, столкнулась съ другимъ тѣломъ, одинаковыхъ съ нею размѣровъ, то многіе большіе и малые обломки были бы разбросаны въ пространствѣ съ находящимися на нихъ сѣменами и развившимися живыми растеніями и животными. А такъ какъ мы всѣ убѣждены въ томъ, что въ настоящее время, какъ и съ незапамятныхъ временъ, существовали и существуютъ множество міровъ, полныхъ жизни, кромѣ нашего, то и должны также считать въ высшей степени вѣроятнымъ существованіе безчисленнаго количества метеорическихъ камней, полныхъ жизненныхъ зачатковъ и двигающихся въ пространствѣ. Если-бы въ настоящее время на землѣ не было жизни, то одинъ подобный камень, падая на нее, вслѣдствіе того, что мы слѣпо называемъ естественными причинами, могъ привести къ тому, что она покрылась бы растительностью. Я вполне сознаю, прибавляетъ Томсонъ,—что подобная гипотеза можетъ вызвать множество возраженій, но въ то же время убѣжденъ, что всѣ онѣ могутъ быть опровергнуты... Гипотеза, допускающая, что на землѣ жизнь получила начало отъ поросшихъ мхомъ обломковъ, происходящихъ отъ развалинъ другаго міра, можетъ казаться дикою и призрачною; однако я утверждаю, что она не можетъ быть названа ненаучною¹⁾.

И такъ, растительный и животный міръ, населяющій нашу планету, метеорическаго происхожденія; жизнь занесена на землю съ другаго міра.

Это предполагаемое переселеніе жизни съ одного міра на другой можетъ казаться величественнымъ и повидимому не заключающимъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; но позволительно сомнѣваться, чтобы противъ данной гипотезы нельзя было привести ни одного серьезнаго возраженія, какъ полагаетъ англійскій ученый. Напротивъ, совершенно напротивъ. Достаточно уже указать на одно весьма существенное возраженіе: гипотеза о метеорическомъ происхожденіи жизни не имѣетъ за собою ни одного положительнаго факта, такъ какъ тѣ данныя, на кото-

¹⁾ Уильямъ Томсонъ, «Вступительная рѣчь въ собраніи британскаго общества для развитія наукъ, въ 1871 году, въ Эдинбургѣ» («Знаніе», 1871, № 9).

рыхъ она повойтся, сами еще отличаются гипотетическимъ характеромъ, и признаніе ихъ совсѣмъ необязательно, не говоря уже о томъ, что подлежитъ еще большому сомнѣнію, въ какой мѣрѣ даже эти гипотетическія данныя подтверждаютъ перенесеніе жизни на нашу планету изъ «развалинъ другаго міра».

Правда, нѣтъ ровно никакихъ серьезныхъ основаній сомнѣваться въ томъ, что съ «незапамятныхъ временъ, существовали и существуютъ множество міровъ полныхъ жизни»; правда также, что въ пользу такого положенія могутъ быть приведены, какъ это между прочимъ и сдѣлалъ недавно Карлъ Дю-Прель, нѣкоторые весьма вѣскіе аргументы ¹⁾; но далеко уже не такая правда и далеко не столь вѣскіе аргументы могутъ быть приведены въ пользу перенесенія сѣмянъ и зародышей метеорическими камнями съ одного міра на другой. Допустимъ, однако, что и это не менѣе вѣроятно; допустимъ, что въ пользу такого перенесенія въ свою очередь могутъ быть приведены факты, что въ пользу его, какъ недавно пытался показать Отто-Ганъ, говорить микроскопическое изслѣдованіе метеоритовъ, свидѣтельствующее о несомнѣнномъ присутствіи въ этихъ камняхъ растительныхъ остатковъ ²⁾; допустимъ, что все это возможно. Что же отсюда слѣдуетъ? Устраняетъ ли оно вопросъ о происхожденіи жизни, дозволяетъ ли оно, какъ думаетъ У. Томсонъ, признать, что «жизнь происходитъ отъ жизни и ни отчего болѣе»? Пусть жизнь переносится съ обломковъ одного міра на другой, но откуда же она была перенесена на первый изъ этихъ міровъ?

У. Томсонъ совершенно справедливо говоритъ, что физическая исторія земли указываетъ на такое начальное ея состояніе, при которомъ существованіе жизни на нашей планетѣ было невозможно. Но вѣдь въ такомъ случаѣ и физическая исторія всего космоса необходимо свидѣтельствуетъ о томъ же по отношенію послѣдняго. Признавая первое изъ положеній, мы обязательно должны признать и второе. Если было время, когда

¹⁾ Carl du Prel, «Die Planetenbewohner und die Nebularhypothese». Leipzig, 1880.

²⁾ Otto Hahn, «Die Uizelle», гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «если метеориты растительнаго происхожденія или, по меньшей мѣрѣ, содержатъ въ себѣ растительные остатки, то возможно, что жизнь была перенесена на землю съ другой планеты» (стр. 66). См. также недавно вышедшее другое сочиненіе того же автора, специально посвященное доказательству органической природы метеоритовъ, «Die Meteorite (Chondrite) und ihre Organismen». Tübingen, 1881.

жизнь на землѣ отсутствовала, было стало быть время, когда эта жизнь отсутствовала и на другихъ планетахъ, а это необходимо приводить насъ къ признанію въ исторіи космоса момента, предшествующаго возникновенію жизни.

И такъ, физическая исторія земли не только не подтверждаетъ, а напротивъ, какъ одна изъ страницъ болѣе обширной исторіи, исторіи всей вселенной, прямо говоритъ противъ того, будто «жизнь происходитъ отъ жизни и ни отчего болѣе».

Такимъ же образомъ, вышеизложенная метеорическая гипотеза, встаетъ сказать, раздѣляемая также Рейхенбахомъ, Эзенбекомъ и др., вовсе не устраняетъ вопроса о происхожденіи жизни помимо жизни. И съ точки зрѣнія данной гипотезы, для того именно, чтобы, говоря словами самого же Томсона, «найти вѣроятное рѣшеніе вопроса, согласное съ обыкновеннымъ теченіемъ вещей въ природѣ», оказывается, въ концѣ концовъ, необходимымъ признать возникновеніе жизни помимо жизни, если не на землѣ, то на какой нибудь другой планетѣ, на какомъ нибудь другомъ мировомъ тѣлѣ. А разъ этотъ процессъ имѣлъ мѣсто на одномъ изъ мировъ, то, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Штерне ¹⁾, не существуетъ ровно никакого основанія утверждать, что данный процессъ не могъ имѣть мѣста и на нашей планетѣ.

Гипотеза о метеорическомъ происхожденіи жизни обазывается совершенно лишней. А это вновь, и на этотъ разъ еще съ большимъ основаніемъ приводитъ насъ къ заключенію, что несоотвѣтствіе ученія о самозарожденіи съ фактами вовсе не доказываетъ, будто жизнь произошла отъ жизни и ни отчего болѣе. Напротивъ, оно свидѣтельствуетъ только, что процессъ возникновенія живыхъ существъ долженъ былъ совершиться инымъ путемъ, нежели тѣмъ, на который указываютъ «факты съ отваромъ сѣна и экстрактомъ мяса». Причина даннаго несоотвѣтствія въ томъ именно и заключается, что ученіе о произвольномъ зарожденіи совершенно игнорировало основныя истины биологіи и шло въ разрѣзъ съ идеею развитія. Это, какъ мы видѣли, подтверждается анализомъ всѣхъ соотвѣствующихъ фактовъ.

Но мы представили бы, однако, далеко не полный разборъ разсматриваемаго ученія, если-бы ограничились вышеприведенными данными и прошли бы молчаніемъ болѣе новѣйшія изслѣ-

¹⁾ C. Sterne, «Werden und Vergehen», 1880, стр.111.

дованія по тому же вопросу о произвольномъ зарожденіи; мало того, такое упущеніе лишило бы насъ возможности утверждать, съ тою положительностью, какая была бы желательна, что ученіе о самозарожденіи ошибочно безусловно, что вопросъ о происхожденіи жизни можетъ быть рѣшенъ только съ точки зрѣнія протоплазматической теоріи, т. е. въ условіяхъ обстоятельнаго изслѣдованія природы протоплазмы, развитія и обособленія ея внутримолекулярной подвижности, и что, стало быть, всякая попытка рѣшенія даннаго вопроса внѣ основнаго механическаго принципа — движенія, была и будетъ столь же тщетною, какъ и любого другаго біологическаго вопроса.

И такъ, обращаясь къ новѣйшимъ изслѣдованіямъ о произвольномъ зарожденіи.

Въ 1876 году, членъ лондонскаго королевскаго общества докторъ Бастіанъ ¹⁾ опубликовалъ изслѣдованіе, доказывавшее возникновеніе простѣйшихъ микроскопическихъ существъ, именно бактерій, при такихъ условіяхъ, которыя устраняли всякую возможность ихъ развитія отъ другихъ, себѣ подобныхъ существъ. Рядомъ точныхъ опытовъ, принимая во вниманіе всѣ физическія и химическія условія, могущія такъ или иначе повліять на результаты опытовъ, названный ученый пришелъ къ заключенію, что бактеріи способны самозарождаться. Такъ, Бастіанъ показалъ, что если нейтрализовать мочу ѣдкимъ кали, и затѣмъ нагрѣть ее до 50°, то въ непродолжительное время въ ней появляется масса живыхъ бактерій, не смотря на то, что всѣ зародыши организмовъ были уничтожены въ мочѣ предварительнымъ кипяченіемъ этой жидкости и доступъ зародышей изъ воздуха повидимому совершенно устраненъ. Другими словами, бактеріи развивались въ условіяхъ, при которыхъ противники самозарожденія только и считали возможнымъ признать доказаннымъ произвольное зарожденіе.

Опыты Бастіана не могли, конечно, не обратить на себя вниманія такого ученаго, какъ Пастеръ. Оставаясь безспорно побѣдителемъ въ борьбѣ противъ самозарожденія втеченіи всего времени до 1876 г., вынеся изъ этой борьбы полное убѣжденіе въ истинности своего противоположнаго воззрѣнія, Пастеръ не могъ, конечно, не взглянуть и на опыты Бастіана съ той же отрицательной точкой зрѣнія, какъ и на опыты его пред-

¹⁾ См. его работу въ *Proceedings of the Royal Society*, 1876—1877.

шественниковъ. Но изслѣдованія Бастиана въ научномъ отношеніи были обставлены такими предосторожностями, которыя устранили, повидимому, возможность получения ошибочныхъ результатовъ, что еще больше подтвердилось, когда Пастеръ повторилъ опыты Бастиана. Къ своему удивленію, знаменитый французскій химикъ нашель, что въ мочѣ дѣйствительно появляются бактеріи въ условіяхъ, указанныхъ Бастианомъ, т. е. стало быть въ условіяхъ, свидѣтельствующихъ о возможности произвольнаго зарожденія этихъ микроскопическихъ организмовъ.

Но осторожнѣйшій изъ осторожныхъ экспериментаторовъ, Пастеръ, считаль крайне поспѣшнымъ дѣлать какія либо опредѣленныя заключенія изъ этихъ опытовъ. Какъ-бы ни казались они убѣдительными, онъ, однако, не находилъ возможнымъ признать ихъ достаточными, для окончательнаго рѣшенія, такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о самозарожденіи. Необходимо было произвести рядъ провѣрочныхъ опытовъ. Эти опыты и были произведены Пастеромъ, причемъ полученные результаты вполне оправдали его сомнѣнія.

Въ своихъ опытахъ Бастианъ нагрѣваль жидкость до 100°, полагая, что при этой температурѣ, всѣ содержащіяся въ ней органическіе зародыши должны погибнуть. Но существуютъ, однако, несомнѣнныя свидѣтельства, что не всѣ зародыши микроскопическихъ организмовъ теряютъ способность возрождаться подѣ влияніемъ указанной температуры, что нѣкоторые изъ нихъ, и сюда-то именно относятся наиболѣе мизерныя, отличаются замѣчательною живучестью и свободно выдерживаютъ температуру 100°. Могло, стало быть, случиться, что предварительное кипяченіе, которому подвергалась моча въ опытахъ Бастиана, было недостаточно, чтобы убить содержащіяся въ ней зародыши бактерій, и что результаты получились бы иные, если принять во вниманіе указанную живучесть наиболѣе мизерныхъ микроскопическихъ существъ, а такими-то именно и являются бактеріи.

Предположеніе было провѣрено, причемъ Пастеръ нашель, что если нагрѣть мочу, нейтрализованную ѣдкимъ кали до 100°, и поддерживать въ ней эту температуру втеченіи двадцати минутъ, или въ продолженіи пяти минутъ нагрѣвать ее до 130°, то бактеріи въ ней затѣмъ уже вовсе не появляются. Такимъ же образомъ, Пастеръ показаль, что тотъ же отрицательный результатъ получается и въ томъ случаѣ, если моча нейтрализована не растворомъ ѣдкаго кали, а непосредственно самымъ этимъ веществомъ.

Въ виду такихъ отрицательныхъ результатовъ, Пастеръ не находилъ возможнымъ признать опыты Бастиана убѣдительными, такъ какъ въ опытахъ этихъ, по его мнѣнію, Бастианъ не принялъ надлежащихъ мѣръ для уничтоженія бактерій, содержащихся въ растворѣ ѣдкаго кали.

Опроверженіе это не осталось однако безъ отвѣта со стороны Бастиана ¹⁾, и слѣдуетъ сознаться, что отвѣтъ основывался на такихъ вѣскихъ аргументахъ, которые, по меньшей мѣрѣ, свидѣтельствовали, что ни одно изъ вышеуказанныхъ опроверженій Пастера не отличается желательною убѣдительностью. Такъ, напримѣръ, не отрицая приводимаго Пастеромъ факта отсутствія бактерій въ мочѣ, нейтрализованной чистымъ ѣдкимъ кали, Бастианъ, однако, весьма основательно замѣтилъ, что употребленіе въ чистомъ видѣ такого сильнаго вещества, какъ ѣдкій кали, устраняетъ всякую возможность развитія бактерій, въ подтвержденіе чего онъ указывалъ на то обстоятельство, что въ случаѣ даже прибавленія къ мочѣ сильнаго раствора ѣдкаго кали, развитіе бактерій становится невозможнымъ. Но, само собою разумѣется, что отсутствіе органическихъ существъ въ условіяхъ, устраняющихъ самое проявленіе жизни, вовсе еще не доказываетъ невозможность произвольнаго зарожденія.

Что же касается другаго пастеровскаго замѣчанія, то Бастианъ отказывается допустить, чтобы зародыши бактерій могли оставаться въ живыхъ, не смотря на повышеніе жидкости до 100°, въ которой притомъ же находится растворъ ѣдкаго кали. Но сознавая очень хорошо, что въ такомъ спорномъ вопросѣ одного голословнаго замѣчанія недостаточно, Бастианъ повторилъ опытъ въ условіяхъ, указанныхъ Пастеромъ; онъ подвергнулъ мочу, нейтрализованную ѣдкимъ кали, температурѣ 110° и поддерживалъ въ ней эту температуру уже не двадцать минутъ, а отъ часа до полутора часа, и тѣмъ не менѣе бактеріи все-таки появлялись. Другими словами, въ условіяхъ даже менѣе благоприятныхъ, нежели какія указывалъ Пастеръ, получались результаты, совершенно противоположныя тѣмъ, на основаніи которыхъ построилъ свое опроверженіе французскій химикъ. Убѣдительность пастеровскихъ доводовъ теряла первоначальное значеніе и вопросъ оставался открытымъ.

Въ виду столь разнорѣчивыхъ показаній противныхъ сто-

---

¹⁾ Эти дебаты Бастиана съ Пастеромъ, помѣщены въ «Comptes-Rendus de l'Académie des sc. de Paris 1877, février, mars, juillet.

ронъ, окончательное рѣшеніе вопроса—на чьей сторонѣ правда, было предоставлено, согласно желанію Бастіана и Пастера, особой комисіи, составленной изъ трехъ членовъ лондонскаго королевскаго общества и трехъ членовъ парижской академіи наукъ. Оба названные ученые произвели вновь свои опыты въ присутствіи членовъ комисіи и послѣдняя пришла къ слѣдующему заключенію: повышение температуры мочи до 100° недостаточно, чтобы убить находящіяся въ ней зародыши бактерий; дистиллированная вода лабораторій, употребляемая для растворовъ, содержитъ массу зародышей бактерий, а потому первые опыты Бастіана, при которыхъ не были приняты во вниманіе эти обстоятельства, не могутъ считаться убѣдительными и должны быть признаны ошибочными. Что же касается новыхъ опытовъ названнаго ученаго, при которыхъ моча нагрѣвалась до 110° растворъ ѣдваго каліи былъ совершенно освобожденъ отъ зародышей бактерий, то хотя они дѣйствительно устраняли вышеуказанныя возраженія, но комисія не считала возможнымъ признать и ихъ убѣдительными въ виду дальнѣйшихъ изысканій Пастера.

Этотъ неутомимый экспериментаторъ доказалъ рядомъ тщательныхъ изслѣдованій, что въ ключевой водѣ содержитсяъ масса зародышей бактерий, которые въ сыромъ состояніи легко переносятъ температуру въ 110° , а въ сухомъ въ 120° и даже въ 130° . А такъ какъ въ послѣднихъ опытахъ Бастіана температура жидкости не превышала 110° и съ тѣмъ вмѣстѣ приборы свои этотъ ученный вымывалъ ключевой водою, то могло случиться, что зародыши бактерий, хотя бы и въ ничтожномъ количествѣ, оставались на внутренней сторонѣ стѣнокъ сосудовъ и такимъ образомъ служили источникомъ развитія тѣхъ бактерий, происхожденіе которыхъ Бастіанъ приписывалъ самозарожденію. Признавая подобную случайность весьма существенною въ дѣлѣ надлежащаго рѣшенія вопроса, Пастеръ повторилъ въ присутствіи комисіи опыты Бастіана съ тщательнымъ соблюденіемъ только что указанной предосторожности и комисія имѣла возможность убѣдиться *de facto*, что источникомъ разногласія въ результатахъ опытовъ служили приборы, употребляемые Бастіаномъ, именно отсутствие надлежащей чистоты въ этихъ приборахъ, и что, съ устраненіемъ этого источника ошибки, мнимое самозарожденіе вовсе уже не наблюдается. И дѣйствительно, въ новомъ приборѣ, устроенномъ Пастеромъ, — приборѣ, вполне отвѣчающемъ всѣмъ перечисленнымъ условіямъ точнаго опыта, постоянно получались отрицательные результаты: жидкость продолжала оставаться чистою

и не обнаружила ни малѣйшаго признака присутствія въ ней бактерий ¹⁾.

Такимъ образомъ и на этотъ разъ, въ концѣ концовъ, Пастеръ вышелъ побѣдителемъ и названная выше комисія признала, что правда на его сторонѣ.

Тѣмъ не менѣе существуютъ несомнѣнные свидѣтельства въ пользу того, что вопросъ о самозарожденіи и по сей день продолжалъ бы оставаться открытымъ, если-бы знаменитый англійскій физикъ Тиндаль, извѣстный замѣчательною точностью и оригинальностью своихъ экспериментальныхъ изслѣдованій, не предпринялъ цѣлый рядъ новыхъ, самостоятельныхъ работъ по вопросу о произвольномъ зарожденіи.

Дѣло въ томъ, что опытное изученіе данного вопроса сопряжено, какъ видно изъ всего вышележащаго, съ одною весьма существенною трудностью: явленія, съ которыми приходится въ данномъ случаѣ имѣть дѣло экспериментатору, отличаются такою почти неуловимою чувствительностью, что ничтожнѣйшаго упущенія, малѣйшаго вліянія непредвидѣннаго вмѣшательства какого-либо посторонняго условія, оказывается часто достаточнымъ, чтобы совершенно измѣнить результатъ опыта.

Само собою разумѣется, что чѣмъ болѣе сложными условіями обставленъ опытъ, тѣмъ меньше шансовъ уберечься отъ той или другой случайности, тѣмъ труднѣе предупредить постороннее вмѣшательство, тѣмъ легче возможна ошибка. Такимъ образомъ, существенная задача экспериментатора, относительно изслѣдованія занимающаго насъ вопроса, сводится прежде всего къ тому, чтобы строжайшая точность опыта была совмѣщена съ наибольшею его простотою, при которой не могло бы быть мѣста ни малѣйшему сомнѣнію въ истинности полученныхъ результатовъ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія экспериментальныя изслѣдованія противниковъ произвольнаго зарожденія, нельзя сказать, чтобы изслѣдованія эти вполне отвѣчали только что указанному требованію, что и давало поводъ сторонникамъ самозарожденія относиться съ недоувѣріемъ къ опытнымъ изслѣдованіямъ первыхъ.

Вотъ этотъ-то существенный пробѣлъ и требовалось пополнить, чтобы разъ навсегда покончить съ спорнымъ вопросомъ и отнять у приверженцевъ произвольнаго зарожденія послѣднюю возможность къ оправданію своего ученія. Выполнить эту трудную задачу и взялъ на себя англійскій физикъ Тиндаль.

¹⁾ «Comptes-Rendus de l'Académie des sc. de Paris», 1877, juillet.

Какъ намъ уже извѣстно, развитіе простѣйшихъ организмовъ въ жидкостяхъ противники произвольнаго зарожденія объясняютъ доступомъ къ этимъ жидкостямъ зародышей этихъ организмовъ, плавающихъ въ воздухѣ. На это обстоятельство и было обращено прежде всего вниманіе названнаго физика. Съ помощью весьма несложнаго опыта, Тиндаль показалъ, что обыкновенный атмосферный воздухъ далеко не отличается, въ оптическомъ отношеніи, такою чистотою, какъ кажется, и что наши представленія о чистотѣ атмосфернаго воздуха крайне преувеличены. Убѣдиться въ этомъ можетъ каждый: достаточно пропустить въ темную комнату, черезъ отверстіе ставни, пучокъ солнечныхъ лучей,—лучи эти тотчасъ же становятся видными и въ комнатѣ появляется свѣтлый столбъ пыли, идущей по направленію свѣтового пучка.

Свѣтовой слѣдъ потому именно и становится видимымъ, что лучи, встрѣчая на своемъ пути плавающія въ атмосферѣ твердыя частицы, разсѣиваются послѣднимъ. Это обстоятельство какъ нельзя лучше доказывается тѣмъ же опытомъ съ оптически чистымъ воздухомъ, т. е. съ воздухомъ, въ которомъ не содержатся постороннія твердыя частицы. Если пропустить черезъ такой воздухъ пучокъ свѣтовыхъ лучей, послѣдніе не оставляютъ ни малѣйшаго слѣда, остаются невидимыми; но стоитъ только ввести въ этотъ воздухъ самое ничтожное количество пыли и характеръ явленія тотчасъ же измѣнится: невидимые до того лучи становятся видимыми, прорѣзываясь въ въ воздухѣ яркою полоскою движущихся по всѣмъ направленіямъ мелкихъ пылиннокъ. Тиндаль показалъ, что обыкновенный, атмосферный воздухъ легко сдѣлать оптически чистымъ, если подвергнуть его дѣйствию жара; съ этою цѣлью онъ помѣстилъ на пути свѣтоваго солнечнаго луча, освѣщавшаго плавающія въ воздухѣ пылинки, пламя отъ лампы съ алкоголемъ; тотчасъ же вокругъ пламени появились темныя дымчатныя струйки, которыя, когда пламя было пережѣщяемо ниже, подъ свѣтовой пучокъ, темною полоскою подымались къ верху. Что это за струйки? Онѣ до того напоминаютъ собою дымъ, образующійся вокругъ пламени при неполномъ сгораніи углерода, что и въ данномъ случаѣ происхожденіе ихъ всего скорѣе можно было бы приписать той же причинѣ.

Провѣрить справедливость такого предположенія не составляло труда — стоило только пламя алкоголя замѣнить пламенемъ такого газа, который ни при какихъ условіяхъ не давалъ бы дыма. Этой цѣли вполне удовлетворяетъ пламя во-

дороднаго газа—оно не можетъ дымить. Стало быть, если предъидущее предположеніе вѣрно, то, повторяя тотъ же опытъ съ этимъ послѣднимъ пламенемъ, дымчатая струйка должна совершенно отсутствовать. Въ дѣйствительности, однако, наблюдается совершенно обратное: онѣ появляются и въ опытѣ съ пламенемъ водороднаго газа и притомъ еще въ большемъ изобиліи. Очевидно это не дымъ. Но что же это такое? Чѣмъ объясняется происхожденіе темныхъ полосъ въ свѣтломъ пучкѣ солнечныхъ лучей? Это тѣ именно пунеты, въ которыхъ воздухъ, дѣйствіемъ высокой температуры пламени, сжигающаго твердыя частицы, освобождается отъ этихъ послѣднихъ и становится оптически чистымъ; свѣтовые лучи, не встрѣчая въ данныхъ пунктахъ твердыхъ частицъ, которыя разсѣвали бы ихъ, становятся невидимыми, темными, что рядомъ съ остальными, свѣтящимися пунетами и производитъ описанное выше впечатлѣніе.

И такъ, пучокъ солнечнаго луча въ оптически чистомъ воздухѣ не оставляетъ по себѣ никакого свѣтоваго слѣда; напротивъ, въ воздухѣ, содержащемъ хотя бы ничтожное количество постороннихъ твердыхъ частицъ, путь проходимый лучами, становится видимымъ.

Точное констатированіе такого факта составляло громадное значеніе для вопроса о самозарожденіи; оно давало возможность самымъ положительнымъ и съ тѣмъ виѣствѣ самымъ нагляднымъ образомъ рѣшить, имѣетъ ли дѣло экспериментаторъ съ оптически чистымъ воздухомъ и, стало быть, совершенно освобожденномъ отъ всякой примѣси постороннихъ твердыхъ частицъ, въ томъ числѣ и зародышей микроскопическихъ существъ, или напротивъ, воздухъ этотъ не чистъ, подобно обыкновенному атмосферному воздуху.

Возьмемъ первый случай; допустимъ, что органическій настой (отваръ сѣна или экстрактъ мяса и т. п.), который въ обыкновенномъ атмосферномъ воздухѣ весьма быстро подвергается разложенію и въ немъ появляется масса микроскопическихъ организмовъ, будетъ помѣщенъ въ пространствѣ съ оптически чистымъ воздухомъ. Здѣсь уже не можетъ быть мѣста никакому сомнѣнію относительно того, освобожденъ ли этотъ воздухъ вполне отъ микроскопическихъ зародышей или нѣтъ: лучъ свѣта дастъ точный, неподлежащій ни малѣйшей ошибкѣ отвѣтъ, стоитъ только пропустить его черезъ пространство, содержащее оптически чистый воздухъ.

Стало быть, если ученіе о самозарожденіи истинно, то и въ такомъ оптически чистомъ воздухѣ органическій настой дол-

женъ подвергнуться разложенію, и въ немъ должны появиться микроскопическіе организмы. А между тѣмъ опытъ свидѣтельствуеъ обратно. Правда, относительно такого опыта можетъ быть сдѣлано одно замѣчаніе; приверженцы произвольнаго зарожденія могутъ сказать, что въ данномъ случаѣ результатъ опыта поставленъ въ зависимость отъ самаго способа очищенія воздуха дѣйствіемъ высокой температуры пламени водороднаго газа; ничто не доказываетъ, чтобы при этомъ воздухъ не подвергался тѣмъ или другимъ измѣненіямъ, дѣлающимъ его непригоднымъ для жизни. Въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, полученіе отрицательныхъ результатовъ въ оптически чистомъ воздухѣ теряетъ свою доказательность.

Чтобы устранить подобное возраженіе, Тиндаль употребилъ другой, совершенно простой способъ очищенія воздуха, при которомъ самый воздухъ не подвергался ровно никакимъ измѣненіямъ. Какъ извѣстно, твердыя частицы плаваютъ въ воздухѣ, благодаря движенію послѣдняго, увлекающему ихъ съ собою. Такимъ образомъ, если воздухъ заключить въ замкнутое пространство, на примѣръ, въ стеклянный сосудъ, гдѣ бы онъ оставался въ покоѣ, плавающія въ немъ твердыя частицы постепенно осадутъ на дно сосуда и воздухъ совершенно очистится, въ чемъ легко убѣдиться выше указаннымъ способомъ.

Вотъ этотъ именно простой принципъ и былъ положенъ англійскимъ физикомъ въ основу устройства прибора для опытовъ съ жидкостями, подлежащими испытанію. Приборъ состоитъ изъ большой деревянной камеры, наглухо закрытой и утвержденной на четырехъ длинныхъ ножкахъ; въ дно камеры вдѣланы стеклянныя пробирки, назначенныя для наполненія испытуемою жидкостью; воздухъ камеры сообщается съ наружнымъ атмосфернымъ воздухомъ при помощи двухъ стеклянныхъ трубочекъ, вдѣланныхъ въ верхней части прибора; трубочки эти съ наружной стороны загнуты зигзагообразно и обращены отверстіемъ книзу, такъ что ни единая спора, ни единый зародышъ, плавающіе въ атмосферномъ воздухѣ, не могутъ проникнуть въ приборъ; наконецъ, въ двухъ боковыхъ противоположныхъ стѣнкахъ камеры имѣется по одному маленькому окошечку, въ которыя вставлены стекла и которыя назначаются для опредѣленія чистоты воздуха камеры помощью пучка свѣтовыхъ лучей.

Если такую камеру, наполненную обыкновеннымъ атмосфернымъ воздухомъ, оставить на нѣсколько дней въ покоѣ, то плавающія въ воздухѣ твердыя частицы, въ томъ числѣ споры и

зародыши, постепенно всё до одной осядутъ на дно камеры, гдѣ они плотно пристають къ глицерину, специально для того покрывающему внутреннюю часть нижней стѣнки прибора. Пропуская затѣмъ чрезъ вдѣланныя въ камерѣ окошечки пучекъ свѣтовыхъ лучей, легко убѣдиться, по причинѣ отсутствія всякаго свѣтового слѣда въ замкнутомъ воздухѣ, что послѣдній оптически чистъ, т. е. вовсе уже не содержитъ никакихъ постороннихъ твердыхъ частицъ.

Вотъ въ такомъ именно приборѣ Тиндаль втеченіи цѣлаго года подвергалъ испытанію послѣдовательно одну органическую жидкость за другою; онъ перебралъ всё настои, приготовляемые обыкновенно для опытовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, изслѣдовалъ всевозможные экстракты мяса, внутренностей животныхъ, различные отвары растительныхъ продуктовъ—и нашелъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда жидкости эти помѣщались въ камерѣ съ оптически чистымъ воздухомъ, въ нихъ никогда не развивались микроскопическіе организмы; втеченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ любая изъ испытываемыхъ жидкостей продолжала оставаться совершенно прозрачною, не обнаруживая ни малѣйшаго признака присутствія даже такихъ живыхъ существъ, какъ бактеріи, не говоря уже объ инфузоріяхъ.

Но когда затѣмъ Тиндаль замѣнилъ оптически чистый воздухъ камеры обыкновеннымъ атмосфернымъ воздухомъ, явленіе тотчасъ же измѣнилось. Пропущенный въ камеру лучъ свѣта далъ яркую полосу, освѣщая собою столбъ пыли, протянутый отъ одного окна прибора къ другому. вмѣстѣ съ тѣмъ въ органической жидкости, помѣщенной въ такую камеру, втеченіи двухъ-трехъ дней появлялась муть со всѣми признаками усиленнаго разложенія, а микроскопъ отрывалъ въ ней миліоны бактерій. Тоже самое наблюдалось въ любомъ органическомъ настое, приготовленномъ изъ растительныхъ или животныхъ продуктовъ.

Слѣдуетъ ли пояснять, въ какихъ заключеніяхъ приводятъ эти замѣчательные по своей простотѣ и убѣдительности опыты англійскаго физика. Если въ оптически чистомъ воздухѣ органическая жидкость втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признака жизненности, тогда какъ двухъ-трехъ дней достаточно, чтобы та же жидкость въ воздухѣ, содержащемъ постороннія твердыя частицы, переполнилась такими микроскопическими существами, какъ бактеріи, то что же это доказываетъ? Здѣсь, само собою разумѣется, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо другихъ измѣненіяхъ воздуха, помимо тѣхъ,

которые обуславливаются его оптической чистотой, и ни один, конечно, даже из самых усердных приверженцев произвольного зарождения не станет утверждать, что оптически чистый воздух менее благоприятен для проявления жизнеспособности, нежели воздух, переполненный пылью.

Но в таком случае, чем же объясняется вышеописанное явление? Не доказывает ли оно самым неопровержимым образом, что в числѣ твердыхъ частицъ, плавающихъ въ воздухѣ, находятся зародыши бактерий, которые, попадая въ органическую жидкость, развиваются въ ней и тѣмъ обуславливаютъ ее разложение, тогда какъ въ оптически чистомъ воздухѣ зародыши эти отсутствуютъ, вслѣдствіе чего въ органической жидкости и не появляется живыхъ существъ. Истинность такого объясненія становится уже вполне несомнѣнною въ виду слѣдующаго простаго опыта: достаточно ввести въ оптически чистый воздухъ самое ничтожное количество вещества съ зародышами бактерий — и органическая жидкость, до того не обнаруживавшая ни малѣйшаго признака жизнеспособности, втеченіи непродолжительнаго времени будетъ переполнена бактеріями. Выводъ очевидный: самозарождение бактерий оказывается столь же мало возможнымъ процессомъ, какъ и произвольное рождение другихъ микроскопическихъ организмовъ.

Разсмотрѣнные здѣсь и другіе, не менѣ замѣчательные опыты англійскаго физика Тиндала¹⁾ рѣшаютъ уже окончательно, безповоротно, вопросъ о самозарожденіи въ отрицательномъ смыслѣ. И теперь мы имѣемъ полное право, не рискуя сдѣлать ошибку, отвергнуть ученіе о самозарожденіи, какъ безусловно не отвѣчающее тому процессу, путемъ котораго должна была возникнуть жизнь на нашей планетѣ, какъ безусловно идущее въ разрѣзъ съ основными истинами биологіи, съ идеею развитія.

Согласно именно этимъ основнымъ истинамъ, произвольное зарождение бактерий такъ же мало допустимо, какъ и болѣе высшихъ микроскопическихъ существъ. Бактеріи, эти палочко-видные микроскопическіе организмы, отличаются весьма опредѣленною формою, а всякая обособленность, всякая спеціализація живаго существа въ этомъ направленіи, какъ и въ каждомъ другомъ, есть результатъ жизни, и потому не можетъ возникнуть путемъ

¹⁾ См. какъ объ этихъ послѣднихъ, такъ и объ опытахъ, изложенныхъ выше въ его статьѣ: «La génération spontanée» («Revue Scientifique», № 51, 1878).

непосредственнаго сложенія изъ безжизненнаго вещества, хотя бы послѣднее и принадлежало къ числу органическихъ соединений. Словомъ, каждый организмъ, говоря словами извѣстнаго англійскаго мыслителя, выражаетъ собою «продуктъ видоизмѣненій, производимыхъ незамѣтными градаціями на предшествующій родъ, и это одинаково примѣнимо какъ къ предполагаемому началу органической жизни, такъ и ко всѣмъ послѣдующимъ развитіямъ органической жизни»¹⁾.

Эта строго научная точка зрѣнія исключаетъ такимъ образомъ всякое понятіе о самозарожденіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о первомъ организмѣ; непосредственное возникновеніе организма изъ безжизненнаго вещества—это абсурдъ, съ которымъ необходимо разъ навсегда разстаться. Понятіе объ «организмѣ» неразрывно связано съ представленіемъ о сколько нибудь опредѣленной, сколько нибудь постоянной, сколько нибудь уловимой формѣ строенія. Но такому строенію необходимо предшествуетъ еще менѣе постоянная, менѣе опредѣленная, менѣе уловимая форма строенія и т. д., и т. д. Этотъ, постепенно нисходящій въ развитіи путь, рядомъ непрерывныхъ переходовъ, приводитъ, въ концѣ концовъ, къ такому состоянію, при которомъ не можетъ быть и рѣчи о специфической формѣ, которая устраняетъ всякое понятіе объ организмѣ; передъ нами уже не организмъ, не живое существо съ болѣе или менѣе опредѣленною формою строенія, а безформенная масса, безформенное вещество съ основными признаками жизненности. Судите же послѣ этого, возможно ли опредѣлить, чтó такое «первый организмъ»; да если-бы и было возможно, то во всякомъ случаѣ первый организмъ не былъ бы первымъ представителемъ жизни, первымъ выразителемъ ея; ему непремѣнно предшествовало менѣе обособленное состояніе—біорганическое вещество, по отношенію къ которому «первый организмъ» является продуктомъ дальнѣйшихъ видоизмѣненій, выработанныхъ жизнью, и въ условіяхъ жизни, выработанныхъ постепенно, путемъ послѣдовательнаго, преемственнаго обособленія біорганическаго вещества въ живое существо, съ болѣе или менѣе специализированною формою строенія.

Вотъ почему положительно невозможно согласиться съ мнѣніемъ Гексли, который полагаетъ, что вопросъ о процесѣ появленія живыхъ существъ нельзя рѣшить историческимъ

¹⁾ Гербертъ Спенсеръ, «Основанія біологій», т. I, стр. 361, русскій переводъ.

путемъ и что, «можетъ быть, опытъ поможетъ намъ въ этомъ»¹⁾. Напротивъ, безуспѣшныя попытки приверженцевъ произвольнаго зарожденія самымъ лучшимъ образомъ доказываютъ невозможность искусственнаго воспроизведенія живыхъ существъ, хотя бы и наиболѣе простѣйшихъ. Если-бы даже нынѣ были уже обстоятельно извѣстны всѣ подробности возникновенія этихъ простѣйшихъ существъ, обстоятельно изучены всѣ условія такого возникновенія, то и тогда было бы тщетно пытаться искусственнымъ путемъ получить живое существо; было бы тщетно именно потому, что условія эти суть условія исторической преемственности, условія историческаго опыта всей суммы предшествующихъ видоизмѣненій биорганическаго вещества и, стало быть, вовсе недоступны для воспроизведенія ихъ въ лабораторіи при искусственной обстановкѣ.

Искусственная обстановка не въ состояніи повторить собою тотъ послѣдовательный рядъ видоизмѣненій, который составляетъ результатъ историческаго опыта и только одного историческаго опыта. А каждое живое существо, каждый простѣйшій изъ простѣйшихъ организмовъ долженъ быть разсматриваемъ именно какъ такой результатъ историческаго опыта; думать иначе, значило бы предполагать нѣчто такое, что далеко выходитъ за предѣлы возможнаго, съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи, ученія о развитіи.

И такъ, историческій путь не только не долженъ быть упускаемъ изъ вида, а, напротивъ, оказывается единственнымъ, который въ состояніи привести насъ къ надлежащему выясненію вопроса о процесѣ возникновенія живыхъ существъ. Мы потому именно и считали необходимымъ подвергнуть обстоятельному обзору ученіе о самозарожденіи, чтобы показать, напимѣръ, что всякій другой путь, помимо историческаго, не въ состояніи привести насъ къ искомому разрѣшенію вопроса, а только удаляетъ отъ него, внося въ понятіе о процесѣ возникновенія жизни такия толкованія, которыя совершенно несовмѣстимы съ теоріею развитія.

Теперь, когда мы уже знаемъ, какъ не могла произойти жизнь, посмотримъ, какъ она могла произойти.

---

¹⁾ Т. Гексли, «О причинахъ явленій въ органической природѣ». Изд. второе. С.-Петербургъ, 1867 г., стр. 81—82.

VIII.

Происхожденіе жизни.

Хотя самозарожденіе и не подтверждается фактами, но это обстоятельство, въ противоположность мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, вовсе не говоритъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, въ пользу того, будто «жизнь происходитъ только отъ жизни и ни отъ чего болѣе». Такъ часто дѣлаемое замѣчаніе, что природа не представляетъ намъ на малѣйшаго указанія на возможность превращенія безжизненнаго вещества въ жизненное, въ сущности, весьма невѣрно. Напротивъ, подобныя указанія существуютъ, и не только существуютъ, но и занимаютъ въ природѣ одно изъ выдѣляющихся мѣстъ. Сюда именно относятся процессы питанія: вѣдь пищевыя вещества, хотя бы даже и органическія, безжизненны, а между тѣмъ, изъ нихъ именно вырабатывается жизненное вещество—протоплазма; нѣкоторые, напримѣръ, микроскопическіе грибки, даже безъ содѣйствія свѣта, вырабатываютъ свою протоплазму изъ такихъ веществъ, какъ углекислыя, щавелекислыя и винно-каменно-кислыя соли аммонія фосфорновислыя щелочи, земля и вода.

Стало бытъ, фактъ превращенія безжизненныхъ веществъ въ жизненное вещество несомнѣненъ. Скажутъ: да, несомнѣненъ, но это превращеніе происходитъ при содѣйствіи самаго организма, т. е. опять-таки въ условіяхъ жизни, а не внѣ ихъ. Совершенно вѣрно; но устраняется ли тѣмъ значеніе самаго факта, разъ въ понятіе о жизни не входитъ ничего метафизическаго. Если жизненныя условія дѣйствительно представляютъ собою результатъ менѣ сложныхъ условій другихъ, простѣйшихъ явленій, то, стало бытъ, вопросъ сводится къ относительному различію, къ возможности разсматриваемаго превращенія, только при наиболѣе сложномъ сочетаніи условій. Пусть эти условія отсутствуютъ внѣ жизни, но вѣдь основное изъ этихъ условій—преобразование абіоганическаго вещества въ біоганическое, какъ мы знаемъ изъ предыдущихъ главъ (V и VI), всецѣло опредѣляется организующею дѣятельностью протоплазмы. Стало бытъ, здѣсь именно, въ этомъ біоганическомъ веществѣ, въ развитіи и постепенномъ обособленіи его организующей способности и слѣдуетъ искать ключъ къ разрѣшенію вопроса о происхожденіи жизни.

Настоящее положеніе приобретаетъ еще болѣе глубокий

смыслъ, если мы сопоставимъ его съ тѣмъ заключеніемъ, къ которому были приведены въ предыдущей главѣ, именно, что возникновеніе безформеннаго біоорганическаго вещества должно было предшествовать самому простѣйшему изъ простѣйшихъ организмовъ съ сколько нибудь обособившимся строеніемъ. Такимъ именно предшествующимъ образованіемъ и является протоплазма. Вопросъ, стало быть, сводится къ тому, чтобы, прежде всего, опредѣлить, въ какой мѣрѣ факты біологіи оправдываютъ приписываемую здѣсь роль протоплазмъ, а для этого, само собою разумѣется, намъ необходимо теперь же обратиться къ простѣйшимъ органическимъ формамъ и поискать среди нихъ указаній на занимающій насъ вопросъ.

Обращаясь къ этимъ простѣйшимъ органическимъ формамъ, мы считаемъ необходимымъ, однако, сдѣлать одно небольшое замѣчаніе: къ наиболѣе простѣйшимъ организмамъ относятъ обыкновенно одноклѣточные существа, тогда какъ самое понятіе объ одноклѣточномъ строеніи вовсе не даетъ опредѣленнаго представленія о степени сложности организаціи. Высшимъ типомъ животной организаціи считаются позвоночныя, но среди ихъ, рядомъ съ сравнительно несложнымъ строеніемъ, встрѣчаются и высокоорганизованныя формы. Въ предѣлахъ даннаго типа мы находимъ цѣлый рядъ степеней отъ низшаго къ высшему развитію. Тоже слѣдуетъ сказать и о типѣ простѣйшихъ, одноклѣточныхъ или, иначе, однопластидныхъ организмовъ. И среди нихъ далеко не всѣ, по сложности своего строенія, могутъ быть поставлены на одну доску. Правда, всѣ они состоятъ изъ одной клѣтки; но у различныхъ простѣйшихъ степень дифференцировки составныхъ частей клѣтки далеко не одинакова и у нѣкоторыхъ это дифференцированіе достигаетъ весьма значительнаго развитія.

Сюда именно относятся высшія инфузоріи, рѣсничныя. Со дня открытія инфузорій Левенгукомъ, въ 1675 году, втеченіи ста лѣтъ эти простѣйшіе организмы считались неизмѣнными постоянной формы и отличающимися неопредѣленнымъ, подверженнымъ постояннымъ измѣненіямъ, хаотическимъ характеромъ (*chaos aquaticum*). Но затѣмъ, съ дальнѣйшимъ, болѣе обстоятельнымъ изученіемъ инфузорій, ихъ развитія и строенія ихъ организаціи, ошибочность первоначальнаго воззрѣнія была обнаружена и, какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, съ одной крайности скоро перешли въ другую, совершенно противоположную. Знаменитый микроскопистъ Эренбергъ, увлеченный относительно весьма сложнымъ устройствомъ организа-

ція нѣкоторыхъ высшихъ инфузорій, дошелъ до того, что призналъ ихъ построенными по одному типу съ наиболѣе высокоорганизованными животными; онъ находилъ у этихъ микроскопическихъ животныхъ и полную кровеносную систему, и нервно-мышечную систему, даже специализированные органы чувствъ, и т. д.

Но взглядъ этотъ не выдерживаетъ критики и долженъ былъ уступить свое мѣсто другому. Въ томъ же году, когда Эренбергъ издалъ свой классическій трудъ объ инфузоріяхъ ¹⁾, въ биологии уже прочно утвердилось, благодаря, главнымъ образомъ, Шлейзену и Швану, ученіе о клѣточномъ строеніи организмовъ, — ученіе, согласно которому всѣ растенія и животныя состоятъ изъ клѣточекъ, одной или нѣсколькихъ. Ученіе это не могло не породить вопроса, относятся ли такія микроскопическія животныя, какъ инфузоріи, къ одноклѣточнымъ организмамъ. Зибольдъ ²⁾, одинъ изъ первыхъ высказался въ пользу перваго положенія, и хотя понинѣ еще нѣкоторые ученые держатся противоположнаго возрѣнія, но несомнѣнность одноклѣточного или однопластиднаго строенія инфузорій подтверждается рядомъ неопровержимыхъ данныхъ; а въ такомъ случаѣ, само собою разумѣется, мы необходимо приходимъ къ заключенію, что специализированные органы, встрѣчающіеся у инфузорій, составляютъ результатъ дифференцированія основнаго вещества клѣтки.

Что же это за вещество?

Со времени работъ Макса Шульца надъ корневыми грибами, Де-Бари надъ слизистыми грибами, Клапареда и Лахмана надъ инфузоріями, Геккеля надъ лучевиками — стало уже положительно извѣстно, что основное вещество всѣхъ простѣйшихъ организмовъ тождественно съ основнымъ веществомъ клѣточекъ многоклѣточныхъ организмовъ; что въ томъ и въ другомъ случаѣ оно отличается одними и тѣми же свойствами, опредѣляющими собою общія жизненныя явленія организмовъ; словомъ, что, какъ простѣйшія, такъ и наиболѣе высокоорганическія животныя и растенія построены изъ одного и того же биорганическаго вещества, принадлежащему по химическому составу къ числу самыхъ сложныхъ, бѣлковинныхъ образований, — вещества, впервые открытаго французскимъ ученымъ Дюжарденомъ и названнаго имъ

¹⁾ «Die Infusionsthierchen als vollkommene Organismen», 1838.

²⁾ Siebold: «Lehrbuch der vergleichenden Anatomie der virbellosen Thiere», 1845.

саркодой, которая нынѣ болѣе извѣстна подѣ именемъ протоплазмы, какъ предложилъ назвать это биорганическое вещество извѣстный нѣмецкій ботаникъ Мольтъ.

Прочное установленіе такого ученія должно было оказать, и дѣйствительно оказало важное вліяніе на общіе біологическіе вопросы. Прежде всего, оно значительно измѣнило прежній взглядъ на клѣтку, и клѣточная теорія потеряла универсальное значеніе, уступивъ свое мѣсто протоплазматической теоріи. Клѣточка, считавшаяся до того элементарнѣйшимъ представителемъ жизненности, оказалась въ сущности вовсе не самымъ простѣйшимъ биорганическимъ образованіемъ, а результатомъ дифференцированія протоплазмы. Съ этой точки зрѣнія вопросъ о степени большаго или меньшаго развитія одноклѣточныхъ или однопластидныхъ организмовъ ставился уже въ прямую зависимость отъ большаго или меньшаго дифференцированія протоплазмы. У инфузорій, въ особенности рѣсничныхъ, это дифференцированіе достигаетъ наибольшей законченности въ предѣлахъ одной пластиды, — другими словами, это высшая степень развитія, какого достигаетъ типъ одноклѣточныхъ; низшую степень развитія даннаго типа представляютъ тѣ простѣйшіе организмы, которые состоятъ изъ однороднаго комочка протоплазмы съ ядромъ внутри. Сюда приближаются нѣкоторыя корненожки, именно голыя корненожки, извѣстныя подѣ именемъ амѣбъ. Эти однопластидные организмы не отличаются опредѣленною формою организаціи; ихъ сократительное протоплазматическое тѣло постоянно мѣняетъ свои очертанія, то совершенно собирается въ комочекъ, то выпускаетъ отъ себя отростки, которые служатъ амѣбѣ органами перемѣщенія и залавливанія добычи, потому что какъ только пищевое вещество пристанетъ къ отростку, послѣдній втягивается и увлекаетъ это вещество внутрь тѣла амѣбы. Но не смотря однако на свое крайне однородное сложеніе, даже эти однопластидные организмы не могутъ быть отнесены къ числу самыхъ низшихъ существъ, къ числу организмовъ съ наименьшимъ дифференцированіемъ протоплазмы. У всѣхъ только что названныхъ корненожекъ имѣется въ центрѣ болѣе твердое образованіе — ядро; всѣ онѣ снабжены однимъ или нѣсколькими бьющимися пузырьками; тогда какъ съ шестидесятихъ годовъ, благодаря, прежде всего, изслѣдованіямъ Геккеля, было обнаружено существованіе такихъ простѣйшихъ организмовъ, которые не отличаются даже этимъ несложнымъ признакомъ специализаціи.

Первый изъ этихъ организмовъ, названныхъ Геккелемъ мо-
Ен. VI.—Іюнь, 1881.

нерами, былъ открытъ имъ въ 1864 г. въ Средиземномъ морѣ, около Виллафранки, близъ Ниццы, и имѣлъ видъ крошечнаго плавающего шарика слизи, величиною въ діаметрѣ около милиметра. Осторожно перенесенный подъ микроскопъ, шарикъ этотъ, говоритъ Геккель, «выглядѣлъ маленькою звѣздочкою, средняя часть которой состояла изъ небольшого безструктурнаго круглаго комочка, со всей поверхности котораго выступали тысячи чрезвычайно тоненькихъ нитей. Тщательными изслѣдованіями, при сильныхъ увеличеніяхъ, было обнаружено, что все тѣло этого звѣздчатаго существа состоитъ изъ простаго бѣлковиннаго вѣточнаго вещества—саркоды или протоплазмы, и что нити, лучисто выступающія со всей поверхности, не постоянные придатки, а непрерывно мѣняющіеся въ своемъ числѣ, величинѣ и видѣ отростки центрального протоплазматическаго тѣла». Отростки эти напоминали собою извѣстные уже давно ложноножки корненожекъ; но тогда какъ въ протоплазмѣ послѣднихъ встрѣчаются ядра, какъ напримѣръ у амѣбы протоплазматическіе шарики, существа, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, такого центрального образованія не обнаруживаютъ; у нихъ нѣтъ ядеръ, нѣтъ также и бьющихся пузырьковъ. Размножаются они простымъ дѣленіемъ. Геккель назвалъ эту простѣйшую форму *Protogenes primordialis*, т. е. «первенцомъ первобытнаго времени»¹⁾.

Спустя годъ, нашъ знаменитый ботаникъ Ценковскій²⁾, въ свою очередь, открылъ въ прѣсныхъ водахъ двѣ простѣйшія формы—*Protomonas* и *Vampyrella*, приближающіяся по своему безъядерному, лучистому протоплазматическому тѣлу къ *Protogenes*'у, но отличающимися отъ послѣдняго болѣе сложнымъ способомъ размноженія; тогда какъ *Protogenes* размножается простымъ распаденіемъ всего тѣла на двѣ части,—*Vampyrella* и *Protomonas* втягиваютъ свои тонкія нити и переходятъ въ состояніе покоя, причемъ шаровидное тѣло ихъ покрывается оболочкой (цистой). Затѣмъ уже внутри такой оболочки у *Vampyrella* протоплазматическое содержимое распадается на четыре части (тетраспоры), а у второй, у *Protomonas*—на множество крохотныхъ шариковъ

¹⁾ E. Haeckel: «Das Protistenreich», Leipzig, 1878; стр. 69—70. Также: «Biologische Studien», erstes Heft, 1870; стр. 6. Первое описаніе этой монеры помѣщено въ его работѣ «Ueber den Sarcocodkörper der Rhizopoden» («Zeitschrift für wiss. Zoologie», 1865; XV B.).

²⁾ L. Cienkowski: «Beiträge zur Kenntniss der Monaden». Archiv für mikroskop. Anatomie, 1865, I).

(подвижные споры, Schwärmsporien), которые, когда оболочка лопается, выходят на свободу.

Впослѣдствіи Геккель также открылъ нѣсколько формъ не болѣе сложныхъ существъ, отличающихся подобнымъ же процессомъ размноженія, который представляетъ уже значительный шагъ впередъ, сравнительно съ простымъ распаденіемъ, наблюдаемымъ у Protogenes. Но дѣйствительно ли Protogenes—«первенецъ первобытнаго времени», какъ назвалъ его Геккель? Дѣйствительно ли этотъ микроскопическій организмъ представляетъ собою низшую, первичную степень обособленія биоганическаго вещества въ живое существо? Самому Геккелю весьма скоро пришлось убѣдиться въ противномъ: спустя немного болѣе года со дня открытія «первенца», тотъ же ученый нашелъ въ прѣсной водѣ близъ Іены еще болѣе замѣчательное по своей простотѣ микроскопическое существо, цѣликомъ состоящее изъ однороднаго, безформеннаго комочка протоплазмы, по неопредѣленности внѣшнихъ очертаній и по своимъ движеніямъ совершенно подобное амѣбѣ, но отличающееся отъ послѣдняго отсутствіемъ ядра и пульсирующихъ пузырьковъ. Эту форму Геккель назвалъ «первичною амѣбою» (Protoamöbe) ¹⁾.

Сопоставляя ее съ предыдущими нельзя не признать, что она занимаетъ среди нихъ низшее мѣсто. Не говоря даже о тѣхъ, которые размножаются болѣе сложнымъ способомъ, даже «первенецъ», который размножается простымъ распаденіемъ на двѣ половины, подобно Protoamöbe'y, выше послѣдней; его звѣздчатая форма, хотя и подвержена колебаніямъ, но сравнительно менѣе значительнымъ, нежели у протоамѣбы, его тонкія нити отличаются болѣею опредѣленностью, никогда не расплываются, въ діаметрѣ не превышаютъ одного милиметра, чего нельзя сказать о лопастообразныхъ отросткахъ протоамѣбы, у которой эти тупые отростки представляютъ проста выпячиванія протоплазмы по различнымъ направленіямъ, непрерывно измѣняющимся; они не обнаруживаютъ даже того первичнаго обособленія протоплазмы въ органы передвиженія, которое замѣчается на тонкихъ ложноножкахъ «первенца». Словомъ, послѣдній отличается уже настолько опредѣлившейся формой, что въ немъ никакъ нельзя видѣть первичную степень обособленія живаго вещества, и еще менѣе начальное состояніе этого вещества. По своей совершенно не-

¹⁾ Первое описаніе этой амѣбы помѣщено Геккелемъ въ его «Generelle Morphologie der Organismen». Berlin, 1866, I, стр. 133.

опредѣленной, совершенно неустановившейся формѣ, протоамѣба болѣе приближается къ такому состоянію ¹⁾. Это дѣйствительно простѣйшее изъ простѣйшихъ существъ.

Со времени открытія рассмотрѣнныхъ здѣсь элементарнѣйшихъ существъ число ихъ значительно увеличилось, благодаря, помимо названныхъ ученыхъ, наблюденіямъ Германа Фоя, Грефа, Шнейдера и другихъ; такъ что въ настоящее время насчитывается около 16 видовъ этихъ простѣйшихъ представителей воднаго микроскопическаго міра ²⁾. Нѣкоторыя изъ нихъ живутъ въ морѣ, другія въ прѣсныхъ водахъ. Всѣ они отличаются такимъ же однороднымъ, безструктурнымъ характеромъ, какъ и рассмотрѣнная выше. Всѣ они состоятъ изъ однородной протоплазматической слизи, въ которой совершенно отсутствуетъ центральное образованіе—ядро. Это отсутствіе ядра составляетъ хотя и отрицательную, но весьма характерную особенность принадлежащихъ сюда «организмовъ безъ органовъ» (*Organismen ohne Organe*), или монеръ, по терминологіи Геккеля ³⁾. По совершенно справедливому замѣчанію этого ученаго, эти замѣчательные по своей простотѣ организмы, обнаруживающіе, не смотря на такую простоту устройства, всѣ основныя жизненныя отправленія, представляютъ огромное значеніе, какъ для біологіи вообще, такъ и для вопроса о происхожденіи жизни въ частности.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы примемъ во вниманіе, что клѣточка въ первичномъ, простѣйшемъ состояніи представляетъ собою, согласно опредѣленію Макса Шульце, комочекъ протоплазмы съ ядромъ внутри ⁴⁾, то должны будемъ поставить монеръ ниже любого простѣйшаго одноклѣточного организма. Мы не находимъ у нихъ даже той элементарнѣйшей дифференцировки протоплазмы на ядро, содержимое и оболочку, которою отличается клѣточка. Стало быть, здѣсь, именно среди монеръ, необходимо искать начальное обособленіе біорганическаго вещества въ то болѣе специализированное состояніе, которое послужило источникомъ происхожденія одноклѣточныхъ организмовъ, сложившихся затѣмъ въ многоклѣточныя формы.

¹⁾ Edmond Perrier: «Les origines de la vie» («Nature», 1879, № 301).

²⁾ E. Haeckel: «Nachträge zur Monographie der Moneren». (Ienaische Zeitschrift für Naturwissenschaft, 1877, VI, 13).

³⁾ «Generelle Morphologie der Organismen». I. Обстоятельное описаніе монеръ дано Геккелемъ въ его «Biologische studien, erstes Heft».

⁴⁾ Max Schultze: «Ueber Muskelkörperchen und das, was man eine Zelle zu nennen habe» (1861), гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Eine Zelle ist ein Klümpchen Protoplasma, in dessen Innerem ein Kern liegt» (стр. 11).

Монеры болѣе всего приближаются, благодаря своей однородной протоплазматической структуры къ первичному состоянію биорганическаго вещества; но, какъ мы видѣли, однако, не всѣ въ одинаковой степени; нѣкоторые изъ нихъ обнаруживаютъ большую обособленность, большую опредѣленность формы; существуютъ, наконецъ, между ними и такія, у которыхъ простѣйшій способъ размноженія смѣнился уже болѣе сложнымъ—образованіемъ подвижныхъ споръ, все это такія измѣненія, которыя составляютъ результатъ борьбы за существованіе, результатъ жизнедѣятельности биорганическаго вещества. Вотъ почему, какъ бы монеры ни были просты по устройству своей организаціи, но тѣмъ не менѣе ихъ происхожденіе путемъ произвольнаго зарожденія такъ же точно не можетъ быть допущено, какъ и одноклѣточныхъ организмовъ. Если первымъ предшествуетъ высшая степень дифференцировки протоплазмы, какою отличаются именно монеры, то послѣднія въ свою очередь предполагаютъ менѣе обособленное состояніе биорганическаго вещества, нежели въ какомъ онѣ находятся. Это справедливо даже по отношенію самой простѣйшей монеры—протоамѣбы, потому что хотя она и состоитъ цѣликомъ изъ однороднаго, безформеннаго комочка протоплазмы, но это существованіе въ видѣ отдѣльныхъ комочковъ представляетъ собою первичную, зачаточную стадію обособленія живаго вещества въ элементарную форму организма, въ самобытное существо, и стало быть предполагаетъ такое предшествующее состояніе даннаго вещества, когда это обособленіе не имѣло еще мѣста, когда живое, биорганическое вещество представляло собою совершенно безформенную слизистую массу. Переходомъ отъ такого первичнаго состоянія къ болѣе или менѣе опредѣлившейся формѣ, отъ биорганическаго вещества къ настоящему организму и являются монеры—эти организмы безъ органовъ. Но само собою разумѣется, разъ монеры выражаютъ собою переходную стадію, то уже по одному этому онѣ не могутъ служить началомъ возникновенія жизни.

Слѣдуетъ стало быть спуститься еще одною ступеню ниже. Возникновенію простѣйшихъ изъ простѣйшихъ организмовъ должно было предшествовать возникновеніе живаго вещества.

Къ такому заключенію приводятъ насъ всѣ разсмотрѣнные выше факты изъ естественной исторіи микроскопическихъ существъ. Вопросъ стало быть въ томъ, насколько оправдывается дѣйствительностью предполагаемое самобытное существованіе жи-

ваго вещества въ видѣ безформенной, слизистой массы? Имѣется ли хотя одно непосредственное прямое указаніе въ пользу этого?

Да, имѣется—и впервые оно было сдѣлано англійскимъ зоологомъ Гексли въ 1868 г.

При изслѣдованіи, помощью весьма сильнаго микроскопа, ила (извлеченнаго, во время закладки атлантическаго телеграфнаго кабеля, со дна океана на глубинѣ 12,000 футовъ), названный ученый нашелъ въ немъ свободную, совершенно безформенную протоплазматическую слизь, не представляющую ни малѣйшихъ признаковъ обособленія въ своихъ очертаніяхъ. Это образованіе представляло собою простую массу, облекающую морское дно въ видѣ слизистаго покрова, но покрова живаго. Гексли назвалъ эту свободно живущую протоплазматическую слизь, въ честь своего друга Геккеля, *Bathybius Gaeckeli*.

Въ томъ же 1868 году, два другихъ англійскихъ ученыхъ У. Томсонъ и У. Карпентеръ, имѣвшіе случай изслѣдовать подобный же илъ въ свѣжемъ состояніи, пришли къ заключенію, что этотъ илъ «дѣйствительно живой», что «онъ сгущивается въ комки, какъ бы съ примѣсью бѣлковины и подѣ микроскопомъ такая клейкая масса имѣетъ видъ живой саркоды». Спустя шесть лѣтъ, именно въ 1874 г. У. Томсонъ писалъ о томъ же предметѣ: «въ илѣ, извлеченномъ изъ Бискайскаго залива съ глубины 2,435 саж. или около 14,600 фут., а также въ большей части другихъ пробъ ила со дна Атлантическаго океана, заключалось значительное количество мягкой, студенистой органической матеріи, сообщавшей илу нѣкоторую липкость. При перенесеніи такого ила, въ которомъ клейкость обозначалась весьма ясно подѣ микроскопомъ, съ каплею морской воды, можно было замѣтить, спустя нѣкоторое время, неправильную сѣтъ бѣловаго вещества; эта сѣтъ непрерывно мѣняетъ свою форму, а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и относительное положеніе заключенныхъ въ ней зернышекъ и постороннихъ тѣлецъ. Стало быть, это слизистое вещество обнаруживаетъ въ нѣкоторой степени способность къ движенію и вообще не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что оно выражаетъ собою явленіе очень простой жизненной формы»¹⁾. Изслѣдованія Геккеля въ свою очередь подтверждали, что батибій—живая протоплазматическая слизь.

Такимъ образомъ, рядомъ изслѣдованій нѣсколькихъ ученыхъ, было обнаружено на днѣ Атлантическаго океана, именно съ-

¹⁾ Приведено у Геккеля въ его «Protistenreich», стр. 74.

верной его части, самобытное существование живаго протоплазматическаго вещества.

Не далѣе, однако, 1875 г., именно послѣ экспедиціи Шалленгера, существованіе батибія подверглось сомнѣнію и притомъ со стороны того самаго Гексли, который впервые открылъ его. Дѣло въ томъ, что названная экспедиція, не смотря на самыя тщательныя поиски на глубинѣ различныхъ океановъ, не могла нигдѣ найти батибія. Это подало поводъ Гексли, а вслѣдъ за нимъ и нѣкоторымъ другимъ ученымъ ¹⁾, усомниться въ точности прежнихъ изслѣдованій и считать батибія не болѣе, какъ простымъ осадкомъ сѣрновислой извести, подъ вліяніемъ алкоголя, въ которомъ сохранялся извлеченный изъ глубины моря иль. Такое заключеніе, однако, оказалось еще поспѣшнѣе противоположнаго, и не только не выдерживало критики, какъ показалъ Геккель ²⁾, но опровергалось также дальнѣйшими изслѣдованіями другихъ ученыхъ.

Такъ, германскій естествоиспытатель Эмиль Бесельсъ говоритъ, что во время послѣдней экспедиціи къ сѣверному полюсу онъ нашелъ на глубинѣ 92 сажень въ Смитзундѣ массу свободной недифференцированной, однородной протоплазмы, которую, по причинѣ ея «чисто спартанской простоты», онъ назвалъ протобатибіемъ (Protobathybins). Эти массы свободной протоплазмы представляли очень клейкія сѣтчатовидныя образованія, обнаруживавшія прекрасныя амѣбо-подобныя сократительныя движенія, поглощали частицы кармина и другія постороннія тѣльца и внутри ихъ наблюдались быстрые потоки зернышекъ ³⁾. Словомъ, всѣ признаки несомнѣнной жизненности этой свободной массы протоплазмы были налицо.

Наконецъ, магбургскій профессоръ Грефъ, въ свою очередь, открылъ, и что всего интереснѣе—въ прѣсныхъ водахъ, массы свободной, совершенно безформенной протоплазмы, занимающей здѣсь то же положеніе, какое батибія въ морѣ. Этотъ прѣсноводный батибія Грефъ назвалъ пелобіемъ (Pelobius) ⁴⁾.

И такъ, стало быть, факты вполне подтверждаютъ предъидущее заключеніе, по крайней мѣрѣ подтверждаютъ настолько,

¹⁾ Мэбиусу, Вирхову и др.

²⁾ «Das Protistenreich»; въ главѣ: «Zur Kritik des Bathybius», стр. 79.

³⁾ Это открытіе было сообщено въ *Jenaische Zeitschrift für Naturwissenschaft* 1875, IX, 13.

⁴⁾ Приведено у Эд. Перье: «Les origines de la vie». «Nature», 1879, № 301, стр. 211.

насколько это необходимо, чтобы не считать самобытное существование живаго, біорганического вещества однімъ, ни на чемъ не основаннымъ предположеніемъ. При этомъ невольно вспоминается замѣчательное предсказаніе натурфилософа Оуэна, который еще вначалѣ настоящаго столѣтія предугадалъ самобытное существованіе біорганического вещества. «Всѣ организмы, сказалъ онъ,—происходятъ отъ слизи. Эта первобытная слизь (Urschleim) происходитъ въ морѣ изъ неорганической матеріи».

Первое изъ этихъ положеній, какъ мы видимъ, подтверждается фактами; что же касается втораго, то открытіе батибія само собою рождало вопросъ: не здѣсь ли слѣдуетъ искать начало происхожденія жизни, не обязана ли послѣдняя своимъ возникновеніемъ самозарожденію батибія?

Еще въ 1870 г. вопросъ этотъ былъ затронутъ Геккелемъ¹⁾ и онъ тогда же пытался дать на него утвердительный отвѣтъ, на чемъ и основалъ свое ученіе о происхожденіи жизни, названное имъ аутогоніей, или архигоніей. Отрицая самозарожденіе такихъ простѣйшихъ организмовъ, какъ одноклѣточные, Геккель тѣмъ не менѣе считалъ и продолжаетъ считать²⁾ не только возможнымъ, но и необходимымъ признаніе самозарожденія для такихъ организмовъ, какъ монеры, и главнымъ образомъ для батибія, живущаго въ морской пучинѣ на глубинѣ 12,000—25,000 футовъ.

Исходя изъ того положенія, что батибій, подобно всякой живой протоплазмѣ, заимствуетъ свои пищевыя вещества изъ органическихъ продуктовъ, и что органическая жизнь, вырабатывающая эти продукты, вовсе не встрѣчается на глубинѣ обитаемой батибіемъ, невольно рождался вопросъ: откуда же извлекаетъ батибій пищу, необходимую для образованія тѣхъ громадныхъ массъ живой слизи, которая часто на значительныхъ разстояніяхъ покрываетъ дно океана? Въ виду подобныхъ соображеній, Геккель пришелъ къ заключенію, что батибій происходитъ путемъ произвольнаго зарожденія, и что изъ всѣхъ извѣстныхъ монеръ, батибій представляетъ наибольшее значеніе для гипотезы самозарожденія. Громадныя массы свободной живой протоплазмы, покрывающей глубочайшіе пунеты морскаго дна, дозволяютъ считать предположеніе о томъ, что самозарожденіе

¹⁾ Haeckel, «Biologische studien», erstes Heft; въ главѣ: «Die Moneren und die Urzeugung».

²⁾ См. между прочимъ послѣднее изданіе (1879) его: «Natürliche Schöpfungsgeschichte», гдѣ онъ, въ сущности, высказываетъ тѣ же мысли; стр. 303—306.

(Urzeugung) еще и теперь продолжается непрерывно, столь же вѣроятнымъ, какъ и всякаго другаго, извѣстнаго нынѣ факта. Иначе, чѣмъ объяснить происхожденіе этого протоплазматическаго покрова глубочайшаго морскаго дна? Какой другой источникъ можетъ быть для него указанъ?»¹⁾

Слабость Геккеля къ весьма поспѣшнымъ обобщеніямъ сказалась въ данномъ случаѣ весьма рѣзко, и недостаточность тѣхъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ онъ основывалъ свое ученіе, обнаружилась весьма скоро. Во первыхъ, новѣйшія изслѣдованія показываютъ²⁾, что не только простѣйшіе, но и высокоорганизованные обитатели морей встрѣчаются на глубинѣ 14—20 тысячъ футь, стало быть о недостаткѣ органической пищи для батибія не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны, какъ показываютъ вышеприведенныя наблюденія Бесселя, существованіе батибія на большой глубинѣ океана не составляетъ правила; тѣмъ меньше еще подтверждается это правило открытіемъ прѣсноводнаго батибія. Стало быть, отсутствіе пищи, какъ аргументъ въ пользу самозарожденія батибія, теряетъ свою доказательность. Также мало доказательны и другія соображенія Геккеля, на основаніи которыхъ онъ продолжаетъ считать возможнымъ самозарожденіе батибія, изъ котораго затѣмъ уже произошли остальные простѣйшія монары тѣмъ же путемъ, какъ происходятъ кристаллы изъ растворовъ.

Оставляя въ сторонѣ это послѣднее, ровно ни на чемъ не основанное предположеніе, совершенно извращающее основное положеніе теории развитія, замѣтимъ, что гипотеза самозарожденія такъ же мало можетъ быть примѣняема къ батибію, какъ и къ монарамъ вообще, именно потому, что самый принципъ ея идетъ въ разрѣзъ съ идеей развитія—стало быть, совершенно безразлично, идетъ ли рѣчь о самозарожденіи организма или свободной, живой протоплазмы, біорганическаго вещества.

Пусть это однородное біорганическое вещество отличается совершенно безформеннымъ, примитивнымъ характеромъ; но оно обнаруживаетъ существенные признаки жизненности и притомъ достаточно хорошо уже опредѣлившіеся для того, чтобы считать его живымъ веществомъ. Но основныя истины біологіи говорятъ намъ, что каждому болѣе или менѣе ясно опредѣлившемуся жизненному явленію предшествуетъ менѣе опредѣлив-

¹⁾ «*Biolog. stud.*», I. Heft; стр. 181.

²⁾ См. у Земпера: «*Die natürlichen Existenzbedingungen der Thiere*», Leipzig. 1880.

шея динамическое состояніе. Тоже самое, само собою разумѣется, относится и къ жизнедѣятельности батибіа; признаки, которыми характеризуется эта дѣятельность, настолько уже обособились, что предполагають предшествующее, менѣе обособленное состояніе; жизненные признаки вначалѣ, какъ и въ послѣдствіи, должны были складываться, постепенно, шагъ за шагомъ, путемъ неуволимо малыхъ накопленій соотвѣтствующихъ особенностей, прежде чѣмъ окончательно выдѣлиться и опредѣлиться хотя въ такой мѣрѣ, какъ наблюдается у батибіа.

Вотъ почему о самозарожденіи послѣдняго не можетъ быть и рѣчи; да, наконецъ, самое строеніе протоплазмы, хотя и въ высшей степени несложно, не даетъ никакого права дѣлать подобное заключеніе, въ особенности въ виду новѣйшихъ работъ Фроммана, о которыхъ мы будемъ еще говорить, показавшаго, что протоплазма въ сущности вовсе не такого однороднаго строенія, какъ полагають, но что, напротивъ, она состоитъ изъ очень нѣжнаго сѣтчататаго строенія ¹⁾. Если-бы даже оказалось, что такая сѣтчатость составляетъ результатъ дифференцировки самаго тѣла протоплазмы, то во всякомъ случаѣ, подобное дифференцированіе свидѣтельствовало бы несомнѣнно, что живое вещество есть результатъ постепеннаго развитія, а не самозарожденія.

Жизненные свойства протоплазмы должны были выработываться послѣдовательно, въ зависимости отъ развитія ея структуры, а не возникнуть прямо, путемъ одного лишь химическаго соединенія изъ безжизненныхъ веществъ; вотъ почему положительно напрасны ожиданія нѣкоторыхъ ученыхъ, что въ будущемъ удастся создать жизнь искусственнымъ путемъ ²⁾. Можетъ быть удастся получить высшее бѣлковое соединеніе, способное къ тому, чтобы положить начало признакамъ, которые затѣмъ уже, на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія, могли бы выдѣлиться въ жизненные признаки; но такое развитіе органическаго вещества—въ условіяхъ времени и борьбы съ окружающею природою, которыя, т. е. условія, по самому характеру своему искусственно воспроизведены быть не могутъ—невозможно.

Нѣтъ, очевидно съ этой претензіей необходимо разстаться.

¹⁾ С. Fromman: «Beobachtungen über Structur und Bewegungserscheinungen des Protoplasma der Pflanzenzellen». Jena, 1880.

²⁾ Напр. Гексли въ статьѣ о «Самозарожденіи» («Сборникъ Природа», 1875, кн. 2.)

Развитіе низшихъ органическихъ соединеній въ высшія, а этихъ послѣднихъ въ бѣлковыя образованія, съ задатками къ проявленію той внутримолекулярной подвижности, изъ которой, какъ мы видѣли, должна была сложиться высшая форма движенія, именуемая жизнью,—таковъ единственно представимый процессъ возникновенія біорганическаго вещества, дальнѣйшее развитіе котораго положило начало организмамъ. Въ какой мѣрѣ это подтверждается дальнѣйшими фактами изъ жизни органическаго міра—покажетъ послѣдующій анализъ обнаруживаемыхъ этою жизнью явленій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л. К. Поповъ.

---

* * *

Разливается мгла золотистая
Отъ вечерней зари на холмахъ,
И звѣзда засверкала лучистая,
Чуть видна въ голубыхъ небесахъ.

Не колышутся листья зеленые;
Надъ долиною носится парь;
Смогли мы, тишиной окруженные,
Подъ наплывомъ невѣдомыхъ чаръ.

Не болитъ уже сердце тревожное,
Улеглася въ немъ злая борьба;
Не влечетъ меня счастье ложное,
Всѣ желанья убила судьба.

Незамѣтно пришло отреченіе...
Отчего-жъ я забыть не могу?
Отчего же мечты заблужденіе
Какъ святыню въ душѣ берегу?

Ал. Львова.

С У М Е Р К И.

(ПОВѢСТЬ).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ воздухѣ уже пахло весною, небо было не такое сѣрое, чаще проглядывало солнце, заливая яркимъ свѣтомъ и мокрую, грязную мостовую, и груды селотатаго льда по сторонамъ. Хотя саннаго пути почти не существовало, но легковые извозчики все еще ухитрились ѣздить на своихъ трепаныхъ саняхъ, то ныряя въ ухабахъ, то тащась по голому камню и нестерпимо скрипя полозьями. Невскій кипѣлъ народомъ, быстро мчались щегольскіе экипажи и грязь изъ-подъ колесъ и лошадиныхъ копытъ обдавала пѣшеходовъ, осторожно переходившихъ улицу. Конки непрерывно звенѣли. Извозчикъ, который везъ Варвару Васильевну, постоянно чмокая и понукая свою хохлатую, измученную лошадеику, съ огромною головою, тащился шагомъ по торцовой мостовой, ругаясь съ каждымъ кучеромъ, кричавшимъ ему:—извозчикъ, правѣй!

На нихъ чуть не налетѣла щегольская коляска, запряженная парю воронныхъ лошадей, въ шорахъ, съ ливрейнымъ кучеромъ, съ длиннымъ бичомъ въ рукахъ.

— Правѣ! кричалъ жокей; коляска пролетѣла, обдавъ пальто Варвары Васильевны жидкою грязью.

— Ишь! чортъ аглицей! заругался опять извощикъ, — и говорить-то по русскому не умѣеть; правѣ! право чортъ!.. куда ѣхать-то? спросилъ онъ не оборачиваясь.

— Направо, голубчикъ, неужто не знаешь Михайловскую улицу? отвѣчала Варвара Васильевна.

— Да вы толкомъ говорите, въ дому-то какому, — проговорилъ недовольнымъ голосомъ извощикъ, поворачивая направо, — улицу-то казній знаетъ.

— Вонъ домъ-то большой, гостинница, вотъ тутъ остановись.

— Насъ туда не пускають.

— Да ты не вѣзжай во дворъ, а тутъ остановись, съ боку.

Извощикъ опять зачмокалъ и подвезъ барышню къ «Европейской гостинницѣ».

— Прибавить надо, сказалъ онъ, смотря на деньги, которыя она положила ему въ руку. Варвара Васильевна, конфузясь, вытащила свой портмоне и вынула еще двугривенный. «Хорошо, что Маня не поѣхала со мною, думала она, войдя въ сѣни, которыя отворилъ ей швейцаръ, и подымаясь по великолѣпной, бѣлой, мраморной лѣстницѣ, — ее пальто также бы все въ грязи было». Она робѣла и великолѣпной лѣстницы, гдѣ ее запачканное грязью пальто казалось ей совсѣмъ неприличнымъ, и лавеевъ во фракахъ, сновавшихъ по длиннымъ коридорамъ. Подойдя къ двери одного изъ номеровъ бель-этажа она постучала.

— Entrez, раздался знакомый, картавый голосъ.

— Ахъ, это ты Babet, сказала дама, въ черномъ, шелковомъ платьѣ, съ громаднымъ треномъ, которая отворила ей дверь. Пріятельницы поцѣловались и Варвара Васильевна, повѣсивъ свое пальто на вѣшалку, вошла за Ольгою въ большую, высокую комнату, съ ковромъ, каминомъ и мебелью, обитою малиновымъ трипомъ. На столѣ, покрытомъ вѣчною скатертью отелей, moquette, стоялъ неубранный чайный приборъ и тутъ же была брошена шляпка, съ перомъ, перчатки, газета, стояла и пепельница, наполненная папиросными окурками; окурки валялись также на коврѣ и даже на диванѣ.

— Ну, садись и рассказывай, говорила нараспѣвъ Ольга Алексѣевна, отгоняя маленькую, хохлатую собаченку, которая съ прозвительнымъ лаемъ кидалась на Babet.

Предложить сѣсть было очень легко, но исполнить трудно, потому что ни на диванѣ, ни на креслахъ не было ни одного свободнаго мѣста, вездѣ валялись свертки изъ магази-

новъ, счета ресторана, ботинки, туфли, коробки съ папиросами, неразрѣзанныя, только что купленные книги, конфеты и апельсины. Ольга Алексѣевна безцеремонно сбросила какой-то свертокъ на полъ; что-то полетѣло и разбилось, но она не обратила на это никакого вниманія и усадила пріятельницу.

— Тяжело мнѣ очень, Ольга, отвѣчала Варвара Васильевна, — вотъ все, что я могу тебѣ сказать.

— Можетъ быть, тебѣ деньги нужны, такъ возьми у меня, мнѣ вчера прислали изъ деревни, — и Ольга показала на толстую пачку асигнацій, валяющуюся тутъ-же, между папиросами.

— Нѣтъ, спасибо, я ужъ и такъ должна тебѣ и меня это очень заботить.

— Стоитъ говорить о такой бездѣлицѣ, отвѣчала Ольга, закуривая толстую папироску. Хохлатая собаченка, въ это самое время, принялась теревить углы салфетки, стараясь стащить ее со стола.

— Посмотри, посмотри, что она дѣлаетъ! закричала Babet, — вѣдь все полетитъ и разобьется, уйми ты ее.

Ольга смѣясь отогнала собаченку, которая начала таскать бахрому ея платья.

— Она теперь платье твое рветъ, сказала Babet.

— Ничего, пускай! *cela l'amuse!* отвѣчала Ольга, пуская кольца дыма.

— Понять не могу, сказала Варвара Васильевна, — какъ это ты можешь такъ жить?

— А что?

— Меня бы одна эта несносная собаченка замучила.

— У меня ихъ дома еще шесть.

— Однако; да вѣдь онѣ я думаю все портятъ, вездѣ гадятъ.

— Такъ чтожь? кто не любитъ собакъ, у того дурное сердце, *ша chère.*

— Вздоръ какой! А что у тебя все валяется и даже деньги не прибраны, это тоже признакъ хорошаго сердца.

— Ахъ Babet, какая ты странная! Ну когда мнѣ думать о всѣхъ этихъ мелочахъ, я къ тому же врагъ педантства и нѣмецкой акуратности. Я люблю прекрасное, но прилизанности терпѣть не могу.

«Должно быть папиросные окурки на диванѣ и коврѣ тоже прекрасное», подумала Babet, но ничего не отвѣчала; она была благодарна за предложеніе дать взаймы, хотя знала, что Ольгѣ это предложеніе ничего не стоитъ, и что завтра

половина толстой пачки асигнацій растеряется и уйдетъ на покупку всякой ненужной дряни.

— Правда, что твоя Маня невѣста? спросила Ольга, видя, что пріятельница опять погрузилась въ какую-то думу.

— Правда, отвѣчала Babet и вздохнула.

— Чего же ты вздыхаешь?

— Не нравится онъ мнѣ, Ольга.

— Кто?

— Женихъ.

— Ты совершенно какая-то мокрая курица; зачѣмъ же ты соглашалась, если онъ тебѣ не нравится?

— Маня сама дала слово, развѣ я могу насиловать ея волю?

— Кто тебѣ говорить насиловать; все это такъ старо, такъ давно отжило; у тебѣ какія-то допотопныя понятія.

— Ну вотъ именно потому, что у меня недопотопныя понятія, я и согласилась на эту свадьбу, отвѣчала рѣзко Babet; не смотря на ея вротость, глупости пріятельницы ее раздражали.

— Насиловать! повторила опять Ольга, даже не слушая отвѣта, — что за дикое слово! но вліять на нее ты можешь, ты должна; хочешь, я съ нею поговорю? я умѣю говорить, умѣю убѣдить.

— Нѣтъ, пожалуйста оставь! твои убѣжденія ни къ чему не поведутъ; все кончено, свадьба послѣ святой.

— Отчего же онъ тебѣ не нравится? спросила Ольга, успокоенная тѣмъ, что уже ничего не подѣлаешь, и закуривъ новую папироску.

— Онъ сухой, бездушный, въ немъ нѣтъ ни искренности, ни правды; не смотря на молодость, онъ неспособенъ ни на какое увлеченіе; любить онъ, конечно, не можетъ.

— Тѣмъ лучше, значить онъ самый современный господинъ, и они сойдутся; вѣдь твоя Маня тоже не изъ горяченькихъ.

— Ты ее совсѣмъ не знаешь; Маня, напротивъ, натура страстная, но... и Варвара Васильевна остановилась.

— Что же означаетъ это *но*?

— Такъ; ты мнѣ не поможешь, зачѣмъ же говорить.

— Ты сама начала; кажется, та сдѣге, я не набивалась на твою откровенность, сказала обидчивымъ тономъ Ольга.

— Конечно, виновата всегда я сама; но у меня ужъ такая глупая натура; я пришла сюда вовсе не за тѣмъ, чтобы жаловаться на свою судьбу, а для того, чтобы ты мнѣ разъяснила

одно мое недоумѣніе. Я не довѣряю себѣ, боюсь, что мое мнѣніе будетъ пристрастно. Знаешь, что я не понимаю причину, которая заставляетъ Павлова жениться на Манѣ.

— Неужто ты такъ состарѣлась, что ужъ этого не понимаешь: онъ влюбленъ въ нее, вотъ и все.

— То-то и есть что нѣтъ; такіе люди, какъ онъ, не влюбляются; онъ карьеристъ, а она бѣдная дѣвушка, безъ имени и безъ связей.

— Каждый способенъ влюбиться. Къ тому же онъ можетъ быть думать, что она будетъ богата; вѣдь онъ знаетъ, кто ея отецъ?

— Знаетъ; но я говорила ему, что Маня никогда отъ него ничего не получить.

— Что же онъ отвѣчалъ тебѣ на это?

— Что обыкновенно отвѣчаютъ въ подобныхъ случаяхъ: что онъ любитъ Маню и никогда и не думалъ о томъ, есть ли у нея состояніе или нѣтъ.

— Вотъ видишь, *il est touchant!*

— Что меня больше всего смущаетъ, такъ это анонимныя письма, которыя я постоянно получаю, и въ которыхъ мнѣ говорятъ, что я гублю Маню, отдавая ее за такого негодяя, какъ Павловъ. Я показала одно письмо Манѣ; она разорвала его и сказала, что анонимныя письма гадость, и что она не обращаетъ на нихъ никакого вниманія.

— Прекрасно, прекрасно, она навѣрное его любитъ. Анонимное письмо, *quelle indignité!* я ихъ ужасъ что получаю; только у меня все денегъ просятъ и даже грозятъ мнѣ. А у него есть состояніе, у этого Павлова?

— Не знаю, говорятъ—есть. По крайней мѣрѣ онъ самъ говорилъ мнѣ, что получаетъ три тысячи жалованья, и что отецъ даетъ ему еще двѣ, а когда онъ женится, то будетъ давать три; если это правда, то жить они будутъ безбѣдно.

— Ну съ 6-ю тысячами въ годъ далеко не уѣдешь; я 20 проживаю, *ша bonne*, и то едва концы съ концами свожу. Впрочемъ Маня привыкла къ скромной жизни. Ахъ Боже мой, скоро 2 часа, меня ждуть, чтобы ѣхать вмѣстѣ на базаръ! Извини пожалуйста *Babet*, въ другой разъ мы поговоримъ по дольше. Поцѣлуй Маню, скажи ей, что я рекомендую ей мою портниху; никто такъ не сошьетъ вѣнчальное платье и визитное; она немножко дорога, но за то вкуса у нея пропасть, и всѣ модели прямо изъ Парижа.

II.

Въ маленькихъ комнатахъ Варвары Васильевны все было убрано по праздничному, но смотрѣло далеко не весело. Въ гостиной, у дивана, былъ накрытъ столъ бѣлою камчатною скатертью, подававшаяся только въ торжественные дни, а на столѣ стоялъ старинный образъ Тихвинской Божіей матери, въ золоченой ризѣ,—образъ, которымъ умирающая мать благословила Babet. Передъ образомъ лежалъ круглый ситный хлѣбъ и вставленная въ немъ, красивая, серебряная солонка, въ quasi-русскомъ стилѣ. Въ спальнѣ, передъ кисейнымъ туалетомъ съ розовыми бантами, сидѣла Маня, въ изящномъ, вышитомъ Варварою Васильевною пеньюарѣ, а Катя, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и съ заплаканными глазами, прикалывала *fleurs-d'oranges* на пышине, свѣтлые волосы невѣсты, причесанные совершенно гладко, съ небольшими кудерками на лбу. Маня была очень блѣдна, серьезна, но слезъ у нея не было. Она пристально смотрѣла на себя въ зеркало, но казалось, что она ничего не видитъ и думаетъ совсѣмъ о другомъ. Тутъ же на креслѣ, у окна, сидѣла баронеса Потгеймъ, въ дорогомъ сѣромъ атласномъ платьѣ и смотрѣла на Маню въ лорнетъ. Выраженіе ея лица было по обыкновенію сухо и надменно, а углы губъ опустились болѣе обыкновеннаго. Бѣдная, мѣщанская обстановка квартиры сестры ей видимо не нравилась и наводила на нее скуку. Она имѣла совершенно видъ важнаго свадебнаго генерала на купеческой свадьбѣ. На свою могучую грудь Анна Васильевна приколола орденъ краснаго креста и внутренно досадовала, что не могла прицѣпить ничего другаго. Варвара Васильевна, въ новомъ сѣромъ шелковомъ платьѣ, которое, какъ всѣ ея атуры, сейчасъ же приняло на ней видъ монашескаго одѣянія, въ бѣлой фальшиваго кружева косыночкѣ, замѣнившей ея вѣчную черную, расправляла съ нарядной горничной баронесы складки вѣнчальнаго платья, стараясь скрыть слезы, безпрестанно застилавшія ей глаза. Вся эта сцена освѣщалась неприятнымъ отраженіемъ яркаго, но холоднаго майскаго солнца на желтой стѣнѣ противоположнаго большаго каменнаго дома.

— Кто же серьги вдѣнетъ? спросила Анна Васильевна, когда прическа была окончена.

— Вы вѣдь знаете примѣту? я бы хотѣла, чтобы это сдѣлала Китти (невѣстка баронесы).

— Маня серегъ не носить, отвѣчала Катя, у нея и уши не проткнуты.

— Совсѣмъ по современному, сказала баронеса;—впрочемъ это хорошо, одной издержкой меньше. Ты съ этимъ намѣреніемъ ей уши не проткнула? спросила она, обращаясь къ сестрѣ. Въ передней послышался звонокъ.

— Неужели уже шаферъ? сказала съ безпокойствомъ Варвара Васильевна.

— Нѣтъ, это вѣрно отецъ пришелъ, отвѣчала Катя,—я такъ боялась, что онъ опоздаетъ.

— А мойхъ до сихъ поръ нѣтъ, замѣтила съ досадою баронеса. Послышался второй звонокъ.

— Ну теперъ всѣ пріѣхали, объявила входя дѣвочка, служившая горничной Варварѣ Васильевнѣ. — Агафья говоритъ, пальтовъ вѣшать некуда,—и она безцеремонно расхохоталась. Баронеса поморщилась отъ фамильярнаго тона служанки и только торжественность случая помѣшала ей сдѣлать замѣчаніе Vabet. Она сейчасъ же встала и величественно направилась въ гостиную. Въ гостиной уже находились—Иванъ Николаевичъ, который, по желанію Мани, долженъ былъ благословить ее вмѣстѣ съ теткой, молодая баронеса Потгеймъ, съ своимъ маленькимъ сыномъ, красивымъ мальчикомъ, въ матроскомъ костюмѣ (ему предназначалось нести образъ) и шаферъ невесты, Basil Потгеймъ, очень эlegantный, съ цвѣткомъ въ петлицѣ фрака. Маня просила Оедю быть ея шаферомъ, но онъ отказался подъ предлогомъ, что у него нѣтъ фрака, и уже болѣе недѣли какъ не показывался. Варвара Васильевна даже послала узнать, что съ нимъ, и хозяйка его квартиры сказала, что онъ уѣхалъ, но куда, она не знаетъ. Маленькій Воля, сидя рядомъ съ матерью, очень серьезно слушалъ ея наставленія на счетъ роли, предназначенной ему въ церемоніи, и поглядывалъ то на образъ, который ему придется нести, то на дверь, изъ которой должна показаться невеста. Иванъ Николаевичъ тоже облеченный во фракъ, съ видомъ скуки и неудовольствія, слушалъ рассказы Basil-я о новыхъ преобразованіяхъ по дѣламъ печати.

— Все это вздоръ! послышался, наконецъ, его рѣзкій голосъ,—я только удивляюсь, какъ вы, молодой человекъ, можете сочувствовать подобнаго рода мѣрамъ. Вы преслѣдуете зло тамъ, гдѣ его нѣтъ, вы боретесь съ призраками, а настоящая жизнь проходитъ мимо васъ, и то, что вы стѣсняете въ самыхъ естественныхъ стремленіяхъ, задупитъ васъ самихъ рано или поздно.

Впрочемъ, вы навѣрно скажете, что я человѣкъ старый и потому имѣю отсталый, либеральный образъ мыслей, онъ теперь кажется не въ модѣ. Basile только плечами пожалъ.

— Ахъ, мама, какая хорошенькая! зашепталь Воля, на ую матери, при видѣ входящей Мани.

Маня была точно очень хороша. Вѣнчальный нарядъ, который красить даже некрасивыхъ, дѣлалъ ее еще прелестнѣе. Волненіе вызвало яркій румянецъ на ея щеки, а темные, большіе глаза горѣли какимъ-то лихорадочнымъ блескомъ.

— Красавица! прошепталь Иванъ Николаевичъ, любуясь ею, какъ художникъ.

Варвара Васильевна, захлебываясь слезами, взяла образъ дрожащими отъ волненія руками.

— Что же мнѣ-то дѣлать? спросилъ у дочери Иванъ Николаевичъ.

Маня наклонила голову и тетка крестообразно осѣнила ее образомъ. Иванъ Николаевичъ сдѣлалъ тоже самое съ хлѣбомъ. Basile, съ моноклемъ въ глазу, смотрѣлъ на эту патриархальную сцену, улыбаясь насмѣшливою, нехорошею улыбкою. Молодая баронеса плакала, вѣроятно вспоминая свою собственную свадьбу, а Воля не сводилъ глазъ съ невѣсты и съ образа, и нетерпѣливо ждалъ ту минуту, когда и онъ выступитъ дѣйствующимъ лицомъ.

— Поклонись въ землю передъ образомъ, сказала баронеса.

Но Маня, поцѣловавъ образъ, кинулась на шею теткѣ, которая громко зарыдала.

— Полно Vabet, сказала повелительно Анна Васильевна, — что за смѣшныя рыданія, ты точно ее хоронишь.

Это слово всѣхъ точно кольнуло. Воля съ испугомъ взглянулъ на мать, а Иванъ Николаевичъ, все еще держа хлѣбъ въ рукахъ, такъ растерялся, что не зналъ, что съ нимъ дѣлать; дочь взяла хлѣбъ у него изъ рукъ и поставила на столъ. Анна Васильевна сѣла на диванъ и посадила рядомъ съ собою невѣсту; съ другой стороны сѣла Vabet; она не смѣла больше плакать и только нервно поправляла и обдергивала вуаль племянницы. Всѣ молчали. Маня точно окаменѣла и глядѣла опять въ пространство, забывая, гдѣ она. Послышался рѣзкій звонокъ, отъ котораго вздрогнула Vabet, и черезъ минуту въ дверяхъ показался молодой человѣкъ, во фракѣ, съ огромнымъ букетомъ изъ бѣлыхъ розъ въ рукѣ. Анна Васильевна посмотрѣла на него въ лорнетъ. Молодой человѣкъ былъ изъ породы людей,

которыхъ природа, кажется, создала для того, чтобы быть шаферами. Все на немъ было безукоризненно: бѣлье, платье, перчатки, проборъ по срединѣ головы, раздѣлявшій жиденькіе, свѣтлые волосики. Лицо у него было тоже праздничное, точно говорило: «поздравьте меня, я именинникъ»; только въ этотъ разъ онъ былъ не именинникъ, а шаферъ, и былъ очень доволенъ. Онъ ловко раскланялся и вручилъ букетъ невѣстѣ. Это былъ знакъ, что женихъ уже въ церкви; всѣ встали. Молодая баронеса дала сыну образъ, и ребенокъ, принявъ важный и торжественный видъ, точно онъ священнодѣйствовалъ, вышелъ первый изъ комнаты, крѣпко прижимая къ груди образъ, чтобы какъ нибудь не уронить его. Съ этимъ же важнымъ видомъ онъ сѣлъ въ ландо, рядомъ съ Иваномъ Николаевичемъ, напротивъ невѣсты и своей бабушки. Видъ малютки былъ до того уморительно-важенъ, что Маня, глядя на него, размѣялась.

— Отчего ты такой серьезный, Воля? спросила она мальчика.

— Je porte votre jolі Божинька, отвѣчалъ тотъ по-французски, вѣроятно, для пущей важности.

Всѣ засмѣялись, даже бабушка снисходительно улыбнулась.

— Молодецъ мущина! сказалъ Иванъ Николаевичъ, — хоть размѣшилъ, по крайней мѣрѣ; а то у меня отъ слезъ Варвары Васильевны начинало уже въ горлѣ давить.

— Babet всегда была страшная плакса, замѣтила Анна Васильевна. — Понять не могу, почему это на свадьбахъ всегда плачутъ? Я такъ и ждала, что она загомоситъ.

Маня ничего на это не сказала, она даже не слыхала словъ Анны Васильевны; на нее напалъ опять столбнякъ, она ни о чемъ не могла думать и машинально читала вывѣски по дорогѣ въ церковь. Погода была ясная и холодная, именно та погода, которая всегда наводила на нее тоску. Дулъ рѣзкій, сѣверный вѣтеръ, въ воздухѣ летали маленькія снѣжинки и, не смотря на то, что окна въ ландо были подняты, она дрожала въ своей шубѣ на бѣломъ мѣху. Карета остановилась передъ большимъ казеннымъ домомъ съ колонами и каріатидами. Распахнулись двери въ широкія сѣни. Маня все смотрѣла прямо передъ собою и различала только маленькую фигуру Воли, который, конфузясь, но все-таки сохраняя важный видъ, несъ впереди своего хорошенькаго Божиньку. Иванъ Николаевичъ велъ ее подъ руку на лѣстницу, кто-то сзади поправлялъ ея шлейфъ. Вотъ и темно-сѣрое платье тети Вари, знакомая бѣлая косыночка. Съ лѣстницы они вошли въ большую залу. «Гради невѣста!» слы-

палось пѣніе пѣвчихъ. Вотъ и церковь. Послѣ залитой солнцемъ улицы, эта красивая полутемная церковь, освѣщенная огнями свѣчей, показала ей могильнымъ склепомъ. Ей пришло на память отпѣваніе, видѣнное ею, годъ тому назадъ, въ таковой же церкви, такъ же залитой огнями. Передъ ея глазами мелькали эпюлеты, фраки, бѣлые галстуки, дамскія шляпки съ цвѣтами, слышалось шуршаніе шелковыхъ треновъ. Павловъ, до того гладко выбритый, что даже лицо его лоснилось, тоже въ бѣломъ галстукѣ, стоялъ передъ нею и бралъ ее за руку. Она стала рядомъ съ нимъ передъ аналоемъ и, черезъ голову священника въ золотой ризѣ и лиловой скуфейкѣ, смотрѣла все туда, въ глубину, за престолъ, гдѣ, въ полу-мракѣ, блестѣлъ большой образъ Спасителя. Тоненькій лучъ солнца, пробравшись въ окно съ боку, игралъ на золотой рамѣ образа.

— Читай молитву: «Милосердія двери отверзи мнѣ», шептала за нею голосъ Анны Васильевны.

«Ахъ оставьте меня», чуть было не вырвалось у Мани.

Она не могла не только молиться, но даже думать о томъ, что она дѣлаетъ. Какія-то совершенно пустыя, постороннія мысли приходили ей въ голову; только когда священникъ спросилъ ее: «не обѣщалась ли она кому нибудь?» она чуть-чуть вздрогнула и тихо проговорила «нѣтъ»; но въ ту же самую минуту, мысль, «гдѣ Ѳеда?» мучительно тоскою сжала ее сердце. Она хорошо слышала, что пѣли на клиросѣ, даже невольно улыбнулась, когда дьяконъ, съ какою-то особенною торжественностью, провозгласилъ: «а жена да боится своего мужа»; но все это казалось ей совершенно постороннимъ и до нея не касающимся. Ихъ повели кругомъ аналоя; сіяющій шаферъ жениха уморительно приподнимался на ципочки, чтобы держать вѣнецъ надъ головою высокаго Павлова. Василе очень ловко держалъ вѣнецъ надъ Манею, едва касаясь имъ ея волосъ, и граціозно, при каждомъ поворотѣ, откидывалъ ея длинный тренъ.

— Belle comme le jour! сказала баронеса Китти, наклонясь къ Babet, которая горячо молилась, безпрестанно отирая слезы.

— Не плачьте, тетя, ласково продолжала молодая женщина, — Богъ милостивъ! ваша дочка будетъ счастлива.

— Ахъ, голубчикъ! тихо отвѣчала Варвара Васильевна, — зачѣмъ вы говорите то, чему сами не вѣрите. И точно испугавшись своихъ словъ, она опустила на колѣни и опять зашептала молитву.

— Поздравьте жену вашу, послышался тихій голосъ свя-

щенника. Маня въ первый разъ подняла глаза на Павлова; онъ, улыбаясь, наклонился къ ней и его сухія губы коснулись ея щеки. Прикосновеніе этихъ тонкихъ, сухихъ губъ точно разрушило то странное состояніе, въ которомъ она находилась; она вдругъ ясно увидала Павлова, съ его прилизанной физиономіей. «Вылощенный», вспомнились ей слова Оеди. Вотъ и тетя Варя цѣлуетъ ее, улыбается и плачетъ въ одно время, и баронеса въ атласномъ платьѣ, съ краснымъ бантомъ на груди, подставляетъ ей свою пухлую щеку, и Катя горячо обнимаетъ ее, и маленький Воля также приподымается и тянется къ ней, чтобы поцѣловать ее. Шафера куда-то исчезли, а съ ними и Иванъ Николаевичъ.

— *C'est le mariage civile qui a lieu maintenant*, говоритъ кто-то въ толпѣ. Павловъ, теперь уже мужъ ея, подаетъ ей руку и ведетъ ее изъ церкви. Они спускаются по той же лѣстницѣ. На площадѣ, толстый генераль, отецъ молодого, почтительно наклоняясь передъ баронесою, что-то говоритъ ей и о чемъ-то ее спрашиваетъ.

— *C'est d'un commun!* слышится ей голосъ Анны Васильевны, которую изъ церкви ведетъ Basile;—но дѣлать нечего, *il faut se sacrifier jusqu'à la fin.*

— *Je viendrai à la gâge*, говоритъ Мани въ сѣняхъ молодая баронеса, теперь я должна отвезти Волку домой. *Au revoir chère.*

«*C'est d'un commun!*» мысленно повторяетъ Маня слова Анны Васильевны и догадывается, что она находитъ вульгарною затѣю старика Павлова, устроить свадебный обѣдъ въ ресторанѣ.

— Отчего мы не ѣдемъ въ домъ къ вашимъ родителямъ? спрашиваетъ Маня, садясь въ наемную карету съ мужемъ.

— Они скоро уѣзжаютъ въ деревню и потому у нихъ въ квартирѣ все въ беспорядкѣ. И потомъ гораздо удобнѣе въ ресторанѣ.

— *C'est d'un commun!* опять слышится Мани.

Павловъ садится ближе къ Мани, беретъ ея руку и цѣлуетъ тамъ, гдѣ кончается перчатка.

— Оставьте, мнѣ холодно, говоритъ Маня, завертываясь въ свою бѣлую шубу.

— Маня, *chère ange!* вѣдь ты теперь моя жена.

Она молчитъ, вся съеживается и забивается въ самый уголок кареты.

— Маня, ты всегда такая будешь?

— Какая?

— Сердитая, недотрога!

— Я не сердитая; но мнѣ не нравится, что вы говорите мнѣ *ты*, по какому праву?

— Какъ по какому? вѣдь ты теперь моя, совсѣмъ моя.

— Я только тогда позволю вамъ говорить мнѣ *ты*, когда сама буду называть васъ также.

— Надѣюсь, что это будетъ скоро.

— Не знаю, я объ этомъ еще не думала.

— Согласитесь, Маня, что вы очень странная особа: многія бывають на *ты* уже съ женихомъ, а вы не хотите позволить этой фамиллярности даже мужу.

— Да, говорятъ, когда... и Маня вдругъ остановилась.

— Ну что-жь, договаривайте:—когда любить?

— Нѣтъ, не то, я васъ недостаточно знаю.

— И однако согласились выдти за меня замужъ. *Allons, mon enfant, vous n'etes pas logique.*

Маня ничего не отвѣчала, такъ какъ въ это время карета остановилась у параднаго подъѣзда большого отеля.

III.

Молодые въ тотъ же вечеръ уѣзжали въ Павловскъ на дачу. Холодъ, какъ это часто случается въ началѣ мая, былъ страшный; ждали по обыкновенію хорошей погоды, но она не приходила. Не только не было листьевъ на деревьяхъ, но даже трава едва показывалась въ городскихъ скверахъ, и то на мѣстахъ пригрѣтыхъ солнцемъ и защищенныхъ отъ сѣверо-восточнаго вѣтра. Провожать молодыхъ на царскосельскій вокзалъ всѣ пріѣхали въ шубахъ. Анна Васильевна, кутаясь въ свою дорогую шубу, только плечами пожимала, находя мысль Павлова, уѣзжать на дачу, совершенно нелѣпою.

— Ну, наконецъ, въ Москву уѣзжай, если больше некуда, говорила она невѣстѣ.—Но на дачу, въ такой холодъ.

— Мнѣ помнится, пашап, онъ говорилъ намъ, что его посылають за-границу, съ какимъ-то порученіемъ, отвѣчала молодая женщина.—Я еще порадовалась за Маню.

— Вздоръ, куда его пошлютъ, и зачѣмъ? сказала баронеса.—Только Babet въ состояніи этому вѣрить.

А Babet, съ заплаканными глазами и посинѣлая отъ холода, имѣла такой видъ, что, какъ говорится, «краше въ гробъ владуть»; впрочемъ и Маня была почти такая же.

— Только сильная любовь можетъ заставить забыть такую погоду, сказалъ ей, улыбаясь, Basile.

— Вы говорите это серьезно? отвѣчала Маня.

— Вашъ мужъ теперь вѣроятно на седьмомъ небѣ, продолжалъ тотъ, не отвѣчая на вопросъ.— Всѣмъ намъ холодно и северно, а ему это сѣрое небо представляется вѣроятно южнымъ и горячимъ, залитымъ полуденнымъ солнцемъ; кто-бы не хотѣлъ быть на его мѣстѣ!

— Довольно, сказала Маня.—Я никогда не думала, что вы въ состоянїи говорить такія пошлости.

Раздался первый звонокъ. Начались прощанїя. У Мани не было ни слезинки. Babet горько заплакала, прижавъ головою къ ея плечу.

— Полно, тетя, сказала Маня.—Мы скоро увидимся; ты непременно прїѣзжай завтра.

— Прїѣду, прїѣду, голубчикъ!—и она тихонько крестила Маню.

— Dieu vous garde, mon enfant, сказала молодая баронеса, обнимая Маню.—Этотъ букетъ прислалъ вамъ Воля; ужасно просился со мною, но боялась взять, такой холодъ. Смотри, отдай эти цвѣты хорошенькой барышнѣ, все кричалъ онъ, когда я уходила.

Маня взяла букетъ мальчика, а свой отдала Варварѣ Васильевнѣ.

— Второй звонокъ, сказалъ Павловъ, подавая руку женѣ.—Пора садиться.

Когда поѣздъ тронулся, Babet еще долго стояла на платформѣ, провожая глазами быстро удаляющійся поѣздъ; слезы катились у нея изъ глазъ и падали на букетъ Мани. Листочки розъ такъ и сыпались на ея черное пальто, и на платформу, а пронзительный, холодный вѣтеръ, врываясь на дебаркадеръ, съ какимъ-то злорадствомъ трепалъ и цвѣты, и вуаль на ея шляпѣ, а она все стояла неподвижно, смотря на дымъ, который стлался по рельсамъ.

— Тетя Варя! раздался подлѣ нея мягкій, женскій голосъ. Она обернулась, передъ нею стояла молодая баронеса.

— Я васъ ни за что не отпущу домой одну, поѣдьте во мнѣ.

— Нѣтъ, не могу, голубчикъ, право не могу; когда я такая то мнѣ всегда лучше оставаться одной; я вѣдь не привыкла, чтобы за мною ухаживали. И она грустно улыбнулась.

Возвратясь домой, въ свою опустѣлую квартиру, Варвара Васильевна почувствовала однако такой приливъ тоски, что пожалѣла, зачѣмъ не воспользовалась приглашеніемъ Китти. Ей казалось, что она не могла бы больше страдать, если-бы похоронила свою Маню. Напрасно повторяла она себѣ, что ея тоска — ребячество, что завтра она поѣдетъ въ Павловскъ и увидитъ Маню; что-то говорило ей, что теперь между ея дѣтищемъ и ею легла пропасть и что Маня очутилась за какою-то стѣною, куда она никогда не будетъ въ состояніи проникнуть. Она то ходила по комнатѣ, то садилась у окна. Бѣлая, безвѣздная, холодная ночь окутывала городъ, словно саваномъ. Было такъ свѣтло, что можно было читать. Кругомъ было тихо, какъ въ могилѣ, только съ улицы доносился стукъ запоздалыхъ экипажей. При этомъ бѣломъ свѣтѣ она ясно различала узенькую кровать Мани у стѣны; но эта кровать теперь была пуста и ей все казалось, что Маня навсегда ушла отъ нея.

IV.

Варвара Васильевна принадлежала къ семейству неудачниковъ; ея желанія никогда не сбывались, даже когда онѣ были самыхъ скромныхъ размѣровъ и казались легко осуществимыми. На другой день, въ то самое время, когда она собиралась ѣхать въ Павловскъ, она получила телеграмму изъ Загорья, въ которой ее увѣдомляли о внезапной болѣзни ея старшаго брата, Ивана Васильевича, и о его желаніи ее видѣть. Въ телеграммѣ даже говорилось, что отъ ея приѣзда зависятъ распоряженія Ивана Васильевича на счетъ ея самой. На послѣднее извѣстіе Варвара Васильевна не обратила никакого вниманія, потому что никогда не рассчитывала на наслѣдство послѣ брата, и рѣшилась ѣхать только потому, что считала своею обязанностью не оставлять одинокого, больнаго брата на рукахъ прислуги. Она телеграфировала Манѣ, что уѣзжаетъ въ Загорье, на неопредѣленное время, и просила ее какъ можно скорѣе написать къ ней. Сборы ея были недолгіе и въ три часа дня она уже садилась въ вагонъ втораго класса на николаевской желѣзной дорогѣ. Погода все стояла холодная, совершенно майская. По

обѣимъ сторонамъ желѣзной дороги мелькали то огороды, со взрытыми и приготовленными грядами, то жалкіе лѣсочки. Въ канавахъ и низкихъ мѣстахъ еще лежалъ снѣгъ.

«Какъ должно быть холодно въ Павловскѣ», думала Vabet, глядя на черныя, грязныя поля, гдѣ не было замѣтно ни малѣйшаго признака растительности, и на жалкіе лѣсочки, съ совершенно голыми деревьями,—кое-гдѣ, изъ-подъ прошлогодней, пожелтѣвшей травы выглядывали новые зеленые ростки, да на пригоркахъ, пригрѣтыхъ солнцемъ, желтѣли ярутка и одуванчики. Чѣмъ дальше поѣздъ уходилъ отъ Петербурга, тѣмъ снѣгъ въ лощинахъ и канавахъ показывался рѣже, а около Твери, на станціи, гдѣ Варвара Васильевна вышла изъ вагона, чтобы пересѣсть на другую желѣзную дорогу, снѣга не было видно нигдѣ, и наступившая ночь была уже не такая свѣтлая и бѣлая, какъ въ Петербургѣ. Она должна была ждать отхода поѣзда на станціи. Станція была совсѣмъ новая и поэтому еще довольно чистая. Въ первой комнатѣ стоялъ длинный столъ, покрытый, какъ всегда, грязною скатертью, и на немъ по срединѣ жалкая драцена съ пожелтѣвшими листьями, окруженная бутылками, графинами и стаканами. Справа, за прилавкомъ, стоялъ сонный лакей, а на прилавкѣ—чашки, чайники, неизмѣнные полусухіе бутерброды съ горькимъ масломъ, водки всевозможныхъ цвѣтовъ и апельсины. Vabet спросила себѣ чаю и долго ждала его, потому что не было горячей воды.

Она очень давно не бывала въ Загорѣ; въ ея время еще не существовало желѣзной дороги въ городъ N и обыкновенно со станціи она съ матерью ѣхала домой, въ огромной, четырехмѣстной и очень высокой каретѣ, на круглыхъ ресорахъ, обитой внутри желтымъ сафьяномъ и коричневымъ сукномъ; на дверцахъ домашнимъ живописцемъ были намалеваны огромные гербы. Братья называли эту карету лафетомъ, за ея непомѣрную тяжесть. Василій Алексѣевичъ приказывалъ, когда ѣздили на своихъ, запрягать въ эту чудовищную карету по пяти и даже шести лошадей рядомъ, находя что ѣзда съ фореиторомъ тяжела для лошадей, потому что везутъ только четыре коренныя лошади. Анна Михайловна всегда была недовольна этимъ распоряженіемъ, находя, что это смѣшно, а главное нигдѣ и никогда не дѣлается.

Всѣ эти мелкія, пустыя подробности изъ давно прошедшей жизни приходили теперь на память Vabet, при видѣ знакомыхъ мѣстъ, не смотря, что все кругомъ ее такъ измѣнилось, что

она едва узнавала ихъ. Шоссе, по которому прежде ѣздили, было всторонѣ отъ станціи; его не было видно съ платформы, и передъ ея глазами, когда она выходила на нее, тянулись въ обѣ стороны рельсы, теряшіеся въ сумракѣ весенней ночи. Все было тихо кругомъ, только надъ ея головою, какъ отдаленный звонъ, гудѣла телеграфная проволока, да гдѣ-то, недалеко, кричала пѣтухъ.

На разсвѣтѣ она уже ѣхала по желѣзной дорогѣ въ N... Солнце стояло еще низко на горизонтѣ, и его яркіе лучи прямо били въ окно вагона. Она пересѣла въ другому окну и опять всматривалась въ знакомую мѣстность, но мѣстность была тоже неузнаваема. Желѣзная дорога шла точно по опустошенному краю. Мелькали, правда, вдаль тѣ же деревни и села, но кругомъ ихъ все было голо, не стало знакомыхъ лѣсовъ и роцей; ей казалось, что даже сады, окружавшіе многіе села, порѣдѣли и даже совсѣмъ исчезли. Наконецъ, вдаль на горизонтѣ вырѣзались дома и церкви города. «А онъ все такой же», думала она, глядя на широко раскинувшійся, старинный городъ, котораго церкви ярко бѣлѣли, освѣщенные солнцемъ.

Поѣздъ уменьшалъ ходъ и скоро остановился у платформы городской станціи. Первое лицо, встрѣтившее ее при выходѣ изъ вагона, былъ кучеръ ея брата, котораго она сейчасъ же узнала, не смотря, что не видала его около 20 лѣтъ. Онъ все былъ такой же маленькій, съ такими же темными, совсѣмъ не посѣдѣвшими волосами, остриженными въ кружокъ, и съ бритымъ, морщинистымъ лицомъ стараго солдата, такъ какъ въ молодости онъ былъ деньщикомъ у Ивана Васильевича.

— А, Данила! здравствуй, сказала Варвара Васильевна.

— Здравія желаю, барышня, какъ это вы меня признали? отвѣчалъ тотъ, принимая изъ ея рукъ пледъ и дорожный мѣшокъ.

— Да ты нисколько не перемѣнился, все такой же.

— Нѣтъ, старъ становлюсь, старъ, отвѣчалъ Данила, поспѣшая, въ своихъ валенкахъ, бойкими, маленькими шажками за барышней. — Слышу плохо и безъ очковъ не вижу, а то ничего, четверкой и теперъ справлю.

— А какъ здоровье Ивана Васильевича?

— Барина-то? ничего, слава Богу!

— Какъ ничего? Варвара Васильевна даже остановилась отъ удивленія. — Какъ же мнѣ телеграфировали, что онъ очень боленъ?

— Очѣнно они мнительны, я вамъ доложу; это все отъ ихней мнительности; прихворнули маленько и ужь испужались.

Babet сдѣлалось даже досадно при мысли, что эта глупая мнительность брата помѣшала ей ѣхать къ Магѣ. «Вотъ я всегда такъ, думала она, идя къ гарантасу и упрекая себя въ этой невольной досадѣ,—всегда забываю слова Талейрана: *qu'il faut se defier de son premier mouvement, parce qu'il est toujours bon*».

V.

Въ Загорьѣ встрѣтилъ Babet на крыльцѣ самъ Иванъ Васильевичъ. Онъ тоже мало перемѣнился. Сѣдыхъ волосъ у него было меньше, чѣмъ у сестры, и казалось, что на немъ былъ тотъ же самый, сѣрый пиджакъ, что и 5 лѣтъ тому назадъ, когда онъ прїѣзжалъ въ Петербургъ. Иванъ Васильевичъ сдѣлался совершеннымъ провинціаломъ; дальше Загорья и города N... для него казалось ничего не существовало; никакихъ интересовъ, хотя и въ мѣстныхъ интересахъ онъ не принималъ никакого участія, потому что совершенно индифферентно и даже недружелюбно относился и къ земству, и къ мировому суду. По выборамъ онъ не служилъ и даже не былъ гласнымъ, находя, что все это пустяки. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи; но, выйдя въ отставку еще при жизни отца, когда тотъ переѣхалъ въ Петербургъ, никогда съ тѣхъ поръ не выѣзжалъ изъ Загорья, и до того облѣнился и опустился, что изъ франта офицера сороковыхъ годовъ превратился въ брюзглаго, неопрятнаго помѣщика, которому было даже лѣнь мѣнять грязную сорочку на чистую. Варвара Васильевна не узнала дома въ Загорьѣ, такимъ онъ показался ей ветхимъ и запущеннымъ; парадную, широкую лѣстницу, когда-то покрытую ковромъ, казалось, не мели съ самаго свѣтлаго праздника. На ступенькахъ видны были грязные слѣды собакъ, которыхъ было множество у Ивана Васильевича, наслѣдовавшаго отъ отца страсть къ охотѣ. Видно было, что эти собаки дальше крыльца нигде не ходили, особенно въ дурную погоду. Дверь въ переднюю, когда-то выкрашенная въ бѣлую краску, была до того грязна, что до нее противно было дотронуться.

Въ передней, почти пустой и перегороженной на двое старыми, рваными ширмами, было такъ же грязно, какъ и на

лѣстницѣ, и къ этому присоединился убійственный запахъ сквернаго табаку, грязныхъ сапогъ и еще чего-то хуже. На всѣ эти прелести своего жилища Иванъ Васильевичъ, казалось, не обращалъ никакого вниманія и воображалъ, что онъ живетъ такъ же хорошо, какъ жилъ его отецъ. Онъ очень гордился своимъ большимъ, каменнымъ домомъ. Впрочемъ, гдѣ ему было замѣчать такія мелочи; онъ самъ былъ одѣтъ немного чище своего лакея, угреватаго мальчишки, который помогъ Варварѣ Васильевнѣ выйти изъ тарантаса. У Vabetъ сжалось сердце, когда она вошла въ большую, высокую залу, когда-то съ хорами, гдѣ при ея отцѣ игралъ вѣрнопостной оркестръ. Хоры сняли, бѣлые обои съ золотомъ висѣли лохмотьями, особенно у печки, и вся мебель въ этой огромной комнатѣ состояла изъ трехъ дюжинъ гнутыхъ стульевъ, тоскливо лѣпившихся по стѣнамъ, двухъ ломберныхъ столиковъ и стараго, исцарапаннаго рояля, до того покрытаго пылью, что даже трудно было различить, изъ какого дерева онъ сдѣланъ. Пять огромныхъ оконъ, съ выгорѣвшими, грязными стеклами, выходили въ большой садъ, гдѣ въ настоящее время были еще только одни голые прутья.

— Ну спасибо, что пріѣхала, говорилъ Иванъ Васильевичъ, приведя сестру въ гостиную, гдѣ была та же мебель въ чехлахъ, чтѣ и при родителяхъ. Обои въ этой комнатѣ были немножко почище; видно было, что въ ней никогда не сидѣли, потому что ничто не обличало въ ней признака жизни.

— Не хочешь ли чего съ дороги, чаю или кофе? спросилъ онъ.

— Чаю, если можно, отвѣчала Vabet.

— Отчего-жъ нельзя, все можно!

Онъ вдругъ свистнулъ такъ пронзительно, что Vabet вздрогнула. На свистъ явился угреватый мальчишка.

— Скажи Матренѣ Ивановнѣ, чтобы чаю намъ дала. Да живѣе поворачивайся, слышишь!

Варвара Васильевна съ безпокойствомъ ждала появленія Матрены Ивановны и не рѣшалась взглянуть на брата, который самъ какъ-бы немножко сконфузился, потому что отвернулся отъ нея и забарабанилъ пальцами по столу.

— Ну что крестница? спросилъ, наконецъ, Иванъ Васильевичъ, — вышла замужъ?

— Какъ же, вышла; свадьба была третьяго дня. Вчера я собиралась къ ней ѣхать въ Павловскъ; какъ вдругъ получила твою телеграмму. Какъ теперь твое здоровье? ты, кажется, совсѣмъ поправился?

— Чуть было, матушка, не окачурился.

— Полно, что же такое съ тобою было? Повидимому, ты здоровъ.

— Вотъ пристала! Говорять тебѣ—худо было. Матреша увѣряетъ, что я обѣлся, да вретъ она все!

Въ это время растворились обѣ половинки дверей изъ кабинета Ивана Васильевича и въ нихъ показалась высокая, полная, красивая женщина, въ шумящемъ ситцевомъ платьѣ. Она несла на подносѣ чай и, поставивъ его на столъ передъ диваномъ, подошла къ Варварѣ Васильевнѣ и по старой привычкѣ хотѣла поцѣловать у нея руку, но та не дала руки и поцѣловала ее въ щеку.

— Матушка Варвара Васильевна, сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! сказала женщина пѣвучимъ, тоненькимъ голосомъ, который вовсе не шелъ къ ея массивной фигурѣ.— Ахъ, и постарѣли же вы! И она какъ-то жалостливо повачала головою.

— Ну кто же это говоритъ, дура! грубо замѣтилъ Иванъ Васильевичъ.

— А отчего-жъ и не сказать? Вы все съ вашимъ модамъ, а мы по-просту; сами грибъ грибомъ, а все молодого разыгрываете.

Варвара Васильевна улыбнулась. Братнина метрѣса не производила на нее неприятнаго впечатлѣнія; она даже удивлялась, что нисколько не возмущается и не негодуетъ на ея присутствіе.

— Можете, Матреша, говорить сколько угодно о моей старости, сказала она,—я не обижаюсь, сама знаю, что стара.

— Вотъ люблю за это, молодецъ барышня! всегда были простые, да не гордые, продолжала Матрена Ивановна, безцеремонно усаживаясь подлѣ Vabet.— Выкушайте-ка чайку съ дорожки; сливки у насъ хорошия, не городскія; тамъ, въ Питерѣ, небось, всякую дрянъ подмѣшиваютъ. А опосля отдохнуть не угодно ли; я вамъ въ бывшей вашей комнатѣ приготовила, мы ее все дѣтской зовемъ. Я помню, какъ вы съ сестрицею вашею покойною въ этой дѣтской жили.

— Спасибо.

«Какъ времена-то переменчивы, думала Vabet,—эта Матрена Ивановна, бывшая Матрешка, когда-то дѣвчонка на побѣгушкахъ, помыкаемая даже горничными, теперь распоряжается и угощаетъ, какъ хозяйка, ее, барышню, сестру хозяина и дочь старыхъ господъ этого дома, и что всего удивительнѣе, она не

только этимъ не возмущается, но даже принимаетъ это гостеприимство съ благодарностью».

Не знаемъ, думалъ ли тоже самое Иванъ Васильевичъ, но въ разговоръ онъ не вмѣшивался и ходилъ, посвистывая, взадъ и впередъ по гостиной.

— Вы тутъ разговаривайте, сказалъ онъ, наконецъ, подходя къ двумъ женщинамъ,—а я пойду рыбу удить.

И онъ опять свистнулъ. Вавѣ опять вздрогнула, а Матрена Ивановна громко расхохоталась.

— Ишь свистить, сказала она,—что твой паровозъ! Ижно сестрицу испугалъ, а мы привыкли.

— Сенька! закричалъ Иванъ Васильевичъ явившемуся на зовъ мальчишкѣ,—удочку подай, червяковъ накопи и маршъ за мной на прудъ! И Иванъ Васильевичъ, кивнувъ головою сестрѣ, исчезъ съ своимъ слугою.

— И это цѣльный день такъ, сказала Матреша, глядя въ окно на своего, шагавшаго по саду, сожителя:—либо рыбу удить, либо на охотѣ пропадаетъ, палецъ о палецъ не ударить; все у насъ прахомъ идетъ, все валится, а ужъ хозяйство и не приведи Богъ какое! у самаго, кажись, послѣдняго мужиченки рожъ лучше нашего родится, ей Богу!

— А вы, Матреша, не хозяйничаете? спросила Варвара Васильевна.

— Гдѣ тутъ хозяйничать! Развѣ отъ него добыешься какого толку? Даже обижается, если я на скотный дворъ пойду. «Не твое дѣло, скажетъ,—сиди!» А какое мое дѣло—и самъ толкомъ не знаетъ. Глупые его рассказы слушать, да когда боленъ, растирать его виномъ съ уксуомъ,—вотъ и всѣхъ дѣловъ-то.

— Неужели же Иванъ Васильевичъ не скучаетъ такъ жить?

— Онъ? Да ни капелюу! Что ему, облѣнившись совсѣмъ! Ни чтобы онъ почиталъ когда нибудь книжку какую,—газету то, такъ и ту недѣлю цѣльную читаетъ. Все утро удить до самаго обѣда; зимою, или когда погода дурная, такъ на билиардѣ шары катаетъ, съ Сенькой играетъ; заставляетъ того подѣ билиардъ лазить, когда проигратъ, или воду графинами пить, а самъ-то хохочетъ, заливается. Я слушаю, слушаю, ажъ тоска возьметъ, плюну, да и уйду въ свою горницу; такъ вѣдь не любить, сейчасъ и начнетъ кричать: «Матреша! а Матреша! подѣ сюда!—это онъ нарочно дуракомъ представляется—ты чего, сударка, надулась?» Да вотъ такъ и хороводимся цѣльный день.

— А бываетъ у васъ кто нибудь?

— Бываютъ гости, да рѣдко; только настоящіе господа не ѣздятъ, а все какіе-то голоштанніе.

— Какъ голоштанніе?

— Это я ихъ такъ зову; всякая шушера изъ города. Онъ такихъ любитъ, бахвалится передъ ними, рассказываетъ, какъ онъ, когда въ гвардіи служилъ, такъ все во дворцѣ съ великими княгинями танцевалъ, какъ тамъ въ лагерѣ, что-ль, государь съ нимъ разговаривалъ и хвалилъ, что лучше его офицера будто нѣтъ; или начнетъ говорить, какъ онъ въ нѣметчинѣ у всякихъ принцовъ бывалъ... Такъ ужъ онъ мнѣ надоѣлъ всѣми этими анекдотами, да и гостямъ-то разъ по двадцати ихъ рассказывалъ, а они все слушаютъ, точно въ первой; выпьютъ у насъ всю водку, а потомъ надъ нимъ же смѣются. Говорятъ, приставъ такъ его представляетъ, что помереть отъ смѣха можно. Да вы меня прогоните, если я вамъ надоѣла своими рассказами, сказала, наконецъ, Матреша, вставая.— Вы, я думаю, уставши съ дороги-то?

— Да, я точно устала, отвѣчала Vabet, которая теперь только вспомнила, что она не спала двѣ ночи.

VI.

Комната, назначенная Варварѣ Васильевнѣ и называвшаяся дѣтскою, была точно та самая, въ которой она жила съ сестрою. Не смотря на старанія Матрешы, въ этой комнатѣ, гдѣ никто давно не жилъ, пахло сыростью и затхлою плѣсенью. Въ углахъ была паутина, которую не подумали смести; мебель была та же самая, что и 25 лѣтъ тому назадъ: тотъ же большой, краснаго дерева туалетъ, на тоненькихъ точеныхъ ножкахъ, со множествомъ ящичковъ; передъ туалетомъ та же табуретка въ стилѣ имперіи, т. е. въ формѣ греческаго сѣдалища; а въ углу, у окна, старое бюро или шифоньеръ, какъ ихъ тогда называли. На нее точно пахло прежнею, давно забытою жизнью. У той самой стѣны, гдѣ теперь стояла кровать, отгороженная ширмами краснаго дерева, обтянутыми вверху, между палочекъ, полинявшею зеленою тафтою, стояла кровать ея покойной сестры, кажется та же самая, карельской березы, со спинкою, какъ у дивана, отгороженная тѣми же ширмами, только тафта тогда была не линючая. Она вспомнила, какъ больная, незадолго до смерти, просила отодвинуть эти ширмы,

такъ какъ онѣ закрывали ей окна, а ей все хотѣлось смотрѣть на зеленныя деревья сада и на свѣтлое, лѣтнее небо. Сколько бессонныхъ ночей провела Babet, сидя на этомъ самомъ низенькомъ креслѣ у окна и прислушиваясь къ кашлю и стонамъ больной. Какое это было тяжелое время, а между тѣмъ, сравнивая его съ настоящимъ, оно казалось ей почти счастливымъ. Тогда была молодость, тогда было будущее и, глядя тогда на темныя липовыя аллеи, видѣвшіяся изъ окна, ей казалось, что тамъ, далеко, за предѣлами скучнаго, постылаго Загорья, ее ждетъ другая жизнь, а можетъ быть и любовь, и счастье... Не сбылась ни одна изъ надеждъ молодости, и теперь, состарѣвшись, измученную и изломанную жизнь, ее все еще не прибило къ берегу, все еще не насталъ для нея покой, потому что тамъ, далеко, за предѣлами этого сада, она оставила дорогое существо, за участь котораго такъ мучительно ноетъ теперь ее сердце. Ей стало невыразимо тоскливо въ этой старой, запущенной комнатѣ, точно полной призраковъ, полной смерти. Она подошла къ окну и отворила его. Погода перемѣнилась. Шелъ крупный, теплый, весенній дождь, пахло мокрою землею и талымъ листомъ, а на небѣ, еще заволакиваемомъ тучами, уже синѣли большіе просвѣты. Передъ самыми окнами былъ запущенный фруктовый садъ. Огромные кусты черной смородины уже покрылись душистыми, зелеными почками. Цвѣты между грядками уцѣлѣвшія кое-гдѣ вишни, и бѣлыя лепестки, разлетаясь, падали на мокрую, черную землю и загложшія дорожки. Варвара Васильевна, у которой кружилась голова отъ затхлаго воздуха комнаты, всею грудью вдыхала въ себя влажный весенній воздухъ, весь пропитанный какими-то живительными испареніями.

«Будетъ хорошая погода», подумала она, глядя на голубые просвѣты на небѣ, и невольно улыбулась, вспомнивъ слова своей няньки, чопорной нѣмки, которая всегда говорила, что только тогда можно ждать хорошей погоды, когда на небѣ достаточно видно голубаго, чтобы изъ него скрыть панталоны.

Не смотря на то, что она не спала двѣ ночи и подъ этимъ предлогомъ отослала Матрешу, она не могла рѣшиться лечь на эту кровать, которая такъ живо напоминала ей смерть сестры. Къ тому же безпокойство и тревога о Мани росли съ каждою минутою; она рассчитала, когда Маня получитъ ее телеграмму; но когда она будетъ отвѣчать на нее телеграфою же или письмомъ, этого она сама не знала, и ей казалось, что она не въ силахъ ждать извѣстія еще дня три или четыре.

Желая чѣмъ нибудь развлечься, она вздумала уложить свои вещи въ старый шифоньеръ. Ключъ былъ въ верхней доскѣ; она открыла ее и сама была не рада. По всему было видно, что этотъ шифоньеръ всегда оставался замкнутымъ, потому что въ немъ все находилось въ томъ же порядкѣ, какъ въ то время, когда она оставила Загорье. Тяжело всегда видѣть, какъ неодушевленные и совершенно пустые предметы переживаютъ людей. Въ одномъ изъ ящичковъ она нашла изломанныя ножницы сестры, катушку нитокъ, маленькую перламутровую звѣздочку и на ней нѣсколько ниточекъ краснаго шелка, тутъ же лежала начатая работа—городки по кисеѣ гладью. Въ другомъ ящикѣ были совсѣмъ запылившіеся фальшивые цвѣты и черное перышко, до того сѣдненное молью, что оно разлетѣлось пылью, какъ только она его тронула; тутъ же лежалъ старый кожаный портмоне и въ немъ двойной орѣхъ и двойной колосъ, положенные на счастье, чтобы водились деньги. Орѣшекъ былъ невредимъ, но въ колосѣ остались однѣ только перья. Наконецъ, въ третьемъ ящикѣ, въ массѣ всякихъ записокъ и счетовъ, лежала маленькая записная книжка въ голубой обложкѣ. Барбара Васильевна чуть не вскрикнула отъ радости, найдя эту книжку; она считала ее потерянною и вдругъ неожиданно нашла послѣ 25-ти лѣтъ. Въ этой книжкѣ ее покойная сестра Людмила записывала любимыя мѣста изъ прочитанныхъ книгъ и разныя отдѣльныя мысли, которыя приходили ей въ голову. Альбомы нашихъ бабушекъ въ то время уже выходили изъ моды и замѣнялись книжками, въ которыя записывались разныя *renées détachées*. У кого изъ интеллигентныхъ людей того времени не было такой завѣтной книжки? Babet сѣла у письменнаго стола, того самаго неуклюжаго, краснаго дерева стола, обитаго зеленымъ сафьяномъ, на которомъ 35 лѣтъ тому назадъ писала ее сестра. Ничто такъ живо не напоминаетъ человѣка, какъ его почеркъ. Передъ нею, какъ живая, воскресла ее сестра, высокая, худая, со впалкою, чакоточною грудью и темными волосами, сложенными на затылкѣ въ одну толстую косу, которая казалась слишкомъ тяжелою для ее маленькой головы,—точно смотрѣли опять на нее ее темные, грустные и строгіе глаза.

На первой страницѣ книжки, въ голубой оберткѣ, стояло написанное, неправильнымъ, нервнымъ почеркомъ: «*Souvenirs et renées*», а подъ ними 1842 г.

«Господи, какъ это давно, подумала Babet,—въ то время я была еще маленькая».

«*Pu a des paroles, qui doivent être prononcées, читала она дальше,—si non, elles vous étouffent*».

«Какая экзальтация, подумала она невольно, — и какие это такие paroles?»

Дальше стояло, «состояніе моего духа необыкновенное, его можно назвать... но къ чему названіе?»

Она невольно улыбнулась; было время, когда всё эти изрѣченія казались ей очень глубокими и оригинальными. Теперь она даже не помнила, чье это изрѣченіе, — самой сестры, или написано откуда нибудь; всё писали тогда въ этомъ родѣ. Дальше стояло:

«Сколько лѣтъ бесполезно, безумно потерянныхъ, сколько погибшихъ надеждъ, сколько утраченныхъ вѣрованій», и подъ этимъ подпись: «7 января 1843 г.».

«Нѣтъ, все не то, думала она, перелистывая книжку, — а я убѣждена, что она точно страдала, когда писала все это; но зачѣмъ это связано такъ витіевато и потому отдастъ какою-то фальшью».

Барвара Васильевна искала въ «старой книжкѣ» какого нибудь яснаго указанія обстоятельства или характера того времени, когда писались эти отрывки, и ничего не находила; всё эти русскія, и въ большинствѣ французскія мысли и изрѣченія носили характеръ какой-то отвлеченной, ничѣмъ необъяснимой грусти, отчаянія и разочарованія. Но гдѣ причина этой грусти? что такое дурно? объ этомъ ничего не говорилось. Тогда Babet стала искать въ нихъ чего нибудь похожего на свои собственныя страданія, горести и мысли; но и этого не было. Все происходило въ какихъ-то отвлеченныхъ сферахъ, гдѣ страдали не настоящіе люди, а какія-то Леліи.

«Какъ это скучно», думала она, перелистывая книжку.

А между тѣмъ, та, которая писала эти возвышенныя жалобы, точно страдала и даже умерла, вслѣдствіе ненормальности своей жизни; но она ни разу не проговаривалась о мрачныхъ, хотя и обыденныхъ событіяхъ того времени, и единственный крикъ негодованія, который вырвался у нея, при видѣ совершавшагося, вылился въ слѣдующей сантиментальной; формѣ: «Братья, бѣдные братья, кто освободитъ васъ, кто сниметъ проклятіе? гдѣ этотъ избранный?»

Она отложила голубую книжечку и, вынувъ портфель изъ своего дорожнаго мѣшка, принялась писать къ Манѣ.

VII.

Прошла недѣля, а Варвара Васильевна все не получала письма отъ Мани; совершенно измученная ожиданіями и неизвѣстностью, она какъ тѣнь скиталась по заглухшему парку и саду. Погода стояла хорошая, природа готовилась къ своему обычному пиру; быстро зеленѣли лужайки, распускались душистые тополи, поврывались березы молодыми листьями, пухли почки на старыхъ липахъ, составлявшихъ крытыя аллеи, которыя Иванъ Васильевичъ называлъ катакомбами. Матреша уже дѣлала мороженое изъ молоденькихъ листочковъ черной смородины и угощала имъ Варвару Васильевну; но та ни на что не обращала вниманія и постоянно лихорадочно ждала письма, которое не приходило.

— Ну, чего вы такъ мучаетесь, да беспокоитесь? говорила ей Матреша.— Машенькѣ вашей теперь не до васъ, съ мужемъ молодымъ небось и забыла про тетиньку.

— Нѣтъ, моя Маня не такая; либо она больна, либо ужъ я и не знаю что случилось, только что нибудь нехорошее.

— И таки ровнешонько ничего! Ахъ матушка, Варвара Васильевна, и безъ того въ жизни много горя, а вы еще его накликаете, когда ничего нѣтъ. Вотъ вы посмотрите на меня: даромъ что я такая толстая, да смѣшная, а столько у меня слезъ пролито, что кажись больше, чѣмъ воды въ прудѣ, гдѣ Иванъ Васильевичъ рыбу удить.

— Вотъ никогда не думала, глядя на васъ, такая вы всегда веселая, да спокойная.

— Знаете пословицу: «чужую бѣду на бобахъ разведу», это я такъ къ слову сказала, гдѣ-же вамъ знать мои бѣды. Было у меня четверо дѣтей, хоть побочныя, а все матери дороги, можетъ еще дороже законныхъ; жалко ужъ ихъ очень, за родительскіе грѣхи терпятъ, а вотъ теперь какъ персть одна... и Матреша отвернулась, чтобы скрыть свои слезы.

— Неужто всѣ умерли? спросила съ участіемъ Варвара Васильевна.

— Легче бы мнѣ было, если-бы померли, а то о троихъ и не знаю, живы ли? что съ ними?

— Какъ не знаете?

— Всѣ трое въ воспитательномъ домѣ, проговорила Матреша.— Богъ судья Ивану Васильевичу, отдалъ туда, не жалѣлъ свою кровь. Вотъ, видите, была я совсѣмъ молоденькая,

когда съ нимъ сошлась, крѣпостная еще тогда была... ну извѣстно баринъ, нашей сестрѣ даже и лестно казалось въ то время. Забеременѣла я. Господи Боже мой! что страху, что слезъ-то было! Папенька вашъ покойный, сами знаете, какую жизнь велъ, а въ людямъ былъ очень строгъ: Иванъ Васильевичъ тогда въ отпуску были и хотъ офицеръ, а смерть какъ отца боялся; если-бы старый баринъ про это узналъ, то его сейчасъ же бы изъ дома выгналъ, а меня бы за самого послѣдняго мужика замужъ выдалъ, да еще косу бы остригъ. Что тутъ дѣлать? Таилась я, какъ могла, сколько разъ нарочно съ лѣстницы валялась, чтобы вывинуть, ничто не брало; наконецъ родила въ холодной клѣтушкѣ у солдатки. Тошнехонько мнѣ было, а не кричала; всѣ руки себѣ искусала, а не крикнула. Въ тотъ же день встала, да черезъ силу въ горницу приволоклась. Я была тогда на побѣгушкахъ у горничной вашей сестрицы, Людмилы Васильевны; въ ту пору они были ужъ безъ всякой надежды. Помню, какъ вы за ними ходили; меня хотъ и часто видали, но, конечно, вамъ и не въ domeвъ было, отчего Матрешка такая блѣдная. А ребенка-то тѣмъ временемъ солдатка въ Москву въ воспитательный домъ отвезла. Горько мнѣ было, узнавши это; я хотъ и кляла его, ребенка-то, пока тяжелая ходила, а теперь такъ онъ мнѣ дорогъ сталъ, такъ дорогъ, что я выла, выла какъ шальная; плакать-то, конечно, при другихъ не смѣла, а вотъ уйду куда нибудь въ садъ подальше и реву тамъ. Разъ увидела Дуняшка, горничная-то вашей сестрицы, такъ изругала меня на чемъ свѣтъ стоитъ: «это ты, говоритъ, поскуда, замѣсто того, чтобы барышнину комнату прибирать о своемъ... тутъ она худое слово сказала, Варвара Васильевна—ревѣшь; вотъ какъ я тебя за волосы отгаскаю, такъ забудешь у меня ревѣть». Вотъ, наконецъ, и воля пришла; сестрица ваша ужъ тогда померши была, полно и Дуняшкѣ надо мною командовать. Старый баринъ тоже въ скоромъ времени скончались; вышелъ Иванъ Васильевичъ въ отставку, зажила я здѣсь при немъ барыней и опять забеременѣла; ну, думаю, хотъ этого-то растить буду... такъ, какъ бы вы думали: обманулъ онъ меня, увѣрилъ съ бабкой, что ребенокъ мертвый родился, и опять въ воспитательный свезли. Я, дура, повѣрила, очень я была больна послѣ родовъ; такъ вѣдь онъ и третьяго, такимъ же манеромъ у меня укралъ. Этотъ разъ знала, что живой родился, я и въ ногахъ-то у Ивана Васильевича валялась, и грозилась, что судомъ пойду на него: «иди, говоритъ, кто-то тебя дуру послушаетъ». Отцы родные!.. ужъ и намучилась же я, горькая... кабы не страшно, да грѣха

не боялась, давно въ прудѣ была бы. Такъ ужь за то, какъ четвертаго родила, дѣвочка была, тоже Машенька, какъ и ваша, такъ ужь я отъ нея ни на одну минуточку не отходила; говорю Ивану Васильевичу: «хоть убей меня, а ребенка не отдай». Такъ, какъ бы вы думали, выгналъ меня изъ дома и съ дѣвочкой; долго я тутъ на деревнѣ у одной моей тетки, *содуродной*, жила; бѣдная, пребѣдная была, а не покинула меня, приютила. Много натерпѣлась я у нея нужды, а не поддалась. Сколько разъ присылалъ за мною: «говорить, отдай ребенка въ воспитательный, будешь жить у меня на прежнемъ положеніи, а не то околѣешь съ голоду». Я куда! и слушать ничего не хотѣла. Старостиху присылалъ, такъ я ее въ зашей выгнала.

— Но чѣмъ же вы жили, бѣдная вы моя? спросила Babet, тронутая до слезъ этимъ безхитростнымъ разсказомъ, — вѣдь крестьянской работы вы, конечно, не знали?

— Рубашки толстыя шила на продажу въ городъ, теткѣ помогала, за хлѣбъ за соль, корову убирала, да доила, печку топила, извѣстно, какая моя работа; на барскомъ дворѣ жила, ничего не умѣла, только, прости Господи, помои выливала, да на побѣгушкахъ была. Машенькѣ моей ужь три года сполнилось, и дѣвочка такая хорошенькая была, одежда только на ней ужь извѣстно какая—рваный сарафанишка. Нанялась я лѣтомъ полоть барскій огородъ, все-жъ хоть ребенка на булочку заработаю; знаю, что Иванъ Васильевичъ туда никогда не ходитъ; завязалась и дѣвочка со мною. Вдругъ, смотрю, идетъ баринъ, я ажно вся затряслась. Подошелъ ко мнѣ, спрашиваетъ:

— Твоя дѣвочка?

— Моя, говорю?

— Что она такая, говоритъ, грязная?

— Да вотъ рылась тутъ въ землѣ, говорю, такъ и запачкалась.

— Ничего, дѣвочка славная, вся въ меня, сказываетъ. Я молчу, а у самой сердце такъ и стучить. Молчить и онъ.

— Ну, Матреша, говоритъ наконецъ, полно сердиться, дай помиримся, приходи сегодня въ горницы и Машеньку приведи, а у тебя ее не отыму, всегда при тебѣ будетъ.

— Не обманете, говорю, Иванъ Васильевичъ?

— Вотъ тебѣ крестъ, и перекрестился.

Ну съ той поры мы и зажили опять по-прежнему, и какъ бы вы думали? полюбилъ онъ дочку, да такъ полюбилъ, что какъ она тутъ вскорѣ больна сдѣлалась, краснуха у нея была, такъ по ночамъ вставалъ, да приходилъ смотрѣть, не меньше

ли жарокъ у ней. Ужаси, какъ любилъ; самъ грамотѣ началъ учить, потомъ губернанку къ ней взылъ, хорошая такая дѣвушка была, смирная, безотвѣтная; только тѣмъ не хороша, что все зубамъ мучилась, да крѣпкія, прекрѣпкія папироски курила, а я дыму табачнаго терпѣть не могу. А какая моя дочка была хорошая, да занятная... такъ вотъ Богъ вѣку ей не далъ, видно за грѣхи мои тяжкіе наказать меня захотѣлъ. По 14 годочку померла моя Машенька, и умирала-то какъ, точно старецъ какой Божій, со всѣми прощалась, просила Ивана Васильевича меня не оставлять, обо всемъ подумала: гдѣ ее похоронить, въ чемъ. Какъ святая помирала. Ужъ про меня что и говорить, такъ всѣ-то кругомъ навзрыдъ плакали, на этакую кончину праведную гляючи.

Голосъ Матрешы вдругъ оборвался и она залилась горькими слезами. Молча, со слезами на глазахъ, смотрѣла Барвара Васильевна на это великое горе матери и не находила словъ для утѣшенія.

VIII.

Наконецъ, послѣ двухъ недѣль мучительнаго ожиданія, пришло письмо отъ Маня; но оно не принесло ни радости, ни утѣшенія Барварѣ Васильевнѣ, а только еще болѣе усилило ея тревогу. Вотъ что писала Маня:

«Не сердись на меня, дорогая, что я такъ долго не писала тебѣ, огорчать тебя не хотѣлось, а порадовать нечѣмъ, не знаю даже съ чего начать? Мы все живемъ Павловскѣ и живемъ скверно, т. е. скверно въ томъ отношеніи, что намъ рѣшительно нечѣмъ жить. Все, что говорилъ Павловъ о своихъ доходахъ, оказалось ложью, и мы едва перебиваемся тѣмъ ничтожнымъ жалованьемъ, которое онъ получаетъ. Признаюсь, этого я всего меньше ожидала, ты я думаю также... какія мы глупыя съ тобою, тетя. Я, понятно, въ хозяйство не вмѣшиваюсь. Степанъ Сергѣевичъ, или Стива какъ называютъ его въ семействѣ—неправда ли, какъ это имя идетъ къ этому уроду?—не велѣлъ кухаркѣ ни о чемъ меня спрашивать. Онъ все самъ дѣлаетъ, даже обѣдъ заказываетъ, на чтѣ я не знаю; но обѣдъ скверный, я, впрочемъ, ничего не ѣмъ. Не думай пожалуйста, тетя, что онъ мнѣ противенъ, потому что бѣденъ и не далъ мнѣ той жизни, которую обѣщалъ и на которую я рассчитывала; нѣтъ, я еще не такая гадкая, какъ думаетъ Катя. Если-бы онъ прямо и откровенно объяснилъ мнѣ свое положеніе, въ первый день нашей

свадьбы, хотя бы мнѣ это было бы неприятно, потому что счастью и сердце Стивы не находка, — я покорилась бы неизбежности и по крайней мѣрѣ не презирала, а жалѣла бы его, такъ какъ онъ все-таки увѣряетъ, что любить меня. Но онъ до сихъ поръ лжетъ, обманываетъ и, потихоньку отъ меня, закладываетъ мои вещи. Но это еще не все и не главное; если-бы ты могла представить, какой онъ противный, противный во всѣхъ отношеніяхъ, понимаешь ли, во всѣхъ... или можетъ быть, не смотря на твои годы, ты этого не понимаешь? Вѣдная теть, какъ мнѣ жаль тебя! гораздо больше, чѣмъ себя. Чтѣбы я ни сдѣлала, какимъ бы средствомъ ни вырвалась изъ настоящей моей жизни, ты все-таки будешь страдать; но пойми, что жить такъ, какъ я живу теперь, я не могу... какой нибудь выходъ неизбеженъ. Я напередъ знаю, что ты сважешь. Что это мой выборъ, что ты совѣтовала мнѣ не выходить замужъ; но что разъ замужемъ, я должна терпѣливо выносить всѣ лишенія, стараться имѣть хорошее вліяніе на мужа, стараться полюбить его и надѣяться, такъ какъ онъ еще молодъ, что наше матеріальное положеніе со временемъ улучшится. Можетъ быть, все это благоразумно, но невозможно. Стараться полюбить? Не любила я его никогда, а теперь онъ мнѣ противенъ, именно противенъ потому, что онъ мой мужъ. Я голоса его не могу слышать; я вздрагиваю отъ отвращенія, когда онъ ко мнѣ подходитъ. Все это покажется тебѣ непонятнымъ и преувеличеннымъ, я знаю; но не могу же я тебя обманывать и увѣрять, что я очень счастлива и люблю моего Стиву... гадость какая!.. Ты, впрочемъ, не очень волнуйся теть, вѣдь говорятъ же старые люди: перемелется, — мука будетъ. Главное, и не думай прѣзжать сюда, ничему не поможешь, только измучаешься и меня еще больше измучишь; если ужъ я очень стоскуюсь, то сама къ тебѣ прѣйду».

Можно себѣ представить, какъ это нескладное письмо Мани встревожило Варвару Васильевну. Она даже слегла въ постель отъ сильнаго нервнаго расстройства, но въ тотъ же день послала Манѣ свои послѣдніе 300 р., которые берегла на черный день; этою посылкою, она, какъ говорится, сжигала свои корабли, потому что поневолѣ должна была остаться на неопредѣленное время въ Загорьѣ, не имѣя въ настоящую минуту ни гроша, такъ какъ до зимы не могла получить проценты на свой маленькій капиталъ. Понятно, что она никому не повѣряла своего горя и отъ этого страдала вдвое. Матреша, видя безпокойство и волненіе Варвары Васильевны, хотя догадывалась, что причина

этому письмо Мани, но изъ деликатности, не подавала даже вида, что она что нибудь подозрѣваетъ, и только больше ухаживала за бѣдною барышнею, то подчуя ея вареньемъ, то предлагая ей лавровишневья капли изъ аптеки Ивана Васильевича, всегда снабженной въ изобиліи всевозможными лекарствами. Одинъ Иванъ Васильевичъ не замѣчалъ, какъ на его глазахъ таетъ отъ горя его сестра, какъ она является къ обѣду съ опухшими отъ слезъ глазами, какъ всякій разъ блѣднѣетъ, когда привозятъ газеты и письма изъ города, — и попрежнему свисталъ, удилъ, а въ дурную погоду игралъ на билиардѣ съ Сенькой. Если-бы Мани подумала о томъ, до какой степени ея письмо огорчитъ тетку, то вѣроятно не высказывалась бы такъ положительно и рѣзко о своемъ отвращеніи къ мужу; но когда же молодые люди, особенно такіе избалованные, какъ Мани, думаютъ объ этомъ. Въмѣсто того, чтобы отвѣчать на письмо Варвары Васильевны, наполненное прекрасными, но увы бесполезными совѣтами, она опять замолчала, не заботясь о безповойствѣ и мужѣ, причиняемыхъ ея молчаніемъ. Личныя тревоги Варвары Васильевны были такъ велики, что передъ ними какъ бы поблѣднѣли, и даже совершенно ступевались всѣ общественныя тревоги тѣхъ мучительныхъ годовъ, которые наступили послѣ послѣдней войны. Было время, когда Варвара Васильевна горячо принимала въ сердцу всѣ общественныя бѣдствія. Теперь, въ то время, когда Иванъ Васильевичъ читалъ въ газетахъ, то о покушеніяхъ, то о политическихъ процессахъ, она слушала до того разсѣяннo и повидимому равнодушно, что даже онъ удивлялся ея равнодушію, и говорилъ: «что бабы всегда такъ, только думаютъ о тряпкахъ, да о вздорахъ». Мутныя волны взбаломученнаго, соціальнаго моря уже выбрасывали на поверхность всевозможныхъ чудищъ; жалобно бились въ грозныхъ волнахъ, несчастные, которыхъ онѣ захватывали, и не чуяло сердце Варвары Васильевны, что скоро эти самыя волны унесутъ и то, что ей всего дороже.

IX.

Природа не обращаетъ вниманія на наши горести и тревоги; настаетъ обычное время, и она, вѣчно юная и вѣчно прекрасная, опять справляетъ свой жизне-радостный пиръ. Все зеленѣло, цвѣло, благоухало и любило въ Загорьѣ, какъ 20 и 30 лѣтъ тому назадъ. Такъ же ярко зеленѣли и блестяли на

солнцѣ высокія старыя березы въ парѣ; такъ же цвѣли липы, привлекая своимъ упонительнымъ запахомъ рои пчелъ; такъ же щебетали влюбленныя ласточки, строя на карнизѣ балкона свои гнѣзда, а розовые, огромные кусты въ цвѣтникахъ покрывались, хотя не такими крупными, но такими-же душистыми розами, какъ и въ старину; соловей, праправнукъ прежнихъ, пѣлъ ту же страстную, громкую пѣсню въ сиреневыхъ кустахъ у пруда, и тотъ-же мѣсяцъ заливалъ своимъ серебрянымъ свѣтомъ заглохшія дорожки и полусгнившую терасу дома. Ни одинъ листокъ не упалъ съ дерева при видѣ слезъ Варвары Васильевны, ни на одну минуту не замолчалъ соловей, когда, сидя на скамейкѣ у пруда, она горько рыдала, сознавая всю свою безпомощность. Наконецъ, пришло и второе письмо; оно было еще короче перваго, но Маня больше не жаловалась, ни слова не говорила ни о противномъ Стивѣ, ни о денежныхъ затрудненіяхъ, и совершенно неожиданно для Варвары Васильевны, такъ какъ это не было въ привычкахъ Мани, восхищалась Павловскою и писала, что ничего не можетъ быть прелестнѣе красной долины, въ теплые лѣтніе дни и вечера. Все письмо дышало не то что радостью, а какимъ-то нервнымъ возбужденіемъ, и вдругъ, въ концѣ письма, Маня какъ-бы вскользь упоминала, что Федя наконецъ отыскался, живетъ теперь въ Павловскѣ и собирается къ тетѣ Варѣ въ Загорье. У Варвары Васильевны, не смотря на беззаботный и даже веселый тонъ письма, сжалось сердце; ей показалось, что Маня что-то скрываетъ отъ нея и что-то недоговариваетъ. Но ее успокоила мысль, что Федя собирается въ Загорье; ее начинала пугать возможность его сближенія съ Маней; теперь она не хотѣла, чтобы они были вмѣстѣ. «Собирается сюда, твердила она, читая и перечитывая послѣднія строки письма, — ну и слава Богу, пусть погоститъ; ему тоже отдохнуть надо, а Маня можетъ быть и привыкнетъ къ мужу. Павловскъ уже начинаетъ ей нравиться». Бѣдная Vabet!.. Она такъ себя настроила и успокоила, что даже отправилась къ Ивану Васильевичу посмотрѣть, какъ онъ удитъ рыбу, и предупредить его, что къ нему скоро будетъ гость, молодой племянникъ Загорскій, котораго онъ давно не видалъ. Иванъ Васильевичъ, весь погруженный въ созерцаніе поплава, замахалъ руками при словахъ Варвары Васильевны, чтобы заставить ее замолчать. Въ эту минуту, какъ разъ наклеивался большой карась; за то потомъ, на радостяхъ что его вытащилъ, онъ выразился, что будетъ радъ приѣзду молодаго человѣка, если

онъ только охотникъ рыбу удить и умѣетъ играть на биліардѣ. Къ сожалѣнію, Варвара Васильевна ничего не знала о вкусахъ племянника, но отвѣчала наугадъ, что кажется Одея все это любитъ; тогда Иванъ Васильевичъ, передразнивъ ее кажется, попросилъ ее не мѣшать ему, прибавивъ, что если Одея Загорскій порядочный человѣкъ, то конечно все это любить.

X.

Несчастныя супружества имѣютъ то преимущество, что никогда не обманываютъ и всегда сдерживаютъ то, что обѣщали. Счастливое супружество вначалѣ, можетъ сдѣлаться впоследствии несчастнымъ; несчастное же превратится въ счастливое—никогда. Стерпится—слюбится, самая невѣрная изъ всѣхъ невѣрныхъ пословицъ; разлюбить очень легко, особенно въ молодости; полюбить же мужемъ того, кого не любишь женихомъ, невозможно. Только во французскихъ романахъ равнодушный и невѣрный мужъ дѣлается впоследствии нѣжнымъ и любящимъ; только въ тѣхъ же романахъ невѣрная жена или останавливается на краю гибели (точно фактъ имѣетъ какое-нибудь значеніе), или умираетъ отъ угрызенія совѣсти. Въ дѣйствительной, особенно въ русской жизни, этого никогда не бываетъ, хотя дѣйствительная жизнь изобилуетъ невѣрными мужьями и преступными женами, и въ тысячу разъ драматичнѣе любого романа; но дѣйствительная жизнь сложнѣе всякаго романа и трудно поддается анализу; въ ней нѣтъ ничего цѣльнаго, она всегда траги-комедія и потому Шопенгауеръ совершенно правъ, утверждая: «что жизнь всякаго отдѣльнаго человѣка, если, оставя въ сторонѣ ея цѣлое и общее, выставить однѣ значительнѣйшія черты,—собственно всегда трагедія; но, разобранная въ частности, она имѣетъ характеръ комедіи; заботы и муки дня, ежедневныя неудачи, при помощи случайности, вѣчно готовой на шутовскую продѣлку, все это сцены комедіи. Но никогда неисполняемыя желанія, тщетное стремленіе, немилосердно растоптанныя судьбою надежды, заблужденія всей жизни, съ возрастающими страданіями и смертью въ концѣ,—даютъ ей видъ трагедіи». Всѣ, начиная отъ Мани и кончая вухаркой Агафьей, кромѣ веселаго шафера конечно, потому что воробыи не разсуждаютъ, были убѣждены, что ничего хорошаго изъ этой свадьбы не будетъ, а между тѣмъ, всѣ хлопотали, чтобы она

совершилась, и непосредственно или косвенно, принимали въ этомъ участіе. Бисмаркъ говоритъ: «что глупость тоже даръ Божій, которымъ однако не надо злоупотреблять». Въ данномъ случаѣ, нельзя было привести даже и этого извиненія, потому что не всѣ же участвовавшіе были душевно-больные. Мы знаемъ, что заставило Маню рѣшиться на такую колоссальную глупость, какъ бракъ съ человѣкомъ, ей антипатичнымъ и къ тому же бѣднымъ. Причины же, заставившія Павлова жениться, были нѣсколько сложнѣе. Стива былъ изъ числа людей, которые въ ожиданіи будущихъ благъ прибѣгаютъ къ разнымъ, не совсѣмъ легальнымъ мѣрамъ; онъ былъ то, что французы называютъ *un chevalier d'industrie*, и Оеда Загорскій былъ правъ, назвавъ его мазурикомъ. Онъ и былъ мазурикъ, но мазурикъ увлекающійся. Взамѣнъ принциповъ, у него были громадныя апетиты и никакой возможности удовлетворять эти апетиты. Эти апетиты, всосанные имъ съ молокомъ матери, бравшей взятки во время службы мужа, еще больше развились въ немъ въ привилегированномъ заведеніи, отъ постоянного столкновенія съ товарищами, которые были гораздо его богаче. Въ заведеніи очень мало говорили о гражданскихъ доблестяхъ и очень много о мѣстахъ съ большимъ содержаніемъ, о блестящей карьерѣ и о томъ, кто шиварнѣе—Мина или Апаіа. Павловъ учился хорошо, не изъ любви къ наукѣ, не изъ желанія сдѣлаться полезнымъ членомъ общества, а единственно для того, чтобы получить скорѣе штатное мѣсто и, мало дѣлая, получать какъ можно больше. Хотя онъ кончилъ курсъ однимъ изъ первыхъ, но надежды его не оправдались и штатнаго мѣста ему долго не давали, а когда и дали, то онъ увидалъ, что его содержанія не хватитъ ему даже на перчатки. Что дѣлать? Папенька, хотя когда-то много получалъ, но за то много и проживалъ и почти ничего не давалъ сыну. Вотъ тутъ и началъ Стива перебиваться: въ одномъ мѣстѣ займетъ и не отдастъ; займетъ въ другомъ и отдастъ половину того, что долженъ; наберетъ въ магазинѣ нѣсколько паръ часовъ въ долгъ и потомъ продаетъ ихъ съ барышемъ прежнимъ товарищамъ, подъ видомъ наслѣдства, полученнаго отъ чудака дяди, любителя коллекцій. Разъ онъ даже купилъ на Апраксиномъ какія-то жалкія картины и тоже вздумалъ продавать ихъ, какъ доставшіяся отъ того-же дяди; но тутъ совершенно неожиданно наткнулся на знатока, который доказалъ, что это не только не картины старинныхъ мастеровъ, но дрянныя, ученическія копіи. Съ этой поры многіе стали называть Стиву мазурикомъ; това-

рищи его давно это знали, потому что и въ заведеніи онъ часто прибѣгалъ къ мазурническимъ штукамъ, закладывая чужія вещи, таскалъ карандаши и тетради и даже наушничалъ начальству. Этою дурною репутаціею объясняютъ анонимныя письма, полученныя Варварою Васильовною до свадьбы. Писавшіе ихъ, не имѣли достаточно мужества, чтобы подписать свою фамилію, но, движимые чувствомъ сожалѣнія къ молодой дѣвушкѣ, прибѣгли къ подобному способу, почти никогда не достигающему цѣли. Стивѣ жилось въ родительскомъ домѣ очень трудно и онъ задумалъ жениться, но жениться или на богатой, или на такой, которая могла бы способствовать его карьерѣ. Такой, къ сожалѣнію, не нашлось; онъ не могъ понравиться ни одной богатой дѣвушкѣ, мечтавшей на свои деньги приобрести или un *magé charmant*, или высокооставленнаго; Стива не былъ *charmant*, и карьера, о которой онъ мечталъ, была очень сомнительна. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать и уже собирался идти служить въ полицію, какъ вдругъ его товарищъ, *Vasile Notгеймъ*, такой-же хищникъ въ душѣ и потому сочувствовавшій Стивѣ, посоветовалъ ему жениться на Манѣ, которой красота поразила его на балѣ.

— Она будетъ тебѣ всѣмъ обязана, говорилъ баронъ — потому что ты дашь ей имя и положеніе, а у нея его нѣтъ; состоянія пока у нея тоже нѣтъ, но она навѣрное современемъ получить его отъ отца, очень богатаго человѣка, — и онъ объяснилъ ему, кто отецъ Мани. Не смотря на свои свойства *chevalier d'industrie*, Стива, какъ всѣ *chevaliers d'industrie*, былъ очень легковѣренъ и легкомысленъ. Онъ повѣрилъ словамъ пріятеля, втайнѣ рассчитывая, что красота Мани тоже хорошее подспорье для карьеры, и женился на ней. Съ первыхъ же дней онъ увидалъ, что сдѣлалъ большую глупость, жениась на дѣвушкѣ, всего менѣе способной служить ему подспорьемъ въ достиженіи карьеры. Совершенный ребенокъ, и ребенокъ несложившійся еще вполне для супружеской жизни, въ тому же избалованный, капризный и гордый, Маня рѣшительно не умѣла притворяться, заискивать и помогать мужу въ преслѣдованіи его служебныхъ цѣлей. Къ тому же грубая не деликатность, съ которою онъ вступилъ въ права мужа, навсегда отвратила отъ него Маню. Стива никогда не имѣлъ успѣховъ у женщины и потому не былъ ни достаточно опытенъ, ни достаточно проницателенъ, чтобы угадать натуру своей жены. Правда, онъ увѣрилъ ее, что страстно влюбленъ въ нее; но страсть, выражавшаяся такимъ образомъ, показала ей необыкновенно противна.

Не смотря на холодный расчетъ, бывшій главною и единственною причиною ея рѣшимости выдти замужъ, она все-таки, какъ всякая молодая дѣвушка, тѣмъ болѣе воспитанная такую идеалистскою, какъ Vabet, носила въ душѣ идеаль мужа, подь который никакъ не подходилъ Стива. Выходя за него, она смутно надѣялась, что этотъ некрасивый, но скромный и благовоспитанный молодой человекъ окружить ее тѣми же заботами, тою же безграничною нѣжностью, къ которой она привыкла у тетки, и будетъ ждать ея любви и взаимности, съ покорнымъ благоговѣнiемъ. И что-же—вмѣсто покорнаго благоговѣнiя, скромный Стива обошелся съ нею такъ же безцеремонно, какъ онъ привыкъ обходиться съ Минами и Амалiями. Все возмутилось въ ней и она готова была на другой же день бѣжать изъ дома; но бѣжать было не куда и не съ чѣмъ. Ко всѣмъ этимъ разочарованiямъ присоединились матеріальныя лишения, всегда и прежде неохотно переносимыя капризною дѣвушкою. Красивыя туалеты показывать было некому. Не имѣя экипажа и не желая являться на музыку подь руку съ противнымъ Стивой, она постоянно сидѣла дома, сердилась и скучала. Дача, занимаемая молодыми, была старая, запущенная дача, давно необитаемая. Павлову удалось нанять ее почти даромъ, потому что на ней никто не хотѣлъ жить. Она стояла въ самомъ концѣ парка, въ глухомъ мѣстѣ, гдѣ никто никогда не гулялъ. Домъ былъ большой, деревянный, сырой и мрачный, съ балкономъ, выходившимъ въ дурно содержимый цвѣтникъ, и съ видомъ на высокія деревья парка, отдѣлявшася отъ цвѣтника полу-разрушеннымъ заборомъ и глубокою канавою, заросшею тиною. Любовь, какъ солнце, скрашиваетъ самыя некрасивыя жилища, и если-бы между молодыми супругами была любовь,—эта сырая, мрачная дача вѣроятно показала бы имъ адемомъ; но любви не было, поэтому и мужъ, и жена, хорошо видѣли всѣ ея неудобства.

Ничего не можетъ быть ужаснѣе мысли, что вы никогда, никакимъ образомъ, не можете выдти изъ положенiя, въ которомъ находитесь. Заприте человека въ самое великолѣпное жилище, окружите его всевозможнымъ комфортомъ и скажите, что онъ никогда не выйдетъ изъ этого жилища—онъ придетъ въ отчаянiе, когда можетъ быть самъ, добровольно, прожилъ бы тамъ всю жизнь. Нерасторжимость брака—та же тюрьма, и люди, связанные неразрывною цѣпью законнаго супружества, еще болѣе ненавидятъ одинъ другаго за эту нерасторжимость. Мысль, что они добровольно налегали

на себя эту цѣпь, нисколько не утѣшаетъ, а еще больше ожесточаетъ, потому что человѣку всегда легче, когда онъ можетъ кого нибудь упрекать, или на кого нибудь жаловаться, и несчастные супруги бьются въ своихъ оковахъ, все болѣе и болѣе проникаясь обоюдною ненавистью.

XI.

Кто-то сказалъ, кажется Прудонъ, что счастливое супружество только то, когда человѣкъ женится на своей любовницѣ. Это не совсѣмъ вѣрно, потому что часто любятъ любовницу только потому, что не обязаны ее любить. Во всякомъ случаѣ, это справедливо въ томъ отношеніи, что никакая денежная сдѣлка, никакой контрактъ, никакая сдача земли въ аренду, не совершается такъ опрометчиво, какъ брачный союзъ, точно и въ самомъ дѣлѣ онъ менѣе важенъ, чѣмъ денежный контрактъ или аренда.

Оставаясь одна дома, когда мужъ уѣзжалъ въ городъ, Маня, хотя была рада его отсутствію, рѣшительно ничего не дѣлала, и потому ей было много времени скучать и мечтать отъ скуки. Она изучила до мельчайшихъ подробностей и ветхій балконъ, съ жалкими, чахлыми растеніями, за которыми она даже не давала себѣ труда ходить, почему они еще болѣе чахли и всѣ покрывались желтыми листьями, — и цвѣтникъ съ левкоями и резедою, и старую, полурабитую, мраморную вазу, по срединѣ цвѣтника съ настурціями вокругъ, и глубокую канаву, затянутую тиною, и березы за канавою, покрывшіяся молодою листвою, — и все это было ей невыразимо противно. Въ первые дни своего пріѣзда на дачу, по случаю нестерпимаго холода, она нигде не выходила изъ комнаты, кутаясь въ большой платокъ и смотря по цѣлымъ часамъ на тлѣющія дрова въ каминѣ, которыя больше трещали и дымили, чѣмъ давали тепла и свѣта; потомъ, когда стало теплѣе, она перешла на балконъ, и при ней разнощикъ цвѣтовъ высадилъ нѣсколько горшковъ лѣтника. Всего этого было, конечно, очень мало и лѣтникъ былъ жалкій; проѣзжая мимо нѣкоторыхъ дачъ, она видѣла въ цвѣтникахъ такую массу растеній, что ея собственная дача, съ ея жалкимъ цвѣтникомъ, показалась ей еще непригляднѣе. Разнощикъ приходилъ потомъ еще нѣсколько разъ; но онъ приходилъ за деньгами, незаплаченными Павловымъ, и такъ какъ всегда случалось, что онъ приходилъ въ отсутствіе барыни, а кухаркѣ не велѣно было пускать его къ барынѣ, то Маня слы-

шала крики и перебранку на дворѣ и въ кухнѣ. Кромѣ кухарки, ей служила та же дѣвочка, что и прежде. Пашечка, не смотря на капризы барышни, какъ она все еще продолжала звать Маню, очень любила ее, и въ подражаніе ей, тоже капризничала и важничала, не хотѣла помогать кухаркѣ, которая безпрестанно жаловалась на нее барынѣ, но не получая отъ барыни никакого удовольвенія, ни въ грошъ ее не ставила, и считала гордячкою и дуροю. Маня иногда гуляла съ Пашечкой по парку; одна она боялась и не любила ходить, и тогда, забывая разницу лѣтъ и свое положеніе барыни и замужней женщины, она бѣгала съ дѣвочкой, догоняя друга друга по дорожкамъ. Когда стало совсѣмъ тепло, эти прогулки совершались каждое утро, и такимъ образомъ барыня съ служанкой изучили весь павловскій паркъ; у нихъ даже явились излюбленныя мѣста, по преимуществу дикія, больше напоминавшія деревню, и гдѣ цвѣты были не сажены, какъ говорила Пашечка. Маня была довольно равнодушна къ природѣ, но прелесть тихаго, теплаго и свѣтлаго майскаго утра дѣйствовала и на нее благотворно; лежа гдѣнибудь на травѣ въ тѣни, когда Пашечка собирала полевые цвѣты, горчицу, одуванчики, блѣдныя колокольчики, выросшіе изъ сѣмянъ, занесенныхъ изъ цвѣтниковъ, лиловый полевой горошекъ, — она забывала свое неприглядное жилище, кухарку съ ея пронзительнымъ голосомъ и противнаго Стиву, который пріѣдетъ къ обѣду. Она никогда не ходила къ нему на встрѣчу въ вокзалъ, какъ дѣлали всѣ другія обитательницы Павловска; ее конфузили взгляды толпы, наполнявшей дебаркадеръ, а еще и потому, что ей было совершенно все равно, пріѣдетъ мужъ или нѣтъ.

ХІІ.

Въ одно дождливое утро, въ концѣ мая, она получила телеграмму отъ Кати, извѣщавшую ее, что Катя пріѣдетъ къ ней съ 12-ти часовымъ поѣздомъ. Катя жила съ отцомъ въ маленькомъ помѣстьѣ, недалеко отъ Петербурга, по Балтійской желѣзной дорогѣ. Получивъ телеграмму, Маня обрадовалась и испугалась; въ одно и то же время ей было и стыдно, и неприятно, что Катя убѣдится на дѣлѣ, какъ права была она, не совѣтуя ей выходить замужъ. Она однако отправилась къ ней навстрѣчу. Стива былъ, къ счастью, въ городѣ и долженъ былъ вернуться только вечеромъ. Поѣздъ едва успѣлъ остановиться, какъ Катя

уже быстро вскочила на платформу и горячо обняла Маню, которая, блѣдная и даже какъ будто недовольная, ждала ее подъ большимъ дождевымъ зонтикомъ; дождь, какъ нарочно въ этотъ день, зарядилъ съ утра. Пашечка увѣряла, что отъ того дождь, что теперь идетъ ладожскій ледъ по Невѣ, а кухарка возражала ей, что она дура деревенская, и что никогда ледъ не идетъ въ концѣ мая. Неизвѣстно, какого мнѣнія придерживалась Маня; но она была недовольна дождемъ, думая, что ея дача, при такой погодѣ, покажется Катѣ еще невзрачнѣе и тоскливѣе. Подруги взяли извозчика и, подъ проливнымъ дождемъ, поѣхали черезъ паркъ.

— А ты похудѣла! сказала дорогою Катя, смотря на недовольное и блѣдное личико Мани, казавшееся еще блѣднѣе при тускломъ, сѣромъ освѣщеніи.

— Скучно очень, отвѣчала Маня.—Я отъ скуки всегда худѣю.

— Три недѣли замужемъ и уже скучаешь? Признаюсь, я не думала, что это наступитъ такъ скоро. Ходишь на музыку?

— Никогда.

— Отчего?

— Мало-ли отчего? Я не хочу ходить туда пѣшкомъ, отъ насъ далеко.

— Какое же далеко, особенно въ хорошую погоду. Впрочемъ, я бы сама не ходила; но мнѣ казалось, что ты охотница до большихъ сборищъ.

— Мало-ли что тебѣ казалось.

— Отчего ты такая, Маня?

— Какая такая?

— Сердитая и недовольная.

— Послѣ скажу, сейчасъ приѣдемъ.

Кати тоже не понравилась дача Павловыхъ, но она даже и вида не подала, что дача ей не нравится. Почти пустая гостиная, съ покосившимися стѣнами и танцующимъ поломъ, выходившая на терасу, казалась еще мрачнѣе при дождѣ, лившемъ потоками; сырость была страшная; въ окна и дверь дуло; въ каминѣ едва тлѣли, но за то сильно дымили дрова. Въ углу гостиной стоялъ маленькій диванчикъ, передъ нимъ ломберный столъ, покрытый салфеткою, хорошо знакомый Кати, а на столѣ рабочая корзинка Мани, съ какимъ-то завалавшимся вязаньемъ и книжка неразрѣзаннаго толстаго журнала.

— Пойдемъ лучше къ тебѣ, сказала Катя.—Здѣсь что-то холодно.

— Куда ко мнѣ? отвѣчала Маня, садясь въ уголок дивана, кутаясь въ большой платокъ и по обыкновенію вся съеживаясь.

— Въ твою комнату.

— У меня нѣтъ комнаты.

— Въ твою спальную, наконецъ.

— Я ее ненавижу и никогда тамъ не сижу.

— Позволь мнѣ по крайней мѣрѣ туда взойти, положить мою шляпку и поправить волосы, которые растрепались отъ вѣтра.

Катя вошла въ спальню. Посрединѣ комнаты, такой же неуютной и такой же ветхой, какъ и гостиная, стояла большая, двухспальная кровать, покрытая бѣлымъ, пикейнымъ одеяломъ; даже ширмъ не было около кровати. Въ простѣннѣ, между оконъ, находился прежній кисейный туалетъ Мани, съ тѣми же розовыми бантиками, а у стѣны, противъ двери, старый, видимо взятый на прокатъ комодъ, одинъ изъ тѣхъ противныхъ комодовъ подъ орѣхъ, съ ящиками, которые никогда плотно не затворяются; потомъ стояли три кресла, обитыя ситцемъ, а въ углу умывальный столъ съ машинкою, такой столъ, какіе всегда бываютъ въ гостиницахъ. У Кати, хотя непривыкшей къ роскоши, сжалось въ горлѣ отъ унылаго и вмѣстѣ пошлаго вида этой спальни молодыхъ, и ей стало понятно, почему Маня ненавидѣла эту комнату. «Какая обстановка для такой красавицы», думала она сидя, противъ туалета Мани и приглаживая свои черные, смоченные дождемъ волосы. Между тѣмъ, изъ коридора, отдѣлявшагося отъ спальни только перегородкою, доносился до нея голосъ Мани и рѣзкій, визгливый голосъ кухарки, которая кричала, что денегъ у нея на говядину нѣтъ, а въ долгъ ни за какія блага теперь не достанешь, и что когда гостей дожидаютъ, то напередъ объ этомъ прислугу предупреждаютъ, а ей не разорваться. «Посылайте вашу фрейлину въ городъ, продолжала кухарка,—можетъ ей и дадутъ, она же такая шустрая».

— Сварите пока кофе, говорила Маня.

— Либо обѣдъ готовить, либо кофе варить, слышался опять голосъ кухарки.—У васъ заразъ сто дѣловъ всегда. И кухарка вышла, хлопнувъ дверью.

— Ну о чемъ ты хлопочешь? сказала Катя, выходя въ го-

стиною и встрѣтятся съ Маней. Давай сюда кофе, мы сами сваримъ.

— Ты слышала, какъ эта противная кухарка кричала; она всегда мнѣ такъ грубитъ.

— Э, душа моя, стоитъ на это обращать вниманіе; давай кофейникъ.

— У насъ кажется нѣтъ спиртоваго кофейника.

— Какъ кажется? неужели ты не знаешь, что у васъ есть?

— Не знаю и знать не хочу, какое мнѣ до этого дѣло!

— Большое, мой другъ; если-бы ты сама входила во все и знала, что у васъ есть, то кухарка бы тебѣ не грубила, потому что знала бы, что ты и безъ нея обойдешься; а теперь ты совершенно безпомощна, она этимъ и пользуется.

Въ это время Пашечка, вся красная и уже успѣвшая въ власть наругаться съ кухаркою, принесла съ торжествующимъ видомъ кофе и поставила на столъ.

— Сама сварила, сказала она гордо.—Эта подлая думала, что я не умѣю.

— Молодецъ, Пашечка! сказала Катя, наливая кофе себѣ и Манѣ.—Только зачѣмъ ругаться.

— Стоитъ она этого, барышня, стоитъ; она пьяница, барскимъ виномъ своего дружка угощаетъ; я сама видѣла, какъ она изъ шкапчика, въ столовой, водку таскаетъ.

— Перестань! нехорошо молоденькой дѣвочкѣ такія вещи рассказывать.

— А намедни,—и Пашечка захохотала,—намедни мы съ барышней съ парва идемъ, а она, кухарка-то, сидитъ около кухни на скамеечкѣ, да такимъ тоненькимъ-тоненькимъ голоскомъ выводитъ:

«Возьми въ ручку пистолетку,
Прострѣли ты грудь мою».

А сама пьяная, препьяная; ужъ нахохотались мы тогда съ барышней, на нее глядучи.

— Ну довольно, Пашечка, теперь иди сама пей кофе, сказала Маня.

— Благодарствуйте, барышня, мерси-съ; а ужъ ей, пьяницѣ, ни за что не дамъ! И Пашечка скрылась съ подносомъ.

— Вотъ и всѣ развлеченія, которыя я могу предложить тебѣ у себя, сказала Маня:—пререканія Пашечки съ кухаркой.

— Я пріѣхала не для развлеченій; у меня ихъ не больше въ нашемъ Ольховѣ, хотя я тамъ никогда не скучаю.

— Знаю напередъ, что ты скажешь: не скучаешь, потому что всегда занята.

— Нѣтъ, не только по этой причинѣ, а потому что я довольна своей судьбой.

— Въ такомъ случаѣ ты рѣдкое исключеніе, потому что всѣ недовольны.

— И ты также?

Маня ничего не отвѣчала. Катя пристально взглянула на нее, и въ ея красивомъ, поблѣднѣвшемъ личикѣ, въ грустномъ выраженіи милыхъ, темно-сѣрыхъ глазъ, она прочла горе, гораздо болѣе серьезное, чѣмъ то, на которое прежде жаловалась Маня.

— Что съ тобой, моя дорогая? сказала она, взявъ ее за руку.

— Я не хочу, чтобы ты меня жалѣла, слышишь, не хочу! почти вскрикнула Маня, вырывая свою руку и отодвигаясь въ самый уголъ дивана. — Ты зачѣмъ сюда пріѣхала? чтобы увидеть, какъ здѣсь скверно, бѣдно, гадко и потомъ говорить: я все это предвидѣла, я предупреждала.

— Маня, Бога ты не боишься, что ты говоришь? кротко сказала Катя, — за что ты меня обижаешь?

— Ну да, ты была права, продолжала Маня, перебивая ее и все болѣе и болѣе разгорячаясь, — ты была права, положимъ; но ты боялась вовсе не того, что ты видишь. Ты думала, что я буду кататься по Павловску въ шикарной коляскѣ, буду всѣхъ затмѣвать на музыкѣ своими туалетами, буду окружена толпою поклонниковъ, — и вмѣсто того что ты видишь? старую, сырую, полуразвалившуюся дачу, кухарку, которой не на что купить говядины, и Пашечку, служащую мнѣ компаньонкой. Ну, смотри, любуйся!

— Если-бы я видѣла только это, Маня, я бы нисколько не огорчилась, потому что всѣ эти лишенія ничтожны и всегда поправимы. Ты въ нихъ выросла и между тѣмъ, когда ты жила у тети Вари, я тебя никогда не жалѣла и находила тебя счастливою.

— А теперь ты находишь меня несчастной, тебѣ этого непременно хочется?

— Къ чему ты говоришь это, Маня? зачѣмъ отталкиваешь мою дружбу и мое участіе? Говорять — раздѣленное горе не такъ тяжело.

— Это все вздоръ, жалкія слова! Горю моему пособить ни кто не можетъ... я его ненавижу!..

— Не можетъ быть! Ты слишкомъ добра, чтобы ненавидѣть человѣка, который тебя любитъ; вѣдь онъ же любитъ тебя?

— Такъ чтожь? я его тѣмъ болѣе ненавижу. Если-бы онъ былъ мой братъ, другъ, тогда другое дѣло; но онъ мой мужъ!.. И она точно въ ужасѣ закрыла лицо руками. Ката совсѣмъ растерялась; отвращеніе и ненависть Мани были ей совершенно непонятны; она не находила, что сказать ей, потому что не могла понять, въ чемъ состоитъ вина Павлова. Бѣдность? но за это нельзя ненавидѣть. Любовь, которую признавала сама Маня, еще менѣе. Что же такое, наконецъ? Каждый судить по себѣ, и ей казалось, что если-бы она вышла за Павлова, правда во все несимпатичнаго, то первымъ ея стараніемъ было бы отыскать въ немъ хорошія стороны, вѣроятно существующія въ немъ. «Ихъ можно найти въ каждомъ человѣкѣ, думала Ката,—а потомъ, и это главное, я занялась бы хозяйствомъ, все привела въ порядокъ, наняла бы другую вухарю и многое бы дѣлала сама, читала, гуляла по прелестному парку, рисовала съ натуры, и не видала бы, какъ идетъ время, и непремѣнно полюбила бы, наконецъ, и мужа, и неприглядную дачу».

— Маня, сказала она, наконецъ, вида, что та упорно молчать:—ты бы занялась чѣмъ нибудь. Ката видѣла въ занятіяхъ единственную панацею отъ всѣхъ бѣдствій.

— Ахъ, полно, отвѣчала Маня нетерпѣливо,—у тебя вѣчно одно и то же—занялась бы чѣмъ нибудь. Пойми, что я не могу ничѣмъ заниматься, потому что мнѣ все противно, потому что меня мучитъ все одна и та же мысль, одинъ и тотъ же неотвязный вопросъ: зачѣмъ?

— Но вѣдь такъ жить нельзя, душа моя.

— Знаю, что нельзя, оттого-то я и не живу, а кисну, въ ожиданіи, что придетъ же какой нибудь конецъ, будетъ же исходъ?

— Какой же исходъ?

— Почему я знаю! Вѣдь мнѣ всего 18 лѣтъ, не можетъ быть, чтобы со мною никогда ничего не случилось.

— На что же именно ты рассчитываешь?

— Мало ли на что? Можетъ быть какой нибудь Иванъ-царевичъ, какъ въ сказкахъ бываетъ, въ меня влюбится и похитить меня у злаго волшебника! И Маня вдругъ засмѣялась совершенно дѣтскимъ, звонкимъ смѣхомъ.

— Ахъ, Маня! могла только сказать Ката.

Пріятельницы пробыли весь день вмѣстѣ; но разговоръ по згучему вопросу у нихъ больше не возобновлялся. Маня угостила подругу сквернымъ обѣдомъ, надъ которымъ сама смѣялась, потомъ, въ сопровожденіи неизмѣнной Пашечки, онѣ пошли гулять въ паркъ, такъ какъ дождь пересталъ, и Кати стоило большого труда уговорить Маню не разуваться и не бѣгать по лужамъ, какъ это дѣлала Пашечка. Маня увѣряла, что въ этой части парка было все позволительно, потому что здѣсь никто никогда не гулялъ. Къ концу прогулки Маня такъ развеселилась, что даже Кати перестала тревожиться за нее и онѣ вернулись домой такія оживленныя и веселыя, что даже отъ души хохотали въ ту минуту, когда сѣли на дрожки, чтобы ѣхать на желѣзную дорогу.

На дебаркадерѣ онѣ встрѣтили противнаго Стиву, только что пріѣхавшаго изъ города. Личико Мани въ ту же минуту вытянулось и изъ веселаго и оживленнаго сдѣлалось недовольное и скучающее. Усадивъ Катю въ вагонъ, она долго стояла подлѣ и смотрѣла на нее сквозь слезы. Кати махала платкомъ изъ окна, пока платформа не скрылась изъ глазъ и кругомъ обступили высокія деревья павловскаго парка. Тяжело было на душѣ у Кати и все ей казалось, что она видѣла милое, красивое личико въ послѣдній разъ.

XIII.

Стива подаль руку женѣ и предложилъ ей остаться на музыкѣ, на что она согласилась, боясь болѣе всего на свѣтѣ остаться съ нимъ одна. Гуляющихъ, по случаю дурной погоды, было немного. Оркестръ игралъ, однако, не въ залѣ, а на круглой эстрадѣ. Было невыносимо скучно и холодно; казалось, что всѣ собрались сюда не для веселья, а на поминки. Какія-то барыни, въ вычурныхъ шляпкахъ, съ подкрашенными глазами, ходили взадъ и впередъ, шурша длинными тренами по мокрому песку; но даже и эти барыни не придавали оживленія. По ту сторону мостика стояло нѣсколько колясокъ и въ нихъ сидѣли нарядныя дамы, съ недовольными и скучающими лицами. Маня, ежась отъ холода, сидѣла съ мужемъ на галереѣ и разсѣянно слушала музыку. Она думала совсѣмъ о другомъ; ей ужасно хотѣлось уѣхать куда нибудь изъ Павловска, хотя бы къ тетѣ Варѣ, чтобы не видать надоѣвшаго ей парка, сырой, мрачной дачи и противнаго Стивы. Погруженная въ свои мысли, она

даже не замѣчала, какъ проходившіе мимо мужчины пристально на нее взглядывали, а какой-то высокій офицеръ, въ бѣлой фуражкѣ, нѣсколько разъ пройдя мимо, что-то тихо сказалъ другому, низенькому. Низенькій офицеръ улыбнулся и долго смотрѣлъ на нее въ рѣсепез. Стива въ эту минуту также думала о другомъ и дума его была не веселая. Онъ думалъ о томъ, что въ это утро проигралъ свои послѣдніе деньги у Доминика на билиардѣ и что въ домѣ нѣтъ ни копѣйки. Скучая тоже на дачѣ, въ обществѣ жены, съ которою у него не было ничего общаго, Стива, всякій разъ, подъ предлогомъ службы, отправляясь въ Петербургъ, вмѣсто департамента заходилъ къ Доминику и по цѣлымъ часамъ дулся на билиардѣ. Грязная, большая комната, съ тремя билиардами, загаженная, заплеванная, насквозь прокуренная табачнымъ дымомъ, всегда была полна особенною публикою, которая только что тамъ не ночевала, сидѣла въ пальто, вурла и пила пиво. Это было излюбленное мѣсто Стивы; когда не съ кѣмъ было играть, онъ игралъ съ соннымъ маркеромъ, сновавшимъ въ туфляхъ и съ мазикомъ въ рубѣ около билиарда. Только инстинкты хищничества руководили Павловымъ, онъ игралъ не изъ шалопайства, а съ намѣреніемъ непремѣнно выиграть; но отъ волненія и жадности у него, при проигрышѣ, начинали дрожать руки и, понятно, что кончалось всегда проигрышемъ. Въ числѣ обычныхъ посѣтителей Доминика были и ходившіе туда изо дня въ день, изъ любви къ искусству, одинъ отставной, старый чиновникъ, который, никогда самъ не играя, приходилъ туда каждый день и молча смотрѣлъ на играющихъ на билиардѣ. Были и другіе, больше все неудачники или отбившіеся отъ ученія студенты, неудавшіеся художники, всякій шляющийся петербургскій людъ. Игра на билиардѣ дѣлалась для нихъ какою-то потребностью, и они, точно желая дойти до полнѣйшаго идиотизма, въ этой грязной, вонючей комнатѣ, окруженные столбамъ дыма, щелкали шарами цѣлые дни. Когда у Стивы водились деньги, вмѣсто того, чтобы ѣхать обѣдать домой, онъ отправлялся въ Лѣтній садъ и, не думая о томъ, что дома не на что купить говядины и что Маня должна питаться какъ птица небесная, заказывалъ себѣ иногда тонкій обѣдъ и даже приглашалъ на него какую нибудь одинокую даму, прохаживавшуюся взадъ и впередъ по средней алеѣ, въ ожиданіи приглашенія. Въ этотъ день, продувшись у Доминика, онъ съ горя все-таки отправился въ Лѣтній садъ, гдѣ встрѣтилъ Basil'я Нотгеймъ, жившаго съ матерью въ Петергофѣ. Basile не былъ въ Павловскѣ

со времени свадьбы Павлова; онъ все ждалъ, когда Манѣ сильно надобѣтъ ей мужъ, чтобы тогда явиться утѣшителемъ. Онъ былъ доволенъ встрѣчей, хотя на губахъ его была все та же вѣчная насмѣшливая улыбка, когда онъ пожалъ руку Павлова. Василе всегда говорилъ, что никакъ не можетъ принять Стиву au sôgieux. Онъ брезгливо и презрительно посматривалъ по сторонамъ на разнохарактерную мѣщанскую публику Лѣтнаго сада, заявляя, что онъ сюда никогда не ходитъ и потому не знаетъ, какъ здѣсь кормятъ.

— On n'emprisonne pas ici? спросилъ онъ Павлова.

Тотъ увѣрилъ, что кормятъ очень хорошо, и они, наконецъ, сѣли за маленький столикъ у ресторана.

Дождь, который еще лилъ потоками въ Павловскѣ, уже прошелъ въ Петербургъ; было только сыро и холодно.

Баронъ повелительно потребовалъ чистую скатерть и своими отрывистыми и многочисленными привазами до того запугалъ лакея, что тотъ метался какъ угорѣлый.

— Ну что, какъ поживаешь, heugoux соquin? спросилъ Нотгеймъ.

Пріятели говорили по-французски.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Стива, — теперь въ Павловскѣ очаровательно; дача моя tout-à-fait chic.

— Ну что дача! я не о дачѣ спрашиваю; съ женою ладишь-ли?

— Еще бы, прелесть что за бабенка и влюблена какъ кошечка.

— Ну, это ты врешь! Развѣ можно влюбиться въ такую образину, un rageil pasque!

— Какія у тебя, однако, глупыя шутки, сказалъ Стива, обидясь. — Жена, видно, не находитъ меня такимъ, потому что любить, говорятъ тебѣ, безъ ума.

— А ты?

— Какъ тебѣ сказать? Конечно и я ее люблю; но мнѣ съ нею скучно, шикую въ ней мало, не развилась еще, и потому такъ добродѣтельна, такъ скромна, si grude enfin!

— А хороша?

— Чудо!

И Стива принялся хвастать пріятелю красотою своей жены, входя въ такія подробности, что если-бы пріятель былъ чловѣкъ порядочный, а не развратный шелопаѣ, то навѣрное плюнулъ бы ему въ лицо.

Нотгеймъ угостилъ друга теплымъ шампанскимъ, за кото-

рое долго распекалъ оторопѣвшаго лакея, и, къ удовольствію Стивы, заплатилъ за все одинъ, за что Стива, въ порывѣ благодарности, пригласилъ его пріѣхать въ Павловскъ и даже прямо остановиться у него. А денегъ у Стивы все-таки не было; ему показалось неловко занять въ этотъ разъ у барона, предоставляя себѣ этотъ ресурсъ впоследствии. Въ настоящую минуту онъ думалъ, гдѣ бы ему занять пока хоть 25 р., и ничего лучше не придумалъ, какъ, на другой же день, поѣхавъ въ городъ, взять сломанный браслетъ Мани, подъ предлогомъ починки, и заложить его.

Возвращаясь домой, по широкой дорожкѣ, ведущей по берегу Красной долины, Маня вдругъ вскрикнула и остановилась. На скамейкѣ сидѣлъ Федя.

— Здѣсь? могла она только произнести задыхающимся голосомъ.

Сердце у нея такъ и забилося отъ радости. Она бросила руку мужа и подбѣжала къ Федѣ, который, улыбаясь, поднялся къ ней на встрѣчу.

— Вотъ неожиданная встрѣча! сказалъ Павловъ.— Какъ это я васъ не видалъ; мы, вѣроятно, пріѣхали вмѣстѣ, я тоже недавно вернулся изъ города.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Загорскій,— я здѣсь уже болѣе недѣли.

— И не пришли ко мнѣ? сказала съ упрекомъ Маня.

— Почему же я зналъ, гдѣ вы живете?

— А теперь придете? мы живемъ на дачѣ.

И Маня назвала дачу.

— Можетъ быть.

— Нѣтъ, не можетъ быть, а непременно.

Они расстались, потому что Стива нашель, что пора домой.

Манѣ сдѣлалось вдругъ такъ весело, что она всю дорогу что-то напѣвала вполголоса и, придя домой, сейчасъ же объявила Пашечкѣ, что Федоръ Алексѣевичъ здѣсь и завтра у нихъ будетъ.

Но онъ пришелъ только черезъ два дня. Стивы опять не было дома; погода была прелестная; молодые люди долго гуляли по парку, сидѣли на скамейкѣ, гдѣ въ первый разъ встрѣтились, и любовались Красною долиною. Федя нашель, что Маня очень похорошѣла, гораздо больше выраженія въ лицѣ и не такая пустая дѣвчонка; но не сказалъ ей этого, а Маня все восхищалась прелестнымъ вечеромъ и прелестнымъ видомъ, и не скрывала своего восхищенія.

XIV.

Феда не заставилъ долго ждать себя въ Загорьѣ и, черезъ недѣлю, послѣ послѣдняго письма Мани къ тетѣ, уже соскакивалъ съ телѣги у подѣзда съ колонами. Онъ бывалъ въ Загорьѣ ребенкомъ и сохранилъ о немъ воспоминаніе, какъ о какомъ-то паладо.

«Поистрепался паладо!» подумалъ онъ, глядя на колонны съ обвалившеюся штукатуркою и на грязную лѣстницу, гдѣ его обступили собаки, которыя, неизвѣстно почему, что бываетъ впрочемъ съ собаками, такъ обрадовались ему, хотя до того времени нивогда не видали, что скакали на него, пачкали своими грязными лапами, а одна даже ухитрилась лизнуть его прямо въ ротъ.

Съ перваго же дня Феда понравился всѣмъ. Матреша находила, что онъ молодчикъ и совсѣмъ простой, не гордый; а Иванъ Васильевичъ нашелъ, что онъ знаетъ толь во всемъ, на билиардѣ играетъ не хуже его самого (Феда постоянно его обыгрывалъ), охотникъ въ душѣ и хотя и повторяетъ глупый французскій *dicton*: *ce que c'est qu'une ligne?* и т. д., но будетъ современемъ и рыбу удить. Варвару Васильевну продолжало удивлять только одно, хотя она должна была къ этому привыкнуть: что Феда, говоря обо всемъ безъ умолку, ни разу не проговорился, гдѣ онъ пропадалъ столько времени, что дѣлалъ и что намѣренъ дѣлать; она нивагъ не могла понять, чтобы юноша этихъ лѣтъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ занятій и не служилъ.

— Ты гдѣ служишь? спросилъ его какъ-то разъ Иванъ Васильевичъ.

— Нигдѣ, отвѣчалъ Загорскій.

— Нигдѣ, — ну, братъ, въ твои-то года? Неужто ты еще нигдѣ курса не кончилъ?

— Нигдѣ.

— Какъ же это такъ? у тебя, значить, и правъ никакихъ нѣтъ?

— Никакихъ, да на что они мнѣ?

— Какъ на что? чтобы на службу поступить.

— Я и такъ на службѣ.

— Ничего не понимаю; не самъ-ли ты мнѣ сейчасъ говорилъ, что нигдѣ не служишь.

— Это совсѣмъ особенная служба; вотъ вы тоже служите, а вѣдь на казенной службѣ не состоите.

— Кому я служу, что ты врешь?

— Матренѣ Ивановнѣ служите, вѣрою и правдою.

— Фу ты пропасть! Думаешь, что онъ дѣло говорить, а онъ вотъ что городить. Что-жъ и у тебя есть какая нибудь Матрена Ивановна?

— Есть, милѣйшій дядюшка, есть! да еще какая большая, толстая, толще, куда, вашей; порядка только въ ней нѣтъ.

— Какого порядка? неряха, что-ли?

— Неряха, неумѣлая и дура большая, а я все-таки ее люблю.

— Красива очень?

— Ничего нѣтъ красиваго, занята только очень.

— Ну что вы его слушаете? проговорила нараспѣвъ настоящая Матрена Ивановна, — смѣется онъ все надъ вами; зачѣмъ ему толстую тамъ дуру какою-то любить, его всякая и молоденькая, и хорошенькая полюбитъ.

— Будто? закричалъ Федя, бросаясь къ Матренѣ Ивановнѣ, обнимая ее, не смотря на сопротивленіе, и обезоруживая дядюшку предложеніемъ десять разъ сряду обыграть его на бигардѣ.

XV.

Спокойствіе Варвары Васильевны продолжалось недолго. Въ концѣ іюня она получила телеграмму отъ Мани, въ которой та просила прислать за нею лошадей на желѣзную дорогу въ N. « Выѣзжаю сегодня въ три часа дня, буду завтра утромъ въ городѣ, пришлите лошадей, если можно », гласила лаконически телеграмма.

Перечитывая телеграмму, Варвара Васильевна никакъ не могла опредѣлить, что чувствуетъ она въ эту минуту, радость или безпокойство. Иванъ Васильевичъ принялъ извѣстіе о приѣздѣ племянницы совершенно индифферентно. Ничей приѣздъ въ мірѣ не могъ нарушить его обычныхъ занятій, и ни для кого онъ не сталъ бы церемониться.

— Матреша! обратился онъ къ сожительницѣ, — распорядись, чтобы Данила ѣхалъ завтра съ тарантасомъ за Марьей Ивановной.

— Вы бы лучше воляску послали, не развалится небось; чего вы ее жалѣете? сами разъ въ годъ въ ней ѣздите.

— Пустяки, что за баловство! Варвара Васильевна постарше ее, да въ тарантасѣ прѣѣхала.

— Все ваши фантазіи; я и тогда говорила, пошлите коляску. Ведѣть что-ли?

— Сказано — не надо!

Матрена Ивановна плюнула и вышла; она знала, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно вздорныхъ, Иванъ Васильевичъ упрямя до безобразія, и что если онъ рѣшилъ, что пошлетъ тарантасъ, то ни за что въ мірѣ не перемѣнитъ своего рѣшенія. На другой день Варвара Васильевна привела въ порядокъ свою комнату, въ которую принесли кровать для Мани. Прибирая на письменномъ столѣ, она спрятала подалше голубую книжку, боясь сарказмовъ Мани, если книжка попадетъ ей въ руки. «Это все такъ сентиментально, думала Вавет, — смѣяться будетъ, не зная, что многое тутъ написано какъ бы кровью изстрадавшагося сердца; но вотъ что странно: вѣдь и они страдаютъ также какъ и мы, можетъ быть и причины страданій тѣ же самыя, а ни за что въ этомъ не признаются. И отчего они всѣ такіе гордые, да скрытные, хоть бы Федя, напимѣръ, хохочетъ, вретъ всякій вздоръ, а я часто замѣчала, что какъ только онъ думаетъ, что на него не смотрятъ, вдругъ задумается и глаза сдѣлаются тогда такіе мрачныя... Что-то моя Маня? какъ оставила мужа, на долго ли сюда? вотъ прѣѣдетъ, вѣрно все расскажетъ». Но Маня прѣѣхала и ничего не рассказала. Напрасно спрашивала ее тетка; она просила только объ одномъ, чтобы въ ней не приставали, дали бы ей отдохнуть, по возможности забыть прошедшее, и что со временемъ она сама все расскажетъ. Она сказала только, что уѣхала изъ Павловска съ вѣдома и согласія мужа, который даже самъ провожалъ ее на желѣзную дорогу; а на вопросъ тетки, долго-ли она пробудетъ въ Загорьѣ, отвѣчала шутя: пока не прогоните.

А. П. Львова ¹⁾.

¹⁾ Г-жа А. П. Львова авторъ романовъ: «Ненастыя»: «Старый домъ», «Разоренье» и повѣсти «Княгиня Маруся», напечатанныхъ въ «Русской Рѣчи» въ 1879 и 1880 годахъ, подъ псевдонимомъ А. Б.

Примѣч. Ред.

ЭТЮДЫ О ФРАНЦУЗСКОМЪ РОМАНѢ.

I.

КУЛЬТЪ ПЛОТИ.

Il y a de la bête dans l'homme; il faut
tuer la bête. Proudon. ¹⁾.

Значеніе теорій нигдѣ не бываетъ такъ мало плодотворно, какъ въ дѣлѣ литературнаго творчества. Творчество это, все равно какъ любовь, не выноситъ педантизма и системы. Оно ищетъ свободы, искренности, простора; оно по существу своему насквозь пронизуемо личнымъ чувствомъ и личными особенностями, чуждо извнѣ заданныхъ общихъ программъ и предварительнаго научнаго расчета.

Поэтому нечего и удивляться, что такой глубоко искренній и истинный художникъ, какъ Альфонсъ Додэ, совершенно не поддался той искусственной критической систематизаціи, посредствомъ которой Эмиль Золя пытался было приобщить его къ выдуманной имъ школѣ новѣйшаго французскаго натурализма.

Что школа эта была дѣйствительно выдумана Эмилемъ Золя, доказали лучше всего безысходныя противорѣчія, въ которыя

---

¹⁾ «Въ человѣкѣ сидитъ звѣрь; нужно убивать звѣря».

Прудонъ.

впалъ этотъ талантливый и смѣлый, но совершенно неосновательный критикъ, въ своихъ собственныхъ характеристикахъ мнимыхъ типическихъ представителей этой школы. Въ свое время мы посвятили одну изъ своихъ критическихъ бесѣдъ этимъ любопытнымъ противорѣчiamsъ и бессильнымъ натяжкамъ знаменитаго романиста.

Во французской и въ нѣмецкой литературѣ лучшіе критическіе умы и самые талантливые писатели вообще дружно ополчились противъ увлеченій и грубыхъ ошибокъ критической теоріи Золя.

И что всего поучительнѣе, въ ополченіи этомъ даже у насъ приняли дѣятельное участіе не только сторонники свободного поэтического творчества, возмущенные изгнаніемъ поэзіи изъ области поэзіи, нелѣпою замѣною ея фізіологическими трактатами и протоколами судебного слѣдователя, но еще и самые рьяные противники всякаго искусства и всякой поэзіи, люди грубой дѣловой тенденціозности въ литературѣ.

Не знаемъ, какъ подѣйствовалъ на самого Золя такой единодушный взрывъ несочувствія и опроверженій, послѣдовавшій изъ самыхъ разнородныхъ литературныхъ становъ.

Въ нашей журналистикѣ, напримѣръ, даже «Вѣстникъ Европы», постоянно печатавшій и печатающій критическіе очерки Золя, отказался отъ солидарности съ нимъ въ самыхъ основныхъ положеніяхъ его теоріи, и изъ всѣхъ ежемѣсячныхъ русскихъ журналовъ только умирающее «Слово», въ своей неопытной равности студента первокурсника, успѣшило горячо ухватиться за эту модную новинку, благо въ ней фізіологія превозносила выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго, альфою и омегою всего сущаго.

А между тѣмъ, кто не знаетъ, до какой степени дѣйствительный натурализмъ проникаетъ собою литературныя воззрѣнія всѣхъ нашихъ литературныхъ партій безъ исключенія, и насколько ранѣе Золя наша критическая мысль и наше художественное творчество повончили безповоротно со всякими романтическими маскарадами и мелодраматическою сентиментальностью. Во Франціи однако движеніе, возбужденное критическою теоріею Золя, не могло быть похоронено такъ спокойно и рѣшительно, какъ это сдѣлалось у насъ. Если самъ Золя сталъ нѣсколько тише и сдержаннѣе въ дальнѣйшемъ теоретическомъ развитіи своей системы, уже доведенной имъ до геркулесовыхъ столбовъ, за то во Франціи явилась цѣлая школа бездарно-

стей, работѣнно подражающихъ дешевымъ рецентамъ его художественной теоріи, цѣлая литература мнимыхъ физиологическихъ трактатовъ, мнимыхъ судебныхъ протоколовъ и всякаго рода фальшивыхъ документовъ, съ помощью которыхъ люди, непризванные къ творчеству, ворвались въ ряды писателей и стали эксплуатировать публику своимъ самозванствомъ.

Года два тому назадъ даже сталъ выходить особый органъ этой «литературы документовъ», подъ заглавіемъ «Revue Realiste», сплошь наполненный образцовою и, повидимому, сознательною бездарностью. Во Франціи это явленіе ожиданное и вполнѣ естественное. Тамъ всякое движеніе, литературное, научное, религиозное, общественное, невольнымъ образомъ пріобрѣтаетъ характеръ политическій.

Внутренняя социальная борьба французскаго народа обострилась въ настоящее время до такой степени, что сообщаетъ свою окраску всякому явленію современной публичной жизни Франціи. Критика Золя, съ ея грубостью взглядовъ и приѣмовъ, съ ея рѣшительнымъ отрицаніемъ всего идеальнаго, поэтическаго и изящнаго, съ ея нескрываемою враждебностью къ великимъ именамъ и великимъ авторамъ прошлаго, можетъ дѣйствительно рисоваться въ скудномъ воображеніи едва образованнаго фабричнаго работника Парижа или Бордо провозвѣстникомъ новаго міра, въ которомъ уже не будетъ мѣста щепетильности и утонченнымъ вкусамъ балованнаго буржуа, а будетъ безраздѣльно царить безцеремонный обычай кабацковъ, базаровъ, базармъ и фабрикъ, гдѣ каждая вещь называется своимъ именемъ, каждый жестъ соотвѣтствуетъ внутреннему желанію, гдѣ ничто, сколько нибудь сложное и трудно понятное, не заслоняетъ собою первобытныхъ животныхъ интересовъ рабочаго человѣка, — интересовъ поденной платы, ѣды, питья и физической любви.

Критическая теорія Золя въ глазахъ такихъ базарныхъ читателей и въ глазахъ базарныхъ писателей, стоящихъ по плечу такимъ низменнымъ инстинктамъ толпы, означаетъ торжество демократическаго начала, разрушеніе старыхъ замковъ родовой аристократіи и изящныхъ виллъ разжившихся капиталистовъ; означаетъ повальное господство работающей мозолистой руки и аппетитовъ вола, молотящаго надъ всѣмъ, что мыслить далѣе ихъ и чувствовать глубже ихъ.

Я не говорю, чтобы самъ Золя придавалъ такой смыслъ своей странной теоріи.

Но теорія его все-таки получаетъ распространеніе во Франціи главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія. «Assomoir» и «Nana»

выдержали по нѣскольку десятковъ изданій. Одни любители развратнаго чтенія не окупили бы 80 изданій одной книжки. Окупить такое количество могла только толпа во 'всей своей буквальности. Толпа привѣтствовала въ этихъ книгахъ свою теоретическую побѣду, предвкушеніе побѣды дѣйствительной. Сдѣлать свой кабацкій жаргонъ языкомъ людей литературы, поставить закулисную грязь прачешныхъ и домовъ терпимости, всю ихъ нравственную и физическую вонь, предметомъ художественнаго воспроизведенія,—это безспорная побѣда и безспорно знаменательный признакъ будущаго.

Толпа эта однако не весь работающій народъ, даже не главная рабочая сила страны, а только плебсъ парижскихъ, лионскихъ и всякихъ другихъ городскихъ мостовыхъ, раздраженный, утѣшенннй и завистливый пролетаріатъ фабрикъ, вдвойнѣ развращаемый и грязью собственной бѣдности, и грязью безумныхъ наслажденій, въ которыхъ утопаетъ рядомъ съ нимъ, на счетъ его, разная накипь городской роскоши. Этотъ послѣдній элементъ сторонниковъ теорій Золя также невозможно упускать изъ виду. Это уже не пролетаріатъ, а, напротивъ того, кипящій избытокъ богатства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это неизбежный спутникъ пролетаріата, его вѣчный партнеръ, играющій съ нимъ *vis-à-vis*, изображающій собою настолько же громадный плюсъ, насколько громаденъ минусъ его тощаго противника.

Это своего рода вредоносный нарывъ, въ который болѣзненно стянуты всѣ соки истощеннаго тѣла. Чѣмъ больше истощеніе тѣла, тѣмъ обильнѣе разрастается на немъ эта паразитическая опухоль. Элементъ случайнаго, ничѣмъ неоправдываемаго богатства, ничѣмъ ненасытимой роскоши и погони за наслажденіемъ, бываетъ тѣмъ сильнѣе развитъ въ обществѣ, чѣмъ ближе оно къ своему нравственному разложенію, чѣмъ глубже неправда его внутренняго устройства. Невозможно смѣшивать этотъ ядовитый наростъ съ достаточными классами общества, воплощающими въ себѣ образованіе народа и управленіе страной. Они такъ же мало похожи на него, какъ мало похожъ пролетаріатъ парижскихъ трущобъ на трудовое населеніе французскихъ деревень.

Своими теоріями грубой матеріальности и циническаго безразличія Золя удовлетворяетъ вкусамъ и цѣлямъ именно этихъ двухъ болѣзненныхъ элементовъ французскаго общества: съ одной стороны, грязныхъ подонковъ его, которымъ судьба не даетъ выйти изъ первобытнаго состоянія жующаго и плодящагося скота; съ другой стороны, еще болѣе грязной пѣны его, кото-

рая доходить до состоянія звѣрства силою своихъ ничѣмъ несдерживаемыхъ хищническихъ инстинктовъ.

Для этихъ послѣднихъ дѣйствительно какъ нельзя болѣе съ руки теоретическое освященіе всякаго совершившагося факта физиологической жизни, отверженіе всякихъ принциповъ морали, всякой идеаловъ поэзіи.

Критика, которая ищетъ только документовъ правды, какъ бы гнусна ни была эта правда, не заботясь ни о нравственной классификаціи этихъ документовъ, ни о житейскомъ выводѣ изъ этой правды, конечно, даетъ въ руки такимъ людямъ самое подходящее для нихъ оправданіе и не можетъ не встрѣчаться ими съ распростертыми объятіями, какъ стягъ ихъ торжества и ихъ силы.

Для партіи этой, разумѣется, нисколько не важна внутренняя убѣдительность критической теоріи Золя; они не ищутъ и не желаютъ искать доказательствъ. Имъ достаточна смѣлость вызова, рѣшительное провозглашеніе роднаго имъ начала.

Съ точки же зрѣнія убѣдительности. критическая теорія Золя разрушается не только своими внутренними противорѣчійми, что мы доказали въ своихъ прошлогднихъ статьяхъ, но даже собственными произведеніями знаменитаго романиста. Стоитъ взять любой изъ его романовъ, чтобы доказать на немъ выдуманность и произвольность самыхъ коренныхъ положеній «натуралистической теоріи».

Если же самъ пророкъ «натурализма», въ практическомъ примѣненіи своего ученія, является передъ нами со всѣми обычными средствами, приѣмами и цѣлями современныхъ романистовъ, нисколько не мечтающихъ обособить себя въ ратниковъ какой-то новоявленной «научной формулы» романа, то, конечно, нѣтъ никакого основательнаго повода придавать значеніе серьезнаго литературнаго переворота критическимъ импровизаціямъ Эмиля Золя.

Напротивъ того, есть много основанийъ раздѣлять мнѣніе тѣхъ соотечественниковъ Золя, которые объясняютъ внезапное появленіе его радикальной критической теоріи субъективною потребностью талантливаго и честолюбиваго романиста, затертаго множествомъ другихъ талантливыхъ писателей своей родины и давно поглядывавшаго съ демократическою завистью и демократическимъ нетерпѣніемъ на царящіе въ литературѣ троны Гюго или даже Дюма-сына, прочистить себѣ дорогу впередъ какимъ нибудь рѣшительнымъ, хотя бы и рискованнымъ ударомъ.

Изобразить собою евангелиста новаго литературнаго слова, поставить себя во главѣ тѣсной группы нарождающихся писателей истины, обличивъ, въ то же время, отсталость и мертвенность всего прежняго, всего остальнаго литературнаго міра, — во всякомъ случаѣ это былъ шагъ очень ловкій и очень выгодный въ практическомъ смыслѣ.

Мы, однако, вовсе не хотимъ обвинить или хотя бы заподозрить Золя въ неискренности, въ сознательномъ разыгрываніи фарса, въ обдуманной литературной интригѣ.

Для этого мы не имѣемъ ни малѣйшихъ основаній и ни малѣйшей надобности.

Ничего нѣтъ страннаго, если Золя, побуждаемый естественными инстинктами борьбы за господство, за первенство, столь же свойственное литературному соперничеству, какъ и всякому другому, совершенно искренно увлекся иллюзіями своего мнимаго призванія и искренно сталъ смотрѣть на себя, какъ на реформатора литературнаго творчества, какъ на жреца новыхъ критическихъ истинъ.

Достаточнымъ объясненіемъ этого могло бы служить его поверхностное образованіе и замѣчательная невыработка въ немъ связнаго логическаго мышленія, которое дается только строгою школою философіи и науки.

При этихъ условіяхъ, такъ легко второстепенныя стороны предмета принять за главныя и, остановясь на яркихъ внѣшнихъ подробностяхъ, упустить изъ вида скрытую глубже основную идею вещей.

Безпокойное и пристрастное отношеніе Золя къ современнымъ ему знаменитостямъ французской литературы проскальзываетъ, вѣроятно безъ его вѣдома, но съ рѣзкою наглядностью, свозъ строки всѣхъ его критическихъ очерковъ, безразлично, восхваляетъ ли онъ или уничтожаетъ писателя.

Его практическая престонародная смѣтка, при первомъ взглядѣ на духовные триумфы поэтовъ, романистовъ, драматурговъ, прежде всего привидываетъ на пальцахъ количество поллистаго гонорарія и число продаваемыхъ экземпляровъ книги, сопряженныя съ подобными триумфами.

Въ его матеріальномъ воображеніи бѣдняка-демократа, настойчиво пробивающаго себѣ дорогу, каковой нибудь Викторъ Гюго рисуется какъ идеаль успѣха не столько въ образѣ сѣдовласаго изгнанника, бесѣдующаго о вопросахъ вѣчности съ вѣчнымъ моремъ на одинокой скалѣ, сколько въ завидной роли владѣтеля богатаго отеля на одной изъ модныхъ улицъ Парижа,

въ которомъ тѣснится цѣлый міръ рядовыхъ писателей, подобныхъ начинавшему Золя, или въ роли священнаго оракула французской литературы, каждое слово котораго взвѣшивается издателями и редакторами на вѣсъ золота и оспаривается наперывъ другъ передъ другомъ, какъ рѣдкая историческая реликвія на аукціонѣ любителей.

Отели и доходы писателей вообще не даютъ покою этому дѣловому «натуралистическому» уму, и въ его живыхъ, оригинальныхъ, во многомъ мѣткихъ, хотя вообще путанныхъ и противорѣчивыхъ критическихъ очеркахъ, вездѣ наивно звучитъ эта грубая нота бессознательной зависти, какъ деревянный стукъ канцелярскихъ счетовъ среди пѣвучихъ звуковъ музыки.

Даже набрасывая сочувственною кистью поэтическую фізіономію своего друга и мнимаго сторонника, Альфонса Додэ, Золя не можетъ сповойно переварить матеріальной стороны его успѣховъ, и тотъ же жесткій стукъ восташекъ поражаетъ ухо читателя среди капризныхъ гейневскихъ чертъ портрета, когда авторъ, съ разгорѣвшимся аппетитомъ въ глазахъ, нѣсколько разъ вспоминаетъ о 12-ти изданіяхъ, выдержанныхъ въ годъ первымъ романомъ Додэ, о 4-хъ изданіяхъ, выдержанныхъ другимъ его романомъ менѣе чѣмъ въ двѣ недѣли, или когда онъ говоритъ о его вполне обеспеченной будущности, о «последней и величайшей удачѣ» поэта—женидьбѣ, дозволившей наконецъ этому вочующему художнику зиму жить въ Парижѣ, а «лѣто въ деревнѣ, въ очаровательномъ зеленомъ гнѣздышкѣ».

Въ 1876 году, когда былъ написанъ этотъ этюдъ, Золя еще не смѣлъ помышлять о 80-ти изданіяхъ своихъ собственныхъ романовъ и о своемъ собственномъ зеленомъ гнѣздышкѣ, которыми онъ теперь наслаждается. Мудрено ли, что такая острая субъективная черта духа послужила могущественною, хотя, можетъ быть, и бессознательною поддержкою теоретическихъ заблужденій Э. Золя, какъ литературнаго критика. Заблужденія эти касаются столько же внутреннихъ законовъ литературнаго творчества, такъ сказать специальной техники его, сколько и общественнаго значенія литературныхъ произведеній, т. е. ихъ практической примѣнимости въ потребностямъ жизни.

Въ первомъ вопросѣ, Золя, какъ мы знаемъ, искажаетъ всю психическую сущность и всѣ характерныя особенности поэтического и художественнаго изображенія дѣйствительности, низводя литературное творчество до механической роли безстрастнаго протоколиста мимо идущихъ, случайныхъ фактовъ жизни.

Во второмъ вопросѣ онъ убиваетъ все воспитательное, цивилизующее значеніе литературы, отрицая необходимость въ ней нравственныхъ идеаловъ и всякихъ вообще субъективныхъ отношеній въ дѣйствительности поэтовъ и художниковъ, безразлично смѣшивая грязь съ возвышеннымъ, доброе съ злымъ, съ исключительной точкой зрѣнія вѣрности природѣ.

Въ романахъ самого Золя, настаиваемъ мы, нѣтъ подтвержденія этихъ мнимыхъ истинъ, и такъ какъ этого подтвержденія нѣтъ и ни съ какой другой стороны, то онѣ являются совершенно голословною и произвольною выдумкою ихъ автора. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемте для примѣра самый рѣзкій и характерный романъ новѣйшаго натурализма, по поводу котораго не безъ остроумія окрещенъ былъ «нананизмомъ» весь подобный родъ литературныхъ произведеній.

Мы говоримъ про пресловутый романъ Золя «Нана».

Въ «Нана» безспорно много новыхъ литературныхъ приемовъ, много оригинальныхъ цѣлей, невыходившихъ въ расчетъ лучшихъ писателей прежняго пошиба. Но обратите вниманіе на сущность этихъ приемовъ и этихъ цѣлей. Они не имѣютъ ничего общаго съ основными доктринами «научнаго романа», они даже противорѣчатъ имъ.

Теорія «научнаго» творчества требуетъ прежде всего раболѣпнаго списыванія съ природы, фотографической копировки видѣннаго и слышаннаго, безъ всякаго участія фантазіи, безъ всякаго дополненія холодной дѣйствительности соображеніями творческаго представленія.

Но, какъ нарочно, ни въ какомъ другомъ романѣ своемъ Золя не далъ такъ много простора своему воображенію, нигдѣ не пришлось ему замѣнить представленіями своего собственнаго художественнаго ума такъ много подлинныхъ картинъ дѣйствительности, какъ именно въ романѣ «Нана».

И это произошло не случайно, а по роковой необходимости; это было неизбѣжно вызвано самымъ содержаніемъ романа.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни былъ великъ практической опытъ Золя, однако и здравая логика, и всѣ извѣстные намъ факты біографіи этого писателя, рѣшительно возстаютъ противъ нелѣпаго предположенія, что авторъ, напримѣръ, испыталъ лично или видѣлъ во-очію всѣ многообразныя варіаціи дикаго разврата, которому предаются герои и героини его романа.

По существу своему, эти сцены недоступны для прямаго наблюденія въ той совершенно обнаженной, закулисной обстановкѣ своей, въ какой рисуетъ ихъ смѣлый авторъ.

Было бы безнадежно утверждать, напримеръ, что романистъ могъ быть очевидцемъ альбовныхъ тайнъ и истощеннаго стараго развратника, въ родѣ маркиза Шуара, и злаго сатира Фонтана, и безумно влюбленнаго благочестиваго графа Мюфа изъ аристократическихъ салоновъ Версаля, и удалаго атлета Филипа Гюгона, и наивнаго Жоржа, впервые ощутившаго трепеть юношеской страсти, и бѣглою забавы равнодушнаго свѣтскаго дэнди, въ родѣ Дагенэ или Вандѣвра, и наконецъ, противоестественной лесбійской любви одной падшей женщины къ другой.

А между тѣмъ Золя описываетъ, съ точностью натуралиста, съ педантическими подробностями фламандскаго миниатюриста, малѣйшіе эпизоды каждой подобной любви, слѣдя за всѣми стадіями ея постепеннаго развитія, какъ ученый слѣдитъ за эмбриологіею рѣдкоснаго животнаго. Золя кладетъ въ эти описанія столько яркихъ красокъ, столько анатомическаго изученія, столько физиологическаго анализа, что можетъ дѣйствительно ввести въ заблужденіе читателя и заставить увѣрывать его, что картины эти и вправду писаны съ природы, что авторъ увлекался въ этой слишкомъ любовной отдѣлкѣ своихъ копій подавляющею жизненностью живыхъ подлинниковъ, отъ которой никакъ не могло освободиться его чувство наблюдателя.

Но, повторяемъ, уже по самому существу предметовъ этого описанія не можетъ оставаться сомнѣній въ томъ, что эти кажущіяся фотографіи—голыя измышленія писательской фантазій; что Золя въ своемъ послѣднемъ романѣ предался такой напряженной и безбрежной работѣ воображенія, какая рѣдко приходится на долю современнаго художника даже и съ романтическимъ пошибомъ.

Цѣлая картинная галерея всевозможныхъ обрациковъ и всевозможныхъ ступеней физической любви, живьемъ переносящая зрителя въ атмосферу животнаго сладострастія и плотскаго одичанія, со всѣми ея заразительными запахами и всѣми ея раздражающими красками, возсоздана творческимъ воображеніемъ Золя въ такой поражающей, иллюзію наводящей правдѣ, на трудномъ основаніи немногихъ обыденныхъ фактовъ дѣйствительности, извѣстныхъ и доступныхъ всякому,—что, можетъ быть, никакое другое сочиненіе любого французскаго романиста не въ состояніи такъ блестяще зарекомендовать вообще силы воображенія писателя и такъ рѣшительно опровергнуть излюбленную доктрину Золя о сущности творческаго процесса, какъ фотографическаго отраженія дѣйствительности.

Да, мы настаиваемъ на томъ, что обнаженный реализмъ

сценъ въ романѣ «Нана» есть искусственный и сложный плодъ воображенія Золя, а вовсе не наивные протоколы дѣйствительности. Что онѣ реальны—въ этомъ только сила и особенный характеръ таланта.

Какъ есть живописцы, на полотнѣ которыхъ персижь производить ощущение пушистости и виноградъ кажется переливающимъ свои янтарные соки, такъ Золя умѣетъ сообщить выраженіе неподдѣльной жизни отдѣльнымъ предметамъ и сценамъ, которыя берется обработывать его въ высшей степени пластическое и колоритное перо. Какое бы сновидѣніе ни рисовалъ онъ, онъ непременно примѣнитъ къ нему, своею могучею силою воображенія, формы и краски живой жизни, непременно введетъ въ обманъ чувствъ своего читателя.

Но, понятно, что въ этомъ случаѣ онъ не прибѣгаетъ ни къ какому иному способу творчества, кромѣ тѣхъ общихъ и обычныхъ, которыми дѣйствовали прежде и дѣйствуютъ до сихъ поръ всѣ поэты и художники слова. Онъ перерабатываетъ наблюдаемый имъ дѣйствительный міръ въ безчисленное множество новыхъ сочетаній, создаваемыхъ его воображеніемъ художника, его замысломъ романиста; и такъ какъ его художественная память, по своей специальной особености, удерживаетъ съ особенною яркостью отдѣльныя линіи и краски, и вообще матеріальныя свойства предметовъ, которымъ къ тому же онъ, какъ мыслитель, придаетъ особое значеніе въ литературномъ произведеніи,—то естественно, что свободныя созданія его фантазіи дышутъ болѣе, чѣмъ созданія какаго нибудь другаго писателя, своимъ физическимъ, такъ сказать, осязательнымъ правдоподобіемъ дѣйствительности.

Однимъ словомъ, реальная живопись Золя не открытіе, не переворотъ, не новый принципъ творчества, а просто личная особенность таланта Золя, субъективная черта его литературной фізіономіи, его специальный вкусъ и его специальная сила.

Черта эта встрѣчалась въ писателяхъ всегда въ болѣе или меньшей степени.

Осязательная правдивость внѣшняго изображенія еще вѣкъ тому назадъ составляла отличительную черту нѣкоторыхъ писателей-художниковъ. Если же она не выдвигалась такъ рѣзко и исключительно, то прежде всего потому, что она уравнивалась другими свойствами таланта и болѣею частью заслонялась господствующимъ значеніемъ изображеній духа человѣческаго надъ изображеніями окружающихъ его предметовъ, почти во всѣхъ серьезныхъ произведеніяхъ замѣчательныхъ писателей.

Въ литературѣ же послѣдняго времени, вмѣстѣ съ развитіемъ въ наукѣ и распространеніемъ въ обществѣ идей о тѣсной зависимости духа человѣческаго отъ многообразныхъ природныхъ вліяній, вмѣстѣ съ широкою разработкою въ области современнаго искусства — пейзажной и предметной живописи, вообще вмѣстѣ съ усиленіемъ въ образованномъ обществѣ Европы матеріалистическихъ воззрѣній всякаго рода — укоренились прочныя и обязательныя обычаи тщательнаго подражанія природѣ, даже въ мелкихъ подробностяхъ литературнаго произведенія.

Безспорно, что на эти обычаи какъ словеснаго, такъ и животнаго творчества имѣла значительное вліяніе фотографія, начавшая соперничать съ живописью и указавшая ей такіе предѣлы точности, о которыхъ она прежде не заботилась; еще большее вліяніе имѣли установившіеся въ современной наукѣ приемы тщательнаго изслѣдованія отдѣльныхъ фактовъ, предвѣстительно всякихъ общихъ выводовъ.

Все это вмѣстѣ заставило художественныхъ воспроизводителей природы перомъ и кистью посвятить гораздо болѣе вниманія отдѣльнымъ фактамъ и свойствамъ физической природы, чѣмъ это считалось нужнымъ до сихъ поръ.

Картины Рафаэля и Корреджіо, напримѣръ, окружены пейзажемъ едва не дѣтскаго рисунка, неестественныхъ линій, неестественнаго колера, служащихъ единственно къ тому, чтобы выгоднѣе оттѣнить изображеніе человѣка и сосредоточить на немъ безраздѣльно все вниманіе зрителя.

Точно также одежда и вся ближайшая обстановка Мадонъ, святыхъ и героевъ, изображаемыхъ старыми художниками, вовсе не претендуетъ на матеріальное сходство съ тканями, которыя онѣ носили въ дѣйствительности, а рассчитаны только на соотвѣтствіе съ главною идеею картины.

На картинахъ новыхъ художниковъ далеко не то: тутъ мѣхъ бобровый уже не смѣшаешь съ соболемъ; парча тутъ искрится золотомъ; складки кожи совсѣмъ выпуклы, хоть рукою бери; огонь жжетъ; солнце ослѣпляетъ; море колышется, словно живое.

Безспорно, это большое усовершенствованіе искусства, какъ воспроизведеніе дѣйствительности, но только при одномъ неизбѣжномъ условіи, чтобы мѣхъ, парча, огонь или вода не заслоняли, а еще пуще не замѣняли собою внутренняго и болѣе существеннаго содержанія картины.

На какомъ нибудь знаменитомъ фрескѣ Каульбаха, въ родѣ «Эпохи реформациі», фигура Шекспира, на первомъ планѣ, блестящая всею матеріальною правдою живою дѣйствительности,

только усиливаетъ этими внѣшними иллюзіями глаза глубокое впечатлѣніе, какое производитъ на зрителя торжественное собраніе гениевъ и героевъ челоуѣчества, вдохновленныхъ великими идеями возрожденія.

Точно также мало заслонена поразительнымъ правдоподобіемъ внѣшней обстановки основная мысль такихъ возвышенныхъ произведеній, какъ Лессинговъ «Гуссъ на констанцкомъ соборѣ», или такихъ нравственно-трогательныхъ картинъ, какъ «Болгарки» Маковскаго.

Но кто изъ насъ не видѣлъ не только на художественныхъ выставкахъ и аукціонахъ, но даже и въ извѣстныхъ галереяхъ, множество такихъ произведеній новѣйшаго натурализма, въ которыхъ приходится любоваться атласистыми изгибами платья и сверкающею полировкой мебели, забывая самыхъ о людяхъ, облеченныхъ въ эти платья или сидящихъ на этой мебели.

Даже въ замѣчательной туркестанской коллекціи нашего высокоплатантливаго художника Верещагина, при множествѣ великихъ достоинствъ его кисти и при несомнѣнно серьезномъ значеніи этого собранія, его магическая живопись мраморовъ, бронзы, шалей и шелковъ также нерѣдко оставляетъ въ тѣни общую идею картины.

Но если это господство внѣшней формы надъ идеею вредно и недозволительно въ области живописи, главнымъ образомъ посвященной формѣ, дѣйствующей, по существу своему, исключительно помощью формъ, линій и красокъ, и внѣ ихъ немислимой, невозможной,—то что сказать о словесномъ художествѣ, которое свое пристрастіе къ внѣшнимъ формамъ простираетъ до забвенія основной идеи произведенія, которое предпочитаетъ воспроизведеніе съ фотографическою точностью мало-осмысленныхъ отдѣльныхъ явленій матеріальнаго міра свободнымъ изслѣдованіямъ свободнаго челоуѣческаго духа.

Если Золя, съ своею швалою, внесъ какую нибудь поправку въ существовавшіе до него приемы литературнаго творчества, то именно въ смыслѣ систематическаго пересаливанія того уваженія къ фактамъ внѣшней природы, которое получило законное право гражданства въ области словеснаго и всякаго другаго искусства совершенно независимо отъ Золя и несравненно равнѣе его.

Золя сообщилъ этой сторонѣ литературнаго изображенія дѣйствительности тотъ исключительный, односторонній и даже педантичный характеръ, который дѣлаетъ тяжелыми и скучными самыя талантливыя произведенія этого писателя, и который гро-

зить серьезною опасностью всему будущему развитію европейской литературы.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого обожанія внѣшнихъ фактовъ міра будетъ, прежде всего, измельчаніе задачъ литературы.

Писатели, которые пойдутъ въ своей художественной практикѣ за знаменемъ Золя, мало-по-малу покинутъ ту основную почву, на которой стоитъ и внѣ которой не можетъ стоять сколько нибудь плодотворное и серьезное литературное творчество—область духа человѣческаго

Они отвынутъ имѣть дѣло съ готовыми и зрѣлыми движеніями его, которые однѣ только могутъ быть полны силы и ученія, потому что ихъ увлекаетъ все болѣе и болѣе мнимонаучная возня надъ тѣми первобытными, зачаточными проявленіями этого духа, гдѣ онъ еще не успѣваетъ освободиться отъ пеленокъ своей анатомо-физиологической жизни, гдѣ все въ немъ еще слишкомъ туманно, бессильно, безсознательно, противорѣчиво, слишкомъ близко еще къ тупой и сухой психіи животнаго міра, чтобы наблюденія эти могли доставить достойную пищу человѣку, жаждущему высшаго духовнаго наслажденія и познанія, стремящемуся развить свой собственный духъ глубокимъ внутреннимъ общеніемъ съ тайнами инаго, высшаго духа...

У насъ принято съ надменностью и презрѣніемъ относиться къ тому, что старо, что давно извѣстно. Въ нашей русской литературѣ и нашемъ русскомъ обществѣ, не страдающихъ грѣхомъ серьезнаго образованія, имѣютъ особенную цѣну всякіе размахистыя взгляды, что ни въ грошъ не ставятъ многовѣковыя работы лучшихъ умовъ человѣчества и встрѣчаютъ своимъ циническимъ «наплевать» все, до чего не доросли сами они, или что претитъ ихъ личнымъ инстинктамъ.

Нечего говорить, что новѣйшіе слои французской радикальной демократіи, восхищающіеся натурализмомъ Золя, Ришпенювъ, Рикуаровъ и братія ихъ, имѣютъ еще менѣе условій для серьезной оцѣнки критическихъ теорій и вопросовъ искусства, чѣмъ даже наша мало-учившаяся публика.

Люди, которые безъ смѣха слушаютъ импровизирующихъ ликурговъ разныхъ загородныхъ кабацковъ и принимаютъ за государственную мудрость напыщенные театральныя декламации политикующихъ неучей, безъ труда, конечно, могутъ увѣрять, что Рафаель ничтожество передъ гражданиномъ Курбѣ, а Аристотель и Лессингъ идиоты въ сравненіи съ демократическимъ романистомъ газеты «Voltaire».

Но, не смотря на эту слѣпую самоувѣренность невѣжества,

и въ Аристотелѣ, и въ Лессингѣ, и во всѣхъ этихъ отсталыхъ, ограниченныхъ мыслителяхъ человѣчества, такъ дешево сдаваемыхъ въ архивъ тѣмъ, которые понимаютъ въ ихъ дѣлѣ столько же, сколько извѣстное домашнее животное въ душистыхъ плодахъ Мессины,—гораздо болѣе непреходящей правды, чѣмъ это кажется людямъ, нежелающимъ, ради легкости и краткости, возиться съ ихъ скучными, не по головѣ тяжелыми, работами.

Очень и очень не мѣшаетъ большинству нашихъ развязныхъ критиковъ и поучителей, смѣло открывающихъ Америку въ безпредѣльныхъ пространствахъ собственного невѣжества, почаще возвращаться къ старымъ школьнымъ указкамъ и дѣлать себѣ безпристрастный экзаменъ изъ забытаго букваря. Они, можетъ быть, убѣдились бы тогда, что отсталые мыслители прошлаго не совсѣмъ же даромъ хлопотали надъ установленіемъ своихъ теорій искусства, не совсѣмъ же безпричинно указывали на существенное различіе живописи отъ словесности. Можетъ быть, при близкомъ знакомствѣ съ этими забытыми обскурантами, новѣйшіе «научные романисты», случайно зачерпнувшіе теперь свою художественную теорію изъ попавшейся подъ-руку и совершенно непонятой ими медицинской книги профессора Клода Бернара, прониклись бы убѣжденіемъ, что нелѣпо смѣшивать въ одно двѣ такіа разнородныа задачи, какъ наглядное изображеніе внѣшностей природы линіями и красками живописи, съ изображеніемъ въ словѣ состоянія и движеній человѣческаго духа.

Въ настоящее же время это принципиальное пренебреженіе старыми классическими авторами и отсталыми классическими теоріями, это громко провозглашенное реальное невѣжество большинства новомодныхъ критиковъ и романистовъ Франціи сдѣлало то, что даже такой могучій писательскій талантъ, какъ Эмиль Золя, пошелъ по совершенно ложной дорогѣ.

Золя положительно перенесъ въ литературное творчество всю живопись цѣликомъ. Въ своихъ безконечно-скучныхъ, хотя и вѣрныхъ описаніяхъ, онъ перестаетъ быть писателемъ, а обращается въ настоящаго рисователя и живописца фламандской школы. Съ такою же мелочною внимательностью, съ такимъ же прозаическимъ терпѣніемъ, какъ эти, бѣдные фантазіей художники дѣловаго и акуратнаго народа, всѣ эти фанъ-дерь-Мирисы и Теньеры, останавливается Золя на каждомъ кочнѣ капусты, на каждой трещинѣ камня, на каждой складочкѣ цвѣточнаго лепестка, на каждомъ пятнушкѣ лица; съ такимъ же педантическимъ благоговѣніемъ вырисовываетъ онъ свою обмакнутою въ чернило кистью каждый, ничего неговорящій, отдѣль-

ный волосокъ, каждое случайное и ни къ чему неведущее изменение тѣни и свѣта. Отъ описаній Золя дѣлается тяжело и досадно.

Вы чувствуете надъ своею душою постоянное давление какой-то, упрямо навязываемой вамъ, нисколько вамъ ненужной и ничѣмъ неоправдываемой авторской потуги, мѣшающей и надоедающей вамъ, заслоняющей отъ васъ живое дѣйствіе, внутреннюю жизнь, разумную идею романа,—потуги навести на васъ иллюзію, «обморочить» васъ, по русскому выраженію, до такой степени, чтобы носъ вашъ взаправду чувствовалъ то одуряющій, то тошнотный запахъ, чтобы рука ваша ощущивала форму предметовъ, осазала холодъ мраморовъ и жаръ возбужденнаго тѣла, чтобы отъ вашего глаза не укрывалась ни малѣйшая подробность самыхъ ничтожныхъ предметовъ, случайно находящихся въ данной обстановкѣ, хотя бы между ними и дѣйствіемъ разсказа не существовало никакой внутренней связи.

Нельзя, конечно, отказать Золя въ огромномъ мастерствѣ подобныхъ описаній. Въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ дѣйствительно доводитъ читателя до галлюцинацій. Но въ большинствѣ, въ общемъ, эти описанія невыносимы и возмутительны для художественнаго чувства читателя.

Читатель весь ушелъ въ глубоко интересующій его міръ человѣческой страсти, человѣческаго сердца; онъ съ трепетнымъ напряженіемъ ждетъ развитія увлекшей его психической драмы, боясь упустить изъ своего умственного круга зрѣнія какую нибудь важную черту стройнаго духовнаго организма, который мало-по-малу зарождается, встаетъ и разрастается все шире и дальше въ его представленіи,—и вдругъ ему, въ эту деликатную минуту, въ десятый, въ сотый разъ тычутъ въ носъ подробныя, какъ вѣдомости аукціона, скучныя, какъ канцелярскіе отчеты, описанія все тѣхъ же золоченыхъ стульевъ, тѣхъ же тяжелыхъ портьеръ, того же пейзажа, видимаго изъ окна, тѣхъ же звуковъ, доносящихся съ улицы, тѣхъ же запаховъ прачешной или съѣстнаго рынка, шума мастерской или звона посуды въ ресторанахъ, какіе уже подносились авторомъ въ каждой главѣ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, съ тѣми же неприятными слѣдами неудавшихся авторскихъ потугъ и грубаго насилуванія надъ предметами, съ тою же холодною ремесленною «апретурою», взамѣнъ творчества, которыя уже и прежде выливали досадныя ушаты воды на разгоряченное воображеніе читателя.

Эту скверную привычку свою замѣнять цѣлыя главы романа

«объяснительными каталогами» предметов (catalogue raisonné) Золя, повидимому, заимствовалъ у Бальзака, который, въ свою очередь, подражалъ въ этомъ случаѣ своему любимцу Вальтеръ-Скотту. Но если это такъ, то оба знаменитые романиста Франціи впали въ несчастную ошибку, погнавшись за тѣмъ, что было явнымъ недостаткомъ въ ихъ достойныхъ оригиналахъ.

Въ этомъ случаѣ, крайне непослѣдовательному Золя слѣдовало бы быть послѣдовательнѣе. Онъ самъ провозгласилъ Стендаля родоначальникомъ и главою новѣйшаго литературнаго реализма, «отцомъ всѣхъ насъ», художниковъ-натуралистовъ.

Но Стендаль, болѣе чѣмъ кто нибудь, могъ бы научить его тѣмъ качествамъ, которыя такъ ярко отсутствуютъ у Золя.

Римская краткость и трезвость слова Стендаля, точнаго и сдержаннаго, какъ параграфы законовъ, чуждаго всякихъ отступлений отъ главнаго предмета, свободнаго отъ всякой мелочной внѣшней живописи и сосредоточеннаго на строгомъ развитіи психическаго анализа, должны были бы, казалось, повліять хотя немного на литературные приемы писателя, объявившаго Стендаля главою своей школы.

Если же этого вліянія незамѣтно ни въ чемъ, то тутъ является новое доказательство выдуманности той натуралистической школы, въ которую Золя старательно пытался завербовать даже писателей, ничѣмъ къ ней непричастныхъ.

Впрочемъ, разгадку такого поразительнаго несходства мнимаго главы школы съ рьянымъ послѣдователемъ и евангелистомъ этой школы даетъ намъ самъ Золя въ своемъ недавнемъ этюдѣ о Стендалѣ, гдѣ онъ откровенно признается, что «признавалъ Стендаля, главнымъ образомъ, главою теоретически, когда его не читалъ».

Какъ же только критикъ «принимался за изученіе» Стендаля, онъ «смущалъ и не удовлетворялъ его». «Рѣшительно, Стендаль не мой герой,—увѣряетъ Золя,—что-то въ немъ претило мнѣ; я восхищался имъ, какъ принципомъ, но отворачивался, когда принципъ находилъ примѣненіе».

Это чистосердечное признаніе не мѣшаетъ, однако, смѣлому критику объявлять, что всѣ вообще «современники, въ томъ числѣ и Сентъ-Бѣвъ, поверхностно судили о Стендалѣ» и что «статья Сентъ-Бѣва о Стендалѣ ничто иное, какъ болтовня литератора, возмущеннаго натурою, противоположною его соб-

ственной; она ничего не объясняетъ и нисколько не убѣдительно».

Въ головѣ французскаго критика такіа несообразности уживаются совершенно легко, какъ уживаются въ ней, подобно разноцвѣтнымъ стеклышкамъ калейдоскопа, всѣ вообще разнохарактерныя взаимныя противорѣчія его критической теоріи.

Такъ, у Золя, въ одно и то же время, даже на одной и той же страницѣ, Стендаль и «стоитъ во главѣ натуральной школы» и «онъ не наблюдаетъ и не списываетъ съ природы, не мудрствуя лукаво». Его романы — философская квинтъ-эссенція человѣка. «Онъ примѣриваетъ на людяхъ свои теоріи и рисуетъ ихъ сѣвозъ свои измышленія».

Точно также, въ другомъ мѣстѣ, Золя признаетъ самую характерною чертою Стендаля «его презрѣніе къ плоти, его молчаніе о физиологическихъ элементахъ въ человѣкѣ и о роли среды». Но въ то же время напоминаетъ, что «Стендаль былъ первымъ романистомъ, который признавалъ законъ среды».

Такимъ же образомъ «этотъ психологъ, пренебрегающій дѣйствительностью (?) и весь преданный логикѣ», «философъ, начинающій съ логики, который приходитъ къ истинѣ помимо наблюденія», который «замыкается въ абстрактѣ», который пишетъ романъ не съ тѣмъ, чтобы проанализировать какойнибудь уголокъ дѣйствительности», а «чтобы примѣнить систему Кондильяна объ образованіи идеи», однимъ словомъ, этотъ логикъ по преимуществу оказывается, въ концѣ концовъ, такимъ, что у него-то именно «логики не хватаетъ, какъ въ самомъ планѣ сочиненія, такъ и въ слогѣ, какимъ оно написано».

Стендаль, обладающій «логикою въ идеяхъ, не обладает логикою въ планѣ сочиненія и въ слогѣ». «Какъ только онъ переходитъ къ сочиненію, какъ только ему нужно писать, вся эта удивительная логика улетучивается, онъ пишетъ зря, какъ попало. Куда дѣвается метода, система, порядокъ, является какой-то хаосъ»; «отсутствіе логическаго плана въ романахъ Стендаля бросается въ глаза».

По-истинѣ курьезный писатель-логикъ, неумѣющій примѣнить своей удивительной логики только къ одному писательству.

Не натуралистъ, врагъ природы, северный философъ, и со всѣмъ тѣмъ открываетъ логикою великія истины и стоитъ во главѣ натуральной школы.

Поймите вы послѣ этого новомодныхъ проповѣдниковъ «научной формулы!»

И такъ, мы утверждаемъ, что въ собственныхъ романахъ Золя мы не видимъ никакого новаго процесса творчества, болѣе совершеннаго, чѣмъ тотъ, который всегда употребляется писателями, неотносимыми критикомъ къ числу «натуралистовъ».

Въ романахъ Золя мы видимъ очень вѣрное изображеніе различныхъ сторонъ жизни, достигаемое обычными путями литературной работы.

У него точно такъ же, какъ у другихъ писателей, воображеніе, въ данную минуту, является распорядителемъ матеріала, собраннаго въ разное время наблюденіемъ дѣйствительности, размысленіемъ и чувствованіями автора.

Только у него воображеніе развито преимущественно въ низшихъ свойствахъ своихъ, т. е. въ изображеніи отдѣльныхъ картинъ предметовъ, въ воспроизведеніи линій и красокъ; высшіе же полеты воображенія, помогающіе писателю-художнику постигать и воспроизводить болѣе внутреннія и болѣе духовныя черты характеровъ и группъ, скрытыя подъ мелочами ихъ внѣшней обстановки, ему меньше по вкусу и по силамъ.

Если Золя внесъ совершенно новый элементъ въ художественное творчество, то только въ томъ смыслѣ, что онъ стащилъ его въ скрытыя, до сихъ поръ, отъ взора и обонянія читающаго общества грязныя и вонючіе подвалы, въ своего рода выгребныя ямы нравственнаго міра, куда накаплиются обыкновенно негодные отбросы живой жизни, въ которыхъ совершаются его необходимыя органическія отправления, ничему не поучающія и никому неинтересныя, вселяющія только одно невольное чувство отвращенія и гадливости.

Въ этомъ смыслѣ Золя, безспорно, расширилъ предѣлы литературнаго изображенія и, безспорно, явился живописцемъ природы безъ всякихъ умолчаній, сокращеній и ограниченій. Это разширеніе литературныхъ предѣловъ и эта натуральная откровенность касаются не только выбора предметовъ для описанія, но еще и выбора самыхъ словъ.

Какъ въ програмѣ Золя нѣтъ недозволительныхъ сюжетовъ, такъ и въ лексиконѣ его не существуетъ, по его мнѣнію, неприличныхъ словъ.

Все, чтд существуетъ, почтенно, — таково его «научный» лозунгъ. Повидимому, и его онъ заимствовалъ изъ какой нибудь случайно прочтенной медицинской или акушерской книги, какъ

заимствовалъ свою критическую теорію «научнаго романтизма» изъ попавшагося подъ-руки трактата Клода Бернара.

На эту мысль наводитъ насъ то обстоятельство, что пока Золя не толковалъ о Клодѣ Бернарѣ и «научности», языкъ и предметы его сочиненій были все-таки несравненно приличнѣе. Если въ своемъ романѣ «La siгée» онъ и живописалъ любовь Сидоніи въ сыну своего мужа, то все-таки накиннулъ довольно густой флеръ на матеріальныя подробности этой, не совсѣмъ обыкновенной страсти.

Въ другомъ романѣ своемъ, «Le ventre de Paris», онъ тоже довольно безцеремонно укладывалъ спать въ одной большой корзинѣ пуха двухъ оборвышей-юношей, дѣтей парижскаго рынка, восемнадцатилѣтняго мальчика и пятнадцатилѣтнюю дѣвочку; но ихъ пробудившееся животное чувство, получившее свой естественный исходъ, точно также какъ оно получаетъ его въ стадѣ скота или табунѣ лошадей, авторъ тоже не рѣшился освѣтить въ самыхъ, такъ сказать, окончательныхъ его проявленіяхъ; точно такъ же, какъ въ «Его превосходительствѣ Еженѣ Ругонѣ» онъ дозволилъ себѣ быть вполнѣ откровеннымъ только въ описаніи предварительной борьбы женщины, довольно грубо опрокинутой на солому конюшни рувою чувственнаго сановника.

Но въ дальнѣйшихъ своихъ романахъ Золя, очевидно, додумался и развился до настоящей «научности» и до истиннаго реализма. Въ его «Assomoir» уже мало что оставалось договаривать и догадываться. Не только люди и ихъ физика показывались *au naturel*, какъ въ скульптурныхъ галереяхъ, за маленькимъ исключеніемъ изящества и бѣломраморной чистоты, притомъ не только въ своемъ естественномъ положеніи, но даже перевернутыми вверхъ ногами, для большей успѣшности демонстрацій; даже грязное бѣлье, сваленное въ пращешной, описывалось со всѣми своими спеціальными ароматами и пятнами, и показывалось зарожденіе чувствъ и настроеніе человѣка изъ такой «реальной», «натуралистической» почвы.

Всѣ позывы пьянаго организма загулявшихъ работниковъ, безъ выбора и пропуска, изслѣдованы и обнаружены неподкупнымъ анализомъ автора передъ читателями и читательницами этого «научнаго» романа, въ самой живописной осязательности.

Понятно, что при такой точности и добросовѣстности изображенія, было бы странно не ознакомить публику обоого пола и съ тѣми характерными выраженіями, которыя свойственны пьянымъ кузнецамъ и подравшимся прачкамъ.

Если публика считала прежде такія выраженія немисли-

мами, невозможными въ мало-мальски уважающемъ себя обществѣ; если она воображала ихъ только принадлежностью «извощичьей биржи», мимо которой всякій, случайно наткнувшійся на нее, спѣшилъ скорѣе пройти, не вслушиваясь, за которую всякій привыкъ краснѣть, если она неожиданно доносилась съ базара въ окна порядочнаго дома, и авторовъ которой полиція, по закону, должна преслѣдовать судебнымъ порядкомъ во всякомъ благоустроенномъ европейскомъ городѣ,—то этотъ романтическій предрасудокъ отсталаго общества, руководящагося старыми дворянскими идеями о приличіяхъ, нисколько не обязательнъ для пророка новаго демократическаго міра и новой «научной» литературы.

И потому-то онъ отпечатываетъ ихъ всѣми буквами, безъ точекъ и безъ фиговыхъ листиковъ романтизма. Однако даже самъ «Assomoir» ничто въ этомъ отношеніи, сравнительно съ вѣнцомъ всѣхъ произведеній Золя—«Нана», переведенномъ на всѣ языки и выдержавшимъ какое-то несмѣтное количество изданій въ какой-то баснословно короткій срокъ, во всякомъ случаѣ, должно быть болѣе, чѣмъ продается библиѣ втеченіи многихъ лѣтъ во всѣхъ странахъ просвѣщеннаго міра.

«Нана»—это апогеозъ реалистической откровенности Золя и его анатоми-физиологической живописи. Тутъ все, что можно себѣ вообразить, даже чего нельзя вообразить изъ области сальныхъ словъ, сальныхъ сценъ, сальныхъ предметовъ. Это своего рода монографія лупанара, тщательно разработанная въ мельчайшихъ своихъ подробностяхъ, въ каждомъ незначительномъ отгнѣвѣ своемъ. Лупанары публичныя и, такъ сказать, официальные, лупанары тайныя, но вмѣстѣ организованныя, лупанары кочующіе, подвергающіеся полицейской травлѣ, лупанары по вдохновенію и случаю, возникающіе при всевозможныхъ условіяхъ, по приглашеніямъ разныхъ m-me Триконъ, лупанары домашніе разнаго калибра, цвѣта и фасона, отъ драгоценныхъ скульптурныхъ алькововъ до половаго ковра и деревенскаго огорода; лупанары для женщинъ, лупанары для дѣтей, не достаетъ развѣ лупанаровъ для скотовъ, и то потому, что скоты, повидимому, приличнѣе и человѣчнѣе грязнаго существа, прикрывающаго себя подложнымъ титуломъ подобія Божьяго. Никуда не дѣнешься отъ отравляющихъ міазмовъ этого грязнаго вертепа на всѣхъ 524 страницахъ романа. Не видно ни земли, ни неба, ни звѣздъ, ни солнца, видно только одно широко-разлившееся, все собою потопившее, бушеваніе развращенной плоти,

раздражаемой своею собственною пресыщенностью на новья, еще болѣе грубыя, еще болѣе растлѣвающія похоти.

Человѣка тоже не видно нигдѣ, по крайней мѣрѣ, его душа, его сердце. Видны только осатанѣвшіе звѣри двухъ половъ, ищущіе другъ друга и рвущіе другъ друга на части. Они только говорятъ языкомъ людей, но думаютъ какъ сеоты и дѣйствуютъ какъ хищные звѣри. Всѣ они, въ этой сплошной атмосферѣ разврата, одичанія и униженія, кажутся гадинами, что бессмысленно копошатся въ вонючихъ кучахъ, породившихъ ихъ, сообщившихъ имъ и свой отвратительный цвѣтъ, и свой отвратительный запахъ, и привычку отвратительнаго мѣстопребыванія.

Одинаковы всѣ эти Нана, Сатены, Триконы, всѣ эти Мюффа, Стейнеры и Фонтаны, всѣ эти разнородные смрадные черви громадной парижской латрины.

Золя не останавливается ни передъ чѣмъ, чтобы дать вѣрный портретъ этихъ латринъ и лупанаровъ, чтобы ознакомить своихъ читателей со всѣми спеціальными особенностями и приемами ихъ.

Онъ описываетъ вамъ развращенную двурукую самку, торгующую своимъ тѣломъ, какъ говядиной въ мясной лавкѣ, по таксъ, по часамъ, чуть не по фунтамъ, во всѣ безъ исключенія моменты ея гнусной торговли...

Вы не только видите всѣ прыщики и родинки на ея собственномъ тѣлѣ, и отраженными въ зеркалѣ, и осязаемыми рукою, но еще присутствуете, какъ очевидецъ, при всѣхъ циническихъ тайнахъ ея продажнаго алькова, знакомитесь, какъ по медицинскому атласу, со всѣмъ процесомъ этихъ ночныхъ оргій.

При этомъ и герои, и героини, и самъ авторъ называютъ вещи такъ близко къ ихъ существу, что читателемъ овладѣваетъ полная иллюзія, и онъ можетъ представить себя дѣйствительно перенесеннымъ въ такую обстановку, гдѣ бывають возможны и эти слова, и эти картины. Всѣ предѣлы приличія и скромности стерты безслѣдно; вамъ остается ожидать, что фізіологическая откровенность романиста дойдетъ сейчасъ до такого же нагляднаго описанія процесса пищеваренія со всѣми его послѣдствіями, съ тою же точностью названій и выраженій. Впрочемъ до этого уже дѣйствительно дошло, и Жанъ Ришпенъ, одинъ изъ послѣдователей Золя, въ своемъ реалистическомъ, хотя и очень скверномъ, романѣ «*М-ше André*» очень оживленно описываетъ «икоту, пахнущую гнилью», «непроизвольныя изверженія», «желчную рвоту», «зеленоватую течь» и разныя другія госпитальныя подробности умирающаго героя, полезнымъ

образомъ пополняющія его скорбный листъ, но къ сожалѣнію нисколько не помогающія бездарной обрисовкѣ его характера.

Намъ скажутъ, что голая правда, допускаемая на клинической лекціи, на страницахъ анатомическаго атласа, не можетъ быть оскорбительна и на страницахъ романа. Но въ наукѣ правда эта является роковою необходимостью, которую избѣжать невозможно, которая именно и составляетъ главное содержаніе научнаго изслѣдованія. Притомъ эта клиническая лекція, этотъ атласъ назначаются и даются въ руки только немногимъ специалистамъ, призваннымъ по своей профессіи имѣть дѣло со всѣми малѣйшими подробностями этихъ предметовъ.

Лекціи акушерства не распространяются для забавы среди обыденной читающей публики, и атласъ венерическихъ болѣзней не выкладывается на столъ гостиниой.

А, главное, литература имѣетъ призваніе изслѣдовать свойства и движенія духа человѣческаго, нравственную фیزیономію, темпераменты, психію людей, а вовсе не запахи отхожихъ мѣсть и не техническіе приемы разныхъ ремеслъ и фабрикацій.

Литература во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ имѣла существенную цѣлью возвысить и облагородить настроеніе человѣка, расположить его къ добруму и прекрасному.

Цѣль эта, въ области литературы, можетъ быть достигнута только образами нравственной красоты, только художественнымъ изяществомъ формы. Безнравственное и неизящное можетъ быть допущено въ литературѣ только какъ тѣнь, или какъ негативъ своего рода, вызывающій потребности противоположнаго, безъ него лишеннаго смысла.

Обращать же литературу въ помойную яму однихъ грязныхъ и циническихъ образовъ, одной безпробудной животности, безъ малѣйшаго свѣтлаго, человѣческаго луча; вводить притомъ въ художественные обычаи безцѣльные описательные рисунки всѣхъ низменныхъ органическихъ процессовъ; приучать благовоспитанное ухо цѣлой читающей публики къ площаднымъ ругательствамъ и непристойностямъ, нетерпимымъ даже въ обыденномъ разговорѣ двухъ знакомыхъ,—это значитъ совершенно извращать то высокое воспитательное значеніе литературы, которое она завоевала себѣ въ исторіи человѣчества, и съ помощью котораго литературный человѣкъ сталъ въ европейскомъ обществѣ синонимомъ человѣка цивилизаціи. Это значитъ растлѣвать фантазію, втягивать въ грязь вкусы, мысли и обычаи человѣка, содѣйствовать, однимъ словомъ, его одичанію, но не его облагороженію.

Намъ могутъ съ основательностью возразить, что циничская откровенность Золя способна возбудить еще большее омерзение къ изображаемымъ имъ предметамъ, чѣмъ живыми романическія завѣсы, которыми нерѣдко старые писатели прозрачно прикрывали такія же неприглядныя вещи, казавшіяся однако поэтическими ихъ избалованной фантазіи.

Мы приберегали къ концу этотъ существенный пунктъ. Изъ всего, что мы говорили въ разныхъ статьяхъ нашихъ о Золя, читатель могъ видѣть, что мы всегда ставили высоко его мощный и оригинальный художественный талантъ. Отрицая рѣшительно близорукія и грубыя сужденія его критической теоріи, мы тѣмъ не менѣе отдавали справедливость пластической силѣ описанія, широтѣ и правдѣ бытовыхъ картинъ, которыми романы Золя такъ блистательно отличаются отъ большинства современныхъ ему романистовъ. Въ настоящемъ этюдѣ своемъ, мы точно также старались выяснитъ безсиліе критической теоріи Золя, сопоставленіемъ ея съ его собственными романами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы выяснили и специальный грѣхъ этихъ романовъ, въ который, по мнѣнію нашему, все глубже и все опаснѣе погружается высоко даровитый художникъ въ своихъ послѣднихъ созданіяхъ.

Мы теперь повторяемъ то же, что уже говорили не разъ: романы Золя — эта цѣлая безпредѣльная панорама французской жизни изъ временъ второй имперіи. Это громадныя картины могучей право-описательной кисти.

«Assomoir» и «Nana» не отдѣляются въ этомъ случаѣ отъ «Cocuquette de Plassans» и отъ «Cugée». Въ «Assomoir» — быть парижскаго рабочаго, въ «Nana» — быть парижскаго полусвѣта и парижской золотой молодежи представлены въ потрясающей правдѣ и полнотѣ.

Если въ этихъ послѣднихъ романахъ, какъ мы сейчасъ видѣли, виѣшняя, такъ сказать, плотская жизнь и безумная вещественная обстановка этой жизни получили слишкомъ преувеличенное, слишкомъ господствующее и притомъ тенденціозное развитіе, грозящее серьезною опасностью и таланту художника, и интересамъ читателя, и воспитательному значенію литературы, то тѣмъ не менѣе невозможно отрицать извѣстнаго поучительнаго и моральнаго характера этихъ произведеній, вѣяющихъ въ общемъ.

Человѣку, привыкшему мыслить серьезно и самостоятельно, выработавшему твердые взгляды и правила жизни, разумѣется, романъ, подобный «Nana», будетъ ясенъ во всей своей односто-

рожности и безвреденъ въ своихъ соблазнахъ. Для него онъ будетъ только интересенъ и поучителенъ, какъ фотографически вѣрная, осязательно выпуклая картина развращенности современныхъ нравовъ Парижа и вообще нашихъ большихъ центровъ населенія.

Такой человекъ опыта и разума, конечно, вынесетъ изъ романа только глубокое чувство омерзенія и негодованія, или рѣшимость борьбы противъ этой страшной яввы цивилизаціи. Говорятъ, папа Леонъ XIII, пречтя «Нана», нашелъ этотъ романъ прекрасною книгою для добраго католика, потому что никогда еще, по мнѣнію его, развратъ не выставлялся въ такомъ отталкивающемъ видѣ, какъ въ этомъ романѣ. Съ этой точки зрѣнія, нельзя не поддержать вполнѣ остроумнаго отзыва паны. Мнѣ пришлось самому слышать весьма характерный приговоръ роману Золя.

«Когда я прочелъ «Нана», мнѣ вдругъ захотѣлось сдѣлаться монахомъ и навсегда отказаться отъ любви», признался мнѣ одинъ сердечный и умный юноша.

Впечатлѣніе это далеко не единичное и вполнѣ понятное. Свѣжая, молодая душа, полная идеаловъ любви и вѣры въ духовную красоту человекъ, въ нѣмомъ отчаяніи должна остановиться передъ ужасною вивисекціею романиста, безпощадно обнажавшаго одиѣ грязныя внутренности животнаго, одиѣ бѣшенныя похоти звѣря тамъ, гдѣ столько вѣковъ сіяло для людей солнце поэзіи и чистоты.

Но, къ сожалѣнію, только небольшое меньшинство читателей способно стать, при чтеніи романа, на такую обобщающую и самостоятельную точку зрѣнія. Большинство слишкомъ не привыкло къ широкимъ выводамъ, къ отдаленнымъ соображеніямъ и гораздо болѣе останавливается на впечатлѣніяхъ частныхъ, гораздо болѣе поддается влиянію непосредственнаго настроенія духа.

Для такого громаднаго большинства слишкомъ неосторожно, даже безумно, выбирать хотя-бы съ нравственною общою цѣлью, картины, непосредственно развращающія воображеніе, воспитывающія низкіе и грубые вкусы, приучающія смотрѣть какъ на что-то простое, естественное и обыденное, на отвратительнѣйшія проявленія нравственнаго паденія человекъ, которыя до сихъ поръ всегда стыдились самихъ себя, трусливо прятались отъ свѣта солнечнаго въ темныя норы, и сами отрицали у себя право на появленіе среди честныхъ людей, на произнесеніе вслухъ даже одного имени своего.

Какъ ошибочно и вредно пресловутое правило іезуитовъ, что хорошая цѣль оправдываетъ самыя дурныя средства, точно также ложно и опасно правило художественнаго творчества, пытающееся достигнуть нравственнаго впечатлѣнія на читателя цѣлыми сплошными галереями картинъ разврата и дикости.

Кромѣ того, въ романѣ Золя всѣ эти картины отдѣланы съ слишкомъ большимъ увлеченіемъ, слишкомъ яркими красками, въ слишкомъ тщательною подробностью, чтобы обиденный читатель могъ стать легко на черезъ-чуръ отдаленную поучительную точку зрѣнія автора.

Я имѣлъ много случаевъ убѣдиться изъ своихъ разговоровъ съ читателями «Напа», что огромное большинство ихъ зачитывается «Напа» съ наивнымъ убѣжденіемъ, что самъ авторъ восхищается вмѣстѣ съ ними весьма чудными торсами, соблазнительными округлостями, сладострастными сценами будуаровъ и спаленъ; что авторъ этотъ проповѣдуетъ своимъ романомъ освобожденіе отъ предрасудковъ пустой стыдливости и церемонианія, осмѣиваетъ романическую идеализацію любви и побѣдоносно доказываетъ «своимъ строго-научнымъ анализомъ», что все дѣло въ бедрахъ и въ извѣстномъ раздраженіи нервовъ.

Читатели эти, съ своей точки зрѣнія, правы и трудно винить ихъ. Авторитетъ самой модной современной знаменитости въ области литературы, такъ убѣдительно установившей свою критическую теорію святости всякаго реального факта, исключительнаго значенія осязательной «натуры» въ словесномъ творчествѣ, въ состояніи увлечь за собою и не такую плохо подготовленную массу, особенно если вспомнить, съ какимъ художественнымъ мастерствомъ, доходящимъ до обмана чувствъ, умѣетъ Золя рисовать картины физическаго и физиологическаго человѣка.

Звѣря сидитъ еще такъ много въ человѣчествѣ, что онъ охотно идетъ на встрѣчу всему, что ласкаетъ его инстинкты, что провозглашаетъ его владыкою духа.

Никакая возвышенная музыка Бетховена, никакіе моцартовскіе реквиемы не привлекутъ въ себѣ такую толпу страстныхъ почитателей, какую соберетъ вокругъ себя какая нибудь офенбаховская оперетка «Belle Hélène» или «Герцогиня Герольштейнская».

Но развѣ приемы Золя въ литературѣ не тѣ же приемы Оффенбаха въ музыкѣ?

Вѣдь и «Belle Hélène» не лишена общей мысли, глубокой и остроумной. Когда я видѣлъ ее въ первый разъ на сценѣ

парижскаго Varietés во время всемірной выставки 1867 года, то, признаюсь, я оцѣнилъ въ ней не одно роскошное тѣло г-жи Шнейдеръ, ради эффекта котораго была сочинена оперетка веселаго композитора, и которое, съ извѣстной точки зрѣнія, оправдывало ожесточенную борьбу данайцевъ съ Троею.

Нѣтъ, въ этой шуточной, неудержимо хохочущей вещицѣ слышалась мнѣ, пожалуй, громче хохота, злая и блестящая сатира на царей, поповъ, армию, такъ подходившая къ тогдашнему настроенію парижанъ, придавленныхъ гнетомъ Наполеона и ультрамонтанства.

Но опять спрашивается: чтó добраго, чтó плодотворнаго внесла эта циническая сатира, можетъ быть, и съ хорошею цѣлью задуманная? Она только нагляднымъ образомъ развила цинизмъ не только на сценѣ, но и въ самомъ обществѣ.

Толпа усвоила себѣ скабрзные пѣсенки, скандальныя жесты; воспитала въ себѣ вкусъ въ наготѣ женскихъ прелестей, нетерпѣливое отношеніе ко всякимъ стѣсняющимъ покровамъ, фигурнымъ листочкамъ и недомолвкамъ чувствъ.

Тоже самое усвоить себѣ публики и изъ романовъ, подобныхъ «Нана». Ту же «струю животной плотоядности и безстыдной насмѣшки надъ всѣмъ, чтó не щекочетъ нервовъ непосредственнымъ ощущеніемъ сладострастія, разовьетъ во вкусахъ общества, безъ того уже очень грубыхъ, и мнимый реализмъ Золя, какимъ онъ характеризуется въ его послѣднихъ произведеніяхъ.

Ангела всегда было мало въ человѣкѣ, всегда было мало въ немъ скромности и терпѣнія, любви и вѣры.

Но убивать въ немъ и эту послѣднюю любовь къ святому и чистому, убивать и эту скудную вѣру его въ добрыя силы природы человѣческой, ожесточая его сплошными яркими картинами только одного преступленія и только одной нравственной грязи, приучая его жить въ зловонной атмосферѣ ихъ, какъ въ обычномъ воздухѣ,—это такая задача, выполняющая которую, талантъ художника обращается изъ орудія полезной общественной работы въ вынжалъ разбойника своего рода.

Никакое научное безпристрастіе и никакая самая неподкупная наблюдательность художника-реалиста не вправѣ утверждать, потому что не въ силахъ доказать этого, будто въ мірѣ человѣческомъ, какихъ бы грѣховъ ни былъ онъ полонъ, любовь есть только одинъ грубый процессъ физиологіи. Но Золя своими романами громко провозглашаетъ именно этотъ принципъ собачьей стаи.

Если онъ не объявляетъ его своимъ собственнымъ принци-

помъ, то по крайней мѣрѣ объявляетъ его принципомъ того общества, которое онъ изображаетъ. А это общество—цѣлый Парижъ, цѣлая Франція. Парижъ циниченъ и Франція развратна, но все-таки Золя клеветаетъ на нихъ. Все-таки и въ Парижѣ, и во Франціи, живетъ человѣчество, и человѣчество наименѣе дикое, чѣмъ гдѣ нибудь. Для него грязь не можетъ быть синонимомъ любви.

Если Золя не умѣлъ увидѣть въ немъ ничего другаго, кромѣ грязи,—виновать въ этомъ Золя, а не Франція, писатель, а не дѣйствительность.

Эта клевета Золя не можетъ искупаться и оправдываться, какъ мы уже высказались выше, цѣлыми моральнаго поученія или устрашенія. Конечно, мы убѣждены, что лично Золя не можетъ не возмущаться тою постановкою вопроса любви, которая царитъ въ средѣ героевъ его послѣдняго романа. Но тѣмъ не менѣе единственный нравственный выводъ для него изъ этой постановки это тотъ, который признаетъ недостойнымъ заблужденіемъ и нечистою похотью плоти самую любовь человѣка къ человѣку.

Серьезнаго читателя романы въ родѣ «Напа» дѣйствительно способны настроить крайне враждебно ко всей области любви, способны возбудить отвращеніе и ненависть къ ней.

Если такова морализирующая цѣль Золя, то, конечно, онъ блестяще достигаетъ ее; но, во первыхъ, онъ достигаетъ ее только относительно небольшого меньшинства мыслящихъ читателейъ, оставляя огромную массу ихъ въ полномъ заблужденіи на счетъ взглядовъ и цѣлей своихъ, въ полномъ рабствѣ тѣхъ плотскихъ галюцинацій, которыя наводитъ на нихъ художественная мощь его таланта своимъ поразительно живымъ воспроизведеніемъ картинъ сладострастія.

Во вторыхъ, какая польза и какая нужда достигать даже и относительно немногихъ читателейъ такого неправильнаго результата?

Люди не скоты, но и не духи безплотные. Люди должны и хотѣть быть людьми. Мертвенные принципы трапистовъ или оивайдскихъ отшельниковъ, презирающихъ и убивающихъ плоть свою, вовсе не обязательны и нисколько не соблазнительны для живаго человѣка.

Человѣкъ хочетъ и долженъ любить. Человѣкъ не думаетъ изгонять изъ своей земной жизни счастье, радости, наслажденія. Среди этихъ радостей и этихъ наслажденій для него кѣтъ выше тѣхъ, которыя даются горячимъ влеченіемъ любви. Все

благородное, возвышенное, святое, все наиболѣе человѣческое, наиболѣе божественное въ человѣкѣ, тѣсно связано съ этими движеніями любящихъ сердець.

Изгонять эту величайшую духовную красоту изъ міра людей было бы безуміе и преступленіе. Безъ любви міръ обратился бы въ мрачную могилу. Поэтому человѣчество всѣми силами защищаетъ свое законное право любви и нравственное достоинство любви.

Отказываясь заклать ее въ жертву головнымъ увлеченіямъ спиритуализма, оно точно также не допуститъ стащить его въ помойную яму скотства и грязи. Оно одинаково защититъ его и отъ фанатиковъ безплотнаго духа, и отъ одичавшихъ жрецовъ плоти звѣриной.

Посрединѣ между самобичеваніемъ и развратомъ еще стоитъ на свѣтѣ и всегда должна торжественно стоять въ немъ чистая человѣческая любовь.

Если Золя не увидѣлъ и не понялъ ее, если онъ не захотѣлъ изобразить ее, то ее поняли и изобразили другіе современные намъ писатели Франціи, можетъ быть и уступающіе Золя въ отношеніи силы красокъ, тщательности разработки, смѣлости приемовъ, но за то не погасившихъ въ себѣ, излишнимъ преобладаніемъ анализа, вѣрнаго человѣческаго чутья и теплыхъ человѣческихъ сочувствій.

Это понялъ лучше другихъ мнимый сторонникъ и мнимый соратникъ Золя—Альфонсъ Додэ, именемъ котораго мы начали эту статью и произведеніямъ котораго посвятимъ мы слѣдующій этюдъ.

Евгеній Марковъ.

П О З Д Н О.

(ПОВѢСТЬ).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Стучать колеса; лязгают цѣпи, соединяющія вагоны; мѣрно качаются эти послѣднiе и длинный поѣздъ, пыхтя своимъ локомотивомъ, величественно мчится по чугуннымъ рельсамъ и все ближе и ближе къ Петербургу.

Въ томъ вагонѣ, гдѣ сидѣлъ Мансвѣтовъ, было шумно и весело. Кто-то рассказывалъ забавный случай изъ своей жизни; другой весело сообщалъ планы о своей торговлѣ; третiй, по виду интеллигентный, съ жаромъ доказывалъ своей сосѣдѣ-барынѣ преимущество англiйской націи передъ французской.

— Какъ можно, какъ можно, слабо защищалась дама:— французы, это, это... И не кончивъ фразы, она сдѣлала такой жестъ рукою, какъ бы хотѣла сказать: «ахъ, да лучше французовъ нѣтъ никого въ мірѣ!»

Собесѣдникъ улыбнулся и заговорилъ еще съ большимъ жаромъ.

А невдалекѣ отъ этой пары, какая-то женщина, по костюму мѣщанка, съ любопытствомъ слушала рассказъ мужичка о «пор-

чѣ», которую родила на селѣ баба, и о томъ, какъ эта «порча» кубаремъ катилась по селу и вдругъ исчезла.

— И вуды она теперя, сама эта «порча», дѣвалась—невѣдомо, милая моя! Сгинула, пропадомъ пропала!

— О, Господи! крестилась мѣщанка.

— Пропадомъ пропала и только одинъ дымъ отъ ея пошелъ, и дымъ душевной, милая, страсть, какая духота!

Мѣщанка вздыкала и качала головою.

Ничего не слыша и, кажется, ничего даже не видя, въ концѣ вагона, у самыхъ дверей, пьяный рыбакъ отхватывалъ трепака, наигрывая на гармоніи.

Не смотря на такой шумъ и гвалтъ, нашлись люди, которые спали крѣпко и сладко, откинувшись на деревянныя крестовины своихъ сидѣній.

II.

Мансвѣтовъ не спалъ, но онъ совершенно безучастно относился къ шуму, который не производилъ на него никакого впечатлѣнія, не разстраивалъ его думы. А въ эти думы уже давно глубоко погрузился весь до ушей молодой человѣкъ.

Тревожны и мучительны были онѣ. Съ самаго начала дороги онѣ охватили его всего и ни на минуту не давали покоя, то совсѣмъ угнетая, то какъ-то отхлыввая немного.

Передъ нимъ возставали картины прошлаго, рисовалось будущее, вспоминалась Нина, и возставалъ обаятельный образъ Нади. Вотъ она, величественная и прекрасная, стройная, съ длинными распущенными косами, ходить по комнатѣ. Глаза свѣтятся силою, которою дышетъ и вся ея спокойная, твердая рѣчь. Обаятельна эта рѣчь, очарователенъ и голосъ. И онъ, Мансвѣтовъ, сидитъ у окна и не можетъ оторвать глазъ отъ этой высокой, стройной фигуры; каждый звукъ ея голоса отзывается въ его сердцѣ. Онъ чувствуетъ себя сильнымъ въ эту минуту. Онъ не сознаетъ, не можетъ сознать, что это только временный подъемъ нервовъ, потому что она, эта дѣвушка...

И вдругъ ея образъ исчезаетъ и выплываетъ худенькая, маленькая блондинка, съ голубыми глазами, съ узенькими плечиками, съ тихою, кроткою улыбкою на губахъ. Блондинка смотритъ на него грустно, кротко. Нѣтъ упрека въ ея взглядѣ, не только злобы, ненависти,—нѣтъ, даже упрека, укора не видно въ этихъ голубыхъ, ясныхъ глазахъ; только грустенъ, грустенъ взглядъ.

«Нина!..»

Сердце молодого человѣка тоскливо сжимается. «Одна... покинута!» пробѣгаетъ у него въ головѣ. — «Я ѣду теперь туда, ѣду на счастье, ѣду жить, а она?.. Она одна, зачѣмъ ей жить теперь, и какъ она можетъ жить?»

Еще болѣе занимаетъ его сердце.

«Развѣ можно было поступать такъ? — словно кто-то шепчетъ молодому человѣку. — Развѣ она не любитъ тебя? Развѣ ты для нея не все?»

Ему жаль, мучительно жаль этой худенькой дѣвушки, съ ясными, кроткими голубыми глазами. «Да, я ей все; она такъ любитъ меня... тогда какъ тамъ... Но что же дѣлать было, если она... если она и не все... если ее мнѣ только жаль, а я люблю... люблю не ее?..

«Ахъ, Господи! какъ тяжело! какъ тяжело! Тамъ было легче, чѣмъ теперь; при ней было легче, чѣмъ безъ нея. Издалека еще болѣе жаль; издалека еще лучше и чаще представляется она, страдающая и грустная... Славная!.. Она не стала на дорогѣ. Словомъ однимъ не попробовала удержать для себя, во имя своей пользы, не попробовала!.. А легко ли ей это было? каково досталось? Хорошая, милая!.. а я-то... я-то!.. А что же мнѣ было дѣлать? Остаться... жениться... тогда что же? Вѣдь что я далъ бы ей, если душа, если сердце принадлежитъ не ей! Что ей во мнѣ, безъ души? Она это поняла и... не удержала! Она не хотѣла моей муки! Да, она не отняла моего счастья, она все горе на себя взяла... А мнѣ лишь счастье...

«А почему счастье? будетъ ли оно?» возникъ вопросъ въ умѣ молодого человѣка.

Опять выплылъ образъ обаятельной, сильной дѣвушки. Будетъ ли счастье? Можетъ быть онъ ошибается, можетъ быть эта твердая дѣвушка ошибается и сама. Да и что она сказала ему? развѣ она сказала что? «А тонь-то писемъ? Развѣ можно писать такъ, безъ всякаго чувства? Нѣтъ, она непремѣнно...» Молодой человѣкъ, однако, боялся мысленно назвать то слово, которое было ему такъ дорого; но онъ вѣрилъ, онъ убѣждалъ себя въ томъ, что это непремѣнно такъ... И вотъ тогда... Ахъ опять, опять этотъ образъ кроткой и грустной Нины. Только что онъ хотѣлъ унести мечтою въ будущее, какъ вдругъ, словно нарочно, возникаетъ передъ нимъ Нина.

«Зачѣмъ? зачѣмъ? и чего мучиться? Вѣдь она сказала сама, чтобы не мучился, что она не погибнетъ... что она будетъ... что будетъ?.. Работать!.. одна?.. зачѣмъ одна? а Тормазовъ-то?

мысленно восклицает Мансвѣтовъ, и вдругъ ему сдѣлалось легче. — Тормазовъ, онъ не дастъ ей погибнуть, онъ поддержитъ. Это отличный человѣкъ... ахъ, если-бы она его полюбила, если-бы только полюбила...

«А почему же и нѣтъ! Она можетъ его полюбить, это прекрасный человѣкъ, онъ лучше, честнѣе меня. Она съ нимъ будетъ счастливѣе, чѣмъ со мной; но полюбитъ ли она его? полюбитъ ли онъ ее?.. Онъ? Да... онъ, кажется, и теперь ей сильно сочувствуетъ».

Мансвѣтову вспомнилась сцена въ училищѣ, незадолго передъ отъѣздомъ. Тормазовъ защищалъ ее, онъ говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ блескомъ въ глазахъ. Онъ такъ настаивалъ, чтобы его другъ пошелъ къ Нинѣ.

«Если онъ еще не любитъ—онъ непременно ее полюбитъ, рѣшилъ Мансвѣтовъ, и ему стало еще легче.—Но полюбитъ ли она его?» опять задалъ онъ себѣ вопросъ черезъ нѣкоторое время.

Но чѣмъ болѣе думалъ онъ о другѣ, чѣмъ болѣе разбиралъ онъ его, тѣмъ болѣе убѣждался въ томъ, что полюбить его можно и даже трудно не полюбить.

«Ахъ, если-бы такъ! Она будетъ счастлива. Она будетъ очень счастлива... И тогда, тогда и я буду совсѣмъ счастливъ! А безъ того... Развѣ безъ того ты и счастливъ не будешь, хотя бы и она, сильная, чудная дѣвушка сказала бы, что любить тебя?»

Отъ одной этой мысли онъ вдругъ весь встрепенулся и снова весь ушелъ въ будущее, туда, къ этой чудной дѣвушкѣ, которая вызывала его, которую онъ такъ любилъ и ради которой оставилъ худенькую, блѣдную дѣвушку съ голубыми глазами.

«Ахъ, если-бы это сбылось, если-бы она полюбила меня, а та... та, Нина, полюбила Тормазова. Она была бы счастлива... и я былъ бы... счастливъ, счастливъ спокойно. А то такъ... безъ того... и безъ того, конечно, въ любви чудной дѣвушки счастье... но только порою... опять, пожалуй, этотъ образъ и счастье, но тревожное, неспокойное счастье!..

III.

Стучать колеса. Мчится поѣздъ по чугуннымъ рельсамъ и все ближе и ближе къ Петербургу, и чѣмъ ближе, тѣмъ все тревожнѣе задаетъ себѣ вопросъ Викторъ Степановичъ: «что-то тамъ, какъ она встрѣтитъ?» Мысль о худенькой дѣвушкѣ со-

всѣмъ перестаетъ мучить его. На время, можетъ быть, но эта тревога улеглась, не мучить болѣе; но за то тѣмъ сильнѣе охватываетъ другая тревога: что тамъ встрѣчу?

«Не дать ли ей телеграмму?.. это зачѣмъ? развѣ такъ поздно она пойдетъ, да и... и вообще это глупо», рѣшаетъ онъ.

«А вѣдь она ждетъ?.. Навѣрное! Я писалъ, что буду, а между тѣмъ недѣлей позже!.. Я думаю, она... А что если она совсѣмъ не ждетъ? Можетъ, быть она...»

Но онъ постарался отогнать тяжелую мысль, отъ которой какъ-то холодно дѣлалось на сердцѣ и въ груди ощущалась пустота.

«И кто теперь съ нею, около нея! И вдругъ онъ чуть не воскликнулъ громко, на весь вагонъ: «Работать надо, работать... Да, я и буду работать. Я сообщу ей планъ и сейчасъ же примусь за большой трудъ».

Тутъ онъ вспомнилъ о томъ, что везетъ два стихотворенія, которыя очень понравились Тормазову.

— Сильныя, очень сильныя! сказалъ тотъ.

«Да, онѣ должны понравиться и ей! Я ихъ отдамъ непременно... Куда отдать ихъ? Въ «Вѣстникъ Европы»? Нѣтъ, лучше всего въ «Родныя Вѣсти». Это любимый журналъ молодежи, она всегда хвалила ихъ. Впрочемъ, я спрошу ее, посоветуюсь съ нею... Она скажетъ...»

И онъ началъ мечтать о томъ, какъ его стихи будутъ напечатаны, какъ о нихъ заговорятъ тамъ, въ ея кружкѣ, и какъ она будетъ довольна имъ, своимъ другомъ. Онъ подчеркнул это слово и ему стало хорошо и свѣтло... «Милая!»

— Господа, билеты приготовьте! раздался голосъ кондуктора.

— Что, скоро прїѣдемъ въ Петербургъ? спросилъ кто-то изъ пассажировъ.

— Черезъ полчаса! отвѣчалъ кондукторъ на ходу и, открывая двери, врывалъ еще разъ:—билеты, господа, билеты ваши приготовьте!

Мансвѣтовъ привсталъ, вынулъ изъ кармана пальто портмоне, досталъ изъ него билетъ, сѣлъ ближе къ окну и сквозь тусклыя стекла сталъ смотрѣть на окрестности, быстро мелькавшія передъ глазами.

А поѣздъ мчался неудержимо, словно еще быстрѣе, словно и онъ рвался въ Петербургъ, хотѣлъ какъ можно скорѣе попасть туда.

И вотъ раздался свистокъ. Нѣскольбо минутъ—и въ вагонахъ сдѣлалось немного темно; поѣздъ перемѣнилъ рельсы и

медленно пошелъ между рядами вагоновъ, стоящихъ на запасныхъ путяхъ петербургской станціи. Новый свистокъ, звякнули звучно цѣпи вагоновъ, весь поѣздъ дрогнулъ немного, колыхнулся и остановился. Въ вагонѣ все поднялось съ мѣстъ и зашумѣло.

— Ахъ, Боже мой! Я узелъ въ Саблинѣ оставила! всплеснувъ руками, сказала толстая купчиха, обращаясь къ своему визави.

— Гм! пожалуй тотъ сокрушительно плечами, прибавивъ:— бываетъ! и началъ собирать свои вещи.

— Ну, слава тебѣ Господи! Приѣхали, наконецъ! прохрипѣлъ кто-то въ углу, зѣвая на весь вагонъ.

— Мансвѣтовъ почувствовалъ невольнo нервную дрожь при этой общей суматохѣ, при этой мысли, что онъ въ Петербургѣ. Молодой человекъ нѣсколько минутъ не трогался съ мѣста, потомъ, давъ пройти спѣшившимъ, онъ взялъ въ одну руку сакъ-вояжъ и направился къ выходу. Выйдя изъ вагона, онъ очутился въ полутьмѣ, словно попалъ въ средневѣковыя катакомбы. Передъ нимъ шевелились какія-то фигуры, то были пассажиры, приѣхавшіе въ этомъ же поѣздѣ. Молодой человекъ оглядѣлся вокругъ; у стѣны стояло нѣсколько иконъ, передъ ними теплились лампадки. Маленькая фигура въ поношенной драповой накидѣ стояла на колѣняхъ передъ иконой и молилась со слезами. Мансвѣтовъ какъ-то рефлексивно поднялъ руку, перекрестился и пошелъ далѣе.

Когда онъ вступилъ въ большой, свѣтлый, но въ то же время крайне непривѣтливый залъ, его осадилa масса разнаго люда; тутъ были мужчины и женщины, взрослые и малолѣтки, люди одѣтые прилично и личности подозрительныя уже самымъ востюмомъ. Всѣ они предлагали «лучшія», дешевыя и удобныя меблированныя комнаты и номера.

— Знаменская гостинница! Близко, сейчасъ противъ вокзала! говорилъ охрипшимъ басомъ высокій, полный швейцаръ съ лицомъ греческаго типа.

— Господинъ! Послушайте! Господинъ! Дешевые номера отъ пятидесяти копѣекъ... уголь Садовой... Господинъ!

— Что ты лѣзешь-то! старался перекричать третій, безцеремонно отталкивая конкурента.— Не слушайте его, господинъ! Вотъ пожалуйста... свѣтлая комната... пятьдесятъ копѣекъ и съ самоварами!

Одни загораживали приѣзжему дорогу, другіе совали ему въ руки адреса, третьи пытались развязно выхватить изъ его

рукъ савь-воляжъ. Пораженный такимъ нападеніемъ, молодой человекъ на минуту растерялся.

— Ничего мнѣ не нужно! Оставьте, пожалуйста! промолвилъ онъ, наконецъ, съ трудомъ пробираясь впередъ.

Видя, что здѣсь они промахнулись, услужливые агенты стремительно бросились къ тучному офицеру, показавшемуся въ дверяхъ.

IV.

Викторъ Степановичъ вышелъ на подъездъ и вынулъ часы, чтобы узнать время. Было около девяти. Погода стояла теплая, совершенно лѣтняя, хотя апрѣль еще только уступалъ мѣсто маю, но небо было закутано тучами и сѣялъ мелкій, частый дождикъ.

Молодаго человека на подъездѣ ждала новая осада, со стороны извожиковъ.

— Ъхать угодно, господинъ?

— Вотъ пожалуйста!

— На шведѣ, ваша милость!

— Ъхать-то куда? освѣдомлялся сторбленный старичеъ, придерживая одною рукою кнутъ, зацѣпленный за поясъ армяка, а другою слегка приподымая мятую, порыжѣвшую шляпу.

— Въ Гороховую, сказалъ Мансвѣтовъ.

— Далекъ ли тамъ-то?

Викторъ Степановичъ досталъ изъ пальто записную книжку и, пробѣжавъ глазами адресъ, промолвилъ:

— № 48, у Семеновскаго моста.

— Что же, ваша милость, шесть гривенъ безъ лишняго!

— Пожалуйста, вотъ за полтину свезу! вызвался молодой парень съ широкимъ лицомъ, которое словно только сейчасъ вымазали масломъ.

— Давай! согласился Мансвѣтовъ, и въ его голосѣ зазвучало утомленіе.

Въ самомъ дѣлѣ, эта сутолока, гамъ, этотъ дождь и это хмурое, непривѣтливое небо какъ-то удручающе повліяли на Виктора Степановича. Тоскливо сдѣлалось у него на душѣ. Опять тревожно забилося сердце, опять стало жаль и ее, и всѣхъ тамъ, и жаль «чего-то вообще», больно почему-то и отчего-то... какъ-то нехорошо, скверно почувствовалось съ перваго шага въ этомъ большомъ, шумномъ городѣ, окутанномъ сыростью и туманомъ.

— Пошелъ!

Не смотря на туманъ и дождь, на Невскомъ было шумно и людно. Слышались голоса. Стукъ экипажей сливался съ лязгомъ колесъ «звонки» и ея звонками, которыми кондуктора предупреждали ѣдущихъ и идущихъ вблизи полотна дороги. Мансвѣтовъ медленно двигался на дребезжавшихъ дрожкахъ и подъ гулъ уличной суетою невольно задумался о губерньскомъ городѣ, который онъ только что покинулъ.

«А тамъ тихо теперь, невольно думалось ему.— Торговля кончается, жизнь замираетъ... еще часъ, полтора, и городъ погружится въ сонъ. А здѣсь-то, здѣсь-то... жизнь! Жизнь?... Развѣ въ этомъ жизнь? Конечно, не только... здѣсь и жизнь мысли, и науки... Она теперь вѣроятно готовится, работаетъ... и Фалинъ тоже. Я думаю, у него застану когонибудь. А лучше, если-бы никого не было. Можно поговорить по душѣ, безъ стѣсненія».

Фалинъ шелъ курсомъ выше Виктора Степановича, но они были большіе пріатели. Сначала Фалинъ поступилъ въ кievскій университетъ, гдѣ былъ профессоромъ его дядя, но послѣ его смерти юношу потянуло въ сѣверную столицу. Онъ переехалъ въ Петербургъ и поступилъ въ технологическій институтъ.

«Ахъ, скорѣе бы, скорѣе увидать Павла! подумалъ Мансвѣтовъ, съежившись и подымая воротникъ пальто, только сейчасъ почувствовавъ, что капли дождя попадаютъ на шею.— Павелъ знаетъ,—она писала, что онъ бываетъ у нея,—онъ разскажетъ».

Молодому человѣку невыразимо надоѣла эта тряска по неровной мостовой (они ѣхали теперь по набережной Фонтанки) и ему мучительно захотѣлось попасть скорѣе въ теплую атмосферу пріятельской квартиры, чтобы ласковое слово и дружеская бесѣда согрѣли тоскующую душу.

— Скоро ли? обратился онъ нетерпѣливо къ извозчику.

— Сейчасъ... вотъ и онъ ужъ, Семеновскій. А тутъ... какъ нумерь-то дому?

— Сорокъ восьмой.

— Близко, стало; самый, какъ-то, крайній домъ... Ну ты, малодушная!

Онъ замаяхнулся кнутомъ на свою влячу; та сразу дернула, качнувъ дребезжавшія дрожки, но черезъ минуту поплелась снова прежнимъ шагомъ.

Дождь пошелъ нѣсколько крупнѣе.

— Вотъ и мостъ, и Гороховая сейчасъ, значитъ, произнесъ

Кн. VI.—Іюнь, 1881.

20

• извощикъ, сворачивая съ набережной Фонтанки въ Гороховую улицу:—Ну-ка, глянь: этотъ, что ли, нумеръ?

— Сорокъ восьмой, прочель Мансвѣтовъ.—Да, да, этотъ, стой!

Дрожки остановились у воротъ.

Викторъ Степановичъ слѣзъ съ дрожжекъ и позвонилъ. Раздалось неприятное хрипѣніе заржавленной проволоки и затѣмъ послышался, внутри двора, раздражающій звукъ колокольчика.

Спустя нѣсколько минутъ, въ калитку высунулась всклокоченная голова дворника.

— Кто тутъ звонитъ? не особенно дружелюбно крикнулъ онъ.

— Здѣсь живетъ Фалинъ?

— Кого тебѣ, скубента? хинтолога?

— Да, технолога, Павла Ивановича Фалина.

— Здѣсь, въ десятомъ нумерѣ.

— А какъ мнѣ... началъ было Мансвѣтовъ.

— На второй дворъ, первая лѣстница, перебилъ дворникъ,—какъ подынешься въ самый верхъ, сейчасъ налѣво дверь.

Викторъ Степановичъ расплатился съ извощикомъ и пошелъ по указанію дворника.

V.

Фалинъ только что вернулся съ урока и теперь «благодумствовалъ» за самоваромъ, попивая «китайскую травку» и просматривая нумеръ газеты.

— А, дома! радостно произнесъ Мансвѣтовъ, ставя на полъ ручной чемоданъ, который былъ, однако, не особенно легокъ.

Фалинъ прищурился, взглянувъ на вошедшаго, и вдругъ вскочилъ съ дивана, весело крикнувъ своимъ густымъ басомъ:

— Мансвѣтовъ! Викторъ!

— Я, я! Здравствуй, Павля!

— Здорово, милый! Это какимъ манеромъ? Вотъ не ждалъ-то!

Друзья ершико обнялись и даже расцѣловались.

— Вотъ... вотъ... промолвилъ снова Фалинъ и, не находя болѣе словъ, закончилъ свою фразу улыбкою.—Ну садись, братъ, садись! Какъ разъ въ пору, и чай есть, а то бы...

— И не напоилъ бы? разсмѣялся Мансвѣтовъ.

— Дома, пожалуй что и такъ. Хозяйка, друже, строга: больше двухъ самоваровъ ни-ни. А ты уменъ—въ пору! Садись!.. Маша, дайте-ка еще стакачикъ! крикнулъ онъ, пріотворяя немного дверь.

— Постой, братъ, промолвилъ Мансеѣтовъ,—ты говоришь —не ждалъ?

— И не думалъ.

— Да я же тебѣ письмо послалъ.

— Ты?

— Да. Не получилъ?

— Нѣтъ. Ну, братъ, это значить твоя марка въ погашеніе попала... ха, ха, ха! Такъ ты писалъ?

— Писалъ, и писалъ именно, что остановлюсь у тебя.

— Въ погашеніе, братъ, увы! да!

Дѣвушка подала стаканъ. Фалинъ налилъ пріятелю чаю и, подвигая ему стаканъ, поглядѣвъ пристально ему въ лицо и воскликнулъ:

— Да что ты... что съ тобою было, Викторъ?

— Ничего не было. А что?

— Ты ужасно похудѣлъ. Глаза какъ-то... ты это что, не страдаешь ли по комъ? а?

— Пошелъ! Все тотъ же!

— Ну, не совсѣмъ! Зачѣмъ все тотъ же... Многимъ умнѣй...

— А лѣнивъ такъ же? сказалъ Мансеѣтовъ, отхлебывая чаю.

Ему очень хотѣлось поскорѣе узнать что нибудь о Надѣ, но онъ считалъ сразу неловкимъ, да и боялся этимъ выдать свою тайну другу.

— Я лѣнивъ? Это откуда взять? Я самый прилежный студіозъ! отвѣчалъ торжественно Фалинъ.

— А писать? Ни одного письма, какъ уѣхалъ! Это дружба? Я и адресъ твой узналъ отъ другихъ. Хорошо?

— Ну, братъ, извини! Не люблю маранья пустаго. Да и что я буду писать? Пребываю-де къ тебѣ, Викторъ, въ тѣхъ же чувствахъ... это? Такъ нѣшто ты этого не знаешь? И ужели для этого стоитъ тратить восемь копѣекъ, когда этихъ копѣекъ у меня и такъ не изрядно много?

— Все-таки, согласишься...

— И, согласишься, все-таки глупо! Другое дѣло, если-бы что особенное—ну такъ; а то что? ѣмъ въ кухмистерской за двугривенный, хожу на лекціи, пью чай, иногда пиво, въ свободный часокъ за швейками приударю, а то къ «своимъ» схожу... и все!

— Ты кого «своими» называешь? земляковъ?

— Нѣтъ, свои—студіозки. Нынѣ, братъ, здѣсь барышень много... лафа!

— Ужь и лафа?

— Лафа, милый, лафа! Столько ихъ понаѣхало, что на всѣхъ и времени не хватаетъ.

— Какъ ты говоришь? Чортъ знаетъ, что это! воскликнулъ Мансвѣтовъ.

— Чего ты?

— Я не понимаю такого языка, когда дѣло идетъ о студентахъ, сказалъ Викторъ Степановичъ необыкновенно серьезнымъ и обидчивымъ тономъ.

— Ахъ, скажите! засмѣялся Фалинь:— вотъ другой Петялинъ, тотъ тоже чуть не молится на нихъ.

— Ты все крайности! Но вѣдь не... швейки же какія нибудь!

— Ну, братъ, всякія есть! Есть и такія курсистки, что и швейка ихъ лучше. Вотъ погоди, зайдетъ, можетъ быть, во мнѣ Усакова, полюбуешься: дурища первый сортъ, милый! Только и знаетъ, что говорить:— ахъ, мы учащаяся молодежь! ахъ, мы интеллигенція!.. А я бы взялъ эту интеллигенцію за хвостъ, да и вышвырнулъ бы изъ курсовъ.

— Глупость еще... не то.

— Что не то?

— Не то, чтобы имѣть право сказать «лафа!»

— Всякія есть, милый!.. Да ужъ ты опять все «черно» понимаешь, вольно такъ! Лафа не значить, что сейчасъ и таблицей умноженія заняться; а я говорю про бавардажъ, про «убіеніе времени». Мели вздоръ, ну... порою и ручью можно пожать, и будетъ! Я, братъ, не жаденъ; да и опять, зачѣмъ «своихъ»; для чего инаго есть швейки, тѣ, братъ, и во сто вратъ лучше, ей-Богу! А то «свои» подчасъ уморять умными разговорами.

— Ты любишь глупость? насмѣшливо сказалъ Мансвѣтовъ, которому очень не нравился весь этотъ тонъ пріятеля. «И что съ нимъ? онъ прежде лучше былъ!» думалъ Мансвѣтовъ, глотая медленно чай.

— Глупые, братъ, не глупые,—а скажу прямо: терпѣть не могу книжекъ—барышень! Тошнота, ей Богу! Будто нельзя быть умною и ученою и... не скучною, не книгою? Вотъ, хоть бы, Черенцову взять...

Фалинь остановился на минуту, закуривая папиросу.

Что-же она? хотѣлъ было воскликнуть Викторъ Степановичъ, но удержался.

— Вѣдь вотъ же, не то совсѣмъ! закончилъ Фалинь, попыхавъ папиросою и бросая спичку на подносъ.— Она... да ты

ее даже знаешь, навѣрное: она была къ вамъ на «отдыхъ» послана?

— Да, знаю! тихо отвѣтилъ Мансвѣтовъ.

Онъ хотѣлъ произнести это возможно небрежнѣе, но противъ воли голосъ его выдалъ. Впрочемъ, Фалинъ не замѣтилъ, и продолжалъ:

— Ну вотъ, чего тебѣ! И умна, ужъ дѣйствительно умна, работница; на славу; какъ знаетъ-то все,—преlestь! Разъ какъ-то патовурсника въ щель загнала. Жаль смотрѣть было на сердечнаго.

— Вотъ какъ! промолвилъ довольнымъ тономъ Мансвѣтовъ, точно похвалы относились къ нему самому.

— Работяга и умница! А зайди къ ней—не умрешь съ тоски. Человѣкъ, т. е. женщина въ ней видна. Вотъ, братъ, ужъ если хочешь кому молиться, такъ ей молись,—позволяю!..

— Однако, ты, тово, усмѣхнулся Мансвѣтовъ.

— Чего тово?

— Больно ужъ ее расхвалил! Не втюрился ли самъ-то, Павлуня? шутливо, но не безъ тревоги спросилъ Викторъ Степановичъ.

— Куда намъ! махнулъ рукою Фалинъ.—Тамъ за нею такіе ухаживаютъ, что намъ у ихъ сапога и ремня развязать невозможно. Знаешь, друже, ее всѣ зовутъ «царицею» и вся академія къ ней льнетъ. А тамъ... Да чего: самъ профессоръ Любовниковъ неравнодушень, а Калорцевъ—чуть не каждый день бываетъ. Опять Лебединъ, военный академикъ—красавецъ и будущій генералъ. Суди самъ: профессоръ, генералъ и знаменитый писатель... Куда намъ!

— Развѣ она имъ отдаетъ такое предпочтеніе, что...

— Да что я тамъ буду дѣлать? въ тѣни вертѣться? мнѣ среди швеекъ куда вольготнѣе! Здѣсь я первый!

— Но, вѣдь не одни же профессора у нея собираются? спросилъ Мансвѣтовъ,—ты самъ говоришь вся академія.

— Ну да, вся академія въ восхищеніи! Да не вся же къ ней ходитъ.

— Все-таки молодежь бываетъ?

— И не мало! Да опять все звѣзды своего рода. Саловъ—радикалъ послѣдней пробы, ну землякъ нашъ—Гаршинъ, будущій Свѣченъ.

— Это какъ?

— Не пути! Ходко идетъ! Ну, да и то надо сказать: умница!

— А Левитскій?

— Ну, этотъ такъ трется. Онъ, братъ, кажется, влюбленъ въ Черенцову, какъ кошка въ сало.

— А она? нетерпѣливо спросилъ Мансвѣтовъ.

Фалинь захохоталъ.

— Понятное дѣло, третируетъ какъ дурака. Бѣда, братъ, когда баба, да еще умная, узнаетъ, что въ нее влюбленъ тотъ, на кого она смотритъ, какъ на... лакея! Хочешь еще чаю?

— Нѣтъ, спасибо, будетъ.

— Пей, съ дороги-то хорошо. Или усталъ, спать хочешь?

— Нѣтъ, посижу.

Викторъ Степановичъ взялъ папиросу со стола и закурилъ.

— Ты, стало быть, рѣдко ходишь къ ней? произнесъ онъ, помолчавъ.

— Къ Черенцовой?

— Да?

— Очень даже. Отъ Рождества раза два былъ всего. А ты къ ней пойдешь?

— Да-а... Она звала.

— Такъ ты, стало быть, переписывался.

Мансвѣтовъ вдругъ покраснѣлъ и, чтобы скрыть свое смущеніе, пустилъ нарочно густое облако дыма.

— Да, изрѣдка, отвѣтилъ онъ оправляясь.—Я просилъ ее справиться объ одной вещи въ редакціи «Недѣли».

— Ахъ, да! Я вѣдь и забылъ совсѣмъ, что ты «сочинитель!» Постой, братъ, постой, читалъ твое стихотвореніе недавно. Ничего, право! Мысль важная, т. е. модная; по мнѣ-то это все вздоръ одинъ... Напускаете вы на себя.

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Да ты сюда-то зачѣмъ появился? Ужъ не редакція ли какая вызвала?

— Нѣтъ, пріѣхалъ по своей волѣ. Хочу счастья попытать!

— Въ литературѣ?

— Да.

— Исполать! Вотъ, братъ, иди къ Черенцовой, познакомься съ Капорцевымъ:—сила!

— Очень нужно! возразилъ Мансвѣтовъ желчно:—и безъ него можно!

Не зная отчего, но онъ почувствовалъ какую-то злобу къ этому Капорцеву.

«Сила! подумалъ онъ:—а почему? брехунъ и только; умѣетъ либеральнаго туману напустить и строить какъ-то Добролюбова,

а на самомъ дѣлѣ до Добролюбова, какъ до солнца, далеко! Повѣяло только!.. Сила!»

Фалинъ ничего не возразилъ пріятелю, и въ комнатѣ на минуту воцарилось молчаніе.

— А развѣ онъ очень близко къ ней? произнесъ вдругъ Мансвѣтовъ громче обыкновеннаго.

— Ты про Капорцева? спросилъ технологъ.

Мансвѣтовъ утвердительно кивнулъ головой.

— Хороши! Она его, кажется... я именно говорю—кажется, очень уважаетъ, и онъ ее. Недавно онъ ее началъ учить англійскому языку, ну, а ужъ затѣмъ... я не знаю... да мнѣ вѣдь это и не интересно! Вотъ Левитскаго спроси. Онъ наблюдаетъ. Одно время онъ готовъ былъ съѣсть Лебедкина.

— За что?

— Показалось, что она тому отвѣчаетъ... ну, вотъ...

— Развѣ Лебедкинъ-то ее любитъ?

— А я почему знаю! Левитскому показалось. Можетъ быть и любитъ, отчего бы и нѣтъ? немудрено. Ее можно любить, и я бы не прочь.

— Даже ты?

— Что же такое; нѣшто я вкусу не имѣю. Имѣю, братъ; да я только не люблю тереться, гдѣ нѣтъ шансовъ. Ей, братъ, такіе, какъ мы съ тобой—тьфу! Не посмотришь!

Этотъ приговоръ, произнесенный такимъ легкимъ тономъ, рѣзкою болью отозвался въ сердцѣ Мансвѣтова. «А что если въ самомъ дѣлѣ такъ?» явился у него невольный вопросъ, и онъ задумался.

— Никакъ я обидѣлъ тебя? а? или огорчилъ? засмѣялся Фалинъ.—Да ты, можетъ быть, съ намѣреніемъ?.. а я... Слышь, Викторъ, узналъ, что-ли?

— Ахъ, полно тебѣ! досадливо перебилъ Мансвѣтовъ.

Онъ всталъ, прошелся по комнатѣ и принужденно зѣвнулъ.

— А гдѣ ты меня уложишь? спросилъ онъ, стараясь казаться совершенно спокойнымъ.

— Да ужъ ложись, другъ милый, на кровать: ты гость и съ дороги, а я и на диванчикѣ помаюсь. Ты, какъ, надолго ли ко мнѣ?

— А что? испугался?

— Пугаться—чего, не разоришь; только двумъ-то тѣсно, да и мѣшать будемъ, а я потому, что если надолго, такъ бери

здѣсь комнату, рядомъ со мной, всего девять рублей. А то вотъ и моя скоро очистится.

— Ты развѣ ѣдешь?

— Да, братъ, на уроки ѣду, въ Царское.

— Вотъ какъ! На дачу, значить! Ладно, посмотримъ завтра комнатку. А теперь, знаешь, пожалуй и лечь бы!

— Ложись, милый, ложись, ты не помѣшаешь, да и я также сейчасъ за «свою катку» засяду.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

— Чай пить будешь, что-ли, а? обратилась Надя къ своему гостю, видимо очень обрадованная его приѣздомъ.

Она была необыкновенно оживлена, весело отдавала распоряженіе дѣвушкѣ, поминутно ласково и заботливо обращаясь къ молодому человѣку и шутливо замѣчая ему изрѣдка:

— Да что вы, Викторъ Степановичъ, кажется васъ Петербургъ совсѣмъ озадачилъ... а?

Мансвѣтовъ держался такъ, что можно было подумать именно это. Но его озадачилъ не Петербургъ, а сама «чудная дѣвушка», ея встрѣча. Столько свѣта, тепла, столько ласки, даже нѣжности. «Господи! думалъ онъ,— что это, что это»? И туманъ застилалъ ему глаза, и голова шла кругомъ отъ неожиданнаго счастья. Онъ слушалъ, что говорила хозяйка; каждый звукъ ея милого голоса радостно отзывался въ сердцѣ, наполняя его невыразимымъ блаженствомъ; но онъ сначала плохо понималъ, что она говорила, онъ только слышалъ звуки, наслаждался ими, напрасно стараясь понять ихъ.

Это было недолго, нѣсколько минутъ, потомъ онъ оправился овладѣлъ собою; но его смущеніе, минутное ненормальное состояніе не ускользнуло отъ Нади. Она его поняла, но не хотѣла подать виду и шутливо объяснила другой причиной. Она была очень рада приѣзду Виктора Степановича. Она давно уже ждала его; но она и сама не предполагала, что его приѣздъ такъ сильно ее обрадуетъ. Когда она замѣтила, что ея приемъ, ея радость такъ озадачили его, она съ какой-то теплою грустью подумала: «а онъ не ждалъ... не ждалъ такой встрѣчи! А вѣдь онъ для

меня только и прѣхаль, навѣрнее!.. Онъ..» Она не договорила даже мысленно всей фразы и обратилась скорѣй къ гостю съ какимъ-то вопросомъ. Но черезъ минуту она невольно мысленно спросила себя: «А я? Развѣ онъ не хорошій, не славный?»

Она взглянула на него и онъ показался ей такимъ милымъ, такимъ симпатичнымъ, какимъ его никогда не находила прежде.

«Онъ сталъ гораздо лучше», подумала она и спросила его, веселая, улыбающаяся:

— Пить чай будемъ, что-ли, а?

И не дожидаясь отвѣта, быстро исчезла изъ комнаты, чтобы распорядиться о самоварѣ.

Черенцова жила на Выборгской сторонѣ и занимала тоже одну комнату, какъ и Фалинъ; жила она скромно, по-студенчески, но комната была обширная, свѣтлая, чистая, привѣтливая. Незатѣйливая мебель была разставлена со вкусомъ; вездѣ чистота, на всемъ слѣды женскаго глаза, женской опрятности и того тонкаго пониманія изящества, которымъ, надо сказать правду, обладаютъ немногія женщины, и вслѣдствіе котораго такъ часто бѣдная и простая обстановка выглядываетъ нарядною и прелестною.

Когда Надя вышла изъ комнаты распорядиться о самоварѣ, Мансвѣтовъ окинулъ взглядомъ всю комнату и его поразило именно то пониманіе изящества хозяйкою, благодаря которому небогатая комнатка выглядѣла такою нарядною, что сразу ему показалась необыкновенно роскошною. А далеко — нѣтъ! Маленькій письменный столикъ уже полинялъ и въ нѣсколькихъ мѣстахъ надтреснулъ, но онъ былъ такъ уютно поставленъ въ простѣннѣ оконъ, такъ красиво расположено на немъ все, что сразу трудно было замѣтить его недостатки. Стулья также не новые; диванъ — обыкновенный и тоже недорогой.

«Но все, все мило, все невообразимо прелестно! заключилъ Мансвѣтовъ. — А это кто?» вдругъ задалъ онъ себѣ вопросъ.

На стѣнѣ, надъ столомъ, висѣлъ портретъ мужчины, лѣтъ 26 — 28, съ красивымъ и въ то же время интеллигентнымъ лицомъ. Черные волосы, не особенно длинные, зачесанные такъ небрежно, что эту небрежность можно было принять за умысленную, придавали блѣдному лицу нѣкоторую худобу; но эта худоба не была на столько велика, чтобы портить лицо, напротивъ того, она и глубокіе, меланхолически-грустные глаза при-

давали лицу выражение задумчивости, какой-то скорби, и еще болѣе дѣлали лицо интереснымъ и привлекательнымъ.

«Кто это? повторилъ мысленно Мансвѣтовъ. — Какое красивое лицо! Красота и интеллигентность — это не всегда вмѣстѣ! думалъ онъ, разглядывая портретъ и близко нагнувшись къ рамкѣ. — Неужели это онъ? прошептала Викторъ Степановичъ. — Неужели онъ?»

И стыдно стало какъ-то ему при сознаниі, что онъ дорого, дорого далъ бы за то только, чтобы ошибиться, чтобы это былъ не онъ!

Въ комнату вошла Надя, скрипнувъ дверями.

Викторъ Степановичъ быстро обернулся.

— Что это вы рассматривали? А... ну что, каковъ? быстро спросила дѣвушка, и вдругъ веселость сбѣжала съ ея лица.

— Красивое лицо, не могъ не сознаться Мансвѣтовъ.

— И умное! добавила Надя. — Знаете это кто? спросила она, доставая изъ комода чайницу и ставя ее на столъ.

— Нѣтъ!

— А со статьями его навѣрное знакомы!

— Неужели... Капорцевъ? не безъ усилія выговорилъ Викторъ Степановичъ.

— Да, онъ. А вы почему угадали?

Мансвѣтовъ смутился.

— Мнѣ Фалинъ... началъ было онъ, и смутился еще болѣе.

— Фалинъ? сказала дѣвушка. — По какому же поводу онъ заговорилъ съ вами о Капорцевѣ?

— Да такъ, къ чему-то... про вашихъ знакомыхъ заговорили, смущенно произнесъ Викторъ Степановичъ, досаду на себя за опрометчивость и недогадливость.

«Или нужно было молчать, или просто солгать, что видѣлъ гдѣ-то», упрекалъ самъ себя молодой человѣкъ.

— А Левитскій ходитъ къ вамъ? спросилъ Мансвѣтовъ, стараясь скрыть смущеніе.

— Левитскій? Богъ съ вами! воскликнула Надя. — Я ему послѣ той мерзкой исторіи указала на дверь! Негодяй! Знаете, почему онъ выдумалъ все это?

— Нѣтъ, солгалъ Викторъ Степановичъ, хотя и догадывался о причинѣ.

— Выдумалъ отстранять васъ, какъ соперника... Дуракъ! Ахъ, да бросимте говорить о немъ. Мнѣ это даже противно. Онъ достаточно поплатился за свой поступокъ; теперь его никто не принимаетъ изъ нашихъ.

Дѣвушка помолчала съ минуту и проговорила съ разстановкою, какъ-бы раздумывая о чемъ-то:

— Да, Капорцевъ очень умный человѣкъ. Молодежь его очень уважаетъ.

— За что? промолвилъ Мансвѣтовъ.

— Какъ за что? удивилась дѣвушка, расправляя скатерть, — за умъ, за талантъ!

— Что же это за умъ особенный! съ досадою произнесъ Викторъ Степановичъ:—а ужъ талантъ-то...

— Да вы его читали? перебила дѣвушка.

— Да, читалъ, неохотно промолвилъ Мансвѣтовъ.

— Все, все?

— Это было бы слишкомъ много! сказалъ уже рѣзко молодой человѣкъ.

— Ну, а статью его послѣднюю читали? о Дарвинѣ?

— Читалъ.

— И скажете—плохо?

— Не плохо, а...

— А прекрасно, чудесно! Да что съ вами, милый мой? вдругъ тревожно и особенно ласково промолвила Надя, подвигаясь къ гостю: — вы... предупреждены противъ Константина Михайловича?

— Я его не знаю!

— Такъ узнаете... и перемѣните взгляды. Я васъ познакомлю съ нимъ. Онъ бываетъ у меня очень часто...

— Я бы не желалъ...

— Викторъ Степановичъ, да что съ вами? Вы зачѣмъ сюда пріѣхали? а?

Она остановила на немъ пристальный взглядъ.

Онъ смутился и промолвилъ:

— Вы писали...

— Да литературу-то вы бросаете, что-ли? вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ, я привезъ съ собою...

— Такъ чего же вы глупости-то говорите, милый? Вѣдь не съ «Петербургскаго же Листка», не съ Баумана же вамъ начинать теперь.

— Я уже и самъ...

— Ну, хорошо, хорошо... обидчивый, извините! Да вѣдь все это не «Родныя Вѣсти», куда вы можете сразу попасть черезъ Капорцева. Вѣдь это прямо, значить, въ гвардію! Богъ съ вами! И не извольте сопротивляться; я понимаю: амбиція, протезе, но вы не его будете протезе, а мой... или вамъ не угодно, а?

Она, дружески улыбаясь, смотрѣла прямо въ глаза гостю.

Тотъ тоже улыбнулся, успокоенный ея нѣжнымъ тономъ и взглядомъ и чувствуя, что на сердцѣ стало какъ-то легче.

«Можетъ быть и неправда все, ошибаюсь», подумалъ онъ.

— Ну, что же вы молчите? настаивала дѣвушка. — Не хотите?

— Дѣлайте, какъ вамъ угодно, я на все согласенъ.

— Вотъ это мило. Вы что привезли съ собою? Романъ? статью? большую?

— Ни того, ни другаго. Это все еще въ проектѣ! У меня съ собою два стихотворенія...

— Гм! промолвила дѣвушка:—но вы... и у васъ съ собою эти стихотворенія?

— Да.

— Прекрасно. Вы ихъ прочтете мнѣ теперь?

— Непремѣнно, я хотѣлъ...

Онъ вынулъ изъ бокового кармана куртки бумажникъ и досталъ оттуда вчетверо сложенные листки почтовой бумаги.

— Вотъ, сказалъ онъ нѣсколько смущенно:—вотъ «Разсвѣтъ», это на тему гражданскую, а другое «Изъ дневника»— чисто лирическое. Я прочту сначала «Разсвѣтъ?»

— Читайте!

Мансвѣтовъ сталъ читать. Голосъ его вначалѣ нѣсколько дрожалъ. Ея судъ для него былъ выше и дороже суда критики. Ему одного хотѣлось теперь: чтобы она безъ словъ, душою поняла все, чѣмъ переполнено было его сердце, когда онъ страстно писалъ это стихотвореніе, мысленно посвящая его ей и думая о ней.

— Превосходно! воскликнула Надя, когда гость кончилъ чтеніе;—читайте теперь второе, прибавила она нетерпѣливо.

— Я бы хотѣлъ спросить васъ...

— Потомъ, потомъ... читайте! махнула она рукою.

На ея лбу рѣзко обозначилась межбровная складка, но на губахъ мелькала ласкающая и бодрящая улыбка.

Мансвѣтовъ былъ доволенъ вполне. Она сказала «прекрасно»—это высшая награда. Онъ даже не ожидалъ, что получить такую похвалу. Нервы его поднялись, и ему казалось, что они отзвучиво звучатъ на каждое ея слово, на каждое выраженіе ея измѣнчиваго лица, которое то принимало задумчивое выраженіе, то все горѣло отъ внутреннего огня.

Мансвѣтовъ прочелъ второе стихотвореніе съ энтузіазмомъ, прочелъ такъ, какъ рѣдко удавалось ему читать.

Дѣвушка была въ восторгѣ.

— Чудесно! прекрасно! говорила она, крѣпко пожимая ему руку; — по части поэзіи вамъ нечего бояться за себя: мысль глубокая, — я говорю о первомъ, — теплота, размѣръ удачный... Ну, да еще впереди выработка — отлично! Только знаете, бросьте эти «нѣжныя соловьиныя трели». Онѣ стары, все это перепѣто! Ими теперь и не выдвинешься. Да, вамъ непременно надо познакомиться съ Капорцевымъ и кружкомъ...

— Я готовъ! радостно воскликнулъ Мансвѣтовъ, чувствувавшій себя необыкновенно счастливымъ въ эти минуты.

— Я васъ познакомлю. А что это за романъ, который вы задумали?

— Видите...

— Вы можете хотя кратко разсказать, въ чемъ сюжетъ?

— Н-да... собственно... планъ его, если хотите?

— Да, да. Ну-ка, поэкзаменуемъ васъ съ этой стороны, пошутила Надя.

— Прежде всего надо замѣтить, что въ моемъ романѣ фигурируетъ интеллигенція изъ разночинцевъ...

Она одобрительно вивнула головою.

— А моя идея...

Викторъ Степановичъ началъ развивать свою идею подробно, сначала нѣсколько медленно, растягивая слова, но потомъ онъ увлекся и рѣчь его сдѣлалась быстрою, полилась неудержимымъ потокомъ. Слова «грохотались», если только такъ можно выразиться, выходилъ какъ будто «хаосъ», сумбуръ. Но вотъ все освѣщалось нѣсколькими словами и получалась картина, бывшая живыми красками.

Когда онъ кончилъ, едва переводя дыханіе, Надя не узнала своего гостя. Его некрасивое лицо будто все освѣщалось какимъ-то свѣтомъ, вырвавшимся наружу со дна души, глаза горѣли. Передъ дѣвушкою былъ художникъ, которому только что удалось наложить нѣсколько штриховъ на портретъ, надъ которымъ онъ долго трудился, послѣ чего его произведеніе ожило вдругъ: полуоткрытые уста вотъ-вотъ готовились заговорить, глаза, казалось, мигали. Эффектъ поразительный!

— Ну, голубчикъ, проговорила Черенцова послѣ нѣкоторой, довольно длинной паузы, — я могу сказать вамъ только одно: какъ это было вамъ не грѣхъ зарывать свой талантъ въ глуши,

убивая его въ работѣ, къ которой вы не призваны. Вы... вы смѣло можете рассчитывать на блестящую будущность.

— Что вы, ужь и...

— Нѣтъ, горячо возразила дѣвушка, вставая и выпрямляясь во весь ростъ: — вы должны согласиться со мною, что вѣще истинное призваніе—литература. У васъ несомнѣнный талантъ и не дюжинный талантъ! Вы постигните въ творествѣ истинный смыслъ жизни. Вы—поэтъ, и не вамъ цѣлые дни возиться съ ребятами за повтореніемъ задовъ и толченіемъ воды въ ступѣ по казенному шаблону; ваша мысль ищетъ свѣта и простора. Всякіе шаблоны и уставы на васъ должны дѣйствовать подавляющимъ образомъ. Я не сомнѣваюсь, что только благодаря своему занятію въ школѣ, вы до сегодня не написали ничего крупнаго. Въ школѣ вы не на своемъ мѣстѣ! Развѣ я говорю неправду? Это толченіе...

— Конечно, согласился Мансвѣтовъ,—но вѣдь нельзя сказать, чтобы и это дѣло было бесполезно.

— Допустимъ! я не буду отрицать! Но для этого есть другія природы. Эти дюжинныя природы, повѣрьте, лучше васъ исполнять свое дѣло. Вы вѣдь тому дѣлу отдаться вполне не можете! Ваши интересы шире! А то—пассивные работники, и они тамъ на своемъ мѣстѣ! А вы... вы оступѣте надъ этимъ толченіемъ и... ахъ, да что тутъ много говорить! всплеснула она руками и качая головою.

Она, съ ласковою и радостною улыбкою, долго смотрѣла на своего гостя и сказала:

— Развѣ я говорю неправду? Ну, скажите?

— Такъ-то такъ, но...

— Безъ всякихъ «но». Я вѣдь вижу въ чемъ это «но». Робость по боку, милостивый государь! Скорѣй за работу, за работу... А теперь давайте-ка пить чай. Я совсѣмъ о немъ и забыла.

II.

Мансвѣтовъ засидѣлся у Нади далеко за полночь. Увлеченный живымъ разговоромъ, упоенный ласкою, онъ и не замѣтилъ, какъ летѣло время. Когда онъ взглянулъ на часы, то невольно смутился, испугавшись своей нетактичности на первый же разъ.

— Ахъ, Боже мой! сколько времени! воскликнулъ онъ, быстро вставая:—вы ужь извините меня, Бога ради! прибавилъ онъ робко.

— Скажите, какое преступление! засмѣялась Надя:—полно вамъ говорить глупости. Я очень рада вамъ и за васъ! Заходите чаще, безъ всякихъ этихъ церемоній, я почти всегда дома.

— Вы готовитесь теперь?

— Да. Но этого ничего не значить. Бстати: я скоро уѣзжаю.

— Какъ? испуганно воскликнулъ Мансвѣтовъ.

Дѣвушка невольно улыбулась, замѣтивъ, какъ встревожили ея слова молодого человѣка, и ласково произнесла:

— Не бойтесь, недалеко... на дачу!

— Куда?

— Въ Парголово; хотите вмѣстѣ?

— Какъ? съ вами?

— Я не одна. Здѣсь моя сестра—вдова; она взяла дачу въ Парголово; вается, наверху есть свободная комната, можно спросить... хотите?

— Отчего же, я съ удовольствіемъ!

— Отлично, я спрошу; но это еще все-таки не такъ ужъ скоро; я надѣюсь вы не одинъ разъ еще заглянете ко мнѣ. Я очень рада! Заходите, когда вздумается, вечеромъ всего лучше, конечно... Заходите для «обмѣна мыслей», прибавила она, смѣясь уже въ передней, провожая гостя и свѣта ему, когда тотъ надѣвалъ пальто.

Дѣвушка смотрѣла на Виктора Степановича. Ей хорошо были знакомы эти черты лица, некрасиваго, но симпатичнаго. Но она только теперь понимала, какъ молодой человѣкъ ей былъ близокъ и дорогъ. Ей припомнился свой отъѣздъ изъ губернскаго города. Мансвѣтовъ былъ грустенъ, а она, охваченная неожиданною радостью, внѣ себя отъ восторга, рвалась на свободу изъ этой тьмы, глуши лѣсной. Ничего тогда не было ей дороже этой милой, обаятельной свободы, этого шумнаго города, гдѣ жизнь бьетъ ключемъ, полная мысли и движенія. Она была всегда дружески расположена къ молодому человѣку. Отношенія ихъ были теплыя, сердечныя. Но она не придавала тогда имъ никакого значенія; друзей у нея было всегда много. Потомъ стало не то. Когда заговорили о Мансвѣтовѣ въ кружкѣ, когда она прочла нѣсколько его работъ, — она начала думать о немъ, и нерѣдко даже грустила отъ невозможности обмѣняться живою рѣчью. Его нравственный, духовный образъ, который она рисовала въ своемъ воображеніи, началъ получать необыкновенное обаяніе для нея, можетъ быть главнымъ образомъ благодаря разлукѣ. Она теперь видѣла въ немъ то, чего на самомъ дѣлѣ не было,

но что она хотѣла видѣть въ немъ. Возобновилась переписка. Искренняя и горячая, она дѣлала друзей все болѣе близкими другъ другу, давая въ то же время основу миру, иллюзи. Такъ она выносила въ своей душѣ идеальное представленіе о Мансвѣтовѣ и теперь смотрѣла на него черезъ эти розовые и субъективные очки.

Друзья разстались счастливые и довольные другъ другомъ.

III.

Викторъ Степановичъ былъ очень радъ тому, что не засталъ Фаина дома. Онъ сѣлъ на диванъ, въ самый уголокъ, и нарочно закрывъ глаза, воссоздавалъ въ своемъ воображеніи картину вечера, только что проведеннаго у Нади. Онъ повторялъ по нѣсколько разъ ея слова, уживаясь ими; вспоминалъ ея движенія, исполненныя какой-то чарующей граціи. Онъ переживалъ снова вечеръ со всѣми мелкими подробностями, запавшими ему въ душу. Предъ нимъ стояла эта чудная дѣвушка, какъ живая. Онъ видѣлъ ея гордый силуэтъ. Ея взглядъ пронзалъ его, зажигалъ ему кровь, которая ударяла въ голову и била въ виски.

«Да, ея логика неотразимая», думалось Виктору Степановичу.

Это было вѣрно; но Надѣ не нужно было прибѣгать къ ней вовсе, чтобы склонить своего друга къ тому или другому образу дѣйствій, такъ какъ онъ сознавалъ, что ея слово для него законъ.

Какъ чувство сильнаго горя, такъ и чувство чрезмѣрной радости иногда имѣютъ одинаковое дѣйствіе на человѣка: они оставляютъ его съ подавленнымъ наплывомъ сильныхъ ощущеній и впечатлѣній, лишаютъ движенія. Такъ было и съ Викторомъ Степановичемъ. Онъ просидѣлъ почти вплоть до утра съ закрытыми глазами, окваченный весь дотолѣ невѣдомымъ чувствомъ. Оно и подымало, и душило его. Ему хотѣлось и плакать, и смѣяться, а онъ, повидимому, безучастно, неподвижно сидѣлъ на диванѣ.

Пришедшій подъ утро Фаинъ даже испугался, взглянувъ на своего товарища, до такой степени измѣнилось лицо Мансвѣтова. Причина этого была, конечно, чисто физиологическаго свойства и обуславливалась нервозностью организма Виктора Степановича.

— Да что съ тобою, Викторъ? спросилъ Фалинъ заботливо:— ты боленъ?

— Нѣтъ, здоровъ, отвѣчалъ тотъ.

— Отчего-же не спишь?

— Да я... сейчасъ пришелъ только.

— Какъ сейчасъ? въ четыре-то часа?

— Развѣ ужъ четыре? удивился Мансвѣтовъ.

— Четыре! Да гдѣ ты былъ?

— Тамъ, у Черенцовой, ну и засидѣлся до часу. А тутъ... задремаль.

Фалинъ засмѣялся.

Этотъ смѣхъ не понравился Мансвѣтову и показался ему рѣзкимъ и неумѣстнымъ.

— Чему ты смѣешься? хмурясь, промолвилъ Викторъ Степановичъ.— Глупо! право глупо!

— Ну, полно, полно! Я съ радости... поздравляю...

— Это еще съ чѣмъ?

— Съ честью и фаворомъ!

— Какія ты пошлости говоришь! сказалъ Мансвѣтовъ.

— Гдѣ же онъ? Помилосердуй! Я только радъ, что она тебя такъ приняла. Вѣдь, братъ, такъ долго безъ дѣла засидѣться нельзя. Нашего брата, ей-Богу, прогнала бы давно!

— Еще лучше!

— Право такъ! Не прямо, конечно. Да и дѣлать что намъ... уйдешь и самъ! Видѣлъ тамъ кого нибудь?

— Нѣтъ, не было никого.

— Викторъ, торжествуй!.. Ну, ну, не сердись! воскликнулъ Фалинъ и шутливо обнялъ товарища.— Я, видишь, счастливъ!

— Гдѣ ты самъ-то былъ, скажи лучше? спросилъ Мансвѣтовъ, освобождаясь отъ крѣпкихъ объятий «счастливаго технолога».

— Я то? Я, братъ, фюить! Я...

И онъ сдѣлалъ такой жестъ рукою, что Мансвѣтовъ невольно засмѣялся.

— У швецъ? сказалъ онъ.

— Veritas. Видишь, братъ, не забылъ и латыни! Тамъ, тамъ, друже! Я, братъ, въ тѣни не люблю быть.

Лови, лови часы...

запѣлъ было Фалинъ, но вдругъ смолкъ и закусилъ губу.— Ахъ, что я! сказалъ онъ шопотомъ.— Хозяйка услышитъ— гомонъ подыметъ. Ну, Витя, спать, братъ!

И онъ началъ раздѣваться. Мансвѣтовъ послѣдовалъ его примѣру.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

I.

Мансвѣтовъ съ жаромъ принялся за работу. Ему хотѣлось въ слѣдующему своему визиту приготовить хотя небольшую по-вѣсть. Романа скоро не написать, это онъ понималъ, а между тѣмъ онъ хотѣлъ, чтобы возможно скорѣе что нибудь появилось въ толстомъ журналѣ. Оба стихотворенія, одобренные Надею, Викторъ Степановичъ послалъ по городской почтѣ въ «Летучую Библиотеку».

Два дня сряду Мансвѣтовъ не выходилъ изъ дома, даже не обѣдалъ, питаясь колбасою, которую покупала ему Маша. Фалину въ конецъ надоѣлъ неугомонный скрипъ пера и онъ, со свойственною ему простотою, граничащею съ безцеремонностью, замѣтилъ пріятелю:

— А ты надолго это завелъ свою музыку?

Мансвѣтовъ поднялъ голову и, не выпуская изъ рукъ пера, оглянулся назадъ, на товарища, который, лежа на диванѣ, читалъ лекціи по химіи.

— У меня, братъ, экзамены и ты мнѣ мѣшаешь своимъ скрипомъ, продолжалъ Фалинъ просто, находя совершенно естественными свои замѣчанія.

Мансвѣтовъ только теперь вспомнилъ о томъ, что онъ хотѣлъ взять комнату рядомъ.

— Я и забылъ совсѣмъ, сказалъ онъ и сейчасъ же отправился осматривать комнату.

Черезъ часъ онъ былъ уже на новосельѣ, сильно раздосадованный на Фалина за свой остракизмъ, благодаря которому «такъ много времени» пропало даромъ.

— Переборы... разсѣялся... нить мыслей прервана, досадливо говорилъ онъ, снуя изъ угла въ уголъ, стараясь хоть такимъ манеромъ успокоить взбудораженные нервы.

Вечеромъ этого дня онъ получилъ съ посыльнымъ письмо отъ Нади.

«Ну, какъ вы живете-можете, милѣйшій мой Викторъ Сте-

пановичъ? писала дѣвушка своимъ быстрымъ, нѣсколько мужскимъ почеркомъ.— Знакомитесь ли со славнымъ и веселымъ Петербургомъ, или уже принялись за работу? Куда отослали свои стихи? Вчера я видѣла Капорцева— встрѣтилась съ нимъ въ публичной библиотекѣ; говорила о васъ. Онъ очень радъ оказать услугу... не вамъ, не вамъ, самолюбивый вы человекъ, а... русской журналистикѣ. Ну, довольны ли? Я ему въ общемъ сообщила планъ романа; онъ сказалъ: «прекрасно, «Родныя Вѣсти» по идеѣ примутъ съ удовольствіемъ». Слышите? Завтра онъ будетъ у меня около 5—6 часовъ; приходите непременно, я познакомлю васъ. Захватите стихи, если ихъ еще не послали. Ну, всего хорошаго! Если Фалинъ дома, поклонитесь, пожалуй, и ему, и пожелайте не среди «своихъ» полного успѣха. Затѣмъ до завтра.

Ваша Н. Ч.»

Это ничего особеннаго не заключающее въ себѣ письмо Мансвѣтовъ прочелъ нѣсколько разъ подъ рядъ и потомъ, расхаживая по комнатѣ, перебиралъ въ умѣ разные выраженія въ отдѣльности.

— А повѣсти къ завтрашнему дню все же не кончить, произнесъ онъ вслухъ, подходя къ столу и перелистывая мелко-исписанную тетрадку.— Пятая глава... а всѣхъ ихъ... да, восемь главъ. Развѣ не спать ночь? Но я и такъ усталъ; большая голова будетъ плохо работать, я испорчу окончаніе... Ахъ, да что я! Завтра будетъ тотъ, да и еще кто нибудь, пожалуй; читать не придется. Я ей только сообщу, если можно будетъ, содержаніе... да, да!

И онъ на этомъ успокоился.

II.

На другой день въ назначенное время Мансвѣтовъ летѣлъ на Выборгскую сторону, къ Надѣ. У нея уже сидѣлъ Капорцевъ. Она отрекомендовала ихъ другъ другу.

— Куда вы думаете пристроить свои стихотворенія? обратился Капорцевъ къ Мансвѣтову тономъ человека, которому уже все объяснено и у котораго «просили» содѣйствія.

Этотъ простой вопросъ показался Мансвѣтову почему-то чрезвычайно оскорбительнымъ.

«Вишь со своимъ протекторатомъ навязывается!» мелькнуло у него, какъ будто Капорцевъ дѣйствительно навязывался, а не исполняя просьбу Черенцовой.

— Я ужь ихъ отослалъ въ «Летучую Библиотеку», отвѣчалъ Мансвѣтовъ рѣзко.

Капорцевъ посмотрѣлъ на молодаго человѣка и молча пустилъ изо рта завитокъ табачнаго дыма.

Собесѣдники сразу очутились въ неловкомъ положеніи обоядной натянутости.

За дверью раздался легкій стукъ.

— Войдите! сказала хозяйка.

Въ комнату влетѣлъ высокій, стройный офицеръ и, легкимъ движеніемъ плеча сбросивъ на стулъ форменную шинель, весело поздоровался со всѣми.

— Академикъ Лебединъ! познакомила Надя съ нимъ Мансвѣтова.

Съ появленіемъ академика, точно лучъ свѣта блеснулъ въ комнату, все ожививъ собою.

Людей можно подраздѣлить на двѣ категоріи. Человѣкъ можетъ быть и очень умнымъ, но его присутствіи можно не замѣчать. Онъ молчитъ, время отъ времени поговорить умно, поддержитъ дѣльную бесѣду, ученый споръ, но все это у него выходитъ ровно, спокойно, какъ спокойно выражается его обширный умъ, многостороннее образованіе.

Люди этого сорта затираются въ толпѣ; надъ ними берутъ верхъ легко блестящіе шалопаи, не стоящіе мизинца на ихъ ногѣ.

Другаго сорта люди (они могутъ быть и умны, и глупы, — это безразлично) ни на минуту не дадутъ забыть о своемъ присутствіи. Своимъ голосомъ они будто наполняютъ всю комнату. Слышишь ихъ и только ихъ; на нихъ останавливается общее вниманіе. И все, что бы они ни сказали, почему-то всѣми замѣчается, хотя они нерѣдко говорятъ о вещахъ мало интересныхъ или совершенно обыденныхъ.

Къ такимъ людямъ относился Лебединъ.

Онъ былъ неглупъ, очень красивъ, но красивъ на военный ладъ: грудь колесомъ, брови дугою, загорѣлое, свѣжее лицо, увѣренный тонъ. Все это его невольно выдвигало, заставляло обращать на него вниманіе. На долю Капорцева уже почти ничего не осталось; его совсѣмъ заслонилъ собою блестящій и веселый Лебединъ.

Онъ началъ что-то рассказывать по поводу прошлогоднихъ скачекъ, пересыпая рѣчь французскими вводными фразами.

— Въ первыхъ рядахъ, рассказывалъ Лебединъ, — сидѣлъ «онъ» съ «оной». А «она», заслоня ротъ рукою и лукаво шури

глазъ, вполголоса обратился Лебедвинъ къ Канорцеву, — французенка, *pur sang!*

Главный сотрудникъ «Родныхъ Вѣстей» снисходительно улыбнулся и покачалъ головою.

— Громко говорить не дерзаете, а шептаться не подобаетъ, господинъ Донъ-Жуанъ, шутиливо замѣтила Нада.

— *Mille pardon, mademoiselle!* Но вѣдь иногда въ аксессуарахъ вся суть; поэтому я приберегу свой рассказъ до болѣе удобнаго случая. Онъ помолчалъ съ минуту и вдругъ, мѣняя выраженіе лица, произнесъ: — Не правда ли, какая сегодня восхитительная погода, барышня?

— Неподражаемо! засмѣялась Нада. — Это онъ копируетъ своего пріятеля, обратилась она къ Маневѣтову. — А отчего такъ скоро сегодня истощился у васъ запасъ новостей, что вы уже и погоду за боа?

Лебедвинъ хотѣлъ что-то отвѣтить и уже состроилъ смѣшную физиономію, вѣроятно въ *pendant* къ отвѣту, но въ эту минуту вошелъ, не постучавшись, студентъ-медикъ, въ высокихъ сапогахъ и съ цѣлою копною курчавыхъ волосъ на головѣ.

Это былъ человекъ, какъ говорится, «неладно скроенный, да крѣпко сшитый», высокий, худошавый, съ выдающимися лопатками, отчего онъ казался сутоловатымъ. Широкія, выпятившіяся впередъ лицевыя кости сообщали его физиономіи калмыцкій характеръ. Мѣшкваття движенія уже ничего не прибавляли рѣзкаго къ этой фигурѣ, не дисгармонировали съ нею. Сразу только бросался въ глаза его крѣпкій, развитой подбородокъ, показывавшій въ его обладателѣ присутствіе несокрушимой силы воли. Не смотря на всю физическую неказистость Салова — это былъ онъ — къ нему многихъ влекло. За суровостью и умышленною угловатостью виднѣлась душа, глубокая и любящая.

Вслѣдъ за Саловымъ, точно изъ земли выросла еще фигура. Это былъ совершенный антиподъ перваго. Мягкія черты лица и глубокіе синіе глаза дѣлали его физиономію отчасти женственною. И только высокий, чистый, развитый лобъ показывалъ пытливый умъ мыслителя. Движенія его были довольно энергичны, но не рѣзки. Волнообразный носъ, согласно физиогноміеѣ Лафатера, изобличалъ присутствіе наблюдательности.

— А, Саловъ! Гаршинъ! привѣтствовала хозяйка вошедшихъ дружески.

Послѣдніе поздоровались по-очереди со всѣми.

— А мы, съ Васюкомъ, къ вамъ собственно позаняться шли,

замѣтилъ Саловъ Надѣ, — помните, условились патологию читать?

— Какъ же! Только ужъ мы на этотъ разъ отложимъ, отвѣтила дѣвушка.

— Ну, такъ вы меня чаемъ или пивомъ напоите, потому что я смерть какъ пить хочу, а тамъ я и двинусь.

— Что вы, посидите! Нельзя же вѣчно съ книгами жить; нуженъ же и отдыхъ отъ занятій.

— Отдыхать и дома можно. Ляжешь себѣ на кровать, папиросу въ зубы — разлюбезное дѣло! А тутъ только пылъ съ языка выколачивать. И онъ обвелъ суровымъ взглядомъ своихъ карихъ глазъ присутствующихъ, ероша свою копну на головѣ.

— Экое вѣдъ самолюбіе у человѣка, амбіція подѣ покровомъ индифферентности! воскликнула Надя.

— Это какъ? Извольте объяснить, барышня! пристала Саловъ, опускаясь на стулъ возлѣ Нади.

— Извольте; изображу васъ, какъ умѣю, сказала дѣвушка. — Вотъ вы входите, положимъ, въ общество лицъ, вамъ неизвѣстныхъ...

— Ну-съ...

— Вы краснѣете, вы не знаете, куда вамъ дѣвать ваши руки. Вы какъ полагаете, отчего происходитъ ваше смущеніе?

— По весьма простой причинѣ: я медвѣдь.

— Та-та-та, медвѣды! Нѣтъ, оттого, что вы слишкомъ самолюбивы; оттого, что вамъ досадно, что вы, который, можете быть, умнѣе многихъ, не умѣете войти и поклониться безъ того, чтобы не стянуть со стола скатерть, не задѣть ногою стула. Ваше самолюбіе...

— Я себѣ этого такъ не объясняю, сказалъ Саловъ, — и потому остаюсь, чтобы опровергнуть ваши заключенія.

— Физиологически я докажу вамъ это проще, началъ было Гаршинъ.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы, будущій Сѣченовъ, докажете все, что пожелаете, даже чистѣйшій абсурдъ, основываясь на данныхъ физиологіи; эрудиція вамъ не занимать, но въ этомъ случаѣ, добавила Надя, — позвольте мнѣ остаться при высказанномъ мнѣніи.

— Когда вы выслушаете противную сторону, заявилъ методичнымъ голосомъ Капорцевъ, — то получите возможность провѣрить свое положеніе, т. е. или больше укрѣпитесь въ его справедливости, или поймете его несостоятельность.

— Нѣтъ, начала было Надя.

— Mademoiselle, въ этомъ случаѣ, est plus catolique que le rare! замѣтилъ, смѣясь, академикъ.

Надя хотѣла что-то возражать Капорцеву, но замѣчаніе Лебекина смѣшало ее и она засмѣялась добродушно.

— Для того, чтобы человѣка убѣжденнаго, но не краснобаю, выбить изъ позиціи довольно быть ловкимъ фразеромъ, ѣдко замѣтилъ Викторъ Степановичъ, глядя искоса на Капорцева. Тотъ тоже посмотрѣлъ черезъ столъ на молодого человѣка.

Мансвѣтовъ невольно смутился и чтобы скрыть смущеніе заговорилъ съ своимъ сосѣдомъ Саловымъ, который чувствовалъ себя какъ будто тоже не по себѣ.

Спустя нѣсколько минутъ разговоръ свернули какъ-то на современную литературу.

Саловъ презрительно улыбнулся.

— А ну ее, къ чертямъ! огрызнулся онъ, — прахъ ли въ ней? Толченіе одно!.. Игра въ жмурки, а не то еще хуже: кувишь въ карманѣ!

Мансвѣтовъ попробовалъ возразить.

— Да что въ ней пользы-то? перебилъ опять Саловъ: — что она дѣлаетъ. Ну, ну берите вашу белетристику, что? всѣ эти «любви» и «любви», онъ и она, вздыханія, пѣсни соловья... тѣфу! Надоѣло! Развѣ въ этомъ ея задача? А кто ину пору и расхрабрится, такъ опять фига въ карманѣ. Кто нынѣ на красу-то обращаетъ вниманіе — шутихой она стала...

— А вы въ чемъ видите причину этого факта? вмѣшался Капорцевъ, съ перваго слова о литературѣ чутко прислушивавшійся къ разговору молодыхъ людей.

— А вы въ чемъ? грубовато спросилъ Саловъ, не глядя на Капорцева.

— По моему, увѣренно заговорилъ Капорцевъ, — авторитетъ прессы падаетъ, потому что въ нее налѣзло множество гадюкъ всякаго рода, разныхъ ничтожностей.

— Значить, по вашему, надо прямо родиться генераломъ? саркастически улыбнулся Мансвѣтовъ; — да и кто надѣляетъ этими чинами? прибавилъ онъ тѣмъ же тономъ.

Отвѣтъ Капорцева Викторъ Степановичъ почему-то отнесъ лично къ себѣ.

— Критика, серьезно и совершенно спокойно отвѣтилъ Капорцевъ, — а затѣмъ о цензѣ и рѣчи быть не можетъ. Вы меня не такъ поняли. Я не считаю генеральства, я его не понимаю вовсе. Я хотѣлъ сказать, что достаточно было бы, если-бы

каждый изъ насъ честно исповѣдывалъ свои убѣжденія и не перекочевывалъ изъ лагеря въ лагерь. А критика...

— Вся ваша современная критика яйца выдѣннаго не стоитъ, перебилъ Мансвѣтовъ еще рѣзче.

Надя, разговаривавшая въ это время съ Лебединнымъ, при послѣднихъ словахъ обернулась къ Мансвѣтову и промолвила шутя, но пытливо глядя въ лицо другу:

— Какая васъ сегодня муха укусила, Викторъ Степановичъ?

И она еще пытливѣе посмотрѣла на Мансвѣтова. Дѣвушка сразу замѣтила враждебное отношеніе своего друга къ Капорцеву, но она не могла найти объясненія. Она видѣла, что невозмутимое, ровное отношеніе Капорцева выводило изъ себя Виктора Степановича. Это спокойствіе подливало масла въ огонь, который, чѣмъ дальше, тѣмъ ярче разгорался въ Викторѣ Степановичѣ.

На вопросъ Нади онъ пробормоталъ что-то себѣ подъ носъ и опять заговорилъ съ Саловымъ. Надя еще съ минуту посмотрѣла на него и, слегка пожавъ плечами, встала съ мѣста.

— Однако я худая хозяйка, сказала она громко, — гости прямо говорятъ, что хотятъ чаю, а я и не думаю.

И она вышла изъ комнаты.

Когда она вернулась, Саловъ опять уже бурчалъ, напирая на Мансвѣтова:

— Любовь, любовь! какая къ чорту любовь... и еще браки! Все это ерунда! Вотъ наскочите на какуюнибудь бабу, тогда и узнаете...

— Ты это что же, въ первый разъ вмѣшался Гаршинъ, — противъ семьи?

— Васюкъ, ты чего? точно обозлился Саловъ, — ты вѣдь на физиологій женишься, и молчи знай! А я говорю не тебѣ. Физиологій-то — жена ничего. А вотъ кто навернется на какуюнибудь бабищу, тогда и запищитъ...

— Развѣ послѣ вѣнца женщины дѣлаются хуже? улыбнулся Гаршинъ.

— Всеконечно! Если до вѣнца какая баба шельма, такъ послѣ его — совсѣмъ вѣдьма. Вѣдь до вѣнца-то она пивнуть не смѣетъ, кто она; а послѣ, среди бѣлаго дня, съ яснымъ лицомъ закричитъ, держа мужа за шиворотъ: «ты-де что? я развѣ ктонибудь, я не любовница, а законная супруга!»

Саловъ проговорилъ все это съ такимъ паѳосомъ, что Надя громко захохотала.

— Bravo, Саловъ! Отдѣлалъ насъ! сказала она. — Только вы

такъ говорили, что можно подумать, будто вы сами все испытали.

— Все равно, видалъ; а самого-то — спасибо! Я не дуракъ! Я никогда этихъ цѣпей не надѣну!

— А если особа, которую вы полюбите, не согласится на другія условія? замѣтилъ Лебединъ, какъ-то снисходительно улыбаясь.

— И не надо! Дура, стало быть! Кто эту ерунду защищаетъ, тотъ самъ глупъ!

— Vous professez d'être un libre penseur, сказалъ Лебединъ, взглядывая на Надю.

Та улыбалась.

— Я по заграничному не обученъ, отрѣзалъ Саловъ; — а что вы: русскаго-то пороку у васъ не хватило развѣ?

Лебединъ улыбнулся и, не желая вступать въ пренія, заплѣлъ вполголоса какую-то модную французскую шансонетку.

— Александръ Македонскій былъ великій человекъ, но ступень ломать все-таки не слѣдуетъ, какъ вы думаете, Саловъ? сказала Надя шутливымъ тономъ, но такъ посмотрѣла на молодого человекъ, что тотъ понялъ, что дѣвушка недовольна его рѣзкостью.

— Извините, я иначе не умѣю, сконфуженно пробурчалъ Саловъ и отвернулся.

Разговоръ какъ-то оборвался и нѣкоторое время, что называется, совсѣмъ не клеился.

За чаемъ бесѣда мало-по-малу снова оживилась, благодаря все тому же веселому Лебедину, который менѣе всѣхъ былъ склоненъ играть въ «молчки», какъ шутилъ онъ самъ. Онъ началъ съ того, что рассказалъ забавный анекдотъ объ одномъ офицерѣ.

— Извольте видѣть, началъ Лебединъ, — въ одномъ уѣздѣ нѣкоей сѣверной губерніи жилъ отставной поручикъ. Происходилъ онъ изъ народа — сдаточный, какъ говорится, но выслужился и добился чина поручика, съ воимъ и поселился въ отставкѣ, въ собственномъ имѣніи, которое купилъ сходно у промотавшагося барина. Вотъ-съ, жилъ, жилъ этотъ homo novus и задумалъ жениться. У сосѣда, помѣщика, дочка была. Поѣхалъ воинъ на смотрины, а у помѣщика гости. Сидятъ они всѣ въ кабинетѣ хозяина и бесѣду ведутъ пріятную. Подаютъ пуншъ. Поручику, какъ ташкентскому герою, — первому!

— Не могу-съ, увольте! говорить онъ.

— Это отчего? удивляется хозяинъ, — вы, герой, и не можете выпить пунша? Неужели не пьете?

— Пью-съ!

— Такъ вы меня обидите, если откажетесь!

— Хорошо-съ! пхтя согласился поручить, — но только половину, болѣе не могу! И къ крайнему удивленію гостей, онъ началъ отбирать себѣ половину поданныхъ стакановъ. Всѣ разинулы рты. Представьте себѣ, mesdames... ахъ, pardon, mademoiselle et messieurs, представьте себѣ, воинъ сообразилъ, что его просятъ опорожнить всѣ стаканы на подносѣ!

Этотъ анекдотъ разсмѣшилъ всѣхъ, даже Саловъ не могъ удержать улыбки, и затѣмъ вдругъ у Лебедкина посыпались шутки, каламбуры... Какъ ужъ отъ нихъ перешли вдругъ къ вопросу о правахъ женщинъ, никто не могъ сказать; важется, благодаря шуткѣ Лебедкина, къ которой придрался Капорцевъ. Всѣ заспорили, но споръ, благодаря постоянному мѣшательству Лебедкина, никакъ не могъ перейти на серьезную почву. Чуть было онъ только принималъ такое направеніе, какъ находчивый Лебедкинъ сейчасъ-же «врѣзывался» въ ряды непріятелей (онъ самъ выразился такъ, шутя) и разстроивалъ ихъ, смѣша, путая и выбивая изъ позиціи. Его нападки были, по-видимому, легки, но въ нихъ высказывался его блестящій, острый умъ, свѣтлая находчивость и та начитанность, которая нерѣдко, особенно въ обществѣ, поспорить съ знаніемъ. Надя смѣялась отъ души и нѣсколько разъ ея глаза сочувственно и долго останавливались на красивой и блестящей фигурѣ Лебедкина.

— Что это вы сегодня, Левъ Александровичъ, задались цѣлью мѣшать спору? сказала Надя тихонько, когда Лебедкинъ подошелъ къ ней въ то время, какъ она доставала какую-то книгу изъ шкафа.

— Боюсь кровопролитнаго сраженія, смѣясь отвѣтилъ академикъ.

Вскорѣ Саловъ и Гаршинъ поднялись и взялись за фуражки.

— Уже? сказала Надя.

— Пора! Что зря-то выбивать пыль изъ языка, отвѣчалъ утровою Саловъ.

— Вы повторяетесь, сказала Надя, слегка пожимая протянутую руку.

Саловъ ничего не отвѣчалъ на это и, сдѣлавъ общій поклонъ, напялил на плечи поношенное пальто, надвинулъ глупово шапку на свою копну и вышелъ.

Немного спустя поднялся Кожорецъ, а за нимъ и Лебедкинъ.

— Намъ по пути, вѣжется? сказалъ онъ.

— Да.

— Отлично!

Мансвѣтовъ хотѣлъ было тоже идти, но Надя удержала его.

— Оставайтесь, сказала она:— мнѣ надо сказать вамъ два— три слова.

Онъ покорно положилъ на овно фуражку и опять сѣлъ на свое прежнее мѣсто.

Проводивъ гостей, дѣвушка нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ, видимо чѣмъ-то взволнованная и что-то обдумывая.

— А я вами положительно недовольна сегодня, сказала она наконецъ, останавливаясь передъ Мансвѣтовымъ.

— За что?

— Что съ вами? съ чего вы вздумали пикироваться съ Кожорцевымъ? Я его просила... онъ такъ мило, радушно васъ встрѣтилъ, а вы вдругъ... Мало этого, вѣдь вы были грубы, не лучше Салова. Или ужъ примѣры дурнаго такъ заразительны?

— Я не нахожу Салова дурнымъ; онъ во всякомъ случаѣ лучше мельхиоровыхъ генераловъ и отъ литературы, и отъ академіи.

Въ этой фразѣ, желчной и рѣзкой, случилось не мало душевной боли, и это не скрылось отъ Нади. Она поглядѣла на друга пристально и въ ея умѣ какъ будто мелькнуло, пронеслось сознание правды, той причины, вслѣдствіе которой молодой человекъ держалъ себя такъ нетактично.

Дѣвушка сѣла возлѣ Мансвѣтова и, положивъ руку ему на плечо, промолвила съ ласковою улыбкою:

— Генераловъ отъ академіи нѣтъ, это во первыхъ, мой дорогой другъ. А во вторыхъ, грубость еще не умъ, и умѣніе держать себя прилично вовсе не недостатокъ, я думаю. И за это людей ненавидѣть странно. Саловъ, конечно, не глупъ, онъ и очень хорошій человекъ; но вѣдь съ его приемами нельзя выходить изъ своей комнаты. И ужъ если кто держалъ себя всѣхъ милѣе, такъ это Лебедкинъ.

— Я не зналъ, что вы поклонница внѣшности, съ горечью произнесъ Мансвѣтовъ.

Дѣвушка пожала плечами.

— Опять не то, милый мой, сказала она.

И она ласково, тихо, заговорила съ другомъ, стараясь убѣ-

дить его въ томъ, что онъ ошибается и хочетъ видѣть то, чего нѣтъ, и не видитъ того, что есть. Ея тихая и мягкая рѣчь благотворно подѣйствовала на разбереженные нервы молодого человѣка и его раздраженіе мало-по-малу исчезло. Теперь онъ и самъ сознавалъ въ душѣ, что не правъ.

— Повѣрьте, что я только потому говорю вамъ все это, что вы... всѣхъ ближе мнѣ, сказала Надя.

Прощаясь съ ней, Мансвѣтовъ далъ слово принятъ серьезно за повѣсть и прочесть ее Капорцеву.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

I.

Въ конторѣ редакціи «Летучей библіотеки» находился только одинъ старичекъ секретарь, когда туда явился Мансвѣтовъ, чтобы узнать о судьбѣ посланныхъ стихотвореній.

— Что вамъ угодно? сердито спросилъ секретарь.

— Редактора я могу видѣть?

— Вамъ его зачѣмъ?

— Я отдавалъ стихотворенія.

— Давно-ли? Двухъ недѣль нѣтъ?

— Есть!

— Тутъ такая масса насыпается всякаго сору, что и въ мѣсяцъ не разберешься.

— Позвольте узнать, съ кѣмъ я говорю? освѣдомился Мансвѣтовъ, причѣмъ его нижняя губа замѣтно дрогнула.

— Я конторщикъ или секретарь, какъ хотите тамъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— Въ такомъ случаѣ, я думаю, что вы далеко не компетентны и не имѣете права называть соромъ все то, что присылаютъ въ редакціи, сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Я бы хотѣлъ видѣть г. редактора, дома онъ?

— Дома ли, нѣтъ ли, а его видѣть нельзя. Есть когда ему для всякаго тратить время. Тутъ шляется...

— Послушайте, вы невѣжа и.. Мансвѣтовъ чуть не прибавилъ, «дуракъ».

Въ эту минуту дверь изъ сосѣдней комнаты отворилась и въ контору выглянулъ полный, высокаго роста, брюнетъ.

— Что такое тутъ? обратился онъ въ секретарю.— Что вамъ угодно? спросилъ онъ не дожидаясь отвѣта конторщика, у Виктора Степановича.

— Я отдавалъ стихи и хотѣлъ...

— Ваша фамилія?

— Мансвѣтовъ.

— Прошу присѣсть, я сейчасъ, холодно сказалъ брюнетъ и скрылся.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вынесъ въ контору, держа въ рукѣ, листочикъ почтовой бумаги.

— Вотъ эти? проинвнесъ онъ, подавая молодому человѣку листочикъ.

— Да!

— Не могутъ быть напечатаны.

Почему?

— Ничего особеннаго. «Расвѣтъ»—это гражданское нѣтъ уже надѣло. А прочіе—такихъ у насъ цѣлыя короба лежать, хоть съ пуда продавай ихъ! Да и условія—вы цѣните ихъ по четвертаку, а мы... онъ почесалъ кончикомъ пальца переносье и закончилъ:—мы платимъ по 8 копѣекъ за строку.

— За стихи? воскликнулъ Мансвѣтовъ.

— Н-да! Честъ имѣю!.. поклонился редакторъ.

Мансвѣтовъ вышелъ изъ конторы ошеломленный и оскорбленный. Съ минуту онъ простоялъ на подъѣздѣ, собираясь съ мыслями. Онъ все еще продолжалъ держать въ рукѣ листокъ бумаги, возвращенный редакторомъ. Онъ судорожно сжевалъ теперь этотъ листокъ и, опустивъ въ карманъ, медленно пошелъ по узкой панели, все еще подавленный только что происшедшей сценой.

«Что же теперь дѣлать? продолжалъ онъ разсуждать самъ съ собою.—Идти на поклонъ къ Капорцеву? Нѣтъ! Никогда! Я далъ Надѣ слово—но то повѣсть, а это... я уже сказалъ ему... Господи! чуть не со стономъ вырвалось у него изъ груди:—и зачѣмъ я сказалъ Капорцеву, что отдалъ стихи въ «Летучую бібліотеку?» Что теперь? Что если онъ спроситъ? Впрочемъ, что а! скажу, что солгалъ; скажу Надѣ, что не хотѣлъ...»

Онъ тяжело вздохнулъ.

«А неужели въ самомъ дѣлѣ непремѣнно только черезъ Капорцева и можно попасть? А если... «Блестящая будущность!» сказала она. Оно и видно! горько улыбнулся Викторъ Степановичъ.—Да ужъ и братья-писатели хороши!»

На душѣ Мансвѣтова было невыразимо тяжело, когда онъ вернулся домой.

— Вамъ письмо, сказала ему Маша, отпирая двери.

— Давно?

— Сейчасъ. Минутной раньше, такъ вы бы почтальона встрѣтили на лѣстницѣ.

— А Фалинъ дома?

— Нѣту, ушли... и съ тетрадками.

Письмо было отъ Нади.

Дѣвушка спрашивала Виктора Степановича, отчего онъ такъ долго не является въ ней, и освѣдомлялась, здоровъ ли онъ. Спрашивала на счетъ работъ; писала, что она сама все это время «хандрила», хотя и работала, и въ заключеніе прибавляла, что сегодня она перебирается на дачу въ Парголово. «Приѣзжайте въ воскресенье къ намъ, приписала она въ постскриптумъ,—посмотрите комнатку, и если она вамъ понравится, перебирайтесь». Во второмъ постскриптумѣ дѣвушка дѣлала приписку: «А главное, работайте и работайте; вѣрьте въ себя и, не смотрите на другихъ чрезъ очки раздраженія». Какъ и всегда подпись состояла изъ двухъ буквъ—Н. Ч.

Подавленный сценою въ редакціи «Летучей библиотеки», Викторъ Степановичъ чувствовалъ себя настолько скверно, что письмо Нади не произвело на него никакого впечатлѣнія. Въ горѣ или радости всегда какъ-бы сбѣгаютъ черты, усугубляющія ощущенія того или другаго. Такъ была и съ Мансвѣтовымъ. Въ воображеніи его стали вырисовываться картины мрачнаго оттѣнка. Онѣ группировались и порождали въ душѣ что-то близкое къ отчаянію.

«Можетъ быть у меня и въ самомъ дѣлѣ нѣтъ ничего: ни дарованія, ни мысли», мучился онъ вопросомъ.

Онъ сталъ рыться въ своихъ бумагахъ, пробѣгая замѣтки и наброски, и беспощадно разбирая самого себя.

«Вотъ еще тоже, проговорилъ онъ вслухъ, вынимая изъ чемодана тетрадку:—переписано на-бѣло. «Стихотвореніе Мансвѣтова», подумаешь...»

Онъ хотѣлъ пересмотрѣть тетрадку и вдругъ въ этотъ мигъ изъ нея выпала небольшая карточка. Онъ поднялъ—и его сердце сжалось съ рѣзкою болью.

«Нина!»

Онъ приблизилъ карточку къ глазамъ и сталъ вглядываться въ знакомыя черты. Дѣвушка точно улыбалась; страдальчески, скорбно улыбались эти блѣдныя губы, а глаза, глаза вротко

и любовно смотрѣли на него и точно хотѣли сказать ему, униженному и оскорбленному: тебѣ тяжело, ты страдаешь? ты одинъ тамъ... а вдали отъ тебя, только для тебя и за тебя, бьется и болитъ бѣдное, одинокое же сердце. О, ты много мукъ доставлялъ этому сердцу, но не мучься, оно не обвиняетъ тебя. Оно не шлетъ тебѣ укора, оно... любить тебя и все... все простило тебѣ!

Молодой человѣкъ въ изнеможеніи опустилъ руки.

«Оно любить, и только для тебя бьется!» Ахъ зачѣмъ это! Онъ чувствовалъ, что было бы гораздо лучше, если-бы онъ могъ знать, что это сердце ненавидитъ его, бьется къ нему мезью, полно презрѣнія! А то... зачѣмъ, зачѣмъ!

Онъ положилъ карточку и съ укоромъ сказалъ самъ себѣ:

«Эгоистъ, подлый эгоистъ! ты ее совсѣмъ забылъ, совсѣмъ, а обѣщался! Тебѣ только тяжело, невыносимо видѣть страданіе, ты не переносишь его нервами; а когда оно далеко, ты... ты и забылъ его. Тамъ мучатся, ждутъ, а ты... написалъ ли ты хотя нѣсколько строкъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ?»

«Сейчасъ-же, сейчасъ!» воскликнулъ Викторъ Степановичъ, какъ бы желая заглушить, унять укоризненный голосъ, говорившій внутри его.

И онъ сталъ писать письмо въ Тормазову, въ которомъ съ полною откровенностью, облегчая наболѣвшую душу, высказывалъ всѣ свои сомнѣнія, муки и просилъ друга немедленно написать, что съ Ниною, умоляя Тормазова не оставлять ее, помогать и, если можно, заняться съ нею.

II.

Лебединъ и Нада плыли въ лодкѣ по парголовскому озеру. Широкая поля соломенной шляпки дѣвушки, правившей рулемъ, отбѣгала до половины ея лица. Отъ тѣни зрачки ея расширились и глаза казались черными. Лишь нижняя, полная губа ея была освѣщена солнцемъ. Лебединъ не могъ оторвать глазъ отъ своей спутницы. Разговоръ шелъ о Мансвѣтовѣ.

— Да помилуйте, говорилъ академикъ:—онъ чудакъ какой-то! Притомъ же заносчивъ или, скорѣе, мелочно-самолюбивъ. И критики у насъ нѣтъ, и генералы заграбастали въ свои руки всю литературу и душатъ юные таланты... Такова мысль; крайнейшей мѣрѣ, она сквозила въ его словахъ.

— У васъ злой языкъ, Левъ Александровичъ. Но мнѣ кажется, что вы, удачно комбинируя отдѣльныя выраженія, дѣлаете все-таки подтасовку. Онъ слишкомъ субъективенъ. Человѣкъ, произведшій на него невыгодное впечатлѣнiе, дѣлается его врагомъ или, такъ сказать, вѣчнымъ, несноснымъ раздражителемъ. Такъ случилось и съ Капорцевымъ. Каждое слово послѣдняго бередило уже нервы Мансвѣтова и онъ безсознательно рефлексировалъ, хотя и старался потомъ оправдаться передо мною совѣмъ иначе.

— А нельзя ли его поведенiю подыскать иное объясненiе? Это—то, да не то...

— Какое?

— А не показалось ли ему, что Капорцевъ играетъ у васъ нѣкоторую роль? Зависть просто: почему, молъ, не мнѣ выпало на долю, а ему? Вѣдь вотъ къ моей особѣ онъ не воспылалъ же гнѣвомъ? Понятно почему: онъ про меня подумалъ—это *bon vivant*, жуиръ, а тамъ... серьезное. Все—*la jalousie!*

— Это еще что?

— О, барышня! Онъ вѣдь тоже...

— Ха-ха-ха! вы меня смѣшите! Какое онъ имѣетъ право? Мы съ нимъ товарищи. А вы раздѣляете его мнѣнiе? лукаво прищуривъ глаза, спросила Надя.

— Помилуйте! Я вовсе не считаю его достойнымъ вашей персоны! шутливо отвѣчалъ Лебединъ.

— А кто же, по-вашему, достоинъ? также шутливо спросила Черепцова.

— *Morbleu! mademoiselle, comme si vous ne voyez pas! mais c'est moi!*

— Ого!..

И молодые люди засмѣялись. Они ѣхали теперь въ тѣни свѣсившихся въ воду, развѣсистыхъ прибрежныхъ ивъ. Ихъ обдала прiятная прохлада. По другую сторону виднѣлся темный лѣсокъ. Въ общемъ картина носила характеръ буколическiй. Лебединъ положилъ весла, снялъ фуражку и вытеръ платкомъ лобъ. Надя достала рукою плавучiй бѣлый цвѣтокъ, сiлiясь его сорвать.

— Позвольте я вамъ помогу, сказалъ офицеръ, вставая.

— Тише! вы меня утопите!

Дѣвушка выпустила цвѣтокъ. Онъ юркнулъ подъ лодку.

— Ну, вотъ видите, что вы сдѣлали! укоризненно воскликнула Надя.

— Я вамъ даю торжественную клятву, произнесъ Лебед-

винъ, подымая руку вверхъ: — достать лучшій цвѣтокъ, розу, царицу цвѣтовъ. Даже съ опасностью жизни. Довольны?

— Ахъ, вы несправимы! произнесла дѣвушка, хмурия брови, но вмѣстѣ съ тѣмъ невольно улыбаясь.

— *Раголе d'honneur!* замѣтивъ это, сказалъ Лебедкинъ.

Надя ни съ кѣмъ не чувствовала себя такъ хорошо, какъ съ Лебедкинымъ. Въ какомъ бы настроеніи духа она ни была, Лебедкинъ умѣлъ развеселить ее. Его веселость потому сообщалась другому, что она не была напускною. Это билъ черезъ край избытокъ жизненныхъ силъ, требуя себѣ шумнаго исхода.

— Поѣдемте домой! сказала дѣвушка, повертывая руль.

Лебедкинъ налегъ на весла. Могучіе взмахи послѣднихъ, съ ровнымъ всплескомъ воды, были похожи на взмахи крыльевъ гигантской птицы. Вскорѣ они подѣхали къ плотикъ и вышли на берегъ. Ихъ путь лежалъ черезъ паркъ.

— Кто это идетъ по той алеѣ? взглядываясь въ даль, сказалъ Лебедкинъ.

— Не разгляжу. А что?

— Ба! знакомыя все лица! Да вѣдь это Мансвѣтовъ.

И Лебедкинъ издали сталъ раскланиваться съ нимъ, изображая изъ себя генерала, разбитаго параличемъ.

— Левъ Александровичъ, полноте! останавливала Надя. — Вѣдь онъ обидится!

Лебедкинъ расхохотался. Но когда подошелъ Мансвѣтовъ, онъ уже совершенно серьезно поздоровался съ нимъ.

— Вы прямо съ поѣзда? спросила Надя.

— Да!

— Поѣдемте скорѣе къ намъ! вотъ этою боковою дорожкой, такъ ближе. Я васъ познакомлю съ сестрою.

Когда они подходили къ миниатюрной дачкѣ, въ концѣ улицы, то на крыльцо, на встрѣчу имъ, вышла высокая, худая женщина, въ темно-сѣромъ лѣтнемъ платьѣ. Сощурившись, она смотрѣла прямо на приближающихся. Ея желтое, безкровное лицо, съ обострившимися болѣзненными чертами, казалось сурово и производило съ перваго взгляда непріятное впечатлѣніе. Но, при внимательномъ знакомствѣ съ этимъ нервнымъ лицомъ, впечатлѣніе совершенно измѣнялось въ его пользу. Это была копія своей сестры; но только Надя дышала жизнью, а здѣсь вѣяло холодомъ могилы. Видно было, что эта женщина перенесла не мало горя, однако въ ясныхъ синихъ глазахъ ея не виднѣлось упрека судьбѣ.

— Моя сестра! Мансвѣтовъ! отрекомендовала Надя.

— Прошу любить, да жаловать! слышала уже объ васъ, сказала Людмила Павловна тихимъ, приятнымъ голосомъ.

Всѣ вошли въ комнату.

— Соловья баснями не кормятъ! прежде всего давай скорѣе обѣдать, Мила, сказала Надя:— у меня волчій аппетитъ послѣ прогулки.

Скоро всѣ сѣли за столъ. Пошли обычные разговоры, разспросы. Лебедкинъ, съ свойственною ему находчивостью, создалъ моментально пѣлую эпопею своихъ походовъ.

— Васъ слушать, такъ и до завтра не переслушаешь, ласково замѣтила сестра Нади, по мужѣ Воскресенская.

Она симпатизировала Лебедкину и въ душѣ очень желала бы видѣть Надю за нимъ замужемъ.

Послѣ обѣда въ саду былъ поданъ чай.

Мансвѣтовъ, не безъ горечи, сообщилъ Надѣ, что повѣсть не клеится и подвигается тихо.

— Только не надо падать духомъ, ободрила Надя. — Вѣдь это еще первое произведеніе.

— Первый блинъ комомъ, второй— съ квасомъ, третій— съ масломъ, вставилъ Лебедкинъ.

Сдѣлавъ въ воздухѣ граціозный пируеть ногою, онъ отошелъ отъ бесѣдующихъ «друзей» въ домику и, положивъ локти на подоконникъ, началъ разговаривать съ Людмилою Павловною, ушедшею послѣ чая въ комнату. Нѣсколько времени спустя, онъ, разлетѣвшись, преподнесъ Надѣ пышную розу.

— Пользуюсь случаемъ, сказалъ онъ, разшаркиваясь и звякая шпорами:— сдѣлать соответствующее признаніе въ любви; и, крутя свой усъ, онъ произнесъ четверостишіе, которое любилъ декламировать, передразнивая писаря, объясняющагося въ любви:

Сами вы, какъ эта роза,
Но разница лишь та,
Что роза вянетъ отъ мороза,
А въ васъ одна все красота.

Надя засмѣялась отъ души и промолвила, рассматривая розу:

— Какая прелесть! откуда?

— Изъ альбома свистуновъ и хлыщей, сверкнувъ глазами, не выдержалъ Мансвѣтовъ.

— Прямо изъ садовъ Семирамиды! съ улыбкою поправилъ Лебедкинъ и остановилъ на Надѣ торжествующій взглядъ, какъ бы говоря: «что, развѣ не правъ былъ я?»

Дѣвушка отвернулась, смущенная. Теперь ей было окончательно ясно.

— Я не про то, нетерпѣливо начала Надя. — Ахъ! вдругъ вскрикнула она:— да вась, Левъ Александровичъ, повѣсать надо!

— Что такое? невиннымъ тономъ спросилъ Лебединъ.

— Какъ что!.. это вы лишили сестру ея любимаго дѣтища? Вы сорвали розу изъ горшка на окнѣ?

— Ахъ! съ комическимъ испугомъ воскликнулъ офицеръ:— бѣгу сейчасъ вымаливать прощеніе у Людмилы Павловны.

И онъ исчезъ.

Мансвѣтовъ терялся въ догадкахъ. Сегодня онъ видѣлъ Надю настолько расположенною къ Лебедину, что рѣшилъ, что она къ нему равнодушна.

«Какъ же это! думалъ онъ:— ее не поймешь! Къ Капорцеву... это еще понятно. Но вдругъ къ этому шалопаяю... это возмутительно! И зачѣмъ тогда она мнѣ выказываетъ симпатію?»

— Не хотите ли посмотрѣть комнату? неожиданно предложила Надя.

Мансвѣтовъ заявилъ, что не можетъ переѣхать къ нимъ, потому что вчера нацѣлъ занятія въ конторѣ «Курьера».

— И пріѣзжать-то я могу только въ воскресенье и праздники, сказалъ онъ нѣсколько небрежно.

Разговоръ опять перешелъ на литературу.

— Вамъ необходимо прочесть повѣсть Капорцеву, рѣшила Надя:— я не компетентна; я воспринимаю все непосредственно, но указать не могу. Онъ можетъ бывать у меня тоже по воскресеньямъ... работы по горло... Я сплшусь съ нимъ.

Появился Лебединъ.

— Я собираюсь паше Напсе, заявилъ онъ,— не желаете ли подвезу васъ, обратился онъ къ молодому человѣку.

— Я на своихъ доѣду, холодно отвѣтилъ Мансвѣтовъ.

— Была бы честь предложена...

Однако они отправились вмѣстѣ. Надя захотѣла проводить ихъ, и всѣ трое отправились пѣшкомъ на пристань.

Проводивъ гостей, Надя возвращалась домой, погруженная въ раздумье. Она невольно дѣлала сравненіе между Лебединымъ и «другомъ». Фигура перваго возставала передъ нею во всемъ своемъ добродушіи и живости. Послѣдній же поражалъ своими выходками. Но она старалась поймать себя на щепетильничанъ, обвиняя себя въ барствѣ и стараясь всѣми силами защитить Мансвѣтова, образъ котораго началъ носиться и тускнѣть вблизи. Онъ давалъ пищу воображенію издалека, изда-

лека онъ былъ лучше, вблизи же много проигрывалъ. «Но неужели я люблю Лебедина?» вдругъ промелькнуло въ сознании дѣвушки. Эта неожиданная мысль поразила ее, но она не могла ничего отвѣтить себѣ. Она не задавала вопроса: а онъ? любить ли онъ? Она только чувствовала, что вся душа ея наполнилась свѣтомъ.

Придя домой, она взяла книгу и легла, чтобы читать. Но развернувъ, она положила книгу себѣ на грудь и въ такомъ положеніи оставалась долгое время, вся ушедшая въ думы.

III.

Прошло два мѣсяца.

Привозанный занятіями въ конторѣ къ городу (а бросить ихъ, въ матеріальномъ отношеніи, было невыгодно), Мансвѣтовъ, втеченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ, только по праздникамъ и бывалъ въ Парголовѣ. Въ эти дни туда же пріѣзжалъ Лебедкинъ, посѣщавшій Черенцову и на недѣлѣ по два и по три раза; изрѣдка заѣзжалъ Капорцевъ и заглядывалъ Саловъ. Собирались и товарки Нади, жившія невдалекѣ, и время въ бесѣдахъ и развлеченияхъ (устраивался проветъ, серсо, катались на лодкѣ, гуляли) пролетало незамѣтно.

Стоялъ теплый іюльскій вечеръ. Было уже около семи часовъ. Нада только что кончила письмо къ своему брату, уѣхавшему, еще въ началѣ зимы, врачомъ въ вятское земство.

Дѣвушка сидѣла у окна, задумавшись. Ее неотступно преслѣдовала картина прошлаго воскресенья. На дачѣ были Мансвѣтовъ и Капорцевъ. Первый читалъ свою повѣсть и стихи. Капорцевъ похвалилъ то и другое, но въ тонѣ его Надѣ слышалось что-то неискреннее. Когда Викторъ Степановичъ ушелъ, дѣвушка обратилась къ Константину Михайловичу съ вопросомъ, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ находитъ повѣсть и стихи Мансвѣтова.

— И то, и другое не важно, сказалъ Капорцевъ. — Но стихи лучше. Они теплы и очень гладки. Проза же...

— Зачѣмъ вы солгали? Зачѣмъ взяли даже?

— Сказать правду — значитъ подшибить вашему другу крылья. Посмотримъ... пусть работаетъ.

— Но все-таки...

— Я сомнѣваюсь... и, по правдѣ сказать, не раздѣляю вашихъ мнѣній относительно его «талантовъ».

Этотъ разговоръ произвелъ сильное впечатлѣніе на дѣвушку. Она начала считать себя виноватою передъ Мансвѣтовымъ за то, что вызвала его изъ глуши, заставивъ жить надеждами, которыми теперь приходилось разбиваться. Она стала сама терять вѣру въ дарованія друга. Самъ онъ, вѣчно нервный и за послѣднее время какой то обремененный, также утрачивалъ для нея мало-по-малу прежнее обаяніе.

«Можетъ быть все это миражъ? думала дѣвушка.—И если это такъ, зачѣмъ же я тогда вызвала его? Это значитъ разбить у него все».

Ея размышленія были прерваны приходомъ Салова, который отрывочно, устало произнесъ: «Здравствуйте!» и взгромоздился на диванъ съ пыльными ногами, оставляя слѣдъ на обивкѣ.

Надю покорибила такая безцеремонность.

— Нѣтъ ли у васъ влаги какой, промочить горло? выговорилъ Саловъ.

— Вы это откуда? Прямо изъ Петербурга?

— Прямо. А вы заняты?

— Нѣтъ, я письмо писала къ брату, а сейчасъ думала черкнуть къ зятю въ Шенкурскъ.

— Чай ему тамъ дорога каждая строчка. Да вы пишете, я не мѣшаю! Отдохну малость, да пивкомъ займусь.

Вошедшая горничная принесла бутылку пива и поставила на столикъ у дивана. Надя сѣла спиною къ гостю и стала писать. Въ комнатѣ водворилась тишина, прерываемая лишь скрипомъ пера и бульканьемъ изъ бутылки наливаемого пива.

Надя кончила письмо и понесла къ сестрѣ. Она не возвращалась около получаса, давая возможность гостю отдохнуть съ дороги. Вернувшись, она взяла какое-то вязанье и сѣла къ открытому окну.

Саловъ поднялся съ дивана и, понуривъ голову, началъ ходить изъ угла въ уголъ, заложивъ за спину руки, отчего его сутуловатость обозначилась еще рѣзче; онъ видимо былъ чѣмъ то взволнованъ; борьба, которая происходила въ душѣ, ясно отразилась и на лицѣ.

Надя старалась вызвать его на разговоры, но онъ или отмалчивался, или отвѣчалъ неохотно. Она замолчала. Саловъ сдѣлалъ еще два-три бонца по комнатѣ и вдругъ, круто повернувшись, остановился передъ Надею. Она подняла на него глаза. Онъ, насупясь, глядѣлъ въ уголъ.

— Я люблю васъ! какъ-то глухо выговорилъ онъ нетвердымъ голосомъ.—Хотите быть моею женою? прибавилъ онъ.

Это было такъ неожиданно для Нади, что она приняла сначала все это за шутку.

— Какъ же это вы, радикаль, и предлагаете легальный союзъ? сказала она.

— Это уступка вамъ, потому что, потому что...

— Можетъ быть я въ замужествѣ буду тою злою бабкою, какъ описывали вы?

Саловъ вдругъ прервалъ рѣзко:

— Вы это что, барышня, изволили избрать меня мишенью для своихъ шутокъ?

Лицо его исказилось и сдѣлалось мертвенно блѣдно.

Больно сжалось сердце Нади. Она вдругъ проникла въ глубину его любящей души. Ей стало невыразимо жаль его и стыдно за свой тонъ.

— Простите меня, я не думала... но я... не могу отвѣчать вамъ чувствомъ, сказала она такъ мягко, какъ только могла, чтобы сколько нибудь смягчить суровость отвѣта.

— Гм!.. Значить не въ свой поѣздъ садиться вздумалъ... Ну что... ошибка! Лицо его еще болѣе передернулось.— Всего вамъ хорошаго въ жизни, отъ чистаго сердца! порывисто прощался онъ, хватая Надю за руку и вѣриво сжимая ее, и опрометью бросился изъ комнаты.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

I.

Не смотря на прекрасную погоду, въ сонскомъ городскомъ саду гуляющихъ было совсѣмъ не видно. День былъ будничнѣй, а гулять въ будни сонскіе обитатели и преимущественно обитательницы считаютъ неприличнымъ.

«Ужъ худа та дѣвка, которая по буднямъ хвосты на гулянкахъ треплетъ; эдакой и жениха не сжскаетъ!»

Такова мораль сонская.

Шесть часовъ. А въ саду два-три человѣка. На диванчикѣ, въ боковой алеѣ, сидитъ блѣдная, чрезвычайно худая, но очень еще молодая и недурная собою дѣвушка. Она отянулася на спинку дивана и видимо сильно утомлена.

Это Нина Барсова.

Она только всего девятый день, какъ вышла изъ больницы, куда была свезена Софьею Ермолаевною послѣ того, какъ, нечаянно упавъ съ крыльца, заболѣла. Въ больницу Нина сдѣлалась матерью, но ей не пришлось услышать голоса своего ребенка; преждевременно родившееся дитя умерло, не видавъ Божьего свѣта.

Оскорбленія и насмѣшки ждали дѣвушку за стѣнами больницы. Софья Ермолаевна не пустила ее къ себѣ, потому что Лиза, уже сговоренная за Воронина, теперь отвернулась отъ Нины и находила, что «неприлично» ей, будущей женѣ управляющаго, «якшаться» съ «разной дрянью». Мать свято выполняла волю дочери. Нина буквально почевала за городомъ, у забора. М-me Nordine не только не пустила ее на порогъ своей мастерской, но осыпала бранью и отказала отъ мѣста, не сдѣлавъ даже расчета.

Весь городъ уже зналъ исторію «Колосовской племянницы» и дѣвушкѣ невозможно было найти мѣста. Пыталась она было поступить въ горничныя, но ее и сюда не хотѣли брать.

— Какова, какова! возмущалась одна барыня, въ которой обратилась Нина, — хотѣла поступить ко мнѣ! Да что я... изъ ума выжила... возьму такую развратницу! У меня юноша-сынъ, мальчишъ, можно сказать, невинный и чистенькій. Да его эта мерзкая дѣвчонка Богъ знаетъ какъ запутаетъ!

Бѣдной дѣвушкѣ приходилось буквально умирать съ голода. Тормазовъ, командированный на время изъ Сонска въ ближайшій городъ, увѣжая, оставилъ Нинѣ деньги; но она не брала изъ нихъ ни копѣйки и боролась до тѣхъ поръ, пока могла. Но дальше выхода не было. Какъ ни было тяжело, но она размѣняла первую десятирублевку. Приѣхавшій Тормазовъ насилу нашелъ Нину, въ Козлинской улицѣ, въ совсѣмъ развалившейся хижинѣ солдатки Безчастной. Молодаго человѣка поразила переища, происшедшая въ Нинѣ, и онъ едва удержался отъ громкаго выраженія удивленія.

Съ приѣздомъ Тормазова, Нинѣ хотя нѣсколько, но стало лучше. Она чувствовала себя хорошо и раньше, съ самаго отъѣзда Мансвѣтова, въ его присутствіи. Видимое участіе молодого человѣка какъ-то грѣло ее и въ то же время не было тяжело, потому что, деликатный по натурѣ, Василій Петровичъ — такъ звали Тормазова — ни словомъ не позволялъ себѣ копошиться и касаться прошлаго дѣвушки. Вернувшись на четвертый день выхода Нины изъ больницы, Тормазовъ въ тотъ же день отыскалъ ее и посѣщалъ ежедневно, стараясь развлечь ее бесѣ-

дою. Огъ также усиленно искалъ замѣтій Нинѣ, но и его старанія оставались пока тщетны.

Мы застаемъ Нину въ саду, возвращающуюся отъ купчихи Семеновой, искавшей себѣ такую дѣвушку, которая бы и «спить все могла, и одѣться помочь, и наблюдение за домомъ имѣла бы».

Семенова еще первая приняла дѣвушку «по-человѣчески», не сказавъ ей ничего оскорбительнаго. Но купчихѣ не понравилась Нинина «сухопарость».

— Ай, ай, милая! воскликнула она, — да какая же ты щепочка! Моя рука талии твоей толще. Ужъ что же это, какая ты работница! И жаль мнѣ тебя будетъ нудить, и смотрѣть-то больно...

И Нина не была нанята.

Разбитая нравственно и физически, дѣвушка вся ушла въ себя и не видѣла, не слышала, что дѣлается вокругъ ея, въ саду. На противоположной скамейкѣ полулежалъ молодой человѣкъ, красивый собою и одѣтый изысканно. Онъ, играя попопс'емъ и щурясь, разсматривалъ дѣвушку.

Нина какъ-то невзначай посмотрѣла на своего vis-à-vis и ихъ взгляды встрѣтились. Она невольно покраснѣла и поспѣшно поднялась съ мѣста.

Молодой человѣкъ также всталъ.

— Вы, кажется, слишкомъ устали? проговорилъ онъ, приближаясь къ дѣвушкѣ. — Позвольте, я доведу васъ до дома? предложилъ онъ, уже почти равняясь съ Ниною.

Она ничего не отвѣтила и ускорила шаги.

Франтъ попытался еще разъ заговорить съ нею, но также не получилъ отвѣта. Сдѣлавъ гримасу, онъ остановился, посмотрѣлъ въ слѣдъ дѣвушкѣ и затѣмъ отправился опять отдыхать на скамейку, надѣясь дожидаться болѣе сговорчивую, чѣмъ эта «желтая щепка», какъ назвалъ онъ съ досады мысленно Нину.

А она едва дошла до дому и въ безсиліи упала на постель.

— Ну что, родная, что болѣзная? сговорила ли? спросила съ участіемъ ховайка, садясь на кончикъ кровати.

— Ахъ, нѣтъ, Раиса Михайловна, не сладились! Худа я показалась!

Старуха покачала головою.

— Эхъ, люди, люди! проворчала она съ укоривною, — капризы еще какіе строятъ.

II.

Уже болѣе получаса Нина лежала на кровати безъ мысли и движенія. Жгучая тоска подступала къ сердцу и рыданія сдавливали горло. Невдалекѣ сидѣлъ Тормазовъ, истреблявшій одну папиросу за другою. Онъ пускалъ колечки дыма, видимо обдумывая что-то и только изрѣдка взглядывая на лежавшую Нину.

Онъ докурить папиросу и оклигнуть тихонько дѣвушку:

— Антошина Григорьевна!

Она сдѣлала легкое движеніе.

— Я никогда еще съ вами не говорилъ вѣднѣ откровенно, началъ Тормазовъ, — позвольте мнѣ высказаться хоть разъ... выслушайте меня.

— Что такое? слабо спросила дѣвушка.

— Я хочу коснуться вашего положенія; на правахъ друга, выяснитъ его... я вѣдь вижу, какъ оно васъ мучитъ.

— Ахъ, оставьте! Это меня еще болѣе... начала было Нина, приподнимаясь на постелѣ.

— Когда вы его уясните, оно не будетъ васъ такъ мучить, возразилъ Василій Петровичъ.

Нина снова упала головою на подушку, не то какъ-бы подпираясь, не то изнеможенная отъ страданія.

— Мансѣтовъ васъ никогда не любилъ, нѣсколько времени спустя проговорилъ Тормазовъ спокойнымъ, но увѣреннымъ тономъ.

Слабый стонъ, вырвавшійся изъ груди дѣвушки, былъ ему отвѣтомъ:

— Да, онъ не любилъ, повторилъ Тормазовъ. — Гдѣ эгоизмъ, тамъ нѣтъ любви. Онъ любитъ Черенцову. Только благодаря этому чувству, онъ увидѣлъ себѣ дѣло тамъ, гдѣ, можетъ быть, его совсѣмъ и нѣтъ для него. Чувство къ вамъ объясняется легко. Съ извѣстіемъ о смерти Черенцовой у него образовалась въ сердцѣ пустота, какъ у всякаго живаго человѣка. Эта пустота наполнилась страстью. Викторъ по натурѣ человѣкъ увлекающійся. Немудрено, что страсть забрала его всего. Въ чаду онъ смѣшалъ это чувство съ болѣе серьезнымъ. Онъ самъ искренно вѣрилъ въ то, что говорилъ, и былъ далеко отъ обмана въ то время. Онъ человѣкъ хорошій — я его знаю.

Голосъ Тормазова нѣсколько вибрировалъ отъ волненія. Онъ остановился на минуту и затѣмъ продолжалъ снова:

— Но явилась прорывъ этому чувству и лишь только тутъ

онъ увидѣлъ, какую сдѣлалъ непоправимую ошибку. Ему стало жаль васъ. Въ немъ явилась борьба двухъ чувствъ: любви и жалости съ состраданіемъ. Любовь одержала побѣду—и ваша участь была рѣшена. Однако совѣсть мучила Виктора и онъ не могъ уѣхать, не оставшись вашимъ другомъ. Вы ему сдѣлали очень много, доставивъ это утѣшеніе. Но онъ будетъ счастливъ только тогда, когда вы будете совсѣмъ счастливы. Тогда онъ вспомнится, а до того времени тяжелый призракъ нѣтъ-нѣтъ, да и встанетъ передъ нимъ. Вѣдь и ваша печаль не вѣчна. Рана заживетъ; жизнь предъявитъ свои права; старое отболитъ, отвалится отъ сердца, какъ засохшій струпу; туманъ разсѣется—и сердце снова будетъ доступно лучу солнца, т. е. новому чувству.

Василій Петровичъ умоляетъ, потому что Нина рыдала, зарывшись головою въ подушку. Это были первыя облегчающія слезы, служившія въ то же время какъ-бы залогомъ начинающагося изцѣленія.

Тормазовъ понималъ это. Онъ далъ дѣвушкѣ волю выплакаться, закурилъ опять папиросу и удалился къ окну. Его скромненькая, сѣренькая фигура, некрасивое лицо, представлявшееся на первый взглядъ однимъ свѣтлымъ пятномъ (и онъ, какъ и волосы, и кожа лица, и глаза, все это было подъ одинъ какой то неопредѣленный цвѣтъ)—дышали теперь такою добротою, такою мягкою ласкою, что онъ выказался красивѣе обыкновеннаго. Хорошая душа свѣтилась въ глазахъ, отражалась въ лицѣ и влекла къ себѣ.

Нина долго рыдала, какъ-бы совсѣмъ забывъ о его присутствіи. Когда она подняла свое мокрое отъ слезъ лицо, Тормазовъ налилъ въ чашку воды изъ кувшина, стоявшаго на окнѣ, и подалъ Нинѣ. Она взяла его свободную руку и крѣпко-крѣпко пожала ее.

Онъ понялъ, за что дѣвушка благодарила его.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

I.

Прошелъ августъ, прошелъ и сентябрь, а повѣсть Мансвѣтова, принятая Капорцевымъ, въ «Родныхъ Вѣстяхъ» не появлялась. Самъ Капорцевъ, уѣхавшій въ первыхъ числахъ

августа на югъ Россіи, не подавалъ о себѣ вѣсти: Викторъ Степановичъ ходилъ два раза въ редакцію. Въ первый разъ онъ тамъ никого не засталъ; во второй, онъ узналъ, что одно изъ стихотвореній, именно «Разсвѣтъ», назначено къ помѣщенію, но когда пойдетъ—неизвѣстно, приче́мъ Мансвѣтову удалось видѣть и самое стихотвореніе. Оно было порядочно исправлено и наполовину сокращено. Относительно же повѣсти онъ ничего не узналъ.

Съ переѣздомъ съ дачи въ городъ у Нади опять начались собранія; въ ея комнатахъ собиралась учащаяся молодежь обоего пола; только одинъ Саловъ не являлся уже болѣе. Нерѣдко устраивались даже танцы, хоровое пѣніе. Викторъ Степановичъ сначала тоже усердно посѣщалъ Надины «суботы», гдѣ все-таки болѣе всѣхъ выдавался Лебединъ, очаровавший многихъ барышень своею любезностью, хотя, какъ студентки, по принципу, онъ наружно старались выказывать свое неудовольствіе на каламбуры и комплименты академика.

То, что узналъ Мансвѣтовъ въ редакціи, подшибло ему совсѣмъ крылья. У него опустились руки. Перечеркнуто, исправлено и половина вычеркнута... что же моего-то? А повѣсть? Она, вѣроятно, не пойдетъ, и Бапорцевъ только не хотѣлъ сказать правды, щадилъ меня. Иначе бы не тонули до сихъ поръ».

Хандра засасывала Виктора Степановича. Онъ становился все болѣе и болѣе раздражительнымъ и сталъ избѣгать общества. Цѣлый мѣсяцъ онъ не заглянулъ къ Надѣ и къ Фалину, съ которыми теперь жилъ уже не въ одной квартирѣ. Техноложъ все собирался посѣтить товарища, чтобы узнать, что такое съ нимъ сдѣлалось. Но работы отнимали у него почти все время и онъ ограничивался одними сборами.

Безповолилась и Надя. Она писала два письма и на оба получила одинъ отвѣтъ: «завтра приду». Наконецъ, она рѣшилась сама зайти къ Мансвѣтову. Она застала его лежащимъ на диванѣ, съ лицомъ, осунувшимся и блѣднымъ.

Мансвѣтовъ обрадовался ея приходу и излилъ передъ ней всѣ свои сомнѣнія, всѣ свои муки. Надя начала, утѣшать и ободрять его.

— Откуда вы все это выдумали? спросила она съ улыбкою, хотя у нея самой было скверно на душѣ. Она сознавала, что лжетъ, что догадки друга о судьбѣ повѣсти вѣрны.

— Факты, факты, отвѣчалъ Мансвѣтовъ.

— Но имъ могутъ быть другія причины?

— Какія же?

— Мало ли какія! Въ редакціи можетъ быть изобиліе матеріала, нельзя же помѣстить вашу сначала, когда другіе ждутъ. И наконецъ, мало ли еще что нибудь!

Надя говорила горячо, ласково. Викторъ Степановичъ невольно поддавался ея утѣшеніямъ. Не столько убѣдительно была сама по себѣ рѣчь, сколько живительно дѣйствовалъ ея мягкій, ласкающій тонъ на намученные, больные нервы молодого человѣка. Онъ упивался звуками милого голоса, жадно прислушиваясь къ нему. Съ приходомъ Нади какъ будто веселѣе и свѣтлѣе сдѣлалось въ комнатѣ.

Надя ушла, взявъ слово съ Виктора Степановича приняться за работу и придти въ первую же субботу къ ней.

— Да, да, непременно!

— Смотрите же!

Проводивъ гостя, Мансвѣтовъ опять легъ на диванъ и закрылъ глаза. Онъ продолжалъ видѣть Надю передъ собою: вотъ она сидитъ тутъ, на стулѣ... вотъ такъ она облокотилась на столъ. И онъ чувствовалъ снова, какъ разливается свѣтъ по комнатѣ, разливается розовыми, мягкими волнами и проникаетъ прямо въ его душу.

Ему страстно захотѣлось добиться именно славы, чтобы за ея ореоломъ стать достойнымъ Нади.

Онъ соскочилъ съ дивана и въ возбужденіи зашагалъ крупно по комнатѣ.

II.

Съ наступленіемъ осени дѣла Нины нѣсколько улучшились. Ей удалось найти работу въ одной конторѣ. Это мѣсто было доставлено ей благодаря Тормазову, который усиленно хлопоталъ для дѣвушки. Онъ часто посѣщалъ ее, читалъ ей книги, доставалъ билеты въ любительскіе спектакли. Нерѣдко въ бесѣдахъ они касались теперь и прошлаго, говорили о Мансвѣтовѣ.

Въ тотъ самый день, когда Надя была у Мансвѣтова, заставъ его хандрящимъ и разбитымъ, — въ тотъ самый день шелъ длинный разговоръ о немъ между Ниной и Тормазовымъ. Они вернулись съ прогулки и пили чай.

— Я, кажется, его никогда не забуду, не то съ тоскою, не то съ болью воскликнула Нина, послѣ небольшой паузы, послѣдовавшей за продолжительнымъ разговоромъ.

— Потому что не хотите забыть! возразилъ Василій Петровичъ.

Дѣвушка горько усмѣхнулась.

— Я бы, кажется, рада его ненавидѣть, да не могу! сказала она съ какимъ-то отчаяніемъ.

— Зачѣмъ же эти крайности? Это лишнее... Но не надо выхоливать, культивировать своей печали, промолвилъ Тормазовъ.

— Какъ это?

— Да такъ! На самомъ дѣлѣ вы уже не столько помните, сколько хотите помнить. А вѣдь вольному воля, Антонина Григорьевна. Вамъ боязно остаться съ пустотою въ сердцѣ, а это можетъ быть, и вотъ вы поступаете такъ, чтобы не случилось пустоты. Образъ Виктора слабѣетъ, тускнѣетъ, такъ вы его сейчасъ подновлять, реставрировать... Вы достигаете этого разговорами о немъ, напоминаніемъ. До поры до времени, конечно, этого достаточно, потому что вы не хотите ничего и никого видѣть. Посмотримъ, что будетъ далѣе.

— Подумайте только, что вы говорите! воскликнула Нина, — Развѣ я могу, развѣ я имѣю нравственное право обращать на когонибудь вниманіе, если еще старый образъ живъ въ сердцѣ?

— О, конечно, нѣтъ, если онъ дѣйствительно тамъ живъ, какъ вы стараетесь себя въ этомъ увѣрить! сказалъ Тормазовъ, глядя на дѣвушку въ упоръ.

— Я говорю то, что чувствую, смущенно промолвила Нина.

— У меня есть двѣ знакомыя вдовицы-старушки, заговорилъ Тормазовъ нѣсколько минутъ спустя;— съ тѣхъ поръ, какъ онѣ лишились мужей и по сей день онѣ неутѣшно плачутъ, все вспоминая покойниковъ и увѣряя, что до сихъ поръ онѣ любятъ также своихъ умершихъ мужей. Развѣ это правда? Та же культивировка печали, то же пополненіе пустоты, отысканіе смысла въ жизни.

Нина улыбнулась, но не отвѣтила ничего.

Послѣ чая она пересѣла къ окну и, склонивъ голову на руки, задумалась. Она задумалась о томъ, что уже не одинъ разъ, но легче и мелькомъ, пробѣгало въ ея сознаниі, именно о симпатіи къ ней Тормазова. Въ этой симпатіи сердцу чулось что-то такое, отъ чего больно стало дѣвушкаѣ.

«Я вѣдь ему ничего не могу дать, мысленно рѣшала она,— на что онъ надѣется, чего ждетъ? Сказать ему прямо, что все напрасно? Такъ честнѣе. Вѣдь мы друзья и ими останемся.»

Онъ, кажется, это и самъ хорошо знаетъ, а говорить... что такое это онъ говорить? Зачѣмъ?»

— О чемъ это вы такъ задумались? спросилъ Василій Петровичъ, заглядывая Нинѣ въ лицо.

Дѣвушка подняла голову и отвѣтила съ легкимъ вздохомъ:

— Мало ли о чемъ. И помолчавъ прибавила:— вотъ я вѣдь не мѣшаю жить Мансвѣтову. Не такъ ли? Вѣдь былъ молодцу не укоръ.

— Что же дальше?

— А онъ, между тѣмъ, будетъ вѣчной помѣлкой...

— Я не совсѣмъ васъ понимаю, т. е. не то, что не понимаю, а мнѣ странно слышать...

— Нисколько, возразила Нина;— вѣдь намъ, женщинамъ, былъ всегда будетъ служить укоромъ!

— Это смотря потому, Антонина Григорьевна, подъ какимъ угломъ глядѣть на вещи. Если видѣть въ женщинѣ человѣка послѣ всего, а прежде всего и главнымъ образомъ, извините, только самку, то, конечно, такъ!

— Вотъ видите...

— Да, но вѣдь это ничего не доказываетъ!

— Какъ такъ?

— Взгляды у людей различны, Антонина Григорьевна!

— Да, а каково было дѣвушкѣ?.. произнесла она, качая головою, и не кончивъ, опять задумалась.

— А вы такъ-таки никого и не намѣрены любить болѣе? спросилъ Тормазовъ шутливо.

— Какъ вы сказали? переспросила дѣвушка, не хорошо вслушавшаяся въ вопросъ гостя.

Онъ повторилъ.

— Гм! Н-нѣ-ѣтъ!

— Одно уже гм! и затѣмъ это «н-нѣ-ѣтъ», выдаетъ васъ головою.

— По крайней мѣрѣ не теперь! какъ-то испуганно и смѣшно промолвила Нина.

— А когда же?

— Тогда, когда изъ сердца будетъ окончательно вытѣсненъ старый образъ, когда умереть... образуется пустота... сказала дѣвушка неровнымъ голосомъ.

Она, однако, не сказала ему главнаго, не сказала того, что ей хотѣлось сказать. У нея это просто какъ-то не связалось.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

I.

Первое возбужденіе, овладѣвшее Мансвѣтовымъ послѣ посѣщенія Нади, было непродолжительно. Правда, онъ не впадалъ въ такое состояніе, въ какомъ застала его Нада, и работала; но приступы хандры и тоски не оставляли его. Онъ снесъ новый рассказъ въ редакцію одной газеты и ждалъ отвѣта.

Въ концѣ ноября возвратился въ Петербургъ Капорцевъ. Его пріѣзда Викторъ Степановичъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Сомнѣніе, разъ зародившееся въ его душѣ, не исчезало, и онъ хотѣлъ скорѣе знать всю правду. Въ обычный субботній вечеръ Капорцевъ не былъ у Нади. На другой день Викторъ Степановичъ самъ отправился къ нему. Капорцевъ принялъ молодого человѣка любезно и даже радушно; много говорилъ о югѣ Россіи, о пользѣ «хотя временныхъ» поѣздокъ въ глушь, чтобы совсѣмъ не забыть Россіи въ Петербургѣ.

— Какъ посмотришь самъ. да послушаешь... Господи, какъ стыдно и больно станетъ за всѣхъ реформаторовъ, изучающихъ Русь и народъ изъ кабинетовъ на Большой Морской и Англійской набережной. Лгуны, лгуны! И что больше—лгуны честные! Они сами не понимаютъ, что лгутъ! Они сами вѣрятъ, не сознавая, что ошибаются.

Наступила маленькая пауза.

— А я къ вамъ, Константинъ Михайловичъ, началъ Мансвѣтовъ.

— Что? Чѣмъ могу служить? предупредительно отозвался Капорцевъ.

— Я на счетъ своихъ...

— Стихи пойдутъ въ 12 №. Только я, вы ужь извините, сократилъ нѣсколько.

— Ровно на половину, сказалъ Мансвѣтовъ, противъ воли и желанія, рѣзко.

— Извините, пожалуйста, нельзя было... самъ не соглашался иначе.

— А повѣсть?

— Повѣсть, повѣсть... замаялся Капорцевъ, видимо смущенный этимъ вопросомъ.—Она...

— Она такъ плоха, что нельзя помѣстить? произнесъ Викторъ Степановичъ прямо, глядя въ упоръ на хозяина.

— Н-нѣтъ, я бы тогда... она мнѣ понравилась; но *ему* она не нравится. Вы не передѣлаете ли ее?

— Нѣтъ ужь, зачѣмъ, махнулъ рукою Мансвѣтовъ, — я вижу, что она нигуда не годится, пусть ее!..

Онъ поднялся съ мѣста.

— Но вы, Бога ради, не придавайте значенія, началъ Капорцевъ успокоительнымъ тономъ, — сначала мало ли у кого..

— Ахъ, бросьте эти ободренія, рѣзко оборвалъ его Мансвѣтовъ и, какъ-бы сконфузясь при мысли, что онъ несправедливъ, улыбнулся горько, желая смягчить улыбкою свою рѣзкость, и простился съ Капорцевымъ.

Выйдя на улицу, Викторъ Степановичъ хотѣлъ отправиться домой, но пройдя нѣсколько шаговъ, вдругъ повернулъ обратно:

«Э, лучше за-одно, здѣсь узналъ правду, зайду же и туда».

И онъ отправился въ редакцію газеты.

Когда онъ обратился въ концѣ разговора съ вопросомъ о своемъ разсказѣ, секретарь молча вручилъ ему его рукопись.

— Не пойдетъ? почти машинально спросилъ Мансвѣтовъ.

— Я думаю, когда возвращается, отвѣтилъ секретарь, пожимая плечами.

Двѣ новыя неудачи сильно поразили Виктора Степановича. Онъ не спалъ всю ночь, охваченный снова тѣмъ отчаянiемъ, какое испытывалъ недавно.

«Да, теперь ясно, все ясно! думалъ онъ, и въ разгоряченной головѣ сама собою являлась мысль:—Чего же ждать? Надо кончить глупую комедію. Да, надо! рѣшилъ онъ и произнесъ эту фразу вслухъ.—Здѣсь все рухнуло; теперь только надо убѣдиться, чтѣ тамъ? Вѣдь у нея должно же быть нѣчто определенное къ кому нибудь... изъ троихъ. Или Капорцевъ, или Лебединъ—но этого не можетъ быть!—или... или я. Надо узнать и здѣсь всю правду; что я тяну время? И теперь всего лучше: мнѣ не повезло въ литературѣ; посмотримъ, кому она симпатизировала, мнѣ ли собственно, или тому славному писателю, каваго она предвидѣла во мнѣ? Теперь всего лучше. Мои неудачи—онѣ послужатъ лучшимъ оселкомъ чувства ко мнѣ».

II.

Онъ отправился къ Надѣ умышленно не въ урочный день и въ такое время, когда надѣялся застать ее одну.

«Если и здѣсь сорвется, думалъ онъ дорогою, — то остается одно: — выпустить себя въ тиражъ».

Онъ усмѣхнулся горько своей остротѣ, тому, что она еще могла придти на умъ въ такую тяжелую минуту.

«Да, болѣе ничего не остается, продолжалъ разсуждать онъ. — Никому я не нуженъ, ни на что не годенъ — туда мнѣ и дорога! Что бременить землю!»

Однако это сознание съ рѣзкою болью отозвалось въ его сердцѣ.

Онъ засталъ Надю одну. Она читала лекція.

— А!.. радостно воскликнула дѣвушка, протягивая руку гостю.

Она взглянула на его убитую фигуру и веселость исчезла съ ея лица, рѣчь какъ-то оборвалась.

— Я къ вамъ всего на нѣсколько минутъ, объявилъ поспѣшно Мансвѣтовъ.

«А что, если она объявитъ на-отрѣзъ, что ничего не чувствуетъ во мнѣ? Тогда я совсѣмъ погибну! струсиль вдругъ Викторъ Степановичъ передъ рѣшительною минутою. — Не лучше ли ужъ жить надеждами, чѣмъ... чѣмъ ничего не имѣть впереди? Страшно сразу...»

И онъ не могъ, какъ хотѣлъ, прямо поставить вопроса. Онъ заговорилъ издалека, сѣтуя на неудачи, выясняя свое тяжелое положеніе. Онъ увлекся и нарисовалъ до-нельзя мрачную картину.

— Узнаю голосъ отчаянія, сказала дѣвушка; — вы подавлены, и отъ нравственной боли увеличиваете...

— Вы заподозриваете меня въ утрировкѣ? перебилъ Мансвѣтовъ.

— Нисколько! Но подѣ давленіемъ, штрихи дѣлаются рѣзче произвольно.

— Ахъ, оставьте это, Надежда Павловна, воскликнулъ отчаянно Мансвѣтовъ: — вы утѣшаете меня, какъ младенца! Гораздо лучше смотрѣть жизни прямо въ глаза; нечего дѣлать тѣ надежды, которыя никогда не сбудутся, потому что и не могутъ сбыться! Надежда Павловна! съ волненіемъ воскликнулъ молодой человѣкъ: — я теперь хорошо понялъ, что единственный стимулъ моей жизни — труда, это были вы и только вы одна!

Онъ соскочилъ съ дивана, на которомъ сидѣлъ, и остановился передъ Надеей

— Вы, заговорилъ онъ лихорадочнымъ, дрожащимъ голосомъ: — вы свѣтили мнѣ путеводною звѣздою въ борьбѣ, давали силы. Голосъ его отъ волненія прерывался. — Я чувствую потребность всегда видѣть васъ, говорить съ вами. Вы мнѣ необходимы, какъ воздухъ, которымъ дышу, какъ един-

ственный источникъ жизни; безъ васъ и внѣ васъ нѣтъ смысла въ жизни! Понимаете ли вы теперь, какъ я люблю, какъ я безумно люблю васъ! закончилъ онъ вдругъ страстнымъ тономъ.

Надя слушала его, откинувшись на спинку кресла. Руки ея безсильно свѣсались по сторонамъ. На лицѣ изображалось страданіе.

— Что же вы молчите? воскликнулъ Мансвѣтовъ,—или у васъ не найдется и теплаго слова для друга? (онъ подчеркнулъ послѣднее слово)—Впрочемъ, что же: ваше молчаніе краснорѣчивѣе всякой фразы, значить вамъ и сказать нечего, глухо выговорилъ онъ и, будто подкошенный, упалъ на диванъ.

— Викторъ Степановичъ, я... не свободна! едва слышно проговорила дѣвушка.

Въ ея голосѣ слышались слезы.

— Да, я вижу... я смѣшалъ чувство дружбы съ другимъ. Но зачѣмъ же вы писали тогда, зачѣмъ вызывали? Ахъ, я понимаю! Если-бы я выбился на дорогу, если-бы я переступилъ завѣтный порогъ славы,—то вы полюбили бы меня, потому что вокругъ моего чела былъ бы соблазнительный ореолъ; вы затѣмъ и звали, что думали его увидѣть. А я... я не оправдалъ надеждъ, провалился! Ну, а какъ человѣка, а не генія, вы не могли полюбить меня!

Болѣзненная насмѣшка слышалась въ его тонѣ.

— Викторъ Степановичъ, воскликнула Надя приподнимаясь:—это жестоко! Я не подавала вамъ повода думать, что я люблю васъ; ваши упреки не имѣютъ основанія!

Глаза Мансвѣтова были воспалены. Запекшіяся губы плотно стиснуты.

— Все, все, что я могу дать вамъ,—это моя дружба! сказала Надя.

— Благодарю васъ! задыхающимся голосомъ произнесъ Мансвѣтовъ.—И тамъ, и тутъ—все погибло! прошепталъ онъ, размышляя вслухъ:—ничего теперь нѣтъ впереди. Ни свѣта, ни надежды... одинокій... одинъ среди... темно... холодно!..

Точно ножомъ рѣзали эти фразы сердце Нади. Она смотрѣла на Мансвѣтова, глотая слезы. Одну минуту ей показалось, что онъ очень близко къ ея сердцу, дорогъ ей. Она чуть не бросилась къ нему на грудь, но опомнилась и нашла настоящее названіе своему минутному чувству,— то была жалость, то было состраданіе...

Викторъ Степановичъ всталъ.

Онъ постоялъ нѣсколько секундъ на одномъ мѣстѣ, прежде

чѣмъ подать на прощанье руку хозяйкѣ, и шатаясь вышелъ изъ комнаты.

— Викторъ Степановичъ! слабо окликнула Надя.

Но онъ не оглянулся, не остановился. Едва-ли онъ и слышалъ, что его окликнули.

У Мансвѣтова ночью начался жаръ. Температура быстро подымалась, къ утру сдѣлался бредъ и открылась нервная горячка. Перепуганная хозяйка въ тотъ же день отвезла его въ больницу.

III.

Онъ пролежалъ около шести недѣль на больничной койкѣ. Правственные страданія нашли исходъ въ физическомъ недугѣ— и утихи. Съ болѣзью отболѣла и душевная скорбь. По выздоровленіи физически, Мансвѣтовъ почувствовалъ себя легче, какъ будто недавнее прошлое отодвинулось далеко. Мысль о смерти оставила его; ему хотѣлось жить и онъ искалъ просвѣта, луча въ жизни. Тихая радость выздоравливающаго овладѣла имъ:

Ища просвѣта, онъ невольно уходилъ въ прошлое, останавливаясь мыслью на его теплыхъ и свѣтлыхъ картинахъ. И вотъ передъ нимъ опять начала вырисовываться нѣжный, грустный образъ Нины. Онъ началъ приковывать къ себѣ думы Виктора Степановича.

«Вѣдь она все еще любитъ меня, думалъ онъ.—Вернусь въ Сонскъ, все расскажу ей—она не оттолкнетъ меня. Нѣтъ, незлобивая и любящая душа не оттолкнетъ меня. Она дастъ мнѣ тихое, невозмутимое счастье и я согрѣюсь подъ его лучами на-болѣвшюю душою».

Его потянуло въ Сонскъ.

Съ этою страстною жаждою скорѣе уѣхать туда, на родину, и вышелъ онъ изъ больницы. Фалинъ, которому передалъ свою мысль Викторъ Степановичъ, одобрилъ предположеніе уѣхать и даже торопилъ товарища.

— Да, да, я поѣду... на слѣдующей же недѣлѣ, рѣшительно заявилъ Мансвѣтовъ.—А все-таки интересно, проговорилъ онъ въ раздумьѣ, хотя и спокійно,—кого любитъ она.

— Кто? спросилъ Фалинъ.—Черенцова?

— Да.

— Ты еще не знаешь? Лебедкина! Это теперь уже ни для кого не тайна.

— Меня это удивляетъ. Ужь Капорцевъ все-таки лучше!

— На вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ, друже! Да и чѣмъ худъ Лебедкинъ? Умень, красивъ, блестящъ!

— Студентка и... офицера! Неестественно!

— Напротивъ. Въ ней сказалаь женщина. Да и затѣмъ, какая же она студентка? Въ ней слишкомъ живучи принципы барства и она только ломала себя подъ студенческую мѣрку; въ душѣ она оставалась барышнею. Лебедкинъ съ нею одного поля ягода; оттого-то, друже, и отъѣвъ нашелся въ ея сердцѣ... пойми!

— Да, пожалуй, грустно согласился Мансвѣтовъ и невольный вздохъ вырвался у него.

— Поѣзжай-ка, Витюкъ, въ Сонскъ, произнесъ Фалинъ, — принимайся за свои занятія, да...

Фалинъ не кончилъ фразы, найдя ее все-таки неудобною. Но Мансвѣтовъ и такъ понялъ мысль товарища.

— Да, уѣду, уѣду, повторилъ онъ.

Черезъ недѣлю Викторъ Степановичъ окончателно назначилъ день, когда онъ ѣдетъ. Ни разу не бывъ у Нади послѣ больницы (она посѣщала его, пока онъ былъ въ безпамятствѣ), Мансвѣтовъ рѣшился не идти прощаться, чтобы не бередить едва затянувшейся раны.

— Я пошлю ей письмо—и довольно.

Все было уже готово къ отъѣзду въ Сонскъ, когда вдругъ Мансвѣтовъ получилъ письмо отъ Тормазова. Тотъ писалъ Мансвѣтову, что Нина дѣлается его женою. «Я люблю ее и она... любить меня, насколько еще можетъ любить теперь...»

— И здѣсь поздно! произнесъ только Мансвѣтовъ и письмо выпало изъ его рукъ.

На другой же день онъ былъ въ канцеляріи министерства и подалъ заявленіе о желаніи ѣхать учителемъ въ Сибирь, куда дѣлался вызовъ. Предложеніе было принято и черезъ какіе нибудь пять-шесть дней, не сказавъ ни слова даже Фалину, Мансвѣтовъ уѣхалъ изъ Петербурга.

А. В. Кругловъ.

САМОДЕРЖАВІЕ И КОНСТИТУЦІОНАЛИЗМЪ.

Въ настоящее время, когда почти у всѣхъ постоянно вертятся на языкѣ слова: конституція, отвѣтственное министерство, единство кабинета министровъ и т. п., и когда притомъ весьма и весьма многіе считаютъ, напримѣръ, за одно и то же различные виды представительства народа, не бесполезно выяснитъ эти понятія, указать нашимъ читателямъ нашъ взглядъ на эти вопросы и постараться доказать, каковой именно видъ этого представительства, по нашему мнѣнію, наиболѣе полезенъ для Россіи въ настоящее время.

Общій, основной смыслъ конституціоннаго правленія, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что власть монарха ограничена такъ называемыми представителями народа, безъ согласія которыхъ не можетъ пройти ни одинъ законъ, ни одинъ налогъ; они утверждаютъ бюджетъ и контролируютъ дѣйствія правительства, отвѣтственного передъ этими представителями за свои дѣйствія, причемъ корона должна сообразоваться съ желаніемъ большинства и поручать управленіе государствомъ лицамъ, успѣвшимъ заручиться содѣйствіемъ этого большинства, отъ котораго, конечно, зависитъ утвержденіе или осужденіе принимаемыхъ правительствомъ мѣръ по управленію государствомъ. Въ сущности, при полномъ конституціонномъ правленіи на долю короля выпадаетъ весьма жалкая роль наружнаго представительства власти; ему предоставляется роль пустой декорации; онъ на дѣлѣ не имѣетъ почти никакихъ правъ и обращается въ

простой манекень, если вполнѣ добросовѣстно исполняетъ всѣ требованія конституціи и не пользуется своимъ личнымъ вліяніемъ, ничего общаго съ конституціей не имѣющимъ, а напротивъ, почти всегда ей враждебнымъ.

Перенесенная на континентъ Европы изъ Англій, гдѣ она сложилась исторически, вслѣдствіе аграрной системы, и гдѣ до половины нынѣшняго столѣтія составляла, въ сущности, лишь право одной богатой наслѣдственной аристократіи, въ которой въ нынѣшнемъ столѣтіи присоединилась и сила капитала,— конституція была введена сначала во Франціи, затѣмъ въ Бельгіи, Германіи, Австріи, Италіи и, наконецъ, въ остальныхъ мелкихъ государствахъ Европы.

Громкая фраза: «представительство народа» увлекала всѣхъ, а въ томъ числѣ увлекала и продолжаетъ увлекать и нашу, вскормленную на молокѣ Франціи интеллигенцію, и придаетъ конституціонному правленію тотъ ореолъ, котораго въ сущности у него не было, нѣтъ, да и быть не можетъ.

Въ сущности, конституціонное правленіе на континентѣ Европы явилось результатомъ господства буржуазіи, господства капитала. Оно есть всецѣло созданіе ея рукъ и рухнетъ въ тотъ день, когда рухнетъ буржуазія и когда четвертое сословіе, представители труда, получатъ свои права и въ общественной, и въ политической жизни страны.

Кому неизвѣстно, какъ производятся выборы представителей въ конституціонныя палаты, какіе при этомъ бываютъ подкупы, насилия, какъ умышенно волнуются страсти, распространяется завѣдомо гнусная ложь, спаивается народъ и вообще употребляются различныя развращающія мѣры, чтобы получить необходимое большинство голосовъ. Этими, въ большинствѣ случаевъ гнусными мѣрами отъкрывается первый актъ конституціонной комедіи. Почти каждый кандидатъ развѣзжаетъ по округу и до сипоты надрыгается передъ избирателями, рисуя передъ ними все блаженство, которое ожидаетъ ихъ въ случаѣ его избранія. Народъ, масса, даже тамъ, гдѣ допущена всеобщая подача голосовъ, въ сущности относится весьма равнодушно къ выборамъ; но онъ, конечно, немного волнуется подъ вліяніемъ различнаго рода подкуповъ и подъ понятнымъ чувствомъ самолюбія, что вотъ молъ хоть разъ въ нѣсколько лѣтъ, а богачи и знатные люди страны заигрываютъ передъ нимъ, бѣднякомъ, и нуждаются въ немъ.

Но кончились выборы—кончилось и участіе народа въ дѣлѣ правленія. Что дѣлаетъ его кандидатъ—имъ, т. е. собственно

крестьянамъ, людямъ земли, а не большихъ городовъ, неизвѣстно; такъ какъ политическіе вопросы и борьба партій и личныхъ честолюбій интересуютъ ихъ весьма мало, а мѣстные экономическіе вопросы, составляющіе ихъ насущную потребность, рѣшаются весьма рѣдко, какъ нѣчто второстепенное, которымъ занимаются случайно, между дѣломъ, т. е. между игрою въ политику, въ министры.

Кому неизвѣстны также массы интригъ, на которыя уходитъ большая часть дѣятельности палаты, чтобы составить нужное большинство, проскочить въ министры, получить свою долю въ общественномъ пирогѣ. Въ этихъ интригахъ, въ этой игрѣ, проходитъ большая часть дѣятельности и самихъ министровъ, если они послушны волѣ палаты, а недостаточно сильны (какъ, напр., Бисмаркъ или Биконсфильдъ), чтобы забрать палаты въ свои могучія руки и въ сущности быть полными самодержцами страны.

Въ особенности рельефно эта игра въ министры выражается въ маленькихъ государствахъ, въ родѣ Румыніи, Греціи и т. п., гдѣ она понемногу доводитъ страну до полной дезорганизаціи, до отсутствія всякаго правительства, до полного паденія авторитета власти.

Желаніе получить и сохранить популярность среди различныхъ группъ представителей палаты, составляющихъ ее большинство, поддерживать его и употреблять всѣ мѣры къ ослабленію оппозиціи, вмѣстѣ съ желаніемъ угодить вліятельной части прессы съ ея огромнымъ персоналомъ умственного пролетаріата—составляютъ главную заботу такъ называемаго конституціоннаго правительства; а интересы земли, этого корня государственнаго организма, отходятъ на задній планъ, и ими занимаются, между прочимъ, въ тѣ рѣдкіе часы досуга, когда почва крѣпка подъ ногами министровъ и они не страшатся потерять необходимое для ихъ существованія большинство.

Кто по преимуществу засѣдаетъ въ палатахъ народныхъ представителей? Представители капитала и такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, т. е., люди, въ большинствѣ выросшіе и даже состарѣвшіеся въ душныхъ казематахъ городовъ и пропитанные насквозь растлѣвающею атмосферою этихъ каменныхъ кладбищъ, незнающіе своей страны, да и нежелающіе знать ее, но обладающіе ненасытнымъ честолюбіемъ играть роль, а со временемъ, можетъ быть, и добратъ до министерской скамьи.

И вотъ уже почти три четверти столѣтія происходитъ на

западѣ Европы эта игра въ конституцію, это участіе въ управленіи государствомъ такъ называемыхъ «представителей народа», которыхъ въ дѣйствительности можно назвать представителями личныхъ честолюбій, но не представителями народа, т. е. главной рабочей силы страны. И какъ жалки, какъ въ сущности безсильны эти правительства, опирающіяся на подобныхъ представителей; какъ легко исчезаютъ они, «яко дымъ», передъ первою энергическою личностію, вышедшею изъ ихъ же среды, но обладающею энергіею воли и силою здороваго, практическаго ума.

И какъ бы вы ни расширяли систему выборовъ, какіе бы ни измышляли порядки, чтобы возможно большее число избирателей принимало свободное и сознательное участіе въ выборахъ, они, въ сущности, даже въ такой странѣ, какъ Америка, всегда будутъ сводиться къ системѣ подкуповъ, насилій и угрозъ, и всегда большинство честныхъ, вполне достойныхъ быть избранными людей будетъ оставаться въ сторонѣ, не желая дѣлать свое имя, свою прожитую жизнь и даже не только свою, но и имя своего семейства, игрушкою и темою разной гнусной и грязной лжи и клеветы со стороны людей, неразборчивыхъ на средства, чтобы восторжествовать. А проходимцы, честолюбцы, люди нажившіе себѣ состояніе разными темными путями, какъ, напр., адвокатскою практикою, служащею всякимъ принципамъ и оправдывающею всякій фактъ,—подобныя личности торжествуютъ почти всегда, потому что для нихъ всякая инсинуація, всякая ложь и клевета—пустяки, вздоръ, одинъ изъ способовъ борьбы—ничего болѣе!

Послѣдняя перемѣна въ системѣ выборовъ во Франціи служить нагляднымъ тому доказательствомъ. Тамъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ существовали выборы по округамъ, о которыхъ такой опытный политическій дѣятель, какъ Гамбета, въ рѣчи своей въ палатѣ выразился, между прочимъ, такъ: «Развѣ не правда, что въ ограниченной сферѣ округа кандидаты осыпаютъ другъ друга обвиненіями и клеветами?.. Подкупъ голосовъ принимаетъ постепенно все болѣшіе размѣры; избиратели развращаются и разлѣваются (*on verse la corruption et le vice aux masses électorales*) и мѣсто депутата начинаетъ быть предметомъ публичнаго торга... Неужели вы желаете принять на себя передъ исторіею отвѣтственность въ привитіи къ французской демократіи денежной гангрены?.. Что касается связи между

избирателями и избираемыми, то связь эта никакой пользы государству не приносит. Избиратели пользуются ею лишь для личных выгодъ, для того, чтобы чрезъ своего депутата, который отъ нихъ зависитъ, добиться какого нибудь тепленькаго мѣстечка для себя, для своихъ родственниковъ или добрыхъ знакомыхъ.

Въ особенности замѣчательны слѣдующія слова этого оратора: «Причина вышеизложеннаго положенія дѣлъ заключается не въ личностяхъ избирателей и избираемыхъ, но въ самой сущности выборовъ. Поставьте человѣка въ обстановку постоянного искушенія и вы тѣмъ самымъ создаете много шансовъ для его паденія, потому что грѣхъ прирожденъ человѣку, какъ говорить теологи».

Но и другой способъ выборовъ, за который такъ ратовалъ Гамбета, т. е. выборы по департаментскимъ спискамъ, гдѣ каждый депутатъ избираютъ 100—150 тысячъ человѣкъ, имѣетъ также свои коренныя недостатки. Во первыхъ, при этомъ способѣ масса избирателей почти совершенно не знаетъ того, кого избираетъ; а во вторыхъ, это главное, подобный депутатъ вовсе уже не служитъ представителемъ мѣстныхъ интересовъ. Даже докладчикъ про эти выборы по департаментскимъ спискамъ, Барду, выразился въ палатѣ, «что эта система владеть предѣлъ постоянному вмѣшательству депутата въ дѣла округа, и что при ней вліяніе общихъ идей господствуетъ надъ вліяніемъ мѣстныхъ интересовъ». Но въ такомъ случаѣ, спросимъ мы, почему же эти избранные, которыхъ не знаютъ избиратели и которые, въ свою очередь, предпочитаютъ служеніе общимъ идеямъ служенію мѣстнымъ интересамъ, какимъ образомъ они могутъ считаться представителями народа, представителями его интересовъ, которые неминуемо должны быть мѣстные и которыми нѣо можетъ поступаться лишь на столько, на сколько того требуютъ общіе интересы государства? Ясно, что подобныя безпочвенныя представители, имѣющіе въ виду не мѣстные интересы, а *общія идеи*, явятся или покорными исполнителями сильнаго правительства—диктатуры, или, при отсутствіи диктатора, явятся утопистами и доктринерами, каковыми они и были въ первую французскую революцію во время короткаго господства національнаго конвента. При этой системѣ нѣтъ мѣста для меньшинства, какъ бы солидно оно ни было по численности, такъ какъ если, напр., изъ 8 избирательныхъ округовъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ состоятъ французскіе департаменты, три округа состав-

ляютъ сплошное меньшинство, то ни одинъ изъ представителей этого меньшинства не пройдетъ при выборахъ по спискамъ, а пройдутъ только тѣ, мнѣнія которыхъ поддерживаютъ 5 остальныхъ округовъ. Но если, напр., изъ 160 тысячъ человѣкъ избирателей, $\frac{3}{8}$ этой части, т. е. 60 тысячъ человѣкъ, составляющіе однородное меньшинство, не имѣютъ своего представителя, то развѣ подобнымъ образомъ составленная палата можетъ считаться представительницею народа? Нѣтъ, это есть деспотизмъ большинства надъ меньшинствомъ, иногда лишь немного уступающимъ большинству по численности. Подобная система весьма выгодна для диктатуры, которой давно добивается Гамбета, но ужь ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться наиболѣе справедливою въ интересахъ парламентаризма. Даже такой ловкій ораторъ, какъ Гамбета, и тотъ не могъ опровергнуть справедливости этого замѣчанія, и въ своей рѣчи ограничился пустыми фразами и ссылкой на то, «что во всѣ эпохи, всѣ великіе представители и изслѣдователи парламентаризма (которыхъ онъ однако не назвалъ) всегда считали выборы по спискамъ за лучшее выраженіе національной воли и самую лучшую гарантію законнаго меньшинства» (?).

Истинный же представитель парламентаризма; какимъ по справедливости считается президентъ французской республики Греви, заявилъ себя противникомъ системы выборовъ по департаментскимъ спискамъ, считая ее вредною для интересовъ республики, и предпочитаетъ ей прежнюю систему по округамъ, не смотря на ея полную несостоятельность и доказанный вредъ.

Замѣтимъ при этомъ, что число депутатовъ при выборахъ по департаментскимъ спискамъ равняется собственно для Франціи 581 (вмѣсто прежнихъ 535), а съ Алжиромъ и колоніями 590. И это при народонаселеніи Франціи вдвое меньшемъ противъ Россіи.

Такимъ образомъ мы видимъ, что изъ двухъ системъ выборовъ, выработанныхъ парламентаризмомъ втеченіи его существованія не только во Франціи, но и во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ, гдѣ существуетъ всеобщая подача голосовъ (suffrage universelle),—одна ведетъ къ развращенію народа и къ безсилію правительственной власти; другая же—къ диктатурѣ, основанной на деспотизмѣ большинства, на созданіе котораго обыкновенно вліяютъ тѣ же подкупы, насилія и угрозы, отъ которыхъ безсилно освободиться человѣчество во всѣхъ случаяхъ, гдѣ бываютъ замѣшаны такіа страсти, какъ честолюбіе и корысть.

Во всякомъ случаѣ, вмѣсто одного представителя власти, получающаго ее наслѣдственно, согласно основнымъ законамъ страны, и потому стоящаго выше частныхъ честолюбій,—при конституціонномъ правленіи является нѣсколько сотъ царьковъ, избираемыхъ лишь на нѣсколько лѣтъ, и большинство которыхъ хотя и не можетъ попасть въ число правителей, въ число министровъ, но, сплотившись, достаточно сильно, чтобы добиваться этого, тормозить власть, интриговать и, по возможности чаще мутить воду, въ которой легче поймать хоть какую нибудь рыбку и для себя.

И о подобномъ сумбурномъ образѣ правленія немногіе сознательно, а большинство бессознательно, какъ попугаи, вздыхаютъ и у насъ, какъ о чемъ-то, именно недостающемъ Россіи для ея благополучія, какъ о чемъ-то завѣтномъ, чтò поведетъ Россію по пути ея развитія. И объ этомъ мечтаютъ и говорятъ люди, знающіе очень хорошо, въ какомъ состояніи находится еще огромнѣйшая масса нашего населенія.

Но спросите этихъ приверженцевъ конституціонализма, какимъ путемъ полагаютъ они производить у насъ выборы «представителей народа» въ свою излюбленную палату—и эти господа сразу выскажутъ полную несостоятельность своей затѣи, своей мечты.

—«Надо, говорятъ они,—устроить такъ, чтобы въ число представителей попали люди интеллигентные, а не Разуваевы и Колупаевы, а то это будетъ Богъ знаетъ что такое!»

Но почему же? Вѣдь представительство народа и должно быть представительствомъ массы, черезъ излюбленныхъ ею людей, иначе это будетъ не представительство народа, а представительство интеллигенціи, буржуазіи, капитала. А какой составъ представителей народа получился бы въ настоящее время при выборѣ въ конституціонную палату, если оградить народъ отъ всякаго вліянія и предоставить ему выбрать по душѣ и по совѣсти представителя, который является умалителемъ царской власти,—объ этомъ, полагаемъ, сказать не трудно; и можно смѣло быть увѣреннымъ, что большинство этихъ представителей высказало бы русскому царю желаніе огромнаго большинства русскаго народа: «не умаляй власти своей, а самодержавствуй по исконному обычаю, по старинѣ».

Но что такое самодержавіе, какова существенная основа этого образа правленія?

Весьма часто подъ именемъ самодержавія понимается такой образъ правленія, который ничего общаго съ нимъ не имѣетъ,

а составляет совершенно особый образъ правленія, самый ограниченный и самый несовершенный изъ всѣхъ.

Мы уже упомянули, что если четвертое сословіе, представители труда, собственно народъ, получить надлежащее мѣсто въ соціальной и политической жизни страны, то оно несомнѣнно уничтожитъ конституціонный образъ правленія и перейдетъ къ принципу самодержавія; но самодержавіе это, конечно, будетъ различно отъ того, которое правило Франціею при старомъ режимѣ, напр., при Людовикѣ XV, или которое терзало Германію въ продолженіи XVII и XVIII столѣтій.

Тотъ образъ правленія нѣкоимъ образомъ не можетъ быть названъ самодержавнымъ, а, правильнѣе, фиктивнымъ, призрачнымъ, ибо основной принципъ истиннаго самодержавія заключается въ томъ, чтобы самодержецъ стоялъ въ непосредственномъ общеніи съ народомъ, чтобы онъ всегда зналъ истинное положеніе дѣлъ и такимъ образомъ могъ контролировать дѣйствіе избранныхъ имъ для управленія людей, не черезъ нихъ же самихъ, а черезъ особыхъ, довѣренныхъ людей, которыхъ народъ, по требованію самодержца, посылаетъ къ нему, какъ своихъ излюбленныхъ людей.

Людовикъ XV воображалъ, что онъ былъ самодержцемъ; но въ сущности онъ былъ игрушкою въ рукахъ своихъ любовницъ и своихъ министровъ; въ сущности правила и повелѣвала странною дворцовая камарилья, дѣлавшая что хотѣла и часто заставлявшая самодержавнѣйшаго короля играть самую плачевную роль. Іоаннъ Грозный тоже не былъ самодержцемъ. Онъ былъ деспотъ, тиранъ; онъ жестоко расправлялся съ тѣми, кого достигала его кара, его месть; но страна, народъ, не знали его власти. И Іоаннъ Грозный самъ понималъ свое полное безсиліе, какъ самодержца, и потому раздѣлилъ управленіе странною на двѣ части: на земщину и на опричнину, и предоставилъ первой управляться обычнымъ порядкомъ, оставивъ себѣ только опричнину, т. е. орудіе личной мести и удовлетворенія требованій своей неутолимо-звѣрской натуры.

Какъ только между самодержцемъ и народомъ воздвигается стѣна, состоящая изъ бюрократіи и приближенныхъ лицъ, стѣна, которая закрываетъ доступъ къ царю голоса народа о своихъ нуждахъ и желаніяхъ,—такъ уже исчезаетъ самодержавіе и власть самодержца въ сущности переходитъ къ представителямъ этой стѣны, къ бюрократіи, въ обширномъ смыслѣ этого слова. Является своего рода конституціонное правленіе, въ которомъ

власть принадлежит уже представителямъ бюрократіи, традиціи, или фавора, въ средѣ которыхъ тоже являются свои партіи, свои счеты, свое большинство, измѣряющееся не количествомъ личностей, а силою вліянія какой нибудь одной личности, пользующейся имъ по какимъ либо особымъ, весьма разнообразнымъ причинамъ.

Этотъ родъ фиктивнаго самодержавія существовалъ вездѣ, въ томъ числѣ и у насъ, во все время, пока существовало рабство, пока социальныя условія жизни находились на первоначальной, низкой степени развитія въ сплоченныхъ насиліемъ государствахъ. Но и въ то время истинные самодержцы, не подчинявшіеся волѣ другихъ, въ родѣ напр. Петра Великаго, старались получать свѣдѣнія о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ и объ исполненіи своихъ повелѣній или путемъ личной провѣрки, или посылкою особыхъ довѣренныхъ лицъ, которыя и выясняли истинное положеніе дѣлъ, не страшась мести всемогущихъ властей.

Съ этою же цѣлью, какъ извѣстно, было основано и знаменитое III-е отдѣленіе, но которое весьма скоро обратилось въ бюрократическое учрежденіе, дѣйствовавшее притомъ наиболѣе самовластно, наиболѣе попиравшее законъ. Учреждена была и особая комісія для принятія и разбора прошеній на высочайшее имя приносимыхъ; но и ея усилія парализовались общею канцелярскою рутинною отмалчиванія, отписокъ, запутыванія и т. п.

На западѣ, гдѣ государства создавались путемъ завоеваній и гдѣ жизнь выработала нѣсколько взаимно-враждебныхъ сословій, тамъ, повторяемъ, сначала господствовала аристократія, лишь прикрывавшаяся впоследствии самодержавіемъ, но въ сущности вполнѣ самодержавно управлявшая народомъ; а затѣмъ, когда выступило на сцену третье сословіе, т. е. буржуазія, то она придумала и новую форму своего наступившаго господства—конституціонализмъ, который, конечно, исчезнетъ съ прекращеніемъ этого господства.

Зачѣмъ же намъ, государству, у котораго нѣтъ и никогда, не смотря на всѣ искусственныя пересадки, не было сословій въ видѣ отдѣльныхъ, замкнутыхъ, взаимно враждебныхъ кастъ—зачѣмъ же намъ идти по пути запада и создавать у себя, по его примѣру, разныя переходныя формы правленія, въ родѣ конституціи? Развѣ мы мало страдали и страдаемъ отъ множества пересадокъ къ намъ различныхъ западныхъ учрежденій, которыя перерождаются

у насъ, по свойствамъ нашей социальной почвы, чортъ знаетъ во что! Отчего намъ не зажить, наконецъ, своею собственною жизнью и не пойти своимъ путемъ, перейдя прямо къ истинному самодержавію, съ его постояннымъ общеніемъ съ народомъ, съ его сильною властью, стоящею внѣ партій, регулирующею ихъ и указывающую свое мѣсто всякому зазнавшемуся честолюбію, всякому ловкому проходимцу, желающему присвоить себѣ то, что ему не принадлежитъ? Или мы, какъ дѣти, не имѣемъ права идти по прямой, облитой солнцемъ дорогѣ, а должны слѣдовать за иностранною гувернантею по различнымъ тѣнистымъ закоулкамъ, потому что у этой леди болятъ глаза и она старается идти тамъ, гдѣ темнѣе, что необходимо для ея больныхъ, различно выпуклыхъ глазъ. Пора намъ бросить наше рабское подражаніе западу и, воспринимая отъ него то, что составляетъ наслѣдіе всего человѣчества, не перенимать того, что составляетъ исключительную принадлежность народовъ запада и намъ вовсе не пригодно. Такъ, на примѣръ, перенимая отъ запада условія общественной гигиены, т. е. чистоты и опрятности, оздоровленія городовъ, жилищъ, чистоты и опрятности одежды и тѣла и т. п., къ чему намъ было перенимать пудренныя парики, косы, фрики, крахмальные хомуты, фіжмы, кринолины, корсеты, шиньоны, французскіе каблучки и т. п. не только полезныя, но, напротивъ, даже вредныя съ гигиенической точки зрѣнія. Пора сознать, что мы уже не дѣти, а взрослые; пора сбросить съ себя вовсе не подходящія къ намъ и политическіе пути запада, наслѣдіе его исторіи, и пойти своею торной дорогой, на которую указываютъ намъ вѣковые столбы нашего прошлаго, еще не заглохшаго въ сердцѣ народа, въ сердцѣ всѣхъ истинно русскихъ людей.

Общеніе самодержца съ народомъ необходимо, во первыхъ, для того, чтобы онъ могъ узнать дѣйствительныя нужды народа, а также и удостовѣриться, насколько и какъ исполняются велѣнія власти ея агентами; а во вторыхъ, для того, чтобы выслушать мнѣніе народа въ тѣхъ важнѣхъ случаяхъ, когда самодержавная власть признаетъ необходимымъ, прежде рѣшенія какаго либо вопроса, передать его предварительно на обсужденіе народа. Очевидно, что самодержавная власть не можетъ имѣть общеніе со всѣмъ народомъ, а неминуемо должна или созывать каждый разъ особыхъ, выбранныхъ народомъ свѣдущихъ людей по каждому отдѣльному вопросу, что весьма неудобно, или имѣть дѣло

съ особымъ учрежденіемъ, въ которомъ участвовали бы выборные отъ народа, его представители.

Намъ скажутъ, что мы все-таки и при выборѣ свѣдущихъ людей приходимъ въ выборному началу, со всѣми его несовершенствами, подкупами, угрозами, даже болѣе или менѣе искусно прикрытымъ насиліемъ, которое мы такъ осуждали въ конституціонныхъ государствахъ. Но это несправедливо, такъ какъ существуетъ огромная, существенная разница въ этихъ обѣихъ учрежденіяхъ, т. е. въ конституціонной палатѣ и въ созваніи свѣдущихъ людей. Первая—это учрежденіе, одаренное властью и поэтому представляющее широкое поле для разныхъ честолюбій, для созданія собственнаго благополучія и удовлетворенія своего поположенія принять болѣе или менѣе видное участіе въ правленіи государствомъ. Всякій честолюбивый депутатъ можетъ надѣяться попасть въ министры, или по крайней мѣрѣ на второстепенныя мѣста въ управленіи государствомъ, и потому онъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы добиться депутатскаго мѣста, чтобы быть избраннымъ въ конституціонную палату представителей народа. Не то при призваніи свѣдущихъ людей. Они имѣютъ значеніе совѣщательное, никакой власти не имѣющее, и могутъ выдвинуться передъ самодержавною властью лишь силою своего знанія, своихъ способностей, а не силою пустаго, но звучнаго, эффектнаго краснорѣчія, или при помощи происковъ и интригъ. Какъ извѣстно, охотниковъ быть свѣдущими людьми или экспертами вездѣ весьма немного, потому что тутъ высочить нахрапомъ нельзя, а быть уличеннымъ въ невѣжество и въ незнаніе весьма возможно.

Отсюда ясно, что составъ палаты депутатовъ и собранія свѣдущихъ людей будетъ весьма различенъ, и что для дѣйствительныхъ интересовъ народа послѣдній составъ будетъ гораздо болѣе полезенъ.

Намъ возразятъ также, что при созывѣ свѣдущихъ людей лишь съ совѣщательнымъ, а не рѣшающимъ характеромъ, не пойдутъ дѣйствительно полезные люди, такъ какъ они, весьма основательно, будутъ опасаться, что на ихъ голосъ не будетъ обращено вниманіе, что ихъ работы и труды останутся безъ результата.

Но, во первыхъ, невозможно допустить, чтобы самодержавная власть, признавъ необходимость созванія выборныхъ отъ народа, въ качествѣ свѣдущихъ людей, не обратила бы должное вниманіе на ихъ мнѣніе, такъ какъ тогда не зачѣмъ было

бы и созывать ихъ; а во вторыхъ, мы не допускаемъ, чтобы у насъ не нашлось достаточнаго количества гражданъ, которые отказались бы быть представителями народа въ совѣщательномъ учрежденіи, потому только, что ихъ труды могутъ быть оставлены безъ послѣдствій. Дѣло гражданина исполнить свой долгъ, а тамъ приняты или не приняты его мнѣнія—это уже дѣло не его. За то его мнѣнія, путемъ гласности, станутъ извѣстны всей странѣ, которая и воздастъ ему честь по его заслугамъ, по его старанію послужить на пользу своей родины.

Конечно, при всякомъ устройствѣ правительства возможны уклоненія отъ правильнаго хода вещей; но эти уклоненія также легко совершаются и при конституціонномъ правленіи. Даже въ такой глубоко-конституціонной странѣ, какъ Англія, и тамъ какой нибудь Биконсфильдъ, составивъ искусно большинство палаты, дѣлалъ все, что ему угодно, нагло пренебрегая общественнымъ мнѣніемъ и управляя вполнѣ полноправно всею странюю; а на континентѣ Европы, господа, въ родѣ Бисмарка, не стѣсняются даже и декоративною частью, а просто нарушаютъ конституцію и управляютъ странюю вопреки всѣмъ ея органическимъ хартіямъ и статутамъ. Припомнимъ, сколько разъ личныя честолюбія отвѣтственныхъ премьеровъ, съ цѣлью отвлечь вниманіе страны отъ внутренней политики, вовлекали ее во внѣшнія войны, ничего, кромѣ убытка и позора ей не приносившія. И они устраивали это дѣло такъ ловко, что палаты волей неволей должны были соглашаться на войну, хотя и не желали ее. Припомнимъ, наконецъ, сколько разъ конституціонныя палаты разгонялись штыками солдатъ, и противъ этого, если и возставали, то только города, но не сельское населеніе, относившееся или безучастно, или даже сочувственно къ подобнымъ переворотамъ. Самодержавная же власть гораздо рѣже позволяетъ себѣ уклоняться отъ нормальнаго пути, потому что этимъ она, во первыхъ, дискредитируетъ себя въ глазахъ народа; а во вторыхъ, и это главное—потому что она тогда, какъ мы уже упоминали выше, въ большинствѣ случаевъ перестаетъ быть самодержавною властью и отдаетъ свою власть въ руки тѣхъ представителей бюрократизма и фавора, которымъ удастся получить вліяніе и черезъ это захватить въ свои руки дѣйствительное управленіе странюю.

Ошибочно думаютъ многіе, что развитію народа главнымъ

образомъ способствуютъ политическія учрежденія страны и потому ихъ слѣдуетъ пересоздавать, согласно желаніямъ интеллигентнаго меньшинства, такъ какъ онѣ мало-по-малу привьются и къ массѣ народа, ко всей странѣ. Нѣтъ, прочныя и дѣйствительно полезныя политическія учрежденія являются, да и должны являться, лишь результатомъ извѣстнаго развитія массъ, а не опережать его.

Тотъ же Гамбета, во второй рѣчи своей въ г. Кагорѣ, говоря о несовершенствѣ существующей во Франціи конституціи, въ то же время горячо убѣждалъ своихъ слушателей не слѣпить ея измѣненіемъ, такъ какъ это поведетъ лишь къ ея колебанію, котораго никто не имѣетъ права производить. Между прочимъ, говоря вообще о политическихъ учрежденіяхъ конституціоннаго образца, онъ выразился такъ:

«Самой совершенной конституціей, т. е. такой, какая создается въ головѣ политическаго мыслителя—я ея восхищаюсь, но я не нахожу даже въ исторіи никого, кто бы придавалъ ей какое нибудь практическое значеніе и ея поддерживалъ».

«Конституціи суть главнымъ образомъ результатъ извѣстнаго состоянія развитія и обычаевъ, а также и обстоятельствъ, которыя переживаютъ націи. Американцы имѣютъ конституцію съ 1788 года, и если они ее сохранили, то только потому, что они ее крайне медленно и съ величайшею осторожностью исправляли. Они были убѣждены, что ихъ конституція являлась охранительной защитой (l'abri tutelaire) существованія государства, и что до нея нельзя было касаться дерзкою, самонадѣянною рукою. Они тщательно взвѣшивали всѣ условія и требовали возможно большаго числа голосовъ, почти всеобщаго сознанія, для малѣйшаго ея измѣненія».

Хорошій политическій урокъ напимъ скороспѣлкамъ, мнящимъ измѣнять основныя политическія учрежденія страны по желанію ничтожнаго, почти микроскопическаго по численности, меньшинства.

Содѣйствуютъ же развитію народа, его цивилизаціи, главнымъ образомъ, тѣ великія открытія, которыя уменьшаютъ разстоянія и вообще совершенствуютъ способы общенія людей между собою. Въ Америкѣ республиканскія учрежденія существовали съ конца прошлаго столѣтія, но это не мѣшало существованію въ ней рабства, со всѣми его ужасами, строго охраняемаго закономъ. Все, чтѣ вызываетъ неподвижность, застой, все это способствуетъ насилію и самодурству. Когда человѣкъ сидитъ безвыходно въ своемъ углу, то онъ легко привыкаетъ и къ насилію надъ со-

бою, къ рабству. Но когда онъ имѣеть возможность видѣть иную жизнь, иной порядокъ, то онъ уже начинаетъ дѣлать сравненія и мало-по-малу приходитъ къ заключенію, что и онъ имѣеть право на лучшую жизнь, на лучшія и справедливыя отношенія къ себѣ. Какъ неуклюжія, неправильныя куски камней, сложенныя въ одну бочку, продолжаютъ сохранять свою форму пока бочка неподвижна, но непремѣнно шлифуются и принимаютъ правильную овальную форму, когда бочкѣ придаютъ постоянное вращательное движеніе,—такъ и люди, при постоянномъ передвиженіи и возможно широкомъ общеніи между собою, невольно шлифуются и, желая при постоянныхъ столкновеніяхъ, возможно лучшаго обращенія съ собою, невольно приучаются къ такому же обращенію съ другими; а это мало-по-малу развиваетъ и уваженіе къ личности и къ ея свободѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и уваженіе ко всему, что ограждаетъ личность отъ произвола, т. е. къ закону, который люди, изъ практической необходимости и общаго удобства, приучаются знать, исполнять и охранять. Желѣзныя дороги, пароходы, почта, телеграфы и, наконецъ, могучее орудіе гласности, честное, разумное печатное слово, особенно періодическое, изумительно развившія способы общенія людей между собою и взволновавшія вѣковое море неподвижности, замкнутости и застоя—вотъ основныя причины уничтоженія рабства, развитія личности и законности, а не политическія учрежденія, которыя, какъ напримѣръ, республики, существовали и въ древней исторіи, но нисколько не способствовали благосостоянію массъ, а, напротивъ, угнетали ихъ. Дворянинъ, купецъ, мѣщанинъ, или крестьянинъ, никогда не повидавшій своего угла, легко дѣлается или самодуромъ, или поворнымъ рабомъ насилія и произвола; но эти же личности, уже побывавшія въ другихъ мѣстахъ, при современныхъ способахъ передвиженія, невольно шлифуются и мало-по-малу отстаютъ отъ многихъ своихъ привычекъ самодурства и холопства, въ его различныхъ видахъ. Съ другой стороны, для шлифованія тѣхъ, которые не желаютъ или не имѣютъ возможности покинуть свой глухой, медвѣжьей уголь, выступаетъ могучее орудіе—печатное слово. Оно доноситъ до нихъ всѣ перемѣны, происходящія въ государствѣ и его жизни; оно невольно приучаетъ ихъ къ желанію освѣдомляться объ этихъ перемѣнахъ, и такимъ образомъ понемногу втягиваетъ ихъ въ интересы общественной жизни, понемногу формируетъ изъ нихъ гражданъ. Оно же, наконецъ, атакуетъ ихъ и въ ихъ углахъ, выставляя на смѣхъ ихъ самодурныя привычки, ихъ грубый и дикій произволь. А вѣдь извѣстно,

что самодурство ужасно боится обличенія и лучше всего уничтожается именно этимъ путемъ.

И такъ, повторяемъ, именно эти основныя причины «движенія», а не политическія учрежденія, служатъ источникомъ развитія въ массахъ общечеловѣческой цивилизаціи и, смягчая нравы, приучаютъ людей, путемъ взаимнаго общенія и гласности, не только служить своимъ собственнымъ интересамъ, но, въ видахъ даже этихъ интересовъ, принимать участіе и въ интересахъ другихъ, стараться объ общемъ благополучіи, объ общемъ благосостояніи, при которыхъ только мыслимо и обезпеченное личное спокойствіе каждаго; приучаетъ людей къ самоуправленію, къ самопомощи, и тѣмъ понемногу формируетъ гражданъ, вселяетъ въ нихъ сознаніе своего достоинства, уваженіе къ закону и стараніе охранять его отъ посягательства силы, въ какой бы формѣ, т. е. въ формѣ власти, или капитала, она ни проявлялась. А затѣмъ, подобное сознаніе, существуя вѣками и переходя отъ поколѣнія къ поколѣнію, уже выработывается, наконецъ, въ нихъ и тѣ основныя принципы, которые, всасываясь съ молокомъ матери, составляютъ для нихъ уже насущную, врожденную потребность существованія человѣка, какъ нравственной личности, какъ члена общества, какъ свободного гражданина и своей страны, и всего человѣчества.

Истинная же цивилизація, которая одина для всего человѣчества, заключается въ выработкѣ и усвоеніи нравственнаго идеала; въ томъ, чтобы развить въ человѣкѣ нравственную личность, при которой только возможно и братство, этотъ идеалъ общественной жизни; чтобы заставить человѣка сдѣлаться нравственнымъ не токмо за страхъ, но и за совѣсть; развить въ немъ эту потребность настолько прочно и глубоко, чтобы онъ исполнялъ ее не ради страха или чаянія награды въ этой жизни или будущей, а потому, что онъ *не можетъ* поступить иначе, такъ какъ его замучаетъ совѣсть, этотъ верховный судья нравственнаго человѣка. Человѣчество существуетъ десятки, даже сотни тысячъ лѣтъ; вѣроятно, что оно будетъ существовать еще долѣе, чѣмъ сколько прожило; и во все это время оно будетъ стремиться достигъ нравственнаго идеала, и во все это время въ немъ развивался и будетъ развиваться процессъ выработки совѣсти, какъ охранителя этого идеала. Борьба между хищническими, звѣринными инстинктами, которые присущи человѣку по его происхожденію, и стремленіемъ къ нравственному идеалу, какъ источнику высшей правды и справедливости, происходитъ постоянно, и развитіе послѣдняго въ человѣчествѣ

совершается крайне медленно, какъ и всякое развитіе живаго организма по отношенію ко времени всего его существованія. И развитіе это возможно только естественнымъ, т. е. мирнымъ, постепеннымъ, преемственно-культурнымъ путемъ. Насиліе же только вредитъ дѣлу всякаго развитія, только ослабляетъ организмъ, дѣлаетъ его больнымъ и пріостанавливаетъ его развитіе, а иногда даже регресируетъ, т. е. лишаетъ организмъ и части той степени развитія, которой онъ достигъ¹⁾. Такъ и въ дѣлѣ политическихъ учреждений. Правильное развитіе ихъ должно идти постепеннымъ и притомъ непремѣнно историческо-преемственнымъ путемъ, должно являться естественнымъ результатомъ всей прожитой жизни государства, а не навязываться извнѣ по образцамъ, чуждымъ прежней жизни, т. е. исторіи страны, и вовсе ей не пригоднымъ. Иначе, насильно навязанная форма послужитъ источникомъ еще худшаго положенія дѣлъ, заставитъ еще сильнѣе почувствовать прежній гнетъ, выгодами котораго воспользуются только хищники, отъ которыхъ утописты и книжники мнили оградить массу своими новыми учрежденіями.

Италія, напримѣръ, управляется теперь по системѣ широкаго парламентаризма и органы ея мѣстнаго самоуправленія, напримѣръ, сельской общины, пользуются по закону самою широкою независимостью и автономіею. По закону, община, коль скоро платитъ свои государственные налоги, вольна управляться собою какъ ей угодно. Даже губернаторъ провинціи не имѣетъ права нарушить эту свободу. Но такъ какъ въ массѣ сельскаго населенія Италіи, большая часть котораго еще недавно находилась подъ гнетомъ полнаго насилія и произвола, еще не проснулось сознаніе и не выработалась потребность къ подобному самоуправленію, основанному на свободѣ и зрѣлости личности, то и столь прекрасныя на бумагѣ права населенія по самоуправленію, въ дѣйствительности обращаются въ хищническую тиранію тѣхъ маленькихъ деспотовъ, которые получаютъ надъ общиною власть, хотя и выборнымъ путемъ, но который они всегда умѣютъ направить въ свою пользу тѣми же средствами подкупа, какія употребляютъ и депутаты при выборахъ въ парламентъ. Прочтите правдивый рассказъ основательно изучившей италіанскую жизнь извѣстной писательницы Уйда, подъ заглавіемъ «Сельская община», гдѣ такъ рельефно изображена хищническая тиранія

¹⁾ Подробное обсужденіе этого вопроса будетъ изложено въ другой статьѣ: «Естественнознаніе и религія».

Примѣч. автора.

секретаря общины, почти безконтрольно притѣсняющагося ее при содѣйствіи своихъ помощниковъ.

Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, Россія вовсе не нуждается въ конституціонномъ правленіи, а ея нормальное, наилучшее и историческо-преемственное устройство должно заключаться въ самодержавномъ управленіи государствомъ, наслѣдственно приѣмлющимъ эту власть, русскимъ Царемъ и въ возможно частомъ общеніи этой власти съ народомъ, посредствомъ выборныхъ свѣдущихъ людей, черезъ которыхъ желанія и мнѣнія народа, будучи непремѣнно гласными, могли бы безпрепятственно доходить до Царя и обращать его вниманіе на неотложныя нужды страны. Въ этомъ смыслѣ мы понимаемъ и манифестъ 29 апрѣля, такъ какъ дѣйствительное разрѣшеніе указанныхъ въ немъ задачъ возможно только при дружномъ содѣйствіи всего народа, голосъ котораго долженъ быть принимаемъ въ соображеніе; а указанныя въ манифестѣ задачи расширенія и развитія учреждений, положенныхъ въ основу самоуправленія, служатъ гарантіею, что на дальнѣйшее развитіе этого самоуправления будетъ обращено должное вниманіе, и что ему дадутъ возможность развиваться естественнымъ, нормальнымъ путемъ. Въ манифестѣ ясно выражено твердое намѣреніе охранять самодержавіе «для блага народнаго отъ всякихъ на него поползновеній». Но поползновенія эти могутъ являться съ двухъ сторонъ: во первыхъ, со стороны части общества, желающаго легальнымъ или нелегальнымъ способами ограничить самодержавіе, передавъ часть его правъ представителямъ народа,—это сторонники конституціонализма. Во вторыхъ, поползновеніе на права самодержавія являются и со стороны представителей бюрократизма и фавора, старающихся отдѣлать самодержца отъ народа, лишить его возможности выслушивать дѣйствительныя нужды народа и, такимъ образомъ, присвоить суть власти себѣ, неволью заставляя самодержца видѣть и представлять себѣ положеніе дѣлъ не такимъ, какимъ оно существуетъ въ дѣйствительности, а такимъ, какимъ они желаютъ представить его, конечно, въ своихъ интересахъ. Послѣднія поползновенія гораздо опаснѣе, потому что онѣ дѣйствуютъ постепенно, незамѣтно, и притомъ прикрываются яко-бы интересами самодержавной же власти, хотя въ сущности, какъ мы уже говорили выше, ограничиваютъ эту власть гораздо сильнѣе, чѣмъ всякая конституція. Они отнимаютъ отъ власти ея *суть*, но всю *отвѣтственность* за свои дѣйствія оставляютъ на этой власти, дѣйствуя яко-бы по ея повелѣніямъ, которыхъ они легко добиваются, представляя

самодержцу дѣла въ такомъ видѣ, каковой наиболѣе соотвѣтствуетъ ихъ личнымъ интересамъ, почти всегда не только бесполезнымъ, но даже явно вреднымъ для интересовъ государства.

Мы глубоко убѣждены, что самодержавная власть желаетъ и счумѣетъ оградить свои права отъ посползновеній на нее, какъ со стороны приверженцовъ конституціи, такъ и со стороны сторонниковъ бюрократизма и фавора, и явится дѣйствительною самодержавною властію, опирающеюся на народъ, выслушивающею отъ его представителей о нуждахъ страны, и регулирующею отношенія органовъ администраціи и самоуправленія, въ общихъ интересахъ государства. Подобная система, по нашему мнѣнію, естъ лучшая и даже единственно полезная система правленія русской имперіей, и слова манифеста даютъ намъ надежду, что система эта будетъ примѣнена полностью и охранена отъ всякихъ на нее посползновеній, изъ какихъ бы источниковъ онѣ не исходили.

Статья наша была уже окончена, когда, по поводу полемики между газетами «Русь» и «Порядокъ» относительно конституціонной палаты и земскаго собора, мы въ № 140 газеты «Порядокъ» отъ 23 мая, въ передовой статьѣ, прочли между прочимъ слѣдующее:

Въ дѣйствительности же, если отбросить неумѣстныя шутки въ такомъ серьезномъ дѣлѣ и въ такое время, когда играть словами не приходится,—обѣ газеты или не знаютъ предмета, о которомъ говорятъ, или умышленно его искажаютъ. Всѣ подобныя собранія въ такъ-называемыхъ конституціонныхъ монархіяхъ и отчасти даже въ республикахъ вовсе не имѣютъ той юридически обязательной силы, которой, повидимому, опасается Авсаковъ. Англійскій парламентъ, напримѣръ, можетъ быть всегда распущенъ; принятый въ палатѣ общинъ, законъ можетъ не пройти въ верхней палатѣ и, наконецъ, королевская власть только своимъ утвержденіемъ даетъ санкцію закона парламентскимъ постановленіямъ. Королевской же власти принадлежитъ право войны и мира, заключеніе договоровъ; все управленіе производится именемъ короля, правительство называется «правительствомъ короля» и всѣ владѣнія, принадлежавшіе коронѣ, именуются «владѣніями короля», а не государства, какъ у насъ. Словомъ, англійскій король такой же «самодержецъ», какъ и турецкій султанъ, съ тою только разницею, что первая власть почетна, непоколебима, вызываетъ любовь и уваженіе всѣхъ партій и подданныхъ, а власть султана не простирается далѣе гарема и придворныхъ интригъ, приводитъ къ трагическимъ катастрофамъ и предоставляетъ управленіе на произволъ нашей и алчнаго чиновничества, густою сѣтью застилающаго народъ и его интересы отъ общенія съ верховнымъ вождемъ страны. Секретъ этой разницы заключается именно въ томъ, что королевская власть въ Англіи непрестанно совѣтуется съ своими подданными посред-

ствомъ «своихъ вѣрныхъ общинъ» и свободной печати. Обычай, опытъ исторіи, нравственныя начала, а не юридическія опредѣленія и хартіи побуждаютъ эту державную власть вызывать эти совѣщанія. придавать имъ авторитетъ закона и не противорѣчить имъ въ жизни.

Мы вообще избѣгаемъ всякой полемики; но въ настоящемъ случаѣ не могли не остановиться на подобномъ толкованіи, совершенно извращающемъ коренной смыслъ, основное отличие самодержавнаго правленія отъ конституціоннаго. Сказать, что конституціонныя палаты имѣютъ только совѣщательный характеръ, что англійскій король такой же «самодержецъ» (по своимъ правамъ), какъ и турецкій султанъ—могъ только писатель или въ видѣ неумѣстной шутки и умышеннаго искаженія, или писатель, совершенно не понимающій предмета, о которомъ онъ взялся писать. Неужели ему неизвѣстно, что хотя теоретически права и преимущества англійскаго короля, такъ называемыя королевскія прерогативы, весьма обширны и очень многое дѣлается его именемъ, но въ дѣйствительности вся власть находится въ рукахъ парламента. При вступленіи на престолъ король обязанъ дать присягу въ томъ, что будетъ «управлять согласно статутамъ парламента и законамъ и обычаямъ государства». Вся законодательная власть въ Англии на дѣлѣ принадлежитъ двумъ палатамъ парламента. Никакой законъ не можетъ быть изданъ безъ согласія парламента, такъ какъ сначала всякій проектъ закона (билль) поступаетъ въ палату общинъ и если отвергается ею, то не можетъ быть внесенъ въ ту же сессію. Если же обѣ палаты парламента приняли проектъ новаго закона, то онъ хотя и поступаетъ на королевское утвержденіе, но отказа въ этомъ утвержденіи никогда не бываетъ, и это есть въ сущности ни что иное, какъ пустая историческая формальность, до которой англичане вообще большіе охотники. Ежегодный бюджетъ, т. е. роспись государственныхъ расходовъ и изложеніе финансоваго плана для ихъ покрытія, и вообще всѣ финансовыя билли обсуждаются въ палатѣ общинъ, и даже палата лордовъ имѣетъ право лишь отвергать ихъ цѣликомъ, но не имѣетъ права измѣнять его по частямъ. Правда король можетъ распустить парламентъ; но онъ не можетъ, не нарушая основныхъ законовъ страны и собственной присяги, управлять страной безъ парламента болѣе года, такъ какъ бюджетъ долженъ быть утвержденъ парламентомъ; иначе онъ не имѣетъ силы и граждане могутъ не подчиняться ему, т. е. не платить податей, такъ какъ

они обязаны платить только подати, утвержденные парламентомъ. Точно также хотя король и можетъ объявить войну, но назначеніе денежныхъ средствъ для этой войны зависитъ отъ парламента и по этому король, въ случаѣ несогласія парламента, можетъ вести войну развѣ на свои средства. Договоры хотя тоже заключаются именемъ короля, но они затѣмъ вносятся, какъ и всякіе политическіе документы, въ парламентъ и подвергаются его обсужденію. Отмѣна законовъ, ограждающихъ права англійскаго гражданина, какъ знаменитый Habeas Corpus Act и др., можетъ быть, въ виду необходимости, вотирована только парламентомъ.

Наконецъ, парламенту принадлежитъ и исключительная судебная власть. Въ каждую изъ палатъ можетъ быть внесенъ билль о гражданской смерти (Bill of Attaindes) ведущій за собою смертную казнь, и билль о наказаніяхъ и штрафахъ (Bill of pains and penalties) котораго послѣдствіе есть лишеніе правъ состоянія, конфискація имущества и т. п. Цѣль этихъ двухъ мѣръ, которыми лицо осуждается безъ соблюденія формъ уголовного процесса, простымъ путемъ законодательныхъ совѣщаній, есть наказаніе лицъ, которыхъ нельзя осудить на основаніи существующихъ уголовныхъ законовъ и обыкновеннымъ судебнымъ путемъ. Это есть страшное орудіе въ рукахъ парламента противъ честолюбцевъ, которые захотѣли-бы ниспровергнуть конституцію.

И это ограниченное правленіе, обращающее короля, какъ мы уже говорили выше, въ простой манекенъ, называютъ самодержавіемъ и сравниваютъ, по правамъ монарха, съ турецкимъ, и даже рѣшаются утверждать, что англійскій самодержецъ лишь «непрестанно «совѣтуется» съ своими подданнымъ посредствомъ «своихъ вѣрныхъ общинъ» и свободной печати». Хорошо совѣщаніе, гдѣ на одной сторонѣ, т. е. на сторонѣ палатъ, вся сила, а на другой—никакой; ибо если король вздумаетъ вступить въ борьбу съ парламентомъ, то не можетъ управлять страной, такъ какъ нарушаетъ данную имъ клятву управлять согласно статутамъ парламента и тѣмъ освобождаетъ своихъ подданныхъ отъ повиненія ему, какъ своему королю; однимъ словомъ, долженъ необходимо совершить государственный переворотъ. Существенная разница между англійскимъ королемъ и турецкимъ султаномъ, заключается именно въ томъ, что послѣдній можетъ по собственному желанію быть и не быть самодержцемъ, смотря потому, управляетъ-ли онъ своею страной самъ, узнавая нужды и желанія народа путемъ его представи-

тельства, или предоставляет управление страной представителямъ бюрократіи и фавора; а англійскій король можетъ сдѣлаться самодержцемъ не иначе, какъ нарушивъ конституцію, т. е. совершивъ государственный переворотъ.

Всѣ эти данныя, представляющія коренное, существенное различіе между ограниченнымъ и неограниченнымъ монархическимъ правленіемъ, конечно, извѣстны, да и не могутъ быть неизвѣстны бывшему профессору исторіи и почтенному редактору газеты «Порядокъ». Почему же онъ, въ передовой статьѣ своей газеты, помѣщаетъ подобный сумбуръ, какъ утвержденіе, что англійскій король есть самодержецъ и «что всѣ представительныя собранія въ конституціонныхъ монархіяхъ и отчасти даже въ республикахъ (?) не имѣютъ юридически обязательной силы»? Мы нисколько не сомнѣваемся, что почтенный издатель-редакторъ газеты «Порядокъ» и журнала «Вѣстникъ Европы» напечаталъ у себя означенную передовую статью не ради шутки, неумѣстной въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, и не ради умышленнаго искаженія фактовъ, а потому, что онъ вполне и искренно убѣжденъ въ справедливости и въ истинѣ изложенныхъ въ этой статьѣ началъ. Вотъ эта-то сторона и представляетъ для насъ особенный интересъ, такъ какъ доказываетъ наглядно, какой хаосъ понятій, относительно сущности различныхъ политическихъ учреждений, существуетъ въ нашемъ интеллигентномъ обществѣ и даже въ литературныхъ представителяхъ сторонниковъ западныхъ образцовъ.

А. Н.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТЪ.

(РОМАНЪ ДЖЕМСА ПАЙНА).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Семейный кружокъ.

Сельскіе жители обыкновенно воображаютъ, что дома въ Лондонѣ всё почти на одинъ покрой; а между тѣмъ разнообразіе ихъ такъ же велико, какъ разнообразіе классовъ людей, ихъ населяющихъ. Есть, правда, въ нѣкоторыхъ частяхъ города цѣлые кварталы до того схожіе одинъ съ другимъ, что кажется будто они сооружены при помощи одной и той же фабричной машины. Но даже и тамъ, гдѣ строитель, повидимому, употребилъ всё усилія, чтобы произвести самое отталкивающее однообразіе, и тамъ на каждомъ шагу проглядываетъ стремленіе владѣльца или жильца побороть эту уродливость и сдѣлать хотя бы и незначительныя измѣненія въ пользу изящности и художественности. Это замѣчается преимущественно въ предмѣстьяхъ, гдѣ каждый болѣе или менѣе подходящій выступъ или уголокъ употребляется для того, чтобы устроить тамъ цвѣтничекъ, или маленькую теплицу, и хоть этимъ немного смягчить скучную монотонность непривлекательной улицы и придать ей нѣсколько красоты. Тамъ каждый клочочекъ земли очень цѣнится, въ видахъ разведенія садика, и часто можно су-

дять о характерѣ жилья по мѣрѣ стараній, употребляемыхъ имъ при его обработкѣ.

Я мысленно переносюсь въ длинный рядъ виллъ юго-западнаго предмѣстья, очень маленькихъ, стоящихъ тѣсно и все парно, но гордящихся звучнымъ названіемъ Кэвендишской Роэци (Гровъ). Всѣ эти двойные кирпичные домики имѣли первоначально поразительное сходство; но постепенно, то тамъ, то сямъ, прибавлялся то крытый выступъ, то балъончикъ или навѣсъ, что не мало способствовало введенію нѣкотораго различія. Позади cadaго изъ нихъ простирается узенькій участокъ, совершенно равныхъ размѣровъ и въ длину, и въ ширину, представлявшій въ первобытномъ своемъ состояніи крошечную лужайку; но въ настоящее время, — а мы теперь въ концѣ іюля, — всѣ эти садики болѣе или менѣе изобилуютъ цвѣтами и распространяютъ благоуханіе на всю окрестность. До того ограничены средства всѣхъ обитателей Кэвендиш-грова, что во всемъ ряду не найдется ни одной оранжереи; да и цвѣты по большей части все дешевенькіе, а если кое-гдѣ попадается дерево, то можно быть увѣреннымъ, что сама природа помѣстила его туда, и что человекъ — этотъ предприимчивый соорудитель, — вѣроятно, не счелъ выгоднымъ или нужнымъ уничтожить его. Не увидите вы тамъ тепличныхъ растений, которыя могли бы посрамить скромные кустики этого рая; за то тамъ есть бесѣдки, хотя и маленькія, но все таки далеко непропорціональныя относительно всего скромнаго пространства; есть и гроты, похожіе на кучку раковинъ и камешковъ, собранныхъ во время послѣобѣденной прогулки у берега моря и случайно брошенныхъ на дорогѣ; есть и фонтаны микроскопическихъ размѣровъ.

Иѣтомъ всѣ жители почти совсѣмъ переселяются въ свои миниатюрные садики, находя подобное перемѣщеніе несравненно выгоднѣйшимъ и удобнѣйшимъ, чѣмъ, на примѣръ, поѣздка на дачу или путешествіе на континентъ.

Садъ № 7 въ Кэвендиш-гровѣ не обширнѣе другихъ, но разбитъ съ несравненно большимъ вкусомъ. Гротовъ тамъ не увидите; за то посрединѣ его маленькой лужайки плещетъ крошечный фонтанъ, подобно фокуснику, весело подбрасывающій золотой шарикъ, поднимающійся, падающій и опять взбирающійся по его серебристымъ нитямъ, что невольно наводитъ на много различныхъ мыслей. Въ глубинѣ садика возвышается раскидистый вязъ, въ тѣни котораго поставлено нѣсколько садовыхъ стульевъ. Тамъ расположилась группа, состоящая изъ трехъ лицъ: Стѣфена Дергама — владѣльца дома, его

племянника Мэтью Гельстона и его жены; послѣдніе номинально считаются жильцами, но всѣ они, включая туда еще четвертую личность, живутъ въ такой дружбѣ и согласіи, что трудно и вообразить между ними существованіе какихъ-либо официальныхъ отношеній. Мэтью и дядя Стѣфенъ, помимо родственныхъ узъ, соединены еще тѣснѣйшими узами самой искренней дружбы. Хотя одинъ изъ нихъ уже семидесятилѣтній старецъ, а другой еще очень молодой человѣкъ, но между ними много симпатіи и общности во вкусахъ; къ тому же, въ трудную, тяжелую минуту жизни, когда молодой человѣкъ былъ почти на краю гибели, старикъ великодушно и сочувственно протянулъ ему руку помощи, и съ тѣхъ поръ Мэтью питалъ къ нему глубокую благодарность. Нельзя сказать, чтобы щедрость была выступающею чертою характера Стѣфена Дергама; вкусы его были вообще слишкомъ оригинальны, а образъ жизни слишкомъ замѣнутый, уединенный; за то онъ умѣлъ искренно и горячо любить, и если помогалъ ближнему, то никогда не останавливался на пол-дорогѣ. Его густые сѣдые волосы и прекрасная длинная бѣлая борода придавали ему видъ почтенный и внушающій довѣріе; но пронизательные сѣрые глаза его и глубокія черты на морщинистомъ лицѣ нѣсколько не соответствовали общему впечатлѣнію. Какъ ученый и отшельникъ, онъ провелъ жизнь вдали отъ свѣта и былъ о немъ не особенно блестящаго мнѣнія; но по нѣжному и довольному выраженію его лица въ настоящую минуту—можно было заключить, что существовало и для него нѣсколько исключеній, а именно въ лицѣ его двухъ собесѣдниковъ.

Мэтью Гельстонъ былъ лѣтъ около двадцати восьми, хотя съ виду казался старше. Черты лица его были красивы, но нѣсколько рѣзки, и у него была старческая привычка—постоянно поддерживать рукою большой и выступающій лобъ, какъ будто онъ былъ слишкомъ тяжелъ для него; голосъ же его былъ звучный, мелодичный, но очень протяжный, что еще болѣе старило его въ глазахъ другихъ. Онъ былъ несомнѣнно красивъ: у него были большіе, лучистые каріе глаза, а каштановыя кудри дожились волнами на лобъ, что нѣсколько напоминало портретъ Байрона. Но этимъ и оканчивалось все сходство между Мэтью Гельстономъ и великимъ поетомъ. Нѣжнаго сложенія, хотя, относительно, хорошаго здоровья, въ немъ было полнѣйшее отсутствіе крѣпости и мужественности молодости. Онъ и мыслилъ, и говорилъ, какъ человѣкъ болѣе зрѣлыхъ, болѣе установившихся лѣтъ. Хотя онъ и не впалъ въ отчаяніе

вслѣдствіи неудачи, но неудача эта сильно отразилась на всемъ его существѣ, и мысль о ней никогда не покидала его. Наединѣ онъ часто впадалъ въ глубокую меланхолю, за то когда лицо его обращалось къ дядѣ, то выражало спокойствіе и довольство; когда же оно обращалось къ женѣ, то все сіяло невыразимою нѣжностью, къ которой нѣсколько примѣшивался страхъ лишиться ея, постоянно его преслѣдовавшій, и въ настоящую минуту болѣе чѣмъ когда-либо, такъ какъ Сэбей, какъ онъ называлъ свою Изабель, была очень нѣжна и хрупка, а между тѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ должна была въ первый разъ сдѣлаться матерью. Она не была красавицей, но въ избыткѣ обладала всѣми прелестями молодости и свѣжести. Волосы ея были каштановые, какъ у мужа, только они не вились какъ у него, а спускались ровными, блестящими прядями, окутывая ее подобно одеждѣ. Она была граціозна и легка какъ лань, и также боязлива и скромна. Глаза ея были темные и оживленные, какъ и всѣ вообще черты лица, и хотя она была немногимъ моложе мужа, но представляла съ нимъ совершенную противоположность, такъ какъ казалась воплощеніемъ молодости и дѣвчества.

Дневныя работы, столь различныя для каждаго изъ себясѣдниковъ, были окончены, и вотъ они сидятъ въ своемъ садикѣ, наслаждаясь полнѣйшимъ отдыхомъ.

Матью Гельстонъ, положивъ одну руку на плечо жены, читалъ вслухъ «Послѣднюю идиллію короля» (которую онъ только что принесъ отъ издателя). Его прекрасный, хотя нѣсколько торжественный голосъ какъ нельзя лучше гармонировалъ съ подобнымъ чтеніемъ, и потому, весьма извинительно, если жена считала чтеніе его неподражаемымъ. Сестра ея Эми (рѣчь о которой впереди), обыкновенно утверждала, что съ томомъ Шекспира, парю свѣчей, стаканомъ воды и тому подобными атрибутами Мэтъ имѣлъ-бы навѣрное громаднѣйшій успѣхъ въ качествѣ декламатора-чтеца въ провинціи, чѣмъ всегда ужасно сердило Сэбей. Теперь она слушала его всею душою. Старикъ, съ полу-закрытыми глазами и съ рукой, приложенной къ уху, что ясно свидѣтельствовало о его семидесяти годахъ, слушалъ также внимательно, хотя не казался особенно довольнымъ. Вплоть до описанія смерти Модреда, онъ, казалось, не слышавъ увлекся разговоромъ, пока Матью не дошелъ до слѣдующихъ строкъ:

Весь день гремѣло сраженіе,
И раскаты его раздавались въ горахъ,
И утопали въ хладныхъ волнахъ безбрежнаго моря.

А когда онъ произнесъ стихъ, «какъ конь, чующій полные зерномъ амбары», дядя наостривъ уши и проворчалъ: «А! прекрасно, неподобно!»

— Да вѣдь это старая исторія, усмѣхнулась Сэбей.—Есть это-же самое выраженіе въ «Смерти Артура», помнишь?

— Конечно, и безъ тебя знаю, дрянная дѣвчонка, отвѣчала онъ (хотя совершенно забылъ объ этомъ).—Я предпочитаю старыя пѣсни, даже и у вашихъ новыхъ бардовъ; впрочемъ, и они теперь изводятся. Теперь и птички-иѣвчія и тѣ, какъ видно, вымираютъ.

— Ужь сознайся, дядя, упрашивала Сэбей;—ты вѣрно подумалъ о республиканскомъ дроздѣ, о которомъ мы вчера читали въ газетѣ.

— Ну, а если и такъ, сознался съ улыбкою старикъ. — «Всякая палка годна, чтобы убить собаку».

— Что это за республиканскій дроздъ? осведомился Мэтью.

— Это была птица изъ вашей породы, пояснилъ старикъ: — послѣдняя изъ тѣхъ французскихъ птицъ, которую научили пѣть «Марсельезу» въ 1848 году. Я самъ ихъ не разъ слышалъ въ Кальвадосѣ: онѣ пѣли въ монастырскомъ саду, чѣмъ не мало скандализировали монаховъ. Послѣднюю изъ нихъ застрѣлилъ какой-то мерзавецъ. Она была совсѣмъ сѣдая, но въ укоръ намъ, людямъ, осталась вѣрна своимъ убѣжденіямъ, хотя время и измѣнило ея наружность.

— Какъ мнѣ кажется, вы оба пріобрѣтаете кучу свѣдѣній, замѣтилъ Мэтью, стараясь придать голосу ворчливый тонъ. — между тѣмъ, какъ я, несчастный, сижу прикованный къ своей конторкѣ.

— Къ своей конторкѣ! Кажется, Мэтъ говоритъ о своей конторкѣ? раздался свѣжій, звучный голосъ изъ окна гостиной, выходившаго въ садъ, и отъ котораго спускалось нѣсколько желѣзныхъ ступеней. Затѣмъ, быстро сбѣжавъ съ нихъ и присоединившись къ остальному обществу, Эми продолжала:

— Мэтъ возсѣдаетъ на тронѣ въ золотой коронѣ, подобно царю водяныхъ, а если соблаговолитъ спуститься съ него и пройтись, то гуляетъ все по золоту и серебру.

Дѣло въ томъ, что Мэтью служилъ старшимъ приказчикомъ, или однимъ изъ старшихъ, въ большой, извѣстной ювелирской фирмѣ и ненавидѣлъ свое занятіе, надъ которымъ свояченица его, Эми, какъ и въ настоящую минуту, часто трунила и острила. Самому Мэтью было-бы пріятнѣе совсѣмъ не поднимать этого вопроса, какъ-бы забыть о немъ; но въ этомъ слу-

чаѣ Эми разумнѣе смотрѣла на дѣло, т. е. смотрѣла и на работу Мэтью, и на его хозяина, съ юмористической точки зрѣнія. Она походила на Сэбей какъ сестра, только со множествомъ оговорокъ. Она выглядѣла старше, хотя была нѣсколькими годами моложе; она была на три или на четыре дюйма выше сестры, и цвѣтъ лица ея и волосы были темнѣе; что-же касается до ихъ характеровъ, то они представляли совершенную противоположность.

Сэбей всѣми мыслями, всѣмъ существомъ принадлежала мужу; она смотрѣла на все его глазами; онъ руководилъ всѣми ея дѣйствіями; между тѣмъ какъ Эми обладала духомъ независимымъ и даже властолюбивымъ. Старый дядя называлъ ее «женщиною будущности». Такъ или иначе, но она сумѣла образовать себя и пріобрѣсти одно изъ выгоднѣйшихъ мѣстъ для учительницы, приносившее ей сто фунтовъ въ годъ. До тѣхъ поръ она считалась гостьей въ домѣ Стэфена Дергама; теперь-же она сполна платила всю свою часть, и даже настояла на томъ, къ всеобщему негодованію остальныхъ, чтобы выплачивать по частямъ свой старый долгъ. Такимъ образомъ, въ настоящую минуту, какъ имъ всѣмъ казалось, и беря въ соображеніе тотъ свѣтъ и веселость, которые она разливала вокругъ себя, одолженіе дѣлали уже не ей, а она сама. Однако, жизнь ея не была изъ легкихъ; ей приходилось уходить рано утромъ, сейчасъ-же послѣ завтрака, и возвращаться, какъ и сегодня, почти къ самому ужину. За то тогда она радовалась какъ школьникъ, возвращающійся домой. Праздникъ ея начинался каждый день въ шесть часовъ вечера, только въ субботу нѣсколько раньше, и она вполнѣ заслуживала его.

— Садись-же, Эми, обратилась къ ней сестра съ напускною повелительностью. Я не позволю надоедать Мэту, или прерывать его. Онъ читаетъ о «Смерти Артура».

— И отлично, голубушка, пусть его себѣ умираетъ! сказала Эми, вытаскивая изъ бокового кармана работу и наперстокъ (такъ какъ она ни минуты не сидѣла безъ занятія) и присаживаясь къ остальнымъ. Въ продолженіи цѣлыхъ пяти минутъ она сидѣла безмолвно, пока Мэтью не дошелъ до слѣдующаго мѣста:

Тогда онъ обнажилъ свой мечъ Екскалимбургъ,
И зимняя луна, озолотивъ края тучъ,
Засіяла и на немъ, и засверкала морозомъ
На его рукояткѣ, усыпанной искрами брилліантовъ,
Миріадами топазовъ, яхонтовъ,
Въ роскошнѣйшей отдѣлкѣ.

Тогда она воскликнула: «Ахъ, какая жалость, что здѣсь нѣтъ мистера Сайнета!»

— Мистера Сайнета? Скажи на милость, къ чему онъ тебѣ? вскричалъ Мэтью, въ негодованіи, что его перебили на такомъ эффектномъ мѣстѣ, но еще въ большемъ негодованіи на то, что Эми привела имя его принципала.

— Это ему такъ пришлось-бы по душѣ; описанія всѣхъ этихъ «бриліантовыхъ искръ, свѣтящихся топазовъ и яхонтовъ», это все по его части.

— Эми, Эми, говорилъ Мэтью укоризненно, но съ невольною улыбкой,—теперь я никогда не прочту этого мѣста, не подумаю о магазинѣ. Правда, что всѣ эти выраженія по ювелирской части.

— Несомнѣнно; только представь себѣ мистера Сайнета въ лицѣ храбраго Сэра Бедивера?

— Ну, это трудненько, откровенно созналась Сэбей.

— А я такъ могу, продолжала Эми,—все, влючительно, до факта разставанія съ Эскалибуромъ. Когда онъ узрѣлъ «великолѣпную, чудную рукоятку» и всѣ бриліанты на ней, то я увѣрена, онъ никакъ не рѣшился-бы бросить его въ воду. Это было-бы совершенно несовмѣстно съ его ювелирскими чувствами.

Мэтью машинально закрылъ книгу, когда рѣчь зашла объ его хозяинѣ, и слушалъ съ натакнутою улыбкой слова дѣвушки. —Какъ это нелюбезно, Мэть, что ты меня до сихъ поръ не познакомилъ съ мистеромъ Сайнетомъ. Я представляю его себѣ похожимъ на принца въ волшебной сказкѣ, изъ устъ котораго сыпались бриліанты и жемчугъ; и во всякомъ случаѣ у него не мало всего хорошаго. Понравься ему, напримѣръ, молодая женщина, положимъ, достойная и порядочная особа, подобная мнѣ, какіе-бы онъ хорошенькіе подарки дѣлалъ; между тѣмъ какъ я...

Но здѣсь случилась странная вещь. Роза, вѣроятно направленная человѣческой рукой, совершила полетъ черезъ сосѣднюю стѣну и упала къ ея ногамъ. Цвѣтъ ея немедленно сообщился лицу прелестнаго оратора и краснорѣчіе его изсякло.

— О, предательница! воскликнула Сэбей, захолавъ руками отъ удовольствія.—Посмотри на нее Мэть, посмотри, какъ она краснѣетъ, сознавая свое преступленіе!

— Какъ-же я могу помѣшать бросать всякую дрянъ черезъ садовую стѣнуе, сказала Эми, возвысивъ голосъ для того, чтобы виновникъ могъ ее услышать.—Кто-бы это могъ быть?

— Я возбужу противъ него дѣло, вскричалъ дядя съ притворнымъ негодованіемъ.

— Ужъ лучше оставь его въ покоѣ, дядя, говорила Сэбей.

— Это почему? Пожалуйста не падите его ради меня, сказала Эми.

— Совсѣмъ не потому, моя милая, возразила сестра.—Я только подумала о томъ, что это опасно, такъ какъ онъ адвокатъ.

Всѣ знаютъ, какъ иногда пріятно сконфузить того, кто любить прохаживаться на чужой счетъ, и потому все общество очень обрадовалось этому заявленію, заставившему смолкнуть бѣдную Эми.

Вдругъ она сказала, прибывшииъ такой скромной и покорной:—Фрэнкъ хочетъ знать, позволятъ-ли ему придти къ ужину?

— О, такъ вотъ что означаетъ роза, брошенная черезъ садовую стѣну, смѣялся дядя Стэфенъ.—Ну, въ мои времена, языкъ цвѣтовъ не былъ такъ выразителенъ.

— И въ мои также, сказала Мэтью.—Это мнѣ напоминаетъ системы заучиванія или запоминанія, гдѣ, напримѣръ, китъ въ будѣ изображалъ Гастингскую битву, или верблюды съ обезьяною на спинѣ должны были напоминать о какомъ-то стихѣ въ «Откровеніи».

— А ты еще не отвѣтила, можетъ ли Фрэнкъ придти, скромно замѣтила Эми.

— Конечно, пусть приходитъ, голубушка; такъ и скажи ему.

— Да я ужъ это сдѣлала, потому что, по условію, если придти нельзя, то ровну надо бросить ему обратно.

— Не сложная, но остроумная телеграфная система, замѣтила Мэтью, улыбаясь;—а главное, что она примѣнима.

Мэтью Гельстонъ былъ прекраснымъ изобрѣтателемъ на теоріи, т. е. былъ авторомъ нѣсколькихъ замѣчательныхъ изобрѣтеній, которыя на практикѣ совсѣмъ не годились.

— Я не сомнѣваюсь въ томъ, быстро вставила Сэбей, чтобы отвлечь Мэтью отъ его печальныхъ размышленій,—что Эми, при помощи перемѣны сигнала, съумѣетъ сообщить мистеру Бэрло, что у насъ заужиномъ.

— Безъ сомнѣнія, сказала Эми, уже совершенно оправившись.—Если я ему брошу яблоко,—это будетъ означать омара, если луковицу—то душеное мясо. У насъ совершенно неограниченное число передвижныхъ и двигательныхъ системъ.

Послѣдняя фраза была прекраснымъ подражаніемъ тону Мэтью, когда онъ вдавался въ разсужденія о своихъ изобрѣтеніяхъ, про-

изнесенное совершенно съ тѣмъ же достоинствомъ и разстановкою, съ какими говорилъ онъ.

Даже и Сабей улыбнулась, хотя она очень не одобряла постоянныхъ подшучиваній сестры надъ Мэтью, который на этотъ разъ, однако, добродушно присоединился ко всеобщему хохоту. Когда хохоть стихъ, за садовой стѣной послышался, какъ эхо, новый взрывъ смѣха, хотя и не очень громкій, но ясно доказывавшій, что у мистера Бэрло, присяжнаго повѣреннаго, былъ прекрасный слухъ и что онъ умѣлъ оцѣнить удачную шутку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Подгородная трапеза.

Хотя Кэвендиш-гровъ, № 7, далеко не представлялъ фешенебельной резиденціи, которую вы, въ вашей записной книжкѣ, помѣстили подъ рубрикою «дома, въ которыхъ можно обѣдать», но старикъ Стэфенъ Дергамъ любилъ хорошо приготовленные кушанья, а миссисъ Гельстонъ и сестра ея были обѣ искусными и замѣчательными хозяйками, а потому все, что подавалось, было хотя и просто, но безукоризненно изготовлено.

Весь кружокъ собрался къ столу. Мистеръ Фрэнкъ Бэрло, адвокатъ лѣтъ около двадцати семи, былъ единственнымъ гостемъ; онъ далеко не былъ чуждъ всему обществу, хотя сильно отличался отъ всѣхъ наружностью. Это былъ красивый блондинъ, съ окладистой бородой и съ очень пронизательнымъ взглядомъ, врядъ ли хоть разъ пропустившимъ ошибку въ какомъ либо документѣ; но въ настоящую минуту его видимо занимали не документы. Онъ недавно былъ сдѣланъ участникомъ въ одной небольшой, но много общавшей фирмѣ адвокатовъ, и судя по его разумному, выразительному лицу, можно было предполагать, что онъ не уронитъ чести этой фирмы; онъ также собирался сдѣлаться участникомъ и въ другой фирмѣ, младшій членъ которой также тутъ присутствовалъ и согласился промѣнять свое имя на его, и впредь больше не называться Эми Терло, а миссисъ Бэрло. И такъ, не смотря на это приращеніе, все общество можетъ назваться семейной группой.

Бэрло рассыпался въ любезностяхъ передъ хозяиномъ, расхваливая всѣ кушанья, въ особенности же содержимое нѣкоего

врюшона, приготовленное прелестными, знакомыми ему пальчиками.

— Да, сэръ, я люблю, чтобы все вокругъ меня было порядочно, отвѣчалъ старикъ, польщенный похвалою, но все-таки не отступаясь отъ своей нѣсколько высокоумной, презрительной манеры говорить съ коротко знакомыми. — Мнѣ иногда кажется, что я происхожу отъ какихъ-либо древнихъ королей или принцевъ; никогда не знавалъ я человѣка, имѣвшаго большее желаніе, нежели я, сдѣлаться королемъ или богачемъ, и только для того, чтобы самому ничего не дѣлать, а пользоваться жизнью и съ избыткомъ наградить всѣхъ честныхъ и ученыхъ людей.

Мистеръ Фрэнкъ Бэрло былъ часто въ немаломъ затрудненіи, обрѣтаясь въ полномъ невѣдѣніи на счетъ того, откуда берутся у его хозяина всѣ его оригинальныя изрѣченія—изъ Рабле или какого другаго, неизвѣстнаго ему писателя, или же изъ собственной головы. На этотъ разъ онъ удовольствовался тѣмъ, что отвѣтилъ слѣдующее:

— Богатства вообще болѣе полезны мудрымъ и философамъ, чѣмъ это предполагаютъ; даже помимо тѣхъ благодѣяній, какія обладаніе ими дозволяетъ владѣльцамъ оказывать другимъ, они освобождаютъ умъ отъ мелочныхъ заботъ.

Подумалъ-ли онъ при этомъ о Мэтью или нѣтъ—неизвѣстно, но тотъ принялъ повидимому намекъ на свой счетъ и сказалъ:

— Что касается меня, Бэрло, я ничто не считаю столь пагубнымъ ни для мужчины, ни для женщины, какъ обладаніе большимъ богатствомъ.

— Рождается гордость, высокоуміе, допустилъ адвокатъ;— я замѣтилъ также, что чѣмъ богаче становится человѣкъ, тѣмъ непреложнѣе кажутся ему его убѣжденія. Оно и понятно: его окружаютъ льстецы, и онъ не встрѣчаетъ противорѣчій.

— А Мэть совсѣмъ иначе это понимаетъ, вмѣшалась его жена.—Онъ говорить, что большое богатство убиваетъ въ человѣкѣ чувство.

— И какъ нѣкоторое подтвержденіе сейчасъ сказаннаго, замѣтилъ старикъ,—можно привести то, что исторія почти всѣхъ извѣстныхъ драгоценныхъ камней, такъ называемыхъ историческихъ камней, смѣшана съ обманомъ и преступленіемъ. Возьмите, напримѣръ, исторію Кохинора, прослѣжонную по историческимъ документамъ болѣе чѣмъ за 2,000 лѣтъ. Сколько жестокостей, сколько кровопролитія причинилъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ Надиръ-шахъ заставилъ правнука Арунзбе помѣняться съ нимъ тюрбаномъ.

— Какъ же это случилось? спросила Эми.

— Вотъ видите-ли: Магометъ-шахъ былъ настолько нескроменъ, что позволилъ себѣ одѣть тюрбанъ, украшенный этимъ бриллантомъ, во время свиданія съ своимъ побѣдителемъ, и послѣдній предложилъ ему помѣняться головными уборами въ знакъ дружбы. Впослѣдствіи Рунджить-зингъ заставилъ своего гостя и плѣнника, шаха Шуджу, носившаго этотъ камень на рукѣ, уступить его за извѣстную сумму денегъ, предложенную только на словахъ; а самъ, на смертномъ одрѣ, оттого только принужденъ былъ завѣщать его своему семейству, что былъ слишкомъ слабъ, чтобы подписать свое имя. Къ счастью, онъ могъ выразить согласіе только утвердительною знакомъ головы.

— Будь это въ присутствіи свидѣтелей, какое знатное дѣло можно было бы затѣять, замѣтилъ Бэрло.

— Но что болѣе всего странно, продолжалъ дядя, пропуская съ самымъ примѣрнымъ невниманіемъ замѣчанія адвоката:—это тотъ фактъ, что онъ потерялъ четыре пятыхъ своего первоначальнаго вѣса, вслѣдствіе неумѣлой шлифовки. Бѣдный Боджіо, такъ его обкарнавшій, долженъ былъ отплатиться всѣмъ своимъ состояніемъ императору Арунгзебе и едва-едва спасъ свою голову.

— Будь мистеръ Сайнетъ императоромъ, бѣднякъ навѣрное заплатилъ бы головою, замѣтила Эми; замѣчаніе встрѣтившее всеобщее подтвержденіе. Одинъ Мэтью ничего не сказалъ; напротивъ того, лицо его даже выразило нѣкоторое неудовольствіе, что заставило мистера Бэрло (всегда любившаго примирить всѣхъ и cadaго, но вслѣдствіе частаго незнанія сути дѣла, не всегда дѣйствовавшаго успѣшно) замѣтить:

— Я думаю, что мистеръ Сайнетъ, когда дѣло не касается его камней, не такой ужъ дурной человѣкъ.

— Это все равно, Фрэнкъ, что сказать: помимо своего цвѣта негръ достаточно бѣлъ, замѣтила Эми.

— Ну, что до меня касается, возразилъ адвокатъ, —я уважаю человѣка, преданнаго своему дѣлу, т. е., конечно, —онъ смѣшался и посмотрѣлъ на Мэтью, —своему естественному призванію. Изъ того, что я слышалъ объ этомъ человѣкѣ, могу заключить, что обращеніе его не изъ образцовыхъ; но вѣдь и съ дурными манерами бываютъ порядочные люди.

— Это доказываетъ, что вы еще мало знаете человѣчество, мистеръ Бэрло, замѣтилъ дядя Стэфенсъ, накладывая себѣ на тарелку кусокъ пирога съ смородиной. —Самъ мистеръ Сайнетъ сказалъ бы вамъ, что если жемчужина тускла съ виду, то чѣмъ больше наслоеній вы будете снимать съ нея, тѣмъ она будетъ

хуже. Если наружная оболочка не имѣетъ блеску, то врядъ-ли сердцевина будетъ лучше.

— Но съ другой стороны, быстро вставилъ адвокатъ, — согласитесь, что существуютъ же неотполированные брилліанты.

Молодой человѣкъ говорилъ съ самыми благими намѣреніями, но невѣстѣ его было ясно, что вопросъ, возбуждаемый имъ, былъ неприятенъ, по крайней мѣрѣ одному изъ присутствующихъ.

— Дорогой Фрэнкъ, внушительно шепнула она ему: — если найдешь невыдѣланный брилліантъ, то всего лучше поскорѣе отшлифовать его.

— Я долженъ сознаться, что несогласенъ съ тобою относительно этого, отвѣчалъ онъ также вполголоса. — Положимъ, что это неприятный вопросъ; но вѣдь смѣшно же постоянно обходить его. По-моему, лучше храбро и прямо относиться къ подобнымъ предметамъ.

— Какъ, напимѣръ, къ мистеру Сайнету?

— Да хотя и къ нему. Не лучше-ли было бы, въ виду поразительнаго знанія мистера Дергама исторіи драгоценныхъ камней (Мать сообщала мнѣ, что онъ знаетъ ее въ совершенствѣ, какъ и вообще почти все), пригласить этого человѣка въ гости? Ты не можешь себѣ представить, до какой степени дѣловое колесо, когда оно нѣсколько заржавится или поистреплется, опять скоро обновляется и прихорашивается, вслѣдствіе, хотя и небольшой, общественной любезности, политичнаго вниманія. Всякій разъ, какъ дѣла мои съ Бэтсомъ принимали нѣсколько неблагоприятный оборотъ, я считалъ своею обязанностью заглянуть къ миссисъ Бэтсъ на ея суботніе вечера. И тамъ, за мороженымъ и лимонадомъ, Бэтсъ и я, мы всегда улаживали наши недоразумѣнія и все опять шло какъ по маслу.

Эми повачала головой.

— Боюсь, что это дѣло посерьезнѣе, и здѣсь нѣтъ хорошей миссисъ Бэтсъ, умѣющей все уладить. Дѣло въ томъ, что Мать ненавидитъ свою должность и своего хозяина.

Мистеръ Берло пожалъ плечами. Въ движеніи этомъ выразилось нѣкоторое презрѣніе, которое Эми подмѣтила.

— Пожалуйста, Фрэнкъ, не воображай, чтобы Мать жаловался на судьбу, быстро сказала она. — Онъ всегда безропотно исполняетъ свой долгъ. Что же касается Мистера Сайнета, то я все-таки сомнѣваюсь, чтобы онъ захотѣлъ пригласить его сюда; да и тотъ, навѣрное, откажется.

— Не предполагаешь ли ты, что онъ нашелъ бы подобное приглашеніе неумѣстнымъ отъ своего подчиненнаго?

— Насколько я слышалъ о немъ, да, я такъ полагаю.

Мистеръ Берло полузакрывъ глаза и весь погрузился въ тихій, сдержанный хохоть,—способъ выраженія веселости, приобритенный имъ, вслѣдствіе частыхъ посѣщеній судовъ и врожденной осторожности.

— Это ужасно забавно, сказалъ онъ:—мистеръ Сайнетъ сочтетъ за свисхожденіе явиться сюда! Глаза его обѣжали всѣхъ присутствующихъ и, наконецъ, остановились на самой Эми, подобно пчелѣ, облетѣвшей весь садъ и выбравшей лучшей цвѣтокъ.—Прелестъ моя, тогда онъ сущій дуракъ!

— Напротивъ того, онъ далеко не глупъ.

— Ну, тогда дѣло не такъ-то ладно, соображалъ мистеръ Берло.—Ужасно мнѣ жаль бѣднаго Мэта. Что, сегодня онъ опять отправляется туда?

— Да, если это можно назвать «сегодня». Онъ ѣдетъ въ три часа утра.

— Боже мой! И эта леди, кажется, не особенно пунктуальна?

— Ему приходится ждать ее иногда болѣе двухъ часовъ. Тс!.. Мэтъ смотритъ въ нашу сторону и видитъ, что рѣчь идетъ о немъ. Это его больное мѣсто.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Молодая старость и сѣдая молодость.

Послѣ ужина, миссисъ Гельстонъ усѣлась за піанино, чтобы акомпанировать пѣнію Эми. Она не была артисткою, но очень хорошо исполнительницею, и игра ея подходила какъ нельзя болѣе къ симпатичному голосу ея сестры. Пѣлись больше старыя, давно извѣстныя баллады; но онѣ какъ нельзя болѣе подходили подъ общее настроеніе, да и всегда съ наслажденіемъ слушались нашимъ маленькимъ кружкомъ.

Когда покончили съ прелестными баладами, мистеръ Берло попросилъ спѣть одну старую африканскую пѣсню, исполненную съ большимъ воодушевленіемъ и приведшую всѣхъ въ самое смѣшливое настроеніе. Около половины десятаго, мистеръ Берло пожелалъ всѣмъ доброй ночи; онъ былъ человѣкъ практичный и придерживался стараго изреченія «утро вечера

мудренѣе, хотя «мудрости» онъ не такъ жаждалъ, какъ «богатства». Будь онъ вмѣсто адвоката морякомъ или купцомъ, онъ такъ же сдѣлалъ бы принаровиться къ своей обязанности, потому что онъ на все смотрѣлъ, какъ на средство къ извѣстной цѣли. Склонностей къ чему либо опредѣленному въ немъ не было, и вкусы его были изъ общихъ и не изъ разборчивыхъ. Не смотря на то, какъ это, впрочемъ, часто случается, онъ чувствовалъ глубочайшее презрѣніе къ тѣмъ, кого природа не такъ щедро одарила въ этомъ отношеніи, и можетъ быть онъ избралъ эту пѣсню до нѣкоторой степени въ видѣ укора Матью. Но догадайся только Эми, что эти оживленные строчки

Нѣкоторые сдѣютъ,
И какъ еще сдѣютъ,
Погружаясь въ свои заботы,
Но только не вы и не я...

имѣли какое либо отношеніе къ ея вятю, она, конечно, отказалась бы ихъ пѣть; впрочемъ, никто изъ присутствовавшихъ и не отнесъ ихъ къ Матью.

— Дорогая моя, пора и на покой, сказалъ онъ женѣ, когда Бэрло ушелъ,—а то щеки твои поблекнутъ завтра; вѣдь только одной Эми бросаютъ розы черезъ заборъ.

— А ты, хорошій мой, говорила Сэбей,—не ляжешь ли немного отдохнуть, пока не прійдетъ этотъ противный кабъ?

— Нѣтъ, моя радость; я предпочитаю короткую ночь трезвой ночи. Мы пойдемъ въ бібліотеку покурить съ дядею, а затѣмъ я кончу читать новую поэму.

— Тогда ужъ онъ навѣрное уснетъ, замѣтила рѣшительно Эми.

— Ахъ, это такъ грустно, что ему, бѣдному, приходится сидѣть такъ поздно, цѣлыхъ длинныхъ четыре часа.

— Я усну завтра въ конторѣ, смѣялся Мать.

— Не горюй! Вѣдь въ концѣ сезона балы бывають рѣдко.

— Спокойной ночи, милая, дорогая жертва моды! сказала Эми, цѣлуя брата.

— Спокойной ночи, милый! жалостливо лепетала Сэбей.—Объщай мнѣ съѣсть что нибудь передъ отъѣздомъ: тамъ осталось немного курицы, а на столѣ стоитъ хересъ и содовая вода.

— Великое счастье, если полюбитъ одна женщина, а тебя любятъ двѣ, Матью, вздыхалъ старикъ Стефенсъ, пока они спускались по лѣстницѣ.—Право, ты очень и очень счастливъ.

— Я и считаю себя таковымъ въ этомъ отношеніи, увѣряю тебя, дядя, серьезно произнесъ Матью.

Библіотека помѣщалась въ нижнемъ этажѣ, подъ гостиною, и была вся уставлена шкафами съ книгами; да и полъ былъ такъ ими усыпанъ, что съ трудомъ можно было пробраться. Ихъ было немало и на столѣ, рядомъ съ хересомъ и содовою водою, заготовленными предусмотрительною Сэбей, и они представляли единственное украшеніе комнаты, если не считать чего-то, покрытаго бѣлою простынею, стоявшаго въ углу и походившаго на дѣтскій гробикъ. На каминѣ лежало нѣсколько трубокъ и стоялъ ящикъ съ табакомъ.

— Одинъ великій мыслитель сказалъ, замѣтилъ дядя Стэфенъ, набивая свою трубку:—что когда человѣкъ ужъ очень поизносится, поистреплется, то ему больше ничего не надо, какъ стаканъ хорошаго вина, удобную постель, спину къ затопленному камину, а лицо—къ столу съ сытнымъ, питательнымъ блюдомъ; но онъ не имѣлъ счастья быть знакомымъ съ табакомъ. А это высшее наслажденіе, если не считать спокойной совѣсти, на которое старость можетъ рассчитывать до тѣхъ поръ, пока только дышется, какъ сказала бы Эми. И что за прелесть эта дѣвушка! Никогда не встрѣчалъ я въ женщинѣ столько юмору. Надѣюсь, что Бэрло цѣнитъ подобное сокровище.

— Онъ ее цѣнитъ, насколько умѣетъ, отвѣтилъ Мэтью, пуская клубы дыма.—Онъ добрый малый, только едва-ли достоинъ ея.

— Что правда, то правда, подтвердилъ старикъ,—а между тѣмъ она любитъ его.

— Во всякомъ случаѣ онъ ее любитъ, а она дѣлаетъ съ своей стороны все, что въ ея силахъ, чтобы отплатить ему тѣмъ же.

— То есть, продолжалъ старикъ,—все обойдется благополучно, если она еще до свадьбы не встрѣтится съ кѣмъ либо, ей болѣе подходящимъ.

— Что не очень-то правдоподобно въ Квендиш-гровѣ, усмѣхнулся Мэтью.—Но разъ давъ слово, Эми не измѣнитъ Бэрло ни изъ-за кого на свѣтѣ, будь то человѣкъ со всѣми добродѣтелями Аристиды или сокровищами Креза.

— Конечно; но если она другаго полюбитъ больше, то не выйдетъ ни за кого. Она именно одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя жертвуютъ собою ради чувства долга.

«А ты одинъ изъ подобныхъ мужчинъ, думалъ про себя Мэтью,—и, какъ мнѣ кажется, ты пожертвовалъ собою». Но онъ ничего не сказалъ.

— Замѣчательная вещь, продолжалъ дядя Стэфенъ:— какъ

чувство любви постепенно умираетъ въ насъ, по мѣрѣ того какъ мы старѣемся. Жалкія привязанности наши становятся тогда дѣломъ случая, а свѣтъ называетъ ихъ просто капризами. Когда страсть вымираетъ, возрождается инстинктъ, какъ въ дѣтствѣ, и тогда слова: «дорогой» и «приближенный» становятся синонимами. Вотъ почему старики такъ часто оставляютъ свои деньги своимъ же ключницамъ. Я, напримѣръ, не чувствовалъ бы ни малѣйшаго расположенія ни къ тебѣ, ни къ дѣвочкамъ, Мать (такъ какъ Себей вѣчно останется дѣвочкою), не живи мы подъ одною кровлею.

— Такъ какъ результатъ настолько хорошъ, дядя, говорилъ Матью улыбаясь,—то не будемъ спорить о причинахъ. Что же касается тебя, то ты совсѣмъ не старикъ въ томъ смыслѣ, какъ ты понимаешь старость, и никогда не будешь старикомъ, доживи ты хоть до ста лѣтъ.

— А все-таки, Мать, грустно говорилъ дядя,—я начинаю ощущать въ себѣ нѣкоторое проявленіе старости (только, ради Бога, ни слова никому объ этомъ; пусть это останется между нами). Вино, напримѣръ, доставляетъ мнѣ несравненно большее наслажденіе, чѣмъ прежде, и я теперь болѣе чѣмъ когда либо боюсь плохого вина.

— «Голосъ есть голосъ Исава, отвѣчалъ Матью важно,—но мысли суть мысли Іакова».

— Можетъ быть; я и самъ не увѣренъ въ этомъ, допустилъ тотъ.—Когда ты состаришься, то, вѣроятно, станешь употреблять, пожалуй, неволью, математическій языкъ.

Краска быстро пробѣжала по лицу молодого человѣка.

— Это случится развѣ, когда я впаду опять въ дѣтство, дядя.—Пока я въ здоровомъ разсудкѣ, онъ не допуститъ меня коснуться математики.

— А между тѣмъ она была тебѣ полезна, Мать.

— Безъ сомнѣнія. Она помогла мнѣ приобрести теперешнія средства мои къ пропитанію. Съ другой стороны, она была причиною или, скорѣе, она сдѣлала меня причиною очень серьезныхъ потерь для другихъ.

— Ради Бога, если любишь меня, ни полслова больше. Я совсѣмъ объ этомъ забылъ, а то, конечно, не коснулся бы этого предмета. Вотъ одно изъ преимуществъ моихъ лѣтъ. Я, напримѣръ, отлично помню ссору съ братомъ въ саду изъ-за яблока, а это почти такъ же старо, какъ и исторія первобытнаго яблока; но я совершенно забылъ подробности о нашемъ несогласіи четверть столѣтія спустя, при раздѣлѣ наслѣдства. Памятью я

сталь опять ребенкомъ; можетъ быть это приготовленіе къ великому дню отчета, который скоро меня ожидаетъ. Да, приходится иногда провѣрять старыя счетовыя книги.

— Дядя Стѣфень, это и мнѣ приходится дѣлать.

— И тебѣ? Ну, это не дѣло! Прошлое—удѣлъ старости, Мэтъ; молодости же принадлежитъ настоящее и будущее. Не унывай, надѣйся, и Богъ поможетъ,—вотъ девизъ всѣхъ дѣятельныхъ людей; видишь ли, я люблю на прощанье высказать какую либо мораль, такъ какъ уже неспособенъ больше на эпиграмы; а вотъ и полночь. И тебѣ бы, голубчикъ, пора ужъ на покой.

— Сегодня, вѣдь, моя леди на балу.

— Да, да, я ужъ опять забылъ; а ты еще хочешь увѣрить меня, что я не старикъ.

Въ голосѣ его звучалъ непривычный оттѣнокъ горечи, но обычная улыбка вернулась къ нему, когда онъ вѣжливо пожалъ руку племяннику и пожелалъ ему доброй ночи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мѣджъ.

Мы сказали выше, что въ одномъ углу комнаты, въ которой Мэтью Гельстонъ остался теперь одинъ, стояло нѣчто, покрытое бѣлою простынею и походившее на дѣтскій гробикъ. Это нѣчто и было въ сущности могилою родительскихъ надеждъ. Мэтью подошелъ къ этому предмету, отбросилъ покрывало и обнажилъ модель шестиволеснаго локомотива. Это была изящно сдѣланная и прекрасная машина, безузоризненная, даже на глазъ специалиста, во всѣхъ своихъ частяхъ и соединеніяхъ; но это была не паровая машина. Къ ней были примѣнены нѣкоторыя новыя приспособленія на подобіе врыльевъ или, скорѣе, клапановъ, открывавшихся и закрывавшихся какъ врылья, и при помощи которыхъ, совмѣстно съ внутреннимъ механизмомъ, наружный воздухъ составлялъ двигательную силу. Это не было то, что извѣстно подъ именемъ пневматической системы, хотя было, несомнѣнно, примѣненіемъ ея, хотя дядя Стѣфень приписывалъ мрачное настроеніе духа племянника, когда тотъ потерпѣлъ неудачу, именно «пневмонія», потому что, надо въ

этомъ сознаться, «Магдебургъ», какъ гласила надпись, сдѣланная на его бокахъ блестящими, выпуклыми, металлическими буквами, какъ на настоящемъ локомотивѣ, былъ полнѣйшею неудачею. Были времена, когда великія надежды были соплетены съ нимъ, когда его съ любовью величали просто «Магъ» или даже «Мэджъ» члены маленькой семьи Кэвендиш-грова; времена, когда виновникъ его существованія гордился имъ, обожалъ его, какъ мать своего ребенка. Какъ мать, съ невыразимою нѣжностью обнимающая трупъ своего мертваго ребенка и дарящая его безжизненной оболочкѣ несравненно болѣе любви, нежели многіе даютъ своимъ самымъ близкимъ и дорогимъ при ихъ жизни, такъ и теперь смотрѣлъ Мэтью Гельстонъ взоромъ, полнымъ уваженія и глубокаго сожалѣнія, на свое неподвижное, бѣдное дѣтище. Оно умерло и никогда болѣе не вернется къ жизни; онъ это хорошо зналъ. Не было больше никакихъ иллюзій или почти не оставалось ихъ на этотъ счетъ; но какъ долго жили онѣ, и какъ слѣпо вѣрилъ онъ имъ! Теперь лицо его было серьезно и грустно; но довольно спокойно. Дѣтище его обмануло его ожиданія; но вѣдь онъ самъ виноватъ во всемъ случившемся, а бѣдная, невинная Мэджъ была все-таки дорога ему. Многимъ покажется, можетъ быть, смѣшнымъ и даже безумнымъ, какъ можно было обожать идола изъ мѣди и чугуна; вѣдь многимъ чувство обожанія совершенно недоступно, а другимъ работа мысли и возвышенное честолюбіе, уже не говоря о благородномъ стремленіи обогатить міръ знаніями—все это ничего незначущія слова. Но поэтъ, но творецъ, но изобрѣтатель, пойметъ кое-что изъ чувствъ Мэтью Гельстона, если и не все. Вѣдь Мэджъ стоила ему не только много времени и заботъ, бессонныхъ ночей и дней тяжелой работы, но и его наслѣдства—онъ и это принесъ въ жертву на ея алтарь, и другихъ заставилъ вѣрить въ ея богатство и приносить немалыя жертвы. Одинъ видъ Мэджъ,—а онъ не могъ не смотрѣть на нее, хотя вполнѣ сознавалъ свою слабость, и для того, чтобы отдалить подозрѣнія Сэбей относительно этого, сказалъ ей сегодня, что хочетъ окончить новую поэму,—пробуждалъ въ немъ массу воспоминаній. Онъ вспоминалъ о себѣ, какъ о ребенкѣ, котораго не привлекали картинки, но игрушками котораго были инструменты или лодочки собственнаго произведенія, куски магнита или стараго желѣза, изъ котораго онъ выдѣлывалъ ножи, пилы или пики; затѣмъ, впослѣдствіи, какъ онъ ненавидѣлъ свои школьныя книги, всѣ, кромѣ математическихъ и техническихъ.

Всѣ говорили, что у него прирожденный математическій геній, и что было больно, онъ повѣрилъ имъ.

Только одинъ Роджеръ Гельстонъ, лѣтберійскій адвокатъ, дядя и опекунъ Мэтью, думалъ на этотъ счетъ иначе.

— Неужели ты воображаешь, что я позволю тебѣ сдѣлаться техникумъ, говорилъ онъ племяннику, — когда тебя ожидаетъ готовое дѣло подъ моимъ руководствомъ. (Онъ былъ уѣзднымъ страпчимъ въ Мидлэндсѣ). Очень мнѣ нужно платить триста фунтовъ преміи для того, чтобы ты лежалъ на спинѣ и держалъ бы сальную свѣчу, пока другой будетъ вбивать гвозди въ дно судна. И денегъ своихъ я не оставлю человѣку, будь онъ хотя и сыномъ моего брата, который станетъ бросать ихъ на поиски философскаго камня или «перпетуумъ мобиле». Ужъ лучше прямо сдѣлаться повѣтомъ и пойти къ чорту!

Мэтью повѣсилъ голову и сдѣлалъ видъ, что покоряется; онъ и поворился до нѣкоторой степени и продолжалъ свои юридическія занятія, хотя и противъ воли, до тѣхъ поръ, пока не настало время опредѣлиться къ мѣсту; тогда завязалось у него съ дядею новое сраженіе. Мэджъ въ то время была уже въ проектѣ и предназначалась къ тому, чтобы произвести революцію въ наукѣ, значительно сокративъ и время, и пространство. Но Роджеръ Гельстонъ не имѣлъ въ нее вѣры.

— Эта твоя модель, любезный другъ, говорилъ онъ ему безъ нѣкотораго добродушія: — окончательно тебя разорить, позволь я только тебѣ дѣйствовать по твоему усмотрѣнію. Мнѣ говорили, что у тебя былъ еще какой-то оригинальный проектъ, но также провалившійся.

Молодой человѣкъ сильно покраснѣлъ. .

— Не будемъ больше объ этомъ говорить, продолжалъ дядя Роджеръ, — разъ, какъ ты самъ убѣдился въ своей оплошности; я долженъ тебѣ только замѣтить, что неумѣстная твоя любовь ко всѣмъ этимъ винтамъ и колесамъ не приведетъ къ добру. И еще одно, — и онъ многозначительно ударилъ рукою по столу: — я не потерплю у себя въ конторѣ ничего подобнаго. Законъ не допускаетъ небрежнаго къ нему отношенія. Я знаю въ какую сторону влонятся твои желанія, и ты, пожалуй, можешь поступать по своему усмотрѣнію. Слышалъ я также, что дядя Стэфенъ способствовалъ твоей глупости, восхваляя твои математическія способности. Думаю, что его одобреніе не Богъ-вѣсть что значить; онъ, кажется, въ дѣлѣ жизни и теперь не умнѣе того, что былъ три четверти столѣтія тому назадъ, когда явился

на свѣтъ. Впрочемъ, это дѣло твое. Выбирай между нами; только помни, если выберешь его, моя дверь на вѣки для тебя закрыта.

И дядя Роджеръ внушительно застегнулъ свой сюртукъ на всѣ пуговики.

И на этотъ разъ, хотя внутренняя борьба была еще сильнѣе, Мэтью уступилъ. Но хотя въ дѣйствительномъ смыслѣ онъ и не вносилъ въ контору своихъ винтовъ и колесъ, они крѣпко засѣли у него въ головѣ, гдѣ не переставали стучать и вертѣться, въ великому вреду его легальныхъ занятій; онъ посвящалъ все свое свободное время усовершенствованію своей Мэдждъ, до тѣхъ поръ, пока не явилась ей соперница въ лицѣ Изабеллы Тэрло.

Дѣвушка эта была дочерью сосѣдняго священника, довольно зажиточнаго и очень любимаго своею паствою, но сдѣлавшаго маленькую неловкость относительно Роджера Гельстона, такъ какъ онъ обратился за совѣтомъ не къ нему, а къ другому адвокату, фактъ сильно огорчившій Гельстона и побудившій его нѣсколько покровительствовать ухаживанію племянника за миссъ Тэрло, именно вслѣдствіе неодобренія ея отца. Роджеръ Гельстонъ былъ настолько радикаломъ, насколько уѣздный страпчій, имѣющій дѣло съ мѣстной аристократіею, можетъ себя это позволить. Онъ неоднократно себя спрашивалъ, какое право имѣетъ какой-то каноникъ заирать носъ и считать Мэтью, племянника такого достойнаго человѣка, какъ онъ, Гельстонъ, себя неровнею. Случилось, между тѣмъ, то, что мистеръ Тэрло скоропостижно умеръ и, живя широко, какъ подобаетъ зажиточному члену воинствующей церкви, не оставилъ послѣ себя ничего, кромѣ двухъ хорошенькихъ дочерей.

Подобное поведеніе въ человѣкѣ, такъ высокоумно державшемся, по мнѣнію страпчаго, сильно ему не понравилось и онъ усердно проповѣдовалъ противъ гордости, расточительности и вообще неприличнаго поведенія покойнаго; все это дѣлалось намѣренно въ присутствіи племянника.

Мэтью молчалъ, пока дядя нападалъ только на ректора; когда же онъ сталъ отзываться съ презрительною жалобою о дочеряхъ послѣдняго, то Мэтью не выдержалъ и замѣтилъ:

— Прошу васъ не забывать, дядя, что Сэбей Тэрло обѣщала быть моею женою.

Тогда полился цѣлый потокъ словъ. Ужь не воображаетъ ли Мэтью, на основаніи того, что на нѣкоторыхъ языкахъ два отрицанія соотвѣтствуютъ утвержденію, что двое нищихъ, соединившись, будутъ имѣть достаточно средствъ? Онъ возставалъ

противъ племянника со всѣмъ жаромъ человѣка, знающаго, что онъ неправъ и все-таки рѣшившагося сдѣлать по-своему.

— Когда вы думали, что мистеръ Тэрло богатый человѣкъ, дядя, спокойно отвѣтилъ Мэтью, — то вы не противились моимъ намѣреніямъ; неужели же я откажусь отъ нея теперь, когда она дала мнѣ слово, только потому, что она бѣдна?

Это еще сильнѣе взбѣсило дядю, такъ какъ на подобный вопросъ онъ не могъ отвѣчать категорично.

— Какое мнѣ дѣло до вашихъ обѣщаній, милостивый государь, — кричалъ тотъ; очень много они значутъ! И затѣмъ съ нѣкоторою непослѣдовательностью онъ прибавилъ: — Если вы мнѣ не общаете отказаться отъ нея окончательно, то я вамъ болѣе не позволю переступить своего порога. У васъ есть тысяча фунтовъ, положенныхъ въ моемъ предпріятіи — все ваше состояніе. Не желаете-ли, чтобы я вамъ немедленно выдалъ чекъ на ихъ полученіе?

— Очень меня этимъ обяжете, сказалъ Мэтью, унаслѣдовавшій вмѣстѣ съ весьма незначительнымъ состояніемъ, значительную дозу семейной рѣшимости.

Дядя Роджеръ схватилъ перо и написалъ дрожащими руками желанный документъ, получивъ отъ племянника росписку, которую тотъ написалъ самымъ твердымъ и правильнымъ почеркомъ.

— Ужъ если дѣло на то пошло, — злобствовалъ Роджеръ Гельстонъ, — то напрасно вы не женились на той... и, помяните мое слово, взявъ въ соображеніе скверное воспитаніе, данное этой, она навѣрное будетъ не лучше первой.

— Милостивый государь!..

Старикъ нѣсколько струсилъ, увидѣвъ какъ сильно было негодованіе племянника, и не возвращаясь болѣе въ этому предмету, приказалъ ему, голосомъ уже далеко не столь грознымъ, оставить домъ его навсегда.

— Можете быть совершенно увѣрены, что я никогда не вернусь, — отвѣтилъ Мэтью угрюмо, и твердою ногою пошелъ на встрѣчу бѣдности и изгнанія.

У него оставалось два утѣшенія, двѣ свѣтлыя надежды: — Сэбей и Мэдъжъ.

Мэтью, кромѣ сестеръ Тэрло, имѣлъ еще сторонника и друга, вѣрившаго въ его призваніе и въ Мэдъжъ, какъ, впрочемъ, о томъ уже упоминалъ Роджеръ Гельстонъ. Это былъ Стэфенъ Даргамъ, его дядя по матери. Еще въ молодыхъ лѣтахъ, послѣдній получилъ небольшое наслѣдство, приносившее ему нѣсколько

сотъ фунтовъ въ годъ, и, какъ опять-таки замѣчалъ Роджеръ, порядочно разстроенное.

Стѣфенъ Дѣргамъ не могъ назваться великимъ ученымъ; но это былъ человѣкъ, умъ котораго поработалъ почти надъ всѣми отраслями знанія; одно было ему недоступно: умѣнїе наживать деньги. Отъ природы онъ былъ очень общителенъ и веселъ, но его характеръ сдѣлалъ его нѣсколько холоднымъ съ виду и циникомъ.

Онъ всю жизнь почти исключительно интересовался своими книгами, пока, наконецъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, посѣтилъ Лѣтбери и возобновилъ знакомство съ своимъ племянникомъ, котораго не видалъ со времени смерти своей сестры.

Матью былъ его единственнымъ племянникомъ, и, какъ всѣмъ казалось, мистеръ Дѣргамъ предпринялъ это путешествіе съ самою дѣловою цѣлью, а именно онъ хотѣлъ рѣшить—сдѣлать-ли племянника своимъ наслѣдникомъ, или же, не сойдясь съ нимъ почему-либо, завѣщать свои деньги какому-нибудь ученому обществу, имѣвшему цѣлью возобновлять изданія тѣхъ сочиненій, къ которымъ общество относится безразлично или даже враждебно.

Слѣдуетъ отдать справедливость Роджеру Гельстону, упомянувъ, что онъ принялъ мистера Дѣргамъ настолько любезно, насколько это согласовалось съ его характеромъ, не желая помѣшать ожиданіямъ своего племянника. Но его въ душѣ глубоко огорчило обстоятельство, что дядя Стѣфенъ и Матью такъ скоро и близко сошлись. Онъ по своему любилъ племянника, и не желалъ для него ничьей посторонней помощи. Такимъ образомъ, дружба, возникшая между молодымъ человѣкомъ и новымъ дядею, не мало повліяла въ послѣдствіи на суровое обращеніе съ нимъ Роджера. Матью приобрѣлъ одного друга и въ то же время потерялъ другаго, несравненно сильнѣйшаго въ матеріальномъ смыслѣ; за то приобретенный былъ гораздо болѣе по сердцу.

Дядѣ Стѣфену также очень пришлось по сердцу скромное обращеніе и тихій, спокойный голосъ Матью, который, въ благодарность за искреннюю привязанность старика, подарилъ его полнымъ своимъ довѣріемъ. Увлеченіе, съ которымъ онъ описывалъ всѣ достоинства Маджи, обширныя познанія его въ математическихъ наукахъ, все это окончательно покорило старика и онъ вполне проникнулся убѣжденіями и надеждами Матью. Случайно познакомившись въ то же самое время съ обѣими миссъ Тэрло, старикъ такъ былъ ими очарованъ, что высказалъ

племяннику слѣдующее мнѣніе. «Онѣ объ прелестны, и я жалѣю только объ одномъ, а именно, что законы нашей страны не позволяютъ тебѣ жениться на обѣихъ разомъ».

Послѣ окончательной размолвки между стряпчимъ и его племянникомъ, послѣдній написалъ дядѣ Стѣфену, излагая ему свое настоящее положеніе и планы о будущемъ.

— Совѣтую тебѣ не дышать однимъ воздухомъ съ твоимъ дядей Роджеромъ, долѣе, чѣмъ это необходимо, отвѣчалъ ему старикъ. — Подобный воздухъ долженъ отравлять всѣхъ честныхъ людей. Сдержи свое слово относительно Сэбей и затѣмъ привези ее, и Эми, и Маджъ, въ городъ. Для всѣхъ четырехъ найдется достаточно мѣсто въ Кэвендиш-гровѣ, если немного потѣсниться; во всякомъ случаѣ я буду всѣмъ вамъ душевно радъ. Скажи миссъ Эми, что ея воспитательныя стремленія дѣлаютъ ей много чести; но что я опасаюсь какъ бы она не способствовала тому, чтобы сдѣлать молодое поколѣніе еще болѣе неспособнымъ: оно уже и безъ того слишкомъ учено.

Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, дядя Стѣфенъ дѣйствовалъ подъ внушеніемъ минуты. До самой встрѣчи съ Мэтью, онъ никогда не ощущалъ потребности удовлетворить родительскому инстинкту, и надо полагать, что послѣ семидесятигодоваго воздержанія, инстинктъ этотъ заговорилъ въ немъ еще сильнѣе. Онъ хотѣлъ провести послѣдніе годы своей жизни въ кругу любящихъ, симпатичныхъ ему людей. О денежныхъ средствахъ онъ не особенно заботился; не смотря на свои преклонные года, онъ почти не зналъ свѣта, потому же былъ убѣжденъ въ томъ, что способности Мэтью скоро помогутъ ему пріобрѣсть состояніе.

Несомнѣнно, что всѣ были глубоко тронуты такимъ великодушіемъ; однако Сэбей заявила свои сомнѣнія на счетъ того, имѣетъ ли она право обременять Мэтью женою, пока онъ не успѣлъ еще обезпечить себя? Конечно, это было неразумно; но всѣ сомнѣнія ея растаяли какъ снѣгъ при первомъ его поцѣлуѣ. Какъ могла она сказать «нѣтъ», когда и онъ, и единственный его другъ, твердили «да».

Не такъ-то легко было получить согласіе Эми на предложеніе дяди Стѣфена.

— Мистеръ Дѣргамъ не мой дядя, Сэбей, хотя онъ скоро сдѣлается твоимъ. Какъ могу я принять подобное благодѣяніе отъ посторонняго мнѣ человѣка?

— Но ты не можешь же жить одна, когда я выйду замужъ, — увѣщевала Сэбей.

— Дядя Стэфенъ говорилъ мнѣ, что желалъ бы имѣть дочь, подобную тебѣ, — сказалъ Мэтью. — Онъ назвалъ тебя солнечнымъ лучемъ и жаловался на то, что Кэвендиш-гровъ слишкомъ мраченъ для тебя.

— Къ тому же тебѣ будетъ несравненно удобнѣе подготовляться и посѣщать педагогическіе классы въ Лондонѣ, — продолжала Сэбей.

— Но тяжело такъ обязываться, настаивала Эми; — вѣдь это стоитъ большихъ денегъ.

— Но вѣдь это только на время, доказывалъ Мэтью; — черезъ годъ, другой, надѣюсь, что Мэдъжъ поможетъ мнѣ стать на ноги. Полагаю, что во всякомъ случаѣ тебя не будетъ тяготить одолженіе со стороны меня или Сэбей. Мы предложимъ дядѣ Стэфену платить за твое содержаніе и квартиру, хотя онъ навѣрное будетъ негодовать на это.

Наконецъ-таки удалось уговорить Эми; она поѣхала и, благодаря своимъ стараніямъ, не была долго обузой доброму старику. Къ сожалѣнію, того же нельзя было сказать про ея зятя.

Изъ всѣхъ гостей дяди Стэфена, неодушевленная Мэдъжъ оказалась самою невыгодною. Никогда еще пятифуртовая модель не стоила столькихъ денегъ. Деньги, конечно, тратились на нее не въ буквальныймъ смыслѣ, а то можно было бы сдѣлать ее всю изъ золота; но она была косвенною причиною всѣхъ тратъ. Она словно поглощала банковые билеты. Не вдаваясь въ подробности, достаточно сказать, что дядя Стэфенъ сорилъ изъ за нея деньгами во всѣ стороны, когда она была еще въ зародышномъ состояніи; въ такомъ состояніи она и осталась. Всѣ допускали ея превосходныя качества; она была однѣмъ изъ замѣчательнѣйшихъ изобрѣтеній вѣка, основные принципы ея были самыя основательныя, и она работала въ совершенствѣ, когда кто-либо подтапливалъ ее сзади; сама же собою она не могла подвинуться ни на шагъ, что для локомотива довольно печально.

И вотъ на этого страшнаго Молоха, такого красиваго и блестящаго съ виду, смотрѣлъ теперь Мэтью Гельстонъ, послѣ того, какъ дядя Стэфенъ ушелъ спать. Тяжело было для него это зрѣлище; но онъ смотрѣлъ на нее безъ нѣкоторой нѣжности. Мэтью далъ обѣщаніе больше никогда не смотрѣть на Мэдъжъ, не открывать покрыва, окутывавшаго это мертвое существо, въ которомъ и не было никогда жизни. А между тѣмъ нужна была только одна искра, чтобы пробудить въ немъ эту жизнь. О, если-бы ему удалось пробудить въ жизни ту прометееву искру,

тлѣвшую въ его умѣ, тогда вѣра его бы оправдалась. И дядя Стэфенъ, и Эми, и даже его дорогая Сэбей, всё потеряли вѣру въ Меджъ, а между тѣмъ онъ въ самой сокровенной глубинѣ сердца еще сохранилъ частичку этой вѣры, хотя и не большую, чѣмъ горчичное зерно.

Но, какъ замѣтилъ выше дядя Стэфенъ, изысканія, работы и познанія Мэтью не прошли совершенно даромъ. При помощи ихъ и самой горячей рекомендаціи мистера Дѳргама (человѣка хорошо извѣстнаго во всѣхъ ученыхъ и археологическихъ кружкахъ), и пока его маленький капиталъ не совсѣмъ еще истощился, онъ получилъ мѣсто конфиденціального агента къ бриллианщикамъ Старъ и Сайнетъ въ Паулетстритѣ. Занятіе это пришлось ему очень не по вкусу, тяжело и неприятно даже, чѣмъ работа въ конторѣ дяди Роджера, тѣмъ болѣе, что съ настоящимъ его положеніемъ были соединены большія хлопоты; но во всякомъ случаѣ это было лучше нежели бездѣйствіе и даровой хлѣбъ, хотя и приправленный любовью добраго дяди.

Тяжело на душѣ бѣднаго Мэтью. Гнететь его чувство несправедливости къ нему судьбы. Онъ стоитъ долго, неподвижный какъ статуя, изрѣдка испуская глубокой вздохъ, пока на улицѣ не раздастся отдаленнаго звука приближающихся колесъ. Тогда онъ снова закрываетъ модель, вынимаетъ изъ потаеннаго ящика шестиствольный револьверъ, внимательно его осматриваетъ, не какъ охотникъ, любующійся своимъ оружіемъ, а скорѣе какъ работникъ, желающій убѣдиться въ исправности полезнаго инструмента. Убѣдившись, что всѣ стволы заряжены, онъ опускаетъ его въ одинъ изъ внутреннихъ кармановъ и одѣваетъ пальто. Надо отправиться въ путь, а между тѣмъ уже день занимается и воздухъ сырой и холодный.

(Продолженіе будетъ).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ.

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Богу, въ несповѣдимыхъ судьбахъ Его, благоутодно было завершить славное Царствованіе Возлюбленнаго Родителя Нашего мученической кончиной, а на Насъ возложить Священный долгъ Самодержавнаго Правленія.

Повинуясь волѣ Провидѣнія и Закону наслѣдія Государственнаго, Мы приняли бремя сіе въ страшный часъ всенародной скорби и ужаса, предъ Лицемъ Всевышняго Бога, вѣруя, что предопредѣливъ Намъ дѣло Власти въ столь тяжелое и многотрудное время, Онъ не оставитъ Насъ Своею Всесильною помощію. Вѣруемъ также, что горячія молитвы благочестиваго народа, во всемъ свѣтѣ извѣстнаго любовью и преданностью своимъ Государямъ, привлекутъ благословеніе Божіе на Насъ и на предлежащій Намъ трудъ Правленія.

Въ Бозѣ почившій Родитель Нашъ, пріяхъ отъ Бога Самодержав-

Кн. VI.—Іюль, 1881.

ную власть на благо вѣреннаго Ему народа, пребылъ вѣренъ до смерти принятому Имъ обѣту и кровію запечатлѣлъ великое Свое служеніе. Не столько строгими велѣніями власти, сколько благостію ея и кротостію совершилъ Онъ величайшее дѣло Своего Царствованія—освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ, успѣвъ привлечь къ содѣйствію въ томъ и дворянъ владѣльцевъ, всегда послушныхъ гласу добра и чести; утвердилъ въ Царствѣ Судъ, и подданныхъ Своихъ, коихъ всѣхъ безъ различія содѣлалъ навсегда свободными, призвалъ къ распорядженію дѣлами мѣстнаго управленія и общественнаго хозяйства. Да будетъ память Его благословенна во вѣки!

Низкое и злодѣйское убійство Русскаго Государя, посреди вѣрнаго народа готоваго положить за Него жизнь свою, недостойными извергами изъ народа,—есть дѣло страшное, позорное, незлыханное въ Россіи, и омрачило всю землю нашу скорбію и ужасомъ.

Но посреди великой Нашей скорби Гласъ Божій повелѣваетъ Намъ стать бодро на дѣло Правленія, въ упованіи на Божественный Промыслъ, съ вѣрою въ силу и истину Самодержавной власти, которую Мы призваны утверждать и охранять для блага народнаго отъ всякихъ на нее поползновеній.

Да ободратся же пораженныя смущеніемъ и ужасомъ сердца вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, всѣхъ любящихъ отечество и преданныхъ изъ рода въ родъ Наслѣдственной Царской власти. Подъ сѣнію Ея и въ неразрывномъ съ Нею союзѣ земля наша переживала не разъ великія смуты и приходила въ силу и въ славу посреди тяжелыхъ испытаній и бѣдствій, съ вѣрою въ Бога, устроющаго судьбы ея.

Посвящая Себя великому Нашему служенію, Мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Нашихъ служить Намъ и Государству вѣрой и правдой, къ искорененію гнусной крामолы, позорящей землю Русскую, къ утвержденію вѣры и нравственности,—къ доброму воспитанію дѣтей,—къ истребленію неправды и хищенія,—къ водворенію порядка и правды въ дѣйствіи учреждений, дарованныхъ Россіи Благодѣтелемъ ея Возлюбленнымъ Нашимъ Родителемъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 29-й день Апрѣля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ НАЧАЛЬНИКАМЪ ГУБЕРНІЙ.

Отъ 6 мая 1881 года.

Призванный въ настоящее трудное время довѣремъ Его Императорскаго Величества къ управленію министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, я долгомъ считаю поставить васъ въ извѣстность о взглядѣ правительства на современное внутреннее положеніе.

Въ Высочайшемъ манифестѣ 29 минувшаго апрѣля предначертанъ путь, которымъ правительство, при содѣйствіи всей земли, намѣрено слѣдовать къ единой высокой цѣли—величію и благу Россіи.

Шайка злоумышленниковъ, запятнавшая наше отечество рядомъ неслыханныхъ преступленій и завершившая ихъ величайшимъ въ исторіи злодѣяніемъ, посягая на драгоценную жизнь въ Бозѣ почившаго Государя Императора, посягала, вмѣстѣ съ тѣмъ, на основное начало государственнаго нашего строя—на самодержавіе, въ которомъ весь русскій народъ, съ незапамятныхъ временъ, привыкъ видѣть оплотъ своей независимости, залогъ своего благоденствія и мирнаго развитія.

Но если у насъ, среди миліоновъ людей, готовыхъ жизнь свою положить за возлюбленнаго Царя, стали возможны грусныя дѣянія, изумившія весь свѣтъ безумною своею жестокостью, то причину ихъ слѣдуетъ искать не въ одномъ безуміи, не въ одной злой волѣ ближайшихъ, непосредственныхъ виновниковъ сихъ дѣяній; причины эти лежатъ глубже,—онѣ лежатъ въ томъ, чуждомъ религіозныхъ основъ и твердыхъ нравственныхъ началъ, воспитаніи, которое дается дѣтямъ, въ бездѣйствіи властей, въ небрежномъ исполненіи своихъ обязанностей и равнодушіи къ общему благу со стороны многихъ административныхъ и общественныхъ дѣятелей, въ томъ корыстномъ отношеніи къ государственному и общественному достоинству, которое составляетъ столь обычное у насъ явленіе.

Въ этихъ темныхъ сторонахъ современнаго нашего общества слѣдуетъ искать объясненіе того грустнаго и всѣми теперь сознаваемаго явленія, что великія и широко задуманныя преобразованія минувшаго царствованія не принесли всей той пользы, которую Царь-Освободитель имѣлъ право ожидать отъ нихъ.

Манифестъ 29 апрѣля указываетъ намъ, что Верховная Власть измѣрила громадность зла, отъ котораго страдаетъ наше отечество, и рѣшила приступить къ искорененію его. Столь обширная и много-

трудная государственная задача может быть успѣшно разрѣшена лишь дружными усилиями всѣхъ вѣрнопопавшихъ на разныхъ ступеняхъ служенія государственнаго и общественнаго, призванныхъ къ сему дѣлу волею Государнаго Вождя и руководителя земли русской. Только Самодержецъ, сильный преданностью и безпредѣльною любовью многомилоннаго народа, въ тѣсномъ и неразрывномъ съ нимъ союзѣ, при безавѣтномъ служеніи и просвѣщенномъ содѣйствіи всѣхъ лучшихъ сыновъ родной земли, можетъ поднять это тяжелое бремя и успѣшно совершить этотъ громадный трудъ. Своимъ царскимъ словомъ Онъ всѣхъ насъ призываетъ къ такому служенію и содѣйствію, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ пути, по которымъ слѣдуетъ стремиться къ предначертанной цѣли.

Первою задачею предстоящей дѣятельности правительства, при постоянномъ и живомъ содѣйствіи общественныхъ силъ страны, поставлено искорененіе крамолы. Въ дѣлѣ этомъ не слѣдуетъ полагаться исключительно на усилия полиціи; собственнымъ начинаніемъ и энергичнымъ сопротивленіемъ всякому проявленію мятежнаго духа, общество должно оказать противодѣйствіе этому гибельному направленію и тѣмъ лишить злоумышленниковъ всякой опоры.

Въ недавнемъ еще прошломъ, только благодаря безучастному отношенію къ нимъ общества, эти люди могли приготовить совершеніе своихъ злодѣйствъ.

Движеніе противъ евреевъ, проявившееся въ послѣдніе дни на югѣ, представило печальный примѣръ того, какъ люди, преданные престолу и отечеству, поддаваясь внушеніямъ злонамѣренныхъ, разжигающихъ дурныя страсти въ народной массѣ, впадаютъ въ своеволие и самоуправство и дѣйствуютъ, сами того не понимая, согласно замысламъ крамольниковъ. Подобныя нарушенія порядка не только должны быть строго преслѣдуемы, но и заботливо предупреждаемы, ибо первый долгъ правительства охранять безопасность населенія отъ всякаго насилія и диваго самоуправства.

Утвержденіе вѣры и нравственности, рядомъ съ истребленіемъ неправды и хищенія—вторая задача, поставленная высочайшимъ манифестомъ. Послѣднее время, измѣнивъ нѣкоторыя установившіяся понятія и искоренивъ предрасудки, поколебало, къ сожалѣнію, и нравственныя основы и вѣрованія. Неразборчивость въ выборѣ средствъ, снисходительное отношеніе общества къ незаконнымъ способамъ жизни—вотъ обычныя явленія нашего времени. Царское слово указываетъ на неотложную необходимость устраненія этихъ явленій. Нравственная чистота, вѣра въ свое дѣло и преданное служеніе должны быть святымъ долгомъ для всѣхъ и каждаго, въ особенности же ближайшихъ слугъ государевыхъ. Хищеніе должно быть пресѣваемо и

преслѣдуемо вездѣ, гдѣ бы оно ни обнаруживалось, а виновники его должны нести заслуженную кару.

Наконецъ, водвореніе порядка и правды въ дѣйствіяхъ учреждений, дарованныхъ Россіи милостью почивающаго въ Божѣ Государя Императора, будетъ въ особенности предметомъ заботъ и попеченій правительства.

Втеченіи тысячелѣтней жизни Россіи бывали времена смуть и испытаній болѣе грозныя и тяжкія, чѣмъ переживаемое нами нынѣ: настоящія затрудненія исчезнуть вскорѣ, при дружныхъ усиліяхъ правительства и общества. Дворянство, какъ выражено въ высочайшемъ Манифестѣ, всегда послушно голосу правды и чести. Занимая первенствующее положеніе въ средѣ земства, оно всегда пользовалось принадлежащимъ ему вліяніемъ, не въ интересахъ своего сословія, а въ видахъ общаго блага. Въ нынѣшнюю тяжелую годину готовность вѣрнаго русскаго дворянства отозваться на призывъ Верховной Власти и служить службу престолу и отечеству не можетъ подлежать сомнѣнію. Да будетъ оно увѣрено, какъ и все русское земство и городскія сословія, что дарованныя имъ права останутся, согласно Высочайшей волѣ, въ полной неприкосновенности и что цѣль правительства стремиться, при вѣрномъ всѣхъ служеніи и содѣйствіи, къ осуществленію на самомъ дѣлѣ всего того, что было положено въ основу дарованныхъ Монархомъ учреждений. Наконецъ и крестьянство, оставаясь всегда вѣрнымъ престолу, должно не внимать вреднымъ слухамъ и пребывать въ полной увѣренности, что ему не только сохранятся дарованныя свобода и права, но что правительство озабочено возможнымъ облегченіемъ лежащихъ на немъ тягостей и улучшеніемъ его общественнаго устройства и хозяйственнаго быта.

Правительство приметъ при этомъ безотлагательныя мѣры, чтобы установить правильные способы, которые обезпечивали бы наибольшій успѣхъ живому участию мѣстныхъ дѣятелей въ дѣлѣ исполненія высочайшихъ предначертаній.

Подписалъ:

Генераль-адъютантъ графъ Игнатьевъ.

ЦИРКУЛЯРЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ПО- ПЕЧИТЕЛЯМЪ УЧЕБНЫХЪ ОКРУГОВЪ.

(5 мая 1881 года, № 5562).

По высочайшему Государя Императора повелѣнію, вступивъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, я считаю долгомъ своимъ, для успѣшнѣйшаго исполненія возложенныхъ на министерство сіе обязанностей, ознакомить ваше превосходительство, въ самыхъ общихъ пока чертахъ, съ тѣми основными началами, которыя я надѣюсь встрѣтить руководящими дѣятельностью какъ начальниковъ учебныхъ округовъ, такъ и учебныхъ заведеній всѣхъ степеней, для наилучшаго по мѣрѣ силъ, служенія святому дѣлу народнаго образованія.

Не могу не выразить на первыхъ же порахъ той надежды, которую я долженъ возлагать на сотрудничество гг. попечителей учебныхъ округовъ, какъ ближайшихъ и непосредственныхъ мѣстныхъ помощниковъ министра народнаго просвѣщенія. Сознавая всю невозможность единолично и изъ одного центрального пункта руководить подробностями учебной жизни на огромномъ пространствѣ нашего отечества и при разнородныхъ потребностяхъ его населенія, я обязанъ искать въ попечителяхъ учебныхъ округовъ надежнѣйшія опоры, какъ для охраненія и выполненія закономъ установленныхъ правилъ и постановленій, такъ и для того, чтобы министерство народнаго просвѣщенія могло постоянно слѣдить за разномѣстными нуждами и разумными желаніями. Соприкасаясь самыхъ жизненныхъ духовныхъ потребностей всѣхъ сословій и призванное прилагать всѣ свои старанія къ возможному ихъ удовлетворенію, министерство народнаго просвѣщенія менѣе всякаго другаго правительственнаго органа можетъ жить въ канцелярской или формальной замкнутости и не прислушиваться голоса общественнаго, въ лицѣ законныхъ его представителей. Сохраняя твердо въ своихъ рукахъ право руководить общимъ направлениемъ, которое должно быть дано духовному развитію народа, правительство со вниманіемъ относится къ ходатайствамъ, обращаемымъ къ нему законнымъ путемъ о нуждахъ, истекающихъ изъ священнѣйшихъ обязанностей къ возрастающему поколѣнію. Какъ высшіе въ районѣ своего управленія представители правительственной заботливости о народномъ образованіи, попечители учебныхъ округовъ, не уклоняясь при исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей отъ указанныхъ имъ закономъ путей и охраняя, въ предѣлахъ предоставленной имъ власти, установленныя правила и порядокъ въ подвѣдомыхъ имъ учебныхъ заведеніяхъ, должны вмѣстѣ

съ тѣмъ черезъ постоянное общеніе какъ съ мѣстными властями, такъ и съ общественною средою служить связывающимъ звеномъ между мѣстными нуждами и центральнымъ управленіемъ. При такихъ условіяхъ дѣятельность попечителей учебныхъ округовъ будетъ настолько же плодотворна, насколько она вызоветъ уваженіе и сочувствіе всѣхъ разумныхъ и благомыслящихъ людей. Не позволяю себѣ сомнѣваться въ томъ, что ваше превосходительство, раздѣляя такой мой взглядъ на свое призваніе, приложите всякое стараніе къ достойному выполненію высокой задачи, довѣриемъ Высочайшимъ на васъ возложенной.

Обращаясь къ учебнымъ заведеніямъ, въ предѣлахъ вѣреннаго вамъ учебнаго округа находящимся, я считаю долгомъ высказать слѣдующія убѣжденія:

I. Относительно университетовъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Говоря объ университетахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, желательно было бы исключительно сосредоточиться на заботахъ о процвѣтаніи науки и наибольшемъ развитіи любви къ ней въ средѣ академическаго юношества; но, къ крайнему прискорбію, печальныя условія, въ которыхъ, втеченіи послѣднихъ лѣтъ, общественное спокойствіе было поставляемо въ Россіи преступными попытками врагольнаго духа, воснулись и въ некоторой части юношества, посѣщающаго аудиторіи университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній, и нарушая даже въ стѣнахъ ихъ порядокъ и тишину, вынуждали прежде всего заботиться о возвращеніи этихъ учебныхъ заведеній къ единственному ихъ назначенію—служить спокойному занятію наукою. Необходимость эта вызывается какъ оскорбленіемъ, которое подобными беспорядками наносится достоинству высшихъ въ государствѣ образовательныхъ учрежденій, такъ въ особенности и тѣмъ вредомъ, который причиняется юношеству, въ значительномъ, конечно, большинствѣ чуждому преступнымъ увлеченіямъ, мѣшая ему спокойно преслѣдовать свое высшее образованіе. Остается надѣяться, что эти печальныя нарушенія, внушаемыя чаще всего завнѣ, будутъ явленіемъ только временнымъ; но тѣмъ не менѣе нельзя не относиться къ нимъ съ должнымъ вниманіемъ. Высочайше утвержденный 18 іюня 1863 г. общій уставъ императорскихъ россійскихъ университетовъ, предоставивъ университетамъ широкое самоуправленіе, возложилъ на нихъ же, въ одинаковой мѣрѣ, обязанность пецись, какъ о развитіи науки и о возбужденіи въ учащемся юношествѣ любви къ ней, такъ и объ охраненіи порядка въ стѣнахъ университетскихъ. Средствами для сей послѣдней задачи являются: право устанавливать правила объ обязанностяхъ учащихся, о порядкѣ въ университетѣ и о взысканіяхъ за его нарушеніе, избирать лица для наблюденія за этими порядками и совершать судъ надъ нарушителями. Облекая ученую коллегію такими пол-

помощями и оказывая ей такое обширное довѣріе, правительство, конечно, изыскивало наилучшее, по его мнѣнію, средство, дабы облегчить учащемуся юношеству возможность приобретѣнія высшихъ познаній и охранить научныя его занятія отъ посягательства на спокойное ихъ теченіе. Ученое сословіе не можетъ не стать на высоту этого довѣрія, закономъ ему оказываемаго. Не останавливаясь на различныхъ мѣропріятіяхъ, въ послѣдніе годы времени приотнавивавшихъ полное развитіе началъ, положенныхъ въ основаніе устава 1863 года и вызванныхъ исключительными событіями, я почитаю, что твердое установленіе на почвѣ законности отношеній ученой корпораціи къ университету и его слушателямъ должно послужить вѣрнѣйшимъ залогомъ постепеннаго возстановленія порядка и тишины и полного возвращенія университетовъ къ тѣмъ условіямъ правильной научной жизни, которыя одни могутъ обезпечить успѣхъ ихъ дѣятельности. Личный опытъ въ прежнее время моего служенія въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, по управленію кievскимъ учебнымъ округомъ, меня убѣдилъ, что и въ самое трудное время смуть и наружнаго пагубнаго давленія на учащуюся молодежь, единодушное, твердое, благоразумное дѣйствіе соединенной ученой коллегіи могло охранить университетъ отъ рѣзкаго нарушенія въ немъ спокойствія и порядка. Въ этомъ единодушіи для преслѣдованія одной цѣли—охраненія университета отъ посягательства на его достоинство, въ этой спокойной твердости при исполненіи часто труднаго гражданскаго долга, въ поддержаніи и поощреніи всѣхъ здравыхъ элементовъ, безъ сомнѣнія преобладающихъ въ большинствѣ учащагося юношества, въ нравственномъ авторитетѣ, который наука такъ легко можетъ дать своимъ служителямъ надъ ихъ слушателями, въ собственномъ уваженіи къ закону и въ постоянномъ, и словомъ и дѣломъ, внушеніи этого уваженія въ средѣ студентовъ, лежитъ залогъ успѣха и оправданіе того самоуправленія, которое даровано ученой корпораціи. На высшемъ ученномъ сословіи лежитъ великая передъ Россією нравственная отвѣтственность; ничто не было бы прискорбнѣе, какъ необходимость сознаться, что такая отвѣтственность была не по силамъ для тѣхъ, на которыхъ законъ ее возложилъ. Ученымъ корпораціямъ вѣрена будущность Россіи въ лицѣ будущихъ его образованнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей; отъ нихъ зависитъ доказать, что служба наукѣ, онѣ служатъ опорой основамъ гражданственности, закону, порядку и доброй нравственности. Уважая ихъ призваніе, буду уважать права, закономъ имъ предоставленныя, ожидая не въ меньшей мѣрѣ исполненія такихъ обязанностей, которыя съ этими правами неразрывно связаны.

II. По среднимъ учебнымъ заведеніямъ. Среднія учебныя заведенія, безъ различія ихъ учебныхъ курсовъ, предназначены для

общечеловѣческаго образованія, приготовляя либо къ высшему научному, общему и спеціальному образованію, либо къ реальнымъ профессіямъ; цѣль эта прямо указываетъ на то, чего государство вправе отъ нихъ ожидать; не одна только сумма извѣстныхъ знаній требуется отъ будущаго гражданина: ему не менѣе нужна крѣпость нравственной природы и характера. Расположеніе къ серьезному труду, развитіе умственныхъ способностей, уваженіе къ началамъ религіи, доброй нравственности, привычка къ порядку, къ законности, къ честному исполненію долга, вотъ что среднее учебное заведеніе, независимо полезнаго знанія, должно стараться дать своему ученику. Приобрѣтеніе познаній выражается въ учебной программѣ заведенія; развитіе умственныхъ способностей зависитъ отъ способа преподаванія; уваженіе къ началамъ религіи и доброй нравственности ученикъ почерпаетъ изъ уроковъ Закона Божія, но еще гораздо болѣе изъ бесѣдъ съ своими наставниками и изъ примѣра жизни сихъ послѣднихъ; привычку къ порядку, къ законности и къ труду—изъ разумной и въ особенности осмысленной въ своемъ примѣненіи школьной дисциплины. Правительство вправе ожидать отъ начальниковъ, преподавателей и наставниковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, чтобы вся ихъ дѣятельность, не разрозненная, но совокупная и единодушная, была направлена къ возможному достиженію таковаго идеала; большее или меньшее приближеніе къ оному составляетъ мѣрило достоинства учебнаго заведенія и заслугъ его дѣятелей.

Умственные силы находятся въ прямой зависимости отъ правильности физическаго развитія; искалѣченныя или надорванныя, тѣлесныя силы не могутъ нести тягости умственной крѣпости, а потому гигиеническія условія какъ въ общей постановкѣ школьной жизни, такъ и въ распредѣленіи учебныхъ занятій составляютъ коренное условіе здравой педагогики. Школа должна доставить отечеству людей здоровыхъ и духомъ и тѣломъ; въ этомъ отношеніи требованія школы должны соразмѣряться съ силами большинства учащихся. Не сумма познаній, требуемая нашими учебными программами, можетъ показаться чрезмѣрною; одна только неравномѣрность при распредѣленіи школьныхъ задачъ и отсутствіе достаточнаго въ опредѣленное время отдыха могутъ задачу посильную среднему уровню, обратить въ задачу надламывающую даже богато-одаренныя природою натуры. Въ этомъ разумномъ распредѣленіи и уравниваніи занятій заключается одна изъ главнѣйшихъ задачъ, подлежащихъ разрѣшенію опытныхъ педагоговъ.

Школа не должна разлучать ученика отъ семьи: вселяя въ немъ любовь къ себѣ, она должна поддерживать вмѣстѣ съ тѣмъ и любовь къ семейному очагу. Поэтому, чѣмъ больше будетъ общенія между школою и семействомъ, тѣмъ оно лучше; начальники заведеній, пре-

подаватели, наставники, должны сочувственно относиться къ родителямъ и ихъ разумнымъ просьбамъ, не нарушающимъ правилъ училищной дисциплины. При постоянномъ, доброжелательномъ отношеніи къ семьѣ, школа можетъ благотворно дѣйствовать и на сію послѣднюю. Не должно быть послабленія, но требуется лишь сочувственное вниманіе.

Равнымъ образомъ школа не должна жить въ узкой замкнутости отъ общества, она должна имѣть съ нимъ общеніе. Немалое число среднихъ учебныхъ заведеній содержится, въ большей или меньшей мѣрѣ, па суммы общественныя; въ такихъ заведеніяхъ представителямъ общества законъ даетъ право на участіе въ завѣдываніи училищами; это право должно быть уважаемо по буквѣ и по духу закона, его даровавшаго. Жизнь училищъ должна быть открыта общественному взору: чѣмъ она будетъ правильнѣе, чѣмъ болѣе въ ней будетъ царить живой духъ, а не мертвая форма, тѣмъ болѣе школа будетъ уважаема и любима. Не строгость дисциплины учебной и воспитательной возбуждаетъ жалобы въ благомыслящемъ обществѣ—она необходима для исполненія высокой задачи, которую школа несетъ передъ Россією, ибо дисциплина въ жизни создается дисциплиною въ школѣ—но холодный формализмъ, всякое проявленіе пристрастности, всякое уклоненіе отъ духовно-нравственной задачи, разрѣшеніе которой возложено на школу, вызываетъ справедливыя нареканія и заслуженное порицаніе.

III По низшимъ учебнымъ заведеніямъ. Начальное образованіе недавно возникло въ Россіи въ правильной формѣ; попеченіе о немъ лежитъ въ большой мѣрѣ на обязанности земства, городскихъ и сельскихъ обществъ. Участвуя средствами государственной казны въ содержаніи такихъ школъ, а также учительскихъ институтовъ и семинарій, правительство, какъ высшій представитель общественныхъ интересовъ, сохраняетъ за собою право общаго направленія этого образованія и контроля надъ его дѣятельностью. Эти двѣ задачи оно не можетъ передать въ другія руки. Для совокупности дѣйствій правительства и мѣстнаго представительства существуютъ училищныя совѣты; значеніе и права ихъ должны быть уважаемы. Директоры и инспекторы народныхъ школъ, какъ непосредственные агенты министерства народнаго просвѣщенія, должны являться агентами заботливости правительственной, а не стѣсненія самостоятельности общественной; сію послѣднюю они обязаны уважать и поощрять. Уваженныя органы общественныхъ нуждъ по народному образованію и распорядители общественныхъ средствъ, отпускаемыхъ на оное, имѣютъ право встрѣчать въ сношеніяхъ своихъ съ правительственными агентами уваженіе, сочувствіе и взаимодѣйствіе. Всякое время, потраченное на пре-

реканія, и всякое стремленіе къ присвоенію себѣ неподобающаго по закону главенства, будетъ время потерянное для пользы общей. Желательно, чтобы директоры и инспекторы народныхъ училищъ, исполняя въ точности обязанности, на нихъ возложенныя, были проникнуты чувствомъ, что они служатъ дѣлу общественному, а не повелѣваютъ имъ. Поэтому на избраніе личностей для занятія этихъ должностей имѣетъ быть обращено особенное вниманіе. Отъ степени довѣрія къ ихъ опытности, уваженія къ ихъ характеру, убѣжденія въ ихъ преданности общему дѣлу, будетъ зависѣть успѣхъ ихъ дѣятельности и оцѣнка ихъ заслугъ. Контролируя преподаваніе въ народныхъ школахъ и руководя онымъ, директоры и инспекторы обязаны обращать особенное вниманіе на то, что религіозное образованіе народа есть главный и краеугольный камень народной школы.

Сообщая, съ Высочайшаго соизволенія, вашему превосходительству такіе на первый разъ общіе взгляды, я обращаюсь къ вамъ и ко всѣмъ дѣятелямъ народнаго просвѣщенія съ усерднымъ приглашеніемъ соединить всѣ наши усилія къ единодушному служенію священному дѣлу, которому мы себя посвятили. Честно исполняя свой долгъ, проникнутые духомъ любви къ возрастающему поколѣнію, безусловнаго уваженія къ закону, преданности Государю и Россіи, мы успѣемъ, смѣю надѣяться, сослужить посильную службу престолу и отчизнѣ.

Подписаль:

Министръ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарь баронъ
Николаи.

Манифестъ 29 апрѣля и перемѣна министровъ обратили на себя всеобщее вниманіе въ Россіи. Въ манифестѣ ясно изложено намѣреніе Императора охранять самодержавіе отъ всякаго на него попятенія и затѣмъ высказано въ общихъ словахъ, на что именно будетъ обращено главное вниманіе правительства. Эта часть манифеста подробнѣе разъяснена въ циркулярѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ графа Игнатъева, отъ 6 мая. Мы уже высказали въ статьѣ «Самодержавіе и конституціонализмъ» нашъ взглядъ на то, что мы понимаемъ подъ именемъ самодержавія, и потому не будемъ болѣе возвращаться къ этому предмету; что же касается до циркуляра графа Игнатъева, то мы не можемъ сказать о немъ ничего, пока не увидимъ, какими именно мѣрами графъ думаетъ осуществить на практикѣ намѣченныя имъ цѣли.

Предмѣстникъ графа Игнатъева графъ Лорисъ-Меликовъ оставилъ по себѣ хорошую память своею дѣятельностью, существенное значеніе

которой мы видимъ въ смягченіи имѣ административнаго произвола, въ желаніи водворить законность, и въ стараніи провести такую систему управленія, которая въ данную минуту наилучшимъ образомъ могла бы помочь водворенію порядка и правильнаго хода дѣлъ. Почему графъ не достигъ своей цѣли и долженъ былъ удалиться, въ настоящее время, мы, не зная всѣхъ причинъ и вліяній, судить не можемъ; это дѣло поотомства, которое, имѣя въ рукахъ необходимыя данныя и судя безпристрастно о прошедшемъ, можетъ произнести безпристрастную оцѣнку дѣятельности графа Лорисъ-Меликова. Но, отдавая должную справедливость несомнѣннымъ заслугамъ графа, мы должны сказать, что, по нашему мнѣнію, послѣ событія 1 марта и вступленія на престолъ Императора Александра III, вопросъ объ отставкѣ графа Лорисъ-Меликова сталъ не болѣе, какъ вопросомъ времени, но въ принципѣ былъ уже рѣшенъ. Графъ, обративъ свое главное вниманіе на возможное водвореніе законности въ распоряженіяхъ администраціи, въ сожалѣнію не усилилъ энергіи по наблюденію за дѣятельностью шайки террористовъ, которые, какъ оказывается теперь, продолжали свои усилія въ достиженію задуманной ими цѣли царевубійства и, наконецъ, достигли ее. Имѣя въ своихъ рукахъ нити этого заговора, даже напавъ на явные слѣды подготовлявшагося покушенія, графъ Лорисъ-Меликовъ, какъ извѣстно, даже просилъ покойнаго Императора не ѣздить 1-го марта на разводъ. Но, получивъ отказъ, принялъ ли онъ всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи мѣры, чтобы обезопасить проѣздъ Государя и охранить Его Особу? Справедливость требуетъ отвѣтить—нѣтъ. Какъ мы знаемъ, полиція не была усилена на пути Государя и никакихъ энергическихъ, чрезвычайныхъ мѣръ въ охраненію Его Особы принято на этотъ разъ не было. Такимъ образомъ, обсуждая это ужасное событіе, невольно создается убѣжденіе, что одною изъ причинъ удачи царевубійства являлось бездѣйствіе власти со стороны тѣхъ, на обязанности которыхъ лежало охранять безопасность Государя, и извѣстная доля этой отвѣтственности ложится и на министра внутреннихъ дѣлъ, знавшаго о какой-то, близко предстоящей опасности, но не сдѣлавшаго, съ своей стороны, всего, что онъ могъ и долженъ былъ сдѣлать. Это—фактъ, и безпристрастіе заставляетъ насъ занести его въ свою лѣтопись, не какъ укоръ почтенному графу въ минуту его удаленія отъ дѣлъ, но какъ правдивое слово лѣтописца, обсуждающаго событія съ безпристрастной точки зрѣнія. Заслуги графа Лорисъ-Меликова и боевыя, и административныя, извѣстны всей Россіи; но если въ его обширной дѣятельности встрѣтился недосмотръ, необращеніе должнаго вниманія на обстоятельство, имѣвшее столь ужасное послѣдствіе,—то нашъ долгъ указать и на это обстоятельство, ибо не въ гимнахъ, и не въ инсинуаціяхъ и искаже-

ніи истины съ предвзятыми цѣлями состоитъ опѣнка государственнаго дѣятеля, а въ безпристрастномъ и правдивомъ обсужденіи всѣхъ сторонъ его дѣятельности, и свѣтлыхъ, и слабыхъ.

Отставка министра финансовъ А. А. Абазы составляетъ чувствительную потерю для Россіи. Опытный и умный, уже давно подвизавшійся на поприщѣ государственной дѣятельности, А. А. Абаза, по вступленіи на должность министра финансовъ, явно выказалъ себя сторонникомъ не шальнаго фритредерства, а покровительственной системы, этого основнаго начала, слѣдуя которому только и можно поправить финансовое положеніе Россіи. Возвышеніе пошлины на 10% и учрежденіе пошлины на джутовые мѣшки показали, что А. А. Абаза сталъ приводить въ исполненіе свои взгляды, и потому если справедливо, что здоровье почтеннаго министра было не настолько разстроено, чтобы заставить его покинуть свой постъ, то, въ виду принятыхъ мѣръ къ поправленію этого нездоровья, становится грустно, что подобныя государственныя личности покидаютъ служеніе своему отечеству, ради мелкихъ вопросовъ личнаго самолюбія, и прерываютъ свой отказъ громкими фразами, весьма красивыми, но въ то-же время не настолько существенными по содержанію, чтобы рѣшать безповоротно свой отказъ. Замѣну А. А. Абазы г. Бунге мы считаемъ временною, такъ какъ убѣждены, что министръ финансовъ въ настоящее время долженъ быть человѣкъ опыта и пракческаго знанія, а не теоретикъ и профессоръ, изъ ученыхъ трудовъ котораго, можно усмотрѣть, что ясною, твердо намѣченной системы у него нѣтъ, а есть колебаніе и постоянное желаніе идти на компромисъ.

Циркуляръ министра народнаго просвѣщенія барона Николаи утѣшаетъ насъ пока лишь тѣмъ, что доказываетъ несправедливость слуховъ объ оставленіи и имъ своего поста; по содержанію своему и по выраженнымъ въ немъ взглядамъ онъ весьма отраденъ и зрѣлъ, но печальный опытъ невольнo заставляетъ насъ не успокоиваться на фразахъ, хотя бы и мудрыхъ, а, по выраженію нашего сатирика, «ожидать поступковъ».

Вотъ въ вѣдомствѣ православнаго исповѣданія направленіе дѣятельности уже обнаружилось фактически. Отмѣна выборнаго начала ясно показала, что воспослѣдуетъ далѣе. Тамъ опять указуются для исправленія духовенства и поднятія его уровня такія мѣры, которыя уже принимались неоднократно, но все исполненіе которыхъ заключалось до сихъ поръ въ прочтеніи бумаги, затѣмъ резолюціи «къ дѣлу» и сдачѣ въ консисторскіе архивы, откуда онѣ, по истеченіи указаннаго срока храненія, продаются въ лавки поудно, если только до того времени не расхищаются сторожами или не поѣдаются крысами, лакомыми до клейстера, которыми смазываются обложки всякихъ дѣлъ.

Назначеніе министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Островскаго тоже заставляетъ «ожидать поступковъ», которыхъ мы и подождемъ.

Самъ министръ, въ рѣчи своей при представленіи ему его подчиненныхъ, высказалъ, къ сожалѣнію, столь часто повторяемое у насъ министрами, при вступленіи ихъ въ должность, свое отервенное мнѣніе, что «на этотъ, впрочемъ, разъ знакомство наше должно ограничиться чисто формальною, офиціальною стороною, и потому вы конечно не ожидаете отъ меня какихъ либо практическихъ указаній на счетъ предстоящей намъ совмѣстной дѣятельности, тѣмъ болѣе, что для подобныхъ указаній и матеріала быть не можетъ, по малому знакомству моему съ дѣлами министерства. Богъ дастъ, вмѣстѣ поработаемъ, короче познакомимся, — вы со мной, а съ вами и дѣлами министерства, тогда и будетъ время поговорить о програмѣ нашихъ дѣйствій». Хотя оно и теперь уже крайне настоятельное время составить программу дѣйствій, ну да что-жъ дѣлать, если министръ не знакомъ съ дѣлами министерства. Пусть познакомится, а государство подождетъ; вѣдь хуже было бы, если-бы онъ, не познакомившись, да составилъ бы программу; бывало и это.

Дай Богъ, чтобы наконецъ эта, конечно вызванная необходимостью, переимѣна министровъ окончилась и чтобы они могли приступить къ дѣлу, а то въ настоящее время «междуминистеріи» даже неотложныя, настоятельныя потребности не удовлетворяются, въ ожиданіи ознакомленія, а потомъ новыхъ указаній, вѣяній и системъ.

Обращаясь къ провинціи, мы, къ сожалѣнію, видимъ, что скорбная лѣтопись печальныхъ событій послѣдняго времени увеличилась новымъ непригляднымъ фактомъ—активнымъ проявленіемъ ненависти нашего простаго народа къ евреямъ, обнаружившимся на святой и фоминой недѣляхъ во многихъ мѣстахъ южной и юго-западной Россіи и выразившимся къ счастью не въ избіеніи евреевъ, а въ истребленіи ихъ имущества. Вспышки этой, къ сожалѣнію далеко безпричинной ненависти, какъ извѣстно, не новость въ той части Россіи, гдѣ онѣ проявились и въ настоящее время. Кто не помнитъ разгрома простонародьемъ евреевъ, имѣвшаго мѣсто нѣсколько лѣтъ тому назадъ и также въ недѣлю пасхи въ Одессѣ, не смотря на то, что въ этомъ городѣ имѣютъ мѣстопребываніе всѣ высшія власти края, гдѣ полиція, по составу своему, далеко превосходитъ полицію всѣхъ остальныхъ провинціальныхъ городовъ Россіи и гдѣ, наконецъ, въ распоряженіи властей всегда находится достаточная военная сила. Въ этотъ разъ это прискорбное явленіе обнаружило какой-то, словно, эпидемическій характеръ. Начавшись въ довольно значительныхъ размѣрахъ въ Ели-

саветградъ, оно быстро распространилось по краю, проявляясь съ большою или меньшею силою во многихъ селахъ и нѣкоторыхъ городахъ, какъ на примѣръ въ Кишиневѣ, Ананьевѣ, и въ Кіевѣ достигло уже крайняго напряженія, того звѣрства, до котораго можетъ дойти пьяная обезумѣвшая чернь въ дѣлѣ истребленія. Настоящій случай имѣетъ ту характеристическую особенность, что онъ не былъ совершенною неожиданностью въ полномъ смыслѣ слова. Неизвѣстно изъ какихъ источниковъ, но еще въ концѣ великаго поста распространились слухи о предполагаемомъ, яко-бы на святой недѣлѣ, избіеніи евреевъ во всемъ южномъ и юго-западномъ краѣ и главнымъ образомъ въ Одессѣ. Вслѣдствіе этого, по распоряженію мѣстнаго генераль-губернатора во всемъ краѣ приняты были мѣры для предупрежденія безпорядковъ и огражденія евреевъ. Этимъ распоряженіямъ и слѣдуетъ приписать конечно то, что въ этомъ генераль-губернаторствѣ безпорядки не достигли тѣхъ размѣровъ, какія они приобрѣли въ Кіевѣ, а также и той повсемѣстности, какъ это предсказывали слухи; да и въ самомъ Елисаветградѣ они успѣли принять такой широкій характеръ отчасти лишь потому, что власти, усвоенныя тишиной, которая господствовала въ городѣ втеченіи трехъ первыхъ дней праздника, когда именно и ожидали безпорядковъ, признали возможнымъ отпустить призванные къ празднику въ городъ излишніе эскадроны гусарь, отправивъ ихъ въ лагерь за нѣсколько верстъ отъ города. А что возникшіе передъ праздникомъ тревожные слухи объ избіеніи евреевъ не были лишены основанія, доказывается тѣмъ, что въ самой Одессѣ, не смотря на всѣ принятія начальствомъ мѣры, было нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ буйства черни по отношенію къ евреямъ («Голосъ», № 108 и 112). Мы не станемъ входить въ печальныя, подчасъ возмущающія душу подробности этого прискорбнаго явленія въ жизни нашего народа,—подробности, съ которыми читатели наши вѣроятно уже познакомились своевременно изъ ежедневныхъ газетъ. Для насъ важно выяснить какъ общія причины, обусловливающія возможность подобныхъ событій, такъ и тѣ, которыя непосредственно вызвали ихъ въ настоящее время и дали имъ извѣстный характеръ и значеніе. Необходимо выяснить, по отношенію къ причинамъ, явились ли этими причинами релігіозный фанатизмъ, или лишь корыстное побужденіе поживиться на счетъ евреевъ, или наконецъ, просто взрывъ той ненависти, которую повсемѣстно и не въ одной даже Россіи возбуждаютъ въ народѣ еврей свою безпощадную экономическую эксплуатацію; а по отношенію къ характеру, какъ внѣшняго проявленія, такъ и внутренняго смысла,—былъ ли этотъ взрывъ внезапный, непредумышленный, никѣмъ и ничѣмъ, кромѣ этой ненависти, невызванный и неподготовленный и выразившійся въ формѣ исключительно разоренія однихъ

лишь евреевъ, или ненависть народа къ евреямъ была лишь видимымъ предлогомъ, за которымъ скрывается другая мысль, воспользовавшаяся этимъ предлогомъ для своихъ, совершенно иныхъ цѣлей; другая рука, натаккивавшая и натолкнувшая толпу на это дѣло разрушенія и ставшая болѣе или менѣе успѣшно обратить этотъ взрывъ въ бунтъ, въ смыслѣ неповиновенія и сопротивленія властямъ, направить его не противъ однихъ только евреевъ и придать всему дѣлу характеръ социалистическаго движенія въ духѣ нашихъ анархистовъ. Вотъ тѣ вопросы, которые сами собою встаютъ въ умѣ каждаго.

Прологомъ къ событію, получившему печальную извѣстность подъ названіемъ погрома евреевъ, послужила, какъ извѣстно, елисаветградская катастрофа 15 и 16 апрѣля. Здѣсь начался этотъ погромъ и какъ-бы поданъ былъ сигналъ, по которому подобныя же безпорядки почти одновременно вспыхнули въ разныхъ мѣстахъ южной и юго-западной Россіи. Елисаветградъ одинъ изъ самыхъ большихъ уѣздныхъ городовъ нашихъ. Въ немъ около 45,000 жителей, въ числѣ которыхъ евреи составляютъ болѣе трети. Такому скопленію евреевъ способствовало, конечно, положеніе города посреди богатаго земледѣльческаго края, почти въ узлѣ желѣзныхъ дорогъ, идущихъ изъ Харькова въ Одессу и изъ Кіева въ Николаевъ. Главное занятіе здѣшнихъ евреевъ, между которыми не мало было зажиточныхъ и даже богатыхъ, состояло въ скупкѣ, по всему окрестному краю, у мѣстныхъ крестьянъ и помѣщиковъ продуктовъ сельскаго хозяйства и главнымъ образомъ хлѣба, который они отправляли къ портамъ въ Николаевъ и въ Одессу; затѣмъ въ производствѣ и продажѣ водки, которая почти вся, прямо или косвенно, находилась въ ихъ рукахъ, и наконецъ, какъ и вездѣ, въ ростовщичествѣ. Скупъ продуктовъ производился обычнымъ жидовскимъ способомъ, при помощи долговой кабалы, спайванья и всяческихъ гешефтовъ, что конечно, легко обогащая евреевъ, тяжело ложилось на экономическую жизнь народа и не могло, конечно, не возбуждать въ немъ непріязни къ своимъ разорителямъ. Но въ этой непріязни не было ни малѣйшей подмѣсы религіозной нетерпимости, вообще несвойственной нашему народу, а въ особенности въ Новороссіи, гдѣ народъ свѣлся съ разными иновѣрцами. И дѣйствительно, всѣ свѣдѣнія о елисаветградскомъ погромѣ, доставленныя петербургскимъ и московскимъ газетамъ съ мѣста, и въ особенности весьма подробныя и отчетливыя сообщенія корреспондента «Голоса», специально для полнаго ознакомленія съ дѣломъ прибывшаго въ Елисаветградъ тотчасъ послѣ событія и производившаго свое разслѣдованіе, такъ сказать, по горячимъ слѣдамъ, которые онъ засталъ въ полной еще свѣжести и непривосновенности, — всѣ эти свѣдѣнія, говоримъ мы, единогласно утверждаютъ, что подкладкой злосчастному происшествію

не былъ отнюдь ни релігіозный фанатизмъ, ни корыстное побужденіе поживиться на счетъ евреевъ. Подтвержденіемъ перваго, согласно всѣмъ извѣстіямъ, служить то, что никто изъ лицъ другихъ иновѣрныхъ націй, не исключая караимовъ и даже евреевъ, занятія которыхъ не имѣли ничего общаго съ промышленною эксплуатаціею народа, какъ напримѣръ, медики или присяжные повѣренные, не подверглись ни малѣйшему насилію. Второе доказывается тѣмъ, что буйствовавшая толпа, производившая непосредственно погромъ евреевъ, выбрасывая и разрушая ихъ имущество, ничего не брала себѣ, не хотѣла даже пользоваться деньгами, которыми нѣкоторые евреи думали откупиться отъ разоренія своего имущества. Принявъ деньги, разрушители разбрасывали монету и рвали кредитные билеты въ клочки. «По разсказамъ самихъ евреевъ, одинъ изъ нихъ далъ толпѣ 2,000 р., другой 1,000 р., многіе давали по 200 и по 150 р.» (Елисаветградскій погромъ, «Голосъ», № 111 сего года). Сами непосредственные разрушители не пользовались даже жидовскою водкою, которую выпускали, разбивая бочки. По словамъ того же корреспондента (тамъ же, № 114) они не только не были пьяны, но и тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые соблазнились возможностью даровой выпивки, кричали «не трошь! потеряешь разумъ!» Имуществомъ евреевъ пользовалась слѣдовавшая за разрушителями толпа женщинъ, дѣтей и кой-какихъ темныхъ личностей, которыя, подобно мародерамъ, слѣдовавшимъ въ прежнія времена за арміями, подбирали и уносили вещи и товары, выброшенные буянами на улицу. Но и тѣ, какъ видно изъ послѣднихъ извѣстій, послѣ прекращенія беспорядка и объявленнаго властями распоряженія о немедленномъ представленіи въ городскую думу захваченнаго во время погрома еврейскаго имущества, подѣ страхомъ строгой отвѣтственности за неисполненіе этого распоряженія — спѣшили возвратить то, что успѣли растащить по домамъ.

Судя по тѣмъ же свѣдѣніямъ, еще съ меньшимъ основаніемъ елисаветградскій погромъ евреевъ можно назвать бунтомъ противъ властей или движеніемъ, имѣвшимъ социалистическій характеръ, устроеннымъ нигилистами. Если-бы послѣднее предположеніе имѣло какое нибудь основаніе, то движеніе народной толпы, состоящей изъ мѣщанъ, мастеровыхъ и прибывшихъ изъ окрестныхъ деревень крестьянъ, обрушилось бы, съ одинаковою силою, на всѣхъ принадлежащихъ къ классу имущихъ, безъ различія вѣры и національности. Между тѣмъ, ни одинъ домъ, ни одинъ магазинъ изъ принадлежащихъ не евреямъ, не были тронуты; не тронуты были даже еврейскія квартиры и лавки, находившіяся въ домахъ христіанъ. Если толпа по ошибкѣ входила въ домъ русскаго или нѣмца, то узнавъ ошибку свою, тотчасъ удалялась съ извиненіемъ («Голосъ», № 114). Весьма характеренъ въ этомъ отно-

шеніи приводимый корреспондентомъ «Голоса» (№ 114) случай, на мельницѣ еврея Когана, которая спасена была отъ разрушенія, благодаря тому, что управлялась христіаниномъ, хотя и католикомъ. При вторженіи на мельницу партіи разрушителей, встрѣтившій ихъ механикъ Яскульскій спрашиваетъ ихъ не трогать, такъ какъ онъ здѣсь служить, хлѣбъ ѣсть.

— Да ты кто?

— Полякъ Яскульскій.

— Перекрестись.

Крестится.

— Похристосуйся.

Христосуется со всѣми, и толпа уходитъ, ничего не трогая.

Точно также ни малѣйшей враждебности не было обнаружено бушевавшей толпою ни къ помѣщикамъ, ни къ чиновникамъ и вообще къ образованнымъ слоямъ общества; нигдѣ также не было оказано явнаго неповиновенія властямъ, а тѣмъ менѣе сопротивленія. При появленіи солдатъ въ данномъ мѣстѣ, толпа разбѣгалась и начинала дѣло разрушенія въ другомъ мѣстѣ.

Въ Елисаветградѣ, по словамъ того же корреспондента («Голосъ», № 114), мужики (крестьяне или мѣщане, трудно узнать) прямо говорили солдатамъ, становясь противъ нихъ: «какъ! вы за жидовъ, которые убили Царя, сосутъ нашу кровь, нате (пріэтомъ разрывается рубаха и обнажается грудь), стрѣляйте!»...

Изъ всего сказаннаго можно повидимому заключить, что по крайней мѣрѣ въ Елисаветградѣ ни о бунтѣ противъ властей, ни о какомъ либо социалистическомъ движеніи не можетъ быть и рѣчи, и затѣмъ безусловно признать справедливость мнѣнія очевидца-корреспондента «Голоса», который въ этихъ событіяхъ видитъ исключительно проявленіе накопившейся въ народѣ ненависти къ жидамъ, не изъ какихъ либо религіозныхъ поводовъ, но единственно вслѣдствіе безпощаднаго эксплуататорскаго гнета ихъ надъ мѣстнымъ населеніемъ, отрицать существованіе котораго невозможно и который народъ, въ обращеніи къ усмирявшимъ его солдатамъ, говоря о евреяхъ, справедливо охарактеризовалъ словами, что они, т. е. евреи, «сосутъ нашу кровь». Что именно эта безпощадная жидовская эксплуатация, а ни что либо другое повсюду является дѣйствительною и единственною причиною подобныхъ елисаветградскому проявленій народной ненависти къ жидамъ, можетъ служить доказательствомъ то обстоятельство, что народъ щадилъ тѣхъ изъ нихъ, которыхъ почему либо считалъ непрічастными этой эксплуатации; такъ напримѣръ, въ томъ же Елисаветградѣ, приходитъ толпа во дворъ дома Рейсера, еврея. Выходитъ дворникъ, старикъ: «Ребята, говорить, не трогайте его (хозяина дома), онъ хорошій человекъ, дасть

вамъ часто зарабатывать; я у него десять лѣтъ служу». Ну, хорошо, отвѣчаетъ толпа и проходитъ далѣе («Голосъ», № 114, сего года).

Точно также, судя по газетнымъ извѣстіямъ о елисаветградскомъ погромѣ жидовъ, въ немъ незамѣтно повидимому ни предумышленности, ни подготовленности. Первоначальнымъ поводомъ къ нему, по этимъ извѣстіямъ, послужило то, что еврей, содержатель питейнаго заведенія, сталъ бить мужика, разбишаго стаканъ, изъ котораго пилъ водку. Евреи, гдѣ ихъ много, гдѣ они считаютъ себя въ силѣ, какъ извѣстно, весьма нахальны и дерзки. Какъ ни непривыченъ народъ нашъ гонаться за тычкомъ, но онъ считаетъ оскорбительнымъ для себя, переносить побои отъ «пархатаго жид», какъ обзываютъ обыкновенно въ томъ краѣ евреевъ. На крикъ мужика, за земляка вступились другіе мужики, къ еврею подоспѣли на помощь другіе евреи. День былъ праздничный, народъ подгулявшій. Завязалась обыкновенная драка; на крикъ «нашихъ бьютъ» набѣжала толпа; сила оказалась на ея сторонѣ, руки расходились, а тутъ еще нѣсколько выстрѣловъ, сдѣланныхъ не кстаті евреями, подлили въ огонь масла; возбужденная уже толпа разсвирѣпѣла, и пошла писать. И вотъ изъ такихъ пустяковъ, изъ-за разбитаго въ кабакѣ стакана, совершается повальное истребленіе еврейскаго имущества на миліоны рублей. Все это дико, нелѣпо, но совершенно возможно; и Москва, говорятъ, сгорѣла отъ копѣчной свѣчи. Судя по этому, на основаніи газетныхъ извѣстій изъ Елисаветграда, можно было бы подумать, что, не случись этой глупой драки изъ-за разбитаго стакана между жидомъ - кабатчикомъ и пьянчужой мужикомъ, не было бы и елисаветградскаго погрома, не было бы и отголосковъ его въ другихъ мѣстахъ. Но позднѣйшія извѣстія изъ мѣстъ, гдѣ повторился въ большей или меньшей степени этотъ погромъ евреевъ, въ особенности извѣстія изъ Кіева, вполне устраняютъ такой оптимистическій взглядъ на это дѣло и даютъ ему совершенно иной характеръ и значеніе.

Въ объявленномъ 3 мая обращеніи кіевскаго генераль-губернатора генерала Дрентельна къ народу, — обращеніи, составляющемъ официальный документъ, прямо говорится, что беспорядки 26 апрѣля въ Кіевѣ и въ другихъ мѣстахъ произошли «по внушенію злыхъ людей», и затѣмъ генераль-губернаторъ, «какъ начальникъ и человѣкъ», совѣтуетъ народу «не слушать злыхъ людей, смущающихъ народъ и подстрекающихъ его на грабежъ и убійство». Нельзя допустить, чтобы указаніе на такой серьезный фактъ, какъ существованіе лихихъ людей, подстрекателей, въ такомъ важномъ документѣ, какъ обращеніе начальника края къ народу и въ такое время было употреблено только для красоты слога. Несомнѣнно, что генераль-губернаторъ имѣетъ точныя о томъ свѣдѣнія. Но кто же

это лихія люди? Какая цѣль ихъ? Отвѣтомъ на это является извѣстіе въ той же газетѣ (№ 121), гдѣ сообщаютъ изъ Кіева, что «въ ночь съ 27 на 28 апрѣля, на Жилинской улицѣ, въ домѣ № 61, открыта тайная типографія; при обыскѣ найдены напечатанныя на русскомъ и малоросійскомъ языкахъ возмутительнаго содержанія прокламаціи, по поводу произведенныхъ наканунѣ беспорядковъ въ Кіевѣ. При этомъ арестованы четыре злоумышленника». Изъ Полтавы сообщаютъ, что «24 апрѣля, здѣсь были разбросаны по всему городу возмутительныя прокламаціи, приглашающія чернь къ избіенію евреевъ и зажиточнаго класса. Такого же содержанія прокламаціи были разбросаны по почтовому тракту, на пути отъ Полтавы до Гадяча. Виновные въ этомъ преступленіи, сынъ священника и одинъ мѣщанинъ, арестованы. Затѣмъ изъ мѣстечка Ждановки, Васильковскаго уѣзда, — что «26 апрѣля совершилось нападеніе на евреевъ, причемъ всѣ еврейскіе лавки и кабаки совершенно разрушены. Во время побоища въ толпѣ замѣтили какаго-то ниеому неизвѣстнаго урядника, раздававшаго народу печатные листки. Мнимый урядникъ былъ арестованъ и, по освидѣтельствованіи, оказалось, что это была переодѣтая женщина, раздававшая народу возмутительныя прокламаціи, приглашающія къ избіенію евреевъ. Изъ Варшавы сообщаютъ («Голось», № 123), что возвѣщенное подпольными листками на вчерашній день избіеніе евреевъ не состоялось, благодаря энергическимъ мѣрамъ, заранѣе принятымъ мѣстною властью. Изъ Смѣлы, Кіевской губерніи («Голось», № 124), — что произведеннымъ дознаніемъ обнаружено, что беспорядки произведены преимущественно бродячимъ, пришлымъ элементомъ. Мѣстное населеніе участвовало въ беспорядкахъ, вслѣдствіе обмана злонамѣренными людьми, распространившими ложные слухи и фальшивые «указы», въ которыхъ населеніе призывается «бить евреевъ». Наконецъ, въ числѣ оборванцевъ, производившихъ грабежъ въ Кіевѣ, видѣли мужчинъ и женщинъ, прилично одѣтыхъ, а въ числѣ 18 человекъ раненыхъ войсками, изъ толпы, бросавшей камнями въ войска, на дворѣ Бродскаго, находились гимназистъ и одинъ студентъ (телеграма «Голоса», № 118). Но самымъ важнымъ въ этомъ смыслѣ является слѣдующее извѣстіе: «Еврейская депутація, съ барономъ Г. О. Гинцбургомъ во главѣ, удостоилась аудіенціи у Государя Императора по поводу преслѣдованія евреевъ на югѣ Россіи, причемъ Его Величество изволилъ высказать барону, что беспорядки, какъ теперь обнаружено правительствомъ, имѣютъ своимъ источникомъ не возбужденіе исключительно противъ евреевъ, а стремленія къ произведенію смутъ вообще, и что для ихъ подавленія приняты всѣ надлежащія мѣры. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что разгромъ евреевъ въ разныхъ мѣстахъ южной

и юго-западной Россіи не былъ случайностью, а является предумышленнымъ дѣломъ рукъ все тѣхъ же нашихъ врамольниковъ, которые поставили себѣ задачею возбуждать у насъ смуту, все равно, по какому бы то ни было поводу, рассчитывая, что разъ разнуздавшуюся народную массу потомъ можно уже будетъ направить на чтó угодно, какъ это отчасти и случилось уже въ Кіевѣ, гдѣ, во время беспорядковъ, толпа буяновъ бросилась на мужскую и женскую гимназію на Подолѣ. Маневръ, употребленный въ настоящемъ случаѣ враждою для возбужденія народа, не новый; это тѣже темные слухи, которые распускались въ народѣ о передѣлѣ земли, о какой-то золотой царской грамотѣ, скрываеваемой будто властями и помѣщиками. Послѣ горькихъ уроковъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришлось испытать народу за вѣру въ эти слухи, онъ сталъ по этому предмету менѣе легковѣренъ и доступенъ злосамѣренному обману. Поэтому, конечно, не ново уже ноймать народную простоту на ту же удочку и поднять его непосредственно противъ властей и имущаго класса разнообразно. Врамольники воспользовались теперь ненавистью южнорусскаго народа къ евреямъ и вовлекли бѣдный темный людъ въ преступленіе, не заботясь о томъ, какъ горько этимъ несчастнымъ придется снова поплатиться за свое легковѣріе, обманутое ловко пущенными заблаговременно слухами, «что бить жидовъ дозволено» и «что, какъ сообщаютъ «Голосу» изъ Херсонской губерніи (№ 121), на это есть уже «разрѣшеніе» и что гдѣ-то получена «бумага», дозволяющая крестьянамъ посчитаться съ жидами, но это официальное разрѣшеніе не объявляется народу только лишь потому, что мѣстные власти подкуплены и закуплены евреями. Эти дикіе, нелѣпые слухи развивались, комментировались на тысячу ладовъ, разлетались повсюду съ быстротою молніи». Наличностью злоумышленниковъ на мѣстѣ объясняется, между прочимъ, и то, что беспорядки въ Кіевѣ и въ Кіевскомъ уѣздѣ приняли совершенно другой характеръ, чѣмъ тотъ, какой они имѣли въ Елисаветградѣ и его окрестностяхъ. Въ Кіевѣ главными дѣятелями явились не крестьяне, а какіе-то отвратительные оборванцы изъ обитателей городскихъ трущобъ и пришлые люди о которыхъ очевидно говорятъ («Голосъ», № 119, Кіевскій потромъ и № 124, телеграмма изъ Смѣлы), что «грустный видъ представляла эта жалкая «армада!» Одинъ еле-еле прикрывалъ свою наготу; другой все-какъ нещадилъ на себя женскій бурнусъ съ оторванными карманами; третій — въ суконномъ сюртукѣ, еще неоконченномъ, съ бѣлыми поперекъ пятнами; четвертый прицѣпилъ на голову шиньонъ. Всѣ въ синякахъ, всѣ полубосые. На Большой Владимірской улицѣ я увидѣлъ такую сцену: на балконѣ втораго этажа дома Бродскаго, находящагося противъ софійской полицейской части, стоялъ коноводъ шайки;

глаза его сверкали дикою злобой и отвагой; мускулы на лицѣ нервно-чески дрожали. Онъ распоряжался разграбленіемъ квартиры Бродскаго: по его командѣ разбивались окна, ломались дѣри, выбрасывалась на улицу мебель, посуда и проч. Въ два часа дня схвачено 70 человекъ самыхъ отчаянныхъ оборванцевъ. Они заключены въ казематахъ львобедскаго полицейскаго участка. Между ними три женщины и, говорятъ, два сѣдые старика; девять человекъ раненныхъ. У всѣхъ арестованныхъ отобрано огромное количество драгоценностей: золотыхъ, серебряныхъ и разныхъ другихъ цѣнныхъ вещей. Тутъ видимо шло не одно безкорыстное разрушеніе для самаго разрушенія; тутъ, какъ показываютъ послѣднія слова цитованнаго нами корреспондента, сами дѣятели разрушенія занимались въ то же время и грабежемъ. «У зачинщиковъ грабежа, говоритъ онъ,—былъ заранѣе составленъ списокъ еврейскихъ квартиръ и лавокъ» и это понятно: дѣломъ руководили умѣлыя руки. «Полиція и войска не успѣвали слѣдить за грабившими, число которыхъ было едва-ли не больше, чѣмъ число разорванныхъ. Грабили не только сѣрые чуйки, но и прилично одѣтыя дамы, увозившія въ своихъ фаэтонахъ цѣлые тюки разнаго рода вещей». Понятно также, почему въ Кіевѣ и его окрестностяхъ къ грабежу и разоренію евреевъ присоединились поджоги и сопротивленіе властямъ и даже войскамъ, чего не было въ Елисаветградѣ. На Подолѣ и во дворѣ дома Бродскаго войска встрѣчены были градомъ каменьева, раненныхъ нѣкоторыхъ солдатъ и ротнаго командира. При отбитіи войсками толпы разрушителей на винномъ заводѣ того же Бродскаго «дѣло доходило до рукопашнаго боя». По словамъ корреспондента («Голоса» № 119), «возлѣ присутственныхъ мѣстъ, на Большой Житомирской улицѣ, солдаты тираспольскаго полка и казаки не могли удержать напора толпы, которая, прорвавъ цѣпь и свернувъ на Михайловскую улицу (саженяхъ въ десяти отъ Крепчатика), въ пять минутъ обратила въ щепки все, что было въ трехъ-этажномъ домѣ еврея Вильтенгойца». Подобный же характеръ и конечно по той же причинѣ имѣли безпорядки 26 апрѣля въ большомъ торговомъ селѣ Березовкѣ, почти сплошь населенномъ евреями, и близъ лежащей деревнѣ Викторевѣ. Въ Березовкѣ, гдѣ почти нѣтъ крестьянъ, въ этотъ день былъ базаръ, который кончился благополучно и ничто повидимому не предвѣщало грозы. Прибывшіе изъ окрестностей крестьяне начали уже разѣзжаться, какъ вдругъ въ 3 часа, точно по сигналу, безъ всякаго повода, безъ всякой ссоры съ жидами, пьяная толпа рабочихъ сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ начала избіеніе и грабежъ евреевъ и разореніе домовъ и лавокъ. По словамъ корреспондента, бывшіе на мѣстѣ становой приставъ съ тремя урядниками «ничего не могли по-дѣлать. Полицейскіе были подняты толпою на «ура» и встрѣчены

свистомъ и ругательствами. Урядники были стащены съ лошадей, нѣкоторые изъ нихъ избиты, такъ что «блудителямъ общественной тишины и спокойствія» пришлось отступить съ большимъ урономъ». Ночью были подожжены нѣсколько еврейскихъ домовъ, а по-утру прибыли изъ окрестныхъ деревень, въ томъ числѣ изъ Викторовки, крестьяне, которые приняли участіе въ грабёжѣ и расхищеніи еврейскаго имущества, увозя его домой цѣлыми возами; а когда сельскія власти попытались отобрать награбленное, то встрѣтили «энергическое сопротивленіе». Въ селѣ Викторовеѣ (Одесскаго уѣзда) дѣло дошло до настоящей свалки, съ одной стороны между крестьянами, а съ другой—между сельскимъ старостою, сотскими и понятыми, отнимавшими награбленную добычу. Сначала побѣда осталась на сторонѣ крестьянъ. Но потомъ въ село Викторовку подоспѣли на помощь новопокровскій волостной старшина Николенко, съ понятыми изъ крестьянъ; повозки съ награбленнымъ товаромъ были отняты; когда же принялись осматривать крестьянскія хаты, то въ цѣлой Викторовеѣ оказались только три-четыре избы, въ которыхъ ничего не было найдено изъ еврейскаго имущества, а у всѣхъ остальныхъ товаръ находился въ болшемъ или меньшемъ количествѣ». На вопросъ, зачѣмъ они брали чужое добро, крестьяне отвѣчали: «це наша кровь», и многіе были убѣждены, что они не сдѣлали ничего противозаконнаго, подбирая валявшееся на улицѣ, и что погромъ евреевъ разрѣшенъ.

Такимъ образомъ крамольники могутъ снова торжествовать. Для ихъ цѣлей конечно было полезно, въ видахъ пріобученія народной массы къ мятежу и насилію, дать ей практическій урокъ, дать случай испытать свои силы на этомъ пути, развить въ немъ на жидовскомъ добрѣ хищническіе аппетиты и вооружить всесвѣтннй еврейскій союзъ противъ Россіи—и они въ этомъ успѣли. Они искусно воспользовались исконнымъ неудовольствіемъ народа противъ евреевъ, въ особенности усилившемся при неблагопріятныхъ экономическихъ условіяхъ края,—и плодомъ ихъ побѣды является разореніе нѣсколькихъ тысячъ семей, истребленіе на нѣсколько миліоновъ имущества. По извѣстію газеты «Южный Край», въ одномъ Елисаветградѣ «хотя итоги еще окончательно не подведены, но приблизительно всѣхъ домовъ разрушено около 500, лавокъ немного болѣе 500, общій убытокъ исчисленъ приблизительно въ 1.500,000 р. причѣмъ самая большая доля приходится на базаръ, гдѣ помѣщаются еврейскія лавки—750,000 р. Убытокъ, конечно, не ложится всецѣло на евреевъ. Городской банкъ, по вычисленіямъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ компетентныхъ людей, долженъ понести около 500,000 р. убытку». Въ Кіевѣ и его районѣ всѣ эти цифры должны быть еще болѣе.

По словамъ газеты «Кіевлянинъ» (№ 47, 1879 г.), всѣхъ евреевъ въ юго-западномъ краѣ считается 721,000 или на 7 христіанъ 1 еврей. Рас-

предѣляются они слѣдующимъ образомъ: въ городахъ трехъ губерній— 237,000 чел., т. е. 32%⁰; въ мѣстечкахъ— 380,000 чел., т. е. 53%⁰; въ селеніяхъ — 103,000 чел., т. е. 14%⁰. Еврейскихъ домовъ въ край 65,966; въ томъ числѣ: принадлежащихъ имъ въ собственность около 21,000; находящихся у нихъ на чингѣ—45,000. Если считать среднимъ числомъ стоимость каждаго еврейскаго дома въ 350 р., то цѣнность этого имущества опредѣлится: въ мѣстечкахъ въ 15.000,000 р. въ городахъ въ 13.000,000 р., въ селеніяхъ въ 1.000,000 р. Итого 29.000,000 р. Сахарныхъ заводовъ у евреевъ считается 27, т. е. 25%⁰ общаго ихъ числа. На этихъ заводахъ производится сахара до 1.200,000 пудовъ, или на 6.000,000 р. Изъ общаго числа винокуренныхъ заводовъ въ край, т. е. 564, находится у евреевъ 500, или 90%⁰, которые производятъ 288.000,000 градусовъ безводнаго спирта. Пивоваренныхъ заводовъ въ край 148, изъ числа которыхъ въ рукахъ евреевъ 119. Мельницъ въ край 5,353, изъ нихъ у евреевъ 90%⁰. Разныхъ другихъ заводовъ въ край, находящихся у евреевъ, 527, которые производятъ на сумму 2.000,000 р. Итого, всѣхъ промышленныхъ заведеній въ юго-западномъ край, находящихся въ рукахъ евреевъ, 6,825, производство которыхъ простирается до 69.680,000 р. Сверхъ того, лавовъ у евреевъ 15,000. Питейныхъ заведеній въ край до 19,000; всѣ они у евреевъ. Въ питейныхъ заведеніяхъ продается до 6.000,000 ведеръ полугару. Сверхъ того, торговля—лѣсная, вывозная за границу, хлѣбная и казенные подряды находятся также въ рукахъ евреевъ. Общій итогъ еврейскихъ барышей и заработковъ въ край составляетъ 36.000,000 р. А вотъ во что обходится поддержаніе еврейской исключительности: въ юго-западномъ край считается: мелакедъ и школы 6,000, въ нихъ обучается 94,000 душъ. Плата за обученіе составляетъ 1.240,000 р. Евреи расходуютъ также: на содержаніе раввиновъ 800,000 р., цадиковъ 400,000 р., молитвенныхъ домовъ 500,000 р., благотворительныхъ заведеній 875,000 р. Итого евреи несутъ расходъ по школамъ и всѣмъ этимъ статьямъ 3.815,000 р., что составляетъ около 5 р. на душу.

Но пострадали не одни евреи, пострадали многіе банки и страдаютъ еще тысячи бѣднаго темнаго люда, вовлеченные негодяями въ преступленіе, благодаря своему невѣжеству. Въ одномъ Кіевѣ, на первыхъ же порахъ, было арестовано, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, болѣе 1,500 чел., въ Одессѣ до 900 чел. («Голосъ», № 124), въ Елисаветградѣ до 600 чел.; а сколько еще должно быть арестовано во всѣхъ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ совершенъ былъ погромъ евреевъ. Какъ бы судъ ни отнеси снисходительно къ большей части этихъ людей, принимая во вниманіе заблужденіе, въ которое они введены были злоумышленниками, благодаря своей умствен-

ной темнотѣ, тѣмъ не менѣе, въ виду важности совершеннаго или преступленія и необходимости примѣра для воздержанія другихъ на будущее время отъ подобной же легковѣрной податливости злонамѣреннымъ подстрекательствамъ,—значительная часть ихъ должна будетъ подвергнута болѣе или менѣе строгому наказанію. Мы не говоримъ уже объ экономическіхъ послѣдствіяхъ для хозяйства, отъ подслѣдственнаго и подсуднаго заключенія по тюрьмамъ, которое не можетъ быть кратковременно, въ виду сложности дѣла. Выяснить юридически пружины, приведшія всю эту темную массу въ движеніе, уголовному суду будетъ, конечно, невозможно, такъ какъ онъ будетъ имѣть дѣло съ представителями черни, непосредственно производившими разрушеніе, а не съ тѣми, которые искусно воспользовались уже давно существовающею ненавистью для своихъ цѣлей. Эти личности, конечно, не появятся на судѣ въ числѣ обвиняемыхъ; но было бы крайне близоруко доказывать, на этомъ основаніи, что ихъ участіе и руководство въ этомъ дѣлѣ вовсе не существовало.

Во всемъ этомъ дѣлѣ обращаетъ на себя вниманіе одно обстоятельство своею, по крайней мѣрѣ кажущеюся, странностью. Какимъ образомъ, въ виду открыто ходившихъ заранѣе слуховъ о предстоящемъ повсемѣстномъ избиеніи евреевъ въ Кіевѣ, мѣстопробываніи всѣхъ мѣстныхъ властей и завѣдомомъ обилии неблагонадежныхъ элементовъ, не были заблаговременно приняты мѣры для энергичнаго подавленія тотчасъ же всякаго беспорядка, въ случаѣ его появленія, какъ это было сдѣлано въ Одессѣ съ полнымъ успѣхомъ, гдѣ начавшіеся были беспорядки 3 мая въ 6 часовъ вечера, къ 8 часамъ были уже прекращены («Голосъ», № 123 сего года). Въ Кіевѣ же, гдѣ, какъ извѣстно, начавшіеся съ утра 26 апрѣля, беспорядки разлились уже до весьма сильнаго размѣра, не была тотчасъ, помощью желѣзныхъ дорогъ, призвана военная сила, достаточная, чтобы сразу обуздать разбушевавшуюся толпу, чѣмъ спасено было бы многое. Между тѣмъ, наличной силы было очевидно недостаточно для этого, вследствие чего беспорядки имѣли возможность продолжаться два дня. Мы съ намѣреніемъ называли эту странность кажущеюся, потому что она, конечно, не замедлитъ объясниться не однимъ недостаткомъ распорядительности, но и другими, вѣроятно, уважительными причинами.

На этомъ мы покончимъ съ тайными невидимыми пружинами, двигавшими темною народною массою противъ евреевъ, въ виду того, что вопросъ этотъ въ общемъ не подлежитъ уже сомнѣнію, и обратимся къ той внѣшней видимой силѣ, помощью которой проявляли свое дѣйствіе эти пружины. Силою этою, какъ извѣстно, явилась ненависть южно-русскаго народа къ евреямъ. Существованіе этой ненависти и даже ея, такъ сказать, права на существованіе не отвергаютъ и

сами наиболѣе усердные защитники евреевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ же защитники евреевъ стараются всѣми средствами обѣлечь ихъ, доказывая, что злокачественная для народа, въ средѣ котораго живутъ они, дѣятельность ихъ происходитъ не отъ свойствъ племеннаго характера евреевъ, а отъ тѣхъ бытовыхъ условій, въ которыя они поставлены въ жизни существующими законами, ограничивающими гражданскую полноправность евреевъ, и что стоитъ только сравнить евреевъ въ правахъ со всѣми гражданами государства и всѣ дурныя стороны ихъ исчезнуть само собою. «Нѣтъ дыма безъ огня», говоритъ газета «Голось», полемизируя по еврейскому вопросу, яко-бы отъ имени всей нашей либеральной печати, съ охранительною и главнымъ образомъ съ «Московскими Вѣдомостями». «Потушите огонь не будетъ и дыма», добавляетъ она. Въ другомъ номерѣ той же газеты мы встрѣчаемъ болѣе подробное развитіе этой же темы.

«Было уже указываемо и не разъ, говоритъ газета,—что одною изъ главныхъ, если не главнѣйшею причиною подобныхъ событій служить эксплуатація края евреями, принявшая обширные размѣры во всей западной полосѣ Россіи. Кто же создалъ эту эксплуатацію и чѣмъ она поддерживается? Еврейское населеніе, во многихъ отношеніяхъ, поставлено у насъ въ чертѣ своей осѣдлости внѣ возможности честнаго трудового существованія. Скученные въ своей чертѣ осѣдлости, евреи буквально поѣдаютъ тамъ другъ друга неслыханною конкуренціею во всѣхъ мелкихъ ремеслахъ и производствахъ. Посвящать себя земледѣлію они тамъ также не могутъ, вслѣдствіе запрещенія приобрѣтать земельную собственность внѣ городовъ. Чтò же, спрашивается, дѣлать имъ тамъ для обезпеченія себѣ насущнаго пропитанія? Ремеслами и торговлею они, по общему свидѣтельству, занимаются тамъ даже черезъ мѣру; заниматься земледѣліемъ не даетъ имъ возможности самъ законъ—чтò же имъ, не псалмы же распѣвать для добыванія себѣ хлѣба?—Голодъ безпощадный двигатель человѣка, и нельзя удивляться, если еврей, поставленный внѣ возможности честнаго труда, позволяетъ себѣ прибѣгать и къ не совсѣмъ похвальнымъ средствамъ добыванія куска хлѣба. Притомъ, если законъ предоставляетъ еврею всѣ права лишь по приобрѣтеніи имъ званія купца 1-й гильдіи, то развѣ этимъ самымъ не разжигаются въ немъ всѣ страсти наживы?»

Въ сущности «эта пѣсня всѣмъ знакома» и въ особенности въ послѣднее время, когда она начала распѣваться нѣкоторыми, впрочемъ, весьма немногими органами нашей печати, а во главѣ этихъ немногихъ съ особенною страстью цитированною нами газетою, доходящею въ своемъ усердіи до того, что повидимому исключительно отношеніемъ того или другаго органа нашей печати къ еврейскому вопросу обуславливаетъ принадлежность его къ либеральному или консервативному лагерю. Не

слишкомъ ли уже это односторонне. Будучи сторонниками равенства правовыхъ отношеній всѣхъ гражданъ государства, мы тѣмъ не менѣе сильно сомнѣваемся, чтобы средство это, рекомендуемое газетою по отношенію къ евреямъ, привело къ предполагаемымъ ею результатамъ. При нѣкоторой злопамятности, мы могли бы напомнить означенной газетѣ, что было время и притомъ не особенно давно, когда она совершенно иначе относилась къ еврейскому вопросу въ Россіи, и отводила на столбцахъ своихъ широкое мѣсто статьямъ неутомимаго и вполне компетентнаго обличителя евреевъ, автора извѣстной «книга кагала», покойнаго Брафмана. Въ то не особенно отдаленное время, перемѣнчивая газета не считала повидимому возможнымъ объяснять и оправдывать всю неприглядность еврейской дѣятельности столь односторонне, какъ нынѣ, однимъ лишь вышеуказанными причинами.

При нѣсколько менѣе страстномъ увлеченіи защитою евреевъ, нельзя, безъ сомнѣнія, не согласиться, что въ приведенной нами цитатѣ газета «Голось» хватила по этому предмету черезъ край. Вѣдь читая ея разсужденія, можно подумать, что все злосчастное еврейское племя въ числѣ 2—3 миліоновъ скучено у насъ и безвыходно заперто на пространствѣ одного уѣзда или много много что одной губерніи; между тѣмъ, какъ оно преспокойно массама расселилась по всей западной и южной Россіи на пространствѣ, равняющемся чуть не болѣе половины всей Европы. Новороссія въ настоящее время переполнена евреями. До времени генераль-губернаторства въ этомъ краѣ графа Коцебу, особенно покровительствовавшего евреямъ, въ Одессѣ, напримѣръ, насчитывалось отъ 6 до 8 евреевъ; за время же его управленія число это возрасло чуть не до 35,000. Вообще евреи разбрелись теперь по всей Россіи, пользуясь правомъ переселенія, предоставленнымъ евреямъ-ремесленникамъ, которымъ они злоупотребляютъ самымъ широкимъ образомъ, благодаря тому, что на это смотрится сквозь пальцы. Благодаря, говоримъ мы, этому, коренная или великая Россія, недоступная прежде для евреевъ, и въ особенности столицы наполнились всевозможными фиветивными еврейскими ремесленниками, но въ дѣйствительности торгашами и всяческими гешефтъ-махерами, въ чемъ легко убѣдиться, заглянувъ на рынки мелкой продажи и покупки въ Петербургъ и Москвѣ. Въ одномъ изъ прошлогоднихъ номеровъ «Смоленскаго Вѣстника» корреспондентъ разсказываетъ: «Спросишь иногда у еврея, торгующаго въ кабакѣ, разумѣется на чужое имя, по какому праву онъ тутъ живетъ. Онъ вамъ тотчасъ отвѣтитъ:

— Я «маханикъ», и у меня есть на то свидѣтельство.

Я зналъ одного такого «маханика», говоритъ авторъ, старика лѣтъ семидесяти, почти слѣпаго, и конечно неимѣющаго понятія о томъ, что за штука шестерня, а онъ безвозбранно прожилъ у насъ вмѣстѣ

съ дочерью много лѣтъ и, набивъ плотно карманъ, добровольно отправился въ Велижъ на отдыхъ.

— Почему же васъ не выселяютъ? спросилъ я однажды у дочери.

— А какъ же то можно?

— Да такъ.

— Никакъ нельзя, насъ и гошподинъ становой и гошподинъ чиновникъ, что провѣряетъ торговлю, и всѣ хорошіе гошпода очень знаютъ».

Мы не говоримъ о множествахъ евреевъ, проживающихъ въ разныхъ мѣстахъ всей Россіи по приказчицкимъ свидѣтельствамъ богатыхъ еврейскихъ купцовъ и торгующихъ отъ себя, во на имя этихъ купцовъ, безъ уплаты гильдейскихъ пошлинъ. Въ томъ же номерѣ «Смоленскаго Вѣстника» находимъ слѣдующее подтвержденіе нашихъ словъ. «Евреямъ, записавшимся въ купечество первой гильдіи, разрѣшено имѣть неограниченное число приказчиковъ. Этими многіе пользуются и записываются въ первую гильдію только для того, чтобы распро­давать потомъ приказчицкія свидѣтельства, получая за каждое отъ 25 р. до 50 р. Такимъ образомъ, говоритъ корреспондентъ «Смоленскаго Вѣстника»,—вромѣ крупныхъ гѣсопромышленниковъ изъ евреевъ, къ намъ налетаетъ дѣлая туча мелкихъ вампировъ, безвозпашно высасывающихъ лучшія силы народа и врая.

Кромѣ сказанной зазѣйки, для свободнаго проживания гдѣ угодно, у евреевъ есть множество другихъ, болѣе или менѣе незаконныхъ. Еще рельефнѣе описываемъ это каменецъ-подольскій корреспондентъ самой газеты «Гомоль» въ одномъ изъ октябрьскихъ номеровъ 1880 г. «Обязывается, говоритъ онъ, что какой нибудь Мойна, уплачивая 195 р. по мѣстности 3-го класса за свидѣтельство 2-й гильдіи и десять къ нему билетовъ, этимъ самымъ платежомъ тащить изъ казны 600 р., которые дѣлитъ между своими длинноногими согражданами, получая чистой прибыли 225 р., не считая приобретеннаго купеческаго званія и соединенныхъ съ нимъ правъ и преимуществъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе гешефта, произведеннаго евреемъ Мойной въ компаніи съ девятью другими его собратами, всѣ они приобретаютъ право купеческой торговли, а слѣдовательно, это право каждымъ изъ нихъ приобретено за 19 р. 50 к. Казнокрадство это носить техническое названіе «надъ-емной торговли».

Возможность подъемной торговли вытекать изъ предоставленнаго купеческому сословію права имѣть десять торговыхъ заведеній, а также права членовъ купеческой семьи управлять торговыми дѣлами по до­вѣренности.

Конечно, для незнакомныхъ съ дѣломъ трудно понять, какимъ образомъ право на купеческую торговлю, за производство которой законъ установилъ 60 р., можетъ оплачиваться 19 р. 50 к. и притомъ

купеческая торговля считается совершенно правильною. А между тѣмъ, это—неоспоримый фактъ. Въ Подольской губерніи встрѣчаются лавки мануфактурныхъ и галантерейныхъ товаровъ, уплачивающія въ годъ 19 р. 50 к. торговаго налога, производящія операціи на десятки тысячъ рублей, и рядомъ съ ними—лавки хлѣбниковъ, продающихъ свой товаръ по 2½ к. за фунтъ и уплачивающихъ въ казну, на основаніи ст. 41 положенія около 30 р.

Такими и подобными обходами закона можно отчасти объяснить крайнюю бѣдность городскихъ доходовъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Въ уѣздномъ городѣ средней руки торговыхъ заведеній тысячи, а сборъ съ купеческихъ свидѣтельствъ составляетъ десятки рублей; и немудрено: вслѣдствіе подъемной торговли, купецъ уплачиваетъ въ городской доходъ, вмѣсто установленныхъ 15 р., только 1 р. 50 к., а мѣщанинъ, вмѣсто 3 р.—только 75 к.

Причемъ же тутъ скученность евреевъ и ужасающая отъ того бѣдность евреевъ этихъ, торгующихъ на десятки тысячъ рублей? Кто это, спросимъ мы также газету «Голось»,—запрещаетъ евреямъ заниматься земледѣліемъ? Напротивъ, сколько извѣстно, во время управленія Новороссіей графа Воронцова дѣлались усиленныя попытки обратить евреевъ къ земледѣлію, и съ этою цѣлью устраивались даже еврейскія колоніи съ порядочною затратою казенныхъ денегъ, но толку изъ этого никакого не вышло. Одинъ путешественникъ, посѣтившій эти колоніи, рассказываетъ, между прочимъ, не безъ юмора, что хотя колонія лежитъ въ степи, вовсе не на пріѣзжей дорогѣ, но все-таки въ каждомъ домѣ лавочка, а на сѣнокосъ десять человѣкъ ѣдутъ съ одною косою. Въ прошломъ или позапрошломъ году, въ одномъ изъ еврейскихъ журналовъ нашихъ рассказывались что-то въ родѣ того, что въ средѣ богатыхъ евреевъ составилось филантропическое общество, съ цѣлью устраивать поселенія для бѣдныхъ евреевъ и приучить ихъ къ земледѣлію, но объ осуществленіи этого почтеннаго проекта что-то не слышно. «Законъ, говоритъ газета, запрещаетъ евреямъ пріобрѣтать земельную собственность внѣ городовъ». Но во первыхъ, это далеко не безусловно; а во вторыхъ, и здѣсь, какъ извѣстно, законъ легко обходится фиктивною арендою, о размѣрахъ которой въ одномъ юго-западномъ краѣ, газета «Кіевлянинъ», (№ 47, 1879 г.), сообщаетъ слѣдующія данныя: Евреи арендуютъ въ краѣ имѣній 819, заключающихъ въ себѣ около 600,000 дес. земли. Арендная плата за нихъ простирается до 1.500,000 р. Сверхъ того, евреи содержатъ въ арендѣ немало имѣній по неформальнымъ контрактамъ, такъ что съ увѣренностью можно сказать, что въ ихъ рукахъ находится 1/6 часть всѣхъ имѣній краѣ. Вотъ что объ этихъ арендахъ, говоритъ одинъ компетентный въ дѣлѣ публицистъ («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1880 г., № 260). Въ законахъ существуетъ

запрещеніе евреямъ въ западномъ краѣ арендовать земли у крестьянъ, приобретать ихъ въ собственность у польскихъ помѣщиковъ и арендовать земли у помѣщиковъ русскаго происхожденія. Евреи нашли средство обходить эти законы. Кулакъ-еврей за открытый крестьянину кредитъ требуетъ отъ крестьянина обработки большей или меньшей части принадлежащаго ему участка земли, поэтому крестьянскіе надѣлы остаются въ дѣйствительной арендѣ у евреевъ. Земли польскихъ помѣщиковъ, которыя законъ дозволяетъ отдавать въ аренду евреямъ, покупаются послѣдними подъ видомъ долгосрочныхъ арендъ (напримѣръ, на 36 лѣтъ). Что же касается до запрещенія евреямъ арендовать земли, принадлежащія помѣщикамъ русскаго происхожденія, то они совершенно свободно арендуютъ посредствомъ сдѣлокъ на имя разныхъ подставныхъ лицъ, всегда имѣющихся къ услугамъ ихъ въ изобиліи.

Законодатель желалъ оградить крестьянина отъ эксплуатаціи евреевъ, а сельское хозяйство отъ хищническаго элемента, составляющаго коренное свойство еврейскаго характера. Между тѣмъ, плачевное состояніе имѣній въ западномъ краѣ возбуждаетъ общія жалобы на евреевъ, захватившихъ тамъ въ свои руки сельское хозяйство почти повсемѣстно, а огульная зависимость тамъ крестьянъ отъ евреевъ дѣлается для послѣднихъ невыносимою. Но этотъ порядокъ вещей существуетъ не въ одномъ юго-западномъ краѣ. Еврейская аренда заполонила уже массу земель и по всей Новороссіи. Кто же мѣшаетъ евреямъ-арендаторамъ предоставлять обработку этихъ земель своимъ, бѣдствующимъ яко-бы отъ скученія и побѣдающей конкуренціи, единоплеменникамъ, нуждающимся въ заработкахъ. Между тѣмъ извѣстно, что никогда ни одинъ южно-русскій или юго-западный вошь, ни одна сѣверо-западная кляча не видали идущаго за плугомъ или сохой сына израиля, ни одна капля жидовскаго пота ни разу не оросила обширныхъ полей, арендуемыхъ евреями. Все это поливается потомъ православнаго народа, обрабатывается кровавымъ трудомъ, оплачиваемымъ одною водкою, какъ говоритъ корреспондентъ изъ тѣхъ же мѣстностей, въ той же газетѣ. Безпошлинная торговля водкою развита здѣсь страшно: рѣдкій кабатчикъ имѣетъ патентъ, а между тѣмъ, непремѣннымъ жителемъ всякой деревни является еврей, а иной разъ и не одинъ, занятіе которыхъ—торговля водкою и пріемъ въ закладъ разныхъ вещей, а цѣль ихъ поселенія среди крестьянъ—обирать послѣднихъ и пускать по міру. Поселяне не доносятъ обо всемъ этомъ, боясь судовъ, чтобы не раззориться совершенно.

Что, напримѣръ, общаго между причинами, которыя защитники евреевъ приводятъ въ оправніе экономической эксплуатаціи евреями народа, и уклоненіемъ евреевъ отъ исполненія всеобщей воинской повинно-

сти, гдѣ въ числѣ неявившихся къ призыву по всей имперіи, евреи составляютъ чуть не 90⁰/. Вѣдь въ этомъ отношеніи, евреи сравнены уже со всѣми гражданами; они пользуются равными льготами и правами по образованію и по семейному положенію, точно также, какъ всѣ они пользуются правами и преимуществами по службѣ, одинаково со всѣми получаютъ за отличіе награды, повышаются въ общей линіи въ чинахъ. Есть изъ евреевъ унтеръ-офицеры, фельдфебели, есть даже офицеры; если ихъ немного, то потому, что изъ нижнихъ чиновъ евреевъ рѣдко вырабатываются хорошіе солдаты, и они больше наробятъ попасть въ нестроевыя должности или въ музыканты, а евреи интеллигентные, которые могли бы быть офицерами, почти не идутъ въ военную службу. Уклоненіе же евреевъ отъ отбыванія общей воинской повинности такъ велико, что вынуждало правительство принимать противъ этого уклоненія особыя мѣры, и между прочимъ, замѣщеніе неявившихся на призывъ льготными евреями же, хоть бы 1-го разряда; а въ прошломъ году, варшавская газета «Kurjer Codzienny» (1880 г., № 270), передавала, по ея словамъ, изъ вполне достовѣрнаго извѣстія, что по случаю постоянного уклоненія евреевъ отъ отбыванія воинской повинности, подъ разными предлогами, одинъ изъ начальниковъ губерніи вошелъ съ представленіемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ особаго проекта объ изданіи слѣдующаго законоположенія: 1) евреи обязаны отбывать воинскую повинность непременно въ той самой мѣстности или волости, къ которой они принадлежатъ и въ которой записаны; 2) что за каждаго еврея, уклоняющагося отъ воинской повинности, волость, къ которой онъ принадлежитъ, обязана заплатить въ доходъ казны денежный штрафъ, не менѣе 300 р., и 3) что независимо того, вмѣсто уклонившагося почему нибудь отъ отбыванія воинской повинности, еврея, будутъ призываться въ военную службу всѣ евреи, находящіеся въ той волости, въ возрастѣ отъ 21-го до 26-ти лѣтъ.

Смѣшно сказать, что защитники евреевъ пытаются и уклоненіе евреевъ отъ службы оправдать то же неполноправностью евреевъ, на томъ основаніи, что евреи не считаютъ себя обязанными служить той странѣ и защищать ее, которая оставляетъ ихъ обдѣленными правами. Одинъ белогрибъ «Отечественныхъ Записокъ», между прочимъ, упоминаетъ въ недавно помѣщенномъ въ этомъ журналѣ разсказѣ, что почтенный старикъ, еврей, пришедшій къ прокурору, или судебному слѣдователю, узнать что нибудь о заарестованномъ по политическому дѣлу сынѣ, на вопросъ officialнаго лица, почему еврейская интеллигентная молодежь путается въ дѣла нашихъ анархистовъ, объясняетъ, что интеллигентный еврей чувствуетъ себя чужимъ, беспочвеннымъ въ русскомъ легальномъ интеллигентномъ обществѣ, не находитъ въ немъ

для себя интересовъ, а потому ищетъ этой почвы и этихъ интересовъ въ обществѣ нелегальномъ. Очень курьезное, чтобы не сказать болѣе, объясненіе! Кто же тутъ виноватъ, что такой господинъ юристъ, медикъ, техникъ не находитъ почвы, не можетъ освоиться съ русскимъ обществомъ, хотя мы много видимъ совершенно противнаго; если же это такъ, то значить въ нихъ самихъ, въ этихъ интеллигентныхъ, какъ и въ неинтеллигентныхъ, есть что нибудь отчуждающее ихъ отъ общества и отъ народа, въ средѣ котораго они живутъ.

Мы сказали выше, что непріязненное отношеніе нашего простаго народа, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сильно распространено еврейское населеніе, самими защитниками евреевъ признается естественнымъ продуктомъ эксплуататорскаго отношенія евреевъ къ этому народу, хотя и вынужденнаго, яко-бы ненормальнымъ положеніемъ евреевъ въ Россіи. Но дѣло въ томъ, что было бы совершенно несправедливо утверждать, что такое непріязненное чувство къ евреямъ существуетъ только у насъ, исключительно принадлежитъ только нашему народу. Евреи и ихъ защитники очень бы затруднились, если-бы имъ пришлось категорически отвѣтить на вопросъ: гдѣ, когда, въ какой странѣ, въ какое время, они считались желанными гостями и были пріятными сожителями для другихъ народовъ? Отъ сотворенія міра, по еврейскому бытописанію, и до нашихъ временъ, исторія, не исключая собственной исторіи евреевъ, какъ передаютъ ее священныя книги, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что это неоспоримо чрезвычайно даровитое племя, величающее себя избраннымъ народомъ Божиимъ, тѣмъ не менѣе во всѣ времена и во всѣхъ положеніяхъ, въ которыя ставила его исторія, въ своемъ народномъ характерѣ и въ образѣ дѣйствій по отношенію къ другимъ племенамъ и народамъ, съ которыми ему доводилось имѣть сношенія, постоянно проявляло такія антипатичныя черты, которыя всегда и всюду возбуждали къ нему или ненависть, или презрѣніе. Въ одномъ изъ предъидущихъ обзорѣй нашихъ (іюль 1879 г.), мы съ нѣкоторою подробностью касались уже разъ этого предмета, на основаніи какъ современныхъ фактовъ, такъ и историческихъ замѣтокъ, въ томъ числѣ и почерпнутыхъ изъ самой библии. Избѣгая повтореній, мы скажемъ на сей разъ только, что эти несимпатичныя черты народнаго характера, неизмѣнно сохраняемыя еврейскимъ племенемъ и въ настоящее время, естественно тѣмъ сильнѣе даютъ себя чувствовать сожительствующимъ съ ними другимъ народамъ, а слѣдовательно и тѣмъ болѣшую возбуждаютъ въ послѣднихъ антипатію къ себѣ, чѣмъ скопленіе евреевъ въ данной мѣстности многочисленнѣе. Размѣщеніе же ихъ въ средѣ другихъ народовъ крайне неравномѣрно. Такъ напримѣръ, берлинское общество распространенія христіанства между ев-

реши» сообщаетъ въ послѣднемъ своемъ отчетѣ интересныя подробности о распредѣленіи всего еврейскаго населенія на земномъ шарѣ. Число всѣхъ евреевъ въ настоящее время почти то же, какое было при царѣ Давидѣ—около 6—7 миліоновъ. Въ Европѣ находится, по послѣднимъ статистическимъ свѣдѣніямъ, около пяти миліоновъ евреевъ; въ Азіи — 200,000; въ Африкѣ — свыше 80,000; въ Америкѣ — отъ 1.000,000 до 1.500,000. Больше половины еврейскаго населенія въ Европѣ (2.621,000) приходится на Россію; далѣе слѣдуютъ: Австрія—1.375,000 (въ томъ числѣ 575,000 въ Галиціи), Германія — 512,000 (въ томъ числѣ 61,000 въ Познани), Румыніи — 274,000, Турція — 100,000, Голландія—70,000, Англія—50,000, Франція — 49,000, Италия—35,000, Испанія и Португалія—отъ 2 до 4,000, Швеція — 1,800, Норвегія—25. О Дакіи и Швейцаріи нѣтъ свѣдѣній. Въ Берлинѣ числится 45,000 евреевъ—почти столько же, сколько во всей Франціи и болѣе чѣмъ въ Италиі, Испаніи, Португаліи и на Скандинавскомъ полуостровѣ, взятыхъ въ совокупности. Большинство африканскихъ евреевъ живетъ въ Алжирѣ; но они встрѣчаются также въ Абиссиніи, по всему сѣверному побережью и даже въ оазисахъ Сахары, гдѣ часто служатъ посредниками между магометанами и христіанами. Изъ азіатскихъ евреевъ—20,000 живутъ въ Индіи и 25,000 въ Палестинѣ. Населеніе Іерусалима состоитъ изъ 7,000 магометанъ, 5,000 христіанъ и 13,500 евреевъ. Отчетъ не сообщаетъ свѣдѣній о распредѣленіи евреевъ въ Америкѣ; въ немъ лишь сказано, что въ Нью-Йоркѣ находится 30 синагогъ («Times»).

Изъ этого видно, что наибольшее скопленіе евреевъ въ Европѣ является въ Россіи, Австріи, Германіи и Румыніи, въ особенности въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя входили нѣкогда въ составъ польскаго королевства. Въ Румыніи, по отношенію къ общему населенію страны, они многочисленнѣе даже чѣмъ въ Россіи. Надо сказать притомъ, что цифры эти далеко не точны и именно они ниже дѣйствительныхъ, которыя евреи повсюду, а въ особенности въ послѣднихъ упомянутыхъ нами странахъ, стараются скрывать, для избѣжанія по возможности или уплаты податей, или отбыванія воинской повинности. Исключая свободныхъ профессій, избираемыхъ относительно небольшою частью еврейской интеллигенціи, т. е. литературы, искусствъ, науки и адвокатуры, вся остальная масса евреевъ, питающая отвращеніе во всякому производительному для края труду, всюду представляетъ чуждаемое растеніе, живущее на счетъ труда окружающаго его мѣстнаго населенія, разлагающимъ образомъ дѣйствующее на его нравственность и матеріальное благосостояніе. Защитники евреевъ говорятъ, что нельзя винить ихъ за это отвращеніе къ непосредственно производительному труду, требующему напряженія физическихъ силъ, что еврей по на-

туръ своей купецъ или ремесленникъ; но кому же неизвѣстно, что торговля евреевъ, за малыми исключеніями, если такія можно допустить, есть спекуляція, основанная главнымъ образомъ на ростовщичествѣ, банковомъ ажіотажѣ, контрабандѣ, перекупѣ, обманѣ и фальсификаціи. Банкирскія конторы, кассы ссудъ, дутые подряды и поставки, китейныя заведенія всякаго рода и дома торимости, вотъ главные поприща еврейской торговли и промышленности. Совершенно вѣрно, что множество евреевъ посвящаютъ себя ремесламъ. Но года два тому назадъ, въ одной изъ издающихся въ Краковѣ польскихъ газетъ была напечатана очень интересная статья о мѣстныхъ евреяхъ, характеръ которой, конечно, хорошо извѣстенъ и автору, и редакціи. Въ этой статьѣ сказано было, между прочимъ, что какимы бы ремесломъ ни занимался еврей—портной, садовникъ, ювелиръ, оптикъ, или извозчикъ—онъ всегда и прежде всего ростовщикъ, перекупщикъ чего хотите и комисіонеръ въ какомъ хотите дѣлѣ. Собственное ремесло служить ему только вымѣской, обманчивымъ опредѣленіемъ его гражданскаго состоянія въ средѣ обитателей и эксплуатируется имъ только для прокормленія себя, при отсутствіи случая практиковать свои маклерскія наклонности и особенно наклонность въ ростовщичеству, которая неизгнѣнно проявляется у него, какъ бы входить въ составъ его дѣятельности по всякому ремеслу. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ нашими русскими ремесленниками изъ евреевъ вездѣ, а въ особенности въ русской Польшѣ, въ южномъ и западномъ краяхъ Россіи, тотъ не скажетъ, что польскій публицистъ сказалъ неправду.

Защитники нашихъ евреевъ всѣ неприглядныя стороны еврейскаго характера и еврейской дѣятельности и даже чувствительное участіе евреевъ въ нашей крамолѣ приписываютъ, какъ сказано было выше, исключительно существующему у насъ якобы гражданскому неполноправію русскихъ евреевъ и стѣсненіямъ относительно свободы расселенія ихъ по цѣлой Россіи, смѣло утверждая, что сравненіе нашихъ евреевъ въ правахъ со всѣми гражданами государства непременно уничтожить и всѣ эти неприглядныя стороны еврейскаго племени. При этомъ въ примѣръ и доказательство выставляются цивилизованныя страны западной Европы. Еще недавно газета «Голось», по поводу современныхъ присорбныхъ проявленій народной ненависти въ евреямъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южной Россіи, сдѣлала подобнаго рода указаніе въ передовой статьѣ своей. «Отчего, говоритъ она,—не замѣчается признаковъ народнаго озлобленія противъ евреевъ въ цивилизованныхъ странахъ запада? Не смотря на всѣ старанія антисемитической лиги, нѣмцы не принимаются за ихъ избіеніе. Еврея французскаго, англійскаго и даже нѣмецкаго трудно отличить отъ француза, англичанина, нѣмца. Въ этихъ странахъ, во

всемъ, кромя религіи, евреи слились съ господствующимъ племенемъ, пользуются наравнѣ съ французами, англичанами, нѣмцами всѣми гражданскими правами. Законы не ограничиваютъ ихъ мѣстожительства, не стѣсняють ихъ дѣятельности; христіанское населеніе не имѣетъ причинъ злобствовать противъ евреевъ, какъ хищниковъ и эксплуататоровъ, живущихъ исключительно на счетъ ближняго. Имъ предоставлена полная свобода производительнаго труда, и, въ борьбѣ своей за существованіе, западный еврей поставленъ не въ исключительныя, какъ у насъ, а въ совершенно одинаковыя условія съ прочимъ населеніемъ».

Такъ ли это дѣйствительно, какъ говоритъ означенная газета? Дѣйствительно ли въ цивилизованныхъ странахъ западной Европы нигдѣ незамѣтно въ народѣ озлобленія прѣтивъ евреевъ? Мы думаемъ, что это не совсѣмъ такъ и даже далеко не такъ; а гдѣ и положе на то, то это происходитъ не отъ качествъ евреевъ, а только отъ ихъ количественнаго отношенія къ населенію, какъ мы сказали выше.

Изъ вышеприведеннаго нами извлеченія изъ отчета берлинскаго общества распространенія христіанства между евреями, относительно раселенія еврейскаго племени на земномъ шарѣ видно, что въ Англіи и во Франціи одинъ еврей приходится на 600—750 душъ мѣстнаго населенія, въ которомъ, слѣдовательно, онъ совершенно исчезаетъ, тѣмъ болѣе, что, по справедливому замѣчанію газеты, еврея французскаго и англійскаго трудно отличить отъ француза или англичанина, до такой степени тамошніе евреи во всемъ, кромя религіи, слились съ господствующимъ племенемъ. При такихъ условіяхъ, нѣтъ слѣдовательно по крайней мѣрѣ, бьющихъ въ глаза ни исключительныхъ еврейскихъ интересовъ, ни громаднaго скопленія силъ, солидарно дѣйствующихъ въ видахъ этихъ интересовъ, нѣтъ слѣдовательно и надобности принимать какія нибудь мѣры къ обузданности сильнаго разгула исключительно еврейскихъ интересовъ. Естественно поэтому, что христіанское населеніе въ Англіи и во Франціи не имѣетъ причинъ злобствовать противъ евреевъ, но не потому, чтобы оно не считало ихъ по натурѣ хищниками и эксплуататорами, а потому лишь, что, по малочисленности евреевъ, хищничество ихъ нечувствительно для этого населенія, не бросается въ глаза. За всѣмъ тѣмъ означенная газета едва-ли рѣшится утверждать, чтобы и въ Англіи и во Франціи евреи пользовались особенною симпатіею народа, исключая немногихъ, особенно выдающихся личностей. У французовъ и въ настоящее время существуетъ поговорка «скарденъ, какъ жидъ», и слово жидъ служитъ почти синонимомъ слову ростовщикъ; а въ Англіи въ народномъ представленіи еврея всегда есть жемного Шейлока. Не забудемъ, что это во Франціи и въ Англіи, гдѣ одинъ еврей приходится на 600—750 душъ мѣстнаго населенія, гдѣ еврей во всемъ

кромѣ религіи, слились съ господствующимъ племенемъ и вслѣдствіе этого, народъ не имѣетъ причинъ злобствовать на нихъ какъ на хищниковъ и эксплуататоровъ. Но въ другихъ европейскихъ странахъ не существуетъ относительно евреевъ этихъ благоприятныхъ условій. Тамъ отношеніе евреевъ къ господствующему населенію приблизительно представляется въ такихъ цифрахъ: одинъ еврей приходится: въ Германіи на 78, въ Австріи на 27, въ Россіи европейской на 25, въ Румыніи на 19 не евреевъ, причемъ, и собственно въ той части Россіи, гдѣ сосредоточено главнымъ образомъ еврейское племя, одинъ еврей приходится уже всего на 12 не евреевъ, а есть губерніи, гдѣ одинъ еврей приходится на 7 не евреевъ. Тамъ, въ этихъ государствахъ, говоримъ мы, многочисленное еврейское племя не слилось, а мѣстами и не думаетъ сливаться съ господствующими племенами, а напротивъ упорно держится въ средѣ этихъ племенъ болѣе или менѣе особнякомъ, крѣпко сплоченнымъ и взаимно солидарнымъ,—тамъ, наконецъ, эти господствующія племена совершенно основательно имѣютъ причины смотрѣть на евреевъ, какъ на хищниковъ и эксплуататоровъ, живущихъ исключительно на счетъ не ближняго, какъ неправильно выразилась газета (притча Христа о благодѣтельномъ самарянинѣ доказываетъ, что евреи своими ближними всегда признавали только евреевъ-же), а своихъ земляковъ, не евреевъ. Поэтому совершенно естественно, что коренное населеніе всѣхъ этихъ странъ не можетъ относиться такъ же равнодушно къ семитамъ, какъ въ Англіи и во Франціи, и ограничиваться одной пассивной антипатіей, но по самой силѣ вещей должно питать къ нимъ болѣе или менѣе дѣятельное враждебное чувство и дѣйствительно питаетъ его. Причины, обуславливающія со стороны евреевъ такое отношеніе къ нимъ господствующаго племени въ Россіи, по увѣренію защитниковъ евреевъ, являются слѣдствіемъ яко-бы стѣсненнаго и неполноправнаго гражданскаго положенія нашихъ евреевъ и исчезнуть вмѣстѣ съ прекращеніемъ такого положенія; но вѣдь въ Германіи и въ Австріи евреи пользуются одинаковыми какъ гражданскими, такъ и политическими правами съ господствующими народами въ этихъ государствахъ. Но эта полноправность не измѣнила ни нравовъ, ни характера дѣятельности евреевъ, что свидѣтельствуетъ такая же неурядица къ нимъ христіанскаго населенія, какая существуетъ въ русскомъ народѣ, т. е. въ той части, надъ которою съ особенною силою тяготѣетъ гнетъ еврейской эксплуатации. Гдѣ этотъ гнетъ сильнѣе, чувствительнѣе для народа, тамъ естественно враждебность народа къ евреямъ выражается въ болѣе рѣзкихъ формахъ, причемъ конечно, имѣетъ вліяніе и степень умственнаго и гражданскаго развитія народа. У насъ, при малой образованности нашего простолюдина и маломъ развитіи въ немъ чувства закон-

ности, она выразилась въ кулачной расправѣ, въ разореніи имущества евреевъ. Подобныя же явленія нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершились и въ Румыніи, особенно въ Молдавіи, а еще ранѣе въ австрійской Галиціи. Кто не помнитъ, какое сопротивление даже въ румынскихъ калатахъ встрѣтило требованіе признанія равноправности евреевъ въ дунайскихъ княжествахъ, хотя берлинскій конгрессъ въ зависимость отъ исполненія этого требованія поставилъ столь возжеланное для этихъ княжествъ признаніе ихъ политической независимости. Еврейскій экономическій гнетъ въ Австріи давно уже вызываетъ жалобы со всѣхъ сторонъ. Жалобы эти съ трудомъ находятъ себѣ доступъ въ печати потому, что большая часть органовъ ея въ этой странѣ принадлежитъ евреямъ; но сознаніе наносимаго ими народу вреда и вслѣдствіе того неприязнь къ нимъ открыто выражается всюду, хотя и не въ тѣхъ рѣзкихъ формахъ, какъ у насъ. Та же неприязнь къ евреямъ существуетъ и въ Германіи, хотя и менѣе обездоливаемой евреями, чѣмъ Россія, Австрія и Румынія. Эта неприязнь германскихъ нѣмцевъ выразилась въ послѣднее время въ извѣстномъ антисемитическомъ движеніи. Нѣкоторые изъ нашихъ политиковъ не вѣрятъ искренности этого движенія, считаютъ его искусственнымъ и желаютъ видѣть въ немъ политическій подвигъ какой нибудь партіи или правительственнаго лица. Мы не станемъ отрицать безусловно, что первоначальный толчекъ могъ быть данъ ловкою рукою лица, которому нужно было, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, вызвать подобнаго рода общественное движеніе; но несомнѣнно, что толчекъ попалъ въ дѣйствительно больное мѣсто общественнаго организма и вызвалъ въ немъ совершенно естественное, давно напрашивавшееся движеніе, которое сразу попало на готовую почву. Въ числѣ лицъ, которыя явились во главѣ этого движенія, встрѣчаются такія (какъ, напримѣръ, Трейчке), которыхъ никто не заподозритъ, чтобы они дѣйствовали неискренно, не по собственному глубокому убѣжденію, а завѣдомо въ чью нибудь руку, для цѣлей, постороннихъ самой идеѣ движенія. Какое гибельное для экономической жизни народа значеніе имѣютъ евреи въ Германіи, видно изъ петиціи, поданной по поводу антисемитическою лигою князю Бисмарку. Вотъ, между прочимъ, что говорится въ этой петиціи, напечатанной въ «Вестфальскомъ Меркуріѣ», (откуда заимствовало ее «Новое Время», № 1607, изъ котораго, въ свою очередь, заимствуемъ мы). «Прежнія надежды многихъ на сліяніе семитическаго элемента съ германскимъ оказались обманчивыми, не смотря на полное равноправіе обояхъ. Теперь рѣчь идетъ уже не объ уравненіи евреевъ съ нами, а объ опасеніи за наши національныя преимущества передъ угрожающимъ преобладаніемъ еврейства, усиливающееся вліяніе котораго вытекаетъ изъ такихъ расовыхъ особенностей, съ коими германская нація освоиться не можетъ

и не хочеть, не желая своей гибели. Опасность эта явная и многими предусматривается ясно. Посредствомъ преобладанія интересовъ капитала и изданія законовъ, подъ влияніемъ евреевъ, и преимуществъ, даруемыхъ богатству, пріобрѣтенному ростовничествомъ и ловкою, безсовѣстною банковою, биржевою и акціонерною игрою, надъ благосостояніемъ, основаннымъ на здравой почвѣ сѣльско-хозяйственной и промышленной дѣятельности, а также посредствомъ направленія общественнаго мнѣнія, при содѣйствіи безсовѣстныхъ, подкупленныхъ и по большей части находящихся подъ влияніемъ еврейства органовъ прессы, — еврейскій элементъ угрожаетъ уже не только однимъ промышленнымъ и экономическимъ интересамъ германской расы, но распространяетъ опасность и на культуру, и на религію, а слѣдовательно на самое дорогое — на политическое и религіозное достоинство націи. Эти опасности должны естественно возрастать, благодаря тому, что евреямъ удается дѣльными массами врыватья въ различныя отрасли дѣятельности, а именно проникать въ служебныя должности, которыя были прежде закрыты имъ и должны были бы оставаться для нихъ закрытыми и теперь; въ противномъ случаѣ, авторитетъ закона будетъ потрясенъ до основанія. Между тѣмъ, не смотря на громкіе протесты, на жалобы и желанія, раздающіеся со всѣхъ сторонъ по этому поводу, до сихъ поръ все это продолжается. Такъ какъ еврейство стало настоящею силою, то противъ него можно и бороться только орудіями силы. Первое мѣсто между ними принадлежитъ реформѣ или дополненію къ законамъ, которое прекратило бы эксплуатацію и порчу германскаго народа евреями и еврейскими воззрѣніями. Мы тѣмъ самымъ имѣемъ въ виду уже не ограниченіе гостепримства, оказаннаго чужимъ, а эмансипацію германской націи отъ чужеземнаго господства, котораго она долѣе выносить не въ состояніи».

Читая это, можно подумать, что петиція писана въ Россіи, а между тѣмъ, въ Германіи процентное отношеніе евреевъ къ остальному населенію въ 3—4 раза менѣе, чѣмъ въ Россіи, и болѣе развитый, самолюбивый, трудолюбиво-настойчивый и промышленный нѣмецъ гораздо способнѣе вести борьбу съ евреемъ, чѣмъ нашъ темный, забитый, малоэнергичный бѣлорусъ или даже малороссъ. Болѣе сдержанные и хладнокровный по натурѣ и безспорно болѣе нашего простолюдина проникнутый чувствомъ законности, германецъ, какъ оказывается также не всегда способенъ сдерживать въ предѣлахъ этой законности накипѣвшую въ немъ пріязнь къ еврею. Съ того времени, какъ началось антисемитическое движеніе въ Германіи, въ самомъ даже Берлинѣ былъ уже не одинъ случай кулачной расправы съ евреями. Случаи эти далеко не имѣли такихъ размѣровъ, какъ у насъ, однако, администрація должна была принимать противъ нихъ мѣры. Еще недавно въ газетѣ «Голось» (№ 100, сего года), было напечатано слѣдующее извѣстіе: «Изъ Иноврацава (въ провинціи

восточной Пруссіи, не далеко отъ русской границы) телеграфируютъ отъ 18 (30) апрѣля, въ «Женигсбергскую Парламентскую Газету»: «14 (27) апрѣля, послѣ засѣданія реврутскаго присутствія въ Ар.енау, произошла между евреями и резервистами драка, причѣмъ два резервиста избиты въ кровь, а одному еврей нанесенъ ударъ по головѣ. Въ десять часовъ вечера въ домахъ многихъ евреевъ разбились стекла. Когда одинъ еврей выстрѣлилъ изъ оена, то въ тринадцати домахъ выбиты были стекла и ставни, причѣмъ произведено нѣсколько выстрѣловъ. Одинъ изъ буяновъ былъ арестованъ. На слѣдующую ночь еще въ четырехъ домахъ разбились стекла. Наружено слѣдствіе. До сихъ поръ нивакихъ другихъ арестовъ не произведено». Въ ту же газету телеграфируютъ изъ Ар.енау, отъ 18 (30) апрѣля: «Еще нѣсколько домовъ разрушено и по нимъ произведены выстрѣлы. Въ воскресенье 19 апрѣля (1 мая) описываются еще худшаго. Арестовано много народа, въ томъ числѣ и зачинщики — учитель Прибе и булочникъ Вейсь. Ожидаютъ войска. Полиція бессильна». Фактъ, совершенно подобный тѣмъ присорбнымъ фактамъ, которые имѣли мѣсто въ послѣднее время у насъ, на югѣ Россіи, разннца только въ размѣрѣ. Одинаковыя причины естественно приводятъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ; изъ этого очевидно, вопреки увѣренію нашихъ защитниковъ евреевъ, что гражданское полноправіе и свобода поселенія не измѣняютъ характеръ евреевъ и образа ихъ дѣятельности. Это подтверждается и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ число евреевъ постоянно возрастаетъ и гдѣ они, чуждаясь, какъ и въ Европѣ, земледѣльческой промышленности, неохотно идутъ на западъ, а группируются болѣе въ городахъ восточныхъ штатовъ и дѣятельностью своею возбуждаютъ почти такое же неудовольствіе, какъ китайцы въ Калифорніи и вообще на западѣ, хотя здѣсь ихъ промысловость и мелкое гешефтмакерство и наталкивается на энергію и предприимчивость янки. Что касается до Германіи, то, вслѣдствіе вышеприведенныхъ обстоятельствъ, въ послѣднее время въ этой странѣ поднятъ уже вопросъ объ установленіи относительно евреевъ нѣкоторыхъ правовыхъ ограниченій. «Еще въ концѣ прошлаго года въ Берлинѣ и въ другихъ городахъ подписывалось къ правительству прошеніе противъ евреевъ, которое роздано болѣе чѣмъ въ ста тысячахъ экземпляровъ («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1880 г., № 300). Это прошеніе, по словамъ газеты «Reichsbote», состоитъ изъ слѣдующихъ четырехъ пунктовъ: 1) Евреи, прибывающіе изъ-за границы, будутъ имѣть право селиться въ Германіи, или избирать въ ней себѣ мѣсто жительства только на известнаго рода условіяхъ, довольно строгихъ, для образованія оплота противъ еврейскаго выселенія въ Германію. 2) Евреи не будутъ допускаемы къ занятію начальствующихъ мѣстъ, какъ въ ад-

министраціи, такъ и въ арміи. На судебныя мѣста они будутъ допускаемы только въ ограниченномъ размѣрѣ: такъ, еврей не можетъ быть единственнымъ судьей, напримѣръ: мировымъ судьей или судебнымъ слѣдователемъ. 3) Школы, въ которыхъ допускаются дѣти различныхъ религій, посѣщаемыя еврейскими дѣтьми, будутъ устроены въ строго христіанскомъ духѣ и только, въ видѣ исключенія, нѣкоторые предметы преподаванія будутъ поручены еврейскимъ учителямъ. 4) Вновь будетъ предписано слѣдить за движеніемъ еврейскаго населенія, на которое административная статистика перестала обращать вниманіе. Для объясненія германскому народу справедливости этихъ требованій, составлена, по сообщенію «*Reichsbote*», записка, подписанная сорока известными лицами, изъ различныхъ слоевъ общества: профессорами, медиками, крупными и мелкими землевладѣльцами, офицерами, судьями, пасторами, артистами, купцами и ремесленниками.

Таковъ результатъ въ образованной Германіи опыта гражданской полноправности евреевъ, водворенія которой добиваются у насъ. Если свободу раселенія евреевъ по всей Россіи и можно допустить, то равнѣ на томъ лишь основаніи, что ядъ тѣмъ слабѣе дѣйствуетъ, какъ отравы, чѣмъ въ большемъ количествѣ воды онъ растворенъ, и слѣдовательно, отравивъ евреики болѣе или менѣе слегка всю Россію, можно ослабить ядовитое дѣйствіе ихъ на тѣ мѣстности, гдѣ они теперь наиболѣе скучены; но во-первыхъ, мы сомнѣваемся, чтобы такъ окольно и въ чувствительномъ для края числѣ еврей бросились покидать эти значныя для нихъ мѣста, гдѣ они искони обжились и гдѣ уже успѣли подчинить все населеніе подъ свою руку, такъ что оно безъ жидовъ и обойтись не умѣетъ, и гдѣ они держатъ въ сѣтяхъ своихъ и народъ, и помѣщиковъ, и чиновниковъ; во-вторыхъ, они устроятся, конечно, главнымъ образомъ въ промышленныя центры, набьются въ нихъ въ большомъ количествѣ и сдѣлаютъ то же, что сдѣлали изъ Одессы; и наконецъ, въ третьихъ, если пересмотрѣть газеты наши за нѣскольکو лѣтъ, то въ нихъ найдется не мало корреспонденцій изъ разныхъ мѣстъ Россіи, въ которыхъ пишутъ въ общемъ смыслѣ слѣдующее: съ появленіемъ въ нашихъ мѣстахъ евреевъ увеличилось число кабаковъ, домовъ терпимости, появилась торговля контрабандными товарами въ ущербъ мѣстнымъ купцамъ, и наконецъ, усилилось воровство, потому что воры находятъ у евреевъ небывалый до этого легкій обитъ краденаго. Подъ видомъ ремесленниковъ, евреевъ и въ настоящее время уже можно встрѣтить повсюду. Не далѣе, какъ въ прошломъ году въ одной изъ большихъ газетъ нашихъ было напечатано слѣдующее: «Теперь же, въ самую среду русскаго народа проглядывается хотя и медленно, но настойчиво и успѣшно, новая мрачная сила, на которую безпрестанно раздаются жалобы изъ всѣхъ уголковъ

Россіи. Сила эта—евреи. Не смотря на законодательныя мѣры, они съ каждымъ годомъ проникають все дальѣе и дальѣе: нѣтъ племени, сквозь которую они не пролѣзли бы, нѣтъ закона, который бы они не обогнали». Намъ скажутъ, что въ борьбѣ за существованіе, въ промышленной борьбѣ, побѣда всегда остается затѣмъ, въ комъ болѣе ума, энергии, настойчивости и предприимчивости, и что несправедливо обвинять евреевъ за то, что они въ этихъ качествахъ превосходятъ не только насъ, русскіе, но и всѣ другіе народы, а потому и вообще актипатія къ евреямъ несправедлива въ своемъ основаніи. Положимъ, что это вѣрно; но дѣло въ томъ, что успѣхъ евреямъ обусловливается не столько этимъ умственнымъ превосходствомъ ихъ надъ другими народами (если допустить, что такое превосходство действительно существуетъ), а гораздо болѣе неразборчивостью ихъ на средства, тѣми недоваженными не только самими общими понятіями о нравственности, но и запрещенными законами темными путями всѣческаго обмана. Мы не говоримъ, чтобы ловкіе люди другихъ національностей не пользовались иногда такими же средствами—плуты, воры и мошенники встрѣчаются въ средѣ каждаго; но что въ одномъ случаѣ встрѣчается какъ частное явленіе, въ другомъ является чуть не общимъ характеромъ дѣятельности повсюду, при всякомъ правовомъ и бытовомъ положеніи, какъ мы видѣли выше по отношенію Германіи и Америки. На изобрѣтеніе своихъ гешефтовъ евреи по-истинѣ неподражаемы. Они создаютъ ихъ тамъ, гдѣ мовидному нѣтъ ни какой мочвы для нихъ. Вышла, напримѣръ, новья двадцати-пяти-рублевья бумажка—евреи въ мигъ создали изъ этого гешефтъ, въ ущербъ народу. Не такъ давно изъ Мозыря (Минской губерніи) сообщено было «Голосу» (№ 77 сего года). «По всему нашему уѣзду проняла молва, что двадцати-пяти-рублевья бумажки стараго образца потеряли свою цѣну, вслѣдствіе чего владѣльцы такихъ билетовъ стараются, по возможности, сбыть ихъ съ рукъ. Слухъ распустили евреи, которые, какъ оказывается, порѣшили во что бы ни стало обобрать у крестьянъ всѣ двадцати-пяти-рублевые билеты. Недавно, напримѣръ, въ городъ пріѣхалъ какой-то крестьянинъ размѣнять шесть двадцати-пяти-рублевыхъ бумажекъ; обошелъ всѣ еврейскія лавки—ему никто не давалъ болѣе, какъ по 13 р. Въ настоящее время извѣстно, что эта еврейская проделка практиковалась не въ одномъ Мозырскомъ уѣздѣ. Надо сказать еще, что антипатію, внушаемую евреями народу своею экономическою эксплуатациею, они увеличиваютъ своимъ нахальствомъ и задоромъ при всякомъ случаѣ, гдѣ они чувствуютъ себя въ силѣ. Для наживы, они не останавливаются ни предъ чѣмъ. Въ Одессѣ, напримѣръ, не разъ уже возникли судебныя преслѣдованія евреевъ за торговлю женщинами, которыхъ они болѣе или менѣе обманомъ увозили въ Турцію для продажи охот-

никакъ и въ дѣла теримости. Одинъ подобный процессъ происходилъ не далѣе, какъ 29 сентября въ одесскомъ окружномъ судѣ по обвиненію мѣщаномъ Гильды Янкелевичъ и Маріи Киргимовъ въ продажѣ дѣвушекъ въ Константиновомъ («Голось» 1880 г., № 277). На судѣ обнаружилось существованіе цѣлой партіи, занимающейся этимъ промысломъ.

Относясь такимъ образомъ въ законамъ нравственности, евреи въ то же время до невѣроятности фанатичны, нетерпимы и неумолимо мстительны во всемъ, что касается ихъ религіи, причѣмъ не останавливаются даже передъ убійствомъ. Такъ, напримѣръ («Голось» 1879 г., № 247) 4-го іюля, въ линковскомъ востелѣ, поневиѣскаго прихода, была окрещена молодая, 18-лѣтняя еврейская дѣвушка, Елена Н. Послѣ святаго крещенія, ее помѣстили въ Линковѣ, въ домъ одной женщины, гдѣ она пребыла до 1-го августа. Въ этотъ день неизвѣстные евреи выманили ее изъ дома и связавшую привезли въ мѣстечко Покрой, въ 14-ти верстахъ отъ Линкова, гдѣ, втеченіи нѣсколькихъ дней, морили ее голодомъ, дѣлая ей въ то же время разныя неприятели. Вслѣдъ затѣмъ, они увезли ее въ Радзивиллишки, Шавельскаго уѣзда, и здѣсь, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ мѣстечка, умертвили ее, ударивъ несчастную тупымъ орудіемъ по головѣ. Слѣдствіе уже раскрыло всѣ перипетіи этого ужаснаго преступленія».

Глубоко возмущаясь тѣми неистовствами, которыя совершены были надъ евреями въ разныхъ мѣстахъ южной и юго-западной Россіи, темнымъ простонародьемъ, неприязненностью котораго къ евреямъ, самими же ими созданною, воспользовались злоумышленники, и признавая настоятельную необходимость самаго строгаго и всесторонняго разслѣдованія этого дѣла и принятіе самыхъ рѣшительныхъ мѣръ къ прекращенію всякой возможности повторенія подобныхъ прискорбныхъ событій, — мы тѣмъ не менѣе утверждаемъ, во первыхъ, что на этотъ вопросъ прежде всего слѣдуетъ взглянуть съ точки зрѣнія благосостоянія массы нашего народонаселенія, столь жестоко и такъ давно эксплуатируемой евреями, а не съ исключительной точки зрѣнія покровительства евреямъ, въ ущербъ интересамъ мѣстнаго населенія, отъ котораго нѣкоторое число евреевъ хотя и потерпѣло въ настоящее время, но причиненный имъ матеріальный убытокъ, въ концѣ концовъ, неминуемо будетъ вознагражденъ на счетъ того же населенія и притомъ, конечно, съ жидовскими процентами, такъ какъ это разореніе еще усилитъ энергію евреевъ вернуть возможно скорѣе потерянное; а во вторыхъ, что: безъ содѣйствія самихъ евреевъ, безъ измѣненія характера ихъ дѣятельности по отношенію къ народу, нивакія мѣры, а въ томъ числѣ даже и сравненіе ихъ правъ въ отношеніи ихъ съ остальнымъ населеніемъ государства, не достигнутъ полнаго успѣха, какъ это доказываетъ примѣръ Германіи и до нѣкоторой степени Со-

единенныхъ Американскихъ Штатовъ. Мы, въ свою очередь, скажемъ тоже, что «безъ огня дыму не бываетъ»; этотъ огонь и есть та антипатія, которую евреи всюду внушаютъ совмѣстному населенію. Потушить этотъ огонь могутъ лучше всего сами евреи, воздерживаясь отъ подобной дѣятельности, внеси въ свои отношенія къ своимъ согражданамъ иновѣрцамъ болѣе чувства правды и честности и обуздывая свои непомерно корыстные инстинкты и страсть къ наживѣ, во что бы то ни стало. Безъ этого, при самой полной свободѣ расселенія, они будутъ только повсюду разносить съ собою антипатію и вражду къ себѣ, что мы видимъ теперь и въ Россіи, и за границей. Къ сожалѣнію, этого то именно и не хотятъ сознать евреи, насколько можно судить потому, что на увѣщаніе въ этомъ смыслѣ, херсонскаго губернатора Эрдели при посѣщеніи имъ Елисаветграда послѣ катастрофы, обращенное имъ къ мѣстнымъ евреямъ, они отвѣчали, что не находятъ нужнымъ измѣнять себѣ въ чемъ либо. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ курьезномъ фактѣ газета «Голось» (№ 118) изъ Елисаветграда: «Вчера, 21 апрѣля, херсонскій губернаторъ, г. Эрдели, пригласилъ къ себѣ нѣсколькихъ, болѣе вліятельныхъ изъ числа образованныхъ евреевъ, съ равномъ во главѣ, и обратился къ нимъ съ рѣчью. Онъ увѣщевалъ ихъ подумать о будущемъ, просилъ ихъ вліять на низшихъ братьевъ своихъ, единовѣрцовъ, на массу, въ смыслѣ улучшенія ихъ нравовъ и на оставленіе своихъ эксплуататорскихъ наклонностей по отношенію къ крестьянамъ и проч. въ этомъ родѣ.

«Отвѣтъ евреевъ показываетъ, что они или не желали войти въ смыслъ рѣчи губернатора, или не раздѣляютъ ея сущности, признавая, что никакихъ улучшеній къ этому отношенію не требуется. Резюме ихъ отвѣтовъ таково: мы русскіе, больше чѣмъ сами русскіе». На это только можно именно привести пословицу: «вотъ и толкуй большой съ поддекаремъ».

Всякое огульное обвиненіе заключаетъ въ себѣ извѣстную долю несправедливости, и мы, всѣмъ тѣмъ, что было нами сказано относительно неприглядныхъ сторонъ еврейскаго характера и еврейской дѣятельности, не кладемъ безусловнаго осужденія на все израильское племя, признавая, что и въ средѣ его есть люди высоко-нравственные, вполне гуманные и достойные всякаго уваженія, которые конечно не могутъ не сознавать, какъ далеко стоитъ отъ нихъ въ нравственномъ отношеніи масса ихъ единоплеменниковъ, и безъ сомнѣнія глубоко скорбятъ о томъ; но надо думать, что ихъ или немного, или вліаніе ихъ на эту массу безсильно, потому что она, эта масса, всегда и всюду остается все также неизмѣнною въ своихъ нравахъ и возрѣвнѣяхъ, обуславливающихъ общую къ ней антипатію.

НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

Метеорическое происхождение града ¹⁾. Вопрос о происхождении града принадлежит и по-нынѣ къ числу открытых и во многихъ отношеніяхъ весьма загадочныхъ явленій, а потому, само собою понятно, что всякая болѣе или менѣе научная попытка выяснитъ истинный смыслъ даннаго явленія заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Въ числу такихъ попытокъ относится недавно предложенная г. Шведовымъ теорія происхожденія града,—теорія замѣчательная, какъ по своей оригинальности, такъ и по своей законченности.

Общераспространенное мнѣніе, будто градъ есть явленіе атмосферическое и происхожденіемъ своимъ обязанъ мѣстнымъ восходящимъ токамъ воздуха, насыщеннаго парами, г. Шведовъ находитъ вовсе не отвѣчающимъ наблюдаемымъ фактамъ. Достаточно уже сказать, что съ этимъ общераспространеннымъ мнѣніемъ вовсе не согласуются засвидѣтельствованные многочисленными наблюденіями случаи выпаденія градинъ большихъ размѣровъ—не только въ куриное яйцо, но даже въ кулакъ и больше; въ Венгріи, напримѣръ, выпала однажды цѣлая ледяная глыба, которую не могли поднять нѣсколько человѣкъ. Возможность образованія подобныхъ градинъ при обычныхъ атмосферическихъ условіяхъ совершенно необъяснима. Напротивъ, явленіе это становится понятнымъ, если принять, что градъ—космическаго происхожденія, подобно всякому метеору, и что паденіе его подчинено тому же закону, которымъ обуславливается паденіе метеоровъ.

Помимо размѣровъ, въ пользу космическаго происхожденія града

---

¹⁾ Э. Шведовъ, «Что такое градъ?» («Журналъ русскаго физико-химическаго общества», т. XII, вв. 5, 7 и 9, 1880 г. и т. XIII, вв. 2 и 3, 1881 г.).

говорить форма градинъ и ихъ структура. Въ этомъ отношеніи, но-
вѣйшія изслѣдованія, въ особенности г. Абиха, обнаруживаютъ цѣлый
рядъ такихъ фактовъ, которые вовсе необъяснимы съ точки зрѣнія
атмосфернаго происхожденія града.

Въ самомъ дѣлѣ, «если, говорить г. Шведовъ, — градъ рассматривать,
какъ продуктъ быстрой конденсации (сгущенія) паровъ, имѣющихъ
мѣсто въ массѣ воздуховоротовъ, то трудно представить какія нибудь
теоретическія данныя, по которымъ градина должна имѣть какую, а
не иную форму. Представленіе о безформенномъ конгломератѣ является
самымъ естественнымъ разрѣшеніемъ теоретическимъ усилій, а потому,
какова бы ни была форма градинъ дѣйствительныхъ, она удовлетво-
ряетъ неопредѣленности теоретическихъ предположеній. Сомнѣнія иныя
требованія представляются космоической теоріей града. Если градины
зарождаются и формируются въ небесномъ пространствѣ, то, подобно
небеснымъ тѣламъ вообще, а планетамъ въ частности, онѣ должны
быть подчинены, по отношенію къ ихъ формѣ, строго опредѣленнымъ
законамъ. Съ этой точки зрѣнія, изученіе дѣйствительныхъ формъ
градинъ получаетъ особенный интересъ и особенный характеръ. Каж-
дое видоизмѣненіе, каждая деталь въ этихъ формахъ перестаетъ быть
продуктомъ непредвидѣнной случайности, становится необходимымъ фак-
томъ, частностью въ развитіи одного общаго плана, подлежащаго спе-
ціальному обсужденію».

Таковы требованія двухъ противоположныхъ теорій; согласно одной
атмосферической теоріи града—опредѣленность формы послѣдняго не
составляетъ необходимаго явленія; согласно другой, космоической тео-
ріи—предполагается не только опредѣленность формы, но и извѣст-
ная опредѣленность въ измѣненіяхъ послѣдней.

Что же говорятъ факты? Обращаясь къ этому вопросу г. Шведовъ
приводитъ цѣлый рядъ фактовъ изъ обстоятельныхъ изслѣдованій по
данному предмету г. Абиха, фактовъ, свидѣтельствующихъ, что «обще-
извѣстная форма градинъ—сфероидъ, представляетъ такую непрерыв-
ность, послѣдовательность въ видоизмѣненіи одной и той геометриче-
ской формы, которая, даже помимо теоретическихъ соображеній, сви-
дѣтельствуетъ объ исторической преемственности въ образованіи этихъ
формъ». Такъ, г. Абихъ, на основаніи многочисленныхъ своихъ изслѣ-
дованій утверждаетъ, что болѣе или менѣе сжатый съ двухъ сторонъ
сфероидъ есть общій типъ градинъ, указывающій на общій законъ
ихъ образованія. Мало того, факты не только свидѣлствуютъ, что
сжатость сфероидовъ есть общая всѣмъ градинамъ геометрическая
форма, но они свидѣлствуютъ также, что эта форма представляетъ
всевозможные переходы, начиная почти отъ совершенныхъ шаровъ и
кончая совершенно сплюснутыми дисками.

Другими словами, это непосредственно приводит къ заключенію, что формы градинъ представляютъ постепенныя видоизмѣненія одного и того же геометрическаго тѣла;—положеніе, приобретающее еще большее значеніе, если принять во вниманіе одну перѣдко обнаруживаемую формою градинъ особенность, состоящую въ томъ, что часть поверхности градинъ является иногда вдавленной или doubly вогнутою, такимъ образомъ, что вся градина отличается въ срединѣ меньшею толщиною, нежели по окружности. Въ некоторыхъ случаяхъ такое центральное углубленіе двухъ противоположныхъ сторонъ возрастаетъ до того, что обѣ вогнутыя плоскости, въ концѣ концовъ, встречаются между собою, вслѣдствіе чего образуется сквозной каналъ. Такия градины дѣйствительно наблюдались. Но сфероидъ, такъ сказать, пробурованный въ центрѣ сквознымъ каналомъ, «въ геометрическомъ смыслѣ» есть ничто иное, какъ кольцо. Такимъ образомъ, кольцо оказывается одною изъ формъ градинъ; «кольцо представляетъ крайнюю ступень въ измѣненіи формы ледянаго сфероида, по мѣрѣ развитія его сплюснутости и вогнутости полюсовъ» (Шведовъ).

Съ точки зрѣнія атмосферной теоріи града, эта послѣдовательность и опредѣленность въ измѣненіи основной, типической формы градинъ, совершенно необъяснимое явленіе. Гдѣ слѣдуетъ искать причину этого постепеннаго перехода почти отъ правильнаго шара къ вогнутому сфероиду и затѣмъ къ кольцу? Очевидно, этотъ послѣдовательный рядъ переходовъ не составляетъ случайности и подчиненъ одному общему закону. Прежде всего, если соединить въ одно цѣльное представленіе сказанное выше о формахъ градинъ, то невольно бросается въ глаза аналогія этихъ формъ съ тѣми, которыя долженъ принимать сфероидъ, вращающійся около своей оси и обладающій свойствомъ удобоподвижности частицъ.

Общезвѣстный опытъ Плато надъ массою жидкости, свободно плавающей въ другой жидкости той же плотности, можетъ служить тому нагляднымъ примѣромъ. Въ случаѣ совершеннаго покоя, такая масса жидкости сохраняетъ форму шара; но если заставить ее вращаться около своей оси, то по мѣрѣ увеличенія скорости такого вращенія она принимаетъ, по причинѣ центробѣжной силы, сначала видъ эллипсоида (яйцевидная форма), затѣмъ сплюснутаго сфероида съ углубленіями у полюсовъ, и наконецъ, превращается въ кольцо, т. е. проходитъ послѣдовательно всѣ тѣ видоизмѣненія, которыя обнаруживаютъ формы градинъ.

Опытъ Плато служитъ, какъ извѣстно, для нагляднаго поясненія сфероидальной формы планетъ и образованія колецъ, напримѣръ, Сатурна. Но съ точки зрѣнія космической теоріи града—это тѣло, подобно всякому міровому тѣлу, свободно движущемуся въ космическомъ

пространствѣ, необходимо подлечь вращательному движению вокруг своей оси, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стало быть, должно испытывать, подъ вліяніемъ центробѣжной силы, тѣ же изгибныя формы, которыя испытываетъ шарообразная масса жидкости въ опытѣ Плато. Разъ мы принимаемъ такое положеніе истиннымъ, тогда становится уже совершенно понятною причина происхожденія тѣхъ характерныхъ формъ градинъ, которыя наблюдаются въ дѣйствительности.

Правда, противъ такого объясненія можно возразить, что только что разсмотрѣнное явленіе необходимо предполагаетъ извѣстную удобоподвижность частицъ. Такая удобоподвижность имѣеть мѣсто для жидкости, какъ въ опытѣ Плато, но въ дѣль градъ—твердое тѣло и въ такомъ случаѣ остается стало быть допустить, что градъ зарождается въ предѣлахъ атмосферы, такъ какъ только въ атмосферѣ вода можетъ отличаться необходимымъ для предположенной удобоподвижности частицъ капельножидкимъ состояніемъ; въ небесномъ же пространствѣ, вслѣдствіе чрезвычайно низкой температуры, она должна бы существовать въ твердомъ видѣ. Возраженіе это, однако, не выдерживаетъ критики.

Во-первыхъ, мысль, что капельножидкая вода можетъ принимать въ атмосферѣ сферическую форму, подобную градинамъ, могла бы имѣть основаніе, если-бы дѣло шло о мелкихъ зернахъ, величиною въ горошину или въ крайнемъ случаѣ съ орѣхъ. Но дѣйствительныя градины сферическаго вида имѣють иногда громадные размѣры. Въ Утрехтѣ, въ 1846 году, выпала, между прочимъ, градина 9-ти дюймовъ въ діаметрѣ, имѣющая форму чечевицы, т. е. очень сплюснутаго эллипсоида вращенія. Допустить, что капельножидкая масса подобныхъ размѣровъ могла падать въ атмосферѣ цѣликомъ, не разбиваясь на отдѣльныя капли и кромѣ того сохраняя правильную геометрическую форму, значило бы войти въ область разсказовъ по-истинѣ фантастическихъ» (Шведовъ).

Во-вторыхъ, необходимо обратить вниманіе еще на слѣдующее обстоятельство: многія твердыя тѣла обладаютъ свойствомъ пластичности или тягучести, благодаря которому они, подъ вліяніемъ дѣйствующихъ на нихъ силъ, измѣняютъ свою форму, не подвергаясь разрушенію. По причинѣ этого именно свойства, пластичныя тѣла могутъ обнаруживать явленія текучести, подобно жидкостямъ. Въ такимъ пластичнымъ тѣламъ, какъ свидѣтельствуютъ многочисленныя факты, относится и ледъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется передвиженіе ледниковъ или глетчеровъ,—передвиженіе, отличающееся отъ теченія рѣки только меньшею скоростью. При этомъ, однако, необходимо имѣть въ виду, что для обнаруженія удобоподвижности частицъ льда, тѣ вертикальныя давленія, которыя существуютъ въ глетчерахъ или вагия употребляются въ опытахъ, имѣющихъ цѣлью доказать пластичность

льда и рассчитываемъ на малый периодъ времени, вовсе не составлять необходимости. Опытъ показываетъ, что самыя ничтожныя силы достаточно для обнаруженія удобоводвижности частицъ ледяной массы; требуется только соответственно продолжительный периодъ времени, тѣмъ болѣе, чѣмъ ничтожныѣ дѣйствіе силы. «Но ледъ космическій, т. е. градъ, говоритъ г. Шведовъ,—считаетъ свое существованіе не сутками и даже не годами, а тысячелѣтіями. Неудивительно поэтому, что ничтожныя силы взаимнаго притяженія частицъ и силы центробѣжной достаточно для приданія градинамъ формы тѣмъ вращенія. Предположеніе о капельножидкомъ состояніи градинъ является совершенно излишнимъ».

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія космической теоріи, становится понятнымъ, почему формы градинъ, не смотря на ихъ кажущееся разнообразіе, обнаруживаютъ тѣ общія всѣмъ имъ свойства, которыя указываются наблюдениемъ. Формы эти правильны, потому что подчинены простымъ законамъ механики; онѣ принадлежатъ къ одному общему типу, потому что слѣдуютъ одному вышеуказанному общему процессу образованія; онѣ напоминаютъ разновидности одного и того же вида, «потому что развитіе ихъ опредѣляется, съ одной стороны, сохраненіемъ общаго типа, а съ другой—приспособленіемъ къ индивидуальнымъ условіямъ существованія». Для градинъ такими условіями служатъ масса и скорость вращенія вокругъ оси. «Каждая градина стремится принять ту форму, которая соответствуетъ ея массѣ и ея скорости вращенія, и принимаетъ она эту форму вслѣдствіе пластичности льда. Но влоть процессъ приспособленія градины къ свойственной ей формѣ совершается втеченіи тысячелѣтій. Каждая градина имѣетъ свою исторію, свой возрастъ». И объ этомъ возрастѣ (имѣется въ виду относительный возрастъ) нѣкоторое представленіе можетъ дать вышеуказанный законъ образованія градинъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ виду этого закона не трудно придти къ заключенію, что «въ среднемъ возрастѣ градины тѣмъ старше, чѣмъ болѣе она уступила дѣйствию центробѣжной силы, т. е. чѣмъ болѣе она отличается отъ совершеннаго шара и чѣмъ болѣе подходитъ къ формѣ сплюснутаго сфероида или диска».

Обращаясь дажѣ къ внутреннему строенію градинъ, г. Шведовъ находитъ, что она такъ же мало отвѣчаетъ атмосферной теоріи града, какъ и форма послѣдняго, его внѣшнія очертанія. Такъ, напримѣръ, согласно общепринятому мнѣнію, замѣчаемое въ центрѣ большинства градинъ зерно или ядро рассматривается обыкновенно какъ первоначальное тѣльце, на которое затѣмъ осаждаются изъ атмосферы новыя ледяные слои. Если-бы таковой взглядъ отвѣчалъ дѣйствительности, то зерно и окружающая его оболочка должны были бы обнаруживать

болѣе или менѣе различную структуру. А между тѣмъ исследование внутренняго строенія градинъ свидѣтельствуетъ совершенно обратное, именно, что по своей структурѣ зерно градины составляетъ непосредственное продолженіе структуры остальной ея массы и притомъ не только въ физическомъ, но и въ геометрическомъ смыслѣ.

Вообще говоря, «факты ни въ какой мѣрѣ не подтверждаютъ предположенія, будто градины суть случайные конгломераты зеренъ или продукты наплавованія беспорядочныхъ массъ». Факты напротивъ говорятъ, что строеніе градинъ обнаруживаетъ опредѣленные геометрическія соотношенія; что вмѣсто предполагаемаго наслоенія на ядро разнородныхъ пластовъ, структура градины представляетъ цѣлую систему пустыхъ щелей, прослоевъ, свазаннъ, расчлененныхъ радиально, т. е. перпендикулярно къ поверхности сфероида. Согласно космической теоріи, такое строеніе не только не парадоксально, а напротивъ составляетъ прямое слѣдствіе тѣхъ вышеописанныхъ измѣненій, которыми опредѣляется переходъ градины отъ одной формы къ другой.

Но, помимо структуры, заслуживаетъ вниманіе еще одно немаловажное обстоятельство. Какъ показываютъ наблюденія, иногда встрѣчаются градины, въ особенности изъ крупныхъ, покрытыя ледяными кристаллами. По мнѣнію г. Шведова, явленіе это объясняется тѣмъ, что способность кристаллизоваться не составляетъ исключительную особенность какаго нибудь одного физическаго состоянія тѣла, а обще всѣмъ тремъ состояніямъ. Если тѣла кристаллизуются изъ парообразнаго, расплавленнаго, или раствореннаго состоянія, то не существуетъ ни малѣйшаго основанія отрицать возможность подобнаго же явленія и тѣла въ твердомъ состояніи. Въ этомъ отношеніи вся разница между тѣлами жидкими и твердыми сводится, въ сущности, къ тому, что для кристаллизаціи первыхъ достаточно минуты, для кристаллизаціи послѣднихъ необходимы вѣка. «Подъ вліяніемъ молекулярныхъ силъ, дѣйствующихъ между частицами твердаго тѣла, въ послѣднемъ совершается втеченіи неизмѣримо долгихъ промежутковъ времени, та внутренняя работа, конечнымъ результатомъ которой является кристаллическое строеніе вещества, тѣмъ болѣе совершенное, чѣмъ менѣе это тѣло подвергается внѣшнимъ, нарушающимъ его новой условіямъ».

Г. Шведовъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что этотъ взглядъ открываетъ для умозрѣнія обширный горизонтъ обобщеній. Въ самомъ дѣлѣ, съ этой точки зрѣнія становится уже вполне понятнымъ, почему массы несомнѣнно твердыя, какъ напримѣръ искусственно выдѣланное желѣзо, вначалѣ обладающія волокнистымъ сложеніемъ, втеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, принимаютъ явственно кристаллическое строеніе; становится понятнымъ, вслѣдствіе какой причины и при какихъ условіяхъ могутъ образоваться внутри

земли, въ пещерахъ, цѣлыя скалы углекислой извести, представляющіе изъ себя одинъ сплошной кристалъ, такъ называемые сталактиты; становится понятнымъ, почему метеорное желѣзо является въ видѣ колоссальныхъ кристалловъ, «не смотря на то, что химическій составъ веществъ, его сопровождающихъ, не допускаетъ мысли, чтобы это желѣзо, до своего паденія на землю, могло быть въ расплавленномъ состояніи». Наконецъ, все то-же дѣйствіе внутримолекулярныхъ силъ объясняетъ намъ, почему ледяные метеориты, т. е. градины, являются въ кристаллическомъ видѣ.

«Кристалъ есть окончательная форма твердаго вещества, представленнаго покою и собственнымъ молекулярнымъ силамъ». Стало быть каждую градину, какъ твердое тѣло, въ концѣ концовъ ожидаетъ данная форма; вопросъ только во времени, и тѣ градины, которыя наблюдаются съ наружнымъ кристаллическимъ наслоеніемъ, представляютъ уже переходъ къ этой окончательной формѣ твердаго вещества.

«Но прежде чѣмъ достигнуть этой формы, говоритъ авторъ разсматриваемой космической теоріи,—каждая градина проходитъ свой циклъ развитія. Въ раннемъ возрастѣ она собирается изъ разсыпанной въ между-планетномъ пространствѣ матеріи. Въ этой стадіи развитія она имѣетъ видъ маленькихъ сфероидовъ, состоящихъ изъ рыхлаго вещества. Это наиболѣе распространенная разновидность ледяныхъ метеоритовъ. Въ среднемъ возрастѣ градина, продолжая отчасти наростать извнѣ, уплотняется внутри и приспособляется къ тѣмъ механическимъ условіямъ равновѣсія, которыя зависятъ отъ ея массы и угловой скорости вращенія (т. е. скорости вращенія около ея оси). Это приспособленіе сопровождается измѣненіемъ шарообразной формы въ болѣе или менѣе сплюснутую, образованіемъ трещинъ, скважинъ и прослойковъ, перпендикулярныхъ къ поверхности сфероида. Наконецъ, въ старомъ возрастѣ, уплотнившееся твердое вещество градинъ превращается изъ сфероидальной въ кристаллоидальную форму. Превращеніе это совершается путемъ постепеннаго роста кристалловъ, образовавшихся на поверхности насчетъ прикасающихся къ нимъ частицъ сфероида. Ахъ, смотря на одно изъ подобныхъ тѣлъ, возмѣлъ мысль сравнить кристаллы съ паразитами. Это сравненіе не только образно, но и генетически вѣрно. Кристалъ дѣйствительно питается насчетъ той градины, которая служитъ ему точкою прикрѣпленія».

Что же касается вопроса о періодѣ времени, необходимомъ для только что описаннаго цикла развитія градинъ, то наличныя данныя весьма еще недостаточны для рѣшенія такого вопроса. Во всякомъ случаѣ, какъ полагаетъ г. Шведовъ, нѣкоторыя случайныя наблюде-

нія свидѣтельствуютъ, что десятилѣтія не оказываютъ замѣтнаго вліянія на измѣненіе структуры градинъ. Такъ, 21 іюня новаго стиля 1869 года, въ 7 часовъ вечера, земля встрѣтилась съ роемъ старыхъ градинъ, наблюдавшихся и описанныхъ Абихомъ, на Бѣломъ-Ключѣ (близъ Тифлиса). Черезъ десять лѣтъ, почти въ той же точкѣ своей орбиты и въ томъ же почти часу дня, именно 29 іюня 1879 г., въ 6^{1/2} часовъ вечера, земля вновь встрѣтилась съ тѣмъ же роемъ градинъ, наблюдавшихся на этотъ разъ въ Базелѣ и описанныхъ Гагенбахомъ и Меріаномъ. Сопоставленіе двухъ данныхъ наблюденій обнаружило весьма замѣчательное обстоятельство, именно оказалось, что, не смотря на весьма оригинальную форму градинъ въ обоихъ случаяхъ, градины 1879 г. «представляли не только подобія, но даже тождество съ тѣми, которыя выпали въ 1869 г. близъ Тифлиса и были описаны Абихомъ»¹⁾. Тѣ же размѣры сферондовъ; та же ихъ сплюснутость, то же центральное зерно молочнаго вида, та же лучистость структуры, тѣ же пирамидальные кристаллы, опоясывающіе градину по экватору и глубоко сидящіе въ ея массѣ. И все это не смотря на то, что атмосферныя условія въ обоихъ случаяхъ были діаметрально противоположны. Въ 1869 г. «какъ будто рвались и толчками надвигались массы воздуха»; въ 1879 г. градины падали «почти при полномъ безвѣтріи». Въ первомъ случаѣ «градъ низвергался взрывами, одновременно изъ различныхъ точекъ»; во второмъ случаѣ «градины падали совершенно отвѣсно». Въ 1869 г., на Бѣломъ-Ключѣ, втеченіе всего дня температура не поднималась выше 12^{1/3}°; въ 1879 г. въ Базелѣ, день былъ душливый и температура доходила до 36°. Оказывается, такимъ образомъ, говорить по этому поводу г. Шведовъ, — что природа, низвергая на землю рои градинъ, не принимаетъ въ расчетъ нашихъ «мѣстныхъ условій».

Такова въ своихъ общихъ, существенныхъ чертахъ космическая теорія града, предложенная профессоромъ Шведовымъ. Мы до того свыклись съ взглядами противоположными только что изложеннымъ, что неудивительно, если съ перваго раза эта теорія въ самомъ принципѣ можетъ казаться невѣроятною. Но многочисленные факты, значеніе которыхъ становится понятнымъ только съ точки зрѣнія космическаго происхожденія града и совершенно необъяснимы, даже совершенно невозможны съ точки зрѣнія общераспространеннаго ученія, — говорятъ въ пользу этой космической теорія.

Само собою разумѣется, теорія эта допускаетъ нѣкоторые болѣе или менѣе существенныя возраженія и было бы удивительно, если-бы,

¹⁾ Wiemann's Annalen d. Physik und Chemie, 1879, № 12, стр. 669.

подобно всякому новому учению, она этого не допускала. Не большинство возражений легко устранимо. Такъ, напимѣръ, можно указать на тотъ общеизвѣстный фактъ, что паденіе метеоритовъ сопровождается, по причинѣ тренія о воздухъ, накаливаніемъ и даже испареніемъ; соотвѣтствующее же повышеніе температуры должны испытывать и градины, если онѣ дѣйствительно падаютъ съ небеснаго пространства, а въ такомъ случаѣ градины должны были бы испаряться въ атмосферѣ, не достигая земли.

Но возраженіе это въ сущности вовсе неосновательное. Достаточно сказать, что самое представленіе о повышеніи температуры метеоритовъ при паденіи очень преувеличено. Достоверно извѣстно, что при этомъ метеориты всего болѣе нагрѣваютъ атмосферу, сами же накалываются только съ поверхности, оставаясь внутри почти холодными. Да, наконецъ, космическая теорія вовсе не отрицаетъ возможности испаренія градинъ; напротивъ она считаетъ несомнѣннымъ, что градины, проходя атмосферу, не нарастаютъ, а именно разрушаются, и земли достигаютъ тѣ изъ нихъ, которыя не подверглись полному разрушенію; не будь этого—случаи выпаденія града и притомъ громадныхъ размѣровъ были бы гораздо чаще обыкновеннаго.

Такъ же мало основательны и другія возраженія, которыя могутъ быть сдѣланы противъ космической теоріи града. Во всякомъ случаѣ ничто не доказываетъ, что бы тѣ или другія исключенія, допускаемыя данною теоріею, не могли быть объяснены измѣненіями въ комбинаціи тѣхъ самыхъ условій, которыми объясняетъ эта теорія обычное проявленіе рассматриваемаго феномена.

Пыль и дождь ¹⁾). Весьма недавно англійскій ученый Джонъ Эткенъ публиковалъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ опытовъ, доказывающихъ, что образованіе тумановъ и облаковъ находится въ тѣсной связи съ плавающей въ атмосферѣ пылью. Такъ, смѣшавъ въ одномъ большомъ приемникѣ водяные пары съ обыкновеннымъ воздухомъ, переполненнымъ, какъ показалъ Тиндаль, пылью, и введя соотвѣтствующее же количество паровъ въ другой такихъ-же размѣровъ приемникъ, содержащій чистый, освобожденный отъ пыли воздухъ, Эткенъ нашелъ, что въ первомъ приемникѣ паръ ступился въ обычную форму облаковъ, тогда какъ во второмъ, при совершенномъ равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, водяные пары продолжали оставаться прозрачными. Такимъ образомъ, въ противоположность

¹⁾ «Nature» (англ.) № 538, 1880.

общепринятаго мнѣнія, опыты эти показываютъ, что образованіе облачныхъ капелекъ происходитъ не путемъ непосредственнаго сочетанія молекулъ водяныхъ паровъ между собою, а путемъ расположенія ихъ вокругъ твердой частицы.

Каждан пылинка является центральной точкою опоры, на которую осѣдаютъ пары, и служить такимъ образомъ условіемъ образованія дождевой капли. Другими словами, воздухъ, изобилующій пылью, содѣйствуетъ образованію тумановъ и облаковъ; въ воздухѣ же, содержащемъ твердыя постороннія частицы въ незначительномъ количествѣ, пары сохраняютъ свое первичное, прозрачное состояніе. Обстоятельство въ высшей степени примѣчательное.

Въ самомъ дѣлѣ, если указываемое соотношеніе дѣйствительно представляется таковымъ, какъ обнаруживается оно въ опытахъ Эткена,—опытахъ, произведенныхъ весьма тщательно, то вопросъ о большей или меньшей оптической чистотѣ воздуха приобретаетъ важное значеніе съ метеорологической точки зрѣнія. Эткенъ дѣлалъ, на примѣръ, такой опытъ: въ замкнутое пространство, наполненное воздухомъ съ незначительнымъ количествомъ пыли, вводились водяные пары; достаточно было затѣмъ нѣсколько понизить температуру послѣднихъ и они, ступаясь въ облако, падали тяжелыми каплями, въ видѣ настоящаго дождя—явленіе, которое вовсе не имѣло мѣста въ оптически чистомъ воздухѣ. Подобные опыты невольно порождаютъ вопросъ: не зависятъ ли, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ, туманности главнымъ образомъ отъ чрезмѣрнаго и постояннаго переполненія атмосферы данной мѣстности пылью; на примѣръ, хотя бы знаменитые лондонскіе туманы, служатъ ли они необходимымъ спутникомъ англійскаго климата, или въ значительной степени обязаны своимъ существованіемъ колоссальному развитію фабрикъ этого города, переполняющихъ его атмосферу дымомъ, т. е. твердыми частицами углерода? Съ другой стороны, эта возможность дѣйствіемъ пыли заставлять пары осѣсть въ облако и получить искусственный дождь, не указываетъ ли на одно изъ средствъ, которыя давали бы возможность управлять, въ извѣстной степени, образованіемъ атмосферическихъ осадковъ? Все это вопросы заслуживающіе, конечно, самаго серьезнаго вниманія, и въ данномъ отношеніи, опыты Эткена представляютъ немаловажное значеніе. Будущее покажетъ, насколько правъ этотъ ученый, утверждая, что безъ пыли невозможны осадки паровъ. Во всякомъ случаѣ, вышеуказанные опыты, въ связи съ замѣченнымъ давно уже обстоятельствомъ, что послѣ большихъ сраженій, когда происходило большое образованіе пороховаго дыма, почти всегда шелъ дождь,—вполнѣ подтверждаютъ такое предположеніе.

Примѣненіе электрическаго свѣта къ освѣщенію внутренностей живаго организма ¹⁾. — Недавно, въ парижской обсерваторіи, Труве произвелъ родъ опытовъ, представляющихъ важное значеніе для хирургіи въ особенности, хотя и помимо того далеко нелишныя общаго интереса. Опыты производились надъ рыбою, плавающей въ аквариумѣ. Небольшая, спеціально для того приспособленная электрическая пластинка, соединенная проволокою съ батареей и снабженная платиновою проволокою, вводится въ ротъ рыбы. Если затѣмъ замкнуть токъ, то проволока накаливается и освѣщаетъ всю полость рта въ такомъ совершенствѣ, что послѣдняя кажется совершенно прозрачною.

Мало того, будучи введенъ глубже, именно въ самый пищеводъ, приборъ этотъ освѣтилъ все тѣло рыбы: послѣднее буквально стало настолько прозрачнымъ, что не только можно было сосчитать всѣ позвонки и ребра животнаго, но и рассмотреть довольно подробно расположеніе внутреннихъ органовъ животнаго. И что въ особенности обращаетъ на себя вниманіе—этотъ способъ освѣщенія сопровождается такимъ слабымъ развитіемъ тепла, что позволяетъ употреблять постоянный токъ съ очень тонкою платиновою проволокою: электрическая пластинка, вводящаяся въ ту или другую полость организма, устроена такимъ образомъ, что платиновая проволока, подлежащая накаливанію, не прикасается къ тканямъ и дѣйствіе тепла обнаруживается только черезъ излученіе. При этомъ, какъ показали опыты, термическое дѣйствіе этой лучистой теплоты до того слабо, что электрическая свѣтящаяся пластинка, введенная въ полость рта, втеченіи 30—40 секундъ, не повышала мѣстной температуры выше 36—38 градусовъ.

Громадное значеніе этого несложнаго способа освѣщенія и его широкое практическое примѣненіе очевидны само собою. И этимъ способомъ сумѣли уже воспользоваться. Такъ, съ помощью электрическаго освѣщенія, д-ръ Пеанъ опредѣлилъ съ точностью мѣсто, гдѣ застряла пуля у одного раненаго субъекта, и такимъ образомъ имѣлъ возможность легко извлечь ее изъ организма. Профессоръ Колинъ примѣнилъ тотъ же способъ для демонстрированія передъ своими слушателями на лекціяхъ физиологіи: воспользовавшись желудочною фистулою у одного быка, профессоръ ввелъ въ желудокъ свѣтящуюся электрическую пластинку и освѣтилъ этотъ органъ съ такою отчетливостію, что можно было рассмотреть всѣ детали въ устройствѣ послѣднаго. Полагаемъ, что дальнѣйшіе комментаріи излишни; способъ самъ за себя говорить.

Эльпе.

¹⁾ «La Nature», № 407, 1881.

МЕЖДУ ДѢЛОМЪ.

(ФЕЛЬЕТОННЫЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ).

День былъ пасмурный и свѣжій, но пребываніе въ душной квартирѣ, да еще одному, до такой степени опротивѣло, что я все-таки поѣхалъ въ Лѣсной, на дачу моего хорошаго знакомаго, Ивана Степановича Степанова, почтеннаго человѣка, служащаго съ незапамятныхъ временъ въ одномъ изъ департаментовъ министерства государственныхъ имуществъ. Онъ былъ женатъ, но не имѣлъ дѣтей и уже лѣтъ двадцать къ ряду жилъ каждое лѣто въ Лѣсномъ, радушно принимая у себя всѣхъ своихъ знакомыхъ, которые охотно посѣщали его. Впрочемъ Иванъ Степановичъ, хотя и жилъ на дачѣ, но образа своей жизни не мѣнялъ и природы не доллюбливалъ. Онъ, по возвращеніи изъ департамента, доѣзжалъ обыкновенно, прежде въ общественной каретѣ, а теперь по вонкѣ, до московскихъ казармъ, откуда шелъ пѣшкомъ до дачи, и считалъ этотъ мотіонъ вполне достаточнымъ для «циркуляціи крови и гимнастики», какъ онъ выражался. Затѣмъ, пообедавъ и выкуривъ на балконѣ сигару, онъ уходилъ отдыхать, а вечеромъ регулярно садился возырать съ пріятелями и козырять до полуночи, послѣ чего опять уходилъ спать. Провести вечеръ безъ игры въ карты было для него пыткой, и онъ обыкновенно въ подобный, къ счастью рѣдкій для него вечеръ былъ чрезвычайно недоволенъ, не спалъ почти всю ночь и на другое

утро было до невозможности придирчивъ къ своимъ подчиненнымъ. Но стоило только на другой вечеръ составиться партіи и Иванъ Степановичъ снова становился милѣйшимъ и любезнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ.

Такъ какъ я лично принадлежу къ тѣмъ рѣдкимъ экземплярамъ російскаго общества, которые не играютъ въ карты, то меня конечно привлекали на дачу Степанова ни онъ, ни его супруга, тоже проводившая вечера за своею партією въ вистъ. Нѣтъ, меня привлекалъ ея отецъ, почтенный и добродушный старичокъ изъ отставныхъ военныхъ, который терпѣть не могъ карты и потому или сидѣлъ по вечерамъ въ своей крошечной комнаткѣ на верху и читалъ, покуривая трубочку, или гулялъ по улицамъ Лѣснаго, вызывая неистощимый лай собакъ. Этотъ старичокъ очень любилъ меня и я всегда охотно бесѣдовалъ съ нимъ, выслушивая его, подчасъ ѣдя, но всегда правдивыя замѣчанія по различнымъ вопросамъ дня.

Послѣ обѣда, когда въ двухъ комнатахъ поставили обычные столы и началось «винченье», я со старичкомъ ушли на балконъ и повели обычную бесѣду. Стало теплѣе. Луна показалась изъ за облаковъ, и хотя чувствовалась сырость, но какъ то не хотѣлось уходить въ комнаты, гдѣ уже слышалось плепанье картъ и мѣрные возгласы, прерываемые порою горячими замѣчаніями и даже распеканціями партнера, по милости котораго пришлось заплатить штрафъ.

— Слышали вы о новыхъ перемѣнахъ въ администраціи? спросилъ я моего собесѣдника.

— Опять? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Да. Говорятъ, что...

— И охота вамъ повторять общія сплетни, перебилъ онъ меня.— Эти несчастные вопросы: «что новенькаго?» или «слышали?» всегда вызываютъ во мнѣ сѣверное чувство. Непремѣнно давай новенькаго, непремѣнно сообщи что-нибудь, хотя самое нелѣпое, самое невозможное, но сообщи. Эта погоня за новостями, за какими бы то ни было, политическими, городскими, частными, въ особенности скандальными, развѣ не доказываетъ, что мы еще совершенныя дѣти, и какъ избалованные постоянными подарками дѣти встрѣчаемъ всѣхъ и cadaго словами: «покажи, что ты мнѣ привезъ».

— Ну, не говорите. Бываютъ назначенія и перемѣны, которыя имѣютъ существенное значеніе и не могутъ не интересоваться...

— Кого?

— Образованнаго и интересующагося судьбами своей родины...

— Гражданина?

— Да, гражданина.

— Полноте! Много ли ихъ, истинныхъ-то гражданъ? Почти совсѣмъ нѣтъ. А интересуются воѣ. Но чѣмъ? Вы думаете, дѣйствительно, сознаниемъ важности переменъ для интересовъ отечества? Нисколько! Просто какъ новость. Совершенно одинаково, какъ интересовались бы побѣгомъ княжны Г. съ атлетомъ цереа Чинивелли, или продажей будуара Ирины Сентуаръ.

— Вы не правы. Есть много людей, которые дѣйствительно горячо принимаютъ къ сердцу интересы родины, и потому ихъ сильно волнуетъ та или другая переменъ личности, съ которой неминусемо связана и переменъ системы.

— Есть такіе люди, это точно. Только они во первыхъ, очень мало довѣряютъ слухамъ, а вѣрятъ только совершившимся фактамъ; а во вторыхъ, ихъ такъ мало, такъ мало, что...

— Отчего же? Вѣдь фактамъ всегда предшествуютъ слухи, которые весьма часто оказываются если не совсѣмъ, то отчасти справедливыми. Подобныя назначенія, какъ переменъ министровъ, не могутъ дѣлаться вдругъ, безъ предварительнаго совѣщанія; а что извѣстно двумъ, то уже не есть тайна. Да и нельзя дѣлать назначенія...

— Нельзя, батюшка мой, дѣлать подобныя назначенія такъ, зря, безъ всякаго основанія! долетѣлъ до насъ изъ залы голосъ Ивана Степановича.—У насъ вѣрнѣйшихъ двѣ въ червахъ, а вы назначаете три бубны, имѣя туза самъ-шесть.

— Да вѣдь у меня, Иванъ Степановичъ, нѣтъ ни одной червы.

— Все равно-съ! У меня ихъ много! Не оправдывайтесь, не оправдывайтесь! Стыграли какъ нельзя хуже. Эвона какой штрафъ записали! А вѣдь какая игра была, выходная! Ну какъ вамъ не стыдно!

— Вотъ единственныя назначенія, удача или неудача которыхъ принимается горячо къ сердцу всею козыряющею интеллигенціею, во всѣхъ градахъ и вѣсахъ нашей обширной российской имперіи. Объ этихъ назначеніяхъ спорить до слезъ, стараются убѣдить всѣми доводами логики и краснорѣчія, иногда онѣ доводятъ даже до размолвокъ и ссоръ. Повѣрьте мнѣ, дорогой мой, продолжалъ старичекъ, воодушевляясь:—я уже давно живу на свѣтѣ и пришелъ къ убѣжденію, что нѣтъ на свѣтѣ ничего, самаго трагическаго, самаго ужаснаго, что бы ни случилось въ Россіи, кромѣ, конечно, непосредственнаго нарушенія личной или имущественной безопасности, чтобы могло дѣйстви-

тельно и на долго взволновать наше изжившееся, выдохшееся общество.

— Будто?

— Да! Я долго думалъ объ этомъ, долго наблюдалъ въ различныхъ слояхъ общества и въ различныхъ мѣстахъ—и пришелъ къ этому заключенію. Есть только одно, что дѣйствительно сильно и глубоко поразило бы всю массу нашего общества и заставило бы его осознательно убѣдиться во всей его пошлости и пустотѣ.

— Однако есть?

— Да, есть! И я отъ души сожалѣю, что великая прогнестива этотъ опытъ хотя на самое короткое время, хотя на одну недѣлю.

— Что же это? Пожаръ, наводненіе, нашествіе иноплеменниковъ и т. п. ужасы?

— О, нѣтъ! Вещь самая обыкновенная, самая пустая, самая ничтожная въ сущности, и въ тоже время важнѣйшая для всего нашего общества, безъ различія всякихъ политическихъ, религіозныхъ и бытовыхъ началъ.

— Что же это такое? Интересно знать. Никакъ не могу догадаться.

— Ну что васъ томить. Представьте себѣ, что вдругъ, въ одинъ прекрасный день, вышло бы слѣдующее повелѣніе: разрѣшается во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ совершенно свободное обсужденіе всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій и вполне свободный обмѣнъ мыслей—и запрещается вездѣ и всюду игра въ карты. И вслѣдъ за симъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, всѣ карты на всемъ пространствѣ російской имперіи исчезли бы сами собою, безъ слѣда, и достать ихъ не было бы никакой возможности нигдѣ. Какъ вы думаете, обрадовалось бы наше общество такой свободѣ обмѣна мыслей и критики правительственныхъ дѣйствій? Считало бы это важнымъ приобрѣтеніемъ, за которое стоитъ пожертвовать картами? Ха, ха, ха! Воображаю, какія сцены творились бы въ нашихъ многочисленныхъ клубахъ и даже въ частныхъ домахъ, гдѣ привыкли козырять каждый вечеръ. Вотъ вы, писатель, подумайте-ка объ этомъ, изберите эту тему для своего очерка; интересенъ можетъ выйти, куда какъ интересенъ.

Въ это время партія въ вистъ кончилась. Партнеры простились съ хозяиномъ, который былъ въ выигрышѣ и потому въ хорошемъ расположеніи духа; но, провожая гостей, онъ все-таки не могъ не укорить еще разъ на прощаніе своего партнера за

то, что тотъ, имѣя туза самъ-шесть, позволилъ себѣ перебить назначеніе и вслѣдствіе этого заплатилъ штрафъ. Партнеръ оправдывался.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужъ не говорите! Виноваты, батенька, виноваты! И Иванъ Степановичъ, ласково трепля по плечу виноватаго, прибавилъ:— а завтра приходите пораньше, подольше повинтимъ. вмѣстѣ съ партнерами ушелъ и я. Свѣтлая лунная ночь располагала къ прогулкѣ, и я незамѣтно дошелъ почти до литейнаго моста, гдѣ и нанялъ извозчика,

Дорогой, меня все занимали слова почтеннаго старичка. «Да, пожалуй, дѣйствительно исчезновеніе картъ было бы самымъ страшнымъ, самымъ чувствительнымъ и общимъ ударомъ для всей массы нашего общества. Дозволить свободно говорить обо всемъ, но запретить играть въ карты—чтобы изъ этого вышло?»

Въ этихъ мысляхъ я заснулъ и видѣлъ странный, невѣроятный сонъ.

Мнѣ приснился недавно побитутый мною и хорошо знакомый мнѣ губернский городъ К***. Телеграфъ только что сообщилъ официальную депешу, полученную губернаторомъ, о томъ, что устанавливается полная неприкосновенность личности, что никто не можетъ быть лишенъ свободы иначе какъ по суду, что дозволяется вполнѣ свободный обмѣнъ мыслей и обсужденіе дѣйствій правительства во всѣхъ общественныхъ собраніяхъ—и запрещается игра въ карты. Вслѣдъ за тѣмъ, помощью какого-то особаго аппарата, карты были мгновенно уничтожены во всей Россіи. Досушіе вѣстовщики ѣздили съ этою новостью изъ дома въ домъ и спѣшили сообщить всѣмъ и каждому, даже встрѣченному на улицѣ, эту важную новость.

— Свобода, говорили они, — полная свобода! Говори, что хочешь, что дѣйствительно думаешь, безъ стѣсненія, безъ боязни быть заподозрѣннымъ и сосланнымъ безъ суда. Посмотрите, во что обратятся теперь наши клубы; какъ оживутъ они. Теперь никому и въ голову не придетъ играть въ карты. Всѣ будутъ принимать горячее участіе въ преніяхъ, спорахъ. Что за счастливое время переживаемъ мы! Какъ легко дышется! Какія чудныя краски озаряютъ горизонты! Начинается новая эра, и т. д. Послѣднія фразы вѣстовщики цѣликомъ повторяли изъ газеты «Голосъ», въ которой фразы эти повторялись и по случаю оправданія Вѣры Засуличъ, и по поводу назначенія графа Лорисъ-Меликова и Сабурова министрами, и, вѣжета, даже по поводу измѣненія формы городской полиціи.

— Гм! оно точно, что неожиданное и даже, можно сказать, смѣлое нововведеніе. Но только зачѣмъ же карты-то уничтожать? Это тоже развлеченіе не малое, такъ сказать, отдохновеніе ума, приятное и вполне безобидное провозженіе времени?

— Ахъ, какой вы отсталый, какой консерваторъ! возражалъ вѣстовщикъ. — Пріѣзжайте сегодня въ клубъ: сами увидите, какое будетъ оживленіе. Никто и не займется о картахъ. Пріѣдете?

— Пріѣду, пріѣду! Посмотримъ, какъ совершится это преобразование. Не вѣрится что-то, чтобы того, вдругъ, наша палестина — и безъ картъ.

— Папочка, возьми и меня съ собою, пристала къ нему уже великовозрастная 28-лѣтняя дочка, но которая молодилась до невозможности и между прочимъ полагала, что вертявость есть наилучшій признакъ молодости.

— Тебѣ-то что тамъ дѣлать? спросилъ ее отецъ.

— Какъ что! Слушать свободныя и умныя рѣчи, споры, дебаты, обмѣнъ мыслей — это должно быть ужасно интересно.

— Слушать «какъ легко дышется» и смотрѣть «какія чудныя краски озаряютъ горизонты» — что ли? Очень интересно? Только вѣдь, вамъ въ клубахъ въ обыкновенные дни бывать не дозволяется.

— Ахъ, какъ жаль! процѣдила жеманно дѣва и глубоко вздохнула.

— Но это переѣнится, Наталья Аполоновна, непременно переѣнится, сказалъ вѣстовщикъ. Объ этомъ надо заявить. Необходимо, чтобы и наши дамы, нашъ прекрасный полъ (дѣва при этомъ скромно опустила глаза) присутствовала при нашихъ спорахъ. Это придастъ намъ энергіи, воодушевитъ! Ахъ, какія времена мы переживаемъ, любезнѣйшій Аполонъ Фомичъ, какія времена! Какъ легко дышется! Какіе открываются горизонты!..

Вѣстовщикъ раскланялся и полетѣлъ дальше.

Къ вечеру клубъ переполнился посѣтителями. Молодые люди горячо поздравляли другъ друга и даже просили дежурнаго старшину освѣтить большую залу и поставить посреди нѣсколько сдвинутыхъ обѣденныхъ столовъ, для имѣющихъ возникнуть дебатовъ и преній. Но такъ какъ время было зимнее и залу въ тотъ день не топили, то предложеніе это не исполнилось. Болѣе солидные посѣтители по возрасту были какъ-то мрачны и часто бросали взоры на знакомые столы, за которыми такъ незамѣтно летѣло докучное время. Но, увы! столы были пусты. Ни мелкоръ, ни щетокъ на нихъ не было. Стояли только пепельницы, да еще лежали бѣлые листы бумаги и карандаши; распоряженіе

это сдѣлано было дежурнымъ старшиной, начальникомъ телеграфнаго управленія, почему-то полагавшимъ, что при свободномъ обмѣнѣ мыслей необходимы карандаши и бумага, какъ при всякомъ «умственномъ» засѣданіи.

Время шло, пренія и обмѣнъ мыслей не начинались. Большинство направилось въ бильярдную. Но такъ какъ она вскорѣ до невозможности переполнилась табачнымъ дымомъ, то всѣ поневолѣ вышли оттуда и вскорѣ разжѣстались за столиками въ томъ обычномъ порядкѣ, въ какомъ всегда составлялись партіи. Въ особенности тосковалъ предѣватель мѣстнаго управленія государственными имуществами, уже 20 лѣтъ жившій въ К*** и акуратно каждый день посѣщавшій клубъ; гдѣ у него была своя постоянная партія. Старикъ встрѣтилъ сообщенное ему утромъ извѣстіе крайне непріязненно и даже не хотѣлъ совсѣмъ ѣхать въ клубъ; но привычка взяла свое. Отдохнувъ послѣ обѣда, онъ было совсѣмъ рѣшилъ остаться дома; но ему показалось страннымъ провести цѣлый вечеръ въ своей, хотя и довольно обширной семьѣ. Онъ пошелъ въ столовую, гдѣ обыкновенно собиралась по вечерамъ его семья; сѣлъ у стола и старался завести разговоръ. Но видно было, что его присутствіе мѣшало, даже тяготило остальныхъ, и его младшая, любимая дочь скоро задала ему вопросъ: папочка, ты когда же въ клубъ?

— Въ клубъ... Да вѣдь сегодня тамъ, того... а впрочемъ, чтожь, надо посмотреть, интересно.

И онъ всталъ.

— Не забудь привести бабушкѣ игранныя карты изъ клуба, сказала его жена.— У нея ужъ совсѣмъ истрепались, нельзя раскладывать гран-пасьянсы.

— Да вѣдь карты, матушка, въ клубѣ больше нѣтъ, всѣ уничтожены. Если бы можно было достать, я бы и въ клубъ не поѣхалъ; пригласилъ бы къ себѣ пріятелей, да и засѣли бы въ кабинетѣ.

— Ну вотъ вздоръ какой! перебила жена.— Въ клубѣ навѣрное есть. Спроси у секретаря, онъ тебѣ, какъ старшинѣ, не откажетъ. Онъ человекъ опытный и, конечно, припряталъ нѣсколько колодъ на всякій случай.

«Ахъ, если бы это такъ, подумалъ Преклонскій.— Я бы ста рублей не пожалѣлъ за игру картъ, и ужъ конечно не для бабушки, а для себя. Согрешилъ бы, нарушилъ законъ, что дѣлать? Привычка!»

И онъ отправился въ клубъ въ надеждѣ получить отъ

секретаря хотя бы игранную володу картъ. Но, увы! у секретаря не оказалось ничего. Проклятый приборъ, изобрѣтенный американцемъ, уничтожилъ моментально всѣ карты, вездѣ, гдѣ онѣ находились.

Партнеры сидѣли у своихъ обычныхъ столовъ и угрюмо молчали. Всѣ находились подъ гнетомъ одной общей мысли: «неужели запретили такъ, на всегда, безъ исключеній, даже для больныхъ? О, если бы позволили играть только больнымъ, завтра же почти всѣ объявили бы себя больными. Но нѣтъ... никому, никому!» Старикъ Преклонскій долго игралъ колокольчикомъ, катая его по столу, наконецъ, забывшись, громко позвонилъ. Подошелъ лакей.

— Что-же ты, братецъ, не несешь карты? Развѣ не знаешь...

— Радъ бы постараться, ваше превосходительство; да сами изволите знать: нѣтъ ихъ, картъ-то, запрещены онѣ-съ.

— Ахъ, да, я и забылъ. Ступай, братецъ! Да впрочемъ... принеси мнѣ чаю.

Лакей ушелъ. Партнеры улыбнулись забывчивости Преклонскаго. Они пробовали по очереди заводить разговоръ, но онъ тотчасъ же прерывался. Странное зрѣлище представлялъ клубъ въ этотъ первый день свободы личности и слова на Руси. Люди сидѣли у пустыхъ столовъ, мрачные, недовольные, молчаливые. Нѣкоторые рисовали на листахъ какія-то фигуры и знаки; другіе пили чай, или просто молчали и позѣвывали. Два какихъ-то старца вздумали играть въ «трубочиста» по гривенику; одинъ пряталъ карандашъ въ рукѣ, другой отгадывалъ. Но игра скоро надоѣла. При расчетѣ у одного не хватило сдачи съ гривеника. Сыграли въ орлянку. Эта игра понравилась болѣе. Уже на нѣсколькихъ столахъ появилась она. Даже Преклонскій полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ; но въ это время вошелъ вице-губернаторъ и съ улыбкою произнесъ:

— А, вы ужь, господа, пристроились, въ орлянку подвижаетесь!

Всѣмъ стало какъ-то совѣстно и игра прекратилась.

— Что-жъ такъ сидѣть, сказалъ, наконецъ, Преклонскій.— Пойдемте въ столовую, поужинаемъ чего-нибудь.

Вскорѣ всѣ собрались въ столовую, гдѣ между нѣсколькими учителями гимназій и молодыми, неслужащими людьми шла довольно оживленная бесѣда на «вольныя» темы. Но когда вся компанія мѣстныхъ административныхъ тузовъ перебралась въ столовую, то разговоръ сталъ тише; учителя гимназій налегли болѣе на ѣду и только молодые, «независимые» люди еще под-

держивали разговоръ. На одномъ изъ столовъ, гдѣ сидѣли «старшіе», отучившій жуиръ изъ отставныхъ гусаръ прежнихъ временъ, понимая по своему свободный обитіе мыслей, началъ рассказывать разные пикантные анекдоты. Это немного оживило всѣхъ; въ разговоръ стали прислушиваться даже съ сосѣднихъ столовъ; но, увы! оказалось, что относительно севернословія всѣ были такъ свѣдущи, что почти всѣ анекдоты были уже давно извѣстны всѣмъ и потому никакого впечатлѣнія не производили.

Еще задолго до полуночи клубъ опустѣлъ. Всѣ возвращались домой мрачные, озлобленные. Всѣ чувствовали, что произведено ужасное посягательство на ихъ частную жизнь, что отнять самый главный, самый существенный нервъ жизни, что произошелъ дѣйствительно социальный переворотъ.

А на какія неожиданныя сцены наткнулись озлобленные мужья, возвращаясь домой не въ обычный, урочный часъ. Помѣтивъ Пузиновъ, привыкшій всегда оставаться до перваго штрафа, вернувшись домой ранѣе полуночи, засталъ свою молодую жену въ самомъ встревоженномъ состояніи. Ея прическа была полусмята, одежда въ беспорядкѣ, на щекахъ были красныя пятна, руки дрожали.

— Что съ тобой? спросила она подбѣгая къ Пузинову и кладя ему руки на плеча.—Ты здоровъ?

— Здоровъ, совсѣмъ здоровъ. А съ тобой что, матушка? Ты такая разстроенная, вся дрожишь.

— Ахъ, я такъ испугалась! Вдругъ звонокъ... и потомъ твой голосъ, въ такой неурочный часъ. Я подумала: не случилось ли съ тобою чего. Вотъ и Станиславъ Ѳомичъ...

— Да-съ, онѣ очень испугались, прибавилъ Станиславъ Ѳомичъ, молодой человѣкъ атлетическаго тѣлосложенія, говорившій тоже слегка дрожащимъ голосомъ.—Мы сидѣли и бесѣдовали о томъ, какъ у васъ, въ клубѣ, должно быть теперь оживлено, и вдругъ звонокъ, вашъ голосъ... Да-съ, очень перепугались.

— Экой пугливый народъ! Оживлено, нечего сказать! Такая тоскища, точно съ похоронъ пришли. Не зачѣмъ и ѣздить въ клубъ, никакого удовольствія нѣтъ.

Станиславъ Ѳомичъ раскляпался и ушелъ. Пузиновъ легъ спать, но долго не могъ заснуть и все ворчалъ. Не спала и его супруга, придумывая, какъ бы устроить свиданье съ Станиславомъ Ѳомичемъ, въ случаѣ, если мужъ и въ самомъ дѣлѣ станетъ проводить вечера дома, а не въ клубѣ.

Чиновникъ особыхъ порученій при казенной палатѣ фонъ-Гоппе, пріѣхавъ изъ клуба ранѣе обыкновеннаго, нашелъ свою

квартиру пустою; и не могъ достучаться. Долго возился онъ на подъѣздѣ, ругая прислугу; наконецъ, догадался обратиться къ дворнику, который, зная гдѣ лавей обыкновенно проводитъ вечера въ отсутствіи барина, привелъ его, и фюзъ-Гоше былъ впущенъ въ свою квартиру.

Преклонскій тоже вернулся домой въ северномъ расположеніи духа; онъ попробовалъ заняться дѣлами, но ничего путнаго не выходило, и онъ долго сидѣлъ въ креслахъ, кура сигару и охая.

Однимъ словомъ, огромное большинство обычныхъ посѣтителей клуба оказалось на другой день въ невозможно дурномъ расположеніи духа. Распеканціи по службѣ сыпались какъ горохъ изъ прорваннаго мѣшка. Тоже было и въ частныхъ домахъ. Никто не могъ угодить мужьямъ и отцамъ. Все было не такъ, все было северно, и за все сыпались уворы. Вечеромъ всѣ опять съѣхались въ клубъ; но на этотъ разъ оставались не долго, даже не ужинали, и разѣхались по домамъ еще раньше, чѣмъ наканунѣ.

На третій день, когда Преклонскій возвращался изъ клуба домой пѣшкомъ, въ одномъ изъ переулковъ къ нему подошла какая-то до невозможности засаленная фигура, очевидно еврейскаго происхожденія, и таинственно шепнула:

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство, какое важное дѣло есть! У, какое важное!

— Убирайся! чего тебѣ нужно? сурово отвѣтилъ Преклонскій.

— О, зачѣмъ убираться! Когда покажу, то не везите убираться, а скажете—спасибо, большое спасибо.

— Убирайся, говорятъ тебѣ, а не то я вотъ кликну городского, еще суровѣе сказалъ Преклонскій, думая, что еврей осмѣливается предлагать ему какую нибудь мѣстную развратницу.

— Охъ, ваше превосходительство, вы только посмотрите, только взгляните! И еврей, вынувъ что-то изъ кармана, поднесъ къ лицу Преклонскаго. Луна ярко освѣщала улицы и передъ Преклонскимъ очутилась новая, нераспечатанная колода картъ. Преклонскій даже вдрогнулъ отъ восторга и остановился.

— Откуда это у тебя? Продай! Чтд возьмешь? Говори скорѣе! шепталъ онъ, протягивая руки къ картамъ.

Но еврей уже спряталъ ихъ въ карманъ своего балахона и со вздохомъ произнесъ:

— Охъ, ваше превосходительство, ничего не возьму, даромъ,

въ презентъ отдамъ; а только вы, будьте ласковы, оставьте за мной аренду на мельницу въ Измайловѣ, и по прежней цѣнѣ!

— Пошелъ прочь, каналья! гнѣвно закричалъ Преклонскій, который былъ вполне честный человѣкъ, и потому его возмутило нахальное предложеніе еврея.

— Еврей отошелъ отъ него. Преклонскій пошелъ по улицѣ медленнымъ шагомъ. Его даже бросило въ потъ при дерзкомъ предложеніи еврея. Но вскорѣ его гнѣвъ утихъ и передъ его глазами стала мелькать колода картъ.

— «Купить бы у него эту колоду, послать за пріятелями и засѣсть, думалъ онъ.—Эхъ, какъ бы закозыряли, до утра».

Чѣмъ далѣе онъ шелъ, тѣмъ эта мысль все сильнѣе и сильнѣе овладѣвала имъ. Наконецъ, онъ не выдержалъ и на поворотѣ улицы оглянулся. Еврей, шедшій за нимъ, догадался и подбѣжалъ къ нему.

— Продай! сказалъ Преклонскій.

— Не могу, ваше превосходительство, не могу! Въ презентъ за мельницу извольте, а такъ не могу.

— Продай, я дорого дамъ, продолжалъ Преклонскій, уже не ругнувшій жида за напоминаніе о мельницѣ.

— Не могу, никакъ не могу!

— Возьми 25 рублей.

— Не могу.

— Ну 50!

— Не могу, и тысячи не могу, отвѣчалъ съ ужимками еврей. Онъ вынулъ колоду и снова показалъ ее Преклонскому. У того задрожали руки и невольно потянулись къ ней; но еврей уже опустилъ ее въ карманъ своего балахона.

— Ну такъ убирайся къ чорту! проворчалъ Преклонскій и пошелъ дальше. Жидъ снова исчезъ.

Подойдя къ подъѣзду, Преклонскій уже хотѣлъ взяться за ручку звонка, но мысль объ обольстительной колодѣ не давала ему покоя, и онъ еще разъ оглянулся. Еврей снова выросъ передъ нимъ, какъ изъ подъ земли.

— Хочешь сто рублей? проговорилъ медленно Преклонскій.

— Не могу, никакъ не могу, отвѣчалъ еврей.—За аренду, извольте; а за деньги—ни-ни!

Преклонскому стало и стыдно, и больно. Онъ, человѣкъ неподкупной, испытанной честности, чувствовалъ, что искушеніе слишкомъ велико, что онъ долженъ будетъ уступить. Онъ уже не разъ порывался сбросить одною рукою жида съ подъѣзда, а

другую позвонить, чтобы прекратить эту глупую сцену искушения; но его руки не повиновались ему; перспектива козырянья до разсвѣта застилала въ его головѣ все остальное, и она, эта дрянная колода картъ, казалась ему самою обольстительною, самою завѣтною приманкою. Онъ былъ внѣ себя. Никогда, втеченіи своей долгой жизни, не испытывалъ онъ такого искушенія; никогда не считалъ онъ себя неспособнымъ противостоять ему. Долго боролся онъ съ самимъ собою; наконецъ, зашлышавъ въ сосѣдней улицѣ стукъ приближавшагося экипажа, онъ какимъ-то стыдливимъ голосомъ и протягивая дрожащую руку, произнесъ:

— Давай, предатель! давай!

Жидъ поспѣшно вынулъ колоду изъ кармана и, передавая ее Преклонскому, сказалъ:

— Такъ въ презентъ, ваше превосходительство, за аренду? Завтра срокъ. Я буду спокоенъ. Ваше слово, слово гонора... съ меня довольно!

— Давай, провлятый! прохрипѣлъ Преклонскій, — пока я не швырнулъ тебя съ крыльца.

— Слово, панъ, слово — иначе не могу! Я бѣдный еврей...

— Ладно!.. исполню!.. даю слово!.. судорожно прошепталъ Преклонскій. Онъ почти выхватилъ у жида колоду картъ и хотѣлъ позвонить. Жидъ быстро исчезъ. Въ это время экипажъ повернулъ изъ-за угла и приближался къ подъѣзду Преклонскаго.

Это былъ знакомый всему городу фаятонъ доктора Нарскаго, одного изъ постоянныхъ партнеровъ Преклонскаго по клубу. Докторъ сидѣлъ, закутавшись въ шубу. Онъ ѣхалъ къ опасно больному, у котораго сдѣлалась холера. Преклонскій окрикнулъ доктора. Тотъ поклонился и хотѣлъ проѣхать мимо; но Преклонскій кривнулъ ему, чтобы онъ вошелъ на подъѣздъ. Докторъ соскочилъ съ экипажа и, взобравшись на подъѣздъ, проговорилъ:

— Что вамъ, Иванъ Ивановичъ? Мнѣ некогда! Зовутъ къ трудно больному.

Но Преклонскій вмѣсто отвѣта осторожно показалъ доктору колоду картъ.

Лицо доктора просвѣтлѣло.

— Достали! произнесъ онъ радостно. — Молодецъ!

— Пойдемте ко мнѣ, прошепталъ Преклонскій. — Пригласимъ Франца Яковлевича, да Николая Степановича, и засядемъ.

— А что-жь, прекрасно! говорилъ докторъ, — засядемъ! Вотъ

только мнѣ къ трудно больному... ну да ничего! Эй, Фроль, крикнулъ онъ, обращаясь къ кучеру:—поѣзжай сейчасъ къ Ивану Петровичу, скажи, что мнѣ некогда, и потому я прошу его захватить къ больному, Телятникову. Знаешь?

— Пойдите, перебилъ его Преклонскій.—Мы сначала пошлемъ его за Францомъ Язовлевымъ и Николаемъ Степановичемъ, а потомъ уже онъ съѣздитъ и къ вашему помощнику и отвезетъ его къ больному. Вѣдь это не задержитъ. И Преклонскій, вынувъ изъ бумажника двѣ визитныя карточки и карандашъ, написалъ двумъ своимъ партнерамъ, что приглашаетъ ихъ сейчасъ же къ себѣ по самонужнѣйшему и не терпящему отлагательства дѣлу. Кучеръ, получивъ карточки, поѣхалъ за партнерами, а Преклонскій съ докторомъ вошли въ комнаты и сѣдѣли въ кабинетѣ въ ожиданіи гостей. Скоро прибыли и они, причемъ записка застала Франца Язовлевича уже въ постелѣ и онъ былъ крайне недоволенъ, что его разбудили, такъ какъ видѣлъ во снѣ, что играетъ съ пріятелями въ винтъ.

Когда оба партнера вошли въ кабинетъ, то Преклонскій, тщательно спустивъ шторы и портьеры, заперъ дверь кабинета на ключъ, затѣмъ раскрылъ ломберный столъ и, вынувъ колоду картъ, торжественно распечаталъ ее, раскинулъ вѣеромъ и поднесъ ошеломленнымъ партнерамъ. Тѣ разинули ротъ отъ удивленія и хотѣли было даже крикнуть «ура», но Преклонскій махнулъ рукою и прошепталъ:

— Тихе, ради Бога тихе, господа! назначайте шопотомъ, а то могутъ услыхать и донести.

Пріятели начали винтить и съ наслажденіемъ провинтили до утра. Когда уже совсѣмъ разсвѣло, Преклонскій взялъ карты, тщательно сложилъ ихъ и спряталъ въ потайной ящикъ бюро. Затѣмъ остальные партнеры вычистили столъ, поставили его на мѣсто и, давъ слово завтра собраться по ранше, отворили дверь кабинета и вышли въ переднюю, гдѣ на ларѣ громко храпѣлъ лакей. Преклонскій прилегъ тутъ же въ кабинетѣ на диванъ, но не заснулъ, а только забылся, причемъ передъ нимъ въ какомъ-то хаотическомъ беспорядкѣ проносились и карты, и жидъ, и мельница, и партнеры, и даже больной Телятниковъ, стонавшій и судорожно корчившійся отъ холеры.

На другой день, въ присутствіи, всѣ были ошеломлены, что Преклонскій, неподкупный Преклонскій, почему-то горячо настаивалъ и настоялъ, чтобы мельница въ Измайловѣ была отдана въ аренду прежнему арендатору, еврею, не смотря на

то, что этотъ еврей довелъ мельницу до полного разоренія и распродалъ все, что только можно было продать изъ богатаго инвентаря. Преклонскій вернулся домой въ самомъ скверномъ расположеніи духа, почти не обѣдалъ, легъ отдохнуть, а вечеромъ опять съѣхались вчерашніе посѣтители и опять заперлись въ кабинетѣ и о чемъ-то шептались до утра.

«Ужь не заговоръ-ли какой затѣвають, подумала старуха бабушка, но сама усмѣхнулась этой идеѣ, такъ мало походили эти четыре обывателя города К*** на заговорщиковъ.»

Между тѣмъ, число посѣтителей клуба уменьшалось съ каждымъ днемъ. Ссоры, придирки, распеканціи, порою даже брань и горькіе упреки, лились рѣвою и въ канцеляріяхъ, и въ управленіяхъ, и въ квартирахъ обывателей. Мужья и отцы до такой степени надѣли семьямъ своимъ пребываніемъ среди ихъ по вечерамъ, что въ рѣдомъ домѣ интеллигентные обыватели уходили спать, не перебранившись между собою, и даже въ постель долго еще слышалось ворчаніе супруговъ, часто оканчивавшееся тѣмъ, что супругъ отправлялся въ кабинетъ и успокоивался на диванѣ.

О свободѣ личности, о свободѣ слова, не думалъ почти никто; о запрещеніи играть въ карты жалѣли всѣ; многіе даже заболѣли отъ этого запрещенія, а въ нѣкоторыхъ семействахъ стали поговаривать о разводѣ или по крайней мѣрѣ о *separation de corps*.

Наконецъ, на десятый день, особый духъ былъ посланъ въ каждому интеллигентному обывателю, принадлежащему къ губернскому обществу, съ запросомъ, чего онъ желаетъ: оставаться ли положенію дѣлъ въ настоящемъ видѣ, или лишиться правъ свободы личности и слова и снова получить разрѣшеніе играть въ карты? Отвѣтъ былъ до того единодушенъ, какъ никогда ни въ одномъ собраніи, разумѣется за исключеніемъ собраній акціонеровъ, гдѣ отвѣты весьма часто бываютъ замѣчательно единогласны.

На основаніи этого, совершенно свободнаго голосованія, на другой же день состоялось новое повелѣніе: возстановить все въ прежнемъ видѣ, т. е. право свободы личности и слова уничтожить, а игру въ карты разрѣшить.

Снова поскакали досужіе вѣстовщики по всѣмъ домамъ съ объявленіемъ о важной новости; но на этотъ разъ сообщенія эти сопровождались уже цитатами не изъ «Голоса» о новой эрѣ и о горизонтахъ, а цитатами изъ «Порядка», которые, какъ из-

вѣстно, полны томно элегическаго настроенія, но въ тоже время не рѣзки и вполнѣ цензурны.

Лица представителей губернской интеллигенціи мгновенно просіяли. Многие даже хотѣли отслужить молебенъ; но протоіерей собора, хотя самъ отъявленный картежникъ и ликовавшій не менѣе другихъ, не согласился, говоря, что нельзя благодарить Бога за разрѣшеніе играть, т. е., говоря по церковному, тѣшить сатану.

Въ клубъ съѣхались рано. Многие даже не отдыхали послѣ обѣда; нѣкоторые поѣхали въ клубъ обѣдать, чтобы тотчасъ же послѣ обѣда засѣсть за столы. Вечеромъ комнаты клуба представляли замѣчательно оживленный видъ. Онѣ были наполнены столами, за которыми сидѣли люди съ довольными, сіяющими лицами и съ картами въ рукахъ. Желających играть было такъ много, что не хватало мѣстъ, и даже пришлось освѣтить большое зало, которое хотя и въ этотъ день не было топлено, но игроки этимъ не стѣснялись и только надѣли калоши, чтобы не простудить ноги. Шутки, возгласы, смѣхъ, раздавались на всѣхъ столахъ, и даже замѣчанія о неправильномъ назначеніи дѣлались какимъ-то мягкимъ, задушевымъ тономъ. Кто-то предложилъ, въ память счастливаго дня, потребовать бутылку шампанскаго на счетъ партнера, по милости котораго уплаченъ первый штрафъ. Предложеніе это тотчасъ же было принято на всѣхъ столахъ и шампанское полилось рѣкою. Только въ столовой было пусто; ни учителя гимназій, ни независимые молодые люди въ клубъ не пріѣхали. Разошлись въ этотъ день весьма поздно, и не было ни одного игрока, который не заигрался бы до втораго штрафа. Когда помѣщикъ Пузыковъ вернулся домой въ третьемъ часу утра, то Станислава Оомича, конечно, уже не было въ его квартирѣ, а его супруга спала такимъ мертвымъ сномъ, что ее никакъ не могъ разбудить сіяющій отъ восторга супругъ, захватившій въ этотъ знаменательный день изъ буфета клуба пару дюшесъ, ея любимый фруктъ.

Только на старика Преклонскаго разрѣшеніе играть въ карты произвело совершенно обратное дѣйствіе. Онъ, конечно, тоже въ этотъ день былъ въ клубѣ и пилъ шампанское; но затѣмъ день ото дня онъ становился все задумчивѣе и разсѣяннѣе. Старика грызла мысль, какъ его, человѣка неподкупной честности, могла соблазнить такая пустая вещь, какъ волода картъ, и заставить сдѣлать первую въ его жизни и въ его долговременную безпорочную службу подлость, поддержать, въ ущербъ казнѣ и вопреки справедливости, притязанія арендатора

еврея, подкупившаго его чѣмъ-же—колодою картъ! Мучила старика и смерть Телятникова, который умеръ, отъ холеры въ ту ночь, когда кучеръ доктора ѣздилъ съ приглашеніями къ партнерамъ, а потомъ уже поѣхалъ къ доктору, котораго и привезъ къ Телятникову, когда тотъ уже умеръ. Преклонскій таялъ какъ свѣчка, наконецъ, слегъ и черезъ двѣ недѣли умеръ, оставя по себѣ память человѣка неподкупной честности. Наканунѣ смерти онъ все бредилъ: картами, жидомъ, Телятниковымъ, искушеніемъ, но никто не понималъ его словъ, никто не догадывался объ ихъ истинномъ значеніи; а его партнеры, которымъ была известна часть истины, благоразумно молчали о ней, во избѣжаніи распросовъ и подозрѣній въ неблагонадежности, которое опять еще шире и безпричиннѣе стало практиковаться на Руси.

Я.

100
100
100

РЕДАКЦІЯ „РУССКОЙ РѢЧИ“

С.-Петербургъ, Прачешный переулкъ, 5.

Журналъ «Русская Рѣчь» выходитъ въ С.-Петербургѣ, безъ предварительной цензуры, ежемѣсячно, книжками отъ 25 до 30 и болѣе листовъ.

Подписная цѣна на годъ:

безъ доставки	15 р.
съ доставкой въ Петербургъ	16 —
съ пересылкой	17 —
за границу: въ Европу	} 18 —
Сѣверную Америку и Египеть	

Въ прочія мѣста—по соглашенію съ Редакціей.

Допускается разорочка платы по третямъ:

	при подпискѣ	съ 1 Мар'	съ 1 Сентябр'
безъ доставки	7 р.	5 р.	4 р.
съ доставкой	8 —	5 —	4 —
съ пересылкой	9 —	5 —	4 —

Отъ Редакціи.

Редакція отвѣчаетъ вполне за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы журнала и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые получили билеты или послали подписную сумму по почтѣ въ Редакцію «Русской Рѣчи» съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія, уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просить извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣста жительства; при перемѣнѣ адреса изъ петербургскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к., изъ иногородныхъ въ петербургскіе—50 к. и изъ петербургскихъ или иногородныхъ въ иностранныя—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію и притомъ, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже какъ по полученіи слѣдующаго номера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются только тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложить къ подписной суммѣ 16 к. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ А. Навроцкій.

Главная Контора «Русской Рѣчи»

Прачешный переулкъ, 5.

